БЕЛЫЙ ЛЕВ
ПРИЗРАКИ
ЭХО

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Старый пират, неисправимый революционер, сын оборотня, биолог-молекулярщик и оператор межсети встречаются на незнакомой планете в треугольнике Эхо. На этом кладбище погибших кораблей в системе тройной звезды пытаются выжить отрезанные от других миров поселенцы и брошенные на произвол судьбы андроиды. Смогут ли герои найти ответы на свои вопросы и отыскать путь в большой мир или займут свое место среди призраков Эхо?

Метки: приключения, киберпанк, космоопера, андроиды, космос, пустыни, фантастика, экшн, антиутопия.

Примечания автора: работа написана по вселенной Содружества. Действие происходит через десять лет после основных событий «Зеленого жемчуга» и за двадцать лет до событий «Молний Великого Се». Вместе с тем, хотя сюда перекочевали некоторые персонажи из обоих романов, на сюжет «Призраков Эхо» события, происходившие в двух указанных работах будут влиять весьма опосредованно. Поэтому можно читать как совершенно самостоятельное произведение.

Альбом, содержащий карту планеты Эхо и других миров Содружества — https://vk.com/album-148568519_245487544

Обложка к работе от Сумеречного_Эльфа — https://vk.com/photo-148568519_456240671

Альбом с коллажами и артами к работе — https://vk.com/album-148568519_262484533

Стихи Мадам_Тихони, посвященные Сааву Шварценбергу — https://ficbook.net/readfic/4575615/21769595#part_content, Синеглазу — https://ficbook.net/readfic/4575615/22863802?status=1&show_comments=1&rnd=0.5633367618947276#com78967285 и Савитри — https://ficbook.net/readfic/4575615/25429628?show_comments=1#last_comment

Мой стих, посвященный Шварценбергу и героине работ Мадам_Тихони — https://ficbook.net/readfic/7584111/21395453#part_content

Стих Тани Гусёны, посвященный Кристин — https://ficbook.net/readfic/9782225/25168129

- Оксана Токарева
  - ○
  - ○ Глава 1. Гардемарин с «Нагльфара»

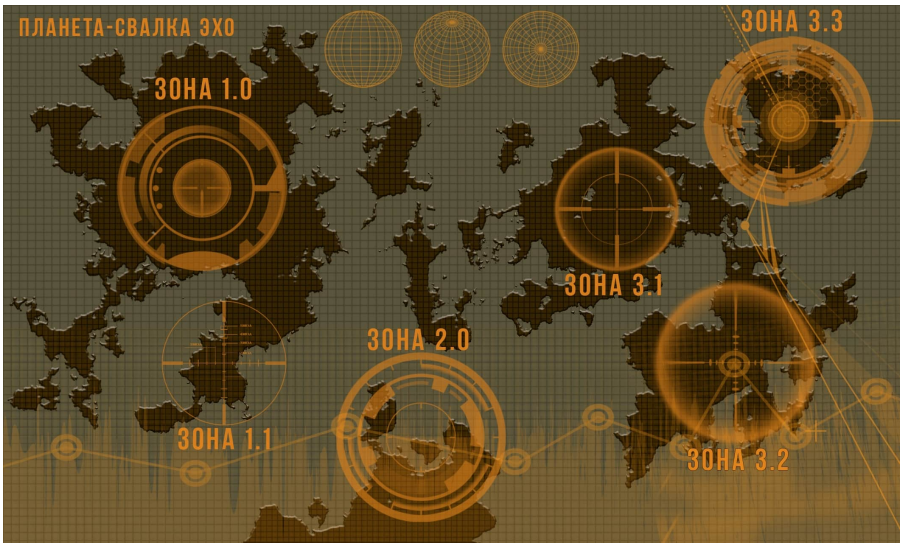
- Глава 2. Амазонки с пустоши
- Глава 3. Оператор без сети
- Глава 4. Мартышки и медузы
- Глава 5. Корабль-призрак для мертвой принцессы
- Глава 6. Гидропонная нереида
- Глава 7. Загадки «Эсперансы»
- Глава 8. Одноклассник пирата
- Глава 9. Морская царевна и громовержец
- Глава 10. Блюдечко с голубой каемочкой
- Глава 11. Вундеркинд в трущобах
- Глава 12. Контрабандисты и охотники
- Глава 13. Чертежи Левенталя
- Глава 14. Вертоград Рукодельницы
- Глава 15. Сердце города
- Глава 16. Перевал Большого кольца
- Глава 17. Задира и Клотик
- Глава 18. Искатели потерянного ключа
- Глава 19. Награда для мародера
- Глава 20. Троянский кот и дырка от бублика
- Глава 21.Минотавры лабиринта
- Глава 22. Паруса надежды
- Глава 23. Дудочка крысолова
- Глава 24. Свет в конце тоннеля
- Глава 25. Дары асуров
- Глава 26. Песня сирены
- Глава 27. Сады лицея
- Глава 28. Апсара подземелий
- Глава 29. Оборотень в городе
- Глава 30. Оцифрованная махарани
- Глава 31. Ангелы преисподней
- Глава 32. Баррикады и «Барракуды»
- Глава 33. Хвосты и крылья
- Глава 34. Бабочка на булавке
- Глава 35. Голые короли
- Глава 36. Паутина каракурта
- Глава 37. Хлеб и зрелища
- Глава 38. Янтарный замок
- Глава 39. Молния для Громовержца
- Глава 40. Путь к свету
- Глава 41. Кульбит черной звезды
- Глава 42. Приливные силы
- Глава 43. Горизонт событий
- Глава 44. Сын асура

- notes

- ○ 1
- ○ 2
- ○ 3
- ○ 4
- ○ 5
- ○ 6
- ○ 7
- ○ 8
- ○ 9
- ○ 10
- ○ 11
- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37

Оксана Токарева
(Белый лев)
Призраки Эхо

Сумеречному_Эльфу, подарившему мне планету и некоторых ее обитателей.



Карта планеты Эхо от Сумеречного_Эльфа

Глава 1. Гардемарин с «Нагльфара»

— Потроха Великого Се! Куда опять запропастился этот проклятый мальчишка? Только попробуйте сказать, что он снова превратился в кота и у него лапки! Пусть отрабатывает свой хлеб, если больше ни на что не годен. А будет артачиться, попробует лазерных плетей.

Саав Шварценберг громыхал экзоскелетом по отсекам и при этом ругался так мощно и с таким вкусом, что покраснели бы не только демоны Нижнего мира, но и сам Трехрогий Великан. Княжич Синеглаз обычно слушал эту похабщину с замиранием сердца, как высокую поэзию, запоминая и переводя на родной сольсуранский язык наиболее понравившиеся забористые идиомы.

Сейчас он, впрочем, испытывал одно раздражение. Если бы у него и в самом деле получалось в полной мере использовать древний дар асуров и превращаться по желанию в опасного хищника, лежать бы старому пирату с разодранной глоткой или носиться по рубке вслепую с располосованным когтями лицом.

Ишь чего удумал! Не княжеское это дело — палубу драить, не говоря уже обо всем остальном! И не его, Синеглаза, вина, что на «Нагльфаре» дроны не приживаются совершенно, команда — сплошь лодыри и разгильдяи, поэтому грязь стоит такая, что даже родной Дворец Владык, тот еще клоповник, представляется образцом опрятности и комфорта. И с чего это старый пират решил, что наследник сольсуранского престола станет чистить эту выгребную яму, по недомыслию названную кораблем, и, точно безмозглая рабыня, ублажать пьяных недоумков?

Синеглаз убрал со лба отросшую до самого носа прядь и провел ладонью по волосам, тщась пригладить растрепавшуюся пушистую пепельно-серую копну, до вчерашнего дня висевшую неопрятными сосульками. Хоть какая-то польза от этих превращений. В облике горного кота Роу-Су княжич имел возможность наводить чистоту без дополнительных приспособлений. Тем более что воду на «Нагльфаре» экономили не хуже жителей солончаков и пустынь.

Эх, жалко, что материнская человеческая кровь не позволяла ему по своему усмотрению принимать облик древнего тотема Великого Асура, от которого отец вел свой род. Увы, сын князя Ниака превращался в Роу-Су, лишь когда отцу ради его политических интриг или еще каких-то прихотей требовалось сменить облик, надев чужую личину. И Саав Шварценберг до вчерашнего дня об этой особенности не знал.

Протиснув гибкое, жилистое тело поглубже в свое укрытие между двумя тюками контрабандной ванкуверской пушнины, Синеглаз прислушался. Кажется, Шварценбергу надоело браниться и он придумал занятие поинтереснее, чем поиски беглого гардемарина, которого решил разжаловать в мальчика на побегушках или что похуже. А если старому пирату все еще неймется, пусть засунет свои претензии куда подальше. Вместе с апсарскими танцами. Синеглаза ему не видать как своих ушей, тем более что в заменяющем сломанный позвоночник экзоскелете капитан и так утратил половину былой подвижности.

Впрочем, в этот мурлакотамовый лаз княжич и сам протискивался с трудом. Особенно когда оставался человеком. Все-таки в свои двенадцать лет он выглядел выше и крепче сверстников. А остальным членам команды, чтобы до него добраться, пришлось бы перелопатить все содержимое трюма.

Эх, зачем он только сбежал из дворца, поверив россказням Обезьяньего бога Эркюля и других бездельников? Мол, увидишь надзвездные края, посмотришь, как живут вестники.

Надзвездные края, то есть открытый космос, как вестники и контрабандисты с «Нагльфара» называли эту черную пустоту, усеянную мелкими сияющими точками звезд, туманностей и поясов астероидов, и в самом деле завораживали и пленяли. А уж червоточины или кротовые норы — участки экзотической материи, позволявшие совершать гиперпространственные скачки, и вовсе казались чем-то невообразимым. Когда после первого перехода, который Синеглаз провел в амортизаторе, полном вопящих от испуга мартышек, Саав соизволил пригласить венценосного гардемарина на мостик, княжич едва в обморок не грохнулся от восторга. Особенно когда увидел голографический монитор, где отображалась модель Млечного Пути с проложенным курсом «Нагльфара», и другие приборы.

Больше всего в рубке его поразило, каким образом с такой махиной, в которую мог бы вместиться Царский град со всеми его обитателями, управляются всего шесть человек. Причем не одновременно, а по очереди. Как выяснилось, большую часть экипажа составляют инженеры, обслуживающие какие-то непонятные системы, абордажники и артиллеристы. Да и тех раза в четыре меньше, нежели на синтрамундских морских кораблях, где команда нередко достигает полутора сотен. Впрочем, помимо капитана и Эркюля, по-приятельски бывавших во дворце, за время пути княжич успел познакомиться только с суровым артиллеристом Тараном и командиром абордажников Шакой, которого из-за его угольно-черной кожи в первую встречу принял за демона нижнего мира.

Заметив растерянность юного гостя, Шварценберг удовлетворенно осклабился в полуседую рыжеватую бороду.

— Ну что, салага, — спросил он, привычно передвигая на приборной панели значки, — не хочешь обратно во дворец к мамкам-нянькам?

— Можно подумать, если я скажу, что хочу, ты меня отвезешь? — как можно более независимо и презрительно отозвался Синеглаз, непроизвольно повторяя движения кэпа и пытаясь прикинуть: хватит ли его познаний в навигации, чтобы, подобно Эркюлю и другим членам команды, хотя бы выполнять указания.

— Да я тебя скорее на торг в окраинные миры свезу, чем стану потакать твоим капризам, — расхохотался пират, выводя на приборную панель данные о ближайших поясах астероидов и не менее опасных для корабля непроходимых кротовинах. — И мне плевать, что по этому поводу скажет твой убийца-отец.

На «убийцу» Синеглаз сначала обиделся. А то он сам не ведал о причастности папаши к гибели царицы Серебряной и наследника династии сольсуранских владык. И напрасно родитель потом утверждал, что таким образом мстил за жену, царевну Страны Тумана, которую царь Афру счел недостойной роли супруги, предпочтя юную посланницу. Но одно дело знать, другое — выслушивать хулу от старого отцовского подельника и грязного пирата. Впрочем, вида княжич не подал.

— А я думал, ты меня отвезешь в гости к вестникам, — по-кошачьи фыркнул он, отметив про себя, что путешествие с контрабандистами было не самой лучшей затеей.

Впрочем, тогда он еще верил, что Шварценберг не посмеет осуществить свою угрозу. В конце концов, пират вел дела с его отцом еще в те годы, когда будущий правитель Сольсурана барыжил на невольничьем рынке, скупая за бесценок стариков и калек, которых Саав потом продавал на топливо змееносцам. Впрочем, и Саав поначалу вынашивал в отношении юного княжича далеко идущие планы. И обещанная встреча с вестниками в них вовсе не входила.

Нет, Синеглаз, конечно, не надеялся, что как только острый нос «Нагльфара» пробьет небесную твердь, они прямиком попадут в Надзвездные чертоги. Все-таки к тому времени, когда вестники покинули землю Сольсурана, ему исполнилось уже десять лет, и больше игр со сверстниками и забав с маленькой царевной он любил рассказы о том, как устроен мир.

Тем более что вестники, в отличие от долгополых жрецов, свою мудрость в тайне не держали и объясняли все куда доходчивее, чем надменные книгочеи, которых отец выписал для

обучения единственного законного наследника из далекого Синтрамунда. Жрецы, безусловно, владели мудростью Великого Се и умели толковать Предание, но ничего не видели дальше храмовых знаков. Что же до книгочеев, то, хотя они кичливо утверждали, будто являются последними хранителями мудрости древней Гарайи, на деле не могли толком объяснить, почему день сменяет ночь. А ведь жители погибшего града Двенадцати пещер умели создавать порталы и перемещаться по воздуху.

Предводитель вестников, младший сын которого был почти ровесником Синеглаза, не просто рассказал, но пригласил княжича на борт огненной колесницы, как в Сольсуране именовали звездные корабли, и предложил ему совершить путешествие на орбиту планеты.

Десантный звездолет «Пардус» хоть и уступал «Нагльфару» в размерах, но содержался в идеальном порядке, а в его трюмах вместо контрабанды хранилось различное ценное оборудование, с помощью которого вестники помогали жителям травяных лесов строить мосты и дороги, делать красивые вещи, лечить и учить людей. Однако генераторы защитного поля не менее надежно защищали экипаж от нежелательных визитеров, а плазменные установки были готовы отразить любое нападение. Впрочем, тогда Синеглаз на орудия и генераторы не глядел, поглощенный величием бескрайней пустоты космоса и хрупкой красотой родной планеты, окутанной, словно легкой фатой невесты, слоями облаков и воздушных потоков.

Тогда княжич впервые узнал, что это не Владыка Дневного света бороздит небосвод на белом зенебоке, а планета Васуки вращается вокруг него вместе с тремя лунами и другими небесными телами. Что же до звезд, то это вовсе не глаза предков и духов-прародителей, как любили рассказывать жители травяных лесов у очага, а огромные шары раскаленного газа, такие же, как Владыка. И почти каждый такой шар имеет свою планетную систему, многие из которых заселены вестниками.

Отправившись в путешествие со Шварценбергом, княжич надеялся на всех этих планетах побывать. Однако тут его ждало первое разочарование.

— Почему мы правим в сторону от Паралайза? — не мог взять он в толк, когда «Нагльфар», пройдя кротовину, соединявшую Васуки с системой, где находилась эта планета-курорт, вместо того, чтобы запросить разрешение на посадку, начал производить спешные маневры, намереваясь спрятаться в туманности и потихоньку улизнуть куда подальше.

— Что, салага, не успел в космос выйти, уже о пляжном отдыхе размечтался? — добродушно приложил гардемарина

Шварценберг. — Рано нам еще на шезлонгах вверх пузом разлеживаться! Да и пустое пузо грей не грей, а полным оно все равно не станет. Надо сначала дело провернуть, а потом можно хоть на Паралайз — нежиться на солнышке, хоть на Сербелиану — игристым заливаться, хоть свою планету купить.

— Какое такое дело? — не понял Синеглаз.

— Время придет, узнаешь, — осклабился Шварценберг. — Тебе понравится! — заговорщицки улыбнулся он. — Тем более, в предстоящей нам заварушке тебе отведена, можно сказать, заглавная роль. Поэтому пока иди и не задавай лишних вопросов.

— Понимаешь, малыш, — положив княжичу руку на плечо, пояснил добродушный здоровяк Эркюль, зачем-то державший на борту корабля не менее десятка вертких и наглых мартышек и потому получивший от Саава прозвище Хануман или Обезьяний бог. — После гибели царицы Серебряной твоя планета считается закрытой, поэтому мы там высаживались, можно сказать, инкогнито. Если мы повернем в сторону Паралайза, то придется раскрыть патрульным наш маршрут. К тому же Паралайз — это курорт для богатеев, и я туда отправлюсь только в том случае, если этого потребует дело революции.

Что такое революция, Синеглаз представлял достаточно смутно. Вестники говорили, дескать, это что-то вроде переворота, в результате которого пришел к власти его отец, но как-то иначе. Одно он уяснил. За приглашением в надзвездные края стояла какая-то корысть. Это только вестники и царица Серебряная могли строить городские укрепления, ковать несравненной красоты и крепости мечи и лечить жителей травяных лесов, не требуя никакой платы, кроме песен и родовых легенд.

Синеглаз ради прогулки между звезд не пожалел бы ни звонких меновых колец, ни самоцветов, но старому пирату от него требовалось нечто другое. То, что княжич при всем своем желании не мог ему дать.

Когда он, неожиданно для всех и себя самого, обратился в горного кота и начал носиться по рубке, раздирая когтями обшивку, Шварценберг пришел в такую дикую ярость, словно в него вселился не только Трехрогий великан, но и хозяин Нижнего мира Хоал.

— Стоять! Сын асурской подстилки! Плазменную установку тебе в глотку! Ты что себе позволяешь? Немедленно вертай обратно! Нашел время шутки шутить!

Синеглаз хотел объяснить, что обратно он обернуться сможет не раньше, чем отец примет свое изначальное обличье. Но у него вышел только обиженный мяв, ибо звуки, которые он пока издавал, даже с большой натяжкой не получалось назвать рыком.

Пытаясь объясниться, княжич метнулся в сторону приборной панели: но Шварценберг встал у него на пути.

— Ну, что застыли, словно слизни в вакууме? — заорал он на потрясенных членов команды. — Тащите сеть! Заприте этого пушистого ублюдка в трюме, пока он весь корабль не разнес.

Понимая, что дело пахнет жареным, Синеглаз пустился наутек. Он ртутью просочился мимо замешкавшегося Эркюля, сбил с ног двоих навигаторов и, домчавшись в десяток прыжков до грузового отсека, юркнул в спасительный лаз, благодаря Великого Се и духов-прародителей за то, что вдогонку ему не послали разряд плазмы. К счастью, применять импульсное оружие на кораблях строжайше запрещалось, за исключением абордажного отсека, и даже контрабандисты этому правилу следовали. Тем более «Нагльфар» выглядел настолько ветхим, будто его обшивку плели из сольсуранской многоцветной травы.

В этот раз княжичу, можно сказать, повезло. Отец пробыл в чужом обличии всего сутки, а на пути Шварценберга не оказалось ни одной червоточины. Только и этого времени хватило, чтобы понять: из Роу-Су покоритель космических просторов совсем никудышный.

Обычно Синеглаз, узнав, что ему придется вновь сменить облик на звериный, успевал удрать из Дворца Владык и Царского Града, чтобы вдоволь насладиться свободой и неповторимыми ощущениями, которые давало гибкое, упругое тело Роу-Су. Не так давно он научился самостоятельно охотиться, и пойманная в травяном лесу дичь стоила любых самых изысканных лакомств. И это не говоря о способности слышать, как стучат по камням на другой стороне ущелья копыта быстроногих косуляк, видеть, как сокращаются перепонки у парящего высоко в небе летающего ящера, чувствовать вкусные и пряные ароматы наполненного разнообразной живностью травяного леса.

Нынче ему приходилось едва сдерживать рык, страдая от вибрации, задыхаться от запаха смазки, слегка разбавленного вонью плохо выделанных шкур, лежать неподвижно почти в полной темноте. Хорошо, что в конце концов удалось провалиться в забытье и проснуться уже в человеческом обличии. Впрочем, положение его это ничуть не облегчило.

— Что ты себе вообразил, тупой кошак? — с порога напустился на него Саав, едва только княжич, промахнувшись с подсчетом вахт, попытался пробраться в кубрик. — За каким Трехрогим ты тут устроил это гребанное представление? Я и так знаю, что твой отец оборотень, для этого тебя, никчемного дикаря, с собой в космос и взял.

Синеглаз попытался объяснить, но Саав только пришел в

ярость.

— Что значит не могу превращаться по своему желанию? — заорал он, бешено сверкая глазами и потрясая лазерной плетью. — Научишься, коли я велю! Или хочешь узнать, как пахнет твоя паленая задница?

— Да что ты напустился на мальца, кибер ты недоделанный! — попытался увещевать капитана Эркюль. — А если он правду толкует?! Говорил я тебе, надо было не с мелким играться, а уговаривать его отца.

— Вот ты бы, Хануман, и уговаривал! — огрызнулся Шварценберг. — Я Ниаку еще в прежние годы намекал, что он свой талант в гнилое болото зарывает.

— С такими способностями из него бы получился первый на всю галактику медвежатник, — вытащил улыбку из бороды Эркюль, заговорщицки подмигивая Синеглазу.

— Вот и я о том же, — немного успокоившись, кивнул Шварценберг. — Мужик своей выгоды не понимает, держится за власть в этом вонючем мирке, со змееносцами стакнулся, девчонку эту, в смысле царицу Серебряную, зачем-то грохнул, а нам теперь с его никчемным отпрыском возись! В общем, у меня разговор короткий!

Он с прежней угрозой подался в сторону прижатого к переборке Синеглаза.

— Либо мальчишка, как мы и рассчитывали, выполняет свою часть работы, либо я его отправляю палубу драить и плясать для команды апсарские танцы!

— Да ну тебя совсем, Саав! — махнул пухлой рукой Эркюль, заслоняя своей могучей фигурой без вины виноватого княжича и незаметно выпуская на свободу мартышек. — У нас на борту извращенцев нет. Мы же не поганые змееносцы, а честные революционеры. Хотя согласен, в окраинных мирах за такого кукленка отвалили бы круглую сумму, — добавил он, заставив Синеглаза похолодеть.

Ох, матушка-матушка, первая красавица далекой Страны Тумана! Зачем, спрашивается, таким пригожим родила? Лучше бы унаследовал грубоватые, мужицкие отцовские черты, зато никто бы не вел разговоры про развратные апсарские танцы. Впрочем, Эркюль, как обычно, шутил, вернее, заговаривал капитану зубы.

Как только освобожденные мартышки оказались на полу, они затеяли возню прямо между одетых в экзоскелет ног Шварценберга, так что старому пирату пришлось слегка посторониться. Для Синеглаза этого оказалось достаточно. Едва проход хоть немного освободился, он как ошпаренный выскочил из кубрика и понесся вновь к своему укрытию, искренне желая

капитану провалиться в черную дыру и лихорадочно соображая, где в трюме хранится запас еды. Если удастся продержаться до любого обитаемого мира, ноги его больше не будет на проклятом корабле.

Вот только как быть с амортизатором? Ванкуверская пушнина, конечно, сгодится в момент взлета или посадки, но в червоточине его расплющит, точно летающего ящера, попавшего под мельничные жернова. Да и при самом благоприятном исходе, если он доберется до обитаемого мира, что он станет делать? Разве только прибьется к бродячим циркачам и попытается разыскать знакомых вестников. И еще большой вопрос, как его встретят. Он, понятное дело, никого не убивал и даже не показал отцу, куда царица Серебряная во время резни спрятала маленькую дочь, но кто знает, захотят ли после всего, что произошло, вестники иметь с ним дело.

Невеселые размышления княжича прервало появление одной из мартышек. Зверек безбоязненно приблизился к Синеглазу, не чувствуя в нем хищника, а ведь в кошачьем обличии княжич сожрал бы обезьянку, не задумываясь. Он и сейчас с интересом принюхался, и рот его наполнился голодной слюной. Все-таки он не ел уже двое суток, и неизвестно, когда представится шанс утолить голод. А живая и теплая мартышка выглядела аппетитнее лежалых шкур. Его размышления прервал голос Эркюля:

— Эй, малец, ты все еще там? Вылезай, кэп ушел на мостик. Перекусишь, освежишься, а там мы что-нибудь придумаем. В конце концов, драить палубу — это не такое уж обидное занятие. В старину на флоте все юнги и гардемарины через это проходили. Ну, что молчишь? Так и будешь там сидеть?

Хотя Синеглазу до рези в животе хотелось есть, а присутствие мартышки только усиливало выделение желудочного сока, вылезать он пока не собирался, хотя и понимал, что каждая минута промедления увеличивает шанс новой встречи с разгневанным капитаном.

— Вы обманули меня! — выкрикнул он резко, стараясь, чтобы его голос не дрожал. — Вы с самого начала не собирались меня везти ни к каким вестникам. Как я сразу не догадался? Я же помнил, что они когда-то отобрали у Шварценберга корабль, а потом держали его в тюрьме.

— Это все в прошлом, — отозвался Обезьяний бог, запуская в лаз еще пару мартышек.

К спинам зверьков оказался привязан сухпаек, который княжич умял в одно касание. Потом еще одна мартышка притащила бутылку воды.

— Шварценберг помирился с вестниками, хотя нынешнее

предприятие хотел бы сохранить в тайне от них, — уточнил Эркюль.

— Что вы от меня хотите? — ополовинив бутылку, поинтересовался княжич.

— Чтобы ты в зверином облике проник сквозь защитное поле в сокровищницу раджи Сансары и, вновь превратившись в человека, отключил сигнализацию, как это сделал твой отец в покоях царя Афру и царицы Серебряной.

Хотя Синеглаз терпеть не мог, когда ему напоминали о той страшной ночи, когда из простого сына советника он нежданно-негаданно стал княжичем, он признал, что в планах контрабандистов есть рациональное зерно. По неизвестной причине в облике горного кота они с отцом становились невидимы для сканеров энергетических полей. Хотя для обычных Роу-Су, как и для других крупных хищников, система защиты вестников оставалась непроницаемой. Отец и сам не знал об этой особенности, пока Синеглаз, которому в облике кота приспичило поиграть с маленькой царевной, не пробрался в ее покои, благополучно миновав все щиты.

— А бриллианты и другие драгоценности пойдут на дело революции? — уточнил княжич, пытаясь представить размер куша, который рассчитывал с его помощью урвать Шварценберг.

— Здесь наши планы несколько расходятся, — уклончиво ответил Эркюль. — Но в идеале — да. Понимаешь, в принципе систему можно и взломать, — продолжал он, почувствовав, что его юный собеседник немного успокоился. — Но операторов такого уровня во всей галактике только двое, да и те недоступны. Пабло Гарсиа полгода назад пропал где-то в треугольнике Эхо, а Онегин беременна! Да и не согласится она ни за какие коврижки снова работать со Шварценбергом. Ты правда не можешь контролировать свои превращения? — возвращаясь к основной теме, уточнил он.

— Ну, существует одна штука, — неопределенно отозвался Синеглаз. — У Сема-ии-Ргла наподобие скрижали из храма Великого Се.

Княжич несколько приободрился. Он понял, что пираты сделали на него ставку, а значит можно потянуть время, рассказывая сказки и заливая в уши слушателям хмельное таме. Авось как-нибудь все образуется. Он раздумывал, какую бы полуправду еще измыслить, чтобы звучало убедительно. Однако в этот момент, слегка приглушенная тюками со шкурами, завыла сирена, и поставленный голос системы оповещения приказал экипажу занять места согласно инструкции о действиях в чрезвычайной ситуации, а пассажирам укрыться в амортизаторах.

— Какого Трехрогого! — на сольсуранский манер выругался Эркюль. — Эй, малец, давай-ка вылезай! Тут уже не до шуток.

Синеглаз и сам это понял. Оказаться раздавленным из-за глупого упрямства ему в любом случае не хотелось. Прихватив с собой растерявшихся мартышек, он с проворством тотемного предка выскользнул из лаза и вслед за Эркюлем порысил в кубрик.

— Живее сюда! — торопил его контрабандист, распределяя мартышек по поверхности амортизатора, пока остальные члены экипажа спешно облачались в экзоскелеты и ввинчивались в проемы узких трапов.

Пользоваться лифтами в нештатных ситуациях на корабле запрещалось, а коридоры и пролеты между палубами были длинные с торчащими из-под раздолбанной обшивки пучками проводов и рядами непонятных трубок. Синеглаз хоть не раз удивлялся их бесконечности, но за время пути изучил не хуже запутанных переходов родного дворца. Когда он в кошачьем облике удирал с мостика и потом выбирался из кубрика, это знание помогло ему оторваться от преследователей. Сейчас княжич внезапно осознал, что его бросают одного в компании орущих мартышек и в случае внезапной эвакуации не факт, что за ним вернутся, и вцепился в Эркюля мертвой хваткой.

— Ты чего? — не понял обезьяний бог.

— Я с тобой! — взмолился Синеглаз.

— Да ты сдурел! — возмутился Эркюль.

Потом, видимо, передумал, и, махнув рукой, вытряхнул из недр комбинезона в амортизатор еще пяток мартышек и указал княжичу их место.

— Давай, полезай!

Синеглаз так и не понял, как они вдвоем втиснулись в один экзоскелет. Похоже, внушительные габариты Эркюля были отчасти обманом. Ибо любой его костюм, включая скафандр, подбирался с таким расчетом, чтобы за пазухой уместились наиболее ценные контрабандные товары или все питомцы. Место последних сейчас и занял Синеглаз, распределивший части своего тела вдоль корпуса контрабандиста на манер рюкзака. Его, конечно, мотало из стороны в сторону, и он ничего не видел, но он все же был уверен, что уж теперь-то в случае чего его не бросят. Вдвоем они достаточно ловко взобрались по крутому трапу, причем Эркюль показал такую прыть, какую княжич от этой туши, напоминающей пещерного табурлыка, явно не ожидал.

Сирена продолжала надрываться, а при подходе к рубке еще и погас свет. Эркюль крепко выругался, но скорости не сбавил. Судя по репликам, доносившимся с мостика, случилось нечто из

ряда вон выходящее.

— Почему меня сразу не вызвали? — используя крепкие выражения всех обитаемых миров, выговаривал вахтенным Шварценберг.

— Но я не думал, что в этой туманности окажется такая мощнейшая гравитация, — дрожащим голосом пытался оправдываться старпом.

— Какая тебе это в бездну туманность?! — напустился на него Шварценберг. — Ты что, кусок космического хлама, никогда не слышал о треугольнике Эхо? Мы должны были проскочить его еще два дня назад, но этот мохнатый сученыш, когда носился по рубке, видимо, сбил программу настройки курса.

Хотя Синеглаз почти ничего пока не смыслил в навигации, он вспомнил, как Шварценберг и его помощники упоминали о некоем кладбище кораблей, притянутых чудовищным гравитационным полем тройной звезды, словно в насмешку над ее способностью поглощать любые сигналы прозванной Эхо. Княжич очень хорошо запомнил незнакомые мудреные слова «черная звезда»[1], «пульсар»[2], «красный карлик»[3] — так Шварценберг называл небесные тела, входившие в «треугольник Эхо». При случае Синеглаз хотел бы также поподробнее расспросить капитана или Эркюля, что такое «аккреция вещества»[4], «поляризация вакуума» и «гравитационная сингулярность». Эти термины тоже фигурировали в обсуждении. Другое дело, что никаких настроек он не сбивал. И нечего на него вешать всех кавуков нерезаных.

Синеглаз заерзал, пытаясь выбраться, но его приструнил Эркюль.

— Какая разница, кто сбил настройки курса, — бодрым тоном проговорил Обезьяний бог. — В этом треугольнике и раньше пропадали десятки кораблей, включая звездолет «Павел Корзун», на борту которого находился наш знакомец Пабло Гарсиа. И вряд ли в каждой рубке резвились горные коты. Черная звезда нестабильна, как непроходимая червоточина, да и на пульсаре периодически случаются вспышки рентгеновского излучения, от которого электроника сбоит!

— И что, у нас тоже никаких шансов выбраться? — всхлипнул кто-то из команды.

— Не с таким количеством энергии, — не стал его обнадеживать Шварценберг. — Если бы мы не сделали крюк, забирая этого бесполезного звереныша на Васуки, — попытался вернуться он к прежней теме.

— Или пробыли бы там немного дольше, — заметил Эркюль, напоминая о спешке, в которой одержимый своими

грандиозными замыслами Шварценберг покидал планету, даже не удосужившись полностью зарядить аккумуляторы, на что ему потом неоднократно пенял Обезьяний бог.

— Что будем делать, кэп? — поинтересовался еще кто-то из команды настолько робко, что Синеглаз даже не узнал голоса.

Шварценберг отозвался привычной похабщиной, означавшей, что в сложившейся ситуации он предпочел бы обойтись без дурацких вопросов.

— Насколько мне известно, в треугольнике Эхо одна из планет имеет твердую поверхность, — отведя душу, пояснил он. — И у нас с вами появился шанс проверить, так это или нет. Шевелите задницами, салаги безрукие! — возвращаясь к прежнему сварливо-деловому тону, приказал он. — Мне нужны данные для расчета нового курса. И обязательно нужно сделать поправку на гравитацию. Попытаемся совершить посадку, а там видно будет.

Белый лев „Призраки Эхо“
Гардемарин с „Нагльфара“
– Куда опять запропастился этот проклятый мальчишка? Только попробуйте сказать, что он опять превратился в кота и у него лапки!

Глава 2. Амазонки с пустоши

Багровой пышностью над океаном пылал закат. Ультрамариновые волны лениво ласкали ступени мраморной лестницы, приятно щекотали босые ступни. Легкий ветерок перебирал пышные волосы, норовил распахнуть полы шелкового свободного одеяния, наброшенного на голое тело и скрепленного золотыми застежками с розовыми жемчужинами. Пестрокрылые птицы в дворцовом саду пели своим возлюбленным серенады и эпиталамы, а розы и магнолии цвели жертвенно и бесстрашно, словно не верили в увядание и смерть.

Дочь раджи Сансары принцесса Савитри и сама себе временами казалась всего лишь жертвой, нарядно убранной и умащенной, но все равно обреченной на заклание, птицей, запертой в золотой клетке. И хотя до ее слуха доносились призывные трели соловья, прихотливые, как узор ее одеяния, и никогда не повторявшиеся, а ноздри улавливали ароматы роз, орхидей и амарантов, над которыми россыпью драгоценных камней носились миниатюрные колибри, в душе ее царила лютая стужа. Ибо, когда приходил принц Шатругна, она не слышала от него не то что серенад, а просто доброго слова. Чем она заслужила такое отторжение от того, кого любила всей душой с самого детства и которому с рождения была предназначена в жены?

— Ты чего застыла, дурочка ты моя? Неужто зависла? Или опять воспоминания одолели? Ох уж эти человеческие мозги! Никакого от них проку! Одни только неприятности. Поторопись. Если мы по любому поводу будем застревать на пустоши, не успеем до появления медуз или, не ровен час, на охотников нарвемся.

Насмешливый голос, прогнавший безжалостное наваждение, принадлежал девушке-андроиду с внешностью дэви[5] и повадками амазонки. Облегающий защитный костюм предохранял хрупкую, как человеческая кожа, оболочку от агрессивного воздействия окружающей среды и выгодно подчеркивал достоинства ладной фигуры.

— Пэгги! Ну я же тебя просила! — умоляюще начала Савитри.

— Неужели ты до сих пор веришь, что он вернется? — тряхнув растрепавшимися под фонарем защитного костюма волосами, фыркнула Пэгги. — После всего, что он с тобою сделал? Ты, конечно, извини, но на твоем месте с этим Шатругной я бы общалась только при помощи скорчера.

Словно в подтверждение своих слов, она прицелилась из внушительных размеров импульсника и одним выстрелом превратила в прах высунувшуюся из-за развороченного контейнера черную тень.

Савитри тоже подняла оружие, но медузы больше не появлялись.

— Отбой, подруга, — хмыкнула Пэгги. — Придется возвращаться. Поищем детали завтра. Не знаю, как ты, а я не собираюсь делиться с этими тварями зарядкой своего аккумулятора. Да и имплантов жалко. При отсутствии органической подпитки они восстанавливаются не так быстро, как хотелось бы.

Савитри тряхнула головой, пытаясь отбросить с лица закрывавшие обзор длинные волосы. Хотя принц Шатругна всегда говорил, что ненавидит подделки, прежде чем поместить ее мозг в тело андроида, он придал новой оболочке черты прежней Савитри, которую во втором рождении так и не признал невестой. Только со стороны левого виска, где находилась соединенная с мозгом материнская плата, имитацию кожи и волос занимал защитный слой.

— Принцесса Савитри умерла двадцать лет назад от синдрома Усольцева! Ты — всего лишь клон, ни на что не годная копия! — обрывал он ее всякий раз, когда она пыталась напомнить ему о брачном договоре, много лет назад связавшем их семьи, когда тщилась поведать о своих чувствах.

А ведь в те годы ее тело еще не превратилось в высокотехнологичный муляж, обманку, созданную в попытке утаить от подданных истинное положение вещей в правящей династии. Вполне ожидаемо, что фальшивка, так и не сыграв свою роль, оказалась на мусорной свалке.

Насмешки судьбы продолжали преследовать и после второй фактической смерти. Имя Савитри означало Солнечная. Ее назвали так потому, что она родилась белокурой и светлокожей, словно в ней внезапно пробудилась древняя кровь наследников Кошалы[6]. В той жизни она не пропустила ни одного заката и ни одного рассвета, а ее нынешнее существование освещали лишь вспышки далеких извержений и лучи красного карлика, блеклые, как свет полуночи. Рентгеновский пульсар[7] продолжал наращивать свою массу, поглощая вещество с поверхности звезды-соседа, а присутствие в системе черной звезды вызывало эффект гравитационного красного смещения, из-за которого и без того скудный свет карлика практически полностью поглощался. Хорошо, что зрительные сенсоры андроидов адаптировались к тьме значительно лучше, чем человеческие глаза, что оказалось

несомненным плюсом в их извечной борьбе с медузами.

Пытаясь приспособиться к широкому шагу Пэгги, Савитри внимательно вглядывалась в окружающий их безрадостный пейзаж, где гигантские остовы погибших кораблей представлялись искореженными землетрясением горами, а далекие горы напоминали корабли, готовые взлететь. В годы жизни во дворце она нашла бы в этом темном, безжалостном мире свою жестокую красоту и почтила бы ее в форме классической раги[8]. Сейчас ее взгляд скользил по выпотрошенным и брошенным обломкам в поисках опасности.

Конечно, для андроидов медузы представляли меньшую угрозу, нежели для людей. Все-таки способность видеть в инфракрасном спектре, быстрота реакции и ускоренная регенерация давали возможность играть почти на равных. Однако у обеих амазонок высокотехнологичный макромолекулярный скелет покрывали белковые импланты. А жадные твари предпочитали органику, обшаривая пустоши в поисках колоний простейших, лишайников и мхов, выживавших без фотосинтеза в аммиачно-азотистой атмосфере.

Не пасовали они и перед более крупной добычей, парализуя ее с помощью мощного разряда тока, а потом пожирая. Андроиды и другие механизмы интересовали их с точки зрения пополнения энергии, которую медузы каким-то образом высасывали из аккумуляторов. Охотиться они предпочитали в ту пору, когда на пустоши наступал астрономический день. Видимо, те скудные лучи, которые достигали поверхности планеты, использовались как дополнительная подпитка.

Боковым зрением Савитри заметила какое-то движение возле развороченного и выпотрошенного до основания контейнера для сменных блоков, мимо которого сейчас проходила Пэгги. Черное щупальце потянулось к стройной, предназначенной для соблазнения ножке. И в этот же миг из скорчера Савитри вырвался заряд плазмы. Рука андроида среагировала быстрее, чем человеческий мозг успел что-либо проанализировать.

— Вот падла! Чуть аккумулятор не разрядила! — выругалась Пэгги, запоздало подняв свой импульсник.

Эту решительную амазонку создавали в качестве универсального агента, под ангельской внешностью хрупкой девушки скрывающего смертоносные навыки прицельной стрельбы из любых видов оружия и рукопашного боя. Поэтому разработчики решили разнообразить ее лексикон армейскими шуточками и смачными ругательствами. Или Пэгги сама их нахваталась, когда боролась с повстанцами на Ванкувере и Сансаре.

— Не суди их строго, — неожиданно для себя вступилась за тварей пустоши Савитри. — Медузы сейчас сидят на голодном пайке. За последние полгода ни одного звездолета. А с охотниками они связываться боятся.

— Еще бы! — фыркнула Пэгги, слегка раздосадованная тем, что подруга оказалась быстрее. — У медуз, конечно, мозгов нет, одни рефлексы, а все равно не хотят, чтобы их поймали и использовали для получения энергии. Вот бы и нам так научиться!

— Спроси у охотников, как устроены их ловушки! — решила подыграть подруге Савитри.

— Ну уж нет! — возразила Пэгги. — По своей воле я к этим типам ближе расстояния выстрела больше не подойду. На запчасти мне вроде как еще рано, а в дом увеселений я не вернусь. Мало того, что там приходилось всякий сброд апсарскими танцами ублажать с руками и без, так потом выслушивай от них, какая ты уродина. Видите ли, две руки, две ноги и все остальное, как у людей, это уже не в моде. А меня, между прочим, создавали, используя внешность самых известных красавиц Альянса!

Хотя Савитри не могла в темноте разглядеть черты лица подруги, она отлично знала, что от былой красоты остались только воспоминания. Конечно, морщины и другие присущие людям признаки старости у андроидов могли появиться лишь в том случае, если разработчикам требовалось поместить искусственный интеллект в тело пожилого человека. А вот что касается шрамов и других боевых отметин, от них не спасали ни сверхпрочное покрытие, ни защитный костюм.

Савитри и сама за годы скитаний по пустоши приобрела уже несколько. Один раз они едва разминулись с охотниками, другой — ее кожу возле защитной пластины рассекло щупальце медузы. Что же касалось Пэгги, то большинство шрамов она получила задолго до того, как сбежала из дома увеселений на пустошь. Распознав в миловидной девушке агента «Кобры», повстанцы на Сансаре и Ванкувере не церемонились.

Впрочем, о годах, проведенных в непрерывных боях до того, как ее корабль, подбитый истребителем Содружества, оказался притянут черной звездой и увяз в треугольнике Эхо, Пэгги вспоминала с явной ностальгией. Она по многу раз рассказывала подруге об изнурительных боях на Ванкувере и участии в подавлении мятежей на Сансаре и Кали, называя этот период лучшими годами своей жизни.

Зато о жизни под куполом она говорила скупо и с искаженным ненавистью лицом. А ведь Савитри, которая,

потерявшись во время эвакуации с корабля, до города так и не добралась, хотелось бы узнать, каким образом люди, основавшие в этом жестоком месте колонию, ухитряются выживать в непригодной для жизни атмосфере без солнечного света и тепла.

— На нижних ярусах расположен урановый рудник, питающий город энергией, — неохотно рассказывала Пэгги. — Частично для обогрева используется тепло вулканов. Воздух генерируют, смешивая атмосферный азот с кислородом. Его получают, разрабатывая ледники, обнаруженные неподалеку от месторождения. Все, что нужно из оборудования, добывают на пустоши охотники.

— А люди? — смутно беспокоилась Савитри, которая с момента неудачной эвакуации ничего не знала о судьбе своих спутников. — Где они все помещаются? Здесь же потерпели крушение тысячи кораблей. И мы почти не видели человеческих скелетов на пустоши.

— Людей забирают охотники, а что с ними происходит дальше, я не знаю. Вроде бы как-то устраиваются. Всем находится применение по их умениям и способностям. Только вот большинство из тех, кто приходил в дом удовольствий, и на людей-то не похожи. Уроды!

— Что значит уроды?

— Да какая тебе разница? — обрывала обычно разговоры Пэгги. — Видите ли, беспокоит ее, как там люди выживают под куполом. Нормально выживают! Уж поверь, получше, нежели такие, как мы с тобой. Чем снова возвращаться в город, лучше превратиться в бесполезный металлолом тут, на пустоши. И это скоро произойдет, если мы не отыщем сменные аккумуляторы.

И они каждую ночь местных суток поднимались на поверхность и рыскали по пустоши до времени прихода медуз, когда-то добывая детали и блоки, когда-то возвращаясь ни с чем. Последние несколько недель выдались особо неурожайными.

— Все без толку! Ни одного гребаного аккумулятора! — ворчала Пэгги, открывая люк и протискивая тренированное тело внутрь. — Опять придется горючее тратить, динамо-машину запускать! — продолжала она, обшаривая коридор убежища в поисках медуз, которые могли проникнуть внутрь в случае неплотно прилегающего люка или проеденного коррозией отверстия.

Сколько астронавтов лишились жизни, пренебрегая мерами предосторожности на корабле или не имея возможности загерметизировать поврежденные во время жесткой посадки шлюзовые камеры. На этот раз обошлось без незваных гостей. Савитри вслед за Пэгги спустилась в убежище, и они вместе

задраили люк.

Оглядывая скудную, спартанскую обстановку их нынешнего жилища, заваленного принесенными с пустоши запчастями и представляющего собой нечто среднее между лавкой старьевщика и ремонтной мастерской, Савитри удивлялась, насколько мало нужно ей сейчас для поддержания жизни. Что же мешало ей не выживать, но жить в обстановке роскошного дворца на родной Сансаре? Неужели и в самом деле правы оказались древние мудрецы, говоря о том, что человеку изначально отпущено определенное количество вдохов, израсходовав которое он непременно умрет?

Пэгги вопросы жизни и смерти волновали лишь в тех случаях, когда их выживанию что-то угрожало. И сейчас наставал именно такой момент.

— Дело ясное, что дело пропащее! — сетовала она, с безнадежным видом запуская примитивный генератор постоянного тока. — Если не найдем аккумуляторы, горючего нам надолго не хватит. В окрестностях убежища пусто, как в голове новобранца. Один никому не нужный хлам. Все ценное мы уже использовали, остальное сгребли охотники.

— А если отсоединить аккумуляторы от скорчеров? — робко предложила Савитри.

— А от медуз как отбиваться? — строго глянула на нее Пэгги.

— Я могла бы не тратить зарядку и питаться мхами, как медузы, — предложила Савитри. — Я же бионический андроид. Могу подзаряжаться и за счет органики.

— Даже не думай, — сверкнула глазами Пэгги, в сотый раз перебирая запчасти. — Здешние мхи — это тебе не деликатесы из дворца раджи. На них долго не протянешь. Надеяться, что произойдет чудо и на пустошь, словно дождь в сезон засухи, упадет новый корабль, просто глупо. Люди тоже не идиоты. Все вменяемые навигаторы, включая пиратов, прокладывают курс таким образом, чтобы обойти этот район стороной. Если только очередной всплеск рентгеновского излучения нейтронной звезды окажется достаточно сильным, чтобы сбить настройки курса или возобновятся столкновения между Альянсом и Содружеством.

Савитри кивнула. Сама она оказалась в треугольнике Эхо, когда лайнер, на котором принц Шатругна в сопровождении своей «невесты» следовал на Равану, был атакован истребителями повстанцев, боровшихся за права нижних варн. Савитри хорошо помнила пожар в жилом отсеке, жесткую посадку, лишившую звездолет возможности даже теоретически покинуть планету, и сумбурную эвакуацию. Корабль оказался сильно поврежден, и выжившие члены экипажа опасались взрыва реактора. Они долго

и достаточно бесцельно блуждали по пустоши, и во время одной из стоянок ее, точно ненужный хлам, просто «забыли», когда она заснула. В отличие от других андроидов и той же Пэгги, которым требовалась только энергетическая подпитка, Савитри со своим человеческим мозгом нуждалась в отдыхе.

Все-таки Пэгги говорила горькую правду: Шатругна даже после ее второй смерти не разрывал помолвку лишь для того, чтобы, создав видимость династической преемственности, стать единовластным правителем Сансары. Вот только для чего он вшил в материнскую плату ключ от знаменитой на всю галактику сокровищницы? Другое дело, что шансы попасть туда, как и вернуться на Сансару, для них обоих сейчас стремились к нулю.

Впрочем, в случае с Шатругной никто никогда и ничего не мог сказать наверняка. Они с отцом тоже думали, что он погиб вместе с другими членами совета директоров корпорации «Панна Моти» во время чудовищного взрыва на фабрике восемь лет назад. А он не только успел эвакуироваться, но и вошел в состав коалиционного правительства, упрочив свое положение в правящих кругах Альянса.

— Эй, ты чего? Неужели опять зависла?

Пэгги светила в лицо Савитри карманным фонариком, пытаясь разглядеть глубину проблемы. Савитри заслонилась рукой, и Пэгги с явным раздражением убрала фонарь.

— Я тут перед ней распинаюсь, о важных вещах говорю, а она опять ушла в спящий режим и грезит о своем гребаном принце!

Пэгги в сердцах, если такое выражение стоило применять к андроиду, пнула проржавевший контейнер со вздувшимися аккумуляторами.

— Забудь о нем раз и навсегда! — почти ультимативно потребовала она. — Шатругна тебя бросил, они все тебя бросили.

Савитри знала, что подруга, которой едва ли не на материнскую плату вшили понятия верности долгу и присяге, органически не переносит предательство в любом его виде.

— Они могли погибнуть, — в который раз попыталась защитить жениха Савитри. — Люди, случается, тоже погибают.

— Да, ты права, — примирительно согласилась Пэгги. — Я все время забываю, что люди всегда умирают. Они же не могут себя починить новыми деталями.

Савитри вспомнила тонкий нос с точеными ноздрями и легкой горбинкой, причудливый изгиб губ, приобретший с годами еще большую надменность, кудрявые черные волосы, чуть тронутые сединой. Неужели все эти любимые черты могли перестать существовать?

Она виновато глянула на Пэгги, чувствуя неловкость из-за

своей сегодняшней рассеянности. Похоже, она прослушала обсуждение какого-то важного решения.

— Так о чем ты говорила? — примирительно спросила она.

— Объясняла, что на здешней пустоши нам больше ничего не светит, — терпеливо повторила Пэгги, машинально разбирая разложенный на полках убежища хлам.

— И что же нам делать? — не поняла Савитри.

— Пока не кончилось горючее, валить отсюда!

— Но ведь ты сама говорила, что до холмов пешим ходом три дня пути, а флаеры, вертолеты и антигравы, которые мы находили, мало того что совсем разбиты, так еще и выпотрошены.

Савитри не сразу поверила, что не ослышалась. Это убежище, в которое Пэгги привела ее несколько лет тому назад после неудачной встречи с охотниками, оставалось единственным местом во всем треугольнике Эхо, которое создавало иллюзию безопасности.

— От антигравов и флаеров тут никакого толка, — сурово нахмурилась Пэгги. — Охотники не просто так используют танки образца «Дракон» или «Змей Горыныч» на надежном гусеничном ходу и с переходом на ручное управление, поскольку более сложная техника сбоит, — пояснила она, глядя на свою правую кисть.

Высокотехнологичная конструкция в последнее время периодически отказывалась сгибаться.

— Опять? — спохватилась Савитри, подоспевая со сменными деталями. — Давай я тебя починю?

— Пройдет, — сурово отмахнулась Пэгги. — Если по каждому чиху тратить запчасти, когда на самом деле припечет, ничего не останется. Главное, чтоб ты в этот момент находилась рядом, — добавила она, и Савитри показалось, что в ворчливом, охрипшем в отсутствие должной смазки голосе подруги прозвучала нежность, которой в прежней жизни никогда не получалось дождаться ни от Шатругны, ни от отца.

— Такая уж у нас судьба — друг друга чинить, — неловко улыбнулась Савитри.

— Так вот я о чем, — продолжала излагать свой план Пэгги. — Понятно, что в одну ходку до холмов нам не дойти, да и добро особо ценное бросать жалко. Стало быть, надо отыскать какой-то перевалочный пункт, перетащить туда аккумуляторы, горючее и сменные блоки, а потом двигаться дальше. На первое время я все собрала!

С этими словами Пэгги показала упакованные контейнеры со сменными аккумуляторами и запчастями. Савитри испытала нежность напополам с неловкостью. Оказывается, в те часы, когда

ее человеческий мозг делал вид, что отдыхает, гуляя по тропам неверных грез о несбыточном прошлом, ее подруга разрабатывала план путешествия, призванного обеспечить им обеим хоть какое-то будущее.

Савитри подумала, что в древние времена на Сансаре так делали земледельцы. Когда пашни вокруг села истощались, снимались с насиженных мест в поисках новых. И чем их нынешняя жизнь на пустоши, усеянной обломками погибших звездолетов, отличается от быта примитивных дикарей? Впрочем, потерпевшие кораблекрушение в пустынных землях во все века становились дикарями. То, что жители города под куполом избежали такой участи и смогли не просто выжить, но и основать жизнеспособное поселение, делало им честь.

Пэгги сравнение с дикарями и рассуждения насчет цивилизованности обитателей города, скорее всего, оскорбили бы. Она считала искусственный интеллект выше человеческого разума и искренне презирала людей, особую неприязнь питая к гражданам Содружества, в котором производство андроидов из этических соображений находилось под запретом.

— Эти гуманисты хреновы просто нас боятся, — хищно ухмылялась она, причисляя подругу к себе подобным, несмотря на человеческий мозг.

— У тебя есть какое-то место на примете? — отвлекаясь от размышлений, спросила Савитри, которая знала, что Пэгги, несмотря на решительность и умение собираться в рисковых ситуациях, никогда не станет действовать наобум.

— Приблизительно в дне пути отсюда и в одном переходе от северного склона находится корабль, — поведала Пэгги, довольная тем, что ее наконец соизволили выслушать. — Охотники избегают его, говорят, там водятся призраки, и он зачумлен. Призраков я не боюсь, а человеческие инфекции нам с тобой страшны не больше, чем людям компьютерные вирусы. Вот я и подумала, что этот звездолет может стать неплохим трамплином в будущую жизнь.

Савитри хотела задать еще какой-то ничего не значащий вопрос (если Пэгги что-то решила, останавливать ее не имело смысла), когда стены их убежища сотряс отдаленный гул. Напоминающий отзвук землетрясения, которые периодически случались на Сансаре, или отдачу от попадания из тяжелого орудия, он вместе с тем шел откуда-то сверху, если не сказать с небес.

— Срочно пакуй все, что хотела бы взять отсюда с собой, и уходим! — скомандовала Пэгги, по-армейски стремительно облачаясь в защитный костюм.

— Что это было? — не поняла Савитри.

— Знак свыше, вернее, просто корабль, — кратко пояснила Пэгги. — Скоро на пустошь сбегутся все охотники, а я не хочу с ними встречаться.

— А как же медузы? — заметалась в поисках мелочей из прошлой жизни Савитри.

— Забудь о них!

Пэгги махнула так и не разогнувшейся рукой и, навьючив на спину и грудь контейнеры, принялась пробираться в сторону выхода.

— В ближайшее время они нам докучать вряд ли станут. Зачем охотиться за ходячими батарейками, когда можно полакомиться свежатинкой.

Савитри скептически покачала головой. Однако, когда они поднялись наверх и отодвинули люк, вблизи не оказалось ни одной медузы. А ведь в это время суток они скреблись по металлу, пытаясь пробраться внутрь. Зато над пустошью словно зажглось новое солнце: над горами медленно снижался корабль.

Принцесса Савитри и принц Шатругна

Глава 3. Оператор без сети

Вспышка лазерной плети вспарывает обморочную пелену, застилающую воспаленные, слезящиеся глаза, и следом за этим измученное тело пронзает жгучая боль. В нос крепче нашатыря ударяет резкий и душный запах сгоревшего мяса, тошнотворный и неотвязный, ибо от собственной плоти, пока теплится жизнь, не убежать. Как не уйти и от сыплющихся один за другим ударов. Нервные клетки посылают ошалевшему мозгу сигнал бедствия. Мышцы рефлекторно сокращаются, выворачивая руки и ноги из суставов и причиняя дополнительную боль.

Впрочем, сегодня привычное истязание палачам почему-то быстро надоедает. Его снимают со стены и ничком растягивают на железной лежанке, к счастью, пока холодной и даже приятно остужающей воспаленные раны. Впрочем, этим извергам недолго накидать на пол горячих углей, чтобы медленно поджарить, или пустить по скобам ток. Но нет, они придумали что-то другое. От этих нелюдей можно ожидать любого изуверства.

И точно, Майло выразительно показывает острый нож, а потом делает на коже спины надрез. Не сказать, что первое прикосновение больнее лазерных плетей, но мучитель продолжает вести вдоль едва зарубцевавшихся ран, следуя замыслу какого-то причудливого узора, а потом медленно, поддевая и подрезая прожилки, начинает сдирать кожу.

Крепко зафиксированное тело дико выгибается в жутких конвульсиях. Хочется кричать, но воздуха не хватает, и связки давно сорваны: из горла вылетает только сип пополам с кровавым кашлем. Тогда откуда доносится этот жуткий звук, который не может, не должно издавать человеческое горло. Дин, дружище, один из лучших пилотов Звездного флота Содружества, верный товарищ со школьной скамьи. Сволочи! Что же вы с ним творите?

Выворачивая руки и шею, удается повернуть голову и увидеть жуткую картину: по ногам Дина бьют тяжелым стальным прутом, перемалывая кости.

— Благодарите за это своего Командора! — глумливо лыбится Майло, поигрывая ножом.

— Точно, благодарите Арсеньева, грязные псы Содружества! — вторят ему Рик и остальные палачи. — Будете знать, как покушаться на жизнь Серого Ферзя!

— Сдохните, суки! — из последних сил выдыхает Петрович, висящий на стене бесформенным куском окровавленной плоти. — Саня, ребята, держитесь!

Арсеньев молчит. Очень непросто говорить, когда тебе

фаланга за фалангой ломают пальцы, дробят лучевые и локтевые кости обеих рук, потом принимаются за плечи и ключицы. Он, конечно, Командор, но его тело отнюдь не каменная статуя.

И хочется тоже сказать что-то ободряющее, но в это время Майло разом сдирает кожу со спины, и мир заполняет тьма…

Пабло открыл глаза, жадно хватая воздух ртом, и какое-то время лежал неподвижно, недоуменно разглядывая освещенный пробивавшимся из коридора слабым светом потолок и стандартную комнату в ячейке жилого модуля города под куполом. Опять этот сон, и десять лет спустя переносящий в застенки «Панна Моти» на Раване. Причем неизвестно, что страшнее: вновь переживать все пытки змееносцев или, проснувшись, с горькой очевидностью осознать, что Дина и Петровича больше нет.

Безумная насмешка судьбы. Уцелеть в мясорубке Ванкувера, пережить все ужасы плена, не предав товарищей и не сойдя с ума, вернуться в строй — и лишь затем, чтобы три года спустя сгинуть без вести в заурядном столкновении со змееносцами в районе Васуки. С другой стороны, корабля так и не нашли, и какая-то часть сознания продолжает верить, что Дин, Петрович и остальные все еще живы где-то в другой вселенной, затерянном мире по ту сторону неевклидовых пространств. Тем более что истребитель «Мерани» был оснащен боеголовками нового образца, созданными по чертежам легендарного Маркуса Левенталя.

В последние месяцы мысли об ушедших по Млечному пути друзьях и оружии, производство которого в Содружестве после их исчезновения приостановили, посещали Пабло особенно часто. Может быть, потому, что Маркус Левенталь, так и не увидевший воплощения своей идеи в жизнь, оказался в числе первых жертв треугольника Эхо. Возможно, обломки его звездолета до сих пор лежат где-то на пустоши неподалеку от города под куполом. Конечно, если корабль не притянула к себе черная звезда.

Впрочем, сон про застенок не имел к этим размышлениям никакого отношения, хотя и повторялся с докучливой регулярностью. Но тут тоже удивляться не приходилось. Безнадежность нынешней ситуации невольно наводила на мысли о клетке. Конечно, здесь никто не пытался применить к ним дыбу и лазерные плети. А исследование новых способов передачи информации и использования излучения пульсара в качестве потенциального канала межсети в случае успеха тянуло как минимум на кандидатскую. Однако в городе под куполом они с Бренданом по сути оставались всего лишь пленниками. Причем закинувшая их на эту планету гравитация черной звезды и

магнитная нестабильность пульсара тут почти не играли роли.

Пожалуй, Пабло бы сейчас с большей охотой оказался в открытом космосе, когда подбитый змееносцами «Павел Корзун» увяз в треугольнике Эхо и едва не попал в гравитационное поле черной звезды. Брендан, забыв про молекулярную биологию, дневал и ночевал в медотсеке, выхаживая раненых. Лева Деев и Гу Синь пытались скорректировать курс, Тонино Бьянко колдовал над системами жизнеобеспечения, а Пабло как оператору сети и программисту приходилось по десять раз на дню менять коды, отвечающие за распределение плазмы.

Потом почти три месяца они держали оборону на пустоши, противоположный край которой оккупировали змееносцы из числа преследователей. Кшатрии Альянса тоже попали в зону гравитационной аномалии черной звезды. Конечно, противостояние не имело смысла. Все прекрасно понимали, что энергоресурсов и кислорода надолго не хватит, а им еще приходилось отбиваться от охотников и отпугивать ярким светом охочих до живой плоти медуз. Однако ежедневные обстрелы и отражение кибератак на генераторы защитного поля давали хоть какую-то иллюзию борьбы, а присутствие верных товарищей укрепляло веру в благополучный исход. Пускай даже не в этой жизни.

В городе под куполом хватало и энергии, и воздуха, и еды, но с самых первых дней их преследовали тотальный надзор и сплошные недомолвки. И никакой перспективы найти выход или хотя бы узнать о судьбе Левы и других ребят. А ведь их ждали на недавно возвращенном Содружеству Ванкувере, где вскоре после ухода змееносцев снова началась эпидемия синдрома Усольцева и по странному совпадению рухнули все основные сервера.

Эх, почему только врачи запретили Командору лететь. Брендан, конечно, хороший парень, опытный хирург и талантливый вирусолог — лучший из учеников Арсеньева. Но он пока еще пацан, вундеркинд, за которым нужен глаз да глаз. А вот если бы здесь оказался его наставник, он бы что-нибудь придумал. С другой стороны, нехорошо было бы лишать Риту мужа, а Олежку отца. Пабло и сам переживал, как там мать и Семен Александрович, которые вот уже полгода числили его пропавшим без вести. Одна надежда, что Сергей сумеет выкроить время между своими бесконечными гастролями, чтобы их поддержать, а Алехандро хотя бы ненадолго возьмется за ум, забыв про подвыподверты своего острого пубертата.

Пабло поднялся, глядя, как автоматически сложившаяся постель задвигается в стену. Как и в большинстве городов купольных конструкций, здесь экономили место. Даже в

гидропонном саду, гордости местных ботаников и генных инженеров, растения тянулись вверх, будто надеялись добраться до лучей красного карлика. Впрочем, наличие на планете азотистой атмосферы и обнаруженные первыми поселенцами обширные ледники, соседствовавшие с гигантскими залежами урановых руд, позволили создать в научном блоке условия едва ли не лучшие, нежели на Каллиопе или Лее. С другой стороны, их с Бренданом на нижние ярусы до сих пор не пускали.

— Вам нечего там делать. Там нет работы для специалистов такого высокого уровня, — терпеливо, будто преподаватель на лекции, объяснял глава научного отдела Города профессор Нарайан.

При этом на его чеканном, хотя слегка оплывшем лице появлялось выражение такой брезгливости, что хотелось метким ударом изменить форму его точеного носа.

— Не беспокойтесь, — добавлял профессор, кривя надменный рот в лживом подобии доброжелательной улыбки. — Ваши друзья спокойно трудятся по своему профилю. На электростанции и горно-обогатительном комбинате нужны квалифицированные инженеры и рабочие.

— Но наши пилоты кшатрии, а не какие-то там грязные шудры! — попытался качать права Амитабх — оператор сети змееносцев, с которым Пабло в течение трех месяцев вел изнурительную дуэль, а теперь вынужденно работал бок о бок.

Коллега из Альянса переживал еще острее. Из всего экипажа в научном блоке оставили только его. О судьбе пилотов, артиллеристов и абордажников он тоже ничего не знал.

— Здесь нет деления на варны, — со скучающим видом пояснил профессор Нарайан, перейдя на язык Альянса, который, судя по всему, был ему родным. — Возможно, если ваши пилоты и артиллеристы докажут свою лояльность, им найдется место в полиции или среди охотников, но к этой ответственной службе мы не допускаем новичков.

Пока Пабло и Брендан со злорадным удовольствием наблюдали за вытянувшимся лицом Амитабха, профессор Нарайан продолжал:

— Наш город похож на улей, где каждый житель знает свое место. Ученые ищут пути наиболее рационального использования ресурсов и способы выживания в неблагоприятных условиях этой планеты. Шахтеры добывают руду и лед, из которого мы получаем кислород и воду. У тех, кто здесь оказался, единственная задача — выжить. Мы все в одной лодке, вернее, ковчеге, затерянном во враждебной пустыне. На помощь извне рассчитывать не приходится. Те жалкие подачки в виде семян

растений и жизненно необходимого оборудования, которые наши охотники временами находят на потерпевших крушение кораблях — это всего лишь крохи по сравнению с реальными потребностями жителей. При этом нам всем невероятно повезло, что более тридцати лет назад на планету совершил вынужденную посадку и навсегда остался корабль, на котором геологи и строители везли готовые конструкции и оборудование для создания жилого купола на Лее.

Пабло не мог не признать, что сам по себе город, который он сначала принял за мираж, — грандиозное сооружение, результат сочетания инженерного гения, нечеловеческого упорства и определенной доли везения. Тот корабль с оборудованием и строительными модулями мог ведь и просто разбиться или сгинуть в ненасытном зеве черной звезды. Вот только устройство купольной конструкции тут сильно отличалась от моделей, принятых в большинстве подобных городов на планетах Содружества и даже окраинных миров.

Хотя на нижних ярусах располагался не только рудник, но и предприятия, производящие энергию и жизненно важное оборудование, кислородные генераторы и системы очистки воды находились наверху. И только с верхних ярусов существовал выход на ферму и плантации, где под неусыпным наблюдением биологов и генных инженеров выращивались корнеплоды, бобы, свежая зелень и даже фрукты.

— Между ярусами города происходит равнозначный обмен, — елейным голосом пояснял профессор Нарайан. — Нам, чтобы выращивать растения, кормить животных и вести научную работу, нужны энергия, оборудование и вода, а жителям нижних ярусов, так же как и нам, необходим воздух и продовольствие.

— Только если произойдет сбой в энергосистеме, то и животные, и растения, и люди наверху какое-то время протянут на резервах аккумуляторов, — играл желваками Брендан. — А вот если внизу наметится какой-то бунт, подручные нашего дорогого профессора просто перекроют воздух.

Пабло товарища прекрасно понимал, как и не верил в равенство «нижних» и «верхних». Он еще не забыл, в каких нечеловеческих условиях трудились рудокопы на сербелианских алмазных выработках «Кимберли Инкорпорейтед», пока они с Командором не вывели руководство компании на чистую воду, пускай даже ценой шести месяцев плена на Раване. В числе узников шахты «Альтаир» вместе со Славой Капеэсэс находился и отец Брендана. А ведь эти преступления совершались на территории Содружества, где права человека хотя бы прописывались в законах.

— Ладно, Вундеркинд, не кипятись, прорвемся! — пытался хоть немного успокоить товарища Пабло. — Не думаю, что Леву, Гу Синя и пилотов змееносцев привезли в город в качестве сырья для биореакторов. Здесь и урана все-таки хватает.

— Вот именно, — нахмурился Брендан. — В городе даже наверху уровень радиации в разы превышает норму!

В его серых глазах пылал огонь, так что казалось, будто, рассыпая искры, встречается со сталью сталь.

— Всем обитателям верхних ярусов, включая кур, кутулухов и свиней, мясо которых мы едим, в пищу добавляют синтезированный йод. А вот рыба из подземного озера зачастую просто фонит.

— По самым скромным оценкам, залежи урана на планете могли бы поспорить с сильфидскими тритиевыми разработками, — развел руками Пабло.

— Если бы только кто-то придумал, как преодолеть притяжение черной звезды и наладить экспорт, — кивнул Брендан, который тоже остро переживал невозможность вернуться.

На Сербелиане его оплакивали отец-проходчик и мать-учительница.

— Вот я и говорю, что профессору Нарайану и остальной верхушке нет никакого резона отправлять рабочих копать лопатой уран безо всякой защиты, — вернулся к обсуждению Пабло.

— Не знаю, не знаю! — покачал головой Брендан, позаимствованным у Арсеньева жестом убирая со лба непослушную темную прядь. — Ты помнишь охотников?

— Мерзкие типы, — отозвался Пабло, вспоминая, как рейнджеры из города курочили их корабль.

— Они практически не похожи на людей.

— В такой кустарной броне любой сойдет за негуманоида, — пожал плечами Пабло.

— Дело не в экзоскелете, я видел их лица, — нахмурился Брендан.

— При таком уровне радиации мутации неизбежны, — вспоминая страдающих от тяжелых генетических заболеваний жителей Каллиопы и других окраинных миров, вздохнул Пабло.

— Я подозреваю, что в случае с охотниками они являются результатом направленного воздействия.

— Думаешь, наших ребят? — от чудовищности предположения Пабло похолодел, чувствуя, как шевелятся волосы на голове и наливаются болью старые, давно залеченные раны.

Он слишком хорошо помнил, каково это — быть подопытным

или стать сырьем для биореактора. Хотя их с Командором и ребятами донорство продолжалось всего несколько дней, воспоминания об этом до сих пор являлись в кошмарах.

— Я почти в этом уверен, — жестко отозвался Брендан. — Под куполом проводится какой-то чудовищный эксперимент, и мы все его участники.

Пабло оделся и вышел в коридор. Часы показывали пять тридцать утра по местному времени. Так рано на научном ярусе вставали только техники и сотрудники пищеблока. Значит, до начала работы остается еще два с половиной часа.

Он с тоской подумал о том, что в прежней жизни проблемы с графиком труда для него не стояло. Даже на Васуки, где не существовало канала межсети, в его распоряжении в любое время суток была система внутренних коммуникаций, и помимо трех кораблей он поддерживал связь со спутниками. В городе под куполом вся информация тщательно кодировалась, допуск к компьютеру производился только по согласованию со службой безопасности. Эти меры предосторожности, пожалуй, угнетали даже сильнее невозможности послать весточку родным или жизни без солнечного света в замкнутом пространстве на орбите притянутого черной звездой медленно поглощаемого аккретором умирающего красного карлика.

— Оператор без сети, — с горечью шутил Пабло.

Он делал вид, что сотрудничает с руководством города и пытается проложить канал, который позволил бы, использовав в качестве передатчика излучение пульсара, наладить связь с пролетающими мимо кораблями. В чем смысл этой работы, он представлял себе достаточно смутно. Двигателя, способного преодолеть притяжение черной звезды, в галактике пока не существовало. Говорили, над чем-то подобным работал Маркус Левенталь. Но его след затерялся, а исследование осталось не завершено.

Поэтому более актуальной для себя задачей Пабло считал поиск доступа к системе безопасности. Хотелось понять, что же за дичь тут под куполом творится и что заставляет профессора Нарайана кодировать информацию, словно они находятся на секретной базе Альянса. Пока работа продвигалась тяжело и медленно. Только недавно Пабло с немалым трудом получил доступ к технической документации, которая позволяла понять основные принципы работы шахты, горно-обогатительного комбината и систем жизнеобеспечения. Однако при попытке внедриться в программу системы блокировки дверей его ждало разочарование. Доступ к нижним уровням осуществлялся исключительно вручную и только с письменного разрешения

профессора Нарайана. А сами гермозатворы находились под круглосуточным наблюдением.

Поэтому пока Пабло сосредоточился на базе личных данных, пытаясь отыскать хоть намек на информацию о судьбе экипажа их корабля, и уже нащупал скрипты, уязвимые для атаки. Теперь оставалось только улучить момент, чтобы внедрить код и получить доступ. Но для этого требовалось войти во внутреннюю сеть.

Поскольку сон испарился бесследно, а сидеть без дела Пабло не привык, он спустился в спортзал, предвкушая долгую тренировку в приятном уединении.

В юности на Ванкувере и потом на Сербелиане всем видам спорта он предпочитал серфинг. Однако в последние годы совсем забросил тренировки, болезненно напоминавшие ему о Дине, вечном сопернике и партнере, переключившись на плаванье и обязательный для всех бойцов подразделения «Барс» флай. Изломанное змееносцами тело, хотя после восстановления не сбоило на марш-бросках и во время перегрузок, однако требовало постоянного внимания, не позволяя выйти из формы. Конечно, тренировку лучше проводить не с помощью программы-симулятора, а в традиционном спарринге, но будить Брендана Пабло не хотелось. Пусть поспит малец. Может, во сне что-нибудь дельное придумает.

Несмотря на ранний час, насладиться одиночеством в тишине спортзала не получилось: в бассейне уже кто-то плескался. Приглядевшись повнимательней, Пабло узнал ладную, гибкую и необыкновенно женственную фигуру. Доктор Кристин даже в небольшом резервуаре здешнего бассейна умудрялась двигаться как существо, для которого вода является родной стихией. Изящная и грациозная, отделенная от остального мира пластинами прозрачного стеклопласта, она выглядела нереидой, неизвестной прихотью судьбы оказавшейся на планете, где дающая жизнь влага встречалась лишь в твердом состоянии.

Приглядевшись повнимательнее, Пабло заметил странную особенность. Доктор Кристин вот уже минут десять наматывала круги на глубине, не снижая скорости и не поднимаясь на поверхность. При этом наметанный взгляд опытного ныряльщика не видел никаких специальных приспособлений. Интересно, какими тренировками достигается подобное умение?

Впрочем, застыть в восхищенном созерцании на небольшом отдалении от бассейна Пабло заставили отнюдь не размышления о необычных способностях этой удивительной девушки, чей смех напоминал серебряный колокольчик, а один лишь звук голоса побуждал мысли совершать крутой поворот оверштаг. В докторе

Кристин Пабло нравилось абсолютно все. И острые груди, сейчас подчеркнутые обтягивающей тканью купальника, и ямочка между ключицами, и лучистые голубые глаза, и молочно-белая, почти прозрачная кожа в синих прожилках вен, и облако золотых волос. А еще она улыбалась застенчиво и загадочно, почти как его мать.

Следовало признать, что он влюбился. Главное, нашел время и место. Как будто кроме нее во вселенной не существовало никаких женщин.

Пока, правда, их общение не выходило за рамки дружеских посиделок после работы. Кристин, родившаяся под небом Эхо, жадно впитывала все рассказы о мире, в который ее не желала выпустить упрямая черная звезда. А уж когда Пабло или Брендан заводили речь о солнце или море, на ее лице появлялось нежное, мечтательное выражение человека, который, приложив к уху морскую раковину, пытается услышать, как перекатывает седые валы величественный океан. В этот миг она казалась такой хрупкой и желанной, что Пабло, не задумываясь, нырнул бы в черную дыру или еще раз пережил все пытки на Раване, если бы это помогло ей увидеть мир за пределами Эхо.

— Между прочим, подсматривать нехорошо! — раздался над ухом насмешливо-ехидный голос Брендана.

И этот молокосос, только пару лет как выпустившийся из института, будет еще ему указывать? С другой стороны, Брендан давно уже не тот испуганный мальчишка, которого они на Васуки вытаскивали из лабиринта монстров, и даже не тот упрямый юнец, который работал волонтером в госпитале Мураса во время эпидемии синдрома Усольцева. Да и любовных побед в двадцать шесть лет на его счету едва ли не больше, чем у Пабло в тридцать пять.

Именно этот шлейф неисправимого ловеласа, на который не раз пенял ученику Арсеньев, и заставлял Пабло напрягаться и ревновать. Брендан мог говорить что угодно, но в то же время сам бросал в сторону бассейна достаточно недвусмысленные взгляды кота, высматривающего в аквариуме золотую рыбку. А ведь он, будучи коллегой Кристин, проводил рядом с ней куда больше времени!

«Ну берегись, красавчик, в сегодняшнем спарринге тебе пощады не будет».

Конечно, Командор неплохо натаскал подопечного, показав все основные приемы и финты, но боевого опыта Брендан имел пока немного. Хотя после трагедии на Васуки и гибели Наташи Серебрянниковой, в которой Содружество обвинило Альянс, старое противостояние вновь перешло в горячую фазу, активных боевых действий пока не велось. Поэтому Брендану,

совмещавшему в Звездном флоте службу исследователя-вирусолога и военного врача, не так уж часто приходилось менять лазерный скальпель и нано-манипулятор на скорчер и макромолекулярный клинок.

— Что, Вундеркинд, не спится? — небрежно поинтересовался Пабло, принимая боевую стойку.

— Просто разговор есть, — мигом посерьезнел Брендан, отвечая на вызов.

Хотя они встречались каждый день после работы или во время обеденного перерыва, поговорить о насущных проблемах и тем более обменяться добытой информацией им удавалось нечасто. Служба безопасности города неусыпно следила за обоими. Приходилось использовать любой повод, чтобы ее обмануть. И спортзал был едва ли не единственным местом, где они могли переговорить, не вызывая подозрений.

Какое-то время они обменивались ударами и блоками. Сначала, как обычно, разминались, потом ускорили темп, используя в качестве опоры не только пружинящее покрытие пола, но также стены и потолок. Брендан немного уступал Пабло ростом и длиной рук: все-таки сила тяжести на родной для Вундеркинда Сербелиане немного превышала земную. Однако он был превосходно сложен и двигался безукоризненно, копируя плавную слитно-текучую манеру своего наставника. Эдакий Командор в миниатюре. Вот только в случае с Пабло тактика копирования почти не работала. Все эти повороты, перекаты и финты он знал наизусть, а импровизировать Вундеркинд еще не научился.

Впрочем, желание наказать товарища за зубоскальство у Пабло уже давно отпало. Он не столько нападал и оборонялся, сколько следил за мельканием ловких, тренированных рук противника, и не только потому, что не хотел проиграть. Не имея возможности говорить о насущном в открытую, в движениях флая они с Бренданом зашифровали целый язык, взяв за основу систему старинного флотского семафора. Благо оба выросли у моря и в юности грезили о парусных кораблях.

«Что-нибудь удалось узнать?» — поинтересовался Пабло, старательно совершая сложный обходной маневр.

«Кто из членов совета директоров «Панна Моти», помимо Феликса, курировал программу «Универсальный солдат»?» — взволнованно просигнализировал Брендан, поспешно делая сальто назад.

Не ожидавший такого вопроса Пабло чуть не отправил его в нокаут.

«Ее же признали неэффективной», — с сомнением

просемафорил Пабло, не понимая, куда клонит дотошный Вундеркинд.

«В том виде, в котором ее предлагал Феликс, да, — пояснил Брендан, в новой атаке демонстрируя прекрасный удар левой с разворота. — Но ты же знаешь, что выделенный из крови Командора и Маргариты Арсеньевой препарат, который улучшает реакцию, выносливость и регенерацию, теперь вводят всем пилотам и абордажникам. И у змееносцев в этом направлении велись параллельные исследования».

Пабло кивнул, обдумывая сказанное. Он имел все основания доверять товарищу. Все-таки Брендана не зря прозвали вундеркиндом. Ему не исполнилось тринадцати, когда он выиграл олимпиаду Содружества по молекулярной биологии. Поэтому Арсеньев допустил талантливого подростка к лабораторной работе еще на Васуки. Другое дело, что направление, которое принимал их разговор, совсем не радовало.

«Ты хочешь сказать, профессор Нарайан мог иметь отношение к этим разработкам и теперь использует наших ребят в качестве подопытных?»

«Я недавно выяснил, что в его лаборатории ведутся эксперименты по созданию новой модификации человека, способной противостоять воздействию радиации и любой другой агрессивной среды, и пытаюсь понять, откуда растут корни», — отозвался Брендан, выплескивая свое негодование в максимально жесткой атаке.

«Ты сам это раскопал или тебе дали наводку?» — на всякий случай спросил Пабло, понимая, что безопасники могли устроить и провокацию.

«Твоя гидропонная нереида поделилась, — заговорщицки усмехнулся Брендан, указывая на бассейн. — Она сама об этом недавно узнала и пришла в ужас. Думаю, она могла бы стать нашим союзником».

Хотя Пабло задела фамильярность несносного Вундеркинда, он подумал, что Кристин и в самом деле похожа на хрупкий оранжерейный цветок, нуждающийся в защите.

«Не смей ее впутывать! — резче, чем следовало, отозвался Пабло. — Это слишком опасно».

«Тогда хотя бы пригласи ее на свидание, пока это не сделал кто-нибудь другой, — возвращая на лицо прежнюю легкомысленную улыбку, посоветовал Брендан. — Она же только о тебе во время перерывов и говорит!»

Пабло украдкой глянул в сторону бассейна, пропустил удар и кубарем покатился по покрытию. Вынырнув на поверхность и удобно устроившись на бортике, за ними наблюдала доктор

Кристин.

Неуклюже поднимаясь на ноги и потирая ушибленный бок, Пабло про себя отметил, что, проведя на глубине не менее четверти часа, она совсем не запыхалась, да и нежное лицо с лучистыми глазами выглядит белокожим, но не бледным.

— Ну же, давай! Действуй! Сейчас самый благоприятный момент, — зашипел в ухо Брендан.

Пабло досадливо от него отмахнулся. Он не какой-то сосунок, чтобы его поучали. Задетый ехидством Вундеркинда, он набрался смелости и дождался Кристин после душа.

— Интересуетесь флаем? — спросил он, удивляясь, каким чужим и неестественным звучит собственный голос.

— У вас хорошо получается, — улыбнулась Кристин, собирая влажные волосы в небрежный узел. — Наши охотники так не умеют.

Пабло подумал, что ее алые губы, когда она улыбается, становятся похожи на распустившуюся розу. Жаль, что под куполом, экономя ресурсы, совсем не выращивали цветов.

— Я мог бы показать Вам несколько приемов на всякий случай, — наобум предложил он, не очень представляя эту хрупкую девушку на татами.

— Сейчас уже поздно, — уклончиво отозвалась Кристин, оправляя манжеты наглухо застегнутого комбинезона. — Пора идти в лабораторию. Разве только вечером.

Сопровождаемый одобрительными жестами Брендана, Пабло проводил ее до входа в зону стерильности и условился о времени встречи.

Работа сегодня спорилась. Казалось, еще чуть-чуть — и на волне рентгеновского излучения пульсара сквозь пространство и время отправится послание: «Я люблю Вас, Кристин» и найдутся коды к каким угодно серверам. Но нейтронная звезда безмолвствовала, ей не было дела до людских чувств. А вот сервера на волне вдохновения решили-таки свои тайны приоткрыть. Пабло не только благополучно взломал базу личных данных, но и добрался до секретного досье заведующего научным отделом.

«Шатругна Нарайан, — узнал он наконец полное имя профессора. — Член совета директоров корпорации «Панна Моти». Куратор программы «Универсальный солдат».[9]

Перед глазами безумной кавалькадой пронеслись тоннели шахты «Альтаир» и обезумевшие подопытные, атаковавшие их на подступах к лаборатории, разряд парализатора и магнитные наручники, защелкнутые на запястьях, опасная игра по дезинформации врага и тайному взлому базы данных и

бесконечные недели каждодневных пыток без надежды найти покой даже в смерти.

Дальше читать не имело смысла. Там значилось про какую-то невесту, потерявшуюся во время эвакуации на пустоши, и про работу по преодолению негативного воздействия радиации. Но какое это сейчас имело значение? Городом руководил один из членов совета директоров преступной корпорации, торговец человеческой смертью, безжалостный убийца, один из тех, кто обрекал людей на жуткие мучения, кто подписывал им с Командором, Дином и Петровичем смертный приговор.

Пабло поспешно вышел и уничтожил все следы взлома. Затем какое-то время, пытаясь успокоиться, смотрел в панорамное окно верхушки купола. Одна из привилегий научного отдела заключалась в возможности изо дня в день созерцать черный небосвод, залитую красноватым свечением пустошь с искореженными остовами погибших кораблей. Сегодня, впрочем, чернота неба, на краю которого притаился невидимый пульсар, выглядела не просто равнодушной, но почти пугающей. Пылающим знамением кометы на равнину опускался корабль.

Пабло и Кристин

Брендан

Глава 4. Мартышки и медузы

— Какой осел парусоухий учил тебя прокладывать курс? А где, дубина, поправка на рентгеновские помехи пульсара и гравитацию черной звезды? А ты что возишься, недоумок? Кто так распределяет газы в маневровых? Думаешь, если руки золотые, то неважно, из какого места они растут?

В последние дни Саав Шварценберг ругался раза в два чаще, чем обычно, срываясь не только на «несносного мальчишку» и «тупого кошака» Синеглаза, но и на заслуженных ветеранов, таких, как Эркюль, чернокожий здоровяк и непревзойденный абордажник Шака или командир артиллеристов Таран.

— Дармоеды хреновы! Потроха вам в глотку! Только еду и воздух на вас приходится тратить! Почему у нынешних амортизаторов нет функции анабиоза, как на старых добрых фотонных звездолетах времен первых десятилетий освоения большого космоса?

В самом деле, пока все ресурсы корабля были направлены на борьбу с двумя наиболее опасными звездами системы Эхо, членов экипажа, не занятых непосредственно в управлении, капитан считал лишними ртами. Поскольку никто не знал, когда удастся пополнить припасы, да и удастся ли это сделать вообще, порции и без того скромного рациона уменьшили вдвое. А Синеглазу приходилось и вовсе довольствоваться объедками, едва ли не побираясь у мартышек, которых упрямо продолжал кормить из своей доли Эркюль.

— Пусть скажет спасибо, что я не выкинул его в открытый космос, как бесполезный балласт! — отрезал Шварценберг, когда Эркюль в первый раз удивился, не найдя порции юного гардемарина.

— Зря ты так с ним, кэп, — пытался урезонить капитана Обезьяний бог. — Мальчишка ни в чем не виноват. К тому же он еще может нам пригодиться.

— В треугольнике Эхо? — огрызнулся Шварценберг. — Не думаю. Гравитационная аномалия, знаешь ли, это не защитное поле. Кошачьими лапками не отключишь. К тому же я разве, Хануман, запрещаю? Корми всех мохнатых ублюдков, сколько влезет. Отдай им свою порцию, делов-то. Тебе, думаю, и собственных жировых запасов хватит.

— Но-но, кэп! — обиделся Эркюль. — Когда я подписывался на любой кипиш, я специально подчеркнул, что голодовка сюда не входит!

— А я разве обделяю в чем-то лично тебя? — парировал

Шварценберг. — Ну а дополнительный паек мы не оговаривали. Скажи спасибо, что мы твой зверинец в целях продовольственной безопасности не пустили в расход, — продолжал он, свирепо щелкая суставами экзоскелета и явно наслаждаясь замешательством Эркюля. — Но обезьян я держу на крайний случай. Когда и их съедим, останется только прелые шкуры из нашего груза варить! Если до этого не упадем в пульсар или не окочуримся от удушья!

Так и пришлось Эркюлю делить свою долю на десятерых, включая Синеглаза. И хотя мартышкам требовалось не так уж много, на всех явно не хватало. Тем более, увлекшись, Эркюль мог съесть все сам или скормить мартышкам.

— Ой, извини, малыш! Я думал, там осталось что-то еще, — разводил он руками, в которых, несмотря на регулярное недоедание, пухлости почему-то не убавлялось.

— На, покорми парня! — сжалившись, отдавал половину бруска сухого концентрата Шака.

— Эта преснятина в рот уже не лезет, — соглашался с ним Таран, — а бухло на борту проклятый кибер запретил.

Никогда еще в своей жизни княжич, выросший в довольствии и неге дворца, не знал, что такое голод. Детские капризы, когда он отказывался от обеда, желая досадить докучливым воспитателям, или пропускал дневную трапезу, слоняясь по улицам Царского Града, чтобы его только не засадили учить ненавистное Предание и скучные храмовые знаки, не стоило принимать в расчет.

Он, конечно, слышал о тяжелых временах, которые после победы царя Арса и великого исхода на Равану пришлось пережить его предкам-асурам, оставшимся в Сольсуране. Отец рассказывал, как они скитались по дорогам, прося подаяние, но никто из людей не подавал. Те же из них, кто укрылся в краю болот, и вовсе питались лягушками и червями или охотились на мелкую дичь. Со временем они утратили способность принимать человеческий облик и воспроизводить звуки осмысленной речи. Но одно дело слушать страшные рассказы после сытного ужина, задремывая у догорающего очага, а совсем другое — постоянно ощущать докучливый голос голодного желудка, сопровождаемый приступами слабости или тошноты.

Синеглаз с тоской вспоминал медовые лепешки, копченую табурлычину, жаркое из мяса косуляк с молодыми побегами травы. Все эти лакомства он ел во дворце каждый день и еще капризничал, вспоминая диковинные яства вестников, и в первые дни на борту «Нагльфара» питался исключительно мороженым и шоколадом. Благо тогда его никто не оговаривал и даже не

считал бесполезным балластом.

Сейчас бы он, пожалуй, не отказался от рагу из лягушек и червяков, но на звездолете не водились даже крысы. Мартышек Синеглаз не трогал сознательно. Эркюль единственный добывал какую-то еду, идя на невероятные ухищрения и не гнушаясь воровства. Поэтому сейчас, как никогда, княжич боялся обратиться. В облике Роу-Су он бы точно не сумел контролировать свои инстинкты, и вряд ли только мартышкам пришлось бы пожалеть, что на борту находится оборотень.

К счастью, отец больше не использовал свой древний дар. Любое обращение отнимало у него слишком много сил. После смены облика князю Ниаку приходилось какое-то время ходить в звериной шкуре, и с каждым разом все труднее давалось обратное превращение в человека.

С другой стороны, Сигеглаз даже жалел о том, что лишен возможности перекинуться в горного кота. В теле Роу-Су он смог бы успокоить себя хотя бы мурлыканием и меньше бы страдал от разреженного воздуха и перепада температур. Во всех помещениях корабля, кроме рубки, кислородные генераторы и системы климат-контроля работали на половине мощностей, поэтому тропическая жара, сопровождаемая духотой, неожиданно сменялась душным холодом.

— Ничего не поделаешь, малыш, — объяснял Эркюль, кутая Синеглаза в меховой комбинезон, который через пять минут приходилось снимать. — «Нагльфар» — очень старый звездолет, видавший и лучшие времена. Ходовая часть у него, конечно, ого-го! По скорости и маневренности он заткнет за пояс любой истребитель, и это не раз спасало нам со Шварценбергом жизнь. Но вот что касается начинки, тут надо либо все менять, либо постоянно ставить заплатки. На верфях Содружества, пока Саав с ребятами парился в их тюряге, корабль, конечно, слегка подлатали. Семен Савенков не мог допустить, чтобы такой добрый звездолет бесславно сгнил. Но все равно. Где тонко, там и рвется, а сейчас, тем более, мы идем на пределе возможностей.

— Только бы не разгерметизация! — болезненно реагировал на холод Шака. — Лучше уж сразу аорту вскрыть!

— Зачем вскрывать? Она и так разорвется вместе со всеми остальными сосудами, когда от перепада давления из тебя в один миг вытечет вся жидкость, а потом тело размажет по стенкам! — сурово расхохотался безбашенный Таран. — Что до меня, то после пяти лет на нарах Содружества мне любая разгерметизация нипочем.

— Вот и задуй сопло! Хватит ребенка пугать! — по-отечески обнимая съежившегося в углу Синеглаза, пытался утихомирить

товарища Эркюль. — На такой случай есть амортизаторы, да и скафандров хватит на всех!

Синеглаз в досаде подумал, что на борту вряд ли найдется спецкостюм, сконструированный с учетом анатомии Роу-Су. Да и для мальчишки его возраста вряд ли что-то подобрать удастся.

Когда «Нагльфар» перешел на маневровые двигатели, отключили еще и гравитацию. Впрочем, с этой напастью Синеглаз достаточно быстро освоился. Ему даже понравилось левитировать по отсекам в компании мартышек, которых невесомость тоже, судя по всему, забавляла. А вот когда они приблизились к коварной черной звезде, и сила ее притяжения навалилась разом, увеличивая вес любого предмета вдвое или втрое, Синеглаз даже выбраться из амортизатора не смог.

— Ничего, малец, скоро это пройдет, — успокаивал княжича Эркюль, бережно устраивая рядом с ним мартышек. — Возле нейтронной звезды и красного карлика должно стать полегче. Только бы этот проклятый пульсар не сбил нам настройки!

Пульсар. Это страшное название звучало приговором. Коварная нейтронная звезда, подобно береговым пиратам, заманивающим корабли на свет ложного маяка, создавала помехи, отправляя звездолеты в пасть ненасытной черной звезды. Думается, жители травяных лесов, одушевлявшие силы природы, сочли бы этих недружелюбных родичей Владыки Дневного света одним из демонов, порожденных злобой Хоала, ибо, как и в Нижнем Мире, в треугольнике Эхо не действовали обычные законы природы. Синеглаз представлял себе гигантского паука-птицелова, раскинувшего свои тенета посреди вселенной.

— Любой рентгеновский пульсар похож на эксплуататоров Альянса, — на свой революционный лад объяснял Эркюль. — В отличие от остальных нейтронных звезд, расходующих собственную энергию вращения на излучение, этот гад живет за счет других: наращивает массу и скорость, засасывая вещество с поверхности соседей.

— А черная звезда?

— А про нее тебе лучше и вовсе не знать, ибо этот гравитационный монстр галактику проглотит — не подавится.

Синеглаз эти объяснения слушал, мотал на ус, разумеется, кошачий, но легче от знания ему не становилось. Впрочем, он уже и ругань капитана воспринимал словно докучливый фон, почти не запоминал ярких идиом, как и все остальные, сосредоточенный на одной задаче — выжить.

— Понимаешь, малыш, — объяснял Эркюль. — Даже если мы сядем на ту планету, что само по себе проблематично, ничего хорошего нас не ждет. Атмосфера там для дыхания непригодна,

температура — слишком низкая. А где зарядить аккумуляторы, никто не знает. Там каждый год пропадают десятки кораблей, и ни один пока не вернулся.

Слушая эти «утешения», Синеглаз едва сдерживался, чтобы, как маленький, не расплакаться от обиды. Как же глупо все получилось! А он-то размечтался! Но мог ли он знать, что увеселительная прогулка, на которую походило начало их путешествия, закончится катастрофой? Он ведь даже не попрощался с матушкой! Беспечно думал, что скоро вернется.

Синеглаз вспомнил, как по уговору с Эркюлем тайно выбрался из дворца. Проскользнуть мимо охраны для него никогда не составляло проблемы. Прохладный ночной ветер перебирал его волосы, пока они летели до корабля на вертолете, внизу в свете трех лун поблескивало прозрачное зеркало Фиолетовой, и в воздухе ощущался легкий запах тины. Княжич упивался полетом и радовался, что отец даже не сможет снарядить за ними погоню. После ухода с планеты вестников во дворце, конечно, остался вертолет, которым князь Ниак худобедно умел управлять. Но за космическим кораблем на таком драндулете точно было не угнаться, а кроме контрабандистов Шварценберга на Васуки больше никто не садился.

Неужели Великий Се и духи-прародители решили покарать Синеглаза за сыновнюю непочтительность и непослушание? Или его настигла кара за грехи отца? А он так хотел доказать, что достоин стать наследником царского престола. В конце концов, в жилах его матери текла кровь древних сольсуранских владык. Да и отец хоть и вырос в лавке деда-мясника, однако, вел родословную от самого Великого Асура. Впрочем, что, как не равнодушие родителя, который не обращал на первенца никакого внимания и только раз за разом использовал его в своих интригах, побудило княжича искать встречи с вестниками? Ах, если бы существовала возможность повернуть время вспять! Если бы нашелся хоть мизерный шанс, что из этой западни они все-таки выберутся. Синеглаз бы безропотно чистил палубу до самого конца этого рейса, а дома засел бы с удвоенным рвением за изучение Предания и другие науки.

Меж тем, перегрузка возросла настолько, что это стало ощущаться и в амортизаторе. Хорошо, что у экипажа имелись экзоскелеты, но насколько они спасали, Синеглаз сказать не мог, да и не пытался даже думать. Он задыхался, по его лицу градом лился холодный пот, а подступавшие к горлу рвотные спазмы ничем не получалось остановить. Казалось, все внутренности решили вылезти наружу, как у тех несчастных, которым по приказу его отца, возродившего казнь, принятую во времена

Великого Асура, вспарывали живот и засовывали в рот собственные кишки. Мартышкам тоже приходилось несладко, и от их визга звон в ушах становился просто невыносимым.

В какой-то миг сознание милостиво покинуло Синеглаза, а когда он вновь сумел разлепить отяжелевшие веки, мартышки верещали уже возбужденно и весело, а в крышку амортизатора стучался Эркюль.

— Открывай, малыш! Все закончилось! Сейчас будем подбирать на твою царскую особу скафандр. Таскать тебя на себе у меня больше нет никакого желания, да и мартышек нельзя без присмотра оставить.

До пульта амортизатора Синеглаз добрался не сразу. Руки тряслись, а голова и вовсе ощущалась черепками разбитого горшка, вроде тех, которые царица Серебряная и вестники привозили из Гарайи, а потом долго и тщательно собирали и склеивали. Придворные и сам владыка Сольсурана только недоумевали, искренне не понимая, зачем выкапывать из земли всякую рухлядь. Но поскольку царица давно погибла, а ее товарищи находились далеко, голову Синеглаза собирать и склеивать было некому, а Эркюль вносил в сознание еще больший хаос, нагружая новой информацией.

— Прикинь, наш капитан все-таки сумел обмануть этот проклятый пульсар, разминуться с черной звездой и выйти в систему красного карлика! — радостно вещал Обезьяний бог, почесывая за ушком и поглаживая брюшко всем питомцам разом.

Синеглаз бы тоже не отказался от ласки, и не только в кошачьем облике, но, памятуя об апсарских танцах, боялся даже заикнуться об этом.

— Так мы приземлились? — уточнил княжич, прислушиваясь к ощущениям и тут же начиная выстукивать дробь зубами.

Хотя перегрузка исчезла, на борту царил такой холод, что пар шел изо рта, как зимой в горах Трехрогого Великана.

Эркюль вместо ответа сгреб его в охапку и, потрясая за плечи, восторженно поцеловал, едва не царапая кожу колючей бородой. Хотя вид Обезьяний бог имел весьма помятый, его утратившее округлость, осунувшееся лицо буквально светилось.

— А я тебе о чем говорю! Наш кэп просто кудесник. Корабль посадил, как собственный зад, не напоровшись на горные вершины и обломки других звездолетов. Я тебе скажу, там на пустоши — целое кладбище. Живем, малыш! Наверняка будет чем поживиться! Капитан на радостях даже устроил небольшой пир в честь, так сказать, благополучного прибытия!

С этими словами Эркюль достал из-за пазухи контейнер с консервированными фруктами и ароматный стейк, в который

Синеглаз без лишних слов впился зубами.

Лежа в амортизаторе, безуспешно борясь с тошнотой, княжич, конечно, думал, что на еду смотреть сможет не раньше, чем через неделю. Однако от одного запаха мяса, пускай пересушенного в морозильной камере, рот немедленно наполнился голодной слюной. Поэтому стейк исчез в желудке просто мгновенно. Хотя после перегрузки и первой сытной за много дней трапезы неудержимо клонило в сон, слова о скафандре побудили Синеглаза как можно скорее подняться на ноги.

Он же мечтал прогуляться по другой планете. И не важно, какие сюрпризы готовит им этот геоид, сиротливо притулившийся к красному карлику. После месяца, проведенного в замкнутом пространстве корабельных отсеков, возможность ступить на твердую почву, увидеть горизонт и почувствовать лучи какого угодно светила представлялась едва ли не чудом.

Однако тут княжича и его заступника ждало разочарование. В кессонном отсеке их встретил встрепанный, точно старый летающий ящер, злой капитан.

— Кусок плазмы тебе в задницу! Какой скафандр для этого балласта? — напустился он на Эркюля, едва тот завел речь об участии княжича в вылазке. — Ты еще предложи твоих мартышек каждую в экзоскелет одеть!

— Но, кэп! — попытался протестовать Эркюль.

— Я все сказал, Хануман! — рявкнул на него Шварценберг. — Во время первой вылазки дети и животные остаются на борту! И чтобы без фокусов! — добавил он строго. — Я не спорю, твое зверье незаменимо, когда речь идет о контрабанде алмазов или добыче разведданных, — немного смягчив тон, продолжал он. — Но нам нужно сначала осмотреться и понять, что за хрень тут творится, и кто расчекрыжил все эти корабли, а заодно выяснить, не осталось ли на них горючего и съестных припасов. Заправочной станции тут поблизости точно нет!

Синеглаз, на которого никто не обращал внимания, с завистью смотрел, как контрабандисты прилаживают пластины брони, как защелкивают застежки, и присоединяют полные аккумуляторы к скорчерам. Княжич подумал, что ему оружие на незнакомой планете тоже не помешает, и незаметно вытащил из ящика небольшой, как раз по руке, импульсный пистолет и аккумулятор подходящей модели.

Обращаться с оружием вестников Эркюль научил его еще на Васуки и задолго до того, как предложил участие в космической авантюре. Несмотря на немалый вес пистолета, попадать из него в цель оказалось куда легче, нежели бросать в мишень стрелы и камни из пращи. Да и результаты впечатляли.

Другое дело, что всем видам оружия княжич предпочитал меч и каждый день упражнялся в фехтовании по нескольку часов, стараясь не пропускать тренировки. Эти занятия ему нравились куда больше, нежели скучная зубрежка законов Сольсурана и имен древних царей. Когда теперь доведется выбежать в залитый солнечным светом, окруженный тенистым садом внутренний двор? Когда удастся ощутить привычную тяжесть клинка?

Впрочем, оттягивающий правую руку импульсник, на котором после подключения аккумулятора немедленно загорелся индикатор боевой готовности, его тоже успокаивал.

Сначала княжич поднялся в рубку, но вахтенные пилоты крепко запомнили эпизод с обращением и, сберегая ценное оборудование, к экранам наблюдения его не пустили. Тогда он пошел на орудийную палубу, где возле готовых к бою плазменных установок нес вахту посерьезневший Таран.

— Что, пацан, не терпится взглянуть на нашу новую родину и, возможно, могилу? — хмыкнул артиллерист, пропуская Синеглаза к панели голографического монитора.

— Было бы на что любоваться, — печально вздохнул его напарник Чен Лун. — Темнота и глушь. Влипли мы, ребята, по самые антенны!

Синеглаз не нашел, что возразить. Погруженная во тьму безжизненная равнина, по которой сейчас пробирался Шварценберг с группой исследователей и абордажников, выглядела угрюмо и негостеприимно. Небо и вовсе пугало своей пустотой. Как узнал Синеглаз из обрывка разговора пилотов, свет звезд досюда не добирался, поглощаемый черной звездой, а местное солнце казалось более тусклым, чем любая луна. Подсвеченные прожекторами «Нагльфара», где-то вдалеке виднелись причудливо изломанные пики гор, повсюду валялись обломки разбившихся кораблей.

Княжич подумал, что так, скорее всего, должен выглядеть исподний мир Трехрогого и Хоала. В нем ведь даже демоны воют от голода и тоски. Впрочем, в Сольсуране существовало место, которое, особенно в ночную пору, могло поспорить с этой планетой по бесприютности. Пустыня Гнева, оставшаяся после применения царем Арсом Молний Великого Се на месте столицы Великого Асура, даже у чуждых предрассудков вестников вызывала оторопь. Простые же сольсуранцы и вовсе предпочитали обходить ее стороной. Другое дело, что здесь обходить было нечего и негде, а вылазка равнялась жесту отчаяния, путешествию в никуда.

Поникший и раздавленный, Синеглаз спустился в жилой отсек. Какой смысл слоняться без дела, что-то искать, на что-то

рассчитывать. Если абордажники и Шварценберг ничего не найдут, можно и из амортизатора не вылезать. Все равно воздуха надолго не хватит.

Добравшись до каюты, он обнаружил, что мартышки, которые обычно любили пошалить и полазить по стенам, ловко цепляясь за обшивку, забились под крышку амортизатора и сидят, прижавшись друг к дружке, испуганно-зачарованно глядя куда-то в угол, словно там притаилась ядовитая змея или еще какой-то опасный хищник.

Синеглаз очень хорошо знал этот затравленный взгляд. Так в те дни, когда он разгуливал по травяному лесу в облике горного кота, смотрели на него капату и подбитые косуляки, если ему приходила охота поиграть. Хотя в человеческом облике Синеглаз почти утрачивал звериную остроту слуха и зрения, чутье хищника оставалось при нем. Да и поведение мартышек его насторожило.

Поэтому, когда из скрытого полумраком угла к нему потянулось черное щупальце, импульсник оказался у него в руке раньше, чем он про него вспомнил.

— Какого беса рыжего! Кто разрешил использовать плазменное оружие в жилом отсеке? Кто дал этому кошаку в руки пистолет?

С орудийной палубы, поминая космическую нежить и всю Синеглазову родню, летел Таран, из рубки, кажется, тоже выбежал кто-то из пилотов. Синеглаз с ошарашенным видом смотрел на дымящийся импульсник. Половина каюты, которую они делили с Эркюлем, Тараном и Шакой, теперь мало чем отличалась от обломков на пустоши. По стенам были размазаны ошметки чего-то черного. Мартышки в амортизаторе отчаянно верещали, не подозревая, что спасли жизнь наследнику сольсуранского престола.

Синеглаз думал либо к ним присоединиться, либо все же дать деру. Объясняться с Тараном не хотелось. Рука у артиллериста была не менее тяжелая, нежели норов, а доказать, что черная тварь не привиделась, не представлялось уже возможным.

Но в этот миг спускавшийся с мостика пилот страшно закричал, а потом Синеглаз услышал звук падающего тела. В воздухе запахло паленым.

— Врете, твари, не возьмете! — на чем свет стоит костерил неведомую напасть Таран.

Плохо соображая, Синеглаз вылетел в коридор, прицелом имульсника отыскивая новую угрозу. Он увидел простертого на полу пилота и черную, похожую на спрута или другого обитателя глубин почти бесформенную тварь, нависшую над ним с твердым намерением начать трапезу. Еще одно чудище пустоши тянуло

щупальца к артиллеристу. Поскольку Таран, который забыл закрыть снабженную прибором ночного видения линзу шлема, ничего не мог разглядеть и только растерянно крутил головой, Синеглаз понял, что стрелять придется опять ему. Все-таки его глаза и в человечьем обличии сохраняли некоторые свойства кошачьего тотема. В темноте он видел гораздо лучше любого из команды Шварценберга.

Он улучил момент, прицелился, чтобы не задеть невзначай артиллериста, и превратил вторую тварь в такие же малоаппетитные ошметки. С третьей медузой Таран справился самостоятельно, хотя бедняге пилоту это уже не могло помочь.

— Что у вас там происходит? — волновался на орудийной палубе Чен Лун.

— Ты не поверишь, брат, — отозвался Таран. — От медуз отбиваемся!

От волнения его снова пробило на мрачный юмор.

— Если полезет что-то черное и бесформенное, палите без размышлений и опасения повредить корабль, пока вас не сожрали!

— А что с Гарри? — откровенно испуганно спросил остававшийся на мостике пилот.

— Мертв, как белый карлик! — после первого же осмотра заключил Таран. — Эта местная тварь парализовала его током, а потом выпустила яд.

— Да упокоит Аллах его душу! — торопливо проговорил второй пилот.

— Аминь! — жестко ответил Таран. — Если и тебя, Али, потеряем, останется только наш кибер-дед, а я не скажу, что страшнее, застрять здесь или лететь, когда кораблем управляет капитан. Он, конечно, открыватель планет и вообще человек выдающийся, но иногда мне кажется, уж лучше бы у него вместо спинного мозга экзоскелетом заменили головной.

Синеглаз подумал, что эта идея не лишена смысла: иногда ему хотелось, чтобы и в теле отца поселился какой-нибудь искусственный интеллект. Андроиды, которых в один из прошлых визитов привозили Саав и Эркюль, выглядели совсем как люди и говорили исключительно по делу и очень вежливо. Впрочем, сейчас существовали задачи и поважнее.

— Надо бы осмотреть другие коридоры, — решил напомнить о своем присутствии княжич, удивляясь звучанию совершенно осипшего голоса. — Вдруг там прячутся еще эти медузы.

— Здравая мысль, — согласился Таран. — Если этих тварей не распознали наши фильтры, сюда могла забраться целая колония! Только как бы нам такими темпами весь корабль в

решето не превратить. Но сначала подберем тебе, пацан, все-таки скафандр. Рука у тебя твердая, глаз верный. Я бы не хотел такого ценного напарника терять!

Они заперли в амортизаторе мартышек, чтобы до тех не добрались черные твари. Двоих самых дружелюбных и понятливых зверьков Синеглаз сунул за пазуху. Потом включили яркий свет и спустились на абордажную палубу, где для княжича нашелся удобный почти по размеру экзоскелет.

— Надо же! — радостно удивился Таран. — А я думал, Онегин была выше.

— Я матушку уже по росту обогнал, — обиделся Синеглаз. — Вот только не станут ли абордажники смеяться, что княжеский сын носит девчачьи обноски.

— Девчачьи? — Таран расхохотался. — Да Онегин в сети могла заткнуть за пояс любого мужика. Жаль, с кэпом они на ножах расстались.

Синеглаз вспомнил, что у вестников женщины нередко выполняли ту же работу, что и мужчины, и делали это не хуже, и почти успокоился. К тому же он знал, что Онегин была подругой царицы Серебряной, которую княжич почитал и уважал.

Вместе с Тараном они обследовали весь корабль, отстреливая медуз без жалости. Обезьянки исправно предупреждали Синеглаза об опасности, так что Таран даже начал завидовать. К тому времени, когда вернулись абордажники, осталось только несколько самых ленивых тварей, не решившихся покинуть кесонный отсек.

— Бардак на корабле! — напустился на вахтенных Саав, обозревая побоище, оставшееся после зачистки. — Что у вас тут творится и кто позволил кошаку скафандр Онегин надеть?

— Потише на взлете, кэп! — вместо указательного пальца вскинул вверх заряженный импульсник Таран. — Этот, как ты говоришь, кошак мне жизнь спас.

— У вас тут что, тоже была попытка контакта? — мрачно поинтересовался Шака.

Как выяснилось, пока до контрабандистов дошло, что планета обитаема, отряд потерял на пустоши троих.

— К нам прибыла делегация туземцев в твердом намерении устроить приветственный обед, — не менее мрачно отшутился Таран. — Члены экипажа шли в качестве основного блюда.

— Мои мартышки! — всполошился Эркюль.

— Да что с ними будет! — досадливо поморщился Таран. — Эти мохнатые бестии чуют медуз лучше всех нас вместе взятых. И кошак тоже. А вот Гарри не повезло.

— Мир его праху! — потрясенно осенил себя знаком

огненного колеса Обезьяний бог.

— Мертвых до отлета в заморозку, — распорядился Шварценберг. — Нечего привлекать сюда любителей органики. Образцы ткани медуз проанализировать и внести их параметры в систему. Мартышек взять на довольствие, кошака зачислить в экипаж гардемарином. Первое поручение — навести везде порядок и ликвидировать последствия своих подвигов. И без возражений!

Глава 5. Корабль-призрак для мертвой принцессы

Собрать личные вещи для Савитри не составило никакого труда. Любимые безделушки, напоминавшие о прошлой жизни, умещались в упаковку от съемного аккумулятора, приспособленную в качестве своеобразной шкатулки для украшений. Впрочем, самое ценное Савитри всегда имела при себе. Носитель информации с домашним архивом их семьи за несколько поколений Шатругна поместил на ее материнскую плату вместе с ключом от сокровищницы.

Впрочем, Савитри не любила пересматривать эти записи, слишком красноречиво свидетельствовавшие о ее ущербности. Она и без дополнительных напоминаний могла в малейших чертах описать голограммы, где совсем молодой Шатругна обнимал желанную для него первую Савитри, повторить слова клятв, которые он произносил, стоя у священного огня. В них не звучало ни слова фальши, ибо ту женщину он любил.

Глубокое искреннее чувство пронизывало каждую улыбку, каждый взгляд, каждое нечаянное прикосновение, заливавшее щеки возлюбленной смущенным, но радостным румянцем. Она отвечала взаимностью. Для выражения чувств счастливой сопернице собственного клона даже не требовались слова. Порывистый жест, которым она убирала с лица волосы, рассказывал о том, как она взволнована и польщена. Бесконечная нежность пряталась в тени от опущенных ресниц, о ней звенели браслеты на трепещущих в предвкушении объятья тонких изысканных руках, а приоткрытые губы и вспыхивающий румянец выдавали желание.

Эти записи, каждый раз заживо сжигавшие ее на погребальном костре погибшей любви, Савитри ненавидела, кажется, больше, чем ту, чье место так и не смогла занять. Разве копия может соперничать с оригиналом? А что же говорить о синтетическом симулякре, для которого и оригинала-то нет? Но разве она виновата, что ей с детства внушали любовь к тому, кто так и не смог ее полюбить?

Глядя на экран голографического проектора, узнавая у предшественницы черты, которые каждый день показывало ей зеркало, Савитри понять не могла, чем она хуже. Разве ее руки недостаточно гибкие и ухоженные? Разве они не умеют обнимать? Разве ее волосы, освободившись от заколок, не рассыпаются по плечам такой же золотистой волной? Разве ее голос звучит менее

страстно и призывно?

— Ты всего лишь копия, и оригиналом тебе не стать!

Когда принцессу Сансары поразил недуг, от которого уже погибли тысячи ее подданных, не говоря о миллионах в других мирах, Шатругна, несмотря на опасность заразиться, не отходил от нее, пытаясь если не исцелить, то хотя бы облегчить последние дни и часы, в ужасе глядя, как прекрасное тело превращается в распадающуюся на глазах бренную оболочку.

Он сам предложил безутешному радже клонировать дочь. И только лишь затем, чтобы два десятилетия спустя упрекать:

— Лучше бы на ее месте оказалась ты!

Впрочем, в этом был весь Шатругна.

Он потратил годы на бесплодные поиски, пытаясь найти лекарство от синдрома Усольцева. Тысячелетиями дремавший в алмазных копях Сансары и Сербелианы, неизвестный человечеству вирус словно смеялся над ним, поражая новые жертвы. Но когда долгожданный препарат был найден и успешно применен учеными Содружества, потратил еще несколько лет, чтобы изобрести жуткий яд, который, будучи внедренным в вакцину, замедлял развитие заболевания, но не исцелял, а только продлевал муки.

— Зачем вы под видом лечения специально заражаете людей? — недоумевал раджа Сансары, узнав насколько опасна вакцина, созданная корпорацией «Панна Моти».

— Почему эти грязные шудры должны жить, если моя Савитри умерла? — сверкал глубоко запавшими глазами Шатругна.

После смерти любимой он почти не спал, изнурял себя работой, но так и не мог затушить клокотавший в груди вулкан жестокой обиды.

— В Альянсе бедняков много, энергетических ресурсов на всех не хватает. Биореакторы помогут решить эту проблему.

Тогда он сумел убедить отца подписать разрешение на «вакцинацию», расписав неслыханную эффективность нового метода получения энергии, решавшего разом кучу насущных проблем. Сансара в самом деле задыхалась от бедности и перенаселения. Возмущенные подданные роптали. Шатругна железной рукой сумел навести порядок, надолго заткнув рты недовольным, которые мгновенно становились сырьем. Недаром возглавляемый им филиал Корпорации быстро стал одним из наиболее эффективных.

А в это время профессор Усольцев и его последователи действительно лечили людей с помощью вакцины и разрабатывали препарат, который свел бы деятельность «Панна

Моти» на нет.

Иногда Савитри, жестоко страдавшая от равнодушия любимого, думала о том, что уж лучше бы Шатругна вместо тысяч невинных отправил в биореактор одну ее. Но увы, погибшую невесту это ему не смогло бы вернуть, а копии, одна и другая, требовались, чтобы от имени раджи править Сансарой. Поэтому на официальных голограммах они выглядели красивой и счастливой четой.

Савитри тряхнула волосами, отгоняя наваждение. «Не хватало только в такой момент зависнуть. Перед самой дорогой», — обругала она себя, не дожидаясь ворчливо-насмешливого оклика Пэгги. Подруга права. Нельзя жить прошлым. Но в чем черпать силы, если будущего у нее все равно нет? Обе Савитри умерли, остался только человеческий мозг, заключенный в черепную коробку андроида. Уже даже не клон, а синтетический слепок клона, ибо смерть Савитри Второй, как ее величали в официальных документах, Шатругне удалось каким-то образом скрыть.

В последние годы власть Шатругны на Сансаре стала просто неограниченной, и он мог проделывать и не такие махинации. Интересно, в городе под Куполом он тоже выбился во власть имущие? Пэгги упоминала, что там, хотя вроде бы и нет каст, но иерархия жестче, чем в армии или тюрьме. А что если он ее не бросил, а просто погиб или попал в плен и влачит сейчас жалкое существование на нижних уровнях града? А может быть, он продолжает ее искать? Хотя бы для того, чтобы вернуть ключ от сокровищницы.

Конечно, хранилище несметных богатств поколений раджей осталось на Сансаре, а они застряли в треугольнике Эхо. Но если Шатругна жив, он будет до последнего бороться за возможность вернуться. Уж что-что, а сдаваться он не привык.

Впрочем, пусть возвращается. У нее теперь есть Пэгги, и подругу она не предаст.

— Ну как, Ваше Высочество, готовы к переезду в новую резиденцию? — шутливо поклонилась амазонка, придирчиво разглядывая, насколько прочно увязаны и рационально распределены тюки с запчастями и аккумуляторами.

Савитри недовольно отметила, что на себя подруга навьючила груз раза в два более увесистый, нежели приготовила для нее.

— Ты это называешь тяжестью? — насмешливо хмыкнула Пэгги. — Да у меня разгрузка с боекомплектом весила больше! Не говоря уже об экзоскелете. А помимо снаряжения приходилось на себе столько всего таскать, включая раненых. В джунглях

Сансары, когда преследовали партизан, пешие марш-броски мы совершали почти ежедневно. Накрыть их убежища с воздуха получалось не всегда, а продираться сквозь мангровые заросли на танке или амфибии — заведомо пугать шуструю «дичь».

Она еще раз придирчиво осмотрела их прежнее жилище, казавшееся сейчас особенно пустым и сиротливым. То, что они с Савитри не смогли забрать с собой, рачительная Пэгги надежно припрятала и замаскировала.

— Спасибо этому дому, пойдем к другому, — невесело усмехнулась она. — Кажется, так говорят в Содружестве.

— Пусть нам улыбнется удача, — добавила старинное благопожелание Савитри.

Они выбрались на поверхность и задраили люк, внимательно осматривая пустошь в поисках медуз или охотников. Ни те, ни другие не появлялись. Похоже, все и вправду направились к новому кораблю.

— А ты уверена, что к ночи они не вернутся? — обеспокоенно спросила Савитри, которую отсутствие на пустоши медуз не столько радовало, сколько пугало, разрывая привычную реальность.

— А что им тут делать? — недобро усмехнулась Пэгги. — Свежачок, — она указала в сторону приземлившегося корабля, — всяко лучше! Я не знаю, хватит ли новеньким ума отбиться, — продолжала она, проверяя ориентиры и выбирая направление, — но нам эти ротозеи дали неплохой шанс проскочить на ту сторону без медуз, и грех этим шансом не воспользоваться. Сейчас самое главное, чтобы резервов твоих аккумуляторов хватило, — обернулась она, еще раз придирчиво оглядев Савитри. — Идти придется без остановки не менее трех суток. По моим расчетам отсюда до «Эсперансы» около двухсот километров. Но это почти все время в гору и по пересеченной местности.

— Я справлюсь, — поспешно ответила Савитри, с ужасом вспоминая одинокое блуждание по пустоши.

Пэгги почувствовала ее испуг, и в ее голосе появилась ворчливая забота:

— Да не бойся, я тебя не брошу. Должен же кто-то меня чинить, — добавила она с напускной строгостью. — Неужто я каких-то двести километров не пронесу такой ценный груз.

— Я поменяю аккумулятор и сама дойду, — слегка обиделась Савитри. — Только бы медузы нас не атаковали.

— Не атакуют, надеюсь, — почти уверенно отозвалась Пэгги. — Я планировала перебраться на ту сторону хребта, еще когда сбежала из дома удовольствий. Но не смогла найти надежного укрытия, чтобы переждать ночную пору. Зато нашла

тебя.

Савитри почувствовала, как ее щеки под маской заливает совершенно человеческий румянец. Таких слов за две ее жизни ей никто не говорил. Пэгги могла сколько угодно напускать на себя строгость и утверждать, что напарница ей нужна исключительно для починки, но Савитри точно знала, что это не так.

— Подумать только! — в досаде проговорила Пэгги, продвигаясь вдоль усеянного обломками знакомого гребня. — Ходим по гигантскому месторождению урановых руд и словно допотопные киберы из окраинных миров побираемся на пустоши, радуясь каждому не до конца выжатому аккумулятору.

— Но у нас же нет проходческого комбайна, — резонно заметила Савитри. — А лопатой много не добудешь.

— Да и смысла нет добывать, — вздохнула Пэгги. — Обогащать-то как? Эх, надо было соглашаться на горнодобывающий комбинат! — добавила она, уточняя маршрут при помощи навигатора. — Со свежим запасом топлива я бы лет десять протянула в автономном режиме. Но оттуда сбежать, говорят, труднее, чем из дома увеселений.

— А мне и обогащенный уран не поможет, — вздохнула Савитри.

— Поэтому тебя и не стоит нагружать, — заботливо глянула на подругу Пэгги. — Резервов твоих аккумуляторов надолго не хватит, а биореактор, бедняга, сейчас просто на голодном пайке. Всегда с вами, органиками, такая канитель! — продолжала она рассуждать, уверенным шагом продвигаясь вперед по пустоши. — С одной стороны — на обитаемых планетах нет проблем с топливом. Можете подзаряжаться за счет еды, почти невозможно отличить от человека. Наверняка в городе тебе бы легче жилось.

— В доме увеселений или на руднике? — парировала Савитри, которой не очень понравился ход рассуждений подруги.

— Почему сразу в доме увеселений? — слегка обиделась Пэгги. — Наверняка такую красотку заметил бы кто-то из верхушки. Знаешь ли, даже в этом гребаном треугольнике наследные принцессы не каждый день с неба падают.

— Тогда какая разница? — равнодушно бросила Савитри, стараясь поспевать за темпом амазонки. — Плясать апсарские танцы перед честными рудокопами или ублажать какого-нибудь раздутого упыря?

— Раздутого упыря?

От удивления, смешанного с возмущением, Пэгги, несмотря на немалый груз, едва не подпрыгнула.

— Ты говоришь прямо как агитаторы, которых мы отлавливали в трущобах Сансары! Можно подумать, твой

Шатругна не такой же упырь?!

— Так какой смысл менять своего упыря на чужого, когда мне тут и с тобой хорошо, — отозвалась Савитри, с бесшабашным смехом и визгом устремляясь вниз по пологому склону.

— Если мы благополучно доберемся до того корабля и найдем там топливо и еду, нам ничего не страшно! — согласилась с ней Пэгги, в шальном восторге тоже не пытаясь затормозить и только чудом сохраняя равновесие на сыпучей каменной крошке.

«А если нет, займем свое место среди призраков», — подумала Савитри. Впрочем, ее собственное существование стало призрачным задолго до того, как она попала сюда, еще в те годы, когда ее мозг не находился в теле андроида.

Дальше пришлось идти молча. Знакомый участок пустоши, по которому Савитри, не говоря уже о Пэгги, могла бы пройти даже с закрытыми глазами, остался позади. Их окружали острые, обрывистые скалы, усеянные обломками когда-то разбившихся и давно выпотрошенных охотниками кораблей, между которыми приходилось отыскивать дорогу.

Первые сутки Савитри бодро шагала вперед, отставая всего на пару шагов от прокладывавшей им путь Пэгги, и только иногда на особо крутых подъемах позволяла себя страховать. Потом расстояние непостижимым образом начало увеличиваться, а укладка с аккумуляторами и запчастями, казалось, потяжелела едва не вдвое. Увы, особенность функционирования ее тела заключалась в том, что при отсутствии подпитки и отдыха в мышцах накапливалась молочная кислота. В этом плане ее синтетический организм почти не отличался от человеческого.

Пэгги, в груди которой постоянно работал ядерный мини-реактор, находилась в более выгодном положении. Выполняя в прежние годы поручения по тихому устранению неугодных правительству лиц или собирая разведданные, она умела притворяться человеком и при этом вела себя как молодая привлекательная женщина. Замашки профессиональной, вернее, прирожденной соблазнительницы проскальзывали в ней и сейчас. Однако во время боевых вылетов или наземных операций без ущерба для работоспособности переходила в автономный режим, демонстрируя силу, быстроту и выносливость, недостижимые для человека.

Не случайно покойный раджа Сансары, отец Савитри, во время каждого мятежа кшатриев сетовал, что дороговизна в производстве андроидов не позволяет в вооруженных силах совсем заменить ими людей. А Шатругна и его коллеги из «Панна Моти», работавшие над программой «Универсальный солдат»,

пытались изменить человеческий кариотип, добавив качества андроидов. Савитри чувствовала, что и сама стала участницей эксперимента. Только думать об этом, поднимаясь по крутому склону с почти заглушенным биореактором и тяжелой ношей на плечах, как-то не хотелось. Но что поделать, если все ее мысли неизбежно возвращались к Шатругне.

— Ты только посмотри, кто к нам пожаловал!

Подъем наконец закончился. Они с Пэгги стояли на гребне перевала, обозревая равнину, посреди которой приземлился новый звездолет, выглядевший из-за размера обманчиво близким. Подсвеченный прожекторами, массивный, как гора, этот пришелец из иного мира выглядел могучим и грозным, точно угодивший в ловушку большой сильный зверь. Ощеренный генераторами защитного поля и дулами плазменных установок, готовых мгновенно развернуться и открыть огонь по любому подозрительному объекту, он бросал вызов, еще не сознавая, что на поединок никто не придет.

Тех, кто выдерживал первый натиск, преодолев лабиринты тройной системы и каверзы рельефа, треугольник Эхо брал измором, вытягивая силы в заведомо бесполезной борьбе, словно пульсар, поглощающий вещество с поверхности соседних светил. А совершивший посадку звездолет и без того выглядел настолько потрепанным, словно его корпус обглодали обитающие в загадочном веществе червоточин космические крысы или кроты.

— Ты знаешь этот корабль? — удивленно спросила у подруги Савитри.

— Еще бы мне его не знать!

В голосе Пэгги зазвучал боевой задор.

— Капитан этой древней посудины Саав Шварценберг — лучший навигатор и самый безбашенный пират в галактике. Его ублюдки атаковали нас на орбите Сансары, а потом мы с ними славно рубились в джунглях.

— Почему же безбашенный, если хороший навигатор? — удивилась Савитри.

— Потому, что никогда не знаешь, какую штуку на этот раз он выкинет. Сначала он сотрудничал с Альянсом — поставлял человеческое сырье для биореакторов, потом обиделся, что у него хотят отжать Васуки, которую он якобы открыл, и перешел к Содружеству. На какой стороне он сейчас, я даже сказать не возьмусь, но, думаю, нам лучше держаться от него подальше. Одной с его головорезами мне не справиться. Во время последней встречи их квартирмейстер[10] едва не прострелил мой реактор!

— Возможно, встречаться и не придется, — заметила Савитри. — Есть медузы, да и охотников не стоит сбрасывать со

счетов.

— Насчет медуз не скажу, — озабоченно проговорила Пэгги. — Эти скрытные твари способны достать кого угодно, а вот при встрече с охотниками я точно поставлю на пиратов. Шварценберг хоть и назвал свой корабль «Нагльфаром», но в утиль пока не собирается. И по чужим правилам играть не привык.

Савитри подумала, что в мифологии северных народов Содружества Нагльфаром называли корабль, построенный из ногтей мертвецов и из-за своей тяжести способный передвигаться лишь по промерзшему до дна морю Судного дня. Кто знает, возможно, звездный тезка корабля Рагнарека тоже сумеет преодолеть законы мироздания и вырваться из плена черной звезды.

Впрочем, пока их с Пэгги путь лежал в сторону, противоположную от пиратского звездолета — в соседнюю долину, где нашла последнее пристанище «Эсперанса», которую, по словам Пэгги, называли кораблем-призраком. Впрочем, прозвище это дали охотники. А они, единственные из обитателей Города под Куполом, не только исследовали этот мир, но и создавали его мифологию.

Долина, куда подруги направлялись, выглядела еще менее дружелюбной, чем пустошь, с которой они пришли. Нагромождения вулканической породы, вынесенной на поверхность с извержениями и застывшей причудливыми уступами, перемежались с кратерами и разломами, частично заполненными деталями корпусов разбившихся звездолетов. Судя по обилию обломков, шансы совершить здесь благополучную посадку стремились к нулю.

Они шли уже вторые сутки, и к этому времени Савитри совсем выбилась из сил. Хотя дополнительный аккумулятор вернул мышцам упругость, человеческий мозг даже после стимуляторов нуждался в отдыхе. Савитри механически передвигала ноги, как сомнамбула, временами забывая, куда и зачем они идут, и только силуэт Пэгги впереди служил ей маяком и якорем.

— А ты уверена, что этот корабль не плод воображения и не одна из городских легенд? — забеспокоилась Савитри, когда они, преодолев перевал и оказавшись по ту сторону хребта, не увидели ничего, кроме новых скал и обломков.

— Так же, как и в том, что ты принцесса Сансары, — отозвалась Пэгги. — Мы видели звездолет еще с орбиты, — пояснила она, — и шли к нему в надежде на нем выбраться, когда напоролись на охотников. Потом уже в доме удовольствий я

узнала, что те ублюдки с пустоши спасли нашим пилотам жизнь. Экипаж «Эсперансы» погиб от синдрома Усольцева или какой-то еще неизвестной болезни.

— Но ведь от синдрома уже более тридцати лет существует вакцина, — удивилась Савитри, вспоминая выпуск новостей, в котором показали первую выжившую, маленькую девочку, дочь профессора Усольцева.

Хотя ей самой тогда не исполнилось и шести, Савитри обратила внимание, как изменилось лицо Шатругны, как затряслись его руки.

— Профессор Усольцев! Благодетель человечества! — не скрывая сарказма, проговорил принц, сминая в руке изящный золотой браслет, который собирался подарить маленькой «невесте». — Конечно, он прыгнул выше себя, чтобы спасти дочь! А мою Савитри исцелить не смог. Горе ему!

— Высочество? Ну, точно, опять зависла. Как же, как же, целых три часа не думала о своем предателе ненаглядном.

— Я размышляла о создании вакцины, — честно повинилась Савитри. — Я просто не могу понять, — продолжала она, возвращаясь к теме разговора. — Почему охотники обходят корабль стороной. Наверняка большинство из них привиты.

— Никто не хочет понапрасну рисковать. Даже самые отбитые! — пояснила Пэгги. — Ты знаешь, как в городе боятся эпидемий, как строго проверяют всех новичков и шмонают охотников, возвращающихся из рейдов. При мне целую группу выгнали из шлюзовой камеры обратно на пустошь на верную смерть, и только потому, что у одного из них поднялась температура и появилась какая-то сыпь.

— Купольный город — замкнутая система, — попыталась оправдать повышенную на грани паранойи бдительность службы безопасности Савитри. — Любые инфекции размножаются в такой благоприятной среде просто молниеносно, — добавила она, вспоминая жуткую судьбу колонии на Лее, полностью погибшей во время эпидемии синдрома Усольцева.

— Да мне, ты знаешь, на горожан наплевать, — ответила Пэгги. — Хоть все бы там перемерли. Мне только до корабля дойти. Сейчас надо смотреть в оба, — продолжила она, проверяя предохранитель скорчера. — Не уверена, что все здешние медузы успели перебраться через хребет.

Им и в самом деле вскоре пришлось отражать атаки докучливых тварей, поленившихся тащиться на другую сторону хребта. Впрочем, медузы уже не могли остановить и воспринимались скорее как досадная помеха. Скалы расступились, и в обрамлении причудливой филиграни

проржавевших ребер жесткости и кружева арматуры их взорам предстала «Эсперанса».

Хотя за три своих жизни Савитри видела меньше звездолетов, чем Пэгги за полтора десятилетия срока службы андроида, ей показалось, что это самый прекрасный корабль, который когда-либо покидал космические верфи. Его массивность не давила, а конструкция выглядела легкой и упругой, как тело морского млекопитающего в родной среде. Его устремленный в небеса корпус поражал статностью и совершенством изгибов и линий. И даже отметины от метеоритов выглядели на нем как причудливые пятна грациозной пантеры.

В отличие от «Нагльфара», который явно закладывался как грузовик, а потом оброс броней и дополнительными пушечными отсеками, «Эсперанса» принадлежала к звездолетам пассажирского класса. Такие корабли, хотя и развивали хорошую скорость, но проектировались прежде всего с учетом требований удобства и безопасности. Поэтому жилая гондола была тут даже больше, чем грузовой трюм, а системы жизнеобеспечения имели несколько дублирующихся узлов.

Другое дело, что звездолету, на котором они с Шатругной в недобрый час отправились на Равану, дополнительные узлы не помогли. Разве что дали экипажу и пассажирам время покинуть корабль до того, как взорвался реактор.

Судя по отсутствию повреждений, реактор «Эсперансы» не только не пострадал при посадке, но и поддерживал системы корабля, включая защитное поле, на протяжении вот уже тридцати лет. И это ощущение нетленности рядом с царившей на пустоши вакханалией хаоса невольно навевало жуть, вызывая в памяти легенды о зачарованных дворцах, заманивающих путешественников на погибель, погребальных ладьях и огненных колесницах.

«Корабль-призрак для мертвой принцессы», — сыронизировала про себя Савитри.

— Ты только прикинь, подруга, — воодушевленно воскликнула Пэгги, ускоряя шаг. — Если тут немного покопаться, этого красавца можно и на орбиту поднять. Вот только зачем? — остудила она собственный пыл, разряжая скорчер в затаившуюся под камнями медузу. — Притяжения черной звезды все равно не преодолеть. А на этой планете-свалке больше ничего интересного нет.

— Разве что от охотников подальше убраться, — предложила Савитри.

— Да где такое видано? Здесь даже защитное поле работает! — продолжала восторгаться Пэгги, слегка

пританцовывая от нетерпения. — Люки задраены, и возле корабля нет ни одной медузы. Чем тебе не сокровищница раджи Сансары? И зачем я, дура, сразу к нему не отправилась, а столько времени ошивалась в той части пустоши!

— Неужто ждала меня? — шутливо предположила Савитри.

— И ведь точно! — воодушевилась Пэгги. — Зачем корабль, если радость обладания не с кем разделить?

— Нам еще надо как-то попасть внутрь, — напомнила Савитри. — Я не уверена, что защитное поле знает наши параметры.

— Ну, чисто теоретически можно попытаться, — отозвалась Пэгги, размашистыми шагами преодолевая расстояние, отделяющее их от корабля. — А вообще не придумали еще такого поля, которое я не могла бы взломать. Надеюсь, код тут писали не Онегин и не Пабло Гарсиа.

Савитри, которая едва поспевала за подругой, решила последовать ее примеру и просто попробовать пройти внутрь: а вдруг получится. Не совсем понимая, что делает, она почти дошла до подъемной площадки звездолета, когда услышала удивленный, если не сказать, испуганный голос Пэгги:

— Как ты это сделала? Меня он не пускает!

Бравая амазонка безуспешно тыкалась в невидимую границу, не в силах преодолеть защиту корабля.

— Я не знаю, — в свою очередь испугалась Савитри, вспомнив недавние бредовые размышления про зачарованную ладью и мертвую принцессу. — Я просто прошла внутрь и все.

— Значит, в систему внесены твои параметры, — пояснила Пэгги, возвращая подругу из тумана гибельных грез. — Интересно, кто это мог сделать?

— По твоим словам, корабль стоит на пустоши уже более тридцати лет, — почти оправдываясь, проговорила Савитри. — А мы с Шатругной приземлились сюда всего как три года.

— Три года — срок достаточный, чтобы осмотреться, — проворчала Пэгги, пытаясь прощупать систему в поисках бага.

— А как же разговоры о том, что корабль зачумлен? — напомнила Савитри, воображение которой уже подкинуло картину, где ее бедный Шатругна, умирая от вируса, вносил ее параметры в систему.

При этом она совершенно забыла, что все члены совета директоров были привиты. Ох, не о том они обе задумались. Упустили из виду старого и очень коварного врага.

Между тем медузы, караулившие на границе защитного поля, отнюдь не дремали. Савитри увидела черную тень, взметнувшуюся за спиной Пэгги, и молниеносным движением

прыгнула в сторону, выпустив заряд из скорчера прямо в броске и невероятным образом ухитрившись не задеть подругу. Все-таки у тела андроида имелись свои преимущества. В человеческой жизни она бы так не смогла. Еще двоих медуз Пэгги подстрелила сама. Но к ним ползли десятки тварей, которые до этого блуждали по пустоши в поисках микроорганизмов.

— Дуй внутрь и постарайся отключить поле или хотя бы передать мне его координаты! — скомандовала Пэгги. — Если меня тут разрядят подчистую, ты найдешь сменные блоки и сумеешь починить.

Савитри без лишних разговоров бросила ей свой скорчер и, как ужаленная, помчалась обратно. Никогда еще ни в человеческой жизни, ни за время пребывания в теле андроида ей не приходилось развивать такую скорость. Не будучи уверенной в работоспособности подъемника, она стрелой взбежала по почти вертикальному трапу на высоту примерно десяти этажей, туда, где располагались люки жилого отсека. Боковым зрением она видела, как тьму пустоши озаряют вспышки скорчеров. Это Пэгги вела неравный бой.

«Где же этот генератор?!» — заполошно думала Савитри, петляя по отсекам и поднимаясь с палубы на палубу. Ее собственный аккумулятор, все резервы которого она направила на этот бросок, требовал срочной подзарядки. Влетев в рубку, на экране внешнего наблюдения она увидела, что у Пэгги остался всего один импульсник, да и тот почти разряжен. Савитри отключила защитное поле, и в тот миг, когда Пэгги спиной провалилась внутрь, даже из положения лежа продолжая отстреливаться от медуз, активировала его вновь. И только убедившись, что подруга в безопасности, ее системы жизнеобеспечения не собираются отключаться, а медуз поблизости нет, тяжело осела на пол.

Глава 6. Гидропонная нереида

— Член совета директоров «Панна Моти»? Ты в этом уверен? Человек, который подписывал ваш смертный приговор?

Брендан был настолько обескуражен новостью, что даже повысил голос, совершенно забыв об осторожности. Впрочем, сейчас они могли наконец переговорить, не прибегая к языку сигнальщиков или глухонемых.

Хотя перерыв на обед начался пятнадцать минут назад, большинство сотрудников научного отдела все еще стояли под куполом, наблюдая за посадкой нового корабля и делая ставки относительно ее благополучности.

Пабло их вполне понимал. Он бывал в находящихся на отшибе от основных звездных путей окраинных мирах и знал, насколько там ценились любые новости. А что уж говорить о людях, запертых в треугольнике Эхо и годами не видевших ничего, кроме лаборатории, фермы и жилого отсека. Разнообразить жизнь за счет смены виртуальных иллюзий дополненности, как это делали на Лее и в других благополучных колониях купольного типа, не позволяла ограниченность ресурсов. Здесь даже любимые в окраинных мирах голографические шоу устраивали только по праздникам. А фонды библиотеки и видеоархивов были отнюдь не бесконечны.

— Наш приговор подписали четырнадцать человек, и большинство из них сейчас мертвы, а мы, как ты видишь, все еще живы, — мрачно отозвался Пабло, делая вид, что полностью поглощен салатом из морской капусты и мясом кутулуха с грибной подливой.

Водоросли самых разнообразных видов, выращенные на подземных плантациях, использовались в городе как незаменимый источник йода и почти не требовали света. А четвероногие, пернатые кутулухи, эндемики Сансары, отличались не только всеядностью, но и неприхотливостью.

— Так этот профессор, получается, знает, кто мы такие? — спохватился Брендан, еще сильнее взлохматив растрепанные после маски костюма бактериологической защиты темные вихры.

— Да уж наверняка! — не без тайной гордости хмыкнул Пабло, вспоминая, как целых три месяца морочил голову спецам из «Кобры», сливая заведомо проваленные явки и давно не актуальные пароли Сопротивления, а в это время собирая информацию по афере «Панна Моти». — Поэтому мы здесь, а не внизу.

— Но это значит, что мы сотрудничаем с врагом?

Голос Брендана дрогнул, на лице появилось беззащитное выражение испуганного мальчишки, которого пираты когда-то отправили в логово монстров, на верную смерть. Все-таки Вундеркинду не пришлось пройти сквозь жерло Ванкуверской мясорубки, и к агентурной работе его пока тоже не привлекали.

— Думаешь, Командор, когда выполнял задания на Раване, не сотрудничал с упырями из «Панна Моти»? Да и мне приходилось трудиться бок о бок со специалистами их сети.

— Это другое.

Брендан немного успокоился, во взгляде появилась жесткость.

— Вы знали, что работаете во вражеском стане. А я, несмотря на все разногласия, испытывал к Нарайану уважение. Он ведь действительно выдающийся ученый, здешние биологи под его руководством добились впечатляющих результатов. И это не те дутые цифры, которыми «Панна Моти» запудрила всем мозги.

— Если бы в корпорации работали только мошенники и дилетанты, вроде Феликса, — возразил ему Пабло, — твоему наставнику не пришлось бы рисковать жизнью, добывая формулу вакцины смерти и постигая тонкости процедуры энергообмена. Я и не отрицаю, что профессор Нарайан — крупный ученый. И потому он опасен вдвойне.

— Но зачем продолжать исследования по программе «Универсальный солдат»? Из треугольника Эхо все равно не выбраться.

Хотя Брендан первый навел Пабло на мысли о возобновлении в городе под куполом запрещенных в остальных мирах преступных проектов «Панна Моти», теперь он из последних сил пытался доказать самому себе и товарищу, что оба они заблуждаются.

— Руководство города заинтересовано в появлении рабочих, способных трудиться на руднике без защиты.

— А еще им нужны неутомимые солдаты для рейдов на пустошь и подавления мятежей, — кивнул Брендан, накладывая добавку.

От волнения у Вундеркинда прорезался зверский аппетит. Пабло смотрел на молодого товарища с завистью. У него самого кусок в горло не лез, словно в дни плена, когда в обмен на мнимое сотрудничество их перевели в изолятор для проштрафившихся богатеев. Кормили там даже лучше, чем сейчас: на утопающей в садах Раване свежие фрукты считались пищей бедняков, а не деликатесом. Вот только горло, обожженное током во время суда и допросов, еще несколько недель ни в какую не желало принимать ничего тверже пюре, как и потом, когда их

уже выхаживали после заточения.

— Змееносцы и раньше не гнушались проводить эксперименты на людях, — напомнил Пабло, пытаясь говорить тихо и спокойно.

Шоу с посадкой корабля завершилось, в столовую повалил народ.

— Их надо остановить!

Брендан с трудом сдержал эмоции, вгрызаясь в стейк с такой яростью, словно рвал глотку врагу.

— Но не ценой гибели города и наших ребят, — напомнил ему Пабло, пытаясь протолкнуть мясо внутрь с помощью витаминизированного напитка. — Для начала надо выяснить, что именно тут происходит и каков масштаб.

— Одно лишь знание нам ничего не даст, — сверкнул глазами Брендан. — Для борьбы нужны союзники. Наверняка здесь есть люди, которых не устраивает деление на «верхних» и «нижних».

— Вопрос только, как с ними связаться, — строго глянул на него Пабло. — Проблема в том, что руководство о нас практически все знает и неустанно следит, и для подпольщиков, если они здесь есть, это создает дополнительные неудобства.

— Но я примерно представляю, к кому можно обратиться, — едва слышно проговорил Брендан.

— Только не впутывай в это дело Кристин, — порывисто сжал его руку Пабло, повысив голос больше допустимого.

— Куда это вы не хотите меня впутывать?

Доктор Кристин стояла возле их столика с наполненным подносом в твердом намерении разделить с ними трапезу.

Пожалуй, Командор назвал бы это провалом. Заговорщики хреновы. Так увлеклись, что даже не заметили ее приближения. Впрочем, Брендан и не проходил подготовку агента, а Пабло гораздо лучше прятал улики в сети.

— Я пытался убедить коллегу, что флай — слишком жесткий спорт для такой хрупкой девушки!

Конечно, Брендану не приходилось работать «под прикрытием», но морочить голову дамам он, определенно, умел.

Кристин мгновенно покраснела, напустив подчеркнуто независимый вид.

— Это не Вам судить! У большинства коренных жителей города хватает скрытых резервов.

— Я не сомневаюсь! — принялся расшаркиваться Брендан. — Но просто решил предупредить, чтобы Пабло не наседал. Он же, когда увлечется — сущий лев! Вы бы видели, как он несся по пустоши на Васуки с макромолекулярным клинком наголо,

преследуя пиратов!

Брендан в одно касание, как оголодавший пес, заглотнул остаток стейка и, собрав посуду, уступил Кристин место, не забыв заговорщицки подмигнуть Пабло. Вскоре он присоединился к коллегам, чтобы узнать новости по поводу корабля. Судя по обрывкам разговоров, посадка звездолета прошла благополучно, и теперь горожане на полном серьезе обсуждали, какие ценные приобретения могут оказаться на борту. Точно береговые пираты Сен-Мало, они априори считали все дары космоса своей собственностью.

— Так что же, тренировка отменяется? — почти обиженно глянула Кристин, отбрасывая назад длинную золотистую прядь.

Пабло завороженно следил за каждым ее движением.

— Что вы, как можно? — горячо воскликнул он. — Я же обещал.

— Не знаю, вы чем-то расстроены. Это из-за корабля?

— Мы с Бренданом пока не привыкли, что Эхо — это всегда билет в один конец. Да и звездолеты жалко. Бороться с черной звездой, сохранить жизнь пилотам и пассажирам — и лишь затем, чтобы стать источником диковинок и запчастей.

На этот раз он говорил предельно искренне.

— На пустоши все равно не выжить, — нахмурилась Кристин. — Считайте, что груз звездолета и оборудование, — это плата за проживание в городе.

«И работу на руднике или горно-обогатительном комбинате», — добавил про себя Пабло.

— Неужели никто не пытался отсюда выбраться? — поинтересовался он уже вслух.

— Почему же?

Доктор Кристин вздохнула.

— Попытки были. Но все либо возвращались назад, либо их притягивала черная звезда. Я понимаю, жизнь в замкнутом пространстве Вас тяготит, а я другого мира и не знаю. Я, конечно, видела голограммы, на которых изображена зеленая трава, лес, сияющее солнце. Но я не могу себе представить целую равнину, заполненную деревьями, да и глаза привыкли к искусственному освещению.

— Но вы так замечательно плаваете, — сделал неловкий комплимент Пабло. — Неужели вам не тесно в здешнем бассейне?

— Разве у меня есть выбор? — печально улыбнулась Кристин.

Пабло подумал, что хотя он, возможно, никогда не увидит синего неба и света дня, но одно маленькое солнышко для него на этой планете зажглось, и он сделает все от него зависящее, чтобы поселившаяся под куполом концентрированная тьма не

превратила это маленькое светило в холодный белый карлик.

Остаток рабочего дня Пабло честно пытался наладить диалог с пульсаром. В систему безопасности он больше не лез. Тем более что внедренной им программе требовалось время, чтобы просканировать все папки, а файлы, имеющие отношение к горно-обогатительному комбинату и другим предприятиям города, имели дополнительную кодировку. Единственная новость, до которой ему удалось добраться, касалась приземлившегося корабля. Служба безопасности получила первые спутниковые снимки, и Пабло с удивлением узнал «Нагльфар» — звездолет Саава Шварценберга.

— Это уже не космическая свалка, а какой-то клуб призраков прошлого, — прокомментировал он информацию Брендану, встретив товарища на выходе из лаборатории. — Мало нам было выжившего члена Совета директоров, теперь еще и старый пират объявился.

— Поделом ему! — сверкнул глазами Вундеркинд, вспоминая несколько недель плена в трюме «Нагльфара» вместе с другими школьниками и прогулку в лабиринт монстров. — Надеюсь, охотники устроят ему теплый прием.

Пабло тоже помнил экспедицию на Васуки, поиск не отмеченной на карте червоточины и штурм «Нагльфара» и захваченной «Ласточки». В конце концов, это именно он, воспользовавшись кодами Елены Лариной, тогда взломал систему безопасности пиратского корабля, и детей удалось освободить без жертв. Вот только ему вспоминались и другие события. И он пытался оставаться объективным.

— Благодаря показаниям Шварценберга в Совете Галактики, Васуки приобрела статус заповедника и независимого мира, — напомнил он. — Да и в событиях на Раване Саав принимал весьма активное участие. В конце концов, Рита Арсеньева, которой мы с Командором и еще сорок тысяч человек обязаны жизнью, прибыла на планету именно на «Нагльфаре».

— И Шварценберг получил за это кругленькую сумму, — закатил глаза Брендан. — Да и после эвакуации пленников не остался внакладе.

— Он один из лучших навигаторов галактики, — сам себе удивляясь, не сдавался Пабло. — А его корабль далеко не такая развалюха, какой кажется с первого взгляда.

— О ком идет речь?

Все-таки доктор Кристин, если и не занималась флаем, то точно проходила школу ниндзюцу. Вот уже второй раз за день она появилась совершенно неожиданно. С другой стороны, в коридорах и модулях сейчас было многолюдно. Сотрудники

лабораторий заканчивали смену, снимали костюмы защиты, проходили контроль и спешили по своим делам. Кто-то шел вразвалочку пропустить с друзьями рюмочку популярного синтетика или сыграть партию-другую в голографические игры или трехмерные шахматы. Некоторые планировали совершить какие-то покупки, посетить врачей или пройти косметические процедуры. Кого-то в жилом секторе ждали жены, многие торопились забрать из школы детей. Впрочем, Пабло и Брендан сейчас особо и не таились. В конце концов, спасать пирата от охотников они не собирались и просто могли, как горожане, сделать ставки.

— Мы узнали, кому принадлежит приземлившийся сегодня на планету корабль, — без лишних недомолвок пояснил оператор сети. — И обсуждали, стоит ли предупреждать службу безопасности.

— В службе безопасности уже все знают, — отозвалась Кристин, с загадочной улыбкой, почти оценивающе рассматривая друзей.

— Неужто грязный пират и в треугольнике Эхо наследил? — удивился Брендан.

— Мы, конечно, живем здесь в полной изоляции от окружающего мира!

Тонкие ноздри Кристин задрожали, в голосе прозвучала обида.

— Но новости все-таки доходят до нас, пускай и не настолько быстро, как хотелось бы. Если я правильно поняла, Шварценберг — ваш старый приятель?

— Я бы так не сказал, — слегка смутился Пабло, несколько обескураженный ее вспышкой. — Хотя мы, конечно, знакомы. В любом случае, это не тот человек, которого я бы хотел рекомендовать молодой привлекательной девушке, — пытаясь свести все на шутку, добавил он.

— В таком случае, при встрече с грозным пиратом молодой привлекательной девушке стоит быть во всеоружии, — сменив гнев на милость, лукаво улыбнулась Кристин. — Если что, я готова к тренировке.

Они спустились в спортзал, где Пабло и Брендан для начала продемонстрировали Кристин и нескольким случайным зрителям показательный бой. Пабло выкладывался в полную силу, Вундеркинд пытался не уступать, но все-таки был повержен. Потом он сослался на неотложные дела, и Пабло пригласил Кристин на татами, перейдя непосредственно к спарингу.

Девушка оказалась способной и понятливой ученицей. Основные движения и приемы она схватывала прямо на лету, а ее

гибкость и реакция и вовсе заслуживали всяческих похвал. Однако уже через пятнадцать минут тренировки она заметно снизила темп и начала задыхаться. На лбу появилась испарина, а на лице проступило выражение мучительной обиды заведомо больного человека, который не желает признавать своего недуга. Пабло явно видел, что еще немного — и ее легкие просто не выдержат. Хотя и не мог понять, каким образом она проводит долгие, изнурительные заплывы и погружения в бассейне.

Следовало как-то спасать положение. Кристин, которая не желала сдаваться и едва не плакала, видя, что у нее не получается, в любой момент могла потерять сознание. Пабло, конечно, слышал досужие разговоры о том, что сомлевших красоток лучше всего приводит в чувство поцелуй, но это был не тот случай. Оставалось только пойти на хитрость.

Отрабатывая бросок через плечо, он в кувырке перелетел дальше, чем требовалось, и картинно растянулся на татами.

— Вам больно? — всполошилась Кристин.

— Пустяки, завтра пройдет, — кротко улыбнулся Пабло, старательно припадая на левую ногу. — Не ожидал от вас такого напора. Вы не против остаток вечера провести в кафе? А потом погулять в саду или на плантациях?

— Я сама хотела это предложить, — обрадовалась Кристин.

По-видимому, кафе или посиделки в каком-нибудь другом приятном месте входили в ее планы изначально. После душа, который ощутимо вернул ей бодрости и сил, она переоделась в облегающее, открытое платье цвета морской волны, удивительно гармонирующее с ее молочно-белой кожей и золотистыми волосами и чем-то похожее на переливающуюся чешую. Легкий газовый шарф, таинственно окутавший обнаженные плечи и шею, струился, точно прозрачные плавники вуалехвоста.

Пабло не хотел даже знать, каким путем к Кристин попало это произведение дизайнерского искусства. Он просто наслаждался красотой «гидропонной нереиды» и жалел, что не догадался тоже надеть что-то соответствующее. Впрочем, у него здесь ничего и не было, кроме рабочего комбинезона и смены форменных рубашек и брюк.

Кафе «Пульсар» считалось самым фешенебельным заведением в городе. Сюда простые сотрудники научного блока приходили только по особо торжественным случаям: отметить день рождения или годовщину свадьбы, отпраздновать успешное завершение проекта или присвоение ученой степени. Здесь проводили вечера топ-менеджеры со своими чопорными женами и развязными отпрысками, а главы городских департаментов и директора предприятий во время деловых завтраков принимали

судьбоносные решения.

Хотя обстановку кафе когда-то явно позаимствовали из ресторана какого-нибудь круизного лайнера, выглядела она достойно. А обилие подсвеченной лампами дневного света зелени маскировало шероховатости дизайна. Меню радовало изысками молекулярной кухни и блюдами из свежих фруктов и овощей, а винная карта, помимо местной продукции растительного и синтетического происхождения, содержала наименования известных марок со всей галактики на самый придирчивый вкус. Цены, конечно, кусались. Однако Пабло прекрасно понимал, что клиенты «Пульсара» не только приносят прибыль хозяевам заведения, но и оплачивают труд биологов, вырастивших растения без дневного света, а также рисковое ремесло охотников, доставлявших в город вино и другие деликатесы.

Несмотря на космические цены, кафе пользовалось спросом. Свободных столиков почти не осталось. Дроны-официанты как угорелые носились по залу, едва успевая доставлять заказы. На танцполе шумная молодежь дергалась в движениях популярного сейчас сербелианского шейка. Чуть в стороне другая группа подростков расположились у голографического монитора, с интересом следя за ходом какого-то шоу. На экране кривлялись странные существа, похожие на людей, искаженных системой кривых зеркал или программами объема. Они вели себя вызывающе и откровенно издевались над худеньким миловидным юношей, который держался затравленно и неуверенно с обреченностью неполноценного существа, появившегося на свет лишь для того, чтобы терпеть насмешки и оскорбления.

— Вот уроды, — рассмеялся кто-то из зрителей в кафе. — Неужто они и вправду верят, будто их безобразие — это и есть норма?

— Ну что с мутантов убогих возьмешь? — пожал плечами его сосед, холеный молодой хлыщ, одетый в модные новинки позапрошлого сезона. — Должны ж они хоть чем-то тешиться у себя внизу. Зато сюда не лезут, а предпочитают бить соседей, которые от них отличаются. Разделяй и властвуй. Все просто и понятно.

— Что это? — оторопело указал на экран Пабло.

— Развлечение для тупых и незрелых умов, — сердито отозвалась Кристин, уводя его подальше от суеты туда, где манил зеленью зимний сад.

Проходя под сенью раскидистого реликтового папоротника, образовавшего из ветвей настоящий тоннель, она словно невзначай прижалась к нему, так что Пабло не утерпел и поцеловал ее сначала в пульсирующий синей жилкой висок,

потом в полуоткрытые губы. Кристин и не подумала отстраняться, и ее ответный поцелуй показался ему прикосновением крыла пестрой бабочки.

— Да вы, я смотрю, настоящий богач! — улыбнулась девушка, когда Пабло заказал им клубнику со сливками и сербелианское игристое. — Многим из тех, кто выращивает фрукты и занимается селекцией соевых бобов, из которых производят сливки, такие изыски не по карману.

— Профессор Нарайан щедро оплачивает мои скромные труды, а трат у меня особых нет, — пояснил Пабло, несколько обескураженный направлением, которое принял их разговор.

Что это? Упрек, проверка на лояльность или попытка прощупать почву? Он и сам знал, сколько получали лаборанты и работники соевых плантаций, составлявших основу пищевой безопасности города. И эти люди еще радовались тому, что каморки, в которых они обитают с семьями, защищены от радиации, а их дети получают полноценное медицинское обслуживание и хорошее образование.

Кристин и сама поняла, что шутка вышла неудачной.

— Извините, я не хотела вас обидеть, — улыбнулась она, и в глубине ее лучистых глаз зажглись искорки, похожие на пузырьки в бокале. — На самом деле я ужасная лакомка, — призналась она, с явным удовольствием смакуя десерт. — Была б моя воля, я только сладким и питалась бы.

— По вам это не заметно, — отсалютовал ей Пабло, слегка пригубив вино, букет которого нашел превосходным.

Бокалы, изящные, длинные, на тонкой ножке, похожие на стеклянных балерин, скорее всего, тоже доставили с какого-то разбившегося корабля. Интересно, а куда отправились его пассажиры и экипаж, если, конечно, выжили в катастрофе?

В этом манерном и роскошном кафе двуличие города ощущалось особенно остро.

— Интересно, а на нижних уровнях тоже есть рестораны, в которых подают клубнику? — мимоходом спросил Пабло, осмелев после пары глотков напитка, показавшегося ему райским нектаром.

Все-таки последний раз он пил игристое в поместье Славы Капеэсэс незадолго до отлета.

— Попробуйте задать этот вопрос профессору Нарайану, — поправляя шарф, сверкнула глазами Кристин.

Похоже, Брендан не заблуждался, когда говорил, что она может стать союзником. Только сейчас хотелось думать совсем о другом, а лучше просто нырнуть на дно манящих, лучистых глаз и оставаться там до конца времени. Впрочем, расслабленно

наслаждаться обществом желанной, прекрасной женщины все равно не получалось. На лбу Кристин опять выступила испарина, глаза ее помутнели, она жадно хватала воздух ртом.

— Вам нездоровится? — обеспокоенно спросил Пабло.

— Здесь слишком душно, — призналась Кристин.

В кафе в этот час действительно собралось много народу, система вентиляции не справлялась.

— Так давайте выйдем отсюда.

Пабло чуть не сказал «на воздух», совершенно забыв, что такой возможности в городе под куполом нет.

— Я сейчас, — извиняющимся тоном проговорила Кристин, теребя шарф. — Подождите меня здесь.

Едва она отошла, ее место занял какой-то незнакомец — немолодой уже, но высокий и крепкий мужчина с копной седых волос и пронзительным взглядом умных карих глаз.

— Интересуетесь жизнью на нижних уровнях? — насмешливо спросил он, рассматривая Пабло с дотошностью естествоиспытателя. — Если будете и дальше вести себя так же неосмотрительно, служба безопасности нашего дорогого профессора быстро организует переезд. Я не говорю о вашем молодом друге, он еще пацан, но вы-то — опытный разведчик.

— Я не понимаю, о чем идет речь, — стараясь казаться невозмутимым, проговорил Пабло, хотя внутренне весь похолодел.

Что это? Провокация, предупреждение или открытый допрос? Или просто гипотетические подпольщики, на которых так хотел выйти Брендан, сами их нашли?

— Не пытайтесь измыслить на ходу небылицы, у меня нет времени, — достаточно бесцеремонно оборвал его незнакомец, продолжая буравить своим пытливым взглядом. — Если Вам все еще небезразлична судьба Льва Деева, Гу Синя и тысяч горожан, которые стараниями нынешнего руководства превратились в подопытных, вместо того, чтобы подставляться, разыскивая материалы по программе «Универсальный солдат», найдите возможность добраться до папок «Эсперансы». Я хочу знать, что этот ублюдочный принц и его приспешники сделали с моим кораблем, и какую еще напасть они решили навлечь на наш несчастный город.

— Почему я должен вам верить и какой резон мне выполнять эту странную просьбу? — с вызовом глянул на пришельца Пабло, пытаясь раскусить.

Но карие огненные глаза остались непроницаемы, только мясистый рот скривился в ироничной усмешке.

— Полагаю, вы, как и многие другие, хотите отсюда

выбраться, но только я знаю, как это сделать, — с тайным превосходством проговорил незнакомец. — Если вы рассчитываете, что, пытаясь завоевать ваше доверие, я стану тут распинаться, рассказывая фирменный рецепт маминой паэльи, поведаю, кто на самом деле Вам помог найти необозначенные на карте тоннели в Новом Гавре, или объясню, почему Леву Деева называют Супер-Лев, то вы не разведчик, а просто дилетант.

В это время к столу вернулась Кристин. Она снова заметно посвежела, дыхание ее выровнялось. При виде незнакомца на ее лице появилось выражение почти детской радости, смешанной с испугом. Она, кажется, с трудом сдержалась, чтобы не броситься ему на шею.

— Зачем ты здесь? — проговорила она взволнованно.

— Узнал, что в нашу дыру пожаловал мой самый эксцентричный одноклассник, и решил выяснить, достаточно ли торжественную ему приготовили встречу, — пояснил пришелец, любовным и явно привычным движением поправляя выбившуюся из прически девушки золотистую прядь.

— Тебя же могут увидеть! — потянулась к нему Кристин, млея от прикосновения заскорузлых мозолистых рук почти так же, как только что таяла в объятиях Пабло.

Впрочем, тут оттенок отношений выглядел другим. К тому же в форме губ и очертаниях носа незнакомца и Кристин чувствовалось несомненное сходство.

— Пускай видят, — проворчал пришелец, — Еще бы я стал таиться, как тать, в городе, который построен по моим чертежам. Тридцать лет назад здесь были только несколько модулей поселка рудокопов и небольшая теплица. Впрочем, ты это убожество уже не застала. Я не мог допустить, чтобы ты родилась и выросла в каменном веке.

— Это все в прошлом, — глухо проговорила Кристин, отстранившись. — Сейчас службе безопасности отдает приказы профессор Нарайан.

— Профессор, — презрительно скривился незнакомец. — Проклятый выскочка, решивший подмять под себя все. Он наивно думает, что, если людям перекрыть кислород, они и мыслить разучатся. Если такой умный, пускай попробует отыскать ходы, которых нет ни на одной официальной схеме. Ты, надеюсь, не забыла их расположение? А вам, молодой человек, — он повернулся к Пабло, и его голос приобрел прежнюю сварливость, — я настоятельно советую не медлить с ответом. Чует мое сердце, назревает что-то нехорошее, ставки сделаны, и развязка уже близка.

— Кто это был? — удивленно спросил Пабло, когда

незнакомец величаво удалился.

— Ангел-хранитель этого города, — туманно пояснила Кристин, смахивая с ресниц непрошенную слезу.

— Почему же, если он придумал, как тут возвести купол, ему приходится жить внизу?

Пабло никак не мог осмыслить информацию, его мозг явно нуждался в перезагрузке.

— Он не внизу. Он везде и нигде, — выдала еще одну загадку Кристин, и в ее голосе прозвучала горечь. — Но, если он вас о чем-то просил, лучше помогите ему. Хотя бы ради меня.

Они оплатили счет и покинули кафе. Какое-то время они бесцельно гуляли по отягощенному плодами зимнему саду, наблюдали, как дроны снимают урожай. Впрочем, большая часть работ в теплицах и на плантациях осуществлялась вручную. Механизмов катастрофически не хватало: композитных материалов и деталей для починки комбайнов в городе почти не производили. Потом Пабло проводил Кристин до дома, но уходить не торопился, напрашиваясь на приглашение. Но она и не возражала.

— Только не удивляйтесь причудам моей обстановки, — предупредила она, прикладывая к сканеру ладонь и отпирая дверь.

Залитая мягким, приглушенным светом комната выглядела обжитой и вполне уютной. Вмонтированные в стены стеллажи заполняли редкие даже на Земле бумажные книги и различные красивые безделушки. А по центру на месте кровати располагался огромный бассейн с воздушным компрессором и подсветкой. Сейчас он дожидался хозяйку, заполненный чуть теплой, чистой, но явно соленой водой.

— Вы много раз рассказывали, что любите море, — улыбнулась Кристин, включая проекцию голограммы океана. — Я решила воссоздать хотя бы маленькую часть.

Пабло вместо ответа обнял поцелуем ее наполненные желанием губы, положил одну руку на затылок, перебирая спутанные волосы, другой прошелся вдоль позвоночника к лопаткам, отыскивая застежки платья. Потом спустился ниже. Кристин снимала с него рубашку, вела ладонями по обнаженному торсу, с явным удовольствием ощущая упругость мышц. Найдя на его спине старый шрам в виде головы барса — память о плене, от которой Пабло не стал избавляться, она ненадолго задержалась, ощупывая чуткими пальцами очертания страшного рисунка. Она много раз видела этот шрам и знала, как он появился.

Пабло только нежнее ее поцеловал, переходя от губ к пушистым ресницам и завиткам на висках, потом освободил от

платья и потянулся за шарфом. Кристин его остановила, затеяв с легкой газовой тканью игру. Она плавно покачивала бедрами и призывно изгибалась в подобии танца семи покрывал. Очертания гибкого, стройного тела, полускрытого вуалью, возбуждали, а маленькие груди с отвердевшими сосками казались жемчужинами в толще воды.

Потом они оба очутились в бассейне, и такого упоения Пабло не испытывал ни с кем и никогда. Кристин, правда, так и не позволила ему коснуться шеи, все еще скрытой шарфом, но на этой причуде Пабло внимания заострять не стал. Он тоже не всем женщинам показывал свои шрамы. Кристин словно угадывала его самые сокровенные желания, от его ласк истекая медом и янтарем. Ее податливое тело в толще воды казалось эфемерным, как морская пена. А поцелуи с привкусом соли навевали воспоминания о родном Новом Гавре. Неужели они оба никогда не увидят моря?

Они так и заснули, словно два дельфина. Утомленные ласками, но продолжающие ощущать друг друга. Проснувшись незадолго до общего для всех сотрудников сигнала подъема, Пабло обнаружил, что его голова держится на поверхности только благодаря воротнику-подушке из арсенала начинающих пловцов. Кристин уютно устроилась рядом, не размыкая объятий. Ее тело и голова полностью находились под водой, но она продолжала дышать ровно и спокойно. В рассеянном свете ламп, который для легкости пробуждения утром автоматически делали ярче, Пабло ясно различил на шее любимой жаберные щели.

Глава 7. Загадки «Эсперансы»

— Эй, подруга! Ты там вообще цела? Только попробуй сказать, что ты спеклась и тебя пора сдавать в утиль!

Встревоженный голос Пэгги вывел Савитри из забытья. Неужели она так долго провалялась в отключке? Пэгги этого времени хватило, чтобы не только прийти в себя после жаркой схватки, но и подняться в рубку. Хотя амазонка выглядела потрепанной, а на защитном костюме и органической оболочке в нескольких местах зияли прорехи, в шальных глазах горел задор, а тревога явно относилась к более хрупкой принцессе Сансары.

— У тебя что там, процессор перезагружался?

Убедившись, что Савитри не пострадала, Пэгги вернула свой ворчливый тон.

— Скорее, человеческий мозг перегрелся, — честно призналась Савитри, с интересом разглядывая подругу.

После нескольких лет блуждания во тьме блеклые лампы аварийного освещения, включенные в рубке, казались ярче мириад хрустальных люстр. Савитри с удивлением узнала, что глаза у Пэгги не багряные, какие она привыкла видеть в инфракрасном спектре, а серые, обведенные черными глубокими тенями. А рассеченная шрамами кожа имеет аристократически бледный оттенок. Впрочем, последнее объяснялось и недостатком витамина D. Интересно, на борту корабля есть белковые коктейли, в экстренных ситуациях заменяющие пищу и людям, и органическим андроидам? Пэгги они тоже не повредят. Поскольку топливо в ее реакторе следовало поменять еще лет пять назад, ее когда-то упругие мышцы превратились в высохшие мощи. «Интересно, — Савитри огляделась в поисках зеркала, — я тоже выгляжу изможденной мумией?». Впрочем, думать ни о чем пока не хотелось. Глаза сами собой слипались, а пилотское кресло, в которое ее перенесла Пэгги, выглядело таким мягким и удобным. После голых камней и жесткого лежака в их убежище оно казалось нарядно убранным ложем ее царской опочивальни.

Разбудил ее дивный запах еды. Кажется, мяса с подливой. Конечно, консервированного, но после нескольких лет, в течение которых органическая часть ее тела кое-как выживала исключительно за счет энергии сменных аккумуляторов, это было неважно. Пробудившийся ото сна желудок заурчал громко и настойчиво, словно у какой-то простолюдинки из низших варн. Впрочем, Савитри никогда не считала древнюю кастовую систему обоснованной и справедливой, хотя не делала попыток ничего изменить.

— Проснулись, Ваше высочество? Кушать подано, — в своей ироничной манере приветствовала ее Пэгги.

Она сидела в кресле напротив, подключившись к приборной панели. То ли искала информацию, то ли заряжалась. А перед ней стояли две открытые банки еды быстрого приготовления.

— Где ты достала такую вкуснятину? — едва не мурлыча от удовольствия, проговорила Савитри, наслаждаясь вкусом.

Удивительно: за две своих предыдущих человеческих жизни она так и не научилась ценить простые радости.

— Вкуснятину? Как ее высочество-то заговорило! — поддразнила ее Пэгги, облизывая с пальцев жир. — На Сансаре, помнится, мясо кутулухов, бобы и местные овощи считались пищей неприкасаемых и шудр! Я, правда, к кутулухам всегда относилась с уважением, — ностальгически проговорила она, устраиваясь поудобнее в кресле. — Эти гибриды страуса и варана хоть и покрыты перьями, но развивают скорость не хуже лошадей, и через джунгли прут будь здоров.

— Кутулухи не гибриды, а эндемики. Низшие млекопитающие, которые хотя и покрыты перьями и выводятся из яиц, но имеют четыре ноги и выкармливают детенышей молоком, — поправила ее Савитри, вспоминая пышные религиозные церемонии, во время которых они с Шатругной ехали по территории дворца или центрального храмового комплекса на золоченой колеснице, по традиции запряженной шестеркой кутулухов.

Шатругна, если был в хорошем расположении духа, обычно сетовал, что у этих выносливых животных нет крыльев, и их колесница, подобно той, на которой перемещался Ланкеш Равана, не может подняться без антигравитационного двигателя в воздух.

— Да по мне, что эндемики, что пандемики, — лениво отмахнулась Пэгги, проверяя разъемы. — А все лучше было ездить верхом, нежели на своих двоих пехать.

— Удивительно, неужели консервы за столько лет не испортились? — открывая еще одну банку и отмечая превосходное качество, заметила Савитри.

— Да что им будет, — равнодушно пожала плечами Пэгги, изучая приборную панель. — Вот только лет этим заготовкам совсем немного. Не больше года. И сделаны они здесь. В городе под куполом и кутулухов разводят, и бобы с овощами культивируют. Да и к продовольственной безопасности относятся достаточно серьезно, поэтому всегда обновляют, так сказать, стратегический запас, сбывая просроченные продукты по дешевке работягам с комбината и рудника. Можешь проверить уровень радиации. Он в несколько раз выше, чем когда-либо фиксировали

на Сансаре.

— Кто же их сюда принес? — испуганно глянула на подругу Савитри, едва не подавившись.

Радиация ее не страшила. Организм андроида с легкостью справлялся с негативными последствиями, но загадки корабля-призрака пугали.

— Думаю, тот, кто внес твои параметры в систему, — жестко ответила Пэгги.

— Ты считаешь, Шатругна?

От волнения Савитри едва не задохнулась от бури противоречивых чувств. Истощенный в скитаниях организм андроида с трудом отрегулировал уровень гормонов. Ее жених не только жив, но и помнит о ней. Неужто ее не забыли? Неужто все это время искал? С другой стороны, тут нет ничего удивительного. Если Шатругна надеялся вернуться, ему требовался ключ от сокровищницы и законная наследница престола, чтобы предъявить свои права на власть.

— Но я ничего не понимаю, — спохватилась Савитри. — Это не наш корабль.

— Охотно верю, — хмыкнула Пэгги. — Не думаю, что наследную принцессу Сансары с женихом повезли бы куда-нибудь на таком старье. Звездолеты этой модели остались только у пиратов и у перевозчиков окраинных миров. А между тем корабль совершенно исправен и готов к полету. На борту есть запас воды и продовольствия, система жизнеобеспечения в полном порядке, а энергетические емкости полны-полнехоньки. В систему введены твои параметры и актуализирована защита от медуз. Другое дело, что ремонт и перевооружение начали производить не менее пятнадцати лет назад задолго до вашего сюда, так сказать, прибытия.

— То есть кто-то из жителей города готовил этот звездолет, — догадалась Савитри.

— Чтобы свалить отсюда, — закончила за нее Пэгги. — Затея, конечно, рисковая. На моей памяти пульсар никого еще не выпускал. Но почему бы не попробовать. А твой Шатругна то ли вошел в долю, то ли отжал эту посудину у ее законного владельца.

— А как же разговоры о том, что корабль зачумлен? — спохватилась Савитри.

— Похоже, досужий бред, — пожала плечами Пэгги. — Сказка для охотников. Думаю, тот, кто все тут подготовил, не очень афиширует свои намерения. Иначе здесь бы полгорода уже тусовалось. С другой стороны, нет дыма без огня. Бортовой журнал стерт, но это мы сейчас исправим. Пока я занимаюсь

восстановлением данных, можешь осмотреться, принять душ и переодеться. В одной из кают я видела кучу дамского шмотья, так что ты не теряйся.

Савитри последовала совету подруги. Конечно, органическая часть ее тела имела систему самоочистки. Вывод избыточных солей из пор автоматически запускал этот процесс, попутно уничтожая все бактерии. Но привычки прошлого, о которых помнил ее человеческий мозг, делали водные процедуры приятным ритуалом, создававшим иллюзию того, что она все еще живая. К этим же связывающим с прошлой жизнью мелочам относилась и одежда.

Когда-то Савитри любила украшения, наряды и прочие приятные составляющие женских чар. Какое-то время она тешила себя иллюзией, что новое платье или ожерелье, газовое покрывало или нежный аромат духов помогут ей завоевать любовь Шатругны. Но увы, в нарядном сари или будничном костюме, увешанная ювелирными изысками или украшенная естественной красотой молодости, она интересовала его не больше праха под ногами. Возлюбленный жених говорил дежурные комплименты, справлялся о ее здоровье, но взгляд его оставался холодным, как лед, покрывающий далекие горные пики. А уж когда она посмела примерить хранившиеся во дворце наряды Первой Савитри, и вовсе пришел в безумный гнев:

— Никогда больше так не делай! — закричал он, грубо срывая с нее наряд и даже не замечая, что его пальцы оставляют на ее коже синяки. — Не смей прикасаться к этим вещам! Ты всего лишь бессмысленная оболочка! Когда я тебя создавал, я надеялся, что в похожее тело вселится душа моей Савитри. Но этого не произошло. Ты — не она и никогда ею не станешь!

Напрасно Савитри пыталась уверить его в своей любви, напрасно приносила богам жертвы, прося их открыть глаза несчастному безумцу.

— Шатругна пошел против природы, создав тебя, — качал головой старый пурохита[11], знаток обрядов и правил, проводивший все священные церемонии у них во дворце. — Бессмысленно питать надежду на то, что душа в следующем перерождении вернется в то же или похожее тело. Ход колеса Сансары нельзя остановить. Кто знает, возможно, первая Савитри во время предсмертных страданий достигла просветления и ее душа теперь пребывает в нирване, закончив круг перерождений. Конечно, Шатругна мечтал бы, чтобы они возродились в едином лотосе, но это невозможно. Даже Сита и Рама, каждый раз встречаясь в земной жизни, не могли обрести счастья.

Савитри и сама искала утешение в образах прошлого.

Вспоминала добродетельного Наля, которого поработил злой демон, заставив в азарте игры забыть не только о царстве, но и о горячо любимой Дамаянти. Сравнивала себя с супругой неистового Ланкеша, добывшей для него бесценную амриту. Вот только и Дамаяни, и даже Мандадави познали радость взаимности.

— Но что же делать мне? — едва не плакала от обиды Савитри. — Шатругна совсем меня не любит. Он считает меня бездушной, будто я машина, а не человек.

— Он заблуждается. Душа дана каждому существу, способному расти и дышать. Не говоря уже о тех, кто мыслит. Хотя ты родилась не совсем так, как другие дети, ты живой человек, достойный уважения и любви. Я знаю, скорбь изменила Шатругну. Он замкнулся в ней, как в броне. Но любую броню можно пробить. Вода камень точит. Наберись терпения и жди.

Бедный пурохита не знал, что время работает против нее.

— А что теперь? — спрашивала Савитри с холодным интересом, граничащим с брезгливостью разглядывая свое новое тело. — У меня все еще есть душа?

Пурохита смог ответить на этот вопрос. Собрание браминов Альянса отказало андроидам в праве считаться людьми. Хотя звучали разговоры о том, может ли душа после смерти вселиться в андроида, как она переселяется в дерево или червя в качестве кары за грехи. Сейчас, глядя на Пэгги, Савитри убеждалась что смелые заявления бунтарей несли в себе рациональное зерно. Вот только вопрос, что же считать смертью, так и остался для нее без ответа.

Мучимая неразрешимым противоречием, Савитри часто вспоминала свои последние часы. Вернее, последние часы жизни человеческого тела. Хотя врачи пристально следили за ее здоровьем и сделали прививки ото всех болезней, включая синдром Усольцева, в день своего двадцатиоднолетия она начала задыхаться, сердце зашлось как безумное, а потом принялись один за другим рваться сосуды. Ртом и носом пошла кровь, утробу сдавил жуткий спазм.

— Мы не имеем права допустить гибели мозга! — кричал на врачей Шатругна. — Она мне нужна живой.

— Мы делаем все необходимое и даже свыше, — разводили руками врачи, — но мы не в силах ничего сделать. Процесс распада развивается слишком стремительно.

В том, что даже самые лучшие умы не могут поставить диагноз, они признаться не решались. Впрочем, Шатругна и так видел, что происходящее не укладывается ни в какие теории и даже гипотезы.

— Может быть, снова попробовать клонирование? — робко предложил кто-то из придворных.

— Никаких клонов! Я больше не стану ждать без толку двадцать лет! У меня и у Сансары нет времени на всякий вздор!

— Я предупреждал, — качал седой длинноволосой головой пурохита. — Природу нельзя обмануть. Каждому человеку Творец при рождении отпускает определенное количество вздохов, кому-то больше, кому-то меньше. Вы сами создали копию и теперь удивляетесь, почему она не хочет жить дольше оригинала.

По странному стечению обстоятельств Савитри Вторая прожила столько же, сколько и ее предшественница. С точностью до месяца, дня и часа.

И вот теперь Савитри Вторая сидела в каюте, перебирая наряды, которые лучшие кутюрье Сансары сшили для нее перед злополучным визитом на Равану, и думала о своем непредсказуемом женихе. Хотя некоторые костюмы пострадали во время крушения и дальнейших мытарств, большую часть гардероба Шатругне удалось спасти. И теперь церемониальные сари и комплекты для деловых обедов, коктейльные платья и шляпки, которые дамы высшего света надевали во время парадов и космических шоу, словно дожидались свою хозяйку. Вместе с зачарованным «зачумленным» кораблем.

Почему же Шатругна, который явно добрался до города и сумел занять там достаточно высокое положение, ее так и не нашел? Бросил посреди пустоши на съедение медузам. Или причина крылась в чем-то другом? Когда она проснулась и не обнаружила рядом своих спутников, лагерь выглядел разоренным, но возле ее лежанки под камнями оказался скорчер с полным аккумулятором, который помог ей продержаться первое время, пока она не встретила Пэгги.

Внезапная догадка светящимся метеором пронеслась в ее мозгу. Савитри поспешила в рубку, где подруга заканчивала восстановление данных.

— Скажи, ты ведь все это время знала, что жители города сумели вывести на орбиту спутники? — спросила она, указывая на окно приборной панели, где отображалась информация с геодезических зондов и других малых орбитальных устройств.

— Не только знала, но и отслеживала перемещение, — безмятежно отозвалась Пэгги. — Я же боевой робот. В радиусе сотни километров могу обнаружить любые средства связи от жучков до радаров, а сигналы со всех спутников принимаю на всей зоне покрытия, чтобы исключить риск обнаружения группы сверху, — сообщила она с явной гордостью. — А как ты думаешь, почему нам все это время удавалось избежать встреч с

охотниками?

Савитри не думала. Она смотрела на экран и восстанавливала картину событий, сделавших ее бесприютной скиталицей. Конечно, как она сразу не догадалась? В тот злополучный день, когда она осталась одна, им удалось найти неплохое убежище от вездесущих медуз в расщелине между камней. И она лежала в глубине в самом укромном углу. Скорее всего, лагерь обнаружили охотники, гораздо лучше знавшие эту местность, и Шатругна не захотел, чтобы принцесса Сансары сделалась их добычей, рассудив, что на пустоши, имея в распоряжении скорчер, она сумеет выжить. Ее сенсоры андроида уже тогда позволяли ей лучше других обнаруживать и уничтожать медуз. Когда же он смог вернуться, Савитри уже стала спутницей Пэгги, чья способность к маскировке сделала поиски почти бессмысленными.

— Ты это сделала нарочно?

Хотя Савитри не хотела никого обидеть, в ее голосе прозвучал упрек.

— В мыслях не имела! — ощетинилась Пэгги. — Вернее, я просто представить не могла, что человек в здравом рассудке способен бросить невесту, даже нелюбимую, посреди пустоши на съедение медузам. Впрочем, что еще ожидать от члена совета директоров «Панна Моти». У упырей другая логика.

— Не смей его так называть! — возмутилась Савитри, задетая бесцеремонностью подруги. — Можно подумать, не ты воевала на Ванкувере и Сансаре, защищая интересы «Панна Моти»?

— А у меня был выбор? — сурово огрызнулась Пэгги. — Я, знаешь ли, всего лишь боевой робот и приказы, даже самые безумные, обсуждать не могу. Вот только когда Корпорация разворачивала свою деятельность на Ванкувере, никто из наших не возражал: псы Содружества иного и недостойны. В галактике уже и повернуться нельзя, не наткнувшись на их корабли и форпосты! А вот когда прихвостни твоего дорогого принца массово стали прививать вакциной смерти и отправлять в свои биореакторы жителей Сансары, Кали и Раваны, роптать начали уже даже офицеры. Конечно, неприкасаемые и низшие варны шудр — это грязь под ногами, но они тоже граждане Альянса и имеют право на жизнь и защиту.

— Ты рассуждаешь почти как повстанцы! — не сумела скрыть удивления Савитри.

— Потому что они правы! Корпорация сожрала саму себя, и разоблачение аферы с завышением энергетической эффективности только ускорило ее конец.

От перевозбуждения у Пэгги включился режим ночного

видения, и ее глаза сверкнули в полумраке рубки, точно маяк.

— Да ты только посмотри, — продолжала она увлеченно. — Ты можешь сколько угодно радоваться тому, что твой Шатругна жив, но он как был упырем, так и остался. Как ты думаешь, у кого он отжал этот прекрасный корабль?

Савитри помотала головой.

Вспышка гнева и обиды прошла. В конце концов, Пэгги права: одна на пустоши привычная к роскоши принцесса точно бы не выжила, и на что в тот момент рассчитывал Шатругна, трудно сказать. Возможно, и ни на что. Охотники не оставили ему выбора, и он просто надеялся на чудо. С другой стороны, Савитри не удивилась бы, если за это время он сумел бы создать еще один клон или андроида с ее внешностью и биометрией. Она давно разочаровалась в Шатругне, и из-за него действительно не стоило ссориться с Пэгги.

— Тебе удалось расшифровать бортовой журнал? — спросила Савитри примирительно.

— Не совсем, — досадливо поморщилась Пэгги, которую неудачи всегда раздражали. — Файлы памяти сильно повреждены, и кто-то сделал это намеренно. Но главное мне удалось выяснить. Дурная слава «Эсперансы» — не выдумки. Экипаж и пассажиры действительно погибли около тридцати лет назад от синдрома Усольцева. Все кроме одного. И этот выживший никто иной, как Маркус Левенталь.

Из груди Савитри вырвался вздох изумления. Хотя она, как и все принцессы Сансары, получила сугубо гуманитарное образование и во время официальных визитов на предприятия деловых партнеров Шатругны и отца прилагала титанические усилия, чтобы не попасть впросак, имя Маркуса Левенталя она слышала и не один раз. О его самой известной разработке — новом двигателе гиперпространства, позволявшем преодолевать кротовые норы, считавшиеся прежде непроходимыми, рассказывали даже в школах для бедняков. И хотя Савитри так и не сумела понять, каким же образом гениальному конструктору удалось подчинить экзотическую материю, история его жизни оставила неизгладимое впечатление.

Какой одаренностью и упорством следовало обладать, чтобы из серых стен приюта, расположенного на безымянной планете окраинной системы, подняться до высот самых престижных в Галактике научных сообществ? Пример Маркуса Левенталя заставлял вновь задуматься о порочности древней кастовой системы, которую на Земле преодолели еще около пятисот лет тому назад.

— В Содружестве до сих пор пытаются расшифровать его

наработки, — пояснила Пэгги. — Не больно, правда, получается, — ехидно добавила она, забавно наморщив чуть вздернутый аккуратный носик. — Во всяком случае, первое и пока единственное применение созданных по его чертежам боеголовок, использующих тот же принцип, что и его знаменитый двигатель, окончилось исчезновением и нашей эскадры, и корабля Содружества.

— И теперь выяснилось, что Маркус Левенталь оказался здесь? — уточнила Савитри.

— Вообще-то это для обитателей города никогда не было тайной, — нахмурилась Пэгги, которая о своей жизни под куполом всегда говорила неохотно. — Как ты думаешь, кто сумел спроектировать, а потом возвести такую сложную конструкцию, как купольный град? Даже в доме удовольствий о Маркусе Левентале вспоминали только добром, называли чуть ли не ангелом-хранителем. Говорили, что в те годы, когда он лично занимался всеми делами, ресурсов хватало на всех, и на верхние более безопасные уровни отправляли беременных женщин и детей. Но потом кто-то решил, что наверху целесообразно оставаться только тем, кто способен произвести на свет здоровое потомство, а также наиболее ценным специалистам и членам городского совета. На этой почве начались злоупотребления. Левенталя обвинили в неэффективном руководстве и сместили. А вскоре жителям нижних уровней закрыли доступ наверх даже для лечения в больнице и установили переборку, охрану которой поручили банде самых свирепых громил. Сильно подозреваю, что твой Шатругна с нынешними руководителями города быстро нашел общий язык.

— Откуда такая уверенность? — нахмурилась Савитри.

— На мой взгляд, это очевидно, — фыркнула Пэгги. — Кто еще, по-твоему, имеет доступ к распределению ресурсов, чтобы заниматься перевооружением корабля? Смотри!

Она показала системные файлы, которые для человеческого мозга Савитри выглядели забытой письменностью исчезнувшей цивилизации, но оказались вполне доступны для процессора андроида.

— Судя по технической документации, работы по восстановлению системы жизнеобеспечения и переоборудованию узлов и модулей двигателя на «Эсперансе» ведутся с того момента, как появилась вакцина от синдрома Усольцева, — пояснила Пэгги. — Доподлинно неизвестно, каким образом на зачумленном корабле выжил сам конструктор, но попусту рисковать товарищами и коллегами он бы не стал.

— Возможно, у него оказался редкий врожденный

иммунитет, — предположила Савитри. — Как у жителей Васуки, из крови которых ученик Усольцева Арсеньев выделил так называемую антивакцину.

Она смотрела на кадры восстановленного журнала и вместе с трагедией экипажа и пассажиров «Эсперансы» переживала последние часы Первой Савитри. По непонятным причинам гибель клона принцессы Сансары сопровождалась схожими симптомами, которые намертво отпечатались в человеческом мозгу андроида.

Глядя на кадры хроники, Савитри вновь переживала удушье и нестерпимый жар, сменявшийся жесточайшим ознобом. Ее кожа вздувалась тысячами гноящихся пустул, а рот поминутно наполнялся гноем напополам с кровью. Хотя на борту следовавшей с охваченной эпидемией Леи на Ванкувер «Эсперансы» пытались соблюдать карантин, в замкнутом помещении вирус быстро распространился по отсекам. Капитан передал сигнал бедствия и просьбу выслать санитарный борт. Но на Ванкувере звездолет не приняли и приказали возвращаться. Однако для обратного пути на борту не хватило энергии, и корабль на границе треугольника Эхо притянул пульсар.

Капитан и пилоты боролись до последнего и сумели посадить звездолет, но против вируса оказались бессильны. А в это время лекарство, возможно, находилось на борту. Но врач погиб от болезни одним из первых, а других биологов среди экипажа и пассажиров не оказалось. Маркус Левенталь при всей его гениальности лучше разбирался в ракетных двигателях, чем в вирусологии. Он не прятался и не отсиживался в каюте, а до последнего ухаживал за своими спутниками, поддерживал защитное поле, отбивался от медуз. Закрыв глаза последнему умершему, он покинул корабль и задраил все люки. Надеялся ли он на встречу с прошлым, которая состоялась через пятнадцать долгих лет? Кто знает? Только за время эпидемии его волосы, черные от природы, почти полностью поседели.

— Ты опять меня не слушаешь! Ну как с вами, людьми, вообще можно иметь дело? — возмутилась Пэгги, которую подробности гибели экипажа «Эсперансы» не заинтересовали.

— Я такой же андроид, как и ты, — вынырнула из омута переживаний Савитри. — Ты что-то говорила?

— Еще как! — надула губы Пэгги. — Можно сказать, распиналась. И здесь, уверяю тебя, есть что послушать. Если я не ошибаюсь, Левенталь модифицировал ходовую часть, взяв за основу технологию порталов, — воодушевленно повторила она. — Похоже, он надеялся, что превращение плазмы в экзотическую материю поможет преодолеть притяжение пульсара.

— Но ведь это все существует пока на уровне гипотез! — всплеснула руками Савитри, вспоминая визиты на верфи Сансары и в институт плазменных и фотонных технологий.

— Кто знает, — просветлела лицом Пэгги, польщенная осведомленностью подруги. — Количество звездолетов на планете позволяет проводить испытания. Да и желающих вырваться под куполом всегда хватало. Я сейчас о другом, — оборвала она уже саму себя, возвращаясь к изначальной теме их разговора. — Пока городом руководил Левенталь, работы на Эсперансе велись медленно и с большими перерывами. Судя по тем крохам информации, которую мне удалось восстановить, конструктору не хватало сил и средств. Зато последние два года процесс шел просто ударными темпами.

— Но разве это плохо? — удивилась Савитри и тут же осеклась, вспоминая, какой ценой ее жених обычно добивался реализации поставленных задач.

Проект «Зеленый жемчуг» и программа «Универсальный солдат» — два чудовищных порождения корпорации «Панна Моти» — стали апогеем жизненного кредо принца Шатругны. Пэгги подтвердила худшие опасения.

— Космические и военные программы даже в благополучных мирах вроде Сансары или Ванкувера ложатся ощутимым бременем на налогоплательщиков. А для такой маленькой, отрезанной от всего мира колонии, если форсировать темпы, они просто губительны. Я не удивлюсь, если твой ненаглядный ради мечты о возвращении на Сансару обрек жителей нижних уровней на голод и болезни, а менеджеры, ученые и охотники, которым он обещал место на корабле, его поддержали. Я только одного не пойму.

Пэгги нахмурилась, вновь зарываясь в системные файлы, так, что ее окруженное значками кода лицо казалось покрытым ритуальным узором.

— Корабль был готов к вылету еще полгода назад. Чего же этот принц ждет? Неужто в самом деле тебя ищет?

— На моей материнской плате — ключ к сокровищнице Сансары, — едва ли не с обидой напомнила подруге Савитри.

Хотя Пэгги неплохо взламывала стандартные охранные системы, людские символы богатства ее мало интересовали.

— Тогда наверняка он придет за тобой, а значит, мне на этом корабле оставаться опасно! — нахмурилась она, сворачивая иконки кода.

— Что же делать? — растерялась Савитри, совершенно сбитая с толку.

Расставаться с амазонкой ради нелюбимого жениха ей не

хотелось.

— Пока не знаю, — пожала плечами Пэгги. — Эх, вывести бы корабль на орбиту, прорваться сквозь пульсар и рвануть отсюда куда подальше на какую-нибудь планету, где одни только роботы живут!

— А ты сумеешь? — с сомнением глянула на приборную панель Савитри.

Что собиралась ответить подруга, осталось тайной. Пэгги обратила внимание на экраны внешнего наблюдения и резко перешла в боевой режим.

— Орудия к бою, Ваше Высочество! У нас, кажется, гости.

Глава 8. Одноклассник пирата

— Не успели приземлиться — уже четыре трупа! — бормоча то ли молитвы, то ли отпугивающие нечисть заклинания, сокрушался Шака, пока его абордажники размещали погибших в холодильных камерах для подготовки к космическому погребению.

— Не зная броду, не суйся в воду! — ворчал Шварценберг, хотя идею вылазки подал именно он.

— Было бы больше, если бы не наш кошак, — в который раз напомнил товарищам Таран, любовно похлопывая по спине шедшего впереди него Синеглаза.

— Да что я, — пожимал плечами княжич, немного растерявшийся от такого количества внимания. — Меня мартышки предупредили.

Кажется, даже во время дворцовых церемоний, когда ему дни напролет приходилось сидеть на жестком, неудобном троне по правую руку от отца, на него меньше смотрели. Обычно иноземных послов интересовал новый правитель Сольсурана, они пытались разглядеть в непроницаемом выражении лица князя отголоски его внешней политики. А сановники из сопровождения и охрана беззастенчиво пялились на мать. Так, что княжичу временами хотелось обратиться в Роу-Су и заняться коррекцией их зрения.

Впрочем, зачисление в команду вместе с возвращением всех прав, включая полноценный паек, Синеглаза, конечно, радовало, и две недели капитанской немилости вспоминались теперь как страшный сон. Пережевывая блок жесткого концентрата, Синеглаз почти убедил себя в том, что Шварценберг просто пошутил. Кэп же наверняка понимал, что княжеский сын — это совсем не то, что голодранцы, которых синтрамундские барыги покупают по десятку за меновое кольцо. А что до новых обязанностей, так отец в детстве тоже отчищал со столов требуху и выносил зенебочий навоз, прибираясь в лавке деда-мясника. Да и какая тут приборка.

Останки медуз все равно отскребали два странных типа, отвечавших за состояние энергетического щита и связь с другими кораблями. Один откликался на позывной Шаман, другого называли Кудесником, и Синеглаз полагал, что неспроста. Хотя оба числились операторами межсети, способ, каким они собирались научить систему узнавать незваных гостей и закрывать для них доступ на борт, выглядел чистой пляской у священного огня. Впрочем, невидимые щиты вестников только им с отцом в образе древнего тотема удавалось преодолеть. А у

медуз на это разумения не хватило. Они черной неровной завесой колыхались на границе невидимого заслона, напоминая зловредных навий и другие порождения нижнего мира, остановленных начертаниями храмовых знаков или могущественным словом вещего хранильника-жреца.

В жилой гондоле убираться тоже почти не пришлось. Осмотрев их каюту, Эркюль, Таран и Шака решили просто все загерметизировать и перетащили уцелевшие манатки и мартышек в отсек абордажников, трое обитателей которого покинули мир живых. Куда переместились их души, Эркюль так внятно объяснить и не сумел, как и не смог показать, где же располагаются надзвездные чертоги Великого Се, в которые по верованиям сольсуранцев по смерти отправляются великие герои и цари. А капитана такие высокие материи, похоже, и вовсе не интересовали.

— Покойтесь с миром, — напутствовал усопших Шварценберг. — Теперь мы знаем, что эта планета еще опаснее, чем показалось при посадке.

— Предупрежден — значит вооружен, — кивнул Эркюль, сотворив какой-то странный оберег.

— Осталось только найти способ, как отсюда выбраться, — никак не отреагировав на замечание Обезьяньего Бога, заключил Шварценберг.

— На маневровых притяжение пульсара не преодолеть, — вздохнул Али.

— А кто тебе сказал, что мы на маневровых будем корячиться? — строго глянул на него кэп. — Нам бы только горючее добыть — и никакой пульсар не страшен. Хлама космического тут кругом валяется больше, чем на моей родной планете, наверняка тут где-то есть посудина, которая грохнулась здесь с полными емкостями. Где у нас снимки с орбиты?

— Ну наконец-то вспомнили, — негромко заметил Али, когда капитана на какое-то время отвлекли Шаман и Кудесник, завершившие свое колдовство с защитным полем. — На любом нормальном корабле после приземления на незнакомую планету сначала смотрят данные с камер внешнего наблюдения и спутников, потом выпускают дронов и только после всего этого планируют вылазку. Так прописано во всех инструкциях.

Синеглаз знал, что Али когда-то служил в военном флоте Альянса и при любой возможности старался подчеркнуть недосягаемую для «всякого сброда» высоту своей профессиональной подготовки. И хотя княжич вполне понимал досаду пилота, вызванную гибелью напарника, критика действий капитана в сложившейся ситуации воспринималась как

подстрекательство к бунту. С другой стороны, придворные тоже все время о чем-то шептались за спиной отца. И далеко не все из них попробовали на вкус свои потроха. Не по Синеглазовой вине, это точно. Вот и сейчас княжич не собирался никому ничего передавать. Сами как-нибудь разберутся.

— За инструкциями и муштрой — это тебе надо обратно в регулярную армию, брат, — развел руками Таран. — А у нас здесь вольный корабль. Я тебе больше скажу!

Артиллерист заговорщицки поднял заскорузлый, мозолистый палец.

— Наш кибердед не только в жизни не исполнял ни одной инструкции, я вообще не уверен, что он умеет читать.

— Да ладно заливать-то! — возмутился Эркюль, ненадолго отвлекаясь от мартышек, которых он пытался то ли пересчитать, то ли успокоить. — Шварценберг, между прочим, в академии Звездного флота Содружества учился! Да и дроны на «Нагльфаре» когда-то водились.

— Пока Майло с Риком их не пропили, — сверкнул белыми зубами на черном лице Шака, которого перепалка товарищей немного отвлекла от мрачных мыслей.

— Это еще при Онегин было, — подтвердил Таран. — Как она ругалась тогда!

Артиллерист открыл рот и поднял руки к ушам, будто до сих пор слышал гневные возгласы разъяренного оператора.

— Даже сам Саав не решился ее заткнуть. Вот с этих пор мы так без дронов и живем. Он никак не дозреет до покупки новых!

— Разве только здесь на халяву добудем, — заметил Шака, увеличивая голограммы с камер внешнего наблюдения.

— Да уж, эта свалка любое кладбище погибших кораблей за пояс заткнет! — заковыристо выругавшись, отреагировал на голограммы Эркюль. — Сколько добра зазря пропадает!

— Почему зазря? — повел крючковатым, точно клюв летающего ящера, сильно выдающимся вперед носом Али.

Он увеличил одну из голограмм, и все увидели притулившуюся к скалам странную конструкцию, напоминающую гигантский гриб. Что-то похожее строили возле своих кораблей вестники. Но те шатры, которые, словно по воле духов-прародителей, возникали из белой, душистой пены, а потом застывали, вместе с формой обретая прочность, особенно удивительную при их видимой легкости и даже воздушности, никогда не достигали таких размеров.

И вестники, и контрабандисты рассказывали, что похожие конструкции в надзвездных краях обычно возводят на непригодных для жизни планетах, создавая искусственное

подобие небесной тверди, под которой поддерживаются комфортные для людей условия. На одной из таких планет провел детские годы сам грозный Саав Шварценберг. Склонный к преувеличениям Эркюль утверждал, что в каких-то мирах существовали колпаки, способные накрыть весь Сольсуран. Нынешняя постройка выглядела, конечно, менее фундаментальной, но Царский Град вместила бы точно. Синеглаз даже представил себе, каково это — смотреть на мир сквозь мириады окошек, скрепленных между собой, точно пчелиные соты. Хорошо, что на Васуки хватало воздуха и воды, а травяной лес давал необходимую его обитателям пищу.

— Похороните меня со свиньями и собаками! — замысловато выругался Чен Лун. — Да это же купольный город! И откуда он здесь взялся?

— Откуда-откуда? — поскреб закованным в экзоскелет пальцем рыжую бороду Шварценберг. — Оттуда же, откуда и все остальное. С неба упал.

— Чтобы возвести конструкцию такого масштаба, нужны стройматериалы, техника и туева куча энергозатрат и труда, — загибая пальцы, попытался осмыслить увиденное Таран.

— Жить захочешь, не так раскорячишься! — хмыкнул Шварценберг.

— Так это ж мы спасены, братцы! — не скрывая радости, воскликнул один из абордажников, молодой парень с глуповатым лицом и наивными косульими глазами. — Если люди сумели на этой планете закрепиться и город построить, может, и для нас место под куполом найдется?

Синеглаз в какой-то мере восторг парня разделял. Даже если не удастся выбраться, в городе они не пропадут. С другой стороны, кто знает, что за люди собрались под куполом и какие там порядки? Не для того он отбивался от медуз, отвоевывая право на жизнь и доказывая Шварценбергу, что он не бесполезный дармоед, чтобы вновь оказаться заложником чьей-то прихоти. Кэп, кажется, тоже не ожидал от встречи с местными ничего хорошего.

— Смотря что считать спасением, Чико! — снисходительно глянул он на простодушного абордажника. — Арсеньев и его молодчики, отправившие нас с Тараном на нары, тоже, кажется, искренне полагали, что нас спасают. Особенно когда мой позвоночник собирали по частям. А кто их просил его ломать?!

— Да уж, — согласился с кэпом Таран. — Когда ноют натруженные на принудительных работах кости, я Командора и его бойцов тоже таким добрым словом вспоминаю! Хотя сам же потом вроде помогал их с Раваны из плена вытаскивать!

Историю легендарного Командора и его жены, о подвигах которых в травяных лесах до сих пор складывали песни, Синеглаз слышал в разных вариантах. Отец обоих искренне ненавидел и, если кто-то при нем смел исполнять сагу о поединке посланца из надзвездных краев с доктором Дриведи, мог певца и языка лишить. Все-таки убитый Арсеньевым богатей из Альянса считался чуть ли не новым воплощением Великого Асура, а стало быть, князю Ниаку каким-то боком приходился родней. Зато матушка, когда супруг не слышал, полушепотом рассказывала сыну, как Маргарита Арсеньева двенадцать лет назад спасла ее родного брата, нынешнего правителя Страны Тумана, а потом самоотверженно защищала детей травяного леса от нашествия болотных дикарей. Шварценберг не мог простить Командору свое увечье и плен, зато Эркюль когда-то служил под его началом и всячески превозносил таланты входившего в их команду оператора сети.

Вот и сейчас, как только упомянули Арсеньева, Обезьяний бог подался вперед, расталкивая операторов, артиллеристов и абордажников.

— Я, конечно, не уверен, что нас в городе примут с распростертыми объятьями, — внес он свою лепту в обсуждение, — но на разведку я бы туда все же сходил. Если Пабло Гарсиа все еще жив, наверняка он где-то под куполом обретается.

— И дался тебе этот Пабло Гарсиа! — досадливо поморщился Шварценберг, у которого упоминание боевых товарищей человека, нанесшего ему самое сокрушительное поражение, похоже, вызывало почти физическую боль. — Я на нашего кошака, то бишь гардемарина, куда больше рассчитываю!

Он доброжелательно, как в прежние дни, потрепал Синеглаза по отросшим вихрам.

— Да и кто вам вообще сказал, что город обитаем? — продолжал кэп, клацая экзоскелетом, точно затвором. — На моей родной планете тоже такая фигня до сих пор стоит, только в ней теперь никто не живет. В общем, я свое слово сказал. Город под куполом будет последним местом, куда я отправлюсь по доброй воле. А если кто захочет свое общество навязывать, так у нас пока еще пушки имеются. Лучше пока подумать, где добыть горючее, чтобы отсюда выбраться.

— Если бы это было так просто, купольный город на орбите красного и белого карликов не возвели бы, — вздохнул Али.

— А вот это еще вопрос, — возразил ему Кудесник. — Мы приземлились на гигантское месторождение урановых руд.

— И какой нам толк от необогащенной руды? — фыркнул

Шварценберг. — Хотя на худой конец и она сгодится.

— Даже имея полные трюмы обогащенного ядерного топлива и дополнительные энергетические емкости, на существующих двигателях притяжения пульсара не преодолеть, — еще раз попытался донести свою мысль Али. — Я, если что, уже и расчет сделал.

Саав, подслеповато щурясь, глянул на голограмму с вычислениями и брезгливо отвернулся.

— Как ты был альянсовским хмырем, Али, так и остался. Кому нужны выкладки, в которых заданы параметры, заведомо не позволяющие выйти из поля притяжения пульсара? — напустился он на пилота. — Ты отыщи такие, при которых возможен рывок.

— Корпус корабля не выдержит! — испуганно глянул на старого пирата навигатор.

— А это уже не твоя забота, — осклабился в полуседую бороду кэп. — Хотя нагрузку на корабль тоже неплохо бы посчитать. Но для начала мне нужны все объекты, из которых мы можем получить энергию.

Синеглаз, увы, пока ничего не мог разобрать в вычислениях Али, которые, помимо навигаторов, пытались осмыслить операторы межсети, артиллеристы и даже некоторые из абордажников. Поэтому он решил глянуть на другой экран, пытаясь увеличить голограмму соседней равнины. Хотя место посадки «Нагльфара» окружали лишь горные пики и всякий никому не нужный хлам, на другой стороне кряжа виднелось что-то весьма любопытное.

— А эта посудина нам не подойдет? — стараясь говорить как можно более уверенно и даже равнодушно, подал он голос, увеличивая изображение заинтересовавшего его объекта.

Он уже видел, что в соседней долине стоит звездолет, похожий на «Нагльфар» и по виду совершенно готовый к вылету. Трогать что-либо в рубке ему прежде воспрещалось. Но он же видел, как контрабандисты увеличивают изображение, наставив два пальца на нужный предмет и как бы растягивая объемную картинку. Для жителей травяных лесов такая манипуляция выглядела сплошным колдовством, но у княжича получилось. Он даже представил себя в рубке боевого звездолета, отдающим приказы, но для этого следовало хотя бы узнать, как применяются те похожие на храмовые знаки закорючки, с помощью которых прокладывают курс.

— Провалиться мне в черную дыру! — восторженно хлопнул Синеглаза по плечу Таран так, что княжич едва не полетел кубарем в противоположную стену рубки. — А малец-то еще и правильно фильтрует базар!

— Возможно, его емкости еще более пустые, чем у нас, — скептически повел горбатым носом Али. — Поэтому и застрял тут на вечном приколе.

— Можно подумать, ты проверял? — ощерился Таран, которого уныние пилота откровенно раздражало.

— Ну-ка, увеличьте изображение на максимум! — подался вперед Шварценберг.

Снисходительная усмешка покинула его лицо, потерявшись где-то в бороде, на которую из широко открытых глаз медленно стекали незамеченные капитаном слезы.

— Бездны космоса! — пробормотал он, не скрывая волнения. — Так вот где ты, брат, свое последнее пристанище нашел.

— О ком ты, кэп? — на правах старожилов команды удивленно глянули на Шварценберга Таран и Эркюль.

— О Маркусе Левентале, — негромко пояснил он, оставив обычную глумливость. — Моем однокласснике и лучшем друге.

Синеглаз удивленно закрутил головой. Это имя, которое он слышал впервые, контрабандистам было, похоже, отлично известно. Спасибо, простодушный, недалекий Чико решил уточнить.

— Это тот самый, который новый гиперпространственный двигатель изобрел?

— И еще кучу всяких интересных вещей, которые мы до сих пор не научились использовать и которые, возможно, помогут нам выбраться из этой дыры, — сурово пояснил Шварценберг.

— Ни фига себе связи! — восторженно почесал в затылке Эркюль. — Так вы вместе с ним в Академии Звездного флота учились?

— А в приюте на АК-4774 не хочешь? — глянул на него Шварценберг. — Его родителей в шахте завалило, а компания, конечно, забыла выплатить компенсацию сироте. Маркус мне не только по математике и прочим точным наукам помогал, но и покрывал меня, если приютское начальство в очередной раз норовило прикопаться. А когда меня оставляли без обеда, своей пайкой делился. Я, в свою очередь, следил, чтобы ни одна зараза не смела его тронуть.

Синеглаз чувствовал, что его уши, точно в дни обращений, забираются куда-то на темечко и разворачиваются в сторону кэпа. Он, конечно, не думал, что суровый и беспощадный пират матерым воином на свет появился, и даже знал, кто и когда одел его в придающий сходство с машиной экзоскелет. Но мысль о том, что когда-то неведомые попечители распоряжались жизнью Шварценберга с таким же равнодушием, с каким он сам теперь

пытался вершить судьбу Синеглаза, в голове не укладывалась ни в каком виде. Впрочем, остальные члены команды казались не менее озадаченными и тоже пытались что-то сопоставить и осмыслить.

Один лишь Чико, как зачарованный, глядел на звездолет в соседней долине:

— Так, может быть, на его корабле мы вырвемся отсюда?

— У меня пока еще и «Нагльфар» на ходу! — презрительно глянул на него Шварценберг.

— В реестре записано, что пассажирский звездолет «Эсперанса», на котором Левенталь следовал с Леи на Ванкувер, пропал в треугольнике Эхо после того, как на борту началась эпидемия синдрома Усольцева, — подняв архивы, заметил Али.

— И что с того? — огрызнулся на него Шварценберг. — У вас, можно подумать, нет прививок?

— За тридцать лет, которые прошли с его исчезновения, разработали и внедрили аж три вакцины! — радостно напомнил Эркюль.

— Жаль, что Маркус до этого не дожил! — вернулся к прежней мрачности кэп. — Когда я узнал, что «Эсперансу» не приняли на Ванкувере, я чуть не взял эту гребаную планету на абордаж! — добавил он, и скорчер непроизвольно оказался у него в руках. — Потом передумал, но чиновника, который отдал экипажу «Эсперансы» приказ возвращаться на Лею, вскоре после этого нашел. Так что Маркус, где бы он сейчас ни находился, думаю, не обидится, если мы позаимствуем с его корабля горючее, если оно там осталось, и сменные модули, которые помогут нам выбраться. Мы же, в свою очередь, как только доберемся до большого мира, расскажем о его судьбе.

— Странно, что жители купольного града этот корабль раньше нас на запчасти не растащили, — озабоченно заметил Шака, со всех сторон разглядывая звездолет.

Синеглаз подумал, что это резонная мысль. Среди заваленной обломками долины «Эсперанса» выглядела так, словно только вчера благополучно приземлилась и готова снова подняться в небо.

— И в самом деле, — поддержал командира один из абордажников, мрачный мужчина по имени Дольф. — Там на пустоши я тоже обратил внимание, что на многих кораблях модули и узлы не сломаны, а словно бы кем-то аккуратно сняты или выпилены.

— Так, небось, жители города эпидемии боятся, — беспечно предположил Эркюль. — Вспомните, что случилось с колонией на Лее. Да и на Сербелиане девять лет назад, если бы Арсеньев не

привез вакцину и не начал прививать людей не только в Кимберли, но и в трущобах Мураса, я тоже не знаю, во что бы все это вылилось!

— Вот я и говорю, что Арсеньева тут, хвала Космосу, нет, — прервал Обезьяньего бога Шварценберг. — Поэтому нам ничто не мешает преодолеть перевал и наведаться в соседнюю долину. Через два часа мне нужен подробный маршрут.

— А как же медузы? — встревоженно вскинулся Шака, вспоминая предыдущую неудачную вылазку.

— А что медузы? — строго глянул на него Шварценберг. — Теперь мы знаем, на что они способны. Надеюсь, скорчерами тут все пользоваться умеют!

— Возьмете с собой кошака, — подпихивая вперед Синеглаза, сердобольно посоветовал Таран, которому по штатному расписанию корабль покидать не полагалось. — И каждому за пазуху по мартышке.

— Но-но! — запротестовал Эркюль. — Попрошу моих питомцев не трогать. Они нам еще на Сансаре пригодятся.

— Вот только с корабля надо сначала как-то выйти, — подал голос Чен Лун, который вместе с Кудесником нес вахту на орудийной палубе. — Вы только посмотрите, что возле защитного поля творится.

Он передал картинку, и все члены экипажа разразились чередой заковыристых междометий на разных языках. «Нагльфар» находился в плотном кольце расположившихся вдоль границы невидимого щита медуз.

Черные тени теперь сгрудились такой плотной стеной, что напоминали уже не призрачную завесу потустороннего тумана, а густой дым пожарища, вздымающийся до небес и оседающий на землю хлопьями липкой сажи. Медузы шли на приступ с безрассудным упорством болотных дикарей, чьи набеги на пограничные города Сольсурана давно вошли в привычку. Они наступали на корабль потоками едкого кислотного дождя. Отец рассказывал, что в древние времена в годы борьбы людей и асуров их предки, желая уничтожить все живое, специально насылали на людские города гибельные облака, способные превратить в тлен металл и даже камень. Только легендарный царь Арс сумел их остановить.

Медузам, конечно, источить камень и металл было не под силу, но их алчности позавидовали бы и демоны Хоала. Под их напором энергетический щит то тут, то там вспыхивал искрами, становясь на несколько мгновений не только осязаемым, но и видимым, на его поверхности появлялись разводы, напоминавшие то ли ветвистые зигзаги молний, то ли паутину треснувшего

стекла. Из рубки казалось, что против пришельцев из надзвездных краев ополчилась сама тьма, суть этого мрачного, вывернутого наизнанку исподнего мира под черным солнцем возле алчной звезды.

— Мать моя женщина! Да это ж сколько их тут? — в ужасе проговорил Чико, запуская пальцы в растрепанные кудрявые волосы.

— И они активизировались с наступлением дня, — спокойно и бесстрастно пояснил Кудесник. — То есть с того времени, когда планета повернулась к красному карлику этой стороной.

— Самое неприятное, что эти твари питаются энергией нашего силового поля, — дополнил товарища Чен Лун, — и, кажется, подзаряжаются от него.

— Так жахните по ним плазмой, чтобы неповадно было! — посоветовал Эркюль.

— Отставить! — рявкнул Шварценберг. — Насколько быстро они разрушают щит?

— Серьезной угрозы пока нет, — отрапортовал Шаман, — но чисто теоретически, если бы они приложили усилия…

— Мне на твою теорию плевать из экзосферы, — оборвал его Шварценберг. — Тебе поставлена задача обеспечить работу поля, а уж как ты это сделаешь, не моя забота. Насколько я понял, если все медузы этой долины пытаются пробиться на «Нагльфар», есть шанс покончить с ними одним залпом. Дождемся ночи, все еще раз распланируем и просчитаем, а перед самым выходом, так уж и быть, потратим энергию, сделаем жаркое из медуз.

Глава 9. Морская царевна и громовержец

Какое-то время Пабло растерянно моргал, втайне надеясь, что наваждение рассеется. Но видение не исчезало. Кристин дышала под водой, выпуская пузырьки отработанного газа, ее лицо выражало полное умиротворение, а на губах играла нежная улыбка. Потом Пабло предположил, что любимая его разыгрывает. Но как тогда объяснить вчерашние приступы, которые невероятным образом проходили, едва только Кристин соприкасалась с водой. Он слишком хорошо знал, что такое удушье, и симуляцию отличил бы без труда.

В своей жизни Пабло видел немало негуманоидов. Дружил с сильфидскими гвельфами, пытался наладить контакт с разумными слизнями Альпареи, встречался с не имеющими постоянной телесной формы высокоразвитыми Семма-ии-Ргла, наблюдал, как меняют облик асуры. Может быть, Кристин тоже принадлежит к одной из не совсем человеческих рас? Те же монстры лабиринта на Васуки, встречу с которыми до сих пор с ужасом вспоминал Брендан, сохраняли остатки интеллекта, а властвовавшая над ними Нага в конце концов стала змеей.

С другой стороны, почему Кристин вчера так болезненно отреагировала на циничное обсуждение шоу уродов? Не случайно Брендан говорил о превышении уровня радиации.

Бедная. Как же она вообще живет? Мама, когда ждала Алехандро, рассказывала, что на ранней стадии развития жабры есть у всех человеческих зародышей. Но потом они преобразуются, кажется, в щитовидку. Но если у Кристин они не преобразовались, какой орган отвечает за выработку жизненно важных гормонов? Или ей приходится недостаток все время искусственно восполнять? И по нескольку раз в день принимать душ, чтобы жабры не пересыхали. И как же эта бедная нереида тоскует в тесноте аквариума, лишенная возможности даже представить океанский простор!

Пабло сделал почти рефлекторное движение, пытаясь доставшуюся ему русалку приласкать и защитить. Кристин открыла глаза и сонно улыбнулась. Потом потянулась к шее, не обнаружила шарфа, предательски уплывшего куда-то на противоположную сторону бассейна, и в ужасе заметалась, расплескивая воду, силясь не то оттолкнуть, не то выскочить и убежать. Пабло ни то, ни другое ей не позволил. Поймал и удержал в объятьях.

— Ну, тихо, все хорошо! Ну, подумаешь, а то я русалок в своей жизни не видел! Что же ты сразу не сказала?

Он городил какую-то чушь, покрывая поцелуями ее руки и лицо, тщась осушить безудержные слезы.

— Это неправильно! — всхлипывала Кристин, выплескивая накопившуюся обиду. — Я выгляжу как нормальный человек, а на самом деле я урод!

— Да кто тебе это сказал? — возмутился Пабло. — Те придурки из бара?

— Ты ничего не понимаешь, — горько разрыдалась Кристин. — Ты в городе совсем недавно и не знаешь, какое тут жесткое разделение.

— На «чистых» и «нечистых»? Это я очень даже ощутил. И не только вчера, — фыркнул Пабло, отплевывая воду, попавшую во время их борьбы в нос и рот.

— Если кто-нибудь узнает… — начала Кристин.

— Я никому не скажу, — пылко заверил ее Пабло. — А ты должна запомнить, для меня ты есть и будешь самой лучшей. И никакой другой мне не надо! Мы обязательно выберемся отсюда, и я отвезу тебя к океану, где ты сможешь плавать хоть круглые сутки, и никто не посмеет тебе сказать, что ты не такая, как все, — убеждал он ее, когда она немного успокоилась, и сам верил в свои слова.

Прижимая возлюбленную к себе, массируя плечи и спину, из которых постепенно уходило напряжение, он представлял, как вольготно и свободно она сможет почувствовать себя не в тесном резервуаре бассейна, а на океанском просторе. Он почти воочию видел улыбающееся милое лицо, окруженное радужным ореолом пронизанных солнцем воздушных пузырьков. Ощущал под пальцами волосы, похожие на россыпи янтаря с Новонормандского побережья.

— Когда мы навсегда покинем этот мир тьмы, я отвезу тебя на Сербелиану, — убеждал он Кристин, развернув голограммы семейного архива на наручном планшете. — У меня дом на алмазном побережье возле самого берега. Там есть причал, площадка для антигравов и лестница для дайвинга, ведущая на глубину. Я давно мечтал более серьезно освоить этот вид спорта, а тебе даже не требуется акваланга. Мы сможем погружаться хоть каждый день, совершать заплывы между скал, исследовать пещеры, которые после терраформирования образовались на месте метеоритных кратеров. А вечерами нам никто не помешает гулять в саду или сидеть с друзьями на заплетенной виноградом террасе.

— Чтобы погружаться на большие глубины, мне все равно

понадобится дыхательная смесь и специальное оборудование, — решила подыграть ему Кристин, с неподдельным интересом разглядывая снимки.

— А тебе обязательно хочется на глубину? — удивленно глянул на нее Пабло, устраивая ее голову у себя на груди. — Мне кажется, по своей специальности ты найдешь немало интересного и на мелководной части материкового шельфа.

— Но сначала надо как-то обмануть черную звезду, — посерьезнев, испытующе глянула на него Кристин. — Если ты не шутишь, — добавила она с мольбой, — найди, пожалуйста, информацию об «Эсперансе», как тебя просил мой отец. Двигатель этого корабля единственный может преодолеть притяжение, но доступ к звездолету для большинства жителей города с некоторых пор закрыт.

Пабло кивнул, мысленно понимая, о ком его предупреждает любимая и с кем в этой игре, возможно, придется схлестнуться. За прошедшие восемь лет методы дельцов из «Панна Моти» не изменились. Насчет отца Пабло тоже не удивился. Он же еще накануне заметил сходство и теперь вспомнил, почему загадочный пришелец показался ему смутно знакомым. Эх, и как его угораздило за несколько месяцев жизни под Куполом так и не удосужиться узнать фамилию любимой. Впрочем, он смутно ощущал, что имя создателя города кое-кто из его нынешних руководителей хотел бы просто забыть.

Трагическая история «Эсперансы», капитан которой надеялся вывезти из гибнущей колонии на Лее свою семью, но только погубил экипаж и всех пассажиров, когда-то всколыхнула общественность Содружества. Даже годы спустя во время учебы в Академии Звездного флота они с сокурсниками обсуждали, насколько правомочно действовал командир корабля, нарушив все мыслимые и немыслимые инструкции, и какие ошибки допустили чиновники эпидемиологической службы Ванкувера, завернувшие звездолет, которому по правилам карантина следовало лечь в дрейф на внешней орбите и дождаться прибытия врачей. Маркус Левенталь отправился на Лею, чтобы на этой непригодной для жизни планете провести испытания новой модели двигателя и системы боеголовок, и в эпицентре эпидемии оказался почти случайно.

— Как он выжил? — рассеянно поинтересовался Пабло, когда они с Кристин после душа завтракали свежими овощами и белковыми полуфабрикатами.

— Он и сам долгое время не мог понять, — рассеянно ответила Кристин, погружаясь в прошлое. — Когда отец остался на корабле один в окружении мертвецов, какое-то время он

просто сидел и ждал смерти, пока не истекли все сроки инкубационного периода. Тогда он вышел на пустошь и, вероятно, погиб бы, если бы его не повстречали люди из первого поселения, среди которых оказалась и моя мать Эгле. Она не только выходила Маркуса, поскольку тот умирал от истощения, но и обнаружила в его крови антиген к синдрому Усольцева, происхождение которого объяснить так и не смогла. Тем более что в поселении для врачей и биологов хватало и другой работы. Вскоре после моего рождения началось строительство города с использованием модулей и конструкций, предназначенных для новой колонии на Лее.

Кристин ненадолго прервалась, подкладывая Пабло добавку и разливая им обоим синтетический кофе. Занятая этими обыденными домашними хлопотами, она выглядела настолько умиротворенно и так уютно, что Пабло внутренне просиял от умиления. Хотелось, чтобы это их первое совместное утро продолжалось день ото дня до глубокой старости. Желательно на Сербелиане или на любой из планет Содружества. Впрочем, родители Кристин, судя по всему, сумели обрести счастье и на орбите Черной Звезды, изменяя окружающий мир и приспосабливая его под себя.

— Десять лет ушло на то, чтобы возвести биосферный купол, построить горно-обогатительный комбинат, оборудовать плантацию и ферму, — продолжала Кристин, укладывая волосы в строгий узел и поправляя на шее предохранявший жабры воротник с эффектом гидролизации.

Накануне она решила обойтись без этого слишком заметного в вечернем наряде приспособления и поплатилась острым кислородным голоданием.

— Потом отец начал потихоньку думать о том, как перевооружить «Эсперансу», используя модули от двигателя нового типа, которые так и дожидались своего часа в грузовом отсеке. Мама полностью ушла в мое воспитание и выведение новых сортов растений, — продолжила Кристин, прибирая со стола. — За это время в большом мире открыли несколько типов вакцин, поэтому отец свой иммунитет принял как данность и даже стал этим гордиться. Недавно выяснилось, что его антиген идентичен сольсуранскому.

— Но как это возможно? В те годы, когда пропала «Эсперанса», о существовании цивилизации в системе Васуки не знали ни в Содружестве, ни в Альянсе!

Хотя Пабло никогда не интересовался тонкостями вирусологии, работа по выделению из крови жителей травяных лесов антигена, на основе которого была создана так называемая

антивакцина, происходила у него на глазах и при его непосредственном участии.

— Не стоит забывать, что Васуки в течении двадцати с лишним лет использовали в качестве базы пираты окраинных миров, — напомнила Кристин. — А обнаруживший червоточину Саав Шварценберг, прибытие которого в треугольник Эхо обсуждают уже вторые сутки — близкий друг и одноклассник моего отца. В одну из последних встреч они то ли в шутку, то ли всерьез совершили ритуал побратимства, сделав на запястьях надрезы и смешав кровь, что в конечном итоге спасло отцу жизнь.

Пабло только потрясенно взъерошил влажные после душа, непослушные волосы.

Как же в этом закрытом мире все переплелось, сколько роковых ошибок и упущенных возможностей оказалось похоронено на этом кладбище погибших кораблей!

Если бы Саав Шварценберг не находился в Галактическом розыске, а чиновники с Ванкувера не завернули «Эсперансу», вакцину от синдрома Усольцева удалось бы создать на десять лет раньше, и это помогло бы спасти сотни тысяч человеческих жизней. Кроме того, если бы Маркус Левенталь довел работу над новыми боеголовками до конца, возможно, Дин, Петрович, Клод и другие члены экипажа «Мерани» не попали бы в зону экзотической материи и не стали жертвами отдачи.

В любом случае Кристин права: из Эхо как-то надо выбираться. И если ее знаменитый отец действительно знает хоть что-нибудь о судьбе Левы Деева и остальных, то помочь ему стоит. Возможно, сведения о восстановлении и перевооружении «Эсперансы» прольют свет и на те стороны жизни города, которые от них с Бренданом пытаются скрыть.

Поскольку до начала рабочего дня оставалось меньше четверти часа, они с Кристин наскоро привели ее жилище в порядок, оделись и поспешили в научный блок, провожаемые любопытными взглядами соседей и сослуживцев. В этом закрытом мирке все у всех находились на виду, и смакование подробностей личной жизни соседей входило в число немногих развлечений.

Брендана на месте не оказалось, и у себя он тоже не ночевал. Похоже, неисправимый ловелас подцепил очередную подружку. Вундеркинду нравились жгучие смуглые брюнетки с пышными, женственными формами и грацией пантеры. В научном отделе таких имелось не менее трех, и Брендан уже успел не только прощупать почву, но и с каждой что-то закрутить. Вот ведь авантюрист! Ночи ему не хватило. Попадется под горячую руку начальства, будет знать.

Ох, не стоило начальство поминать! Когда Пабло собирался

уже уходить, из своего кабинета выглянул профессор Нарайан. Демонстративно проигнорировав оператора сети, руководитель научного отдела церемонно приветствовал Кристин, отмечая ее последние результаты. Когда же смутившаяся и явно погрустневшая девушка попросила разрешения занять свое место, он проводил ее требовательным, голодным взглядом ревнивого и мстительного божества, отметая всякие сомнения относительно природы его интереса.

Скажите, пожалуйста, какой небожитель! Старый, потасканный фавн, вожделеющий юную нимфу. Не он сажал этот лес, и не ему в нем распоряжаться!

Пабло подчистил историю своего вчерашнего проникновения в систему и попытался добраться до папок «Эсперансы». Спору нет, со здешней системой безопасности он разбирался непростительно долго. Если бы он столько копался на Ванкувере, взламывая защиту энергетического поля лагеря смерти, или медлил в дни плена на Раване, он бы просто провалил задание и подвел команду. Другое дело, что на Ванкувере и даже на Раване он отталкивался от многолетних наработок. Все-таки коды «Панна Моти» хоть и постоянно менялись, но писались на знакомом языке и по стандартному для змееносцев алгоритму.

Здесь кодировки представляли собой гремучую смесь творчества программистов и операторов всех обитаемых миров. Пабло даже находил фрагменты сильфидской семидесятеричной системы, хотя самих гвельфов под куполом не видел. При этом алгоритмы отличались продуманностью, а операционная среда — несомненным изяществом и эргономичностью. Не иначе, к защите своего детища приложил руку Маркус Левенталь.

Другое дело, что все эти красивые построения не помогали обмануть пульсар. Вот и сейчас все специалисты в области передачи данных, тихо произнося ругательства на родных языках, предпринимали экстренные меры, чтобы реанимировать в очередной раз рухнувшую внутреннюю сеть. Нейтронная звезда вновь изменила период пульсации, сведя на нет все меры по стабилизации канала.

Именно эта нерегулярность периода излучения и тормозила и работу по использованию аккретора[12] в качестве передатчика, ибо период пульсаций колебался от сорока секунд до пяти минут, а для преодоления поглощающего эффекта требовался передатчик запредельной мощности. Разбазаривать ограниченные ресурсы города в бесплодных попытках проверки теории вероятности руководство не позволяло.

Пабло, наблюдавший эти пляски с бубном в течение последних трех месяцев, вспомнил приписываемый Эйнштейну

афоризм о том, что безумие — это каждодневное выполнение одних и тех же действий в ожидании разных результатов. А ведь если бы им дали добро и позволили открыть канал, они бы имели хотя бы мизерный шанс рассказать о своем существовании миру. Вот ведь ирония судьбы! В первые десятилетия космической эры ученые, открывшие нейтронные звезды, их регулярное излучение в оптическом, радиоволновом, рентгеновском или гамма диапазоне принимали за послания внеземных цивилизаций.

С другой стороны, если взять в качестве рабочей гипотезы слова Кристин о том, что профессор Нарайан завладел единственным кораблем, способным преодолеть притяжение Черной звезды, то все разговоры о разбазаривании ресурсов представали уже в ином свете. Бывший член Совета директоров «Панна Моти» просто не был заинтересован в том, чтобы человечество узнало о пленниках треугольника Эхо. Тем более что основные ресурсы города он бросил на перевооружение корабля, беззастенчиво присвоив плоды трудов, на которые Маркус Левенталь потратил почти всю свою жизнь.

Файлы «Эсперансы», по сути оказавшиеся еще и городской летописью, красноречиво указывали на это.

Хотя Маркус Левенталь, как и все робинзоны Эхо, мечтал вырваться из плена треугольника, он понимал, что работа по перевооружению звездолета займет не один год, и в течение этого времени колонистам поневоле надо есть, пить и просто дышать. Поэтому в первую очередь он занялся обустройством жизни под куполом. Хотя урановый рудник, возле которого и возникло первое поселение, давал сырье для выработки энергии, он же создавал и дополнительные сложности. Жителям постоянно приходилось защищаться от жесткого излучения, угрожавшего не только снаружи, но и изнутри.

В первые десятилетия существования города был, казалось, найден идеальный баланс, когда сотрудники комбината и рудника, отработав несколько месяцев в забое или цехах, переводились наверх: в администрацию, научный отдел, на плантации или фермы для реабилитации перед следующим спуском. Так практиковалось во многих развитых мирах, если опасную для здоровья работу не удавалось поручить киберам и дронам. Таким же образом поступали с охотниками, которым после тяжелых, но жизненно необходимых для города рейдов на пустошь тоже требовались отдых и смена деятельности. На верхних же уровнях располагались все жилые отсеки, детские и образовательные учреждения, больница и зона отдыха. Маркус Левенталь мог гордиться своим детищем. В мире вечной ночи он сумел создать настоящий Город Солнца, более совершенный, чем

даже в ранних утопиях.

Пабло почувствовал движение со стороны соседнего рабочего места, которое занимал Амитабх, и моментально свернул секретный файл. С этого альянсовского хмыря станется и настучать в надежде выслужиться перед начальством. Хорошо, что многолетняя агентурная работа приучила к осторожности. Отправки на рудник Пабло не боялся. Случались в его жизни передряги и похуже. В конце концов, Лева Деев, Гу Синь и другие ребята уже три месяца как-то выживали внизу и, судя по весточке от Маркуса Левенталя, даже пытались бороться. Так почему он должен, как последний коллаборационист, нежиться в бассейне и жрать клубнику? Но разве он имел право подводить Кристин и ее отца, который сейчас отчаянно нуждался в информации? Да и профессора Нарайана с присными радовать провалом не хотелось.

Какое-то время Пабло создавал видимость полного погружения в проблему передачи данных в рентгеновском диапазоне. Даже набросал новый вариант программы, которая учитывала бы погрешность, создаваемую эффектом Доплера. Но как только тревога миновала, вновь погрузился в перипетии местной истории.

В первые годы после окончания строительства город под Куполом снабжал жителей всем необходимым. Но население постепенно множилось. У первых колонистов подрастали дети, и родители хотели бы обеспечить им лучшее будущее, насколько это позволяли условия искусственной биосферы. Появилось первое расслоение на старожилов и новичков, которым уже приходилось отвоевывать свое место под полуночным солнцем. Новые жилые модули сначала спустили на уровень плантаций и ферм, а потом и вовсе стали лепить к комбинату и даже руднику. Справедливый социальный уклад, за который так ратовал выходец из приюта Маркус Левенталь, постепенно уходил в прошлое, увязал в бюрократии и коммерции.

Некоторые заведенные в первые годы правила еще соблюдались, вот только смысла в их исполнении уже никто не видел. В самом деле, зачем проходчику переходить на более низкооплачиваемую работу на ферме, если его дети все равно вынуждены ютиться внизу? Зачем охотнику прозябать, выращивая морскую капусту, если, скитаясь по пустоши, он сможет заработать на хорошенькую комнатку возле гидропонных садов, если его не сожрут медузы.

Потихоньку нижние уровни превратились в настоящие трущобы, средоточие криминала и нищеты, где соперничавшие друг с другом банды неподвластных администрации охотников

вели ожесточенные бои за влияние на черном рынке медикаментов, оборудования и продовольствия. Именно тогда кто-то в городском совете заговорил о необходимости более жесткого контроля и создания системы безопасности, и под этим делом наверх перенесли воздушные генераторы. А вскоре появилась и пресловутая охраняемая дверь.

Маркус Левенталь, слишком занятый работой по перевооружению «Эсперансы», не заметил, когда его город-ковчег дал серьезный крен. Впрочем, в те годы он мало что видел вокруг. Из-за необходимости обеспечивать под куполом человеческие условия жизни все большего количества поселенцев он постоянно сдвигал сроки окончания работ на корабле, вызывая раздражение Совета. А ведь он больше других жаждал вырваться. Эгле Левенталь, которую Маркус нежно и горячо любил, медленно умирала. А провести необходимые манипуляции на молекулярном уровне, как это давно уже практиковалось в мирах Содружества, в условиях треугольника Эхо не позволяла нехватка высокоточного оборудования. Да и легкие Кристин с каждым годом работали все хуже и хуже.

«Бедная! Ее нужно обязательно вытащить отсюда! И ее, и других несчастных, которые вынуждены смириться с недугом, поскольку не имеют лекарств, чтобы исцелиться и вылечить своих близких!»

Пабло рассеянно провел рукой по подбородку. С вечера щетина еще не успела отрасти, но после работы надо не забыть побриться, особенно если удастся снова встретиться с Кристин.

При мысли о возлюбленной внизу живота разлился, набухая, понятный и приятный жар. Однако грудь при этом сжала тревога. Если к файлам этого архива получил доступ профессор Нарайан, дочь Маркуса Левенталя живет в постоянной опасности.

Надо сказать, что Кристин еще повезло. Другие ее ровесники, рожденные и выросшие под Куполом, страдали более тяжкими недугами. Жесткое излучение и отравление солями тяжелых металлов приводили к необратимым последствиям, отражаясь не только на здоровье поселенцев, но и накладывая жуткий отпечаток на внешний облик их детей.

Старожилы роптали, появились обвинения в конструкторских просчетах, которые допустил при постройке города Маркус Левенталь. На этой волне недовольства к власти пришли авантюристы и рвачи разных мастей. Засев в городском совете, точно пауки в банке, они делили вожделенную власть. Именно в этот период в под куполом и появился бывший член совета директоров «Панна Моти» Шатругна Нарайан. Сначала он быстро объединил под своей властью разрозненные группировки

охотников, подчинив с их помощью городской совет, а затем умело сыграл на расслоении среди горожан, направив их недовольство на окружающих.

Жителям верхних уровней он сумел внушить, что носителям тяжелых и необратимых мутаций не место среди плодоносящих садов и очищенной безопасной среды. Они — носители мусорных генов, бракованный материал, которому место рядом с отработанным сырьем и другими отходами. И законопослушные граждане в надежде получить более удобную комнату в жилом отсеке или занять место в лаборатории доносили на коллег и соседей. Обитателям же нижних уровней подкинул бредовую идею о том, что истинная красота в многообразии, а мутанты — новая ступень человеческой эволюции, и они с упоением предавались охоте на ведьм, подвергая отчаянной травле тех, кого не коснулась генетическая поломка.

Занятые наушничеством и мелкими сварами поселенцы почти не замечали, что живут все хуже. И виноваты в этом отнюдь не заполонившие биосферный купол новички, как это внушали внутренние новостные агентства, не «уроды» или мутанты, а руководители Городского Совета, которые единодушно проголосовали за ускорение работ на «Эсперансе» в ущерб всем жизненно важным программам, включая очистку воды и защиту нижних уровней от радиации. Профессору Нарайану не составило труда убедить руководство города, что такая великая цель, как победа над пульсаром, стоит здоровья и даже жизни проходчиков, рудокопов и прочей бедноты. Тем более что на верхних уровнях все требования безопасности по-прежнему соблюдались, и местная элита обеспечивалась всем необходимым.

Маркус Левенталь, который все еще входил в Совет, хотя и не играл там уже значительной роли, пытался протестовать, но его просто отстранили и объявили вне закона. Подвластные Нарайану банды охотников могли добиться покорности от кого угодно, и Маркус, опасаясь за безопасность дочери, предпочел скрыться.

Несколько месяцев назад работы на «Эсперансе», которая в официальных источниках все еще числилась кораблем с повышенной бактериологической опасностью, завершились, однако Нарайан проводить испытания корабля не спешил, словно чего-то выжидая.

Поскольку начиналось время перерыва, когда в научном блоке находиться никому не разрешалось, Пабло спешно свернул архив и поставил пароли, чтобы в его отсутствие никому не пришло в голову открыть файлы «Эсперансы». Неплохо бы сделать копию, пока Амитабх ушел, но эту рисковую операцию не

стоит производить дважды. Надо дождаться пока внедренная программа доберется до всех папок, включая данные о состоянии корабля и чертежах.

Биологи выходили с плантаций озабоченные, если не сказать удрученные. В питомник, где выводили новые сорта соевых бобов, проникла серая гниль, и садоводы опасались, как бы эта опасная болезнь не перекинулась на другие растения. Пабло посочувствовал, а потом спросил про Вундеркинда. Коллеги только развели руками.

Брендан на работу так и не вышел, и связаться с ним по коммуникатору не удавалось: он находился где-то вне зоны доступа. Все три брюнетки трудились на своих местах с самого утра и на осторожные расспросы отвечали с искренней обидой. В общем, версия легкомысленной интрижки рассыпалась, как песчаный замок под ударами набежавших волн. При всей своей ветрености Вундеркинд работу ставил во главу угла и прекрасно понимал, что они находятся под постоянным контролем.

Кристин тоже вышла из лаборатории не сразу и не одна. Профессор Нарайан, похожий на грифа или большого ворона, сопровождал ее с величавой и старомодной церемонностью, пытаясь что-то разъяснить и втолковать. Осторожно придерживая девушку за локоть и норовя приблизиться на еще более близкое расстояние, он изощрялся в витиеватых комплиментах, сыпал радужными обещаниями и даже острил, хотя ситуация в питомнике явно не располагала к шуткам. Другое дело, что профессор Нарайан, кажется, не собирался долго задерживаться в городе и, видимо, надеялся, что Кристин составит ему компанию.

Бедная нереида пыталась извернуться, точно марлин или афалина, попавшая в сети, и, едва руководитель научного отдела ее оставил, отвлеченный начальником службы безопасности, почти без сил упала в объятия Пабло.

— Ну, что с тобой, успокойся, я не дам тебя ему в обиду. Что от тебя хочет этот альянсовский хмырь?

Пабло снова приходилось успокаивать любимую, чувствуя, как под пальцами вздрагивает ее хрупкое, точно созданное из морской пены тело, как на загнутых густых ресницах горячей росой дрожат крупные горькие слезы.

— Профессор Нарайан считает меня реинкарнацией своей умершей невесты, — немного успокоившись, объяснила Кристин.

— Той, которая потерялась на пустоши? — осторожно уточнил Пабло, восстанавливая в памяти досье.

Он еще тогда подумал, что светловолосая девушка в роскошном убранстве августейшей особы Альянса немного похожа на его Кристин. Видимо, сходство уловил и Нарайан.

— Его невеста умерла много лет назад от синдрома Усольцева, а на пустоши потерялась принцесса-клон или даже андроид, в тело которого Нарайан поместил мозг умершего клона, — поведала Кристин, пока они шли в пищеблок.

Пабло только замотал головой, чувствуя, как извилины от избытка информации раскачиваются и торчат в разные стороны, точно пружины отросших кудрей. Ну и аферист же этот принц-профессор! Выдавать андроида за невесту, чтобы удерживать на Сансаре власть. Неудивительно, что он и в городе под куполом не только не пропал, но и сумел быстро подмять все под себя.

— Я уже третий год пытаюсь убедить этого безумца, что я вовсе не его Савитри, — едва ли не со слезами на глазах пожаловалась Кристин, когда они расположились за столиком, вяло ковыряясь в тарелках. — А он мне не верит, показывает голограммы старого раджи, дворца на Сансаре, пышных церемоний и домашних праздников. Видимо, надеется, что я в конечном итоге вспомню и признаю его.

— А установки энергообмена на фабриках «Панна Моти» он тебе не показывает? — не сумел сдержаться Пабло, внутри которого все клокотало от бешенства.

Кристин только всхлипнула, и он поспешил сжать ее ладонь, утешая и успокаивая.

— Он мне напоминает Перкунаса, — продолжала Кристин, — громовержца из сказки, которую в детстве рассказывала мама. Громовержец любил морскую царевну Юрате и требовал, чтобы та каждый вечер пела для него песни. Когда же Юрате предпочла простого рыбака, он в гневе пронзил ее молнией и уничтожил ее янтарный замок.

— Я тоже слышал эту историю, — ободряюще улыбнулся Пабло, вспоминая школьные экскурсии в музей новонормандского янтаря. — Но хотя я простой рыбак, раскидывающий тенета на просторах межсети, я не дам тебя в обиду.

— Профессор Нарайан очень опасен, — глухо поговорила Кристин, поправляя скрытый под рабочим комбинезоном гидропонный воротник.

— Он знает твой секрет и пытается тебя шантажировать? — нахмурился Пабло, вспоминая файлы доступного профессору архива.

— До такого он пока не опустился, — скривились Кристин, отставляя в сторону почти нетронутую тарелку. — Понимает, что этим ничего не добьется. Я больше переживаю за отца и теперь за вас. Твой друг слишком горяч и опрометчив, как бы он не наделал бед.

— Ты знаешь что-то о Брендане? — вскинулся Пабло, едва не поперхнувшись белковым коктейлем, который предпочел основному блюду.

— Я его видела вчера вечером в «Пульсаре», когда ты беседовал с моим отцом, — торопливо и тихо проговорила Кристин. — Боюсь, Брендан отправился за ним следом, а это может привести к непредсказуемым последствиям для всех.

— В этом городе все слишком непредсказуемо, — понизил голос Пабло. — Я отыскал информацию об «Эсперансе». Она готова к вылету, но наш профессор, кажется, чего-то ждет.

— Так я и думала, — недобро усмехнулась Кристин. — То-то он в последнее время стал слишком настойчив!

— Я скопирую файлы, и при первой возможности передам их твоему отцу.

Пабло старался говорить тихо, почти не шевеля губами: нейросети города умели распознавать артикуляцию, и он жалел, что Кристин не освоила язык сигнальщиков. Впрочем, в столовой размахивать руками и ногами все равно бы не получилось.

— Но это строжайше запрещено, — несколько громче, чем следовало, отозвалась встревоженная Кристин.

— А я никому не скажу, — с бесшабашным видом подмигнул ей Пабло. — Если даже у твоего отца есть чертежи корабля, в них могли без его ведома внести изменения, — посерьезнев, почти беззвучно пояснил он. — Да и на выходе не всегда получается то, что было задумано. Твоему ли отцу этого не знать. Ты знаешь, как его разыскать?

— Думаю, в ближайшие дни он сам нас найдет, — таким же тихим шелестом отозвалась Кристин. — В городе что-то назревает, и он это понимает лучше меня.

После обеда Пабло продолжил писать программу для передатчика, пока его червь не рассекретил новый файл. Этот документ тоже был связан с «Эсперансой», но его профессор Нарайан хранил почему-то отдельно.

Файл оказался малюсеньким и содержал всего один лаконичный и емкий приказ: «Когда будет найден ключ, взорвать генераторы кислорода».

Глава 10. Блюдечко с голубой каемочкой

— Да вы совсем с ума спрыгнули? Неужели на полном серьезе решили тащить мальца на пустошь? Если с ним какая-то беда случится, его папаша нам точно животы вспорет и потрохами накормит!

Узнав, что в команду для новой вылазки Шварценберг включил и Синеглаза, Эркюль всерьез всполошился, на время даже забыв о мартышках. Княжич и не думал, что этот беспечный весельчак окажется таким хлопотливым доброхотом. Ну, точно старый невольник из Борго, приставленный смотреть за княжеским сыном. Синеглаз часто изводил его своими проказами, и добрый, но нерасторопный дед едва ли не ежедневно получал из-за него тумаки или даже розги.

Саав тоже воззрился на Эркюля с немалым удивлением, прищурив пронзительные светлые глаза под насупленными белесыми полуседыми бровями.

— Раньше думать надо было про мальца, Хануман, — назидательно напомнил он. — Когда ты его из дворца выманивал. Если у него и правда реакция горного кота — выживет и еще кому-нибудь его трижды никому не нужную жизнь спасет, а ежели он тогда меткость и прыть показал только со страху — сам дурак. Нечего было высовываться и скорчер брать в руки. А что до его отца, то потроха на обед он нам и так, думаю, давно обещал, да только к нему еще вернуться надо!

— Да не переживай ты, брат! — подбадривал сникшего после этой отповеди Эркюля Таран. — У твоего подопечного реакция лучше, чем у андроида. Да и не такой уж он малец по меркам Васуки. Его ровесники в травяных лесах в походы со своими отцами ходят и кольца доблести получают.

— И гибнут, как молодняк в джунглях, — всхлипнул Эркюль, в сотый раз объясняя остающемуся на борту вместе с Кудесником, Чен Луном и Али Тарану, как в его отсутствие кормить мартышек.

— Да что ты переживаешь, — не знал, как отделаться от Обезьяньего бога, артиллерист. — Можно подумать, у меня никогда животных не было. Я, знаешь ли, на ферме вырос! Кого мы с отцом только не держали: и коров, и свиней, и крокодилов, и кутулухов. Поэтому, если вы не вернетесь, а у нас кончится провиант, ты уж не обессудь, не стану я твоим питомцам продлевать мучения: шею сверну, обдеру и сожру, прежде чем самому тут загнуться.

— Я те обдеру! — делая угрожающие пассы пухлыми руками и потешно вибрируя объемистым брюшком, двинулся на товарища Эркюль. — Да я из тебя самого жаркое сделаю. Даже если для этого мне придется выбраться из желудка медузы или собрать свое тело из нанизанных на обломки кусочков!

— Отставить! — гаркнул на дебоширов капитан. — Кто тут решил загибаться? Чтобы к нашему возвращению было все путем! Праздничный стол и салют.

— Еще неплохо бы откупорить бухла и подогнать девочек, — в момент оживился Таран. — Если из города набегут, я им, пожалуй, открою.

— Я те открою! — погрозил бронированным кулаком Шварценберг. — Я в тебе самом такие двери открою! Тебе не из нанизанных на обломки кусочков, из атомов собираться придется. Мой приказ вы уяснили, — посерьезнев, еще раз обратился он к тем, кто оставался на борту. — Медуз удерживать на границе защитного поля, если кто еще будет на борт ломиться, палить, не жалея плазмы!

Поскольку «Эсперанса» находилась в соседней долине, а флаеры и антигравы в условиях помех, создаваемых сильно замагниченной нейтронной звездой, двигаться не желали, решили отправиться пешком. Конечно, путь даже в одну сторону грозил отнять у команды не менее двух суток. И это если забыть о необходимости нести на себе не только запас воздуха, воды и еды, но и сменные аккумуляторы, а также переносные генераторы энергетического поля. На привале требовалось как-то защитить лагерь от медуз, да и остальных аборигенов хотелось встретить во всеоружии. Вот только совершать сложный маневр, поднимаясь на орбиту и вновь сажая «Нагльфар» на захламленной обломками, изрезанной горной складчатостью пустоши выходило еще более рискованно. Да он бы в соседней долине и не уместился.

— Эх, были бы у нас наземные транспортеры или танки! — сокрушался Шака, по сотому разу завешивая и переупаковывая рюкзаки каждого участника вылазки. — Говорил я тогда на Раване — кроме этих немытых оборванцев из повстанческих отрядов взять на борт хотя бы пару «Драконов».

— Скажи спасибо, что нам зачумленных доноров или бритоголовых шлюх с их ублюдками тогда не навязали! — презрительно хмыкнул Шварценберг. — Я бы не пережил, чтобы мой «Нагльфар» обзывали шмаровозом. А что до танков, ты, надеюсь, достаточно хорошо изучил местность? Много ты пройдешь на «Драконе» по здешним горным тропам. Тут даже шагающий «Змей Горыныч» из арсенала Содружества не поможет.

— Ну, что, малец, не дрейфишь? — придирчиво оглядел

перед выходом Синеглаза Эркюль, проверяя тяжесть укладки подопечного.

— С чего бы это? — равнодушно зевнул княжич.

Хотя до выхода им всем дали возможность отдохнуть, выспаться не получилось: Шака и Эркюль храпели, как два залегших в спячку табурлыка. Аж каюта дрожала. Или это из-за того, что мартышки, словно полоумные, скакали по стенам. То ли осваивали новое помещение, то ли радовались, что остались живы, то ли готовились к новому приключению: нескольких самых понятливых зверьков Эркюль решил все-таки взять с собой. Синеглаз, поминутно выпадая из дремы, в которой гулял с матушкой по саду или стоял на мостике звездолета, давал себе зарок заткнуть особо крикливым рты, но, погрозив кулаком, опять проваливался в беспокойные сновидения. Впрочем, перед охотой или поездками в города травяного леса он тоже обычно не высыпался, добирая упущенное уже в пути, мирно покачиваясь на зенебочьей спине.

Нынче приходилось как-то бодриться и рассчитывать только на свои силы. Несмотря на все уговоры Эркюля, княжич решил сменные аккумуляторы и запас кислорода оставить при себе. Весили они, понятное дело, как синтрамундский пластинчатый доспех и полный комплект вооружения, но Синеглаз слишком хорошо представлял, что такое маршрут по горам. Даже в родном Сольсуране, когда они с отцом и его царедворцами выезжали на охоту, случалось всякое. И если Обезьяний бог, не приведи Великий Се, станет добычей медуз или свалится в пропасть, без боеприпаса и воздуха придется совсем туго.

Хорошо хоть экзоскелет вместо того, чтобы давить своей тяжестью, наоборот, поддерживал. Таких упругих и далеких прыжков княжич не совершал даже в облике горного кота. Да и система жизнеобеспечения радовала видимой надежностью. Не доспех, а по функционалу уменьшенная копия звездолета. Не просто так же слово «скафандр» с одного из древних языков вестников переводилось как человеко-корабль.

Выход с «Нагльфара» сопровождался настоящим огненным шоу. Примерно за час до заката, когда концентрация медуз у периметра достигла предела, Таран и Чен Лун по команде Кудесника дали залп изо всех орудий, передавая заряд на весь периметр. На камерах наблюдения это выглядело так, что корабль на время превратился в огненный шар, наподобие Владыки Дневного Света или других ярких звезд. Синеглазу даже не по себе стало. Одно дело наблюдать за перемещениями Владыки по небосклону, лениво простершись на удобном ложе в тенистом саду и попивая настоянный на ягодах мед. Совсем

другое — оказаться внутри.

— Ну, что, съели? — мстительно расхохотался Таран, вспоминая неравную схватку в отсеках. — А приправу в виде высокотемпературной плазмы к столу не желаете?

Синеглаз, который впервые увидел оружие надзвездных краев в действии, зябко поежился. Если бы товарищи царицы Серебряной решили отомстить за ее гибель, не только от дворца, но и от Царского града остались бы одни головешки. Но почему-то даже Командор Арсеньев в битве при Фиолетовой не применил против варраров бортовых плазменных установок. А ведь там бок о бок с жителями травяных лесов сражались его товарищи. Только их с отцом предкам асурам не повезло, и на месте древней столицы осталась Пустыня Гнева.

Окрестности корабля сейчас болезненно напоминали это проклятое место, где даже спустя две тысячи лет после сражения ничего не росло, кроме серого, скорбного мха. Сойдя с трапа корабля, Синеглаз буквально по колено провалился в пепел и прах, в который превратились медузы. Черные ненасытные твари свою участь заслужили. Матушка шепотом говорила, что асуры своей жадностью и гордыней тоже навлекли на себя гнев Великого Се, ее слова подтверждали вестники и жрецы. Но легче от этого на душе почему-то не становилось. В каждом противостоянии есть всегда две стороны, и любой проигравший мечтает взять реванш. Хотя отец в борьбе за власть нарушил все законы Великого Се, Синеглаз его понимал. С другой стороны, ему очень не хотелось бы пережить возвращения времен, когда по прихоти возомнивших себя богами асуров земля Сольсурана горела в огне и плавилась от ядовитых дождей, а людям приходилось искать укрытия под землей.

От этих важных, но сложных мыслей княжича вскоре отвлекла необходимость следить за маршрутом и поспевать за товарищами. Хотя темп отряда, словно в стае кавуков, задавал Шварценберг, а передвигаться быстро даже в экзоскелете он вроде бы не мог, уже в первые часы пути Синеглаз запыхался и начал уставать. Все-таки ему пока не хватало силы и роста. Да еще приходилось тащиться в середине отряда, постоянно утыкаясь взглядом в закрывавшую обзор широкую спину Шаки, так что ближе к вершине перевала он мог по памяти точно воспроизвести расположение стыков и пластин брони. Даром что ориентироваться в мире вечной тьмы приходилось при помощи приборов ночного видения.

Эркюлю, когда он налаживал систему жизнеобеспечения костюма княжича, пришлось немало повозиться, подстраивая мудреное устройство под зоркие, но все же отличающиеся от

человеческих глаза сына оборотня.

— Да что вы там возитесь? — недоумевал Шака. — Можно подумать, диоптрии вручную выставляете и астигматизм корректируете.

— Да лучше бы это был астигматизм, — проворчал Эркюль, в сотый раз меняя настройки. — Его система, по крайней мере, автоматически учитывает. А тут она, бедная, похоже, понять не может, человек перед ней или роу-су.

Хотя с борта спускались в сцепках по двое-трое, на узкой горной тропе пришлось растянуться в цепочку по одному в строгом порядке. К тому же в пути приходилось не только следить за дорогой, выбирая, куда ступить, чтобы не скатиться по крутому склону или не поскользнуться на оплавленных при посадке острых камнях, но и смотреть по сторонам, выискивая медуз. И если в окрестностях корабля обитатели темного мира почти не попадались, то возле гребня перевала пришлось выдержать настоящий бой, и звериное чутье Синеглаза вновь сработало раньше мудреных приборов.

— Куда это ты, высочество, собрался? Решил нас опередить и деру дать на «Эсперансе?» — заорал Шварценберг вслед прыткому гардемарину, когда тот резко подался вперед и, вспомнив повадку горного кота, опрокинул здоровяка Шаку и помчался вверх по склону.

Синеглаз даже ухом не повел. Он почувствовал под камнями, чуть нависавшими над тропой, шевеление и решил проверить логово до того, как медузы выпустят заряд. И точно. Едва он приблизился, из-под камней высунулось черное щупальце, по которому он моментально выстрелил. Еще десяток теней поднялись слева, где обзор отряду закрывала перегораживающая тропу отвесная стена. Контрабандистам дополнительных объяснений не потребовалось. Княжич выпустил несколько зарядов наугад, увернулся от атаки десятка, как ему показалось, смертоносных щупалец, а потом для удобства стрельбы взлетел на узкий карниз почти у самой вершины, поливая медуз плазмой и нахваливая про себя экзоскелет. Даже превращение в роу-су не давало ему такой подвижности и силы, не говоря уже о прыжках.

— Я же говорил, что он справится! — потрясая наполовину разряженным скорчером, восторженно вопил Эркюль, начисто забыв, как несколько часов назад сокрушался и «бедную деточку» жалел.

— Ну, кошак, ну шайтан мелкий! — уважительно басил Шака, расставляя абордажников по карнизу так, чтобы дать прожорливым тварям достойный отпор.

— Поперед батьки в пекло! — удовлетворенно добавлял

Эркюль, стреляя с обеих рук, как, по его словам, учили в элитных войсках Содружества.

В его микрофоне что-то верещало и повизгивало. Не иначе, мартышки, которых он прятал под трубками системы охлаждения, решили тоже принять участие в баталии.

— Что, где? — крутил всем корпусом по сторонам Чико, явно не понимая, откуда исходит угроза.

— Уйди с линии огня, придурок, — рявкнул на него Дольф, выпуская заряд в медузу, которая, забравшись с нижнего уступа, пыталась стащить незадачливого контрабандиста в глубокую расщелину.

— Абордажный лом вам всем в глотки! Отставить разговоры! Не зевать! Гаси гадин, пока не опомнились! — методично отстреливая медуз, громыхал Шварценберг. — А кошаку в качестве премии дополнительную мисочку молока, когда поднимемся на борт «Эсперансы», выдать.

Сингеглазу тоже пришлось пригнуться, чтобы невзначай не получить заряд плазмы, пока абордажники зачищали периметр. Впрочем, на свое место он возвращаться не спешил, тем более, что достаточно сомнительную премию ему обещали только по окончании всех приключений. Хищный азарт охотника, начисто прогнав страх и докучную усталость, вел его вперед до самого гребня. Едва с медузами было покончено, в несколько кошачьих прыжков он достиг вершины. Оттуда открылся безумной, болезненной красоты вид на соседнюю долину, в которой «Эсперанса» выглядела, как царевна из надзвездных краев во время прогулки по зенебочьему рынку.

— Вот она! — радостно прокричал Эркюль и словно в нелепом приветствии замахал руками, чтобы удержать равновесие на скалистой бровке. — Революция продолжается!

— Выглядит новее нашего старичка, — выискивая под камнями остатки медуз, недоверчиво пробормотал Шака. — А ведь заложены примерно в одно время.

— А чего ей не выглядеть? — удовлетворено хмыкнул Шварценберг, неторопливо меняя аккумулятор у скорчера. — Она тридцать лет на приколе простояла, пока «Нагльфар» трепали гравитационные аномалии и утюжили плазменные установки.

Княжич тоже внимательно разглядывал корабль, пытаясь на глаз определить, в каком тот сейчас состоянии и нет ли ловушек поблизости. Насколько он понял из разговоров контрабандистов, «Эсперанса» относилась к классу стандартных рейсовых грузопассажирских звездолетов, и Левенталь ее выбрал лишь из-за того, что она имела достаточно вместительный трюм для погрузки всех необходимых при его экспериментах деталей. Если

модули и ракетное топливо все еще находились на борту, это давало экипажу «Нагльфара» шанс выбраться из плена нейтронной звезды.

— А тебе не кажется, кэп, что она выглядит как-то иначе, нежели на голограмме в реестре? — настраивая линзу обзора на приближение, заметил Эркюль.

— Мне не кажется, Хануман. Я это еще вчера увидел, — сурово отозвался Шварценберг. — Кто-то занимался модификацией звездолета. И это мне очень не нравится.

Синеглаз тоже настроил окуляр (ох, как же весело он забавлялся с этой оптической игрушкой, гуляя с Эркюлем по окрестностям Царского града), но никаких различий обнаружить не смог, хотя на невнимательность обычно не жаловался. С другой стороны, в звездных кораблях он пока разбирался хуже, чем в пластинчатых и кольчужных доспехах, да и космический грузовик мог запросто перепутать с истребителем, хотя на глаз мог развести по разным стойлам боевого зенебока и рабочую скотинку.

— И что же делать? — спросил явно опечаленный Чико.

— Выход у нас только один — спуститься и проверить, — едва ли не ласково ответил ему Шварценберг. — Деваться нам все равно некуда. Либо мы поднимемся на борт и добудем горючее, либо станем сытью для медуз.

Спуск начали с наступлением следующей ночи, переждав день под силовым куполом, в пределах которого с немалым трудом уместился их отряд. Хотя снять экзоскелет не представлялось никакой возможности, едва умостившись на камнях между Эркюлем и Шакой, Синеглаз провалился в сон. Негромко переговаривались караульные, гудели генераторы, медузы бесновались за пределами защитного круга, а где-то в черном беззвездном небе вершили свой извечный путь зловещий пульсар и покорные его воле красный и белый карлики.

Хотя залегать на дневную лежку, чтобы проснуться к закату, Синеглазу было не впервой, когда его растолкали, княжич долго крутил головой и пытался тереть скрытые линзой шлема глаза. Все-таки мир, в котором день отличается от ночи только количеством медуз на периметре, симпатии в нем не вызывал. Наскоро проглотив белковый коктейль, подававшийся прямо по присоединенным к шлему трубкам, княжич запил его остатками апельсинового сока, которым утолял жажду весь предыдущий день. У него, правда оставался полный резервуар воды, но он ее экономил. Вернее, не совсем так. Просто, узнав от Эркюля о том, что система жизнеобеспечения собирает и перерабатывает не только отработанный воздух, но также все испарения тела и

прочую жидкость, он слегка брезговал.

Абордажники проверяли скорчеры и сворачивали защитное поле.

— Кэп, а может, генераторы брать не стоит? — с явной неохотой закрепляя на спине тяжелый агрегат, спросил здоровяк Дольф.

— В самом деле, их можно оставить здесь, а на обратном пути, если понадобится, забрать, — поддержал товарища Эркюль, которому тоже предстояло тащить эту громоздкую шнягу.

— Я вам оставлю! — дополнив угрозу заковыристой бранью, напустился на разгильдяев Шварценберг. — Вы знаете, кто на «Эсперансе» окопался? Если да, будьте добры поделиться!

— Шаман с Кудесником вчера никого не засекли, — обиженно протянул Дольф, взваливая на спину перезаряженный генератор.

— Да кого мы могли засечь? — мрачно отозвался Шаман, проверяя свое мудреное оборудование. — От этого проклятого пульсара помехи хуже, чем при ковровых бомбардировках плазменными установками повышенной мощности. Даже с такого расстояния не различаю никаких признаков сети.

— Так может быть, ее тут и нет? — с надеждой воскликнул Чико.

— А на борту «Эсперансы» в блюдечке с голубой каемочкой лежит ключ от сокровищницы раджи Сансары, — насмешливо проворчал Шварценберг. — И по периметру девочки с бухлом апсарские танцы пляшут.

— Эх, была бы здесь Онегин, — с явной ностальгией протянул Эркюль.

— Она и в апсарских танцах знала толк, и сеть по малейшему признаку находила, — поддакнул Шака.

— И без нее справимся, — почти с обидой отозвался Шаман, которого явно задевали постоянные упоминания предыдущего оператора. — Надо просто подойти поближе.

И в самом деле. Когда абордажники, уничтожив еще не менее сотни медуз, преодолели примерно половину спуска, шедший одним из первых Шаман резко затормозил, подняв свободную левую руку в упреждающем жесте.

— Я наконец-то нащупал канал, — доложил он, делая над своими приборами какие-то странные пассы, напоминавшие движения жреца во время сложного ритуала. — На борту явно кто-то есть, и энергетическое поле включено, но защита у него мощнее, чем у серверов Центрального Банка Альянса.

— Раз крепко стерегут, значит, горючее на борту точно имеется, — невозмутимо отозвался Шварценберг, скомандовав

располагаться на привал, но при этом смотреть в оба.

Генераторы решили не включать, чтобы дополнительные помехи не мешали работе Шамана. Тем более что медузы этой долины открывать сезон охоты на свежатинку пока не собирались и, образовав круг почета вокруг корабля, своими туманными телами ясно обозначали границу его силового поля.

Найдя относительно удобное положение между камнями, Синеглаз ненадолго выключил прибор ночного видения и прикрыл тяжелые веки, ощущая, как тело гудит, словно генератор, а перед глазами плывет напоминающая скопище медуз сероватая рябь.

— Совсем котейку маленького укатали, — сочувственно проворковал Эркюль, проверяя на наружной панели жизненные показатели подопечного.

Синеглаз, кое-как переводя дыхание, сигнализировал, что у него все в порядке. Борясь с дурнотой, он отпил немного воды, уже не думая о ее происхождении и качестве. Вроде бы стало лучше, но вместе с тем внутри появилось странное и за дни путешествия по надзвездным далям почти забытое ощущение присутствия, в Сольсуране означавшее, что отец находится где-то поблизости или думает о нем.

Одной из особенностей асуров, о которой они предпочитали не распространяться, в течение многих веков оставалась способность обмениваться мыслями и узнавать друг друга на расстоянии. Даже монстры лабиринта, окончательно превратившиеся в животных, ее до конца не утратили. А князь Ниак в общении с сыном мог при желании не только послать изъявление отцовского гнева, но и мысленно отыскать загулявшего по травяным лесам отпрыска. Синеглаз, отправляясь в свое путешествие с контрабандистами, до последнего опасался, что отец его отыщет и вернет. Но князь Ниак, видимо, решил, что прогулка на вертолете с Эркюлем не таит никакого подвоха. Пускай дитя позабавится. А теперь он остался в Сольсуране и вряд ли сумел бы построить там корабль, чтобы отыскать строптивого княжича в дебрях треугольника Эхо.

Неужто здесь на этой темной планете находится кто-то из его соплеменников? Отец говорил, что среди аристократии Альянса Змееносца осталось немало асуров древнего рода. И в этот миг Шаман удовлетворенно развернул голограмму изображения с камер внутреннего наблюдения корабля.

— Не знаю насчет ключа от сокровищницы раджи Сансары, но апсарские танцы на борту «Эсперансы» точно есть кому сплясать.

Абордажники оживились, возбужденно переговариваясь и

отпуская различные сальности, не хуже наемников из личной гвардии отца. Синеглаз подался вперед и тоже увидел, что в рубке корабля находятся две молодые девушки, прекрасные, как царица Серебряная и ее спутницы из Надзвездных краев. Нежные, изысканной правильности лица обрамляли густые волосы. Защитные костюмы подчеркивали женственную округлость упругих форм. Кисти рук, передвигавшие значки голографической панели, обладали изяществом. И хотя обе незнакомки выглядели как настоящие воительницы и имели на нежных лицах боевые отметины, это их нисколько не портило, а даже украшало. Неужто одна из них принадлежит к роду Великого Асура? Было бы интересно с ней поговорить.

— Увеличь-ка изображение, — попросил Шака. — Что-то мне это смазливое личико кажется знакомым.

Он дождался, пока одна из девушек повернется к камере лицом, а потом насмешливо протянул.

— Ну, если кому нравится миловаться с железками, то вперед и с песнями, а я пас.

— А что с ней не так? — встревожился Чико, который при виде девушек зачмокал, точно младенчик у титьки.

— Да это ж Пэгги, а если по документации — модель ПГ- 319, боевой андроид с функцией шпионажа и соблазнения противника, — весело пояснил Эркюль. — Горячая штучка. Удержу и устали не знает, залюбит до изнеможения, если раньше шею не свернет.

— А вторая кто?

В голосе бедного Чико слышалось разочарование. Синеглаз его понимал. Он, конечно, знал, что в надзвездных краях есть чудо-машины, которые на глаз не отличишь от людей, но не ожидал их встретить здесь и при таких обстоятельствах. Тем внимательнее он смотрел на изображение другой девушки, узнавая смутно знакомые черты, которые с гордостью показывал отец.

— Где-то я ее тоже видел, — протянул Эркюль. — Не то в борделе на Кали, не то в джунглях на Равне.

— Бери выше, старина, — расхохотался Шака. — Ты что, за годы жизни на территории Альянса, официальных хроник никогда не смотрел?

— А что мне их было смотреть? — обиделся Эркюль. — У меня и головизора тогда не имелось.

— Да это ж принцесса Савитри! Пропавшая дочь раджи Сансары, — вместо чернокожего квартирмейстера пояснил Дольф.

— И она — тот самый ключ от сокровищницы раджи, доступ

куда мы пытаемся найти, — не отрываясь от кода, добавил Шаман.

— Который на блюдечке с голубой каемочкой? — с умилением уточнил Чико.

Услышав, кем является девушка из рубки «Эсперансы», Синеглаз пожалел, что слишком далеко отошел от удобной расщелины. Смягченное скафандром приземление на острые камни оказалось не фатальным, но неприятности доставило. К тому же он подавился глотком этой дурацкой воды и отчаянно закашлялся. Он точно знал, что раджи Сансары — прямые потомки Великого Асура, а значит, почти родня.

Впрочем, осмыслить известие ему не дали. Абордажники еще долго собирались обсуждать неожиданную находку, сравнивая достоинства живых женщин и андроидов, когда их прервал капитан.

— Тут кто-нибудь будет код взламывать? — с холодным бешенством осведомился он. — Такими темпами вас самих скоро заставят апсарские танцы под дулами плазменных установок плясать!

Он указал на противоположный склон горной долины. Сминая обломки кораблей и уверенно прокладывая дорогу по террасам и уступам, там ползли две уродливых неповоротливых машины на гусеничном ходу.

— Поглоти меня бездна! — присвистнул Эркюль. — Да тут не только корабли с защитным полем и города под куполом, но даже танки имеются!

— Похоже, у наших цыпочек вечеринка, и они ждут гостей, — усмехнулся Дольф.

Синеглаз не очень себе представлял, какие правила этикета приняты в надзвездных краях, но он почти не удивился, когда при приближении танков с корабля открыли огонь. Боевой андроид Пэгги, заняв место на орудийной палубе, собиралась встретить противника с должным уважением. Когда из корабельных пушек вырвался гигантский столп белого пламени, княжич решил, что пришельцам сейчас придет конец, и даже успел пожалеть, что добрые машины, на которых было бы так удобно перемещаться по этой планете, превратятся сейчас в груду бесполезного хлама.

Но плазма наткнулась на невидимую преграду, не причинив машинам никакого вреда. То ли пришельцы успели включить генераторы, то ли защита сработала автоматически, но над каждым из танков вновь образовался купол, по внешней оболочке которого тек огонь. Обе машины находились словно в клетке Фарадея, наподобие той, какую по просьбе отца, желавшего показать подданным свою магическую силу, как-то построили во

дворце Таран и Чен Лун.

Пэгги выпустила еще несколько залпов, усиливая мощность. Видимо она надеялась таким образом пробить защитное поле.

— Я же говорил, не девка — чистый огонь! — восторженно хохотнул Эркюль, наблюдая за воительницей.

— Она тратит мою энергию! — возмутился Шварценберг.

— Это продлится недолго, — успокоил кэпа Шаман.

В самом деле, при следующей попытке залпа оказалось, что корабельные плазменные установки заблокированы, а защитное поле находится под контролем у пришельцев.

— Так нечестно! — обиженно протянул Шаман. — У них есть коды доступа.

Пэгги камнем из пращи кинулась в рубку, пытаясь вернуть контроль над кораблем, но все оказалось напрасно. Оставалось только брать в руки скорчеры и занимать позиции возле подъемника корабля, чтобы встретить незваных гостей.

— Может быть, как истинные революционеры поможем тем, кто слаб и оказался в беде? — с тревогой наблюдая за девушками, предложил Эркюль.

— С чего это ты решил Альянсовским эксплуататорам и их боевым машинам помогать? — поддел товарища Шака. — Я еще не забыл, как эти ПГ-319 нас на Раване плазмой на позициях поливали. А уж скольких ребят из Сопротивления они своими смазливыми личиками заманили в ловушку и погубили — и не сосчитать!

— И все-таки Хануман сейчас говорит дело, — неожиданно возразил квартирмейстеру Шварценберг. — В эту заварушку нам придется вмешаться.

— Да с чего бы это? — начал Дольф.

— С того, что у них есть коды доступа от «Эсперансы», и, если мы не поторопимся, они получат и все остальное. — Не знаю, как Вы, но я пока не отказался от идеи выбраться отсюда и проникнуть в сокровищницу раджи Сансары. Если с княжичем не получилось, хотя я уже не жалею, что этот кошак оказался у нас на борту, так, может, с принцессой выйдет.

Глава 11. Вундеркинд в трущобах

— Эй, парень, ты нам не нравишься! Мы тебя здесь раньше не видели!

Трое здоровенных типов в мешковатых штанах и толстовках с капюшонами надвигались на Брендана из глубины подслеповатого, захламленного коридора, обшарпанные стены которого украшали лишь пособия по ненормативной лексике на всех известных в галактике языках. Сами громилы выглядели, конечно, грозно, но явно больше привыкли нападать вдесятером на одного и иметь дело с теми, кто заведомо слабей. Хотя трое — это все-таки многовато. И поди их разбери, какое оружие они прячут под своим тряпьем, делающим неразличимыми лица и прекрасно скрывающим движения во время драки.

— Мои сожаления, ребята! Но я вас тоже вижу в первый раз.

Ответ, конечно, звучит достаточно дерзко и, скорее всего, их только раззадорит. Но это все же лучше, чем показать растерянность или страх. В конце концов, в уличные драки он, что ли, не попадал, прожив большую часть жизни на портовой окраине Кимберли, примыкающей к трущобам Мураса? Без элементарных навыков самообороны со всей своей молекулярной биологией он бы там просто не выжил.

— Да ты издеваешься, урод? Ты в натуре не просек, что это наш уровень и таким, как ты, здесь не рады?

В какой-то мере Брендан их понимал. Ухоженный, сытый фраер в форме научного отдела, даже слегка помятой и испачканной смазкой и угольной пылью, в таком месте мог вызывать только раздражение. Уж слишком бросался в глаза контраст.

— Ребят, я же сказал, я сожалею!

Брендан старался говорить как можно более дружелюбно, хотя незаметно нащупал спиной стену и принял боевую стойку.

Конечно, самое разумное в сложившейся ситуации — дать отсюда деру или хотя бы сделать вид, поступив по тактике последнего Горация, которая во флоте именовалась «отсекать хвост по частям». Но как при этом не заплутать в переплетении местных коридоров? План Брендан, конечно, видел. Но за несколько часов блужданий по нижним уровням успел убедиться, что многие отсеки и модули здесь достраивались и перестраивались с последовательной хаотичностью, которой бы позавидовали и многие средневековые города. В общем, если он побежит, его, скорее всего, постигнет участь рыцаря или танкиста, заблокированного в переплетении узких улочек, и

помятые ребра или выбитые зубы окажутся еще лучшим исходом.

Значит, все-таки придется драться. И тут главное — не проморгать первый удар. Место здесь глухое. Камер либо нет, либо они разбиты. К тому же встречи с охотниками или другими представителями правопорядка ему и самому сейчас хотелось бы избежать.

Громилы заходили с трех сторон, отрезав путь к отступлению. Брендан стоял в обманчиво расслабленной позе и ждал. От первого удара он благополучно уклонился, успев заметить на руке нападавшего тяжелую перчатку от экзоскелета. Нырнув вниз и в сторону, он резким и точным ударом в сонную артерию вырубил ближайшего громилу, на вид самого крупного. Все-таки знание человеческой анатомии помогало еще со времен жизни в Мурасе. Потом резко развернулся и махом ноги выбил у еще одного хулигана нож кустарной выделки, успев перехватить оружие в полете. Резать никого Брендан не собирался. Но наверняка у нападавших в арсенале есть что-то еще.

И точно. Громила в бронированной перчатке развернул макромолекулярный клинок явно армейского образца. Уж не с их ли корабля? Судя по информации, выуженной Пабло и подслушанной в разговорах с коллегами, черный рынок тут процветает. Пришлось какое-то время махаться, словно флотским сигнальщикам. Тем более, что громила явно не очень себе представлял, как оружием пользоваться, но обезвредить его не получалось.

Руки у нападавшего были покрыты коростой подсыхающих струпьев, напоминающих чешую. Неужто проказа? Да нет, вряд ли. Скорее всего следствие многолетней жизни при повышенной радиации. Видимо, лекарств, способных нейтрализовать действие жесткого излучения, на всех не хватает. Хотя фармакологические фабрики работают на полную мощность.

— Гаси урода! Ребята, наших бьют.

Если бы придурок, лишенный ножа, но где-то разжившийся куском арматуры, подкрался тихо сзади и ударил, как он и собирался, под колени, Брендану точно пришел бы конец. Удар импровизированной дубинки переломал бы ему ноги и бросил прямиком на макромолекулярный клинок. Вопль животной ненависти дал возможность среагировать. Брендан подпрыгнул, отталкиваясь от стены, а его противники налетели друг на друга и повалились на пол, едва не заколов друг друга. Хорошо хоть Брендан, пробежав несколько шагов по потолку, приземлился чуть поодаль, примеряясь, в каком направлении лучше дать деру. Конечно, все нападавшие повержены, но это ненадолго. По личному опыту он знал, что таких типов основательно вырубить

можно только с помощью дури, алкоголя или скорчера.

Выбрав коридор, воздух в котором казался менее затхлым, он оглянулся напоследок, чтобы определить, насколько быстро могут оправиться от шока его противники. Вырубленный первым лежал пока тихо. Хотелось надеяться, что удар рассчитан грамотно и серьезных повреждений нет. Остальные двое копошились на земле, тихо постанывая. Капюшоны сползли, и Брендан увидел два татуированных голых черепа, покрытых непонятной формы шишками и имплантированной под кожу разноцветной чешуей. Такая же чешуя покрывала и желтовато-бледные, не ведавшие солнца и заменяющих его процедур озлобленные лица.

Впрочем, модные и среди бойцов подразделения «Барс» импланты, татуировки и насечки не могли замаскировать очевидные врожденные уродства, корректировать которые здесь либо не хотели, либо не имели возможностей и средств. Один из громил оказался обладателем кое-как зашитой заячьей губы, у другого, наиболее грузного, шея раздулась от жутких размеров зоба, а глаза, казалось, вот-вот выпадут из орбит. Перекошенная физиономия третьего представляла собой что-то совсем уж невообразимое. Трудно сказать, какие катаклизмы и в каком возрасте ему довелось пережить, но нижняя часть лица у него вовсе отсутствовала, и ее заменял допотопный титановый протез.

Брендану сделалось как-то не по себе, а весь азарт схватки куда-то улетучился. Как медику и биологу ему следовало этих людей лечить, а не калечить. Тем более, диагноз каждому он поставил даже без анализатора. Однако в это время пришедший в себя громила с заячьей губой вновь замахнулся арматурой, и Брендан поспешно ретировался. Он бежал с предельной скоростью, какую допускали узкие, полутемные загаженные коридоры, где приходилось следить, чтобы невзначай не растянуться, вступив в кучу бытовых отходов или поскользнувшись в луже химической дряни.

Итак, он добился своего, попал на нижние уровни, воочию убедившись, что профессор Нарайан бессовестно лгал, и жизнь внизу даже при беглом осмотре выглядит далеко не такой радужной, как он расписывал. Вопрос — что делать дальше? Судя по всему, вернуться наверх тем же путем, каким он попал сюда, уже не получится. Таинственный незнакомец, следом за которым он вчера отправился, задраил потайной люк, а разыскивать официальный проход не хотелось.

Конечно, заманчиво прийти и сказать: пустите меня обратно, мне в лабораторию пора. Тем более что рабочий день начался уже не менее часа назад, как раз когда он от громил отмахивался, а у

него имелись все документы, подтверждающие его уровень допуска и место проживания. Но как при этом избежать излишних расспросов? Тем более что человек, случайно открывший ему этот тайный проход, почему-то вызывал куда больше симпатии, нежели профессор Нарайан и все члены Совета вместе взятые. И выдавать его не хотелось не только потому, что тот в разговоре с Пабло упоминал Леву Деева и Гу Синя, а Кристин любовался с явной родительской гордостью.

После показательного выступления в спортзале Брендан намеревался провести вечер не менее интересно и плодотворно, нежели влюбленный оператор сети. Тем более что в отличие от старшего товарища под куполом время не терял и достаточно быстро сплел незатейливые сети, в которые попались аж три симпатичные птички, свидания с которыми Брендан легкомысленно чередовал.

Но именно в этот вечер оказалось, что у Мананы разболелся зуб, Лакшми сильно задерживалась на работе, а Грейс обещала подруге посидеть с тремя ее детьми. Проводив Манану к стоматологу и обратно к ней домой, он спел девушке колыбельную, чмокнул в щечку и оставил ее отдыхать и приходить в себя после неприятных процедур и сопровождавшей их анестезии.

Идти к себе не хотелось. Тем более что комната в жилом отсеке выглядела хоть и аккуратной, но гораздо менее обжитой и уютной, чем лачуга в Мурасе, в которой им с родителями пришлось ютиться несколько лет. Тогда он вспомнил, что обещал Манане в награду за пережитые муки сводить ее в «Пульсар». Тем более что и сам давно собирался посетить это фешенебельное заведение, и отправился на разведку.

Заметив романтично воркующих за столиком Пабло и Кристин, Брендан не стал им мешать, только про себя отметил, что «гидропонная нереида» в вечернем платье выглядит далеко не так строго и чопорно, как в костюме бактериологической защиты. Может быть, стоило приударить за ней? Хотя бы ради спортивного интереса. Но он себе напомнил, что эта белокожая блондинка совсем не в его вкусе. К тому же любая попытка подбить клинья нанесла бы смертельную обиду Пабло, который относился к этой девушке слишком серьезно.

В общем, Брендан хотел уже уйти и провести остаток вечера в заведении попроще, когда его внимание привлек странный незнакомец, который тоже с пристальным вниманием наблюдал за оператором сети и его избранницей. Хотя Брендан никогда еще не пробовал себя в роли ангела-хранителя, да и со шпионажем пока получалось не очень, он решил остаться и понаблюдать.

Делая вид, что увлечен «шоу уродов», и даже отмечая про себя особенности дефектов участников, которые выигрывали этот конкурс красоты наизнанку, он внимательно прислушивался к разговору. А когда незнакомец попрощался, столь же ненавязчиво последовал за ним. То ли неизвестный был слишком поглощен своими размышлениями, то ли уверен в своей способности к конспирации, но Брендана он не заметил даже когда они оба покинули обитаемые модули и перешли в коридоры технического этажа, куда доступ имели только инженеры и рабочие, отвечающие за исправность городских коммуникаций.

«А если это ловушка»? — запоздало подумал Брендан. И незнакомец просто заманивает его, чтобы скомпрометировать или попросту убить. Вот только на маньяка неизвестный походил меньше всего. Уж в этом Брендан разбирался. Впрочем, в нем самом уже проснулись охотничий азарт и любопытство, благодаря которым он в конечном итоге и очутился здесь внизу. При этом сам незнакомец словно растворился, а Брендан чувствовал себя идиотом, поскольку дверь, которую он с легкостью открыл, обратно наверх выпускать его не желала и требовала ввести пароль, которого Брендан, конечно, не знал. Эх, если бы на его месте оказался Пабло! Уж он сумел бы вскрыть это несложный код. Но оператор остался в «Пульсаре» и, возможно, даже переместился из кафе в еще более приятные места. А Брендан блуждал по уровню остаток ночи, пока не нарвался на местных маргиналов.

Спать не хотелось, но вот желудок красноречиво намекал на то, что пора бы чем-нибудь подкрепиться, тем более что поужинать вчера он так и не успел. Если внизу действует та же система расчетов, что и на верхних уровнях, кредитка поможет на первое время оплатить хотя бы еду и какой-никакой кров. А потом надо либо выбраться наверх, либо найти того таинственного незнакомца или кого-то из ребят.

Ведомый запахом дешевого синтетического жира, на котором явно жарили рагу из грибов и мяса кутулуха, Брендан достаточно быстро набрел на какую-то непритязательную закусочную, оборудованную прямо в жилом отсеке. Однако здесь его ждало разочарование.

— Проваливай, урод! Таких, как ты, у нас не обслуживают.

Одутловатая, страдающая экземой и запущенной слоновой болезнью хозяйка глянула на него с такой явной брезгливостью, словно он вылез прямиком из коллектора канализации, хотя после прогулки по вентиляционным шахтам он выглядел лишь немногим менее опрятным, нежели ранние посетители. Впрочем, он и сам видел, чем от них отличался. Один молодой горняк

имел вместо правой кисти клешню с уродливыми наростами. У другого левый глаз сполз почти к подбородку.

Ничего не понимая, Брендан двинулся дальше, сопровождаемый настороженными, презрительными или откровенно враждебными взглядами. Один раз его явно намеренно толкнули, другой — подставили ножку. Какая-то хозяйка вылила прямо под ноги ведро с помоями.

— Совсем уроды обнаглели! — услышал Брендан возмущенный возглас. — Уже среди бела дня разгуливают!

— Ну, ничего! Господин Нарайан найдет на них управу!

Хотя рабочий день на комбинате и фермах давно уже начался, в коридорах было многолюдно. Впрочем, среди разномастных обитателей уровня, ошивавшихся в различных питейных заведениях, пытающихся что-то втюхнуть на местной барахолке или просто слоняющихся по обшарпанному коридору в поисках случайного заработка, Брендан не увидел почти никого, кто мог бы спуститься в забой или отстоять смену.

У многих, как и у посетителей первой забегаловки, не хватало конечностей и их заменяли кустарные уродливые протезы. Кто-то не имел глаз или носа, Другие, наоборот, обладали лишними отверстиями на лице, дополнительными раковинами ушей или еще какими-то отростками, изначальную функцию которых на глаз даже определить не удавалось. У кого-то отказали легкие и другие внутренние органы, и они разгуливали в масках, опутанные жутковатыми толстыми трубками. Кто-то имел ярко выраженные гипофизарные расстройства: такого количества карликов Брендан в жизни своей не встречал. У одного молодого парня правая половина тела в детстве перестала развиваться, делая фигуру скособоченной и непропорциональной. С завидной регулярностью встречались сиамские близнецы. Причем двое из них ухитрились так срастись, что выглядели точно полтора землекопа из неправильно решенной школьной задачи.

Даже представительницы самой древнейшей профессии, которых тут тоже хватало, обладали такими чудовищными изъянами внешности, что у Брендана зачесались руки взять лазерный скальпель и помочь несчастным обрести нормальное лицо. А потом назначить курс поддерживающей терапии.

Впрочем, скальпель тут все же применяли. Но отнюдь не для того, чтобы вернуть человеческий облик, а дабы усугубить причуды наружности. Одна жрица любви имплантировала кошачьи усики и ушки, другой зачем-то понадобились рога, третья красовалась аж тремя парами грудей. Короста и струпья, покрывавшие лица половины «ночных бабочек», как следы оспы и

сифилиса в эпоху рококо, маскировались не только тоннами вульгарной косметики, но также стразами, вставками разноцветного пластика и даже меха.

— Че уставился! Проваливай отсюда! С уродами не спим ни за какие бабки! — грубо осадила Брендана обладательница многосоставного вымени.

— Да кто его вообще с рудника выпустил? Там только уродам и место, — возмутилась ее подруга «кошечка», у которой помимо усиков и ушек оказалась раздвоенная губа и титановая пластина вместо неба.

«Урод». Это уничижительное определение Брендан уже слышал сегодня в десятый, если не в сотый раз. Так во время вчерашнего шоу мутанты называли единственного участника этого странного конкурса, который хотя бы внешне выглядел как нормальный человек. Причем молодежь из «Пульсара» до колик и достаточно зло смеялась над самими изувеченными радиацией обитателями нижних уровней, и причину этого веселья Брендан тогда понять не смог.

В своей жизни он видел немало мутантов. Среди выходцев из окраинных миров на их долю приходилась примерно треть. Трансгалактические корпорации, занимавшиеся разработкой месторождений на непригодных для жизни планетах, биосферные купола возводили по удешевленной технологии, экономя на здоровье старателей и колонистов. Да и разница в гравитации оказывала влияние на количество мышечной массы и рост. Однако даже в Мурасе, где уличные банды, державшие под контролем оборот дури, оружия и нелегально добытых алмазов, беззастенчиво терроризировали бедняков, над людьми с физическими недостатками или увечьями никто не смеялся.

Все отлично знали, что денег на лечение у нелегалов, составлявших львиную долю населения трущоб, нет и неоткуда взять. А бесплатная медицинская страховка им не положена, поскольку они не граждане Содружества. И если какой-нибудь студент-практикант или такой же эмигрант из окраинного мира с неподтвержденным дипломом согласится за копейки или вовсе бесплатно провести операцию по жизненным показаниям, то это можно считать удачей.

В городе под куполом тоже не хватало лекарств и врачей, а наиболее сложные операции не решались делать даже на верхних уровнях. Однако самозабвенная гордость, с какой здешние мутанты демонстрировали свои увечья, выглядела если не вызовом, то осознанным заблуждением.

«В многообразии наше единство!» — высвечивалось на голографической панели, кое-как подвешенной на ржавых болтах

в переходе между ярусами уровня. Далее на головизоре демонстрировалась реклама фирмы имплантов примерно десятилетней давности, призывавшая производить самые смелые эксперименты со своим телом. Используя заезженный видеоряд, чередуя его с голограммами, сделанными уже в антураже треугольника Эхо, какой-то местный законодатель мод на все лады расписывал красоту, удобство и практичность самых тяжелых мутаций.

— Каждый человек — уникальное творение природы, но только теперь и только в нашем благословенном городе появилась возможность эту индивидуальность подчеркнуть. Вы никогда не превратитесь в безликую серую массу, а уродам самое место на руднике!

Брендан так и застыл, где стоял, потирая рассаженные во время драки костяшки пальцев. Вот он и получил ответ на вопрос, который они тщетно искали все три месяца жизни под Куполом. Оказывается, вместо того, чтобы рыться в системных файлах, следовало просто более внимательно посмотреть передачи по местной сети. Хотя из-за помех, создаваемых пульсаром, даже система внутренних коммуникаций работала с перебоями, многие обитатели города вели свои голографические дневники, а каналы наиболее успешных видеоблогеров собирали сотни подписчиков.

Вот только изо всех роликов и шоу, которые они с Пабло видели урывками, не понимая, в чем там суть, они сделали лишь вывод о том, что тяжелые гормональные сбои и наследственные мутации стали такой неотъемлемой частью жизни этого города, что над этим принято только смеяться или искать аналоги в абстрактной живописи, творениях средневековых художников и архаичных скульптурах. А между тем, если бы хоть кто-то потрудился им объяснить, зачем проводить эти бессмысленные конкурсы, подобные средневековому выбору папы шутов, они бы с меньшим остервенением тыкались в закрытые двери, больше бы искали ответы на более важные вопросы.

Но если профессор Нарайан сознательно держал их на голодном информационном пайке, то коллеги, включая Кристин, находились в плену общественного мнения, разделившего город не только на верхних и нижних, но и разграничившего людей и уродов, причем в зеркальной проекции. И если на верхних уровнях мутаций боялись как огня, возведя заботу о здоровье в настоящую манию, то внизу ими бравировали, обрушивая ярость своего несовершенства на новичков.

В самом деле. Зачем создавать дополнительную защиту от радиации, когда можно просто объявить болезни и уродства нормой жизни, направив вполне понятное возмущение

вынужденных влачить жалкое существование горожан на так называемых уродов: тех, кто попал в Эхо недавно и еще не успел нажить болячек, или тех, чья иммунная система по каким-то причинам оказалась сильнее неблагоприятных условий жизни. Создать новый культ, словно в кривом зазеркалье вывернуть наизнанку все представления о природосообразности, здоровье и красоте, не жалея никаких средств.

Такой степени цинизма даже Пабло, вдоль и поперек изучивший повадки и обычаи змееносцев, и предположить не мог. Впрочем, и на Земле в прежние эпохи преступные правители и дельцы удобно манипулировали людским сознанием, внедряя в массы идеи расовой дискриминации, религиозной или идеологической розни.

В растрепанных чувствах Брендан добрался до лестницы и спустился на уровень ниже.

Здесь неустроенность и запустение чувствовались еще острее, напоминая самые глухие закоулки Мураса, только без тропической зелени. Из сырых холодных коридоров несло затхлостью и плесенью, запах гудрона или какой-то другой смазки смешивался с вонью давно засорившихся труб и аммиачным духом канализации и свалок, в которых деловито копались кутклухи, поросята и куры, точно дело происходило где-нибудь на аграрной планете.

Похоже, тех продуктов, которые производили централизованные фермы, на всех не хватало, и жители нижних уровней выживали за счет подсобного хозяйства. Спускаясь по лестнице вдоль вентиляционной шахты, Брендан обнаружил обихоженную плантацию грибов, в забегаловках на верхнем ярусе видел аквариумы со съедобными водорослями и даже взлелеянные под лампами дневного света помидоры и клубнику. Впрочем, здесь растения пока не попадались, а звуки, которые издавали животные, заглушал шум от работающих на пределах износа механизмов.

Внезапно среди этого равномерного, монотонного гула Брендан различил новый звук. Кричал ребенок, и явно от сильной боли. И этот призыв о помощи сопровождался многоголосой руганью, насмешками и ударами. «Неужто опять драка? Вторая за один день? А по-другому выяснять отношения они тут совсем не умеют?» Впрочем, вместо того, чтобы убраться куда-нибудь восвояси, Брендан уже бежал на звук, стараясь не сбить с ног играющих со сломанными игрушками тщедушных ребятишек, заполошных хозяек и медленно ковыляющих по своим делам стариков. Даже если бы он не давал сильно обесцененную за прошедшие века клятву Гиппократа, он бы не смог поступить

иначе.

Группа разномастных и разновозрастных подростков методично избивала скорчившегося в грязи на полу худенького мальчонку лет семи-восьми. Эбеновую кожу мальчугана покрывали ссадины и кровоподтеки, в курчавых волосах запеклась кровь, она же текла из рассаженного носа, делая белозубый, красиво очерченный рот похожим на окровавленную пасть вампира.

«Неужели они бьют его потому, что он черный?» — невпопад подумал Брендан, вспоминая уроки истории и рассказы чернокожих одноклассников о тех временах, когда их соплеменников продавали в рабство.

Поскольку на Сербелиане селились выходцы из самых разных миров, включая планеты Альянса, а культуры и расы сплетались причудливо и произвольно, никому и в голову не приходило кого-то попрекать цветом кожи или родным языком. В треугольнике Эхо на цвет кожи и мир, из которого прибыл колонист поневоле, внимания, судя по всему, тоже не обращали. Здесь существовало иное разделение. Чернокожий мальчуган, несмотря на худобу, выглядел ладным и подтянутым, а черты его лица, сохраняя особенности его расы, отличались правильностью, если не сказать красотой. В то время как все его противники выглядели копиями давешних громил. Только слегка уменьшенными.

— Ну, что, урод! Будешь знать, как ходить по нашему уровню! — азартно размахивая железным прутом, вопил крепкий подросток с бородавками по всему лицу.

— Теперь много не находится! — злорадствовал один из его подельников, тщедушный замарашка с родимым пятном на всю щеку и свернутыми в трубочки ушами.

— И к мамке своей жаловаться не побежит, — рассмеялся еще один участник побоища с искусственным глазом и перепонками между пальцев.

— Давайте сломаем ему еще и челюсть, чтобы он ничего не смог рассказать своему дядюшке! — предложил еще один шкет с непропорционально большой головой и кривыми ногами.

Брендан не позволил ему осуществить этот злодейский умысел. Он и так видел, что опоздал. Мальчугану здорово досталось. Особое беспокойство вызывала правая нога, неестественно вывернутая наружу. Неужто перелом?

— Сегодня я за его дядюшку! — налетел Брендан на хулиганов, разметав их по площадке и вырвав у самого крепкого прут.

Он сделал красноречивый замах, но более активных действий не потребовалось. Всю ватагу точно лавина слизала. Один только

пострадавший ворочался на полу, делая неловкие попытки подняться или хотя бы отползти и глядя на Брендана расширенными от боли и ужаса глазами.

— Да тихо ты, не дергайся! — приструнил его Брендан, наклоняясь к поврежденной ноге. — Эк, тебя угораздило!

К счастью, перелом оказался вывихом, а такие травмы Брендан умел лечить без помощи анализатора и аппаратов растяжки.

— Сейчас будет немного больно, — предупредил он маленького пациента. — Но иначе нельзя.

Однако, как оказалось, малыш боялся отнюдь не боли.

— Сэр, пожалуйста! Не надо меня забирать! — шмыгая разбитым носом пролепетал он. — Я не хочу в приют! Позвольте мне остаться с дядей Ндиди и мамой!

От неожиданности Брендан разжал пальцы, которыми сжимал голень, собираясь вправить ее на место, и малец с завидной скоростью, помогая себе локтями, пополз куда-то к стене.

— Ты с кем-то меня путаешь, — стараясь говорить как можно мягче, попытался объяснить ситуацию Брендан. — При всем моем желании я бы сейчас не смог никуда тебя забрать, поскольку сам не знаю, куда идти.

— Вы шутите, сэр! Взрослые не могут заблудиться, — привел железный аргумент мальчишка, вызвав у Брендана невольную улыбку.

Ох, не просто так к нему приклеилось появившееся с легкой руки Арсеньева еще в отроческие годы прозвище Вундеркинд.

— В любом случае, твой вывих надо вправить на место и наложить повязку!

Видя, что малыш своими попытками подняться еще больше травмирует злополучную голень, Брендан потихоньку придвинулся ближе, моля, чтобы уловка осталась незамеченной. Если так ерзать с больной ногой, недолго и связки порвать или усугубить вывих смещением. Пожалуй, детеныши мурлакотамов или роу-су на Васуки были и то более покладистыми пациентами.

— Но у мамы и дяди Ндиди нет денег на врача, — предупредил малыш.

— За такую безделицу плату берут не врачи, а рвачи! — не очень удачно скаламбурил Брендан, пытаясь разрядить обстановку.

Он развернул голень и потянул, вставляя сустав на место. Мальчуган сколько ни крепился, а все же под конец вскрикнул. Брендан решил его похвалить.

— Ты прямо настоящий боец! Маленький воин.

— Меня так и зовут, — доверчиво улыбнулся мальчишка. —

И кричать мне нельзя. Мое имя Камо переводится как тихий воин.

— Ну, раз так, значит антисептиков ты тоже не боишься, — кивнул Брендан сооружая из куртки Камо подобие фиксирующей повязки. — Я сейчас отнесу тебя домой, мы обработаем твои синяки и ссадины, а потом я попробую найти в вашем лабиринте место, где можно поесть и переночевать.

— Если мама разрешит, вы можете остаться у нас, — неожиданно миролюбиво предложил Камо — Она, правда, будет на меня ругаться, что я опять на этот уровень ходил. Но я просто хотел побыстрее отнести Ндиди обед.

Брендан увидел перевернутые и раздавленные контейнеры с едой и с грустью подумал, что не только он сегодня остался голодным. Он прикидывал, как бы поудобнее взять Камо на руки, когда на него коршуном налетела запыхавшаяся, но разгневанная фурия с бейсбольной битой в руках.

— Оставьте в покое моего сына! Сколько можно вам объяснять! Он останется со мной, ему нечего делать в этих ваших школах, где ставят эксперименты над людьми и превращают здоровых детей в не помнящих родства головорезов!

Понятное дело, что от таких обвинений Брендан просто опешил. Кажется, за эти несколько часов, проведенных в местных трущобах, он узнал о жизни города больше, чем за все три месяца, проведенные наверху. Сначала деление на людей и уродов, теперь этот страх перед чиновниками, которые ради создания армии здоровых и послушных исполнителей разлучают родителей с детьми.

Похоже, на щедро предложенные наивным мальчуганом обед и ночлег рассчитывать не приходилось. Брендан открыл было рот, чтобы оправдаться или выиграть время для отступления. Ибо воевать с женщинами, если они не входят в состав вражеской армии, он пока не привык. Тем более, что незнакомка при ближайшем рассмотрении оказалась не только молодой и довольно привлекательной, но выглядела хрупкой и на солдата вражеской армии никак не походила.

Но в это время в коридоре вновь послышались тяжелые шаги, вызвавшие смятение на лицах Камо и его матери. Оказывается, мелкие хулиганы не смылись восвояси, а просто побежали за подмогой, и привели они не кого-нибудь, а давешних громил. Брендан даже не удивился.

— Да это ж тот самый урод! — победно возопил обладатель заячьей губы, помятый вид которого ненадолго вызвал у Брендана мстительное удовлетворение.

— И недотрога Эйо — сестрица черномазого Ндиди, — плотоядно клацнул челюстями тип с титановым протезом вместо

рта.

Его голосовой симулятор уже давно пережил свои лучшие времена, и дребезжал, как неисправный эквалайзер.

— Это, что ли, та норовистая сучка, которой проще сраные порты выстирать, чем перед хорошим человеком ноги раздвинуть? — уточнил его подельник с заячьей губой.

— Ну ничего, вот мы сейчас и проверим, такая ли она недотрога! Только сначала с этим зарвавшимся уродом разберемся! — пророкотал громила с гигантским зобом.

Эйо издала гортанный рык и, заслонив собой сына, перехватила биту поудобнее, словно ожидая появления в страйк-зоне мяча. Брендан выдернул из кучи хлама кусок арматуры, который первоначально планировал использовать в качестве шины, и, выступив вперед, принялся вращать его на манер копья или глефы, не позволяя нападающим приблизиться. На сей раз об отступлении речи даже не шло. При всем желании он не мог бросить женщину и мальчика на растерзание этих подонков.

— Шухер! Охотники! — возопил шкет со свернутыми в трубочку ушами, и вся банда хулиганов бросилась врассыпную.

Брендан оставил свою импровизированную глефу, подхватил на руки насмерть перепуганного Камо и вслед за указывающей дорогу Эйо припустил по узким запутанным коридорам.

Глава 12. Контрабандисты и охотники

Хотя Шварценберг и контрабандисты бежали по обрывистому склону, включив антигравитационные акселераторы экзоскелетов и не особо таясь (нападавшим хватало забот и на «Эсперансе»), они видели, что им все равно не успеть. Отчаянная ПГ-319 или Пэгги, как ее почти ласково называли Эркюль и остальные, в первые минуты схватки положила едва ли не половину нападавших. Однако численный перевес оставался на стороне штурмующих, не считая систем залпового огня, которыми были оснащены танки.

— Молодец, девочка, упрощает нам задачу! — комментировал ход перестрелки Шварценберг, как и остальные члены его экипажа, наблюдавший за происходящим на «Эсперансе».

С помощью каких-то ухищрений Шаман вывел голограмму прямо на вирт-панель линзы шлема каждого из абордажников, поэтому все подробности схватки они наблюдали, словно тоже находились на борту корабля, хотя при этом прекрасно различали и уступы каменистого склона, и происходящее возле двух гусеничных машин. Синеглаз поначалу никак не мог приноровиться и даже пару раз чуть не упал, но потом привык, успевая одновременно следить за дорогой и наблюдать подробности схватки.

Пэгги сопротивлялась с отчаянной храбростью загнанного хищника. Хотя, пожалуй, даже стремительный как мысль роу-су не сумел бы тягаться с ней в скорости реакции. Временами казалось, что у нее не две руки, а стреляла она с обеих, а не менее шести, как у воплощений древних богинь. Она использовала в качестве укрытия каждый изгиб коридора, каждый уступ, а опорой ей служили не только пол, но и потолок и стены. Когда же ей все-таки требовалось перезарядить оружие, оборону держала принцесса Савитри, которая, стараясь не уступать подруге или телохранительнице, успешно вела прицельный огонь.

— Где это высочество так навострилось? — оценивая меткость хрупкой красавицы, уважительно пробасил Шака.

— Ну, уж явно не во дворце, — хмыкнул Дольф.

Синеглаз мог бы обоим поведать о том, что асуры в скорости реакции, выносливости и силе всегда превосходили людей. Не говоря уже о способности принимать облик тотемного предка. С другой стороны, он точно не знал, насколько последняя в роду

раджей унаследовала дарования древних. Впрочем, княжич по-прежнему ощущал связь с принцессой Савитри.

— Похоже, эти шаромыжники с танков получили от кого-то приказ взять девиц живыми. Стреляют парализующими, — взглядом знатока следя за перестрелкой, заметил Шака.

— Я бы тоже таких горячих цыпочек взял! — игриво причмокнул Дольф. — Апсарские танцы со скорчером — это вещь!

— Только бы корабль они там, увлекшись своими игрищами, не разнесли, — заметил Шварценберг, который уже рассматривал звездолёт как личную собственность.

Увы. Хотя поначалу бой в отсеках шел очень жаркий, и члены штурмовой группы несли тяжелые потери, капитан «Нагльфара» переживал совершенно зря. Благодаря ухищрениям остававшихся в танках операторов, нападавшие сумели проникнуть на борт со стороны орудийной палубы и зашли принцессе и ее спутнице с тыла. Боевой андроид успела почувствовать подвох и попыталась прикрыть дочь раджи, к которой испытывала благоговение, какое не все царедворцы питали и к покойному царю Афру. Но при этом она открылась сама и получила заряд из парализатора в спину.

Хотя Синеглазу, к счастью, самому никогда не доводилось испытывать действие этого оружия на себе, он видел, как бился в судорогах пещерный табурлык, которого контрабандисты Шварценберга вывезли потом в один из окраинных миров. Боевой андроид оказалась крепче даже табурлыка и успела несколько раз выстрелить, но еще один прицельный залп ее окончательно обездвижил, а следующий заряд настиг и принцессу.

— И что теперь? — застыл на месте Чико, словно его тоже временно парализовали.

— Не сбавляй темпа и под ноги гляди, — посоветовал ему Дольф.

— Табань, — скомандовал Шварценберг. — Нам уже нет смысла лезть на рожон, — добавил он, встретив вопросительные взгляды запыхавшихся товарищей.

Хотя Синеглаз не отстал и не потерялся, под коленками у него все трусилось, и кровь стучала в виски оргией шаманских бубнов. Впрочем, приказ капитана удивил и его.

— Поскольку они нас не заметили, позволим им уйти, а потом срежем дорогу по склону и проникнем внутрь одной из машин, — изложил свой план Шварценберг.

— А мы их того, не упустим? — с сомнением протянул Чико, глядя, как захватчики, словно тюки с поклажей, сгребают в охапку принцессу вместе с ее отважной подругой и, включив защитное поле, покидают корабль.

Вид безвольных тел в костюмах надзвездных краев неприятно кольнул Синеглаза воспоминанием о царице Серебряной и тех из ее спутников, которые в ночь резни оставались во дворце. Впрочем, принцесса Савитри не погибла. Княжич по-прежнему ощущал ее присутствие.

— Эх, надо было с собой вместо этих дурацких генераторов переносные плазменные установки захватить! — посетовал Шака, видя, как победители заводят свои машины.

— И что бы ты сделал с переносными установками? — скептически осведомился Шаман, возобновив попытки вклиниться в систему и получить доступ к кораблю.

— Танки бы подбил, — с трудом переводя дыхание под тяжестью генератора, пояснил квартирмейстер.

— И какой от этого вышел бы толк? — возразил ему Дольф. — Так у нас есть шанс обзавестись транспортным средством и добыть чит-коды, раз уж взламывать — это такая морока. А с плазменной установкой — ни танков, ни кодов.

Тем временем чужаки, сгрузив принцессу и раненых в один из танков, раскладывали на границе защитного поля мертвецов, предварительно сняв с брони аккумуляторы и запас кислорода.

— Вот стервятники! — покачал головой Шака. — Своих-то они за что? Совсем как-то не по-людски!

— А чем это хуже космического погребения? — равнодушно хмыкнул Дольф. — Да и кто сказал, что эти на танках — люди?

— Вот захватим машину, там и проверим, — подытожил Шварценберг.

Синеглазу тоже стало как-то не по себе. Понятно, что в бесконечных походах с воинами травяных лесов случалось всякое, и далеко не каждый отправлялся в Надзвездные края на огненной колеснице, поднимаясь к небесам вместе с дымом погребального костра. И все же даже наемники, с которыми отец рассчитывался меновыми кольцами, получаемыми от работорговли, своих павших в травяном лесу не бросали и, если не могли привезти в царский град, старались похоронить так, чтобы их тела не стали добычей летающих ящеров и кавуков.

С неизъяснимой тоской Синеглаз смотрел, как медузы, поспешно убравшиеся с места побоища, потихоньку подбираются к мертвецам. Если верить Кудеснику с Шаманом, через несколько часов от убитых останется только пустой экзоскелет. Потом княжич заметил, что вместе с павшими победители бросают на землю и смутно знакомую хрупкую фигурку с болтающимися, точно у тряпичной куклы, руками, ногами и головой.

— Да это ж Пэгги! — воскликнул Эркюль. — А ее-то за что?

— Можно подумать, ты не видел, как она только что всех

этих хлопцев тут положила, — не без злорадства напомнил Шака, указывая на мертвецов.

— Но это не повод отдавать ее на съедение медузам! — возразил ему Эркюль.

— Она это заслужила, — равнодушно отозвался Шака.

— Никто такого не заслужил! — отрезал Эркюль.

Не дожидаясь приказа, он сорвался с места и, используя камни как укрытие, продолжил спуск по склону. Синеглаз, повинуясь непонятному порыву, последовал за ним. Хотя Эркюль бывал в разных переделках, медуз он чувствовал хуже, да и мартышки не факт, что могли понять степень опасности, сидя под трубками скафандра.

— Что делают эти два психа? — прошипел в наушниках Дольф.

— Смерти своей ищут. Одно слово, кошак и Хануман, — махнул рукой Шака.

— Я не намерен боевыми андроидами разбрасываться! Они на рынке немалых денег стоят! — запоздало нашел обоснование своему поступку Эркюль.

— Если вас засекут, мы подставляться не станем, — проворчал Шварценберг, впрочем, скомандовав выступать.

К тому времени, когда они добрались до границ защитного поля, оба танка уже отъехали достаточно далеко. Непонятно, как только кэп пешком собирался их преследовать. Хотя медузы уже собрались на пиршество, к счастью, боевого андроида они сочли менее съедобным, нежели паленую мертвечину. Или до убитых, внутренности которых, частично оплавленные, виднелись в прорехи экзоскелетов, им было проще добраться?

Когда черные тени угрожающе заколыхались уже вблизи, Синеглаз по привычке поднял скорчер. Однако Эркюль его остановил, включив генератор и возводя над ними защитное поле.

— Кэп прав, пока нас не засекли, не стоит светиться, — пояснил он. — А в такой темноте вспышка от скорчера будет видна на парсек.

— И так энергии нет, а они тут разбазаривают, — посетовал Шака. — А нам еще, между прочим, как-то танки догонять.

— По моей команде, когда подойдем достаточно близко, выключишь генератор, а потом врубишь на полную мощность, — показывая нужные иконки на панели сенсора, пояснил Синеглазу его задачу Эркюль, метко подбив камнем медузу, подбиравшуюся к неподвижной Пэгги.

Синеглаз и не предполагал, что темных тварей можно было отогнать так просто. Впрочем, усилия Обезьяньего бога хватало

ненадолго. Медузы быстро распознали, что тут есть дополнительный источник корма, и, облепив тело боевого андроида, пытались проникнуть под экзоскелет.

— Вот развратники, — сердито прокомментировал Эркюль. — Рук-ног нет, а все туда же!

Отпугнув медуз силовыми импульсами энергетического щита, он наклонился к девушке-андроиду и дал команду Синеглазу. Уже через пару мгновений Обезьяний бог, словно больного ребенка, баюкал Пэгги на руках, а Синеглаз шел с ним рядом, наблюдая, как за пределами их защитного колпака беснуются медузы.

— Бедняжка! Похоже, она знавала и лучшие времена! — заботливо ворковал Эркюль, проверяя показатели системы жизнеобеспечения андроида. — Главное, реактор уцелел, а сменные модули, если что, можно и новые поставить. Тем более, регенерация у нее работает нормально, несмотря на общее истощение. Ну ничего. Шаман с Кудесником ее подлечат.

— Она хоть живая? — поинтересовался Чико, который вроде переживал за девушку, но остался вместе с остальными абордажниками под защитой камней.

— Да как железяка может быть живой? — возмутился Шака.

— Я тебе покажу железяку!

Услышав явное оскорбление в свой адрес, боевой андроид ПГ-319 не только пришла в себя, но и попыталась дотянуться до скорчера Эркюля. Синеглаз ей помешал, но она решила не сдаваться. Ловко вывернувшись из объятий Эркюля, она по кошачьи мягко приземлилась и, напружинившись, приготовилась дать любому нападающему достойный отпор. Нормально у нее действовала только одна рука, да и вообще вся правая сторона, на которую пришелся заряд парализатора, еще двигалась достаточно скованно. Но она, словно раненая самка роу-су, собиралась сражаться до последнего, не замечая, что предмета ее защиты и след простыл.

— Я ж говорил, мороки с нею не оберемся, — заметил Шака, на всякий случай взяв воительницу на прицел.

— И перепрограммировать нельзя, — вздохнул Шаман, последовав его примеру. — Эти самообучающиеся нейросети хуже любого новобранца. А уж сорванные и подавно! То-то эти танкисты с ней связываться не захотели!

— Эй, дамочка, полегче! Мы церемониться не станем, если пальнем, то боевыми! И твоего реактора не испугаемся! — строго прицыкнул на андроида Шварценберг, которого самого в его экзоскелете временами принимали за робота.

Тем более что железяк на себе он носил даже больше, нежели

Пэгги, тело которой, по словам абордажников, внешне не отличалось от человеческого.

— Плевать я хотела на ваши заряды, господа охотники, — с явным вызовом отозвалась Пэгги.

— Какие мы тебе охотники? — обиделся Дольф. — Мы — честные контрабандисты.

— Куда вы дели принцессу Савитри? — продолжила Пэгги допрос, будто не она, а абордажники стояли посреди пустоши под дулами скорчеров.

Синеглаз подумал, что эта непоколебимая воительница по характеру очень похожа на царицу Серебряную. Будет жалко, если ее постигнет такой же трагический конец. Впрочем, контрабандисты уничтожать боевого андроида не собирались. Тем более, еще одному обученному бойцу в поредевшей команде точно дело нашлось бы. Учитывая, как бесстрашно Пэгги сражалась.

— Да говорят тебе, мы собирались просто узнать, нет ли на корабле горючего, — попытался вкратце объяснить ситуацию Эркюль, на всякий случай тоже сняв скорчер с предохранителя. — А тут понаехали эти на танках.

Он указал на машины, удалявшиеся вверх по склону.

— Мы даже не успели ничего предпринять.

— Принцессу куда-то увезли, а тебя бросили на съедение этим прожорливым тварям, — пояснил Шаман, скинув андроиду на карту памяти запись схватки и ее завершения.

— В общем, мы сейчас выступаем, — подытожил Шварценберг. — Если тебе нужна эта дочка раджи, можешь присоединиться. Скорчер мы тебе пока не дадим. Не маленькая, на месте сама добудешь. Если покажешь короткую дорогу по склону, поделимся аккумуляторами. Насколько я могу судить, тебя во время боя основательно разрядили.

— Ох, не думала я, Шварценберг, что мне доведется сражаться с тобой на одной стороне, — скептически покачала головой Пэгги, которая, как выяснилось, отлично знала не только кэпа, но и многих членов его экипажа.

— Все, с кем мне доводилось сотрудничать, оставались довольны, — не без хвастовства заметил Шварценберг.

— Если поможете мне отбить у охотников Савитри, так уж и быть, добуду вам ключ от «Эсперансы»! Только учтите: я теперь с вами в доле. Валить отсюда всем вместе! А любую подставу я процессором чую.

— Кажется, у этой горячей малышки есть все шансы заменить на «Нагльфаре» Онегин. Даром что вместо сердца у нее ядерный реактор, — негромко заметил Дольф.

— Нашему кибер-деду железная леди под стать, — хохотнул Шака.

— Только Эркюль, кажется, немного расстроился. Он же все-таки ее от медуз спас.

— Зачем Хануману железная леди, когда у него есть мартышки?

Они построились в прежний боевой порядок, и Шварценберг скомандовал выступать. Пэгги шла в голове отряда и, как положено боевому роботу, периодически вырывалась вперед, делая разведывательные вылазки. После подзарядки она вернула прежнюю гибкость, подвижность и выносливость, превратившись в действительно ценную боевую единицу, чем Синеглаз, кое-как рысивший за Шакой, не мог не гордиться. Без боевого андроида им вряд ли удалось бы отыскать среди космического хлама и нагромождений горных пород проходимую тропу.

Впрочем, антигравитационные ускорители тоже исправно выполняли свою задачу, помогая перепрыгивать с карниза на карниз и быстро сокращать расстояние, которое машинам пришлось покрывать, петляя по изгибам горного серпантина. Поставив на успех, Шварценберг энергию не экономил, а кислород они взяли с расчетом на обратный путь.

С немалым трудом переживший бросок до «Эсперансы», нынешний крутой маршрут Синеглаз воспринимал как удивительное и веселое приключение. Совершая гигантские прыжки, с легкостью уворачиваясь от торчащих из развороченных обломков кораблей острых кусков обшивки и арматуры, княжич ощущал себя словно в шкуре роу-су. Причем не несуразного, слегка неуклюжего котенка, в которого он обычно обращался, а взрослого опасного самца, имеющего в арсенале не только зубы и клыки, но и скорчер. Тем более, прибор ночного видения, который с горем пополам настроил Эркюль, показывал мир в том же черно-белом, чуть зеленоватом цвете, каким его видел Синеглаз, во время ночных бдений в облике тотемного предка.

В образе роу-су княжичу уже приходилось охотиться на косуляк, и он знал, что взрослый самец способен в прыжке с горного уступа свернуть шею могучему зенебоку, да и с пещерным табурлыком потягаться в единоборстве. Конечно, танки по размерам превосходили любого из мохнатых шестиглазых кораблей травяного леса, да и вместо рогов и копыт обладали орудиями, защитным полем и броней. Но кто сказал, что броню невозможно вскрыть, а орудия обратить на свою пользу? Разве он не мечтал совершить подвиг и спасти прекрасную принцессу? Тем более, дочь раджи Сансары принадлежала к роду Великого асура.

Остальные контрабандисты хотя и руководствовались более приземленными мотивами, тоже преодолевали препятствия без привычной ругани и сетований на судьбу. Охотничий азарт гнал их вперед, заставляя забыть об усталости, а ожидание неплохой поживы разгоняло кровь в жилах. Да и присутствие Пэгги подзадоривало.

Конечно, все понимали, что соревноваться с боевым андроидом не менее бесполезно, нежели пытаться обогнать флаер или вертолет. Однако, наблюдая, как их новая спутница с проворством и грацией легконогой косуляки перепрыгивает с уступа на уступ, бесшабашно балансируя на камнях и обломках, контрабандисты невольно тянулись за ней. Забывая не только об усталости, но и о законах гравитации, они даже не всегда подключали акселераторы, преодолевая расщелины и преодолевая расстояние между террасами. А зазевавшихся медуз отстреливали на автомате. Даже мартышки, копошившиеся где-то в недрах скафандра Эркюля, бурно выражали свое одобрение каждому удачному прыжку Обезьяньего бога.

Танки еще не успели обогнуть вершину, когда абордажники с «Нагльфара» уже оказались на гребне.

— Ну твои молодцы, Шварценберг, и разогнались, — удовлетворенно констатировала Пэгги, отыскивая взглядом неповоротливые машины. — Видно, кому-то не терпится на «Эсперансу» попасть.

— Вообще-то у меня и старина «Нагльфар» пока на ходу, его бы только слегка заправить, — не без прежнего хвастовства отозвался Шварценберг, выбирая место для атаки.

— Еще ни один звездолет не преодолел притяжение черной звезды, — скептически заметила Пэгги, показывая ему на обрывистый карниз, нависавший над дорогой так, чтобы экипажи машин не могли разглядеть угрозу.

— Ну, надо же кому-то начинать! — бесшабашно расхохотался Шварценберг. — Впрочем, ты, птичка, права! Оставлять «Эсперансу» в такой дыре было бы тоже негуманно. Все-таки, как ни крути, память об однокласснике и друге. Будем считать, что Маркус Левенталь этот корабль мне тоже завещал.

— Вообще-то завещанное поступает в собственность только после смерти владельца, — не без ехидства заметила Пэгги. — А судя по бортовому журналу, Маркус все еще жив.

— Э-э! Ты это, куколка, не балуй!

Шварценберг так разволновался, что едва не сорвался с обрывистой бровки. Антигравитационный акселератор еле его удержал.

— С чего ты так решила, если с тех пор, как Маркус здесь

сгинул, прошло более трех десятков лет?

Пэгги, пользуясь небольшой передышкой, кратко изложила историю строительства города под куполом и хронику последних событий.

Синеглаз тоже слушал рассказ с неослабевающим вниманием. Ведь в этой истории оказался замешан жених принцессы Савитри. Интересно, а этот принц Шатругна тоже асур? Хотя с другой стороны, если бы он обладал древними способностями своего народа, отыскать на пустоши пропавшую невесту ему бы не составило труда.

Шварценберг меж тем негодовал. Бурлящая ярость настолько переполняла его, что, кажется, он мог бы сейчас атаковать, не используя скорчер.

— Бездны космоса! Значит, этот альянсовский хмырь отжал у моего друга не только город, но и корабль? — громыхал он, потрясая скорчером. — Это ему даром не пройдет! Теперь для меня принципиальный вопрос — порвать на пиксели этих ваших городских фертов на танках и отбить у них принцессу! Что скажете, ребята?

— Обломать альянсовскому эксплуататору гешефт? — уточнил Эркюль. — Да мы только за!

— Тем более, что у этих лошкомойников даже защитное поле не включено, — заметил Шаман, с помощью Пэгги пытаясь проникнуть в систему.

— Охотники его специально отключают, — пояснила боевой андроид. — Ловят на живца медуз.

— Да на кой ляд же этим извращенцам медузы? — изумился Шака, осторожно испытывая на прочность карниз.

— Их используют в качестве аккумуляторов, — с готовностью пояснила Пэгги.

— В городе, который стоит на урановом руднике? — удивился Дольф.

— Из медуз выкачивать дешевле, чем обогащать уран, — отозвалась Пэгги. — Знала бы, как устроены их ловушки, ни за что бы с пустоши не ушла!

— Можешь сейчас, дорогуша, спросить, — посоветовал Шварценберг. — Если после нашего визита кто-нибудь в живых останется.

— Для этого надо сначала проникнуть внутрь, — озабоченно вздохнул Шака, увеличивая изображение танка.

— Обычно, чтобы медузы клюнули на приманку, охотники оставляют открытым один люк, — поделилась информацией Пэгги, указывая на крохотное отверстие в броне.

— И этот мышиный лаз ты, женщина, называешь люком? —

возмутился Дольф, который был выше Шаки и шире него в плечах.

— Я протиснуться сумею. Особенно если дадите скорчер, — невозмутимо отозвалась Пэгги.

— Скорчер, как я уже сказал, ты, птичка, и сама сумеешь добыть, — сурово отрезал Шварценберг. — Но для страховки с тобой пойдет Кошак.

— Ребенка в самое пекло! — встал на защиту княжича Эркюль, хотя Синеглаз его об этом не просил.

Приключение становилось все более опасным, но вдруг посчастливится первым освободить принцессу?

— Тебе, Хануман, в это угольное ушко все равно не пролезть, хоть заделайся верблюдом, — не без издевки осадил Обезьяньего бога Шварценберг. — Шарились бы мы сейчас где-то на Раване, запустили внутрь сначала мартышек. По части создания беспорядка и отвлечения противника им цены нет. Но здесь без скафандра они, думаю, подохнут. Долго там еще?

Он повернулся к Шаману, который вклинился в систему, чтобы сбить охотников с толку и нарушить между танками связь.

— Все готово, — отрапортовал оператор.

— Тогда приступаем, — кивнул Шварценберг. — Как раз и наши консервные банки подтянулись.

Пропустив первый танк, Пэгги и Синеглаз перебрались на броню машины, двигавшейся в арьергарде. Действовали максимально осторожно, стараясь не шуметь и не попадать в объективы камер. Потом боевой андроид змеей скользнула внутрь, предварительно обезвредив ловушку, в которой копошились несколько десятков медуз. Синеглаз, поражаясь нечеловеческой гибкости напарницы, протиснулся следом.

Внутри уже творился хаос, и в самый первый миг княжич едва не погиб, неудачно подставившись под очередь. Пэгги, которая где-то добыла себе пистолет-пулемет, вовремя напарника на пол. Использовать импульсное оружие в такой тесноте охотники не решались, однако пули из макромолекулярных соединений пластины экзоскелета пробивали не хуже плазмы. К тому же, как пояснил в начале пути Эркюль, в условиях разреженной атмосферы планеты любое повреждение скафандра могло оказаться роковым. По броне уже грохотали сапоги Шварценберга, Эркюля и остальных. Шаман, оставшись на карнизе, контролировал ситуацию с системой.

Синеглаз знал, что для него сейчас самое главное — добраться до основного люка и открыть его, пропустив абордажников, но не мог понять, как это сделать. Кругом, освещаемые редкими вспышками выстрелов и блеском

макромолекулярных клинков, мельтешили закованные в броню тени, мелькали чьи-то руки, ноги и головы, периодически отделяясь от тел. И в центре всей этой вакханалии, подобная безумному ротору, бешено крутилась неукротимая Пэгги. Охотники в этот день сильно пожалели, что бросили боевого андроида на съеденье медузам.

Видя, что его не замечают, Синеглаз вспомнил уроки охоты и резво пополз между бешено отплясывающих ванкуверскую жигу бронированных ног. С его ракурса происходящее в кабине танка абсурдно напоминало сельскую свадьбу, зимние посиделки или танцы в переполненном деревенском кабачке. Тем более, грохот и топот стояли такие, что самые отвязные любители пошуметь лопнули бы от зависти. Да и дым от оплавившейся обшивки, как в истопленном по-черному бедняцком жилище, висел густыми клочьями, если не стоял колом. Впрочем, даже в этом сизом мареве княжич сумел разглядеть, что принцессы в кабине этого танка нет. Да он это и чувствовал.

Он почти добрался до люка, когда путь ему преградил здоровенный детина, похожий на пещерного табурлыка, которого зачем-то нарядили в броню.

— А это что у нас за недоросток? — пророкотал здоровяк, сгребая Синеглаза в охапку.

Но княжич уже нащупал пульт и успел открыть люк раньше, чем противник ринул его о стену.

Теряя сознание, Синеглаз разглядел, как голова обидчика после меткого выстрела Шварценберга превратилась в кровавый шар и взорвалась. Буквально через миг участь охотника разделили еще пятеро его товарищей, неудачно оказавшихся поблизости от люка. Сколько ж их набилось в эту консервную банку? Впрочем, контрабандисты шутить не собирались. Тем более что в тесноте численное преимущество их противникам только мешало, приходилось рубиться в рукопашной, чтобы не палить по своим.

— Молодец, Кошак, чисто сработал! — сухо похвалил Синеглаза кэп, меняя режим скорчера и вступая в ближний бой.

— Тут одной мисочкой молока не обойтись! — заметил Дольф, со вкусом сворачивая неудачно оказавшемуся поблизости охотнику шею.

— А Пэгги-то где? — взволнованно озирался Чико, пытаясь в многоруком, многоногом чудище из переплетенных в смертельном противостоянии тел отыскать боевого андроида.

— Да некуда твоя железяка не денется! — досадливо отмахнулся Шака, методично прокладывая дорогу к панели управления.

— Ты жив, малец? С тобой все в порядке? — наклонился к Синеглазу Эркюль, убедившись, что товарищи справятся и без него.

Рукопашная была уже почти завершена. Пэгги, Шака и Дольф доламывали последних охотников, Шварценберг расположился у приборной панели, а Чико завладел орудием. На втором танке все-таки разобрали, что у их товарищей случилась какая-то внештатная ситуация, а возможно, и разглядели абордажников с «Нагльфара».

Синеглаз собирался ответить, что он, кажется, цел и что не стоит беспокоиться, хотя на самом деле глаза его слипались, а в тяжелой голове звонил сигнальный колокол. Но в это время он увидел, как Чико без разбору лупит по остававшемуся под контролем охотников головному танку.

— Осторожнее, там принцесса Савитри, — попытался напомнить Синеглаз, но рот его наполнился чем-то соленым, а перед глазами поплыла рябь.

— Я же говорил, что нельзя над ребенком так измываться, — сетовал Эркюль, колдуя над системой жизнеобеспечения княжича.

Через какой-то потайной клапан он сделал Синеглазу укол и отрегулировал подачу дыхательной смеси, прибавив чистый кислород.

После этого муть вроде рассеялась, только во рту оставался противный привкус соли и дыма, а от воды к горлу подкатила тошнота.

— Врешь, не возьмешь! — возмущался Чико, пытаясь пробить защиту противника.

К этому времени подоспевший Шаман уже включил энергетическое поле, а Шварценберг, заявив, что управлять танком куда проще, чем звездолетом, неуклюже маневрировал на узкой террасе серпантина.

— Ты там полегче, дурень, — пытался приструнить он разошедшегося Чико, пока Эркюль, оставив Синеглаза приходить в себя, пробирался к орудию среди обломков.

Впрочем, на этот раз Обезьяний бог не успел. В тот момент, когда он, прихрамывая, добрался наконец до орудия, выпущенный Чико заряд плазмы подбил ходовую часть второго танка. Машину на полном ходу закружило на месте, потом она поднялась на дыбы, и, делая на обрывистом склоне безумные кульбиты, с грохотом полетела вниз.

Глава 13. Чертежи Левенталя

«Когда будет найден ключ, взорвать генераторы воздуха». Пабло несколько раз перечитал этот чудовищный приказ, пытаясь отыскать в нем скрытый подтекст и не находя. Все выглядело слишком конкретно. Пабло давно не питал иллюзий по поводу змееносцев, а тем более тех из воротил Альянса, которые были причастны к деятельности «Панна Моти». И все же планы Нарайана выглядели чем-то невероятным, поражая прежде всего своей нелогичностью.

Проводя геноцид на Ванкувере или в окраинных мирах, палачи из так называемого Легиона Санитарной защиты хотя бы действовали во имя выгоды. В уничтожении города под куполом Пабло выгоду сколько ни искал, найти не мог. Получалось, профессор Нарайан, словно разгневанное божество, обрекал людей на гибель из одной ненависти? Кристин что-то рассказывала о возлюбленной, за смерть которой этот сумасшедший мстил всему человечеству. И все же даже для поборника кровавых жертв распоряжение выглядело бредом.

Какое-то время Пабло в прострации смотрел на экран, делая вид, что ищет ошибки в коде, мешающие бесперебойной работе внутренней сети. Потом внедренная им программа выдала запрос по поводу создания резервной копии папки «Эсперанса». Название звездолета, на котором в треугольник Эхо прибыл Маркус Левенталь, сработало как команда ввода. Конечно. Как он мог, увлекшись историей города, позабыть про чертежи?

Хотя Пабло разбирался в ракетных двигателях и плазменных установках лишь в той степени, в которой это требовалось оператору межсети, изобретения Маркуса Левенталя он изучил досконально. В попытках понять, что же конкретно произошло с кораблем, на котором в свой последний рейс отправились Дин, Петрович, Клод и их товарищи, они с Семеном Александровичем перелопатили кучу технической документации. Поэтому изменения, которые Маркус внес в созданный им двигатель, Пабло обнаружил без труда.

Как и следовало ожидать, гениальный конструктор решил использовать ускорители, придающие веществу свойства экзотической материи с отрицательной массой и плотностью, а также генерирующие атомы с позитронным ядром. Именно такими свойствами обладали боевые установки, после применения которых звездолет «Мерани» вместе с Дином и членами его экипажа, оказался в непредсказуемой точке пространства и времени, что по сути не отличалось от прыжка в

черную дыру.

Черная звезда треугольника Эхо хотя еще не приобрела свойства черной дыры, но материю поглощала усердно и ненасытно, поэтому идея Левенталя вышибить клин клином при всей своей авантюрности могла обернуться успехом, в случае которого владелец изобретения получал преимущество над стратегическими противниками на несколько десятилетий вперед. Не просто так даже за недоработанными боеголовками, созданными по чертежам конструктора, змееносцы вели упорную охоту, не гнушаясь самых грязных средств, а уж что говорить о новом сверхмощном двигателе.

Похоже, Нарайан, поставивший на «Эсперансу» целый населенный мир, либо не допускал возможности неудачи, либо собирался сжечь за собой мосты. В буквальном смысле этой идиомы.

И вновь Пабло испытал чувство, словно прикоснулся к старой, но толком не залеченной ране. Если бы чиновники Ванкувера в панике не завернули «Эсперансу», обрекая Левенталя и его товарищей на фактическую гибель, Содружество получило бы преимущество, обогнав Альянс и в сфере кораблестроения, и в гонке вооружений. А его друзья не оказались бы невольными испытателями недоделанной разработки.

Хотя Пабло как никто другой понимал ценность чертежей Маркуса Левенталя, сейчас следовало подумать о том, как спасти этот обреченный град. Конечно жизнь колонистов в перенаселенном городе, полном проблем и противоречий, выглядела отнюдь не радужной, но даже за нее стоило бороться.

Пабло перелопатил еще несколько десятков папок, почти не таясь и откровенно наплевав на все проблемы со связью, пока наконец не добрался до нужного архива. Хотя система самоуничтожения запускалась автоматически и работала по тому же принципу, что и на фабриках «Панна Моти», обезвредить ее можно было лишь на месте и только вручную. Чему удивляться. За три месяца жизни под Куполом следовало привыкнуть к тому, что управление стратегически важными объектами тут осуществляется без участия операторов сети. Хорошо хоть схема закладки взрывчатки содержала настолько подробные указания, что провести разминирование сумел бы даже человек, не имеющий специальной подготовки.

Программа сообщила о том, что резервная копия создана, и запросила разрешение перенести ее на сменный носитель. Пабло спешно нажал на ввод, ощущая знакомое покалывание на затылке. Вот уж не думал, что секретная разработка сильфидских гвельфов вновь пригодится ему спустя столько лет. Вживленный

под кожу головы микрокомпьютер питался за счет химических соединений плазмы крови и обладал способностью обрабатывать и хранить сотни петабайтов информации. Он спокойно взаимодействовал с любыми стационарными или мобильными устройствами, понимая язык программирования всех обитаемых миров, но при этом оставался невидимым.

Цоца-цола лично установил его и проверил незадолго до их с Арсеньевым первой секретной командировки на Равану, а в дни плена и мнимого сотрудничества с его помощью были переданы бесценные сведения, касающиеся махинаций на фабриках «Панна Моти». Вскоре после возвращения на Сербелиану Цоца-цола лично протестировал устройство и признал его пригодным для дальнейшего использования. Однако следующие десять лет Пабло агентурной работой не занимался, поэтому предпочитал передавать информацию более традиционными способами.

Теперь микрокомпьютер вновь стал хранилищем секретов и тайн, и от работы этого сильфидского устройства зависела судьба целого мира.

— Оператор Пабло Гарсиа! Вас просят срочно явиться в службу безопасности.

Раньше, чем переполошивший весь отдел специалист по кадрам договорил эту фразу, Пабло уничтожил все следы своего проникновения в систему. Благо все, что требовалось, он уже скопировал на свое сильфидское устройство, а воспроизвести голограммы архива «Эсперансы» и схему закладки взрывчатки можно было на любом из городских компьютеров, включая те, что стояли в лаборатории Брендана и Кристин. Пабло, конечно, не хотел впутывать в опасную игру свою нереиду, но, похоже, дочь Маркуса Левенталя находилась в этой игре раньше, чем он сам оказался в треугольнике Эхо.

Проблема состояла лишь в том, что пользоваться сильфидским устройством больше никто не умел. После освобождения с Раваны Вернеру скрепя сердце пришлось разрешить подключение к сети «Луи Пастера», хотя при нейротравмах, которых Пабло имел не меньше, чем повреждений других жизненно важных органов, это категорически воспрещалось. Тогда информация о работе установок энергообмена, которую Пабло успел скачать за несколько минут до запуска системы самоуничтожения, помогла в лечении многих сотен обреченных на донорство пленников. Сейчас на кону стояли десятки тысяч жизней, но передать файлы Кристин и тем более запропастившемуся неизвестно куда Брендану не представлялось возможным.

Как же все неудачно получилось. В принципе, он

предполагал, что именно этим все и закончится, но не ожидал от безопасников такой оперативности. Неужто Амитабх разгадал его маневр и сумел донести? Странно, что за ним не прислали охрану. Или не хотят пугать законопослушных граждан рукотворного рая верхних уровней?

А может, двинуть этого тупого кадровика по башке и пуститься в бега? Добраться до Кристин, передать ей чертежи… и все провалить, погубив заодно и девушку. В конце концов, в морду дать он успеет уже и на месте. Он давно об этом мечтал. С первого дня своего пребывания в городе. Командор именно так бы и сделал. Набил морду охране и с довольным видом отправился бы на рудник вместе с пилотами. С другой стороны, Арсеньев никогда не терял самообладания, не считая того случая, когда, не выдержав истязаний, попытался избавить мир от чудовища по имени Феликс.

Если успокоиться и включить логику, то безопасникам пока даже нечего ему предъявить. Ни Амитабх, ни остальные айтишники не сумеют не только обнаружить сильфидское устройство, но и найти в истории след его проникновения, а голословные обвинения всегда можно опровергнуть.

— Оператор Пабло Гарсиа? — строго глянул на него подтянутый офицер, острые скулы которого казались продолжением слегка заостренных ушей.

— Чем обязан?

Хотя тело Пабло представляло сейчас сжатую до предела и готовую в любой момент разогнуться пружину, виду он старался не подавать. Занял в кабинете максимально выгодную позицию, незаметно оглядывая помещение в поисках предметов, которые в первый миг, пока он доберется до оружия, могли бы сойти за средство самообороны. Скорчеров на этом уровне по требованиям безопасности не применяли, но против парализатора Пабло тоже ничего не имел. Он не собирался убивать, просто хотел отсюда выбраться. Обстановка предельно лаконична: вмонтированный в стену стол, пара стульев, наверняка тоже привинченных к полу, и стационарный компьютер размером со спасательную капсулу или модуль от двигателя флаера или элекара. Не разгуляешься. Вот только почему они не перекрыли выход? Откуда такой вопиющий непрофессионализм?

— Что вы можете сказать по поводу побега Брендана Макмиллана?

А это действительно неожиданный поворот. Вот и ответ насчет оставленного свободным прохода. Хорошо, что раньше времени не психанул и не начал махать кулаками почем зря. Пабло почувствовал укол совести. Он так увлекся тайнами

«Эсперансы» и поисками спасения города, что на какое-то время забыл про Вундеркинда. А если скромной персоной ученика Командора заинтересовалась служба безопасности, значит дело серьезное. Куда же вляпался этот неугомонный Казанова?

Впрочем, если принять во внимание вчерашний поход Вундеркинда в «Пульсар» и его предполагаемые игры в великого разведчика, то ответ на этот вопрос более или менее ясен.

— А на каком основании вы квалифицировали дело как побег, а не, скажем, похищение? Тем более, насколько мне известно, здесь и бежать-то особо некуда.

Пабло говорил предельно искренне, полагая, что лучший способ защиты — это нападение. Он и в самом деле был возмущен. Сорвали посреди рабочего дня, не дали закончить поиски! Возможно он что-то важное упустил. Между прочим, чтобы еще раз внедрить в систему червя, понадобится не меньше недели. Да и то если не сработает блокировка.

На следователя, впрочем, его поведение особого впечатления не произвело, и от прямого ответа он предпочел уклониться, из чего Пабло сделал вывод, что безопасники имеют какую-то информацию о его товарище, и неплохо бы эти сведения получить в свое распоряжение.

— Когда вы последний раз видели господина Макмиллана? — спросил следователь.

— Вчера вечером, — с готовностью отозвался Пабло. — Мы показали всем желающим несколько спаррингов по флаю и разошлись. Остаток вечера я провел в кафе «Пульсар», а Брендан отправился куда-то по своим делам, и мы с ним больше не пересекались.

Пабло знал, что даже если бы его вздумали сейчас проверить на детекторе лжи, это не дало бы результата. В правдивости своих слов он мог с чистой совестью поклясться хоть на Конституции Содружества, хоть на Библии.

— Странно, — в улыбке следователя промелькнула скабрезность, усиливая желание двинуть по этой наглой роже.

Похоже этот безопасник не только знал, с кем провел вечер, а возможно, и ночь Пабло, но и не отказался бы занять его место за столиком кафе и в комнате с бассейном. Это не город под куполом, а какой-то стеклянный дом, где самые интимные стороны жизни неизбежно оказываются на виду.

— Свидетели, которых мы опросили, утверждают, что ваш приятель тоже какое-то время сидел в кафе и даже за вами наблюдал.

— Тогда, возможно, свидетели заметили, что я в тот момент был немного занят, — поставил наглеца на место Пабло. — Или

встречи личного характера тоже нужно согласовывать с системой безопасности?

Кажется, границы дозволенного удалось как-то обозначить. Хотя если этот тип спросит про Маркуса Левенталя, все равно придется выкручиваться. Похоже вчерашний визит создателя града на один из немногих уровней, хотя бы внешне все еще остающийся воплощением его мечты, не остался незамеченным. Но где же все-таки Вундеркинд? Возможно, его сцапала служба безопасности, и этот остроухий ломает тут комедию, чтобы потом устроить им очную ставку? Тут главное — не проболтаться про разговор с Маркусом, если ученому тоже удалось уйти. Вряд ли Брендан что-то слышал. С другой стороны, почему следователь с самого начала назвал исчезновение Вундеркинда побегом?

Больше ничего толкового от сотрудников службы безопасности добиться не удалось. О проникновении в систему речи они так и не завели. То ли действительно пока не засекли, то ли решили понаблюдать за неблагонадежным оператором. Пабло пришлось еще битый час отвечать на одни и те же, только по-разному сформулированные вопросы, касавшиеся побега Брендана с уровня. Причем у него сложилось стойкое впечатление, что службу безопасности интересовал не сам Брендан, а те тайные ходы, о которых вел речь Маркус Левенталь.

К концу беседы Пабло не только заскучал, но и укрепился во мнении, что Брендану удалось-таки осуществить давнюю мечту и пробиться на нижние уровни. Вот только, судя по информации из архива «Эсперансы», сгинуть там было едва ли не проще, нежели на пустоши. И почему вчера все три подружки Вундеркинда не сумели уделить ему толику ласки и тепла?

— Что они от тебя хотели?

На выходе из отдела безопасности ждала взволнованная Кристин.

У Пабло потеплело на душе, но при этом внутри зашевелилось и шипастое, когтистое чудовище, похожее на детеныша мантикоры. Если бы он вчерашним вечером не увлекся, почти полностью потеряв контроль, возможно, Брендан не угодил бы в переделку. С другой стороны, если бы Маркус Левенталь не навел на нужный архив, поиски ответов на вопросы по-прежнему напоминали бы блуждание во тьме. В любом случае, надо скорее отсюда выбираться. Второго шанса может не представиться. Только как это сделать, не вызывая подозрений? Да и неплохо бы выяснить, где сейчас находится этот самый ключ.

Для начала Пабло вкратце передал разговор со следователем, Кристин облегченно кивнула, хотя тревога, тлевшая в глубине ее лучистых глаз, никуда не исчезла. Пабло любимую понимал.

Теперь он знал, по какому лезвию ходил Маркус Левенталь и все жители города.

— Со мной тоже беседовали, — призналась Кристин. — Вызвали сразу после обеда, я как раз начинала новую серию опытов.

— И долго тебя пытали? — нахмурился Пабло.

— Даже толком не успели расспросить, — досадливо поморщилась Кристин, откинув с лица золотистую прядь. — Явился профессор Нарайан и увел меня обратно в лабораторию, напомнив следователю, что ценных сотрудников не стоит посреди рабочего дня отвлекать по пустякам.

Пабло не удивился, но облегчения не испытал. Слишком уж недвусмысленный интерес этот проклятый Громовержец проявлял к его нереиде.

— Профессор, надеюсь, не ангажировал тебя на вечер? — спросил Пабло, из всех сил стараясь, чтобы Кристин не услышала в его голосе ревность.

Возлюбленной он верил, но при этом почти физически ощущал черные, липкие нити, похожие на скапливающуюся в старых вентиляционных трубах жирную грязь. Паутину, которой профессор Нарайан опутал весь город.

— Ты предлагаешь вновь отправиться в кафе? — осторожно поинтересовалась Кристин, кладя легкую, как лепесток лотоса, ладонь на сгиб руки Пабло.

— Или погулять по саду, — наслаждаясь прикосновением, рассеянно кивнул тот.

Он знал, что времени у них очень мало, но какой-то не рассуждающей части сознания хотелось, наплевав на все, немедленно отправиться в комнату с бассейном, освободить возлюбленную от строгого костюма, покрыть поцелуями от макушки до пят… и, подобно любовникам из Помпей, в миг упоения встретить смерть. Хорошо, что активированный микрокомпьютер отрезвляюще жег кожу на затылке, напоминая о том, что информацию нужно срочно передать по назначению.

— Ты правда думаешь, что им удалось оторваться? — с надеждой и страхом спросила Кристин, когда они добрались до оранжереи — одного из любимых мест вечернего досуга успешных ученых, инженеров, врачей и чиновников.

Пабло только пожал плечами, углубляясь взглядом в аллеи, засаженные жимолостью, облепихой и папоротниками, навевавшими смутную ностальгию по Ванкуверу, и вдыхая душистый аромат гидропонной клубники, бананов и апельсинов. В этом райском уголке иллюзорность благополучия города ощущалась особенно остро, а нарядные пары и респектабельные

главы семейств не подозревали, что обречены.

— Ты знаешь здесь хоть какое-нибудь место, где нет камер наблюдения? — проговорил Пабло, наклонившись к Кристин так низко, что их вьющиеся волосы переплелись, щекоча лица.

Со стороны его движение выглядело, будто он ласкает губами ухо любимой, от чего он, впрочем, и на самом деле не смог удержаться.

Кристин коротко к нему прижалась, потом направилась вдоль бобовых плантаций в сторону от галогеновых ламп туда, где в сырости и темноте таились ряды грибниц, наращивали массу съедобные черви, насекомые и улитки, а в аквариумах произрастали морская капуста и другие водоросли. В этот потаенный мир редко забирался кто-то помимо сотрудников, поэтому ставить дорогостоящие камеры ночного видения сочли нерентабельным, а звук голосов заглушался постоянным гулом компрессоров.

По поводу места для разговора Пабло не возражал, но при этом испытывал лишенную логики жгучую обиду. Он до последнего надеялся, что местом для приватных бесед окажется комната возлюбленной. Неужто следователь или его коллеги и вправду наблюдали вчера все интимные подробности их свидания? Пабло аж передернуло от омерзения. Прямо как в борделе при фабрике «Панна Моти» на Раване. И Кристин об этом догадывалась? Или же она решилась на такой отчаянный шаг, чтобы расставить все точки над «и» в отношениях с Нарайаном?

Уточнять Пабло, впрочем, не стал, сразу перейдя к делу. Кристин слушала, не перебивая, и только теснее прижималась к нему. Сквозь ткань рабочего костюма ощущалось, каким напряженным становится ее гибкое, упругое тело, как легкий озноб, который в другой ситуации можно было бы списать на холод, превращается в крупную дрожь.

— То есть ты считаешь, что профессор Нарайан хочет уничтожить город, чтобы жители Содружества и других миров не получили доступ к последним разработкам отца? — уточнила Кристин, выбивая зубами частую дробь.

— И он подошел вплотную к осуществлению этого замысла. «Эсперанса» готова к вылету. Осталось найти только некий ключ.

— Мне кажется, здесь он тоже преуспел, но пока решил немного выждать. Видимо, ему надо завершить дела и все проверить, — задумчиво проговорила Кристин, которой тоже требовалось какое-то время, чтобы оправиться от шока и сопоставить все факты. — Когда мы шли из отдела безопасности в лабораторию, к нам подошел телохранитель и радостно сообщил, что «птички в клетке». Хотя Нарайан почти сразу свернул

изображение, я успела разглядеть рубку «Эсперансы», в которой сидела девушка, как две капли воды похожая на его невесту. Нарайан отдал приказ охотникам немедленно привезти ее в город. Насколько я поняла, на материнской плате андроида содержится какая-то ценная информация.

— Как далеко отсюда находится «Эсперанса»? — спросил Пабло, судорожно прикидывая, сколько понадобится времени, чтобы, спустившись на нижние уровни, обнаружить и обезвредить взрывчатку.

— Если у профессора все пойдет по плану, у нас в запасе около суток, — пояснила Кристин, порывисто направляясь к выходу.

Пабло последовал за ней, праздно размышляя, что если бы Дин и Петрович непостижимым образом оказались здесь, они бы шутя разобрались в схеме. Впрочем, в экипаж Левы Деева тоже входила команда первоклассных взрывотехников, да и местные инженеры наверняка при прокладке шахт использовали не только проходческие комбайны, которых здесь не хватало.

— Мне нужно захватить кое-какие лекарства, — почти виновато пояснила Кристин, направляясь в сторону жилого отсека.

Пабло понимающе кивнул, на всякий случай осматривая коридор и меняя настройки камер наблюдения. Пока ничего подозрительного не происходило, и это парадоксальным образом усиливало тревогу.

— Если я вдруг начну задыхаться, ты сможешь сделать инъекцию? — с мольбой глянула Кристин, меняя воротник-гидролизатор и укладывая в сумку ингалятор и набор заряженных лекарством автоматических шприцов.

— Может, просто объяснишь, куда идти? — предложил Пабло, пытаясь определить степень опасности ее нынешнего состояния.

— Я справлюсь, — глухо отозвалась Кристин. — Сюда я больше не вернусь.

Сердце Пабло сжалось от жалости, а возлюбленная показалась ему особенно хрупкой. Хотя дочь Маркуса Левенталя пыталась вести полноценную жизнь и даже боролась за других, ей это давалось гораздо труднее, чем многим.

Пабло помнил, как в плену и в дни восстановления сам задыхался и маялся от бессилия, пока не обрел возможность передвигаться без медицинского экзоскелета. Тот тяжелый опыт, впрочем, научил его не зацикливаться на мелочах, умея обходиться малым. Вот и сейчас он втайне порадовался, что, к счастью, все самое ценное имеет при себе, а бритву и зубную

щетку внизу добудет или переживет без них.

С умилением наблюдая, как Кристин, словно угадав его мысли, помимо лекарств, гигиенических принадлежностей и смены белья все-таки кладет в сумку запасную щетку, отцовскую бритву и пару его же футболок, Пабло невольно глянул на загадочно подсвеченный бассейн. Сейчас вчерашнее ложе любви напоминало осквернённый алтарь. Кристин перехватила его взгляд, и по ее лицу пробежала судорога.

— Ты тоже уже знаешь? — спросила она, и ее щеки запылали от гнева, а на глазах выступили слезы обиды.

— Во время беседы со следователем догадался, — хмуро отозвался Пабло.

— А я вот до сегодняшнего дня не догадывалась, — сверкнула глазами Кристин. — Пока профессор Нарайан запись не показал. Он что, надеется запугать меня своими угрозами?

Теперь стало понятно, откуда взялась ее нынешняя решимость. Она ведь могла еще раньше последовать за отцом.

Без лишних разговоров Пабло подхватил невесомую сумку, собираясь выйти первым. Он вновь убедился, что коридор пуст, приоткрыл дверь… и в этот миг в ему лицо ударила струя какого-то вещества с резким и концентрированным эфирным запахом. Из замаскированного прохода в стене, точно материализовавшись из воздуха, появились четверо в арамидовых облегающих костюмах и масках. Оттолкнув обмякшего Пабло, они открыли дверь и вошли внутрь. Пабло не стал им мешать, продолжая как можно более натуралистично сползать по стене.

Между тем к телу уже почти вернулась подвижность, а к сознанию ясность. Сильфидское устройство помимо прочих полезных опций умело с помощью передаваемых в мозг импульсов сводить практически к нулю воздействие на организм ряда токсических веществ, включая любимые различного рода похитителями эфирные соединения. В том, что это похищение, Пабло не сомневался. Не стоило им сюда заходить, но без ингалятора и остальных лекарств Кристин внизу все равно бы не выжила. Услышав из комнаты сдавленный женский крик, Пабло вытащил из сумки бритву и молниеносно поднялся.

Маркус Левенталь, следуя обычаям, заведенным в незапамятные времена в Академии Звездного Флота Содружества, пользовался опасной бритвой, и сейчас это высококачественное лезвие в руках Пабло превратилось в клинок. Первый громила даже ничего не почувствовал. Пабло экономным, точным движением полоснул его по горлу, жалея, что бритву нельзя использовать как колющее оружие. Он, конечно, не любил нападать со спины, да и чужая кровь на руках и одежде всегда

вызывала в нем брезгливость, но в сложившейся ситуации другого выхода не видел.

Еще одного замешкавшегося он успел обезвредить ударом в сонную артерию, когда заметил нацеленное в голову дуло парализатора. Похитители подготовились основательно. Зря они с Бренданом показывали местной службе безопасности приемы флая. Впрочем, именно эти навыки сейчас и спасли Пабло жизнь. В доли секунды, которые требовались, чтобы нажать на спусковой крючок, он кинулся ничком на пол, почувствовав, как заряд опалил его волосы, и, перекувырнувшись, сбил стрелка с ног.

К тому времени, когда четвертый похититель, достаточно бесцеремонно сгрузив на пол безвольно обмякшую Кристин, пришел товарищу на помощь, Пабло, полоснув стрелка бритвой по запястью (сплав, из которого было сделано лезвие, оказался настолько прочным, что разрезал арамид), завладел парализатором. Первым выстрелом он отбросил нападавшего к бассейну, лишив его оружия. Потом сделал еще один выстрел в голову и повернулся к своему предыдущему противнику, который уже оправился от шока и пытался одновременно добраться до оружия и вызвать подкрепление. Выбирая порядок действий, он на секунду замешкался, поэтому Пабло успел его опередить.

Впрочем, расслабляться не стоило. Наверняка служба безопасности уже выслала группу поддержки. Камеры в комнате и в коридоре Пабло переключил на повтор старой картинки, еще когда они пришли сюда, чтобы забрать вещи, но этот проверенный трюк обычно помогал выиграть в лучшем случае минут десять. Впрочем, и они сейчас важны. В спешке, подобрав оружие и боеприпас, Пабло устремился к Кристин. Следовало как можно скорее привести ее в чувство. Лучше бы любимая все-таки объяснила ему дорогу. Но если бы он отправился один, ее бы точно уже доставили в личные апартаменты профессора Нарайана.

Кристин находилась почему-то в сознании, но дышала громко и часто, вернее, даже не дышала, а просто хрипела. Похоже, усыпляющее вещество и на нее подействовало не так, как рассчитывали похитители. Губы девушки приобрели синюшный оттенок, шея раздулась так, что это стало заметно даже под воротником, который она почти бессознательно пыталась сорвать. Пабло спешно сделал ей инъекцию, а потом поднес к судорожно открытому рту спасительный ингалятор. Через несколько секунд, в течение которых Пабло тоже, кажется, не дышал, лекарство подействовало, отек начал медленно спадать, зев приоткрылся, дыхание потихоньку приходило в норму. Пабло с трудом проглотил подкативший к горлу ком — ему показалось, он

глотает ежа, и забросил в мгновенно потяжелевшую сумку оружие с боеприпасом и памятную бритву.

— Ты помнишь дорогу до плантации? — едва шевеля бескровными губами, прохрипела Кристин.

Пабло облегченно чмокнул ее в щеку, подхватил на руки и со скоростью боевого андроида помчался по коридорам, распугивая случайных прохожих растрепанным видом и кровью на одежде.

Когда они петляли между огуречных шпалер и построенных террасами грядок с луком и шпинатом, за спиной послышался топот преследователей.

— Придется отстреливаться, — почти виновато пояснил Пабло, аккуратно укладывая Кристин на грядку под струю автоматического полива.

Он бы тоже не отказался ненадолго поменяться местами с укропом и кабачками, но времени не хватало даже на глоток воды.

— Здесь уже недалеко, — кивнула Кристин, с наслаждением подставляя несчастную шею под прохладные струи. — Только бы добраться до генераторов искусственного освещения.

Пабло опять успел выстрелить первым и использовал преимущество, не экономя боекомплект и стреляя с обеих рук, как его научил Слава Капеэсэс. Одного из нападавших подстрелила Кристин, которой, как и накануне, от воды стало лучше. К счастью, на этот раз обошлось без ближнего боя.

Понимая, что им надо не только уцелеть, но и оторваться от преследователей, оставив в тайне стратегически важный проход, Пабло не сразу отправился дальше, но, даже толком не отдышавшись после столкновения, вошел в систему и повторил трюк с записью, до бесконечности растягивая перестрелку и воспроизводя ее эпизоды в рандомном порядке. На всякий случай он перевел в такой же режим и остальные камеры в районе плантации. Сейчас Пабло особенно остро не хватало Брендана или кого-то из ребят. Обычно он сам брался за оружие лишь когда не требовалось управление системой или группа прорывалась с боем.

— Только бы нас не отсекли со стороны грибниц, — прошептала Кристин, пытаясь подняться и идти дальше сама.

Пабло ей этого, конечно, не позволил. Он, понятное дело, тоже уже вымотался, денек выдался слишком богатым на события, но во время последнего рывка следовало экономить не силы, а драгоценные мгновенья. Они благополучно добрались до генераторов. Кристин, с трудом удерживаясь на ногах, безошибочно нажала нужную панель, открывая, а затем запечатывая проход.

— Обычно запирающее устройство срабатывает автоматически секунд через десять после входа, поэтому отец далеко не всегда проявлял осторожность, — пояснила Кристин, сползая по стеночке на пол.

Пабло хотел ответить, что тогда понятно, куда и как исчез Брендан. Тем более Вундеркинд район плантаций изучил досконально. Однако вместо слов из пересохшего горла вырвался только удушающий кашель, в груди запекло, чего не случалось уже лет восемь, и Пабло тяжело опустился рядом с любимой, с удивлением обнаружив, что левый рукав форменной куртки стал горячим и мокрым от крови. Похоже в теплице в него уже стреляли боевыми. Хорошо хоть без скорчеров решили обойтись.

— Потерпи, я сейчас!

Умница Кристин, несмотря на собственное не самое лучшее состояние, достаточно быстро сориентировалась в ситуации, и объяснять ей ничего не пришлось. Пока Пабло боролся с резко подступившей дурнотой, она разрезала рукав, остановила кровь, обработала рану, а потом протянула бутылку воды: на дне спасительной сумки отыскалось все необходимое. Пабло сделал несколько глотков, а потом обтер мокрое и липкое от пота лицо. Хотелось закрыть глаза и заснуть прямо здесь, свернувшись калачиком и прижимая к себе Кристин. Но он понимал, что на отдых они пока не имеют права. Впереди ждал долгий и непростой путь.

Глава 14. Вертоград Рукодельницы

Уровень, на который Брендан спустился вслед за отважной матерью маленького Камо, вплотную примыкал к горно-обогатительному комбинату и выглядел настолько темным и сырым, что больше напоминал заброшенный ангар орбитального порта, чем обиталище людей. Обшивка стен давно не обновлялась. Вездесущая влага беспрепятственно находила себе дорогу, истекая кровавыми слезами ржавчины, оставляя на обшарпанных панелях напоминающие сеточку капиляров известковые разводы. Хорошо хоть радиационный фон не превышал городскую норму, в разы завышенную и априори ложную. При этом тут почти не встречалось мусорных куч, да и жители одевались без претензий на дешевую экстравагантность, но куда более достойно и опрятно, чем их ближайшие соседи сверху.

В узких полутемных коридорах толпился народ. Наступило время обеденного перерыва, а столовую комбината, как Брендан понял из разговоров горожан, пару месяцев назад закрыли из-за высоких цен и некачественной еды. Поэтому рабочие в большинстве своем обедали дома. Судя по приветственным репликам и возгласам сочувствия, маленького Камо и его мать здесь не только хорошо знали, но и не собирались травить. Хотя среди обитателей уровня мутантов хватало.

— Ну что, Эйо, отстояла своего постреленка? — переживала усталая прачка с раздавленными работой руками и изуродованным химическими ожогами лицом. — Скажи ему, чтобы в следующий раз был осторожнее. Где это видано — маленькому ребенку по всяким злачным местам таскаться?

— А как там Ндиди? — интересовался пожилой рудокоп, чью согбенную спину отягощал водонагревательный прибор, который старик с явной гордостью нес в свою каморку. — По-прежнему корячится на эту скотину Хайнца и на потеху маргиналов выставляется мальчиком для битья? Ты ему скажи, что, если он надумает вернуться, я за него мастеру словечко замолвлю.

— Спасибо, дядюшка Хенк, — благодарила старика Эйо. — Мы всегда помним вашу доброту. Ндиди готов спуститься в забой хоть сегодня. Нам бы только долги родительские отдать.

— Долги-долги! — вздохнул старик. — Говорил я Кирабо, что зря он с Хайнцем связался. Себя и семью попусту загнал в кабалу.

— Соседка, голубушка, а ты тот палантин с магнолиями еще не продала? — стрекотала фатоватая молодка, ловко передвигающая в этой кутерьме коляску, в которой мирно спали

годовалые двойнята.

К тенту и ручке крепилась плетеная из проволоки корзинка, доверху полная ароматно пахнущими пирожками. Стоит ли говорить, что выпечку разбирали с молниеносной быстротой. Хотя даже на верхних уровнях муку делали преимущественно из водорослей с небольшим добавлением бобовых и кукурузы, местные умельцы давно нашли рецепты приготовления не только питательных, но и вкусных блюд. Желудок Брендана, от дивного запаха изошедший всеми соками и закрутившийся узлом, красноречиво это подтверждал.

— Как можно, Гаэтана! — приветливо улыбнулась Эйо. — Конечно, я помню наш уговор. Забирай магнолии хоть сегодня. Я их даже старому Гарму не показывала.

— И зачем ты только с этим кровопийцей связалась? — исподлобья глянул суровый молодой горняк со сломанным в нескольких местах крючковатым носом. — Он же тебя обирает! Ты вполне могла бы такую красоту и сама продавать.

— На верхних уровнях свои порядки, — вздохнула Эйо, под «верхними», вероятно, имея в виду трущобы маргиналов, из которых им пришлось в спешке убраться.

— Да что ты, Мубарек, ей, бедняжке, опять мозги выносишь про этого ублюдка Гарма? — повиснув на шее у рудокопа, прижалась к нему молодая жена, которая явно собиралась использовать перерыв мужа не только для обеда. — Не видишь, Рукодельница сегодня не одна, никак кавалера себе наконец нашла.

— Так это ж тот тип, которого я принял за сотрудника опеки! — всполошился однорукий и рябой разносчик пиццы.

— Ну, ты дурачина, Тавиньо! — усмехнулся его коллега, где-то потерявший глаз. — Стал бы чистоплюй из опеки от своры Раптора нашего непоседу защищать! Я и сам хотел вмешаться, да тут охотники всех разогнали.

Хотя Брендан видел окружающих его людей впервые, его не покидало стойкое ощущение, что он снова очутился в родном Кимберли и, встречая со смены отца, передает приветы и обменивается последними новостями с его коллегами: проходчиками, операторами комбайнов и наладчиками автоматизированных линий на алмазных шахтах, составлявших основу экономики Сербелианы. Благополучие города под куполом тоже зиждилось на нелегком шахтерском труде, и Брендан видел черную неблагодарность преступного руководства в том, что люди, производящие энергию, не только не имеют доступ в зимние сады, библиотеки и поликлиники, но вынуждены жить в холодной духоте и постоянной сырости. В коридорах стоял такой

колотун, что не только рудокопы, но и их жены ходили в термобелье и нескольких свитерах, а многие ребятишки, да и их родители хлюпали носами от застарелой простуды.

И все же этими людьми Брендан любовался. Восхищался тихим мужеством, с которым они переносили невзгоды, и волей, с которой боролись за жизнь, не оставляя места праздности и унынию. Здесь никто никого не эпатировал, ставя себе в заслугу дешевую экстравагантность. Никто ни на кого не огрызался, пытаясь урвать более жирный кусок. Здесь не ждали подачек, а потом и кровью зарабатывали на жизнь. Здесь даже увечья и застарелая усталость имели другой оттенок. И это не говоря о том, что в толпе хватало молодых и красивых лиц.

Впрочем, самой привлекательной все равно оставалась Эйо. Не просто так этот Раптор и его гнусные дружки пускали слюни, пеняя на ее слишком несговорчивый нрав. Брендан и сам видел, что молодая женщина не просто красива. Легкость походки, вкрадчивая кошачья грация и гибкость делали ее более манящей и желанной, чем Лакшми, Манана и Грейс вместе взятые. При этом на ее облике лежала печать какой-то отстраненной обреченности и настороженности, делавшая ее бесконечно далекой и недоступной.

Хотя поначалу Брендан принял Эйо за ровесницу Пабло или даже Командора: в Содружестве нечасто заводили детей до двадцати пяти-тридцати, сейчас он явственно видел, что молодая женщина вряд ли старше него самого. Кожа цвета молочного шоколада отличалась свежестью. В роскошной копне туго завитых кудрей не пряталась седина. Вишнево-коричневые губы, румяные щеки и разные соблазнительные выпуклости, которые не мог скрыть свитер, связанный из перьев кутулуха, выглядели ладно и упруго, а точеные руки и стройные ноги еще не превратились в опутанные веревками вен уродливые палки. И это при том, что о дорогостоящих процедурах омоложения здесь речи идти не могло.

Впрочем, о тяжелом труде Эйо знала не понаслышке, и, говоря про грязные порты, маргиналы не клеветали. Небольшая и явно переоборудованная из какого-то технического помещения комната, в которую молодая женщина привела Брендана, оказалась завалена пакетами со свежевыстиранным бельем.

Убогую обстановку украшали сшитые из разноцветных лоскутков и сплетенные из водорослей и обрывков изоляции пестрые ковры и панно, вязаные и валяные накидки и кардиганы, выполненные в разнообразной технике картины и рисунки.

Хотя Брендан не очень разбирался в современном искусстве, он мог с уверенностью сказать, что живописные полотна и

поделки могли бы украсить не только скромное жилище отрезанного от мира колониста, но и стать частью коллекции художественной галереи в любом из миров Содружества. Несколько панно и картин он явно видел в домах знакомых из научного отдела. В лоскутных палантинах с перьями красовались ночные бабочки на уровне мутантов. Да и изысканное боа с объемными орхидеями, которое он в прошлом месяце подарил на день рождения Лакшми, попало в модную лавочку отнюдь не с круизного звездолета, как утверждал продавец. Ибо двойник нарядной безделушки в составных частях дожидался нового клиента на столе Рукодельницы.

— Это все мамина работа, — перехватив восхищенный взгляд Брендана, похвастался Камо. — Мама в художественной школе при Академии живописи училась.

— Только все это было очень-очень давно, — тряхнув черными пушистыми кудрями, вздохнула Эйо, ловко и явно привычно обрабатывая ссадины мальчугана и пытаясь попутно его отмыть и переодеть.

Брендан собирался предложить свою помощь в лечении, но молодая женщина отказалась, сказав, что хочет сначала убедиться в отсутствии внутренних повреждений. У какого-то Йохана Далена в кабинете стоял анализатор, и Брендан согласился, что магниторезонансное обследование и рентген малышу не повредят. Умывшись и немного приведя одежду в порядок, он присел на ближайший топчан, слегка потеснив пакеты с бельем, и продолжил рассматривать ковры и картины.

Хотя тематика полотен отличалась разнообразием, от Брендана не укрылось, что среди них чаще всего повторяются пейзажи Сербелианы. А поделки вдохновлены красотами пышной тропической природы благодатной планеты, которую с легкой руки какого-то высокопарного поэта уже не первый год называли вертоградом Содружества.

Вдохновение усердной художницы превращало промозглую комнатенку в пышный сад, согреваемый влажным дыханием тропического океана. Переплетение пересекавших тесное помещение труб представало подпорками для отягощенных спелыми гроздьями виноградных лоз или стволами пальм, за которые цеплялись орхидеи, клематисы и глицинии. Убогие топчаны прятались в зарослях олеандров, магнолий и роз. На холстах и рисунках корчили умилительные рожи мартышки, надували алый зоб фрегаты, чистили золотистые клювы туканы, поджидали в засаде оцелоты и пантеры.

То-то выговор Эйо и ее маленького сына показался Брендану знакомым. Хотя планета была терраформирована и заселена

сравнительно недавно, сербелианский диалект межъязыка отличался не только произношением, но и некоторыми специфическими словечками. А в других мирах Содружества иногда шутили о смуглых излишне горячих сербелианцах, сравнивая их нрав со знаменитым на всю галактику игристым вином.

Эйо не стала таиться:

— Наш с Ндиди отец работал проходчиком на шахте «Альдебаран», — вздохнула она, и ее красивое лицо помрачнело.

— Вашему отцу еще повезло, — отозвался Брендан, чувствуя, как от неприятных воспоминаний щеки начинают пылать от еле сдерживаемого гнева, а на скулах ходят желваки. — Моего держали пленником на «Альтаире».

Хотя прошло уже десять лет, но события тех страшных дней отпечатались в памяти слишком четко. Если бы вспышка синдрома Усольцева в Мурасе не начала выходить из-под контроля, правительство так и не обратилось бы за помощью в Совет Содружества, мир бы не узнал о злоупотреблениях «Кимберли Инкорпорейтед», а сотни узников так бы и окончили дни, принося прибыль корпорации на нелегальной алмазной выработке, отрезанные от мира. В городе под куполом тоже творилось что-то неладное, но только на помощь извне рассчитывать не приходилось.

Вот ведь ирония судьбы. Похоже, они с Эйо большую часть жизни прожили в одном и том же рабочем пригороде Кимберли, возможно, даже на соседних улицах, не подозревая о существовании друг друга.

— В Кимберли в те годы происходило много нехороших вещей, а Мурас и просто сделался рассадником криминала и порока, почти как те уровни, с которых нам с вами так спешно пришлось уйти, — отозвалась Эйо, убирая подальше холст, изображающий окрестности превратившейся в озеро шахты «Альтаир».

— Это ведь в Мурасе на тебя, мама, напали, а потом родился я? — решил уточнить Камо, безуспешно пытающийся найти у новой рубашки рукав.

Брендан хотел мальчугану помочь, но Эйо его достаточно резко отстранила.

— Извините, я должна показать Камо врачу, — неожиданно сухо и холодно проговорила она, тщетно пытаясь скрыть смятение и застарелую боль, придававшие ее красивому, точеному лицу сходство с архаичной скульптурой.

Накинув связанный из разноцветных лоскутков палантин с олеандрами, она заметалась по комнате, доставая из

немудрящего тайника замусоленные карточки окраинных миров, которые в этой части города, похоже, использовались для наличных расчетов.

Брендан уже видел такие в кафе, куда его не пустили, и в нескольких лавчонках.

— Мама, зачем ты берешь отсюда? — укоризненно глянул на тощий кошелек малыш Камо. — Вы же с дядей приготовили это, чтобы наконец отдать Хайнцу долг.

— В следующем месяце отдадим, — отозвалась Эйо, совсем погрустнев.

— Вы всегда так говорите, — вздохнул Камо. — Только в следующем месяце сумма увеличивается.

Брендан с досадой подумал о своей кредитке, которой он с самого утра так и не сумел воспользоваться. Он точно не знал, насколько велик долг, но, видя скудные сбережения молодой семьи, понимал, что заработанных им средств вполне могло бы хватить. С другой стороны, так ли разумно наводить охотников на след? Да и как уговорить Эйо принять помощь?

Даже сейчас, когда Брендан без лишних разговоров снова взял малыша на руки, она попыталась протестовать:

— Не стоит так себя утруждать! Мы, пожалуй, дождемся брата.

— Чем скорее Камо получит квалифицированную помощь, тем лучше! — авторитетно заявил Брендан, шагнув за дверь.

Впрочем, насчет квалификации врача ему пришлось усомниться еще до того, как подошла очередь маленького пациента. Из-за царившей на уровне тесноты, чтобы не толпиться в коридоре, больные ожидали приема прямо в кабинете за ширмой. Поэтому Брендан видел не только показания приборов, но и назначения терапевта.

Кабинет был оборудован громоздким анализатором, снятым с корабля, который нашел последнее пристанище в треугольнике Эхо не менее пары десятилетий назад. Брендан встречал такие модели в первые годы своей практики в Мурасе, и знал, что в отличие от усовершенствованных разработок последних лет точность в постановке диагноза и правильность лечения тут во многом зависела от врача.

Хотя ведущий прием рыжий детина с кустарным протезом вместо правой ноги, тот самый Йохан Дален, честно рассматривал снимки и данные экспресс-лаборатории, выводы относительно состояния здоровья пациентов он делал чаще всего ошибочные, да и лекарства назначал скорее по наитию, долго выбирая из скудного списка. Когда при аутоиммунном тиреоидите он прописал пациентке категорически

противопоказанный при этом заболевании щитовидной железы йод, Брендан не выдержал.

— А вам не кажется, коллега, что при таких показателях тиреотропного гормона наибольшую эффективность окажет применение тироксина, — осторожно и предельно вежливо заметил он, стараясь, чтобы его слова не прозвучали насмешкой.

К счастью, Йохан Дален не послал его сразу. Какое-то время он озабоченно моргал и подслеповато щурился, глядя в справочник и потирая обрубок ноги над протезом. Потом, принимая игру, хлопнул себя по лбу и, просияв, воскликнул:

— В самом деле, как я мог ошибиться. Видно, не сразу разглядел данные анализа.

Остальных пациентов, включая Камо, Брендан принимал фактически сам. Рыжий самозванец только ловко ему подыгрывал. Не без удовлетворения отметив, что диагноз Камо изначально был поставлен правильно, и получив для малыша все необходимые в таком случае препараты, Брендан раздумывал, как бы повернуть дело так, чтобы самому заплатить за лечение. Хотя до сегодняшнего дня он не знал о существовании мальчугана, он чувствовал за него ответственность. Однако Йохан просто отказался брать с Эйо плату за процедуры и лекарства.

— Как можно! — запротестовал он. — Семья лучшего на уровне бойца имеет право на льготы! Пусть только Хайнц попробует мне что-то сказать! Я его самого засуну в анализатор и сделаю трепанацию черепа без наркоза! И не забудь передать Ндиди, что я на него поставил и приду вечером болеть!

Пока окончательно смутившаяся Эйо одевала сына, уставшего от долгого ожидания и анализов, Йохан Дален объявил перерыв и увлек Брендана за ширму.

— Ты что, парень, реально врач?

— Вообще-то моя основная специальность — молекулярная биология, — начал Брендан.

— В бездну твою биологию! — прервал его Йохан, запуская пальцы в и без того всклокоченную копну, напоминающую взрыв на морковной грядке. — Ты операции делать умеешь?

— Смотря какие, — пожал плечами Брендан. — Если на атомарном уровне, то не стану даже браться.

— Какой к пульсару атомарный уровень?!

Йохан оттеснил его к стеллажам, заваленным какими-то сомнительного вида препаратами.

— Здесь от аппендицита ежегодно умирает несколько сотен человек, не говоря уже об опухолях, а все врачи наверху, и до них не достучишься. Вернее, чисто теоретически существует какая-то квота, но пока ее дождешься, десять раз уже станешь кормовой

базой для медуз и червяков. Даже старожилам не хватает. Эти мутанты, конечно, там совсем долбанулись со своей уникальностью и ненавидят «уродов», но, когда припекает, тоже к дядюшке Йохану ползут. Вроде я для них почти свой: одноногий и рыжий.

— Но почему ты не оперируешь? — не понял Брендан.

— А я, думаешь, умею?

Дален в досаде махнул рукой.

— Я вообще-то пилот грузового звездолёта, — признался он неохотно. — Понятное дело, в академии курс первой помощи проходил. Могу поверхностную рану заживить, обезболивающее вколоть, зуб выдрать, даже роды принять. Но в кишках, печенках, селезенках копаться, тут все-таки специальная подготовка нужна!

— Да как же ты за лечение вообще взялся? Да это ж то же самое, что мне кораблем управлять.

Брендана от безумия ситуации начинало трясти.

— А больше все равно некому, — пожал плечами Дален. — Квалифицированных врачей и наверху не хватает, а тут просто полный абзац! Хайнц притаранил эту бандуру, таксу свою назвал, пилюли откуда-то добывает, но этого мало. Так что же, нужна тебе здесь работа? Или ты, может быть, просто поглазеть на «уродов» пришел?

Хотя Брендан с самого начала втайне надеялся, что на нижних уровнях не пропадет и найдет заработок, способный прокормить, он представить себе не мог, что это произойдет настолько быстро.

— Погоди, приятель.

Брендан даже помотал головой, пытаясь убедить себя, что все происходящее с ним не сон.

— Я здесь первый день и для начала хотел бы все-таки найти место, где можно поесть и переночевать.

— Так за чем дело стало? — не понял проблемы Дален. — Эйо, детка, — по-приятельски окликнул он недавнюю пациентку, которая уговаривала засыпающего на ходу Камо потерпеть хотя бы до дома.

К этому времени остальные больные начали уже роптать, но рыжий плут, нарочито давя авторитетом, заверил, что прием скоро продолжится.

— У вас же с Ндиди все равно в комнате остался один свободный топчан? Возьми парня на постой, пока банда Железноглазого его не перехватила.

— Это может решить только брат, — почему-то залилась краской Эйо, избегая смотреть в сторону Брендана.

— Да ладно тебе, Рукодельница! — покровительственно

хлопнул ее по плечу Йохан Дален. — Можно подумать, я вам не платежеспособного квартиранта, а обдолбанного нарика с отсосной шмарой подогнал. Одними ковриками да постирушками долг не отработать. Уж лучше дельного человека потерпеть пару месяцев, пока не обвыкнется, чем перед мутантами апсарские танцы плясать. Ндиди у тебя, конечно, чемпион, но судьба бойца переменчива. В прошлый раз я его по кусочкам собрал, а если снова не получится?

— Мой дядя самый сильный и ловкий! — мигом забыв про сон, встрепенулся Камо.

— Да я разве сомневаюсь, — улыбнулся Дален. — Эй, Тавиньо, — поймал он однорукого разносчика пиццы, за какой-то надобностью ошивавшегося возле кабинета. — Дуй во все лопатки к Хайнцу и скажи, что не надо никого подыскивать. У нас на уровне теперь будет свой настоящий врач.

— Я еще не дал своего согласия, — попытался протестовать Брендан, поднимая на руки Камо и собираясь уходить.

— А клятву Гиппократа ты давал? — строго глянул на него из-под белесых бровей Дален.

— Эй, Йохан, — бочком, по-крабьи подобрался к рыжему вершителю судеб однорукий Тавиньо. — Ты это, не включай раньше времени форсаж. Этого ферта залетного, — он указал единственной рукой на Брендана, — служба безопасности разыскивала. Я, понятное дело, промолчал, но только захочет ли Хайнц связываться с охотниками и их начальством?

— Если ты донесешь до Хайнца, что это не просто залетный ферт, а врач с дипломом, то захочет. Он не хуже меня знает, что в городе того и гляди начнется заварушка. Один из охотников проговорился, что где-то на пустоши стоит корабль, готовый к вылету, и толстосумы с верхних уровней теперь дерутся за места в амортизаторах. Ну, а лес рубят, как ты знаешь, щепки летят. Хайнц может сколько угодно кормить мутантов дурью и дешевыми зрелищами, но здесь-то еще не у всех мозги вытекли.

— Ты правда, Дален, веришь, что им удастся преодолеть притяжение черной звезды?

На рябом лице разносчика появилось выражение почти детской надежды.

— А нам какое дело, дурачина! — скептически хмыкнул Дален. — Даже если эти толстосумы выберутся из системы и донесут до Совета Галактики, что тут целый город загибается и гуманитарной помощи ждет, не думаю, что кто-то по доброй воле повторит такой трюк и нырнет безо всяких гарантий со спасательной миссией в треугольник. Нам и своих дармоедов девать некуда. Ну что, приятель? Я могу на тебя рассчитывать? —

повернулся Дален к Брендану, когда разносчик и курьер все так же кособоко, но достаточно шустро устремился куда-то вглубь коридоров. — Мне дела нет, зачем тебя искали безопасники, но, если хочешь избежать лишних проблем, мой совет — прими покровительство Хайнца.

* * *

У входа в жилой отсек Эйо и ее мальчика ждал крепкий, хорошо сложенный парень с кожей цвета бронзы и приятным открытым лицом. Один из тех ребят, которых в других мирах безошибочно определяли как коренных сербелианцев.

— Что с Камо? — встревоженно подался он вперед, глядя на малыша, который на обратном пути так и заснул на руках у Брендана.

Обезболивающие и противовоспалительные из аптечки рыжего самозванца начали свое благотворное действие. Отек на голени заметно спал, мелкие ссадины и порезы почти затянулись. Теперь малышу требовался только отдых.

— Все в порядке, Ндиди, — облегченно улыбнулась Эйо, открывая дверь их каморки. — Только обедать в ближайшие пару недель тебе придется дома.

— Мне сказали, что на малыша напали молодчики Раптора, и что их разогнал какой-то неизвестный с глефой.

— Вот болтуны! — не сдержался и фыркнул Брендан. — Кто там такой фантазер, что принял за глефу кусок ржавой арматуры?

Он открытой улыбкой встретил напряженный, изучающий взгляд главы семейства, потом шагнул внутрь, чтобы осторожно положить спящего Камо на заранее разобранную постель. Малыш даже не проснулся. Эйо уже суетилась, разбирая один из топчанов, заваленный пакетами белья, подрамниками и незаконченными коврами.

— Это Брендан. Он какое-то время поживет у нас, — пояснила она.

Ее слова прозвучали настолько просто и безыскусно, но вместе с тем решительно, что Брендан невольно смутился.

— А может быть, это все-таки не самая лучшая идея? — пробормотал он. — Мне, право, неловко доставлять вам столько неудобств.

— Какие неудобства? — неожиданно горячо поддержал сестру Ндиди. — Это вы нас извините, что не можем предоставить ничего лучшего. После смерти отца к нам уже несколько раз пытались подселить каких-то забулдыг. А вы все-таки врач и к

тому же земляк.

— Вы нас даже обяжете, если поможете отработать долг Хайнцу, — кивнула Эйо, закончив с постелью и теперь накрывая на стол.

Хотя время обеда уже миновало, она не собиралась оставлять свою семью и квартиранта голодными. Пускай даже блюда, которые Камо нес своему дяде, бесславно пропали. По дороге домой Рукодельница отдала Гаэтане палантин с магнолиями и взяла в счет оплаты пару десятков пирожков с пылу с жару. Стоит ли говорить, что остыть им никто не позволил. Даже Камо проснулся, и его хороший аппетит явственно показывал, что восстановление после недавней переделки идет без осложнений.

Брендан тоже отдал должное местной стряпне, чувствуя, как вместе с насыщением по телу разливается приятная истома, глаза начинают слипаться, напоминая о бессонной ночи. Картины и панно завораживали не хуже бубна кудесника, навевая дивные грезы о родной Сербелиане.

Но все же сон пришлось отложить на потом. Следовало немного разобраться в правилах, по которым в ближайшее время предстояло жить. Хотя, самовольно оказавшись на нижних уровнях, Брендан поставил себя фактически вне закона, перспектива увязнуть в сетях местного криминального бизнеса его не радовала. Кроме того, он все еще надеялся разыскать Леву Деева и других членов экипажа. Хотя, как он уже понял, в этом человеческом муравейнике это сделать будет не так-то просто.

— Кто такой Хайнц? — воспользовавшись тем, что брат с сестрой вновь вернулись к разговору о долге, задал Брендан давно интересовавший его вопрос.

— В двух словах не объяснишь, — ухмыльнулся Ндиди. — Все зависит от того, что именно ты хочешь узнать. Официально Дитрих Хайнц считается владельцем спортивного клуба «Аккретор», но на самом деле сфера его интересов гораздо шире. Если коротко — это человек, который умеет делать деньги и вести дела.

— У него обширные связи наверху, — вступила в беседу Эйо. — Поэтому он выступает посредником в разного рода сделках в обход официальных властей и занимается снабжением нашего уровня всем необходимым. Без него пришлось бы совсем туго. Здесь даже грибы и водоросли растут с большой неохотой, а поставки сверху настолько ничтожны, что едва хватает рабочим с рудника.

— Температура тут и в самом деле слишком уж бодрящая, — зябко повел плечами Брендан, форменный комбинезон которого предназначался для более комфортных условий.

Эйо заботливо протянула ему почти новый толстый свитер, наподобие того, который носил ее брат.

— Помимо продуктов Хайнц снабжает жителей уровня медикаментами и запчастями, приторговывает оружием и запрещенными зельями, — продолжал Ндиди.

— А также ссужает всех нуждающихся деньгами под небольшие на первый взгляд проценты, — догадался Брендан.

— Наш отец взял у него кредит, чтобы расширить ремонтную мастерскую, — едва ли не виновато пояснила Эйо.

— Но не учел особенностей ведения бизнеса с мутантами, — помрачнев, добавил Ндиди.

— И теперь вам приходится выплачивать его долги, — невольно скривился Брендан, вспоминая схожие обстоятельства, которые привели его собственного отца на шахту «Альтаир».

— Но у нас по крайней мере есть работа, — едва ли не с гордостью пояснил Ндиди.

Впрочем, он тут же признался, что ему приходится трудиться в отцовской мастерской уже простым механиком по найму, а Эйо вынуждена выполнять тяжелую работу прачки. Не только дроны, но и стиральные машины-автоматы на нижних уровнях почти не встречались.

— А что же картины и все эти красивые вещи? — осторожно поинтересовался Брендан, указывая на холсты, палантины и панно. — Наверху ручная работа такого высокого уровня ценится не меньше диковинок с кораблей.

— Но у нас же нет пропуска наверх, — вздохнула Эйо. — Да и мутанты с «уродами» брезгуют иметь дело. А у наших соседей нет денег. Да и картины им просто некуда вешать.

— Гарм с подачи Хайнца еще нормальную цену дает, — пояснил Ндиди. — Его предшественники из банды Железноглазого нас просто обирали.

— А что же городские власти? — Брендан невольно повысил голос, но спохватился, глянув на спящего мальчика.

К счастью, Камо даже не проснулся.

— С ними вообще лучше дела не иметь, — покачал головой Ндиди.

— У нас же Камо, — с бесконечной нежностью в голосе пояснила Эйо. — И по показателям здоровья его могут забрать наверх. А я этого не переживу. Возможно, в приюте условия жизни и лучше, но там воспитанникам так промывают мозги, что они родителей либо совсем забывают, либо проникаются к ним презрением. К тому же я не хочу, чтобы над моим сыном ставили эксперименты, испытывая новые препараты и добавки. Гаэтана вон старшего не смогла отстоять, и теперь он вернулся к матери

калекой. Там это называется естественный отбор.

Брендан со смешанным чувством ностальгии и стыда представил светлые помещения лабораторий, просторный пищеблок, спортзал с бассейном. Спору нет, маленькому мальчику в этом рукотворном раю было бы комфортнее. Однако потом в памяти возникли молодые коллеги, родившиеся в городе под куполом. Пожалуй, только Кристин и еще несколько человек оставались адекватными людьми. Выпускники интерната и приюта — сироты при живых родителях — обычно демонстрировали не только полную оторванность от жизни, но и потрясающий снобизм, наивно полагая, что все обитатели нижних уровней — лузеры и аутсайдеры. Да и по поводу лекарств и добавок возразить не получалось. Брендан лучше своих собеседников знал, что часть разработок фармакологов и генетиков проводились под грифом «секретно», и в какой форме проходило тестирование, знали только руководители проектов.

Вот только и внизу Камо не ожидало ничего радужного. Хотя рабочий день уже закончился, а за дверями комнаты гомонили рудокопы, возвращающиеся со смены, Ндиди куда-то собирался, попутно разминая мышцы и делая упражнения на растяжку, насколько это получалось в такой тесноте. Когда он начал бинтовать эластиком запястья и голени, Брендан вспомнил разговоры Йохана про лучшего бойца и замечание сурового рудокопа про мальчика для битья. Закабаливший семью Хайнц владел спортивным клубом «Аккретор», и что-то подсказывало, что в стенах этого заведения занимаются не шахматами и не гольфом.

— Ты же обещал в прошлом месяце, что это будет последний поединок, — заламывала руки Эйо, с явной тревогой глядя на сборы брата.

— Огарок упал слишком рано, сколько я его ни вытягивал, — вздохнул Ндиди. — А мутанты не любят, когда «уроды» держат верх.

Он уже собирался уходить, но тут в каморку постучался однорукий Тавиньо, который разносил не только пиццу, но и новости. Похоже, теневой король Хайнц не доверял внутренней сети.

— Отбой, Ндиди! — сообщил он вместо приветствия. — Поединок отменяется. У охотников какая-то заварушка на пустоши. Мобилизовали всех. А мутантов против тебя Хайнц выставлять больше не желает. Поддавки — не твоя стезя.

Пока явно расстроенный Ндиди осмысливал информацию и подсчитывал возраставшие с каждым днем проценты, однорукий Меркурий повернулся к Брендану:

— Хайнц сказал, можешь приступать хоть завтра. Операционную оборудуем в ближайшие дни. Неделю отработаешь в счет аренды, а потом зайдешь в контору, оформите договор.

Засыпая на новом месте, Брендан думал о том, что прием больных в трущобах, пожалуй, станет даже меньшей сделкой с совестью, нежели работа в лаборатории научного отдела. Впрочем, сейчас бы он согласился даже участвовать в контрабанде наркотиков или каких-то еще более противозаконных делах, если бы это помогло освободить из кабалы семью Эйо и облегчило участь оказавшихся в двойной западне рабочих с рудника.

Глава 15. Сердце города

— Кристин, осторожно. Здесь пол какой-то неровный и стены, кажется, шатаются.

— Нет, милый, с полом все нормально. Это мы с тобой шатаемся, точно пара забулдыг с уровня мутантов. Ты потерял слишком много крови, а альбумин я не взяла, да и прямое переливание сделать сейчас не могу.

Пабло хотел было возмутиться по поводу прямого переливания. Ишь, чего удумала. Сама едва дышит. А шатается он вовсе не от кровопотери. Хотя, конечно, и от нее тоже. Просто сильфидский микрокомпьютер, работающий и так на пределе возможностей, выкачивает из организма последние ресурсы для охлаждения процессора.

Пабло вдохнул поглубже, сдерживая стон. Голова гудела, как трансформатор, а затылок горел так, словно там набухала гигантских размеров гематома. Перед глазами плыли разноцветные круги и существующие лишь в воображении вирт-окна. Но тут узкий технический коридор, в надежности которого он только что усомнился, оборвался вентиляционной шахтой, и Пабло пришлось собрать последние остатки сил. Бесславно закончить жизнь, свернув себе шею, он сейчас просто не имел права. Да и о Кристин следовало позаботиться. Она и так почти всю дорогу по тайным переходам шла сама, только иногда прикладывая ко рту ингалятор.

— Ты уверена, что это была хорошая идея? — с тревогой глянул на любимую Пабло, когда они, преодолев спуск, остановились, чтобы перевести дух.

Хорошо, что дорога шла почти все время вниз. Подъем, как тогда на Ванкувере, он бы сейчас без посторонней помощи опять не преодолел. А ведь ему еще приходилось страховать Кристин.

— А у меня был выход? — нахмурилась она, меняя повязку-гидролизатор и пытаясь выровнять дыхание. — К тому же, этот побег мы с отцом планировали достаточно давно. Я потихоньку передавала ему вниз запасы лекарств, он подготовил надежное убежище. Я хотела бежать еще три месяца назад, но тут появился ты…

Хотя поцелуй продолжался недолго (у обоих просто не хватило дыхания) и отдавал лекарствами, потом и кровью, он показался Пабло куда более сладким и реальным, нежели десятки мимолетных объятий и случайных встреч в интерьерах красивых отелей и дорогих вилл. Вот только время, отпущенное им на счастье, отсчитывал не песок в часах, а неумолимый сильфидский

процессор, по капле выпивавший его кровь.

Когда десятый или сотый коридор (Кристин еще каким-то образом ухитрялась их считать) закончился тайным проходом, в пролете которого маячили четыре размытые, плечистые фигуры, Пабло рефлекторно схватился за скорчер. С такого расстояния он бы не промахнулся даже вслепую. Однако Кристин порывисто шагнула вперед:

— Отец!

В остальных троих Пабло, не без труда сфокусировав зрение, опознал Леву Деева, Гу Синя и Ящера.

— Кристин, девочка моя, живая! Ну наконец-то! — не обращая внимания на запачканную землей и кровью одежду, заключил дочь в объятья Маркус Левенталь.

— Папа! Нарайан хочет присвоить твои чертежи и взорвать генераторы воздуха! — еле переводя дыхание, всхлипнула Кристин.

— Я всегда считал этого самозваного принца опасным сумасшедшим, но в этот раз он зашел слишком далеко, — чмокнул «свою девочку» в макушку Левенталь, с завидной для своего возраста легкостью подняв ее на руки и унося куда-то вглубь коридоров.

— Ну вы и навели шороха, — крепко пожал здоровую руку Пабло Супер-Лев, приглашая следовать за конструктором.

— Все охотники на ушах стоят, — пояснил Гу Синь, принимая сумку и с уважением глядя на трофейные парализаторы и окровавленное лезвие.

— Будут знать героев Ванкувера и Васуки! — расплылся в жутковатой улыбке Ящер, порывисто заключив Пабло в объятья.

Старый боевой товарищ и в прежние годы увлекался имплантами, а теперь и вовсе добился полного сходства с паразауролофом или какой-то другой рогатой рептилией. Его татуированную под чешую макушку украшал острый гребень и корона маленьких рожек. На щеках топорщились грозные бивни, которые сейчас нещадно впились в ноющую, пульсирующую болью рану.

Пабло не сдержал стон.

— Тихо ты, динозавр! Задавишь! — усовестил Ящера Лев Деев. — Человек, между прочим, к нам с боем прорывался!

Пабло очень хотелось высказать друзьям, до какой степени он рад их видеть, но сил оставалось лишь на то, чтобы вяло передвигать ноги и со свистом хватать воздух.

Миновав еще один скрытый под обшивкой системы жизнеобеспечения коридор, они оказались в тесном помещении, напоминающем одновременно ремонтную мастерскую и кабинет

средневекового алхимика. Уходящие на несколько уровней вверх стеллажи заполняли носители информации всех известных в галактике систем, включая печатные книги и напоминающие древние палимпсесты рулоны чертежей. На полках нижнего яруса располагались сменные блоки всевозможных агрегатов и частично готовые устройства, о назначении которых приходилось только гадать.

При этом вирт-окна нескольких мощных компьютеров отображали не только модели ракетных двигателей и систем энергообеспечения, но и картинку с камер наблюдения всего города, включая установленные на руднике и на внешнем контуре купола. Да и санузел, несмотря на тесноту, оказался оборудован не только душевой кабиной, но и ванной, которая стояла сейчас наполненной, дожидаясь русалку, заплутавшую в ветвях Мирового древа городских коммуникаций.

Впрочем, прежде чем погрузиться в более комфортную для нее среду, Кристин настояла, чтобы Пабло первым привел себя в порядок, принесла откуда-то необходимые ему альбумин и изотонический раствор, а потом еще раз тщательно обработала и зашила рану. Маркус Левенталь терпеливо за ней наблюдал, разглядывая трофеи.

— А я думал, в разведке учат добывать информацию тихо и, не привлекая внимания, уходить, — выразительно стирая с лезвия бритвы кровь, вполголоса заметил он, когда Кристин, закончив свои манипуляции, наконец ушла в ванную. — Я не испытываю симпатии к охотникам, но что они такого сделали, что пришлось одному из них перерезать горло?

Пабло не стал вдаваться в объяснения, а просто воспроизвел запись неудавшегося похищения, которую на всякий случай скинул на микрокомпьютер вместе с остальной информацией.

Белесые брови Левы поползли на лоб, узкие маслянистые глаза Гу Синя расширились. Левенталь убедился, что Кристин его не слышит, и крепко выругался.

— Значит, этот вонючий альянсовский хорек не только отнял у меня корабль и город, но и не отказался от своих грязных планов в отношении моей дочери!

Пабло пожал плечами, невольно поморщившись от боли. На праведный гнев уже не хватало сил. Впрочем, исполнители воли Громовержца свое получили, а Кристин находилась в относительной безопасности.

— А что по поводу этих странных разговоров насчет кислородных генераторов? — поинтересовался Гу Синь.

— Мы что-то неправильно поняли? — поддержал его Ящер.

Пабло только покачал головой, свернул выведенные на

голографическом мониторе вирт-окна чертежей и дал сильфидскому устройству команду на передачу файлов «Эсперансы» и схемы закладки взрывчатки.

— Надеюсь, этот компьютер не имеет подключения к внутренней сети? — уточнил он, удивляясь, как хрипло и слабо звучит его голос.

— Обижаете, молодой человек, — фыркнул Левенталь, протягивая гостю бутылку воды и стакан белкового коктейля.

В холодильнике имелись и нормальные продукты, но Пабло все равно не сумел бы сейчас ничего проглотить. Его мутило как после длительного подключения по нейросети. Вирт-окна путались и двоились. Пабло знал, что это все побочные эффекты работы микрокомпьютера. Все-таки даже в плену на Раване ему не приходилось передавать и хранить такие объемы информации. Да и рана не до конца затянулась.

— Да ты никак все еще пользуешься сильфидским устройством? — наблюдая, как на голографическом мониторе значки семидесятеричной системы гвельфов разворачиваются в привычные папки и документы, догадался Гу Синь. — Я думал, оно еще на фабрике «Панна Моти» накрылось.

— Ну, моя ж черепушка не накрылась, а микрокомпьютер покрепче нее будет, — вяло усмехнулся Пабло, отыскивая в холодильнике замороженный окорок кутулуха и прикладывая его к горящему затылку.

Стало немного легче, только на лбу выступила испарина. Не хватало еще в самый неподходящий момент впасть в кому, как тогда на Ванкувере, когда он фактически вручную управлял армией перепрограммированных дронов, но, не рассчитав силы, поставил под угрозу всю спасательную операцию.

— Гвельфы туфту не гонят, — убежденно отозвался Лева, который боевое крещение проходил во время освобождения Сильфиды. — А микроэлектроника у них лучшая в галактике.

Левенталь только с интересом проглядел протокол подключения, отражавший технические характеристики сильфидского микрокомпьютера, и заменил окорок пакетом льда, ожидая пока загрузятся файлы «Эсперансы». Пабло осторожно отпил глоток воды, пытаясь пресечь попытки организма выбросить ее обратно, и спросил про Брендана. Он все еще надеялся обнаружить товарища в этом тайном убежище или хотя бы услышать о нем что-то от друзей, но увы. На него из-за завесы вирт-окон уставились три пары удивленных глаз.

— Так это был один из ваших? — нахмурился Маркус Левенталь, когда Пабло и Лев подробно описали Вундеркинда. — Я принял его за агента Нарайана, поэтому позволил ему дойти за

мной до уровня мутантов, а там попросту избавился от хвоста.

— Если он попадется ублюдкам Раптора, ему несдобровать, — покачал светловолосой головой Лева.

— Я слышал, Раптора и его отморозков самих с утра поколотили, — обнадежил товарищей Ящер. — Весь тридцатый уровень гудит, что это сделал кто-то из «уродов».

Пабло хотел было спросить, кто такой Раптор и в чем разница между «уродами» и «мутантами», но в это время загрузка завершилась, и он с облегчением отключил сильфидское устройство и поспешил распаковать секретный архив с распоряжением Нарайана и схемой закладки взрывчатки.

Голова все еще гудела, но тошнота отпустила, и вирт-окна перестали двоиться. Пабло с жадностью допил воду, наслаждаясь каждым глотком и испытывая удовольствие от капель, которые, щекоча, стекали по подбородку. Потом пригубил белковый коктейль, ощущая, что его организм не отказался бы от более существенной и традиционной заправки.

К этому времени к ним присоединился специалист по системам жизнеобеспечения Тонино Бьянко, изысканный и хрупкий, как палочник. Вместе с ним подошли двое старых инженеров из числа первых соратников Левенталя и еще пара крепких ребят из местного сопротивления, которых Лева представил, как Аслана Хашутогянца и Санчеса.

— Наши как раз только что заступили на смену, — пояснил отсутствие других членов экипажа «Павла Корзуна» Лева. — Утром увидишь.

Пабло с удовлетворением отметил, что и старые друзья, и новые знакомые выглядят в целом даже лучше, чем он. Ни ожогов, ни каких-либо других видимых признаков лучевой болезни у них, во всяком случае, не наблюдалось. Похоже, Вундеркинд беспокоился зря. Никто не копал лопатой уран, да и эксперименты над собой тут ставили лишь как Ящер по собственной инициативе.

— Что-то удалось добыть? — сгребая руку Пабло широкой, как лопата бульдозера, мозолистой лапищей, перешел к делу Аслан Хашутогянц.

— И не спрашивай, — отозвался Лева Деев, указывая на копию секретного приказа профессора Нарайана и схему закладки взрывчатки, которую уже внимательно изучали инженеры и Маркус Левенталь.

— Он что это? На полном серьезе? Это же сердце города! — не поверил Тонино, который вверенные в его попечение системы воспринимал как сложный организм, от нормальной работы которого зависела жизнь экипажа и пассажиров.

— У змееносцев нет привычки шутить, — хмыкнул Гу Синь.

— А у профессора Нарайана в особенности, — недобро усмехнулся Маркус Левенталь. — Мой коллега ненавидит все человечество.

— Но чего он боится? — удивился Ящер. — Здесь даже профсоюза нет, а о том, чтобы поднять восстание и начистить ряшку членам городского совета и тем, кто отгородился от нас гермозатворами, и речи не идет! Все настолько запуганы охотниками и бандитами, что голову поднять боятся.

— Еще бы не бояться! — сгорбил усталые плечи один из старых коллег Левенталя, седой, как лунь, старец с пронзительными васильковыми глазами. — Никому неохота оказаться заключенным на нижних ярусах рудника или стать подопытным у безумных коновалов нашего дорогого профессора.

Пабло чуть не подпрыгнул. Все-таки насчет экспериментов Вундеркинд не придумывал. Да и по поводу рудника не совсем ошибался. Порочная практика змееносцев в городе под куполом обрела свое продолжение. Вот почему так неохотно делились информацией коллеги с научного уровня, вот отчего Кристин так беспокоилась за отца. Пабло поежился, вспоминая плен. Интересно, если бы он знал, что его ждет в случае разоблачения, нашел бы он в себе силы, рискуя собой и Кристин, бросить Нарайану вызов?

— Подземные тюрьмы, секретные лаборатории! — сверкнув глазами, проворчал Маркус Левенталь. — Любая планета, куда добирается Альянс, превращается в фабрику смерти.

Пабло подумал о том, что если бы изуверы из Альянса не находили сторонников, то и Ванкувер не пришлось бы отвоевывать заново, и на Сербелиане их с Командором не захватили бы в плен. Впрочем, речь сейчас шла совсем не о том, и Лева Деев вернул их к основной теме.

— Мы говорим сейчас не о подземных тюрьмах и не о секретных лабораториях, — напомнил он. — Речь идет об уничтожении всего города. Без генераторов верхние тоже загнутся. Ну разве что помучаются подольше, чем мы.

— Никто не будет мучиться долго! — возбужденно воскликнул Тонино. — Кислород в городе добывается путем электролиза из подземного озера, возникшего на месте размороженного ледника, из этого же источника берут воду для охлаждения реактора. Поэтому взрыв генераторов уничтожит всю систему.

— А что такое ключ? — нахмурив сросшиеся брови над причудливо изогнутым носом, осведомился Аслан.

— Я так полагаю, что под «ключом» наш принц

подразумевает клона своей погибшей невесты, которого потерял несколько лет назад на пустоши. — задумчиво пояснил Левенталь. — Принцесса Савитри Вторая не только наследница раджи Сансары, но и единственная хранительница кода от знаменитой сокровищницы.

— Как же Нарайан такую ценную спутницу потерял? — изумился обычно невозмутимый Лева.

Пабло тоже хотелось задать этот вопрос. За три месяца общения он убедился, что руководитель научного отдела человек не только жесткий, но максимально собранный и до цинизма прагматичный.

— На пустоши люди с непривычки ведут себя довольно непредсказуемо, — философски заметил Левенталь. — Когда Нарайан попал в город, он пребывал слегка не в себе. Все рвался назад, говоря, что должен спасти принцессу Сансары.

— А потом он увидел Кристин, и помутнение его рассудка перешло в новую фазу, — скривился Пабло, вспоминая навязчивые ухаживания профессора и весь его бред по поводу реинкарнации.

— Но если дочь раджи потерялась, в чем тогда проблема? — не понял Ящер. — Нарайан в городе уже четыре года. Так долго человеку на пустоши не продержаться. А пластинку с кодом искать — проще микрочип в куче металлической стружки найти.

— И тем не менее, принцесса не только выжила, но и сумела добраться до «Эсперансы». Нарайан об этом уже знает и отправил охотников, чтобы доставить этот ценный объект в город.

Кристин, видимо, решила, что ее организм достаточно восстановился. В самом деле, после водных процедур на ее милое лицо вернулся румянец, а в глазах снова появился задорный блеск. Среди вывернутых наизнанку агрегатов, моделей и чертежей она выглядела тропической рыбкой, чей аквариум по ошибке принесли в политехнический музей или вместо живого уголка поставили в кабинет физики. Нарядный бирюзовый свитер и скрывающий неизменный воротник-гидролизатор хомут или шарф в виде рыбацкой сети с запутавшимися морскими звездами в сочетании с еще влажными волосами вновь придавали ей сходство с русалкой или нереидой.

Старые инженеры улыбнулись дочери хозяина дома как старой знакомой, которую помнили еще маленькой девочкой, а Лева, Гу Синь, Ящер, Тонино и остальные поглядывали с осторожным интересом, с каким Пабло и его товарищи барсы тринадцать лет назад смотрели на Риту Усольцеву, пока не поняли, что переходить дорогу Командору не только бессмысленно, но и просто опасно. Сейчас друзья и новые

знакомые с такой же легкой завистью, смешанной с уважением, поглядывали на Пабло, особенно когда Кристин, не скрывая нежности, проверила его рану, прощупала пульс и устроилась рядом, сосредоточенно изучая чертежи и временами с легким вызовом поглядывая на отца.

Маркус Левенталь в свою очередь одарил Пабло таким ревнивым и оценивающим взглядом, что у того едва не воспламенились мочки ушей. Впрочем, уже через миг конструктор вновь углубился в изучение схемы и обсуждение плана спасения города.

— До «Эсперансы» и обратно где-то трое суток пути на танках, — прикидывал Лева. — Еще какое-то время Нарайану понадобится, чтобы собрать все необходимое для путешествия.

— К генераторам все равно не пробиться, — покачал головой один из старых инженеров.

— Но ведь у нас есть доступ на верхние уровни, где находятся основные агрегаты, — не понял Пабло. — Если что, систему защиты я могу взломать.

— Там просто нечего взламывать, — вздохнул Левенталь. — Силовое поле включается и отключается вручную. Я сам разработал такую систему, опасаясь диверсий. К сожалению, борьба за власть началась в городе еще до того, как было завершено строительство, и далеко не всех устраивал тот порядок, который мы с моими товарищами пытались заложить. К тому же, любая попытка взлома может запустить систему самоуничтожения. Это уже нововведение нынешнего руководства, — добавил он, указывая на чертеж.

— Но они же не взорвут генераторы, пока в городе находятся Нарайан и его приближенные, которым обещали место на «Эсперансе», — не поверил Санчес, на угреватых скулах которого ходили желваки.

— Без особых проблем, — обреченно покачал головой Левенталь. — Все помещения города обладают повышенной сейсмоустойчивостью. На верхних уровнях есть резервные кислородные установки, которые помогут продержаться какое-то время и успешно провести эвакуацию на корабль, а вот жители, оставшиеся за пределами разделительной двери, автоматически обречены еще до того, как рванут реакторы. Безо всякого деления на «мутантов» и «уродов». Здесь даже не на всех хватает экзоскелетов. Не говоря уже о кислородных шашках. Не забывайте, население растет не только за счет вновь прибывших.

— А если подобраться к генераторам снизу, со стороны озера? — предложил Тонино. — Защитного поля там уже нет.

— Конечно нет, — хмыкнул Левенталь. — Потому что все

двери и гермозатворы отпираются только изнутри. Там, само собой, предусмотрены технические отверстия, — он указал на схему. — Но в них даже ребенок не протиснется.

— Сюда бы дронов-сороконожек, — покачал головой Пабло, который лично участвовал в подрыве института бионики.

— Или мартышек Эркюля, — переглянулись Ящер и Гу Синь, вспоминая бедового агента Сопротивления, который после окончания операции на Раване пустился в какие-то сомнительные авантюры.

Вскоре след его затерялся.

— Я могла бы вернуться к Нарайану и, убедив его, что вспомнила «свое прежнее воплощение» и нашу любовь, отключить силовое поле, — не решаясь поднять глаза, предложила Кристин.

— И не думай! — ответили ей десять голосов разом.

Пабло рефлекторно прижал любимую к себе, будто опасался, что она осуществит свой замысел прямо сейчас. Он понимал, что в Кристин говорит безысходность, и она готова пожертвовать собой, и все равно испытывал ревность.

— Даже если Нарайан поверит в твою ложь, он никогда не допустит тебя до оборудования такого уровня секретности, — строго и назидательно отчитал девушку отец. — Мой ученый коллега, конечно, безумец, но не дурак. Я посмотрел информацию об «Эсперансе». Корабль и в самом деле уже готов. Бывший член совета директоров «Панна Моти» за два года сумел завершить работу, на которую я потратил три десятка лет.

— Вопрос, какой ценой, — проворчал Аслан, красноречиво указывая на окружающую их убогую обстановку.

Насколько Пабло сумел разобрать из разговоров товарищей, на нижних уровнях люди зачастую жили гораздо хуже.

— Змееносцам неведомо понятие гуманизм, они действуют по принципу «цель оправдывает средство», поэтому и добиваются впечатляющих результатов, — вздохнул Левенталь.

— Сейчас я думаю, что, если бы я поменьше слушал совет и из года в год не откладывал сроки ради решения, как мне казалось, более насущных проблем, Нарайан и ему подобные не захватили бы власть, а мир уже давно узнал бы о городе в треугольнике Эхо.

— Если он сумеет уничтожить город, мир точно ничего не узнает, — напомнила Кристин.

— Но должен же существовать какой-то выход! — выставив бивни вперед, набычился Ящер.

Левенталь скептически глянул на острый гребень, который неистовый абордажник использовал в качестве оружия в разборках с местными бандитами, и открыл карту пустоши.

— Если мы не можем остановить разрыв сердца, то мы должны его предотвратить, — использовав метафору Тонино, назидательно проговори он. — Если не получается добраться до генераторов, мы можем перехватить ключ.

— Но ведь охотники уже ушли, — напомнил Пабло.

Конструктор снисходительно усмехнулся.

— Если они получили приказ доставить принцессу в город, подкараулим их на обратном пути. Большой кольцевой перевал имеет только один проход. И до него всего сутки пешего хода. Так что в запасе у нас почти двенадцать часов. Ты, Лев, что-то говорил про переносные плазменные установки, — повернулся он к Дееву.

— Бесполезно, — покачал головой тот. — Их даже на черном рынке не добудешь.

— У меня в надежном месте припасена взрывчатка, — предложил Аслан Хашутогянц. — На руднике без нее никак. Конечно, с плазмой было бы надежнее, но подорвать танки тоже сойдет.

— Нам же самое главное — добыть тот самый ключ? — уточнил Санчес.

— Как бы цинично это ни звучало, — кивнул Левенталь. — Хотя я предпочел бы обойтись без жертв. Сколько понадобится времени, чтобы собрать людей и необходимое оборудование?

— Часов за восемь успеем, — прикинул Лева.

— Но как быть с безопасниками? — напомнил Ящер. — Они выпускают за пределы рудника лишь своих и людей Хайнца или Железноглазого, которые платят с каждого рейда солидную мзду.

— Каким образом выйти из города — это уже моя забота, — с оттенком легкого превосходства улыбнулся Левенталь. — Неужели вы думаете, службе безопасности известны все входы и выходы?

— Папа, а ты что, тоже собираешься идти? — обеспокоенно нахмурилась Кристин, и старые инженеры повторили ее вопрос.

— Почему бы и нет, — пожал плечами Левенталь. — Я брожу по этой пустоши уже более тридцати лет.

— Для того, чтобы атаковать охотников, нам понадобится не менее полутора десятков бойцов, — начал подсчет Лева.

— У нас с Санчесом в строю около десятка, — прикинул Аслан. — Еще пару-тройку человек можно попросить у Рыбака.

— Я бы позвал Йохана Далена, — предложил Ящер. — Но он сейчас работает на Хайнца, и я не знаю, насколько ему можно доверять.

— Без Далена обойдемся, — нахмурил светлые брови Лева. — И так уже полтора десятка набирается.

— А что у вас с оператором сети? — осторожно поинтересовался Пабло, заметив, что капитан в его сторону даже не смотрит.

— Ты все равно не сможешь пойти, — придирчиво глянул на него Лева.

— Это почему? — возмутился Пабло.

— Да ты ж, пока мы тебя сюда довели, чуть в обморок не упал, — напомнил ему капитан. — Да и сейчас выглядишь почти так же хреново, как после застенка.

— Мы с Гу Синем тебя на руках, как на Ванкувере, таскать не намерены! — состроил жуткую гримасу Ящер, которому тогда и в самом деле пришлось вместе с Гу Синем буквально волоком тащить едва вышедшего из комы оператора по вентиляционной шахте.

— Мне для полного восстановления требуется шесть часов сна и плотный завтрак, — отозвался Пабло.

— Вот утром и поговорим, — примирительно рассудил Лев.

— Ты всегда вызываешься добровольцем? — с легкой обидой поинтересовалась Кристин, когда они ненадолго остались одни.

— Ну, ребятам реально в такой экспедиции помощь нужна, — виновато пробормотал Пабло, наблюдая, как она освобождает от хлама один из топчанов и стелет ему постель.

Сама она намеревалась провести ночь в заново подготовленной ванной.

— Обычно моя работа такова, что даже корабль покидать не приходится, — пояснил Пабло, не совсем понимая, почему должен оправдываться.

С другой стороны, он понимал, что Кристин даже в убежище отца не находится в безопасности. Впрочем, уже в следующий миг ее глаза сверкнули задором:

— По тебе не скажешь, особенно после того, как ты так лихо раскидал четверых отборнейших головорезов из личной охраны Нарайана, — взбивая подушку, лукаво улыбнулась она.

Хотя во время побега девушка пребывала в состоянии, близком к обморочному, это не помешало ей рассмотреть практически все.

— Ну, в составе любой разведывательно-диверсионной группы оператор сети тоже нужный специалист, — смущенно пояснил Пабло. — Приходится поддерживать форму.

Он привлек любимую к себе, зарывшись лицом в копну золотистых волос, и Кристин не отстранилась…

Глава 16. Перевал Большого кольца

Утром Лева признал, что оператор для марш-броска на пустошь вполне готов, и торжественно выдал экзоскелет и необходимое для работы оборудование.

— Можно подумать, допинг применял, — придирчиво глянул он на Пабло, пока тот на пару с Маркусом Левенталем с аппетитом уминал тушеный с овощами кусок давешнего окорока кутулуха.

Кристин успела встать пораньше и приготовила завтрак.

— С таким допингом, пожалуй, я бы со смертного одра встал, — недвусмысленно указал на девушку Гу Синь, когда Левенталь ушел готовить свой экзоскелет.

В это время в убежище ворвался возмущенный Ящер.

— Я что-то не понял, Супер-Лев! — напустился он на Леву. — Почему меня не берут на пустошь, словно я какой-то малахольный Тонино?

— Тонино не малахольный, — даже бровью не поведя, отозвался Деев. — Просто он лучше других разбирается в работе системы жизнеобеспечения и, если что, сумеет что-то предпринять, чтобы город продержался, пока мы не вернемся.

— А я, по-твоему, должен его охранять? — возмутился Ящер.

— Твоя основная задача — отыскать Брендана, — напомнил ему Лев.

— Почему моя-то? — обиделся Ящер.

— У тебя лучше всего получается общаться с мутантами, — спокойно пояснил Лева.

— Ага, получается! — возмутился Ящер. — Я этой ночью, пока их уровень облазил, дважды чуть тумаков не отведал. Раптор злой, как десяток динозавров. Разве что не кусается.

— Что-нибудь удалось узнать? — в один голос обеспокоенно спросили Пабло и Кристин.

— Вроде как наш орел от мутантов отбиться сумел, — объяснил Ящер, — А потом вместе с какой-то шалавой на уровне рудокопов затерялся. Ну, вы же знаете, Вундеркинд бабу и в мужском монастыре найдет.

Лев укоризненно глянул на товарища, который мог бы в присутствии Кристин хоть немного придержать язык. Но та только насмешливо фыркнула: повадки Брендана она за прошедшие три месяца успела достаточно хорошо изучить.

— Я хотел расспросить о нем Йохана Далена. Этот рыжий плут знает все обо всех, — не заметив намеков, продолжал Ящер. — Но он куда-то запропастился, а однорукий Тавиньо,

поскольку вчерашний поединок отменили, и он не сумел просадить деньги на тотализаторе, ушел с горя в запой.

— В общем, мне все равно, выведешь ли ты из запоя Тавиньо или докопаешься до Далена, но Брендана надо найти до того, как на его след нападут охотники, — подытожил Лева. — Да и за Кристин присмотреть неплохо бы.

— Не надо за мной присматривать, — безмятежно улыбнулась девушка, убирая остатки завтрака и раскладывая на столе какие-то странного вида приборы. — Я иду вместе с вами. Должен же кто-то защищать группу от медуз. Да и врач может оказаться не лишним.

Пабло почувствовал, будто с него заново сдирают кожу. Нечто похожее он испытал на Ванкувере, когда узнал, что его мать осталась в качестве медработника с подразделением полковника Корзуна, героическими смертниками, прикрывавшими отлет последних кораблей.

— Это из-за меня? — глянул он на Кристин, чувствуя себя эгоистом и негодяем.

— Отряду нужен оператор, — ободрила его любимая. — А я знаю пустошь так же хорошо, как и мой отец.

— Но ты же задыхаешься даже после легкой прогулки, — привел Пабло самый важный, как ему казалось, аргумент.

Конечно, их вчерашнее путешествие по коридорам легкой прогулкой не назвали бы даже выпускники Академии Звездного Флота. Особенно если учесть, что до этого девушка пережила анафилактический шок. Но в спортзале она тоже не смогла выдержать пустяшную нагрузку, да и в «Пульсаре» поминутно отлучалась, чтобы дать влагу несчастным жабрам.

— Неужели ты думаешь, что в качестве дыхательной смеси у меня там будет обычный воздух? — загадочно усмехнулась Кристин, как никогда похожая на морскую царевну из сказки, хотя к этому времени уже сменила свой нарядный свитер на подключенный к системе жизнеобеспечения комбез.

— Она защищала диссертацию как раз по медузам, и во время сбора материала проводила не только лабораторные исследования, — успокоил Пабло явно тронутый его заботой Маркус Левенталь. — К тому же, пустошь — это последнее место, где Нарайану придет в голову ее искать.

— Как броня? Не давит? — придирчиво оглядел оператора сети Лева, когда Пабло облачился в экзоскелет.

— Ты не смотри, что потрепанная, — добавил Гу Синь, проверяя нагрудные пластины видавшего виды скафандра на предмет повреждений. — Пробоины мы залатали, системы отладили, а внешний вид никому особо не нужен. На пустоши все

равно темно.

— Дареной броне в забрало не смотрят, — перефразировав старую шутку Петровича про паровоз, отозвался Пабло.

Он знал, что оружие и экзоскелеты имели право носить лишь полицейские и охотники. Не говоря уже о взрывчатке и аппаратуре для взлома защитного поля. И хотя сотни стволов и десятки комплектов армейской брони оседали на черном рынке, воротилы теневого бизнеса и главари преступных группировок не спешили делиться с бойцами сопротивления, предпочитая безнаказанно обделывать разные темные делишки с охотниками при полном попустительстве городских властей.

— У нас здесь почти каждый ствол и наиболее ценное оборудование оплачены чьей-то кровью, — пояснил Санчес, проверяя зарядку аккумуляторов и клапана кислородных баллонов. — Большую часть из того, что имеем, добыли на разбившихся кораблях или у черных копателей отбили.

— Да что там говорить про стволы, — махнул рукой Аслан Хашутогянц. — Даже костюмы радиационной защиты, в которых мы работаем на руднике, подлежат учету, а все выходы из штолен под охраной. Ну, почти все, — улыбнулся он, обменявшись выразительными взглядами с Маркусом Левенталем.

Хотя привычный вес двадцати килограммов макромолекулярных пластин, датчиков, подводки и трубок охлаждения ощущался сейчас запредельной тяжестью, Пабло понимал, что дело вовсе не в снаряжении, а в нем самом. Все-таки после вчерашнего рывка по-хорошему стоило пару дней отдохнуть. Но в отряде больше никто не сумел бы выполнить работу оператора. Да и опыт участия в боевых действиях имели лишь они с Левой, Ящером и Гу Синем и еще двое ребят из экипажа «Павла Корзуна».

Артиллерист Цветан Котарак и абордажник Прокопий Кавакос хотя и не прошли горнило Ванкуверской мясорубки, последние десять лет служили на внешней границе, где стычки со штурмовиками Альянса постоянно чередовались с охотой на пиратов. Да и злополучная экспедиция на Васуки, окончившаяся гибелью Наташи Серебрянниковой и еще нескольких ученых, стоила любой спецоперации. Прокопий и Цветан не только выжили в резне, но, пробившись с одним из аборигенов с боем к выходу из дворца, спасли маленькую царевну.

Пока Цветан, со своими круглыми зелеными глазами и вечно встопорщенными усами действительно похожий на вернувшегося из мартовского загула кота, объяснял, где находятся уязвимые места танка и как пройти рядом, но не угодить под огонь плазменной установки, Прокопий, огромный и косматый, как

пещерный медведь, повторял с новичками правила ближнего боя. В это время Аслан и другие подрывники, в числе которых оказался и шестнадцатилетний сын геолога Смбат, распределяли по рюкзакам тротил, шанцевый инструмент и взрыватели. В их замысле правильный подрыв составлял половину успеха.

Наблюдая за этой спокойной и деловитой подготовкой, Пабло испытал странное дежа вю. Точно также сосредоточенно и без лишней суеты они с группой Арсеньева готовились к подрыву института Энергетики на Ванкувере или штурму кораблей на Васуки. Только взрывчаткой обычно занимались Петрович и Дин…

Пабло поскорее прогнал ненужные мысли: не хватало еще вспомнить операцию на шахте «Альтаир», закончившуюся пленом! Он подогнал броню и стал закреплять устройства подключения к внутренней сети. Хотя большая часть оборудования не выпускалась уже лет десять, Пабло не стал привередничать: тянет программы взлома и ладно. Если что, он снова задействует сильфидскую игрушку и войдет в систему по нейросети. Его сейчас больше беспокоила Кристин.

Дочь Маркуса Левенталя сноровисто и умело разбиралась с заковыристыми крепежами подогнанного почти что по фигуре облегченного варианта защитного костюма, прилаживая к системе жизнеобеспечения трубки, по которым должна была поступать дыхательная смесь. Пабло обратил внимание, что ее ребризер имеет несколько иную конструкцию, позволяющую задействовать в дыхании жабры.

Помимо кислорода, воды и запаса белкового концентрата девушка собиралась нести еще какое-то мудреное оборудование, включающее устройства для отпугивания медуз и ловушки.

— Не только же охотникам использовать наше с отцом изобретение, — сверкнула она глазами, поймав вопросительный взгляд Пабло. — Они и так сделали нас изгоями в родном городе!

— По поводу изгоев, — строго глянул на товарищей Маркус Левенталь. — Надеюсь, семьям об истинных целях нашей экспедиции никто ничего не сказал?

— Как можно, Маркус! — обиделся седовласый инженер, которого звали Джошуа Грин. — Все прекрасно осознают степень ответственности. Думаю, дополнительные неприятности не нужны никому.

— Моя семья со мной, — приобняв сына, который в будущем обещал стать таким же широким и крепким, как отец, сверкнул белыми зубами на смуглом лице Аслан.

— А у нас и семей-то никаких здесь нет, — бросив снисходительный взгляд в сторону Пабло, отозвался за свой

экипаж Лев Деев.

— Если Нарайан проведает о наших планах, заключение на руднике покажется раем, — пояснил Маркус Левенталь, открывая в одной из стен своего убежища незамеченный ранее проход.

На этот раз им пришлось долго лезть вверх по вентиляционной шахте, чтобы потом проделать такой же длительный спуск. Впрочем, Пабло уже почти освоился: тело само вспомнило отработанные до автоматизма навыки. К тому же, все экзоскелеты имели инерционные усилители. Даже Кристин уверенно держалась за скобы и карабкалась вверх с упорством маленькой белки, которой вздумалось покорить Джомолунгму.

— Не надо, я сама, — почти обиженно глянула она на Пабло, когда тот попытался ее подстраховать.

На этом участке они шли еще с открытыми линзами шлемов и при общении не прибегали к устройствам связи. Только нижняя часть ребризера Кристин защищала жабры.

— Ты же о помощи не просишь, — с легким вызовом добавила девушка, давая понять, что недавняя слабость возлюбленного для нее не осталась тайной.

— Еще чего! — фыркнул Пабло, поднявшись на несколько ступенек, чтобы все-таки подсадить Кристин, безуспешно пытавшуюся дотянуться до слишком высоко вбитой скобы.

— Просто мне не очень нравятся тоннели, — признался он, отыскивая в полумраке милое лицо и наливные, манящие губы.

Кажется, Кристин опять догадалась, о чем он подумал. Для понимания им даже не требовалось обмениваться мыслями. Сладкий жар ее поцелуя мигом изгладил из памяти и ледяные тоннели алмазной шахты «Альтаир», и отчаянные гонки на проходческих комбайнах наперегонки с грохочущей водой, и жуткую свалку в подземной лаборатории и открывшийся портал, означавший начало их плена[13].

— Но вы же все равно тогда спасли людей, — с обожанием глядя на «оператора своей жизни», как в шутку сказал кто-то из ребят, проговорила Кристин. — И мы город спасем.

Пабло сумел ответить лишь еще одним поцелуем.

Вскоре им пришлось закрыть линзы. В пробах увеличилось содержание тяжелых металлов, а уровень радиации вырос в разы: отряд приближался к руднику. Через пару сотен шагов коридор воздуховода и в самом деле сменился изогнутым горизонтальным штреком, отходящим от многокилометрового шахтового ствола. Сложенные из ноздреватого песчаника и карнотита ребристые стены издали напоминали мозговой канал хребта гигантского ящера, а вблизи выглядели окаменевшей губкой. Вкрапления черного молибденита и сероватого настурана[14] образовывали

причудливый узор.

— Вы проверяли, на этом участке точно не ведется никаких работ? — обеспокоенно спросил Джошуа Грин.

— Начальник смены — наш человек, — успокоил его Аслан. — Это он обеспечил нам прикрытие. Официально, все мы вышли в длительную геологоразведочную экспедицию.

— Было бы неплохо, если бы он нам еще подогнал броню, — вздохнул Прокопий, которому достался самый громоздкий комплект.

— И скорчеры. Типа в тоннелях от медуз отстреливаться, — нервно хохотнул Цветан.

— Сейчас главное — на внешнем контуре не нарваться на патрули, — озабоченно проговорил Лев, вглядываясь во тьму штрека в ожидании неприятных сюрпризов.

— Проскочим как-нибудь, — успокоил его Гу Синь. — Чай, не впервой.

Пабло невольно позавидовал товарищам. Конечно, ребята жили и трудились в условиях, далеких от рафинированно-тепличных, и точно знали, что неповиновение повлечет за собой наказание едва ли не хуже смерти. Как поведали Цветан и Аслан, заключенным на руднике не всегда выдавали даже респираторы, а уровень радиации там зашкаливал. И все же они продолжали борьбу, с риском для жизни выходили на пустошь, добывали оружие и оборудование, чтобы на равных противостоять охотникам. Стоило все-таки попытаться сразу уйти. Добиться перевода на комбинат, надерзить начальству. Но тогда истинные планы профессора Нарайана остались бы тайной, а город не получил бы даже призрачного шанса на спасение.

Впрочем, эти переживания и размышления пришлось на какое-то время отложить. Программа слежения засекла сигнал патруля.

— Судя по направлению, они крутятся возле нашего выхода, — озабоченно проговорил Маркус Левенталь. — Похоже, это даже не патруль, а ремонтники. Генераторы защитного поля — весьма капризная штука, а запчасти к ним в городе с недавних пор выпускать перестали.

Пабло подумал, что отказ от производства необходимых городу модулей и блоков наверняка связан с ускорением работ по переоборудованию «Эсперансы», которое в последние несколько лет шло просто ударными темпами.

— Если поломка серьезная, ремонтники застрянут здесь надолго, — озабоченно проговорил Санчес.

— Я могу их отвлечь, — предложил Пабло. — Тем более, насколько я понял, причина сбоя не в оборудовании, а в

программном обеспечении.

Маркус Левенталь и Лева Деев одобрительно кивнули, а Аслан, Санчес и остальные недоуменно глянули на оператора.

— Что значит отвлечь? — почти испуганно переспросил Джошуа Грин. — Если мы вторгнемся в систему, они ж нас в два счета засекут!

Пабло вместо ответа подключил сильфидский компьютер. В глазах сразу потемнело, а окорок кутулуха запросился наружу. Плотоядное устройство, словно кишечный или легочный паразит, требовало свою кровавую дань. Кристин, почуяв неладное, открыла на плече брони оператора медицинский клапан, специально предназначенный для оказания первой помощи во время боевых действий или работ в агрессивной среде. Пабло отстранился. Лекарства могли понадобиться еще на пустоши. Он отпил глоток апельсинового сока, пропихивая окорок обратно. Муть перед глазами рассеялась настолько, что удалось достаточно быстро обнаружить погрешность в коде и устранить.

— Ну, и чего они там тормозят? — нетерпеливо протянул Гу Синь, разглядывая изображение с камер наружного наблюдения.

— Могу на соседнем генераторе поломку организовать, — предложил Пабло.

— Лучше я натравлю на них медуз, — мстительно проговорила Кристин, разворачивая какое-то диковинного вида устройство.

— Да что их натравливать! Они и так кишмя кишат, — обреченно пробасил Прокопий, который во время одной из попыток атаковать змееносцев едва не сделался добычей темных тварей.

Медузы и в самом деле чувствовали себя в окрестностях города вольготнее, нежели где-либо на пустоши. Привлекаемые многочисленными свалками, неизбежными на планетах, где на переработку отходов не хватало средств, они собирались в колонии, образуя причудливый узор, напоминающий муаровый рисунок пятен на шкуре черной пантеры.

К счастью, ремонтники убедились, что проблема с генератором устранена, и поспешили уйти в сторону главных ворот под защиту поля.

— Ну, девочка, запускай свою чудо-машину, — одобрительно кивнул Кристин Джошуа Грин.

— Только не на полную мощность, — предупредил Маркус Левенталь. — Дозорные с башен не должны нас увидеть. Медузы, наоборот, послужат нам хорошей маскировкой. Главное, не паниковать и держаться друг друга.

Он выключил подсветку на шлеме, и остальные последовали

его примеру, полагаясь на приборы ночного видения.

Кристин и в самом деле оказалась ценным членом отряда. Разработанная ею совместно с отцом система отпугивания медуз действовала безотказно. Хотя недружелюбные аборигены Эхо окружили отряд так плотно, что напоминали не то завесу черного тумана, не то пласты размотанного войлока или стекловолокна, Пабло и его товарищам даже не пришлось понапрасну разряжать скорчеры или тратить энергию защитного поля. Медузы, словно повинуясь дудочке крысолова, хотя и роились вокруг отряда черными клубами, приблизиться на расстояние атаки не решались. Как пояснила Кристин, ей удалось распознать разновидность волн и частоту, на которой общались медузы, и теперь девушка почти что управляла ими, имитируя сигналы атаки или предупреждение об опасности.

— Вот так чудеса! — бурно выражал свою радость Прокопий. — С таким оборудованием нам и слой «хамелеон» не нужен.

Пабло с легкой ностальгией тоже вспомнил сравнительно новую и пока засекреченную разработку Содружества, позволявшую разведчикам и участникам спецопераций максимально долго оставаться невидимыми для противника. На шахте «Альтаир» это изобретение, впрочем, не помогло избежать плена. Зато сыграло решающую роль в освобождении заключенных и подопытных. Участники нынешней экспедиции такой не имели.

— Теперь нашим «хамелеоном» пользуются охотники, — с обидой проговорил Гу Синь, имея в виду экзоскелеты с борта «Павла Корзуна».

— Против медуз ваше чудо техники все равно бессильно, — успокоил бойца Маркус Левенталь. — Эти твари чуют органику с расстояния сотни километров. И никакие отражатели им не помеха.

Вскоре бойцам представился случай убедиться в справедливости этого утверждения. Отряд прошел около пяти километров, огибая город с той стороны, где глубже лежала тень от гор, когда Пабло снова засек сигнал за пределами защитного поля.

— На этот раз точно патрульные, — подтвердил его предположение Маркус Левенталь.

— Разъездились тут, — проворчал Прокопий. — Что им вообще нужно?

— Когда город только возводили, они охраняли бригады строителей и рабочих от медуз, — со вздохом пояснил конструктор. — Потом им поручили осматривать выходы из шахт,

по которым на поверхность вывозят пустую породу, чтобы медузы не проникли внутрь. Сейчас они официально продолжают выполнять эту функцию, но на самом деле в основном берут мзду с черных копателей Хайнца и выслеживают беглецов.

— Разве из подземных тюрем можно сбежать? — не скрывая ужаса, спросил юный Смбат, который вместе с отцом уже трудился в забое.

— Сбежать, молодой человек, можно из любой тюрьмы, — назидательно проговорил Джошуа Грин. — Только на пустоши не выжить.

Словно в подтверждении слов старого инженера откуда-то из расщелины скал вынырнул человек в видавшем виды костюме радиационной защиты, позволявшем какое-то время продержаться и за пределами города. В руках бедолага сжимал отбойный молоток, обмотанный обрывком цепи…

Поскольку беглец неровными зигзагами двигался в их сторону, Кристин метнулась к своим приборам, настраивая их так, чтобы расчистить ему путь и дать шанс выжить при встрече с медузами. Но ее опередили. Тьму пустоши прорезала вспышка выстрела, и человек, выронив отбойный молоток, упал лицом вниз, разбрызгивая по камням кровь и ошметки разорванных внутренностей. Поскольку костюм радиационной защиты не имел полноценной системы жизнеобеспечения, поддерживающую функционирование организма на случай плазменных ранений, беглеца не сумел бы спасти даже самый искусный врач. Медузы довершили дело.

— Не стрелять! — остановил своих бойцов Маркус Левенталь, когда из-за скал показалась группа охотников на квадроциклах. — Пока они нас не увидели, мы не имеем права рисковать.

И все же беглец не остался без отмщения. Кристин хладнокровно врубила на полную мощность сигнал атаки, и через несколько мгновений вокруг охотников закружился черный вихрь. Медузы напали внезапно и безжалостно. Убийцам не помогли ни скорчеры, ни быстрота квадроциклов, ни самопроизвольно сработавшая защита на броне. Вскоре о существовании патруля напоминало лишь черное скопление медуз, собравшихся на пиршество.

— Побольше бы нам таких устройств! — пробормотал Прокопий, потрясенно глядя на внешне невозмутимую Кристин.

— А потом послать охотникам официальный вызов: ждем вас на пустоши, — хмыкнул Лева Деев.

— Уходим, — оборвал эти рассуждения Маркус Левенталь. — Пока медузы не переключились на нас.

— Броню захватить бы, — посетовал запасливый Гу Синь. — Жалко добро Хайнцу и его стервятникам оставлять.

— На обратном пути заберем, — предложил Цветан. — Все равно раньше, чем через три-четыре дня, медузы отсюда не уберутся.

Пабло осторожно взял Кристин под руку. Даже сквозь экзоскелет ощущалось, что девушку трясет. Пабло вспоминал, как сам переживал после первой рукопашной, как его вывернуло наизнанку. А Кристин только что убила четверых человек.

Впрочем, через какое-то время она взяла себя в руки и даже развернула ловушки для отлова особо ретивых и прытких медуз. Энергия электрического заряда темных тварей помогала на пустоши дольше сохранять работоспособность аккумуляторов. Такими ловушками пользовались все охотники, и мало кто знал, что их придумала дочь Маркуса Левенталя.

Кристин и сама выглядела опытной и умелой охотницей, чем-то походя то ли на крадущуюся пантеру, то ли на оказавшегося в родной среде обитателя морских глубин. Она двигалась легко и уверенно, как человек, идущий давно знакомым маршрутом, предупреждая менее опытных участников вылазки об опасностях, безошибочно отыскивая между выбоин, обломков и замаскированных космическим хламом трещин единственно правильный путь.

Казалось, не ведающий света, как и океанское дно, вывернутый наизнанку мир пустоши считал гидропонную нереиду своей. Впрочем, этот край вселенной и в самом деле напоминал загадочный абиссаль, населенный странными, враждебными тварями. Поднявшиеся во время движения литосферных плит причудливой формы скалы не хуже глубоководных желобов выполняли роль ловушек для осадочных пород и космического хлама. Далекие вулканы дымились и вздрагивали, подобно черным курильщикам. Разбившиеся звездолеты хранили тайн не меньше, чем золотые испанские галеоны, а подсвеченный изнутри купол города в этом мире мрака и хаоса казался сказочным янтарным замком.

Вот только сердце этого чуда человеческого гения и упорства оплел жадный спрут, мировой змей, безжалостный и неумолимый. И хотя Пабло был простым рыбаком из сети, он бы не побоялся бросить чудовищу вызов. Однако змей от поединка уклонялся, собираясь нанести удар исподтишка.

— Что-то охотнички наши задерживаются, — вглядываясь в зеленоватую в свете приборов ночного видения мглу, заметил Прокопий.

— Видать, принцесса Сансары оказала слишком теплый

прием, — отозвался Гу Синь.

После суток пути участники операции оказались на гребне перевала Большого кольца. Внизу почти до самого горизонта простирался гигантский котлован, образовавшийся, вероятно, из-за попадания метеорита. Черная звезда и пульсар притягивали не только корабли и человеческие горести, но и обломки небесных тел.

— Да пускай хоть еще сутки там копаются, — отозвался Аслан Хашутогянц, который вместе с сыном и еще тремя геологами простукивал стены прохода, выбирая оптимальное место для закладки взрывчатки. — Лучше подготовимся.

— Что-нибудь удалось уловить? — поинтересовался у Пабло Маркус Левенталь, убедившись, что стрелки надежно скрыты за обломками скал, а взрывотехники вот-вот приведут устройства в готовность.

— Какая-то странная картина, — озабоченно отозвался оператор. — Охотники скоро появятся в зоне видимости. Но помимо них я засек еще чей-то сигнал поблизости.

— Может быть, это из города? — предположила Кристин, которая расставила свои ловушки и устроилась рядом с Пабло, продолжая охранять отряд от медуз.

Весь непростой путь она выдержала молодцом, даже не заикнувшись о привале, и лишь позволила отцу и Пабло взять на себя часть громоздкого снаряжения. Правда, когда она пыталась говорить, в динамиках что-то странно булькало, поэтому она предпочитала общаться в форме сообщений.

— Да нет. Городской сигнал я знаю, — покачал головой Пабло. — Такое ощущение, что ваших охотников пытается взломать еще один оператор, и этот код слишком похож на тот, который мне передавала Онегин, когда мы штурмовали «Нагльфар».

— Неужто мой одноклассник? — оживился Маркус Левенталь.

— Только Шварценберга тут не хватало, — в один голос проворчали Лева и Гу Синь.

— А что, на Раване он и его ребята зажигали знатно, — вступился за старого пирата Цветан.

— Это, что ли, когда вы квасили на спор, кто кого перепьет? — поддел товарища Прокопий.

— Нет, когда альянсовские истребители в космический хлам превращали, — напомнил ему артиллерист.

— Я вижу охотников! — доложил стоявший в дозоре Санчес.

Пабло тоже поспешил вывести на вирт-окна шлемов увеличенное изображение двух танков, которые, выкатившись из

узкой горловины ущелья, резво порысили по уступам и террасам пологой части спуска в долину. В кабине головной машины находилась скованная магнитными наручниками принцесса. Пабло пожалел, что не видит лица, скрытого линзой шлема. Впрочем, он и так помнил, что невеста профессора Нарайана похожа на Кристин лишь белизной кожи и цветом вьющихся волос. Видимо, для безумного правителя Сансары сходство значения и не имело.

— Бедная, — пожалела девушку Кристин, которая сама несколько часов назад едва не сделалась игрушкой профессора. — За что ее так?

Пабло пожал плечами. Он просто не успевал думать о принцессе. Мудрил с оптикой приборов ночного видения, пытаясь приблизить место, откуда получил второй сигнал. К тому времени, когда он засек группу бойцов, притулившихся на одном из обрывистых карнизов, танки как раз выехали на нижний уступ. Пропустив вперед головной танк, двое отчаянных диверсантов проскользнули в узкое слуховое отверстие, предназначавшееся для отлова медуз, и устроили охотникам настоящий судный день. Вскоре к ним присоединились и остальные, среди которых по сделанному на заказ модифицированному экзоскелету Пабло безошибочно узнал Шварценберга. Старый пират, несмотря на сломанный позвоночник, не утратил боевых навыков, и вскоре танк перешел под его контроль.

— Да они всю работу сделали за нас! — разочарованно протянул Прокопий, который, как и остальные, соскучился по боевым операциям.

— Ну, я же говорил, что ребята Шварценберга, когда надо, показывают себя молодцами! — обрадовался Цветан.

— Вопрос, на какой стороне они сражаются, — хмыкнул Гу Синь.

Заслуженный абордажник слишком хорошо помнил прогулку по лабиринту монстров на Васуки, когда ему вместе с Клодом, Дином и Ящером пришлось спасать юных пленников, которых старый пират отправил на съедение чудовищам. Среди заложников находился Брендан.

Пабло тоже часто вспоминал битву у реки Фиолетовой и сражение на пустоши, когда пираты едва не захватили «Падрус» и другие корабли. Впрочем, не мог он забыть и экстренную эвакуацию с Раваны, когда «Нагльфар» вместе с истребителями Содружества прикрывал от штурмовиков Альянса «Луи Пастера» и «Гризли», на борту которых находились не только они с Командором, но и несколько тысяч узников «Панна Моти», спасенных Ритой Усольцевой.

— Не могу понять, почему охотники со второго танка не открывают огонь? — озабоченно проговорил Маркус Левенталь, с напряженным интересом следивший за ходом сражения.

— Они пока не видят то, что видим мы, — пояснил Пабло. — Нынешний оператор молодец, что не важничает и пользуется программами, которые разрабатывала Онегин.

Левенталь только покачал головой. В тонкостях работы защитных систем он разбирался явно меньше, чем в ракетных двигателях.

В это время с головного танка все-таки открыли огонь и тут же получили сокрушительный ответ.

— Вот это выстрел! Это ж надо с первого раза перебить гусеничную ленту! — восхитился Цветан, когда танк, в котором находилась принцесса, закрутился на месте, не удержался на обрывистом склоне и начал падать вниз.

Внутри творился хаос. Членов экипажа, хотя они и были в экзоскелетах, мотало из стороны в сторону, ударяло обо все поверхности. У кого-то раскололся шлем, кому-то незакрепленный ящик с боеприпасами размозжил грудную клетку. Принцесса тоже пыталась закрыться и сгруппироваться, но на нее падали люди и предметы. Потом что-то рвануло, и картинка пропала.

— Ну, что? Можно возвращаться в город? — спросил Аслан Хашутогянц, явно разочарованный, что ему и его товарищам пришлось без толку тащить несколько десятков килограмм взрывчатки.

Не говоря уже о том, к каким ухищрениям пришлось прибегать, чтобы перенести этот опасный и приметный груз к месту сбора.

— Спускаемся вниз, — скомандовал Маркус Левенталь. — Даже если принцесса не выжила, мы должны забрать ключ от сокровищницы. Какие бы планы ни вынашивал мой одноклассник, наш главный козырь в игре против Нарайана я ему отдавать не намерен.

Глава 17. Задира и Клотик

«Контейнер от мусороуборщика», «ланцетник-переросток», «лужица первичного бульона», «испражнение колонии бактерий». Это были наиболее заковыристые, но отнюдь не самые крепкие выражения из тех, в которых Шварценберг объяснял Чико его неправоту. Хотя в другой ситуации парень, сумевший метким выстрелом уничтожить опасного противника, несомненно, заслужил бы похвалу. Впрочем, капитан, который вытрясал из молодого абордажника душу, еще в какой-то мере его спасал.

Даже совместных усилий Шаки и Эркюля едва хватало, чтобы сдержать бьющуюся в истерике Пэгги, порывавшуюся просто свернуть парню шею. А еще говорили, что андроиды умеют контролировать свой гормональный фон, и сильные эмоциональные всплески им не свойственны.

Синеглаз ПГ-319 понимал. И желание поскорее выбраться из треугольника и попасть в знаменитую сокровищницу было тут почти ни при чем. Для него встреча с принцессой Савитри означала не только шанс увидеть родных на Васуки, но и узнать о своих корнях, встретиться с соплеменниками, сумевшими после изгнания с Васуки создать могущественный космический Альянс. Монстры гнилых болот, которым приносили жертвы варрары, хотя и умели обмениваться мыслями, все-таки уже больше напоминали животных, и Синеглаз пуще гнева Великого Се боялся, что такой конец ожидает и его. Отцу после превращений все сложнее удавалось сохранить человеческий облик.

Впрочем, сейчас Синеглаз не думал ни об отце, ни даже о своей туманной судьбе. У него в ушах, хотя, конечно, мысленный зов слышался совсем не ушами, все еще стоял вопль ужаса, который падение с крутого склона исторгло из груди Савитри, ее отчаянный крик и безмолвный призыв о помощи. Человеческий мозг даже в теле андроида не хотел умирать. Впрочем, судя по Пэгги, подобные ей големы цеплялись за жизнь с истовостью живых существ. Сколько бы Шака ни называл их железками. С другой стороны, никто не задавался вопросом, о чем думают срывающиеся со скалы машины.

Когда на одном из нижних уступов подбитый танк объяло пламя, вопль достиг предела, а потом внезапно стих, оставив в душе Синеглаза ощущение давящей и склизкой пустоты. Эта темная бездна, поселившаяся где-то в межреберье, разрывала на части грудь, душила невыплаканными слезами, корежила тело, будто его не защищал крепкий экзоскелет.

Что-то подобное Синеглаз испытал лишь в ночь убийства

царицы Серебряной. А ведь отец заставлял наследника престола присутствовать при самых жестоких казнях. Впрочем, супругу царя Афру княжич любил и почитал почти как мать. Принцессу Савитри он видел только на экране внутреннего наблюдения, но она показалась ему прекраснее трех дочерей Владыки Дневного света.

— Что будем дальше делать, кэп? — озадаченно проговорил Дольф, увеличивая изображение поверженного танка.

Пламя от взрыва боекомплекта уже почти погасло, и лежавшая кверху гусеницами машина напоминала раздавленную черепаху, чей пустой панцирь, опутанный водорослями и облепленный илом и ракушками, сделался частью аллювиальных отложений. Тем более, что окруженный подковой хребта огромный котлован и в самом деле казался дном вселенной, где находят свое пристанище предметы, безвозвратно утерянные в других мирах.

Экипаж признаков жизни не подавал.

Синеглаз четко помнил, что в момент взрыва у всех, кроме принцессы, линзы шлемов были открыты. Хотя оба танка и выглядели видавшим виды космическим хламом, как оказалось, их система жизнеобеспечения функционировала, пожалуй, лучше, чем в последние недели на «Нагльфаре». Во всяком случае, воздух на борту захваченной с боем машины, когда его очистили от гари, оказался вполне пригоден для дыхания и разве что слегка отдавал кровью и экскрементами, но к этим запахам все давно привыкли. Насколько княжич понял по записям внутреннего наблюдения, после жаркой схватки на борту «Эсперансы» охотники позволили себе расслабиться. Эта беспечность в первые несколько минут упростила задачу команде Шварценберга (потом те, кого Пэгги не убила сразу, успели включить защиту), но, видимо, стоила жизни экипажу второго танка.

— Конечно, если принцесса такая же железяка, как ПГ-319, она покрепче нашего брата будет, — заново прокручивая кадры падения, заметил Шака. — Но мозг-то у нее человеческий.

— Ключ от сокровищницы должен был уцелеть, — напомнил Эркюль, выпуская на свободу мартышек.

Удивительно, но после марш-броска и потасовки зверьки чувствовали себя вполне бодро и шумно радовались, что теперь нет необходимости дышать через ребризер. С другой стороны, питомцы Эркюля и не особо притомились, весь путь продремав в специальных углублениях хозяйского экзоскелета, надежность которых однажды испытал на себе и Синеглаз.

— Прежде чем ломиться в сокровищницу, неплохо бы свалить из этой гребаной системы, — напомнил Шварценберг. — Что у

нас с кодом от «Эсперансы»? — требовательно повернулся он к Шаману.

Тот только сердито и безо всякого смака выругался.

— Подавиться мне своими потрохами! Все запаролено! Тут такой уровень защиты, что даже Пабло Гарсиа не разберется. Хотя, с другой стороны, как бы не он эти коды писал!

— В бездну вашего Пабло Гарсиа! — взорвалась притихшая было Пэгги, решительно направляясь к кессонному отсеку. — И «Эсперансу» вашу в бездну. Я иду вниз!

— Отставить! — гаркнул Шварценберг.

— Принцесса Савитри проходила сквозь защитное поле и поднималась на борт безо всякого ключа! — с мукой в голосе проговорила Пэгги.

— Да нет больше твоей принцессы! Железяка ты эдакая! — попытался преградить боевому андроиду дорогу Шака.

— Дочь раджи Сансары жива!

Синеглаз даже сам удивился, когда произнес это. Пустота отступила, тусклый, присыпанный пеплом отчаяния мир расцветал дивными красками, словно поверхность планеты внезапно осветило солнце. Княжич вновь услышал зов. Вернее, едва различимый стон и даже плач. Но он звучал сейчас слаще любых славословий, возглашаемых долгополыми жрецами Великому Се и духам-прародителям. Видимо, Шака оказался прав. Способное к быстрой регенерации тело андроида сберегло человеческий мозг принцессы во время крушения. Да и закрытая линза шлема сделала свое дело.

— Повтори, что ты сказал? — метнулась к княжичу Пэгги.

От неожиданности она перешла в боевой режим, и ее глаза горели красным цветом, точно у гуля или ракшаса. Впрочем, фосфоресцирующие зрачки отца в облике роу-су выглядели не менее впечатляюще.

— Принцесса Савитри жива, — уже спокойнее проговорил Синеглаз.

Он попытался откинуть с вновь намокшего лба прядь волос, наткнулся на недавно обработанную Эркюлем ссадину и сердито зашипел. Боль немного отрезвила, но сердце колотилось пойманным в когти мелким зверьком, вырываясь из груди и устремляясь вместе с Пэгги вниз по склону. Остальные члены команды его воодушевления пока не разделяли.

— А ты почем знаешь, мелкий? — выражая общее недоверие, скептически глянул на княжича Дольф.

— Когда я пробивал вам путь в кабину танка, вы меня мелким не считали! — обиженно огрызнулся Синеглаз. — И когда я обращался роу-су, тоже не спрашивали, как я это делаю.

— Проходческий бур мне в задницу! — мудрено выругался Эркюль, на время забыв про мартышек. — Это ж у нашего кошака, похоже, с принцессой, это, ментальное общение асуров.

— Ты точно, кошак, чуешь, что принцесса жива? — подслеповато прищурив пронзительные льдистые глаза, глянул на княжича кэп.

— И нуждается в нашей помощи, — упрямо кивнул Синеглаз.

— Сказал бы мне кто лет двадцать назад, что придется полудохлую шмару спасать, — взлохматив бороду, хмыкнул Шварценберг.

— Так все ж на благо революции! — вставил Эркюль, совершенно забыв, как несколько недель назад самозабвенно призывал к борьбе с альянсовскими эксплуататорами и свержению монархии на Сансаре.

— И не говори, Хануман, — кивнул Шварценберг. — Принцессы для меня еще апсарских танцев не плясали, — продолжил он, убеждая, видимо, сам себя. — А город все одно в той стороне. Если с девкой не проканает, поищем Пабло Гарсиа. А там и моему однокласснику нанесем дружеский визит.

Знал бы капитан, что знаменитый оператор сети и гениальный конструктор находятся куда ближе, чем он думает.

Когда машина преодолела примерно половину склона, Пэгги, терпеливо сидевшая возле монитора слежения, вновь забеспокоилась:

— Там внизу кто-то есть!

— Да с какого ляда ты взяла? — попытался успокоить ее Дольф, увеличивая изображение.

Долина по-прежнему выглядела неприглядной и безжизненной. Искореженные блоки и модули, перемежаемые обломками скал и грудами камней, напоминали бренные останки древних гигантов, развороченные внутренности которых спешили прибрать летающие ящеры, кавуки и прочие падальщики. Здесь эту роль выполняли медузы, медленной приливной волной наползавшие на подбитый танк.

— Явились не запылились! — сердито проворчал Шака, прибавив пару крепких выражений, которыми отпугивали нечисть. — К мертвякам подбираются.

— Если медузы проникнут внутрь, принцессе не отбиться, — жалостливо покачал головой Эркюль, меняя мартышкам памперсы и угощая их фруктами, извлеченными откуда-то из недр безразмерного экзоскелета.

— А темные твари благородством не отличаются, — кивнул Дольф.

— Сожрут — не подавятся! — цинично заметил

Шварценберг. — Только бы ключ от сокровищницы отрыгнуть не забыли!

Эркюль глянул на капитана с нескрываемой укоризной. В присутствии Пэгги мог бы и не уточнять.

Впрочем, медузы на пиршество почему-то не особо спешили. Вместо того чтобы искать бреши, которые наверняка имелись на искореженной броне, они клубились, собравшись крупной колонией примерно в ста метрах от танка, словно их добыча находилась там. Еще нескольких сотен особей сосредоточились на противоположном склоне хребта, напоминая тени, которые при свете дня пытаются укрыться в расщелины. Синеглаз, конечно, против такого поведения не возражал, но все же не отказался бы узнать причину резкого отсутствия у прожорливых тварей аппетита.

— Почему они никак не доберутся до танка? — выражая общее недоумение, спросил Чико, который, размазывая по лицу слезы и кровавые сопли, сидел в углу возле сантехнического блока подальше от приборной панели и орудий.

— Их отпугивают охотники, которые рыскают по дну, — как о само собой разумеющемся пояснила Пэгги. — Старожилы города научились бороться с медузами и даже придумали специальные ловушки.

— Какие еще охотники? Что за пургу ты тут нам гонишь? — напустился на боевого андроида Дольф. — Там никого нет, это же и мартышкам видно.

— В городе есть экзоскелеты, оборудованные слоем «хамелеон», — терпеливо пояснила Пэгги. — Неужели ты о таком не слышал?

Она перевела изображение, и так транслируемое в режиме ночного видения, в какой-то другой диапазон, и все увидели размытые, как после купания в реке, но все равно очевидные очертания примерно десятка человеческих фигур, окруженных медузами.

— Кучеряво живут, — осклабился Шварценберг. — На черном рынке такая броня стоит дороже истребителя.

— А почему эти невидимки тогда не пользуются связью? — удивился Шаман.

— Скорее всего, ты просто не можешь их засечь, — в который раз усомнился в способностях оператора Шака.

— Я тоже никаких сигналов не могу обнаружить, — поддержала специалиста сети Пэгги. — То есть устройства связи при них, тут меня не обманешь, но они заблокированы, а так, насколько мне известно, поступают лишь нелегалы, поставляющие оборудование на черный рынок.

— Но я все же находил какой-то сигнал, — продолжал недоумевать Шаман. — Вернее, даже не сигнал, а отголосок. Но он почему-то идет со склона.

— Да какие там отголоски, — фыркнула Пэгги, решительно оттеснив Шаку от рычагов управления. — Со стороны города спускается еще одна боевая группа с высококлассным оператором, которого даже я не сразу смогла засечь.

— Так шандарахнуть по ним, и вся недолга! — предложил Дольф, решительно поворачиваясь к плазменной установке.

— Один уже шандарахнул, — осторожно оттер его от орудия Эркюль, на всякий случай спрятав обратно в укрытие мартышек.

И в самое время. Дорвавшись до панели управления, Пэгги врубила форсаж, и танк едва не опрокинуло на крутом повороте.

— Отставить самодеятельность! Я вам всем по черепушкам сейчас так шандарахну! — призвал экипаж к порядку Шварценберг.

Во время рискового маневра его мотнуло вперед, и он ударился головой о какой-то выступ.

— Зачистить обе группы плазмой мы еще успеем, — пояснил он, потирая бронированным пальцем ушибленный лоб. — Но, если продолжим чалиться, как грузовик в поясе астероидов, фраеры со склона нас опередят. Если их не обгонят те, которые внизу. Все по местам! А тебя, птичка! — скрипнув экзоскелетом, повернулся он к Пэгги. — Попрошу без аварий! Чай, не железяки везешь!

ПГ-319 в ответ согласно мигнула красным прожектором активированного в боевой режим глаза, выжимая из танка максимум скорости. Машину, которая и прежде не отличалась ровностью хода, мотало и заносило на виражах. Тяжелый, неповоротливый танк вихлял и рыскал, как перешедший в галоп зенебок. Пассажирам пришлось закрыть линзы шлемов и прекратить разговоры, чтобы не набить невзначай шишек и не прикусить языки.

Впрочем, говорить и не хотелось. Все с замиранием сердца следили за маневрами охотников и перемещением медуз. Невидимкам пришлось обнаружить себя: нижний люк танка заклинило, и они решили разрезать броню. Однако попытка взлома раскрыла их маскировку, и бойцы второй группы открыли огонь. Судя по тому, что двое невидимок упали после первых выстрелов, у их противников свое дело знал не только оператор. Особенно если учесть, что целиться пришлось с расстояния пары километров, а дальность прицельной стрельбы из скорчера не превышала полутора тысяч метров. Невидимки, понятное дело, огрызнулись в ответ, так что атакующим пришлось укрыться за

камнями, и продолжили вскрывать обшивку танка, уже не особо таясь.

— Кусок плазмы мне в зубы! — усмехнулся Дольф. — Вечеринка в честь принцессы становится все более жаркой. Нам не пора присоединиться?

— Проходческим буром вскрывать витрину ювелирного магазина? — строго осадил его Шварценберг. — Видал я в своей жизни безумных медвежатников, но олигофренов среди них не встречал!

В другой раз Синеглаз бы оценил изящество капитанской тирады. Нынче пришлось прикрыть веки и увеличить подачу кислорода: его мутило хуже, чем во время обращения на борту «Нагльфара». Перед глазами плыла рябь. Княжич на всякий случай отстегнул одну из перчаток, чтобы посмотреть на руки. Вместо покрытой серой шерстью лапы с острыми изогнутыми когтями он в ужасе увидел не жилистую и цепкую руку подростка, а закованную в наручники узкую девичью кисть в оплавленной перчатке.

«Великий Асур! Это ж меня, кажется, закинуло в сознание принцессы! Даже с отцом такое случалось всего раз или два. А еще говорят, она не живая».

Похоже, Савитри безотчетно прибегла к ментальному призыву, как это исстари делали ее соплеменники, попавшие в беду. Отец рассказывал, Великий Асур во время гибели едва не досуха вычерпал всех сородичей, до которых сумел дотянуться. Зато, когда кознями мстительных Семма-ии-ргла он оказался повержен, все уцелевшие асуры Васуки получили частичку его силы, и самым могущественным сделался отец.

Сначала княжич словно бы видел голограмму, сквозь которую просвечивала кабина его танка, члены команды Шварценберга и даже экран, с помощью которого контрабандисты наблюдали за происходящим в долине, потом изображение приобрело плотность и объем, а к ощущениям прибавились звуки и запахи.

Глазами принцессы Синеглаз смотрел на оплавленные внутренности машины и почерневшие от копоти обгорелые тела. Во время взрыва боекомплекта лишь двое из экипажа успели закрыть шлемы. Но одного из них расплющило сорвавшимся с креплений ящиком неопознанного оборудования, а экзоскелет другого проткнули трубки системы охлаждения. Бедняга подавал слабые признаки жизни, но шансов не спасение особо не имел. Принцессу Савитри защитила кабина сантехнического блока, но эта же конструкция и заблокировала девушку в том же углу, где у Шварценберга шмыгал разбитым носом Чико. В очередной безуспешной попытке освободиться дочь раджи Сансары неловко

повернулась, и сознание Синеглаза затопила жестокая боль.

«О, светлоликий Шива! О, хранитель Вишну! О, творец Брахма! Зачем вы привязали бедную Савитри к колесу жизни? Почему не отпустили по тропе бесконечных перерождений? Или андроиду и этот путь заказан? И отважная, преданная Пэгги не сможет навестить ее в своем новом воплощении, родившись где-нибудь в другом мире цветком или птицей? Пэгги, Пэгги! Зачем ты меня покинула? Ты же обещала, что не бросишь. Ты же сражалась за свою принцессу до конца. Но даже андроиды не могут выполнить своих обещаний, если в дело вмешивается смерть. И пускай охотников, которые оставили подругу на съедение медузам, постигла не менее жестокая участь. Пэгги уже не вернуть. И язвы ожогов, покрывшие руки и органическую плоть на помятых ребрах, делают боль утраты острее, напоминая, что никчемная дочь раджи нарушила обещание и подругу не смогла починить!»

«Да здесь она, твоя Пэгги! — мысленно вскричал Синеглаз. — Живехонька, здоровехонька. Еще и кэпа с ребятами строит!»

Но Савитри его не услышала, поглощенная своими страданиями.

«А может быть, стоит добраться до скорчера и одним выстрелом прервать эту бесконечную цепочку мытарств, по недомыслию названную жизнью? Но скованные наручниками руки бессильно никнут, при малейшей попытке пошевелиться пронзенные осколками костей легкие пронзает боль, глаза застилает алая рябь, а в уши врезается противный стук и скрежет поврежденных сосудов».

«Каких еще сосудов? Это охотники режут обшивку танка! Дура ты эдакая! Если бы ты прекратила скулить и дотянулась до скорчера, могла бы немного продержаться, а там бы твоя ненаглядная Пэгги подоспела!»

Впрочем, Савитри хотя и выжила, но пострадала серьезно. Весь правый бок, судя по ощущениям, которые Синеглаз сейчас с ней делил, пульсировал жгучей болью, а руки просто превратились в два куска паленого мяса. Даже ускоренная регенерация андроидов не могла сразу справиться с такими ранами. Поэтому в тот момент, когда частично отключившие «хамелеон» невидимки проникли в кабину, принцесса даже при всем желании не смогла бы им дать отпор.

Сначала ее не заметили, занятые поисками уцелевшего оружия, сменных аккумуляторов и запчастей, потом кто-то поднял ящик с оборудованием, который девушку фактически спас.

— Эй, братцы, да тут у нас кто-то, кажись, живой! —

донеслось до княжича сквозь обморочную пелену, застилавшую сознание принцессы.

— Оставь его, Билли, или пристрели, чтоб не мучился. Если охотники нас заметят, отправят на нижний рудник, если не поджарят на месте.

— Да это ж баба! — не сдавался Билли, осматривая находку. — Да при том в самом соку, — добавил он, внимательно разглядывая Савитри сквозь линзу ее шлема.

— Где ты видишь сок, Билли? — указывая на опаленный бок принцессы, продолжал ворчать его товарищ. — Тебе в городе мало калек?

— Ничего, отнесем ее Йохану Даллену, он ее подлечит, — принял решение Билли, поднимая Савитри на руки и переваливая ее через плечо, наподобие тюка с поклажей. — Она еще у Хайнца будет апсарские танцы плясать! И я буду не я, если не огребу за нее кучу денег!

Савитри попыталась пошевельнуться, безотчетно сопротивляясь уготованной ей жестокой судьбе, но израненное тело пронзила такая боль, что сознание ее окончательно померкло.

— Уходят, сволочи! И уносят наш ключ!

Разноголосый вопль команды, сопровождаемый звериным воем Пэгги, вернул Синеглаза в его собственное тело. Танк уже почти преодолел спуск, а группа с противоположного склона и вовсе прорубала дорогу по дну котлована, поливая противника шквальным огнем. Однако невидимки по-прежнему обгоняли всех на несколько шагов. Один из них, рослый и крепкий, видимо, тот самый Билли, нес Савитри, остальные успели нагрузиться в танке каким-то чудом уцелевшим хламом.

— Ну и людишки, — пренебрежительно выцедил сквозь зубы Дольф. — Своих обирают, мародеры хреновы!

— Я же объясняла, это черные копатели, — напомнила Пэгги. — Они с охотниками не в ладах.

Понимая, что резво лавирующих между груд космического хлама похитителей неповоротливой машине не догнать, она снова передала рычаги управления Шаке и начала пробираться к выходу в надежде покрыть расстояние на своих двоих. Тем более, численность копателей-невидимок второй отряд сократил почти на треть.

И в это время на дисплее связи высветилось странное до абсурдности сообщение:

> «Клотик[15] вызывает Задиру. Запрашиваем огневую поддержку».

— Это еще что за сильфидская грамота? — обиделся Шаман, безуспешно пытаясь найти следы взлома.

Ничего не обнаружив, он попытался удалить сообщение, но Шварценберг его отстранил.

— Марки? Это действительно ты? — хрипло прокричал он в переговорное устройство, безуспешно стараясь, чтобы голос не сильно дрожал.

— Ну, а кто, по-твоему, Саавиле, еще может помнить твою кличку в приюте на АК-4774, — отозвалось устройство запыхавшимся, но бодрым голосом, который кэп сразу же узнал.

— Марки! Старый ты зенебок! Я ж тебя чуть не аннигилировал!

Капитан, изо всех сил напрягая усталые глаза, вглядывался в противоположный склон, силясь разглядеть человека, которого тридцать лет считал погибшим.

— Ты, Саавиле, всегда сначала делал, а потом задумывался о последствиях! — не без ехидства отозвался Маркус Левенталь, который, в отличие от капитана «Нагльфара», удивления от встречи, кажется, совсем не испытывал.

— А ты, Марки, пока все продумывал на сто ходов вперед, обычно гешефт упускал! — кое-как справившись с изумлением, не остался в долгу Шварценберг. — Тебя потому Клотиком и прозвали, что докричаться до тебя, когда ты уходил в свои расчеты и вычисления, выходило сложнее, чем до зависшего компа. Кстати, по поводу компа. А не западло тебе было вламываться в мою систему? Мог бы и с уважением попросить!

— Так это не я, а Пабло Гарсиа, — весело отозвался Левенталь. — А ты его знаешь. Он парень горячий. И до охотничков из долины ему не терпится добраться. Да и код ему твой более чем знаком.

— Ну, я же говорил, что мы Пабло Гарсиа отыщем! — просиял Эркюль. — А получается он сам нас нашел. Теперь «Эсперанса» наша!

Синеглаз тоже едва не подпрыгнул от нетерпения. Хотя он никогда не встречался со знаменитым на всю галактику оператором, он знал Пабло Гарсиа не только как уникального мастера кодировок, но и как пасынка Семена Савенкова. Командир вестников с гордостью показывал голограммы семейного архива, на которых ладный кучерявый парень учил мальчонку лет семи держаться на воде и пользоваться гравидоской. Синеглаз тогда отчаянно завидовал маленькому Алехандро, что у того есть старший брат.

— Не знаю, что там насчет «Эсперансы», но как бы нам снова «Нагльфар» не потерять, — озабоченно покачал головой Дольф,

который помнил, как оператор и его товарищи десять лет назад лишили Шварценберга корабля.

— С Пабло Гарсиа шутки плохи, — подтвердил Шаман.

Остальные тоже выглядели озабоченными: восторгов Эркюля никто особо не разделял. А Шварценберг и вовсе скривился, точно ему предложили отведать несусветную дрянь. Такое выражение Синеглаз у него видел, когда на пиру у отца бравый кэп вместо хмельного сыченого меда по ошибке хватанул топленый табурлычий жир.

— Так это ты, Марки, получается, при помощи этого чистоплюя, однажды лишившего меня корабля, пытаешься теперь отжать мой ключ? — уточнил он с вызовом.

Маркус Левенталь предпочел неудобный вопрос не брать нахрапом, а для начала попробовать обойти.

— Давай, Задира, чуть позже разберем, кому принадлежит ключ, и кто как собирается его использовать. В конце концов, нехорошо разумное существо и красивую женщину рассматривать только как приз в гонке. Для начала надо остановить шаромыжников из банды Хайнца, которые вообразили, что в броне с «хамелеоном» станут не только невидимыми, но и неуязвимыми.

— Но у них же принцесса! — возмутился Эркюль. — Мы бы давно их на пиксели порвали, если бы не опасались ей навредить! Она и так там еле живая, — добавил он, не уточняя, из-за кого девушка получила все свои травмы. — Еще одну бомбежку не переживет!

— Я прошу всего лишь устроить небольшой завал на дороге, — терпеливо объяснил Левенталь. — Саавиле вам расскажет. Он помнит, мы так делали еще на АК-4774, когда хотели проучить зарвавшихся охранников и воспитателей. У вас есть кто-то, кто сумеет произвести достаточно точный выстрел?

Пэгги уже наводила орудие.

— Как я раньше не догадалась! — приговаривала она, разворачивая пушку и наводя ее на скалу, выступающую над тропой на расстоянии приблизительно ста метров от того места, где сейчас находились похитители и принцесса.

Грохот обвала сотряс котлован. Кажется, дернулась даже Савитри, которая пребывала в глубоком беспамятстве. Во всяком случае, Синеглаз ощущал ее присутствие очень слабо. Хотя черные копатели от неожиданности застыли как вкопанные, налетев один на другого и едва не уронив свой драгоценный груз, их замешательство продлилось недолго. Тем более, теперь их подгоняли скорчерами уже с двух сторон. Пэгги, Дольф и Эркюль решили, что ждать развития событий, наблюдая за ними из

танка, — преступное расточительство драгоценного времени. Чуть позже к ним присоединились Шварценберг, Чико и Синеглаз.

Отыскивая дорогу между камнями и обломками, стараясь выдержать тот безумный темп, который их группе вновь задавала отчаянная Пэгги, княжич не уставал удивляться отсутствию медуз. Темные твари клубились черными грозовыми тучами по краям котлована, но близко подобраться не решались. При том, что лакомой органики в долину спустилось более чем достаточно. Впрочем, гораздо больше медуз Синеглаза сейчас волновали похитители.

Хотя в сложившейся ситуации единственным выходом для людей неведомого Хайнца оставалось вступить с бой и погибнуть с честью или же сдаться и молить о пощаде, ни того, ни другого они не сделали. Они даже не попытались прикрыться принцессой и вступить в торг.

Отдав часть добычи жавшимся возле скал товарищам, пятеро из них вроде бы устремились в атаку, да так отчаянно, что всем преследователям, превосходившим их сейчас вчетверо, пришлось спешно укрыться за камнями и стрелять почти вслепую. Когда же удалось высунуться, оказалось, что возле завала нет ни копателей, ни их добычи, ни принцессы Савитри. Причем слой «хамелеон» тут не играл никакой роли.

— Они что, открыли портал? — не понял Дольф.

— Просто ушли под землю, — ответил Левенталь.

— Тут весь хребет изрыт пещерами и ходами до самого рудника, — пояснил какой-то коренастый боец из его группы, устремляясь в видимый пока только ему лаз.

— Думаю, под землей мы их точно нагоним! — поддержал его один из товарищей, голос которого показался Синеглазу знакомым.

— Если медузы не сожрут, — заметил еще один из спутников конструктора, чья массивная фигура тоже вызывала у княжича какие-то смутные ассоциации. — В таких пещерах темные твари и прячутся, нашего брата поджидая.

— Да с чего бы им нас сожрать, Прокопий, — отозвался обладатель знакомого голоса, лихо съезжая по пологому спуску. — У Кристин, аки у Владычицы Морской, все темные твари на посылках.

Хотя Синеглаз понятия не имел, кто такая Кристин, массивного бойца и его товарища он сразу вспомнил. Прокопий и Цветан помогли Камню из рода Могучего Утеса вынести из дворца дочь царицы Серебряной. Синеглаз не только не выдал их, но указал безопасный путь.

Нынешние своды тоже болезненно напоминали подземные

ходы дворца, по которым княжич, закутавшись в плащ, чтобы его не узнали, вел тогда спасителей маленькой царевны. Только сейчас наследница царского рода находилась не в надежных объятьях друзей, а в руках бесчестных похитителей. Ее зов Синеглаз ощущал сгустком концентрированной боли. Только система регенерации андроида позволяла Савитри до сих пор оставаться живой безо всякой помощи в поврежденном скафандре.

Пэгги, хотя зова и не могла слышать, но тоже ощущала боль подруги как свою. Она обогнала даже местных бойцов, обнаруживших подземный ход, и теперь неслась вперед безумным наваждением, уверенно нагоняя похитителей, а ее тень плясала по желтоватым каменистым сводам гигантским нетопырем. Бойцы обоих групп мчались со всех ног за ней, как ездовые кавуки Страны Тумана, следующие за вожаком упряжки.

Преследователи сократили расстояние до какой-то сотни шагов, когда впереди что-то ослепительно вспыхнуло, а потом стены сотряс жуткий грохот. На головы бойцов, вздымая тучи пыли, посыпались камни. Между копателями и их преследователями встала стена. Синеглаза сначала отбросило назад, потом что-то больно ударило по правому плечу и спине, опрокидывая наземь. Сверху упал кто-то тяжелый, не позволяя пошевелиться и даже вздохнуть. И последним, что запечатлело его сознание перед тем, как померкнуть, был отчаянный, срывающийся на крик зов принцессы Савитри.

Глава 18. Искатели потерянного ключа

— Все живы? Где малыш? — крутил по сторонам головой Эркюль, пытаясь протереть линзу шлема и отряхнуть пыль. — Чико, я не тебя имел в виду.

— Да вон он, твой кошак! Хануман! — успокоил укротителя мартышек Шварценберг, рывком поднимая на ноги Синеглаза. — Что ему станется? У него ж девять жизней! Ты лучше скажи мне, где Пэгги и Дольф?

Пока княжич, борясь с дурнотой, пытался сохранить вертикальное положение, а Эркюль и кэп оценивали потери, Левенталь и его люди начали осторожно разбирать завал, чтобы вытащить пострадавших. Среди тех, кого пришлось буквально откапывать, оказались оба недостающих члена отряда Шварценберга и боец, который первым обнаружил подземный ход.

— Аслан, ты жив? — пытался дозваться до него Цветан, прикидывая, как бы освободить товарища из каменного плена, еще больше не навредив.

— Нога не движется, — делая слабые попытки пошевелиться, выдохнул Аслан. — И бок болит. А где Смбат?

— Да здесь я, папа! — бросился к завалу сын. — Меня Гу Синь и Супер-Лев ко входу оттолкнули, — пояснил он ломким мальчишеским баском, указывая на еще двоих участников погони, отличавшихся военной выправкой.

— Мы с Гу Синем тебя лишь у самого выхода подхватили, — поправил парнишку Супер-Лев.

— А из-под камнепада тебя твой отец вытащил, — добавил Гу Синь.

— Только сам увернуться не успел, — умиротворенно улыбнулся Аслан.

Синеглаз невольно представил, как бы в такой ситуации повел себя князь Ниак, и ему сделалось грустно. Возвращаться домой совсем не хотелось.

— Что это было? — громыхал Прокопий, с остервенением ворочая здоровенные глыбы.

— Коктейль Шикомару, — осмотрев следы на камнях, определил Супер-Лев.

Синеглаз даже присвистнул. Горючий состав, известный в Сольсуране также как огонь Хоала, обладал поистине сокрушительной силой. Одной бутылки хватало, чтобы

уничтожить целое войско или разрушить город. Шварценберг однажды применил его, пытаясь вырваться из ловушки, которую ему устроили товарищи Командора в краю болот, и потом царица Серебряная долго возмущалась, объясняя, что в Содружестве это вещество входит в число запрещенных. Жители города под куполом ее мнение разделяли.

— Они что там, совсем долбанулись — такое ядреное месиво в замкнутом помещении использовать? — возмутился Цветан, простукивавший стены в попытке определить, насколько велика площадь завала и нет ли угрозы нового обрушения.

— Хайнц иных и не держит, — отозвался Гу Синь. — Скажи спасибо, что мы свою взрывчатку на склоне оставили. Если бы и она сдетонировала, накрыло бы всех.

— И что теперь будем делать, кэп? — ожидаемо растерялся Чико, который неловко мельтешил в проходе, пытаясь помочь в освобождении Дольфа, но только путался под ногами.

— А ты как думаешь? — задал Шварценберг вопрос, на который не собирался дожидаться ответа.

Синеглазу иногда казалось, что старый пират терпит в команде бестолкового парня, только чтобы иметь возможность объяснять всем подряд очевидные вещи. Впрочем, на этот раз княжич недоумение незадачливого абордажника разделял. Хотя он продолжал слышать зов несчастной принцессы, попавшей из огня да в полымя, он прекрасно понимал, что на ту сторону гор силой мысли не перенестись.

— Ну, мы же должны как-то догнать похитителей, — неуверенно предположил Чико.

— Вот именно, что как-то, — хмыкнул Шварценберг. — И делать это придется, кажется, на своих двоих. Танк в подземные ходы не пройдет. Только, если мы останемся здесь разгребать этот гребаный завал, ублюдки с «хамелеоном» донесут до города наш ключ и устроят нам с Марки полную задницу!

— Может быть, есть какой-то другой тоннель? — предположил Эркюль, который вместе с Прокопием и Цветаном вынес на поверхность Дольфа и теперь споро включился в освобождение Пэгги, оказавшейся в самом эпицентре взрыва.

— Нормальные герои всегда идут в обход! — согласился с Обезьяньим богом Шварценберг.

— Да есть там тоннели, есть! — простонал Аслан, которого тоже наконец освободили и несли к выходу. — Только мы их, кажется, завалили!

— А этот почему оставили?

Простодушие Чико не переставало удивлять.

— Да никто его не оставлял! — обиделся Цветан, который

как раз давал Пэгги координаты для выстрела. — Только вы попробуйте сделать наводку на глаз и без расчетов!

— Тем более, этим ходом никто не пользовался уже лет двадцать, — вступился за товарища Гу Синь.

— Он удлиняет путь до города раза в четыре, да и угодить там под обвал легче, чем пристыковаться к орбитальному терминалу, — пояснил Супер-Лев.

— В любом случае, прежде чем двигаться к городу через перевал, надо еще раз проверить тоннели, — подытожил Левенталь, который наравне со своими людьми участвовал в раскопках. — Тем более, время у нас терпит.

Пока шел разбор завалов, Синеглаз стоял у стены, стараясь никому не мешать. Иной помощи он оказать не мог. Ужасно болело плечо. Хотелось лечь в темном уголке, свернуться калачиком, прикрыть морду хвостом с кисточкой и, опустив острые уши, на сутки погрузиться в блаженные грезы сна роу-су.

Однако, когда речь зашла о поиске обходного пути, княжич взбодрился и собирался уже лезть дальше в горы. Должен же кто-то защищать неожиданно разросшийся отряд от медуз. Но Эркюль заверил его, что тут и без них достаточно опытных горняков, а темных тварей жители города научились отпугивать с помощью каких-то мудреных приборов.

— Но там же принцесса! — с трудом переставляя ноги, простонал Синеглаз, ощущая, каким все более далеким и почти неразличимым становится зов Савитри.

— И мы ее обязательно спасем, — заверил княжича Эркюль. — Местные надеются, что вход в более короткий тоннель завалило не полностью, и хотят там все проверить. С ними сейчас Шака отправился. А он отмахал отбойным молотком на шахтах полжизни, пока к нашему кэпу в команду не попал. Пойдем, малыш, пока там без нас все припасы охотников не съели!

Как выяснилось, Синеглаз оказался не единственным, кому требовалось передохнуть и подкрепить силы. Откликнувшись на просьбу школьного друга, Шварценберг, проявив невиданную для него щедрость, позволил бойцам обоих отрядов расположиться в кабине танка, куда до этого уже перенесли всех раненых. Наиболее серьезные травмы получили Дольф и Аслан. Еще троих бойцов из отряда Левенталя задело во время перестрелки.

— Не надо тут ничего дезинфицировать, — возмущалась Пэгги, которую местные поначалу приняли за человека. — Поменяйте мне топливо, и все органические ткани регенерируют за полчаса!

— А какой у тебя тип реактора? — спросил ее житель города, выглядевший старшим ровесником Левенталя и Шварценберга.

Почтенного старца звали Джошуа Грином, и, несмотря на возраст, он считался лучшим специалистом по ядерной энергетике. Сейчас он что-то мудрил с движком танка, на чем свет стоит костеря охотников за небрежение к технике. Двое молодых бойцов ему помогали, привычно пропуская стариковское ворчание мимо ушей.

Пэгги развернула вирт-окно с рядами цифр и значков, и Джошуа Грин удовлетворенно кивнул, давая понять, что просьба боевого андроида вполне выполнима. Его помощники закрыли линзы шлемов и увели довольную ПГ-319 в реакторный отсек.

В это время какая-то девушка из отряда Левенталя, используя походный анализатор и различные чудодейственные лекарства из арсенала вестников, оказывала помощь Дольфу и остальным раненым.

Эркюль настоял, чтобы она осмотрела и Синеглаза.

— Да он же совсем ребенок! Ему еще в школу надо ходить! — всплеснула целительница руками, помогая княжичу освободиться от экзоскелета, чтобы проверить, не сломаны ли задетые камнями плечо и ключица.

— Это наш гардемарин, — представил подопечного укротитель мартышек, вновь давая свободу своим питомцам.

При виде целой оравы забавных зверьков строгая целительница издала неопределенно-восторженный возглас и поскорее убрала подальше хрупкие инструменты и лекарства.

Хотя девушка даже в кабине танка продолжала дышать преимущественно через ребризер, закрывавший нижнюю часть ее лица, Синеглаз отметил, что она почти также прекрасна, как принцесса Савитри, и при этом чертами схожа с Левенталем.

— Это Кристин, моя дочь, — представил красавицу конструктор, от которого не укрылось, как откровенно пялится на нее Шварценберг.

Княжич тоже оценил и янтарный оттенок стянутых в строгий узел волос, и лучистый блеск глаз, и достоинства ладной фигуры, которые и не думал скрывать обтягивающий комбинезон. Все-таки женщин надзвездных краев не просто так считали богинями. Разве только цвет кожи Кристин Левенталь выглядел чересчур бледным, и под глазами залегали глубокие тени. Но ведь девушка родилась и выросла в мире, незнакомом с солнечным светом, и недавно совершила изнурительный переход.

— Хорошо, что предупредил, Марки, — осклабился пират, со смаком облизывая пальцы, измазанные в жире кутулуха.

В танке у охотников нашлись не только концентраты, но и мясные консервы местного производства, дразнившие Синеглаза дивными запахами.

— Потому и предупредил, что замашки твои лучше, чем кто-либо из присутствующих, знаю, — кивнул конструктор, переводя взгляд с пирата на занятую пациентами дочь.

Следовало заметить, что, хотя старые товарищи общались настолько просто и непринужденно, будто расстались лишь вчера, каждый пытался показать свою значимость, а заодно прощупать почву, словно пробирался между камней по дну илистой реки.

— Ты еще, Марки, скажи, что у тебя уже и внуки есть, — добродушно поддел друга Шварценберг, наблюдая, как Кристин хлопочет возле Синеглаза, обрабатывая антисептиком его синяки и ссадины.

Поначалу княжич хотел возмутиться: маленький он, что ли, чтобы над ним квохтать? Переломов и вывихов нет, а остальное и само собой заживет. Но руки Кристин успокаивающе пахли травами, а прикосновения снимали боль лучше всяких лекарств. В конце концов, даже взрослым воинам требовалось немножечко тепла и заботы.

— Внукам порадоваться пока не довелось, — развел руками Левенталь. — Но, если выберемся из этой передряги, все возможно.

Он указал на ладного кудрявого бойца, который, разложив на приборной панели замысловатое операторское оборудование, увлеченно копался в коде системы. Шаман следил за его действиями едва ли не с благоговением, временами забывая дышать.

На лице Шварценберга появилось давешнее выражение неприкрытой неприязни. Будто мясо оказалось протухшим, а горячий, тонизирующий напиток, который вестники называли кофе, превратился в жижу гнилых болот. Этот человек, несомненно, был ему знаком.

В это время боец обернулся, чтобы бросить взгляд в сторону Кристин, и Синеглаз тоже узнал в нем возмужавшего пасынка Семена Александровича, знаменитого Пабло Гарсиа.

— А я тебя, Задира, предупреждал, — усмехнулся Левенталь, явно наслаждаясь произведенным впечатлением. — Наш оператор — парень горячий.

— Ты бы, Марки, прежде чем вести речь о внуках, сначала убедился, что твоему будущему зятю в плену ничего не оторвали, — пытаясь за привычной похабщиной скрыть досаду, сердито буркнул Шварценберг. — Их же тогда с Командором на Раване, кажется, отымели во все дыры. Видел я их сразу после освобождения — в гроб краше кладут.

Синеглаз подумал, что в Сольсуране за подобные слова, да

еще сказанные в присутствии любимой женщины, воины травяных лесов спрашивают с обидчиков кровью. Пабло Гарсиа тоже вскинулся, чтобы вмазать по наглой пиратской морде. Левенталь его остановил.

— Насколько мне известно, — проговорил он невозмутимо, — эти замордованные пленники тоже неплохо поимели тогда весь Альянс, сломав хребет «Панна Моти». А насчет всего остального Кристин виднее. Ты же знаешь, современная молодежь нашего мнения не спрашивает.

— Если бы этот гусь пролетный взломал мне код от «Эсперансы», — примирительно проговорил Шварценберг, — я бы ему не только Кристин — свою дочь отдал, которой у меня, впрочем, нет.

Хотя Кристин благоразумно сделала вид, будто ничего не расслышала, озорной взгляд, которым она обменялась с оператором, красноречиво говорил о том, что идея пирата ей по душе. Мать на отца, увы, никогда так не смотрела, опасаясь лишний раз глаза поднять. Зато маленькая царевна нередко так поглядывала на Синеглаза, одобряя его шалости и идеи совместных проделок.

— Хочу тебе напомнить, Задира, — сверкнул огненными карими глазами конструктор, — что «Эсперанса» — это мой корабль.

— На который ты все равно не можешь попасть, — парировал пират. — Не переживай, Марки, у меня и «Нагльфар» пока на ходу, его бы только слегка подзарядить. Если ты поможешь мне перекачать в мои емкости энергию из аккумуляторов «Эсперансы», я, так уж и быть, возьму на борт не только тебя с твоей куколкой, но даже этого фраера из межсети. Хотя, заметь, с псами Содружества мне связываться нет никакого резона, мне совсем не улыбается, чтобы в мою систему, как в прошлый раз, жучков-червячков навешали.

Синеглаз, которому Эркюль после осмотра торжественно вручил банку консервов, едва не подавился попавшимся ему слишком жилистым куском. Подобной наглости он даже от Шварценберга не ожидал.

— Саавиле, а ты вообще в курсе, что из системы Эхо не смог выбраться еще ни один корабль?

Оказывается, Левенталя все-таки можно было удивить.

— Ну, ты же для чего-то перестраивал «Эсперансу», — мигом вспылил Шварценберг. — Я сорок лет в большом космосе и выбирался из таких кротовин, которые считали непроходимыми даже Семма-ии-Ргла. Да и «Нагльфар» далеко не такая рухлядь, как может показаться на первый взгляд. Ты смотри, Марки, я

предложил, но могу и передумать. Ты мне еще не объяснил, для чего тебе понадобилась эта полудохлая шмара, которую тут величают принцессой Савирти. Решил тоже на старости разбогатеть?

— Мое богатство пока со мной, — с достоинством отозвался Маркус Левенталь, подняв руку к седовласой голове, а потом красноречивым жестом указав на Кристин и Пабло Гарсиа. — А еще на этой планете есть город, за который я считаю себя в ответе. Поэтому, хотя на «Эсперансу» я тебе попасть помогу, а вот твоим щедрым предложением вряд ли воспользуюсь. И даже буду рад, если ты не только покинешь систему, но и увезешь отсюда принцессу Савитри.

Шварценберг разразился чередой невнятных междометий.

— Потроха Великого Се! Знал я всегда, Марки, что ты долбанутый бессребреник. Но добровольно соглашаться похоронить себя заживо в этой дыре ради каких-то ублюдков, которые тебя выперли из города, это уж слишком. Что-то ты тут темнишь! Ибо в здравости твоего рассудка я пока не готов усомниться.

— Да что тут темнить, — пожал плечами Левенталь. — Я построил город, в котором теперь окопалась альянсовская мразь во главе с бывшим членом совета директоров «Панна Моти» Шатругной Нарайаном. Этот зарвавшийся упырь хочет свалить отсюда на моем корабле, заграбастав все чертежи и прихватив в качестве приза не только клона своей невесты, но и мою дочь.

И вновь Синеглазу пришлось спешно глотать непрожеванное мясо, чтобы не подавиться, узнав об аппетитах правителя Сансары. Впрочем, асуры всегда отличались алчностью, да и не только они.

— Я бы на месте Нарайана поступил так же, — отсалютовав смутившейся Кристин, признался Шварценберг.

— При этом он намеревается лишить этот мир последней надежды, уничтожив в городе генераторы воздуха, — пропустив мимо ушей реплику пирата, приберег на конец главный козырь Левенталь.

— А если черная звезда не выпустит его? — потрясенно взъерошил и без того всклокоченную бороду Шварценберг, который, сколько Синеглаз его знал, никогда не забывал о тылах. — Куда же он тогда вернется?

— Потому я и говорю, что этого сумасшедшего надо остановить, — тихо, но веско вымолвил Левенталь.

— У тебя, Марки, как я полагаю, уже есть готовый план? — выжидающе глянул на старого друга Шварценберг.

— Скорее, запасной вариант, — развел руками ученый. — Раз

в игре с ключом инициативу у нас перехватили, предлагаю лишить самозваного принца Сансары присвоенного не по праву корабля.

— Долой эксплуататоров Альянса! — поднял кверху кулак с бананом Эркюль.

— Лишить корабля, — хмыкнул Шварценберг. — Ты так говоришь, будто твой хваленый оператор придумал, как взломать гребаный код от защитного поля.

— Он уже его расшифровал, — едва не прослезившись от умиления, доложил Шаман, стараясь говорить тихо и не делать лишних движений, дабы не отвлекать Пабло Гарсиа от работы. — Мы теперь пытаемся создать зеркало, чтобы в городе не сразу узнали об утрате контроля.

— Пожалуй, Марки, я все-таки вывезу твоего зятя в большой мир и помогу тебе город спасти, — покачал головой Шварценберг, полагая, что его слова сойдут за похвалу. — Зачем искать гребаный ключ от сокровищницы, когда есть такой взломщик.

— А как же принцесса Савитри? — в один голос вскричали Синеглаз и Пэгги.

После замены топлива боевой андроид вновь воспрянула духом, ее многочисленные раны затягивались буквально на глазах, и она была готова ради подруги не просто пройти через горы, но и вручную срыть весь хребет, предварительно открутив голову Шварценбергу. Тем более что, по словам вернувшихся разведчиков, короткий путь через тоннели оказался свободен: завал перегородил тропу немного в стороне от входа.

— Думаю, в этом предприятии нам стоит разделиться, — уловив посыл ПГ-319, примирительно предложил Левенталь. — Тем более, на танке в городе все равно нечего делать. Пока одна группа попытается еще раз перехватить принцессу, мы сумеем помешать планам Нарайана, вернув контроль над моим кораблем.

— Но хватит ли нам людей? — засомневался Джошуа Грин, который, узнав о планах конструктора, почему-то очень забеспокоился. — У нас пятеро раненых. К тому же экспедиция на «Эсперансу» может затянуться. К тем, кто вернется в город, возникнут вопросы.

— Мы все равно не сумеем правдоподобно объяснить, откуда у простых проходчиков, отправившихся исследовать новый шурф, появились плазменные ранения, — насмешливо сверкнул узкими, как два изогнутых клинка, глазами Гу Синь, который только что вернулся из разведки и одним из первых выразил желание продолжить погоню.

— Все, кто покинул город ради поисков потерянного ключа, знали, на что идут, — согласился с ним Аслан, делая попытку приподняться, опершись на руку сына.

— Те, кто не хочет подставлять близких под удар, как раз могут вернуться, воспользовавшись легендой о разведке нового участка шахты, — подытожил Левенталь.

— Что же касается количества, мои ребята тоже в деле! — протянул ему бронированную руку Шварценберг.

— Я всегда знал, что ты хороший человек, Задира, — с благодарностью ответил на рукопожатие конструктор.

— Главное — правильно мотивировать! — хмыкнул пират, отбирая бойцов в обе группы. — Думаю, троих моих орлов, чтобы докопаться до этих копателей, хватит. Шака и Эркюль хорошо знают горы, а долбанутую железяку с сиськами все равно ни один завал не удержит.

— Только без нас не улетайте, — зная повадку капитана, предупредил Шака, пополняя запасы энергии, кислорода и провианта.

— Мы не можем бросить Брендана и остальных! — обеспокоенно глянула на отца Кристин, которая объясняла Джошуа Грину, как отпугивать медуз.

Оказывается, это она научилась управлять темными тварями пустоши и теперь переживала, что вынуждена остаться вместе с ранеными. Впрочем, отец и жених ее бы все равно никуда не отпустили.

— Брендан — это, что ли, Вундеркинд? — подзывая мартышек, улыбнулся Эркюль, который, как выяснилось, знал большую часть бойцов из отряда Левенталя, помимо Пабло Гарсиа. — Этот шебутной повеса тоже здесь? Да в такой теплой компании можно и в городе остаться. Тут для революции даже более благодатная почва, чем на Сансаре!

— Власть династии раджей священна! — сверкнула Пэгги красным глазом в боевом режиме. — А с новым топливом я и в горах не пропаду. Мне бы только Савитри у этих мутантских ублюдков отбить.

— Копателей Хайнца лучше перехватить на пустоши, — оценив силы новых бойцов, проводил инструктаж Гу Синь, которого назначили командиром группы.

— Вопрос лишь в том, как их засечь, если они включат этот проклятый «хамелеон»? — встопорщив жесткие усы, выразил свои сомнения Цветан.

— Так у нас же есть кошак! — спохватился Эркюль.

— Какой такой кошак? — недоуменно переглянулись Прокопий и Цветан.

Синеглаз вспомнил, что фамилия одного из них как раз переводится как «кот».

Обезьяний бог восторженно указал на княжича.

— Вот этот мелкий? — в один голос вскричали Прокопий и Цветан.

Синеглаз едва не зашипел от досады. Уж эти-то двое могли бы и помолчать. Когда пять лет назад он им показывал дорогу, его мелким не считали.

— Наш гардемарин определяет, где находится принцесса, словно у него внутри радар, а на нее навешан маячок, — осклабился Шварценберг с такой гордостью, будто это он лично обучил Синеглаза пользоваться ментальной связью асуров.

— Постойте, я же этого мальца знаю! — нахмурился Цветан.

— Да это ж сын сольсуранского цареубийцы, — раньше него узнал княжича Прокопий.

— Сын за отца не в ответе! — вступился за подопечного Эркюль.

— Ну да, конечно! — недоверчиво хмыкнул Прокопий. — А защитное поле кто тогда отключил? Только мелкий беспрепятственно проходил в покои царицы.

Синеглаз закусил губу от обиды, безуспешно пытаясь сдержать подступившие к глазам предательские слезы. Называется — встретил вестников. Худшие опасения оправдывались. И что теперь? Бить себя в грудь, рассказывая, как помогал спасти маленькую царевну? Но ведь кое в чем Цветан прав. Это Синеглаз невольно показал отцу, как преодолеть защитное поле. А и пошло оно все к Хоалу! В нем видят сына цареубийцы? Он сделает все, чтобы стать таким же, как отец. Вот только легче от этой мысли почему-то не становилось.

Выручил опять Левенталь. Похоже, от старого школьного друга он ожидал и не таких сюрпризов.

— Ну у тебя и команда, Задира, — с уважением усмехнулся он. — Боевой андроид Альянса, принц из закрытого мира и революционер с мартышками. У тебя там, часом, слизней с Альпареи или Семма-ии-Ргла в резерве нет?

— А что ты, Марки, имеешь против слизней? — упер руки в боки Шварценберг. — Главное, чтобы дело знали. Щупальца или лапки — это, знаешь ли, не оправдание. К счастью, наш кошак не только след принцессы находит лучше любой ищейки, да еще и о приближении медуз предупреждает быстрее всяких мудреных сканеров.

— Семен Александрович рассказывал, что княжич — парнишка толковый, даже нашему Алехандро в пример его ставил, — ненадолго оторвавшись от системы, вступился за

Синеглаза Пабло Гарсиа.

А ведь царица Серебряная и погибшие вестники входили в число его самых близких друзей.

— Да и вообще сейчас не самое лучшее время ворошить прошлое и перебирать союзников, — подержал его Гу Синь.

— Но организм подростка просто не выдержит еще один переход, — внимательно выслушав все доводы мужчин, вмешалась Кристин. — Мальчик и так измотан, да и травм у него хватает.

Синеглаз почувствовал себя совсем сбитым с толку. Хотя какая-то часть его души откликнулась на слова целительницы теплом: давно о нем никто, кроме Эркюля, даже не пытался заботиться, — другая ощетинилась и выгнула спину. Ох уж эти женщины! В том, что касалось детей, уроженки надзвездных краев мало чем отличались от матушки или сольсуранок. Даже иногда вели себя еще хуже, окружая чад чрезмерной заботой. Но княжич-то уже не ребенок. В конце концов, сын Аслана, участвовавший в перестрелке и затем помогавший выносить из пещеры раненого отца, всего на три-четыре года старше него.

— До города мы нашего котеночка, если что, и донесем, — заверил целительницу Эркюль. — А там его подлечат.

— Надеюсь, Ящер уже отыскал Брендана, — добавил Гу Синь.

— Тем более, мы тоже не на увеселительную прогулку отправляемся, — примирительно обнял дочь Маркус Левенталь.

Собрав все необходимое, искатели потерянного ключа покинули кабину танка и, обойдя по склону завал, двинулись вверх по тропе в сторону входа в пещеру.

Карабкаясь по отвесному склону между нагромождений обломков скал, валунов и космического хлама, пробираясь во тьме по узким ходам пещеры, Синеглаз прислушивался к зову принцессы Савитри и думал о предстоящей встрече. Хотя Маркус Левенталь, Кристин, Гу Синь и Пабло Гарсиа высказались в его поддержку, он понимал, что для вестников навсегда останется чужим. А значит, следовало повнимательней присмотреться к родне по линии отца. Конечно, Шатругна Нарайан задумал чудовищное преступление, но у асуров всегда существовали причины ненавидеть людей, а в том, что глава научного отдела асур, княжич не сомневался. Почему только, если зов несчастной Савитри бил по нервам криком птицы, рыдающей над разоренным гнездом, любая попытка отыскать ее могущественного жениха встречала лишь глухую пустоту? А еще княжич в какой-то момент понял, что слышит и ощущает Кристин.

Глава 19. Награда для мародера

«Когда Великий Асур вывел свой народ к планетам Головы Заклинателя змей, он обещал соплеменникам, остававшимся на Васуки, что вернется за ними и заберет. Но злокозненные Сема-ии-Ргла, опасаясь, что асуры соберут силы и вновь попытаются отыскать сокрытую царем Арсом амриту и окончательно уничтожить восставших против них людей, изменили законы пространства и времени и закрыли обратный путь. С тех пор народ асуров остался разделен, а источник Вечной жизни и могущества сделался недоступен».

При чем тут Великий Асур, который потерпел сокрушительное поражение в прошлом и не сумел избежать гибели в настоящем? При чем тут трагедия разделенного народа и легенда об амрите? Хотя сокрытую Сема-ии-Ргла за туманностью червоточину сумел обнаружить Саав Шварценберг, записанный в Звездном реестре как первооткрыватель Васуки, присоединить планету к Альянсу Змееносца так и не удалось. Да и не имело смысла: большинство остававшихся в затерянном мире асуров либо погибли, либо превратились в зверей. А о местонахождении амриты сохранились лишь легенды, настолько туманные, что их уже десятилетие не могли расшифровать самые лучшие ученые всех обитаемых миров.

Конечно, сейчас даже маленькая частичка чудодейственного эликсира пришлась бы очень кстати: аксоны и дендриты израненного тела, превратившись в настоящее дерево боли, слали в измученный мозг за сигналом сигнал. Вот только неизвестно, могла ли добытая магическим путем амрита помочь в исцелении тела андроида.

Конечно, потрепанный процессор уже запустил программу регенерации тканей и стабилизации гормонального фона. Если бы мозг принцессы Савитри все еще находился в человеческом теле, она бы просто не выжила даже с закрытой линзой шлема. Хотя в момент взрыва спецкостюм немного защитил от взрыва и пожара, его клапаны оказались не в состоянии отфильтровать ту безумную концентрацию угарного газа, которая образовалась в кабине. Да и при таком количестве ожогов и травм люди без своевременного оказания медицинской помощи обычно не выживают даже в броне с новейшей системой жизнеобеспечения, умирая от кровопотери, интоксикации и болевого шока.

Андроиды тоже чувствуют боль. Без этого они бы просто бросались под скорчеры и бездумно гибли. Но их порог значительно выше, да и восстановление органических тканей

происходит в десятки раз быстрей и не требует врачебного вмешательства. При этом тратится колоссальное количество энергии, которую можно восполнить от аккумулятора или с помощью кормовой биомассы. Для Савитри последнюю отлично заменяли сладости. Во время жизни во дворце она их поглощала в неумеренных количествах безо всякого вреда для фигуры.

Парадоксально, но последние четыре года организм андроида сумел продержаться исключительно за счет энергии найденных на пустоши аккумуляторов, как подарок судьбы воспринимая концентраты и консервы, которые они с Пэгги находили на разбившихся кораблях. Пэгги-Пэгги! Неужто все-таки произошло то, чего ты так боялась? Неужто ты стала сытью для медуз?

В самом конце погони незадолго до завалившего тоннель взрыва Савитри почудилось, будто подруга ее зовет. Но она сочла, что это всего лишь галлюцинации, вызванные болевым шоком и сбоем процессора, пытающегося вытянуть из аккумуляторов хоть каплю ресурсов на восстановление тканей. Увы, энергии с трудом хватало на выработку кислорода в скафандре и абсорбцию испарений. А все, что Савитри сумела получить в виде энергии и достаточно калорийной еды на «Эсперансе», было истрачено во время схватки с охотниками.

В тот миг, включившись вслед за Пэгги в круговорот зловещей пляски смерти, она не испытывала страха, не задавалась вопросом поиска своего места в ткани бытия, не пыталась понять, где же проходит грань между жизнью и смертью, не думала о неизбежной расплате за убийство.

Все стало просто и ясно. Охотники, которых послал Шатругна, пытались растоптать ее жизнь, покушались на свободу, стремились разлучить с самым близким для нее существом и за это утрачивали право называться людьми, сравнявшись с хищными тварями пустоши. Граница, видимая и осязаемая, проходила вдоль защитного поля «Эсперансы», а потом переместилась в отсеки корабля.

— Поддай огонька, подруга! — просила Пэгги, и Савитри послушно вставала на позицию и удерживала ее, позволяя выиграть несколько мгновений, которые требовались боевому андроиду, чтобы поменять аккумулятор.

— Прикрой меня, милая! — командовала Пэгги, покидая укрытие, и Савитри стреляла с обеих рук, пока Пэгги цеплялась за раскаленные поручни или взбегала по стене, чтобы обойти нападающих сзади.

— Мы будем жить вечно, — смеялась боевой андроид, расстреливая боекомплект.

— И возродимся в едином лотосе, — в тон ей отзывалась

Савитри.

В этот миг ей казалось, что скорчер превратился в несокрушимый лук Шивы, а они с Пэгги, подобно Раме и Лакшмане, защищают мир от полчищ алчных демонов. И неважно, что последователи Великого Асура толковали древнюю историю иначе, чем мудрецы Земли. В краткие мгновения битвы Савитри чувствовала себя куда более живой, нежели за десятилетия праздного существования во дворце, более искренней, чем за годы приторного притворства. Она очищала мир от скверны и с радостной песней смотрела в лицо богини смерти. Что может быть прекрасней, нежели уйти в миг наивысшего напряжения сил, сражаясь рядом с тем, кто стал бесконечно дорог.

Но все обернулось иначе. Впрочем, свой нынешний плен и раны Савитри воспринимала кармой за недоверие Пэгги. Как она могла усомниться в том, что подруга желает ей добра? Как посмела обидеть ее жестокими упреками? Нескольких часов общения с охотниками хватило, чтобы понять, почему Пэгги так старательно избегала встреч с ними. Нынешние ее хозяева, эти стервятники, промышлявшие мародерством, выглядели еще омерзительнее, а их разговоры отметали всякие сомнения в том, какая их добыче уготована судьба.

— Эй, Билли! Десяток медуз тебе в штаны! Брось ты уже эту дохлятину! Тебе, что ли, в городе баб мало? — пробираясь по узким коридорам природного тоннеля, безостановочно нудил щуплый, вертлявый тип, предлагавший пристрелить Савитри, чтобы не мучилась.

— Отвянь, Шарки! — пыхтел Билли, который волок свою ношу с упорством муравья, взвалившего на спину здоровенную гусеницу. — Мне баб всегда хватало. И, заметь, не потасканных кляч с уровня мутантов, а свеженьких цыпочек. А вот другим мужикам, которые приходят расслабиться к папаше Хайнцу, достаются либо беззубые старухи, либо ни на что не годные калеки.

— И мрут эти никчемные шалавы чаще, чем штрафники на руднике, — поддержал Билли здоровяк, который в узких местах едва протискивался и исцарапал уже всю макушку шлема.

— Ну, у тебя, Бычара, всегда в одном месте свербит, поэтому ты меньше чем с тремя ядреными телками не ложишься, да и те не выдерживают, — снисходительно хмыкнул Шарки. — А я говорю, что чем всякую падаль на пустоши подбирать, лучше бы устроили облаву на уровне старателей. Там знаете сколько горячих цыпочек? Одна Недотрога нашего Ндиди чего стоит!

Савитри сделала попытку дотянуться до скорчера своего

носильщика, беспечно оставленного на поясе. Не то чтобы ее так уж заботила собственная участь или печалила нелегкая доля женщин, оказавшихся в западне нижних уровней. Просто до смерти хотелось заткнуть канализационную трубу по имени Шарки, непонятным недоразумением считающую себя человеком. Однако даже малейшая попытка пошевелиться вызвала новую вспышку боли, так что перед глазами поплыла рябь, а процессор едва не ушел в перезагрузку.

Эх, где бы раздобыть хотя бы пару допотопных гальванических аккумуляторов! Но охотники в танке не дали ей даже глотка воды. Нынешние тоже не собирались делиться скудными запасами. И правильно делали. Как показала схватка на корабле, хотя Савитри не обладала силой и выносливостью Пэгги, имей она побольше зарядки, наручники бы ее не остановили.

— Ты как был беспредельщиком из занюханного окраинного мира, так и остался, — осадил Шарки еще один участник вылазки. — Никаких понятий не сечешь. Облаву устроить. Тоже еще придумал. Да это ж безопаснее разворошить пчелиный улей.

— Думаешь, Тьяо, шахтеры пойдут с кайлами против скорчеров? — с вызовом подбоченился Шарки.

— За своих жен, дочерей и сестер с голыми руками пойдут, — убежденно кивнул Тьяо.

— И Ндиди тебе первый наваляет! — поддержал его Бычара.

— К тому же, рудокопы тоже захаживают к Хайнцу: баб-то в городе и в самом деле не хватает. А нашему патрону нет никакого резона клиентов терять и тем более войну устраивать, — обрадовавшись поддержке приятелей, добавил Билли.

— Но из-за твоей полудохлой шмары мы все едва не попались! — не унимался Шарки. — Не принесет эта баба нам ничего, кроме геморроя!

— Ты, Шарки, если бы этим охотникам задницу не показывал, улепетывая во все лопатки, пока мы отстреливались, глядишь, и геморроя бы меньше словил, — ехидно посоветовал подельнику Тьяо.

— Да откуда эти типы со скорчерами на наши головы вообще взялись? — досадливо протянул Бычара. — Не похожи они как-то были на охотников. И откуда только танк надыбали?

— Да уж, если б я не захватил из города коктейль Шикомару, накрылась бы наша лавочка фотонным отражателем, — согласился с товарищем Тьяо.

— Вот я и говорю, — не сбавляя темп, подытожил Билли. — Если охотники, или кто они там на самом деле есть, показали такую прыть, пытаясь забрать у нас эту девку, значит, она какая-

то важная птица! И когда Хайнц кучу бабла за нее отвалит, вы старину Билли еще поблагодарите.

Поскольку Савитри понимала, что пусть к выздоровлению для нее невозможен без энергии или еды, она, несмотря на боль и омерзение, внимательно слушала разговоры похитителей, пытаясь хоть как-то сориентироваться и выработать план дальнейших действий. Если Создатель, Хранитель и Разрушитель решили оставить ее в живых, то в память о Пэгги она сделает все, чтобы обрести свободу и отомстить.

Первой ее мыслью было назваться мародерам и попросить отнести ее к Шатругне. Однако, проанализировав обрывки разговоров ныне покойных охотников, вспомнив их пренебрежительное отношение, решила этого не делать. Когда она пришла в себя, ей явно дали понять, что ее жениху она нужна главным образом как ключ от сокровищницы, а невеста у него и в городе имеется.

Савитри почувствовала боль, но не удивилась. Если хорошенько подумать, все их отношения с Шатругной выстраивались в стройную цепочку предательств. В голове не укладывалось другое: даже если фактический правитель Сансары нашел под куполом женщину, а за годы взросления принцессы-клона он и не пытался вести жизнь монаха, тем более, их религия и не предполагала моногамию, как он собирался доказать свое право на престол?

На сегодня к династии раджей принадлежали только потомки мятежного Арвинда Вармы, около пятидесяти лет назад предпринявшего попытку разрушить на Сансаре кастовую систему. Однако следы Даярама — единственного из сыновей мятежника, который не погиб по время подавления восстания, затерялись где-то в окраинных мирах. Во всяком случае, корабль, на котором опальный принц пытался вывезти свою семью, пункта назначения так и не достиг. Неужели пути наследников жестоко обрубленной ветви династии тоже вели в треугольник Эхо?

Незадолго до того, как неизвестные преследователи или мстители подбили танк, Савитри почувствовала присутствие кого-то из сородичей, а чуть позже ей показалось, что потомков асуров в котловане двое, и они даже действуют сообща. В какой-то момент перед ее глазами мелькнула кабина второго танка, мертвые тела убийц Пэгги и какие-то незнакомые люди в экзоскелетах. Потом она увидела белокожую и золотоволосую девушку, чье сходство с Эгле Вармой, дочерью принца Даярама и простолюдинки с Земли, не вызывало сомнений. Неужели эта незнакомка — выросшая под небом Эхо четвероюродная сестра и новая невеста Шатругны? Но тогда что она делает в стане его

противников и недоброжелателей? Впрочем, выбирая женщин для опочивальни, Шатругна редко когда спрашивал их согласия.

Впрочем, присутствие предполагаемой кузины Савитри ощущала очень слабо. Даже если девушка и принадлежала к династии раджей Сансары, пользоваться ментальной связью асуров она явно не умела. Зато второй соплеменник, обладавший очень сильной и почти чистой кровью, не только смог уловить неосознанный призыв о помощи, но, кажется, даже поделился капелькой энергии. Именно благодаря его поддержке Савитри все еще не потеряла сознание и не сошла с ума от боли. И этот незнакомец сейчас находился где-то рядом, пытаясь преодолеть горы таким же подземным путем. Временами Савитри, попав в сознание сородича, видела освещенные тусклым светом фонарей тяжелые своды еще одного тоннеля и группу бойцов в экзоскелетах. С мародерами делиться этой информацией она, понятное дело, не собиралась, ибо точно знала, что спутники неведомого асура желают ей добра.

Пользоваться ментальной связью для ее сородичей вошло в привычку задолго до изгнания с Васуки. Только после смерти отца и переселения в тело андроида вокруг принцессы Савитри почти не осталось асуров с достаточно чистой кровью, и она искренне полагала, что тоже утратила возможность использовать дар мысленного общения. Шатругна ее в этом не пытался разубедить.

Хотя сам он и вел род от древнего первопредка, способность посылать зов он утратил, когда чудовищным напряжением всех духовных и физических сил выбрался из ловушки, в которую восемь лет назад превратилась фабрика «Панна Моти» на Раване. Кшатрии, неожиданно начавшие штурм здания, тогда предали не только мятежников, но и тех членов Совета директоров, которые не вступили с ними в сговор. А Маргарита Усольцева, сумевшая спасти сорок тысяч доноров, осталась глуха к мольбам сотрудников и высшего руководства, обрекая их на гибель под обломками. На призыв Шатругны о помощи тогда откликнулись не только все асуры Раваны, но и они с отцом. И потерю голоса в общем хоре соплеменников бывший член Совета Директоров не считал высокой платой за подаренную ему жизнь.

Вот так и получилось, что долгих четыре года, пока они с Пэгги скитались по пустоши, Шатругна даже если искал потерянную невесту, силой ментального призыва обнаружить ее не мог. Впрочем, сейчас Савитри была этому почти рада. Пэгги, Пэгги! Подруженька милая! Где бы отыскать такой мир, чтобы снова встретиться с тобой!

— Эй, Сэм, проходческим буром тебя по голове! Ты под ноги

смотреть будешь? — вновь нарушил тишину подземелья неугомонный Шарки, запнувшийся за ногу идущего впереди мародера.

— А ты фонарь поярче включи, чтобы на людей не налетать! — посоветовали ему.

— Я бы включил, кабы нас от короткого тоннеля не отрезали. А так не знаю, хватит ли нам энергии: до города-то теперь в три раза дольше пехать.

— Если что, у нас нынче запасных аккумуляторов навалом, — напомнил ему рассудительный Тьяо. — У охотников разжились.

— Только бы отстреливаться снова не пришлось, — выдохнул Билли, совсем сгибаясь под своей ношей.

«Еще как придется! — мстительно подумала Савитри. — И гораздо раньше, нежели вы рассчитываете. И никакой хамелеон вам тут не поможет».

Она не только знала от неведомого соплеменника, что преследователи выбрались в долину по ту сторону хребта и теперь двигались в их направлении, но и улавливала знакомый сигнал, который служил путеводным маяком долгих четыре года скитаний. Пэгги, подруженька любимая! Неужели ты каким-то непостижимым образом не только уцелела, но и сумела собрать команду, чтобы спасти свою Савитри? Это предположение, поначалу казавшееся совершенно невероятным, обрело реальность, когда система получила стандартный запрос на обмен данными по каналу, которым могли пользоваться только они с подругой.

«Держись, моя милая! — гласило послание. — Мы уже близко!»

— Выключайте ваши фонари нафиг! — тем временем скомандовал Бычара. — Я вижу свет.

В самом деле, концентрированная тьма узкого лаза, которая завораживала, точно взгляд бездны или зрачки змеи, стала менее беспросветной, сменяясь серым сумраком. Отряд прошел еще около полутора тысяч шагов, и их взорам открылся купол расположившегося на обширном плато города. Поскольку за четыре года на пустоши Савитри почти отвыкла не только от дневного, но и от нормального искусственного освещения, довольствуясь тусклым фонариком в убежище и лампами аварийной сигнализации на «Эсперансе», в первый миг она едва не ослепла.

Хорошо, что в следующий миг тропа сделала крутой поворот, и Билли, на закорках которого она по-прежнему болталась, страдая от боли и стараясь не делать резких движений, развернул свою ношу лицом к скале. Так что на следующем повороте

Савитри уже обвыклась и сумела все хорошо рассмотреть.

Скрепленные прочными макромолекулярными сплавами прозрачные ячейки взметнувшегося над пустошью горделивого купола напоминали гигантскую вощину пчелиных сот. И точно янтарные соты медом, они сочились и буквально истекали светом. Свет заливал долину, делал более выпуклым и зримым рельеф окрестных гор, придавая им сходство с резными стенами украшенного скульптурой древнего храма. Тем более что золотистый карнотит и мягкий песчаник, из которых были сложены отвалы, широко использовались при строительстве и на Сансаре.

Обеспечивающий город энергией рудник тоже вносил свой вклад в изменение облика долины. Груды шлака перемежались с кучами отбросов и других отходов жизнедеятельности людей, которые ненасытно и деловито поглощали вездесущие медузы. Возле выходов из шахт сновали тяжелые грузовики, вывозившие в горы отработанную породу, по периметру возвышались генераторы защитного поля и антенны системы коммуникаций. От похожих поселений на непригодных для терраформирования планетах Город под Куполом отличало только отсутствие солнечных батарей, ибо черная звезда и пульсар не излучали в диапазоне видимого света. Зато датчики андроида и система жизнеобеспечения экзоскелета зафиксировали увеличение уровня радиации. Судя по особенностям стандартной конструкции, в городе от нее имелась защита.

Впрочем, о жестком излучении и степени безопасности города Савитри сейчас думала меньше всего. Все ее сенсоры все явственнее фиксировали приближение дружественного отряда, и она замирала на своем неудобном месте из страха себя выдать. Неведомый асур и Пэгги вели своих спутников точно в их сторону, и слой «Хамелеон», который, выйдя из тоннеля, включили мародеры, тех, кто смотрел не глазами, в заблуждение ввести не мог.

«Внимание, подруга! Сгруппируйся, и постарайся укрыться за камнями», — гласило очередное послание Пэгги.

Савитри собрала остатки сил и послушно попыталась последовать приказу. Однако в это время Билли, упорно продвигавшийся по склону, неожиданно пошатнулся и упал, едва не раздавив своей немаленькой тушей бедную Савитри.

— Мать твою во все дыры, Билли! У тебя что там, щупальца вместо ног?

По поводу несвоевременного падения товарища Шарки, кажется, мог разоряться полсуток, даже не пытаясь помочь или узнать, что произошло, но в этот миг, словно исполняя мечту

Савитри, горы озарила вспышка выстрела, и на месте ротового отверстия Шарки образовалась гигантская дыра. Такая же участь постигла еще троих мародеров. Через миг на головы остальных обрушился смертоносный шторм в обличии хрупкой изящной женщины.

Хотя Савитри лишь недавно видела Пэгги в рукопашной, она в первый миг решила, что это взорвался пульсар или проснулся один из вулканов. Остальные бойцы отряда от боевого андроида старались не отставать. Даже те из мародеров, которые успели достать скорчеры, оказались повержены до того, как сделали хоть пару выстрелов. Только Билли и Тьяо взяли живыми, и то лишь потому, что не хотели причинить вред Савитри. Теперь магнитные наручники перекочевали на их запястья.

— Высочество мое, подруга! Как же я тебя не уберегла! — ворковала Пэгги, сноровисто меняя Савитри аккумуляторы, давая обезболивающее и вводя через соединительный клапан в вену усиленную дозу глюкозы. — Потерпи. Вот доберемся до города, там тебя более основательно подлечат.

— Главное, ты сама не осталась на пустоши. А еще переживала, кто тебя будет чинить, — не имея сил шевелить губами, посылала ей сообщения Савитри.

В это время человеческая, вернее, асурская часть ее сознания обменивалась церемонными приветствиями с соплеменником, которым оказался самый хрупкий и невысокий из членов отряда. Сначала Савитри удивилась: мужчины асуров всегда были рослыми и отличались крепким телосложением. Потом поняла, что перед ней еще ребенок, уже не младенец, но пока еще отрок — потомок древней династии Васуки, чей отец недавно сумел вернуть по праву принадлежащую ему власть.

— Он решился бросить вызов наследникам царя Арса в надежде на поддержку соплеменников с Раваны, Сансары и Кали, — пояснил юный Синеглаз.

Савитри почувствовала стыд. Хотя Альянс заблокировал в Совете Галактики резолюцию, осуждающую дворцовый переворот и убийство сотрудников исследовательской экспедиции, реальной помощи асуры Васуки так и не получили. Жалкие подачки, которые князь Ниак использовал на покупку наемной армии, не решали даже проблем его ввергнутой в пучину междоусобицы страны, не говоря уже об угнетенных сородичах гнилых болот. И, несмотря на это, юный княжич из затерянного мира рисковал жизнью, чтобы спасти принцессу Сансары. Как пояснила Пэгги, только благодаря умению добродетельного отрока использовать возможности ментальной связи его спутники узнали, что Савитри жива, и сумели ее отыскать.

— У этого мелкого чутье лучше, чем у дрона-разведчика! — пояснила Пэгги.

— Скажи просто, что у него нюх настоящей ищейки, — снисходительно потрепал Синеглаза по плечу длинный худощавый боец.

— А если точнее, Цветан, то кошака, — поправил его гигант по имени Шака, который хоть и прекрасно взаимодействовал с Пэгги в бою, но иначе как железякой ее не называл.

И вновь Савитри почувствовала неловкость от того, с каким пренебрежением эти мужланы говорили о прямом потомке Великого Асура. Хотя Синеглаз внешностью походил на подростка из людского мира, разве что отличался необычной красотой, он, как и его отец, не утратил способность принимать облик тотемного предка, которой не могли похвастаться даже самые родовитые аристократы Альянса.

— Я превращаюсь в горного кота роу-су, только когда отец надевает чужую личину, — скромно потупившись, объяснил юный княжич.

— А ну, кто тут нашего котеночка обижает? — вступился за отрока тюленеобразный здоровяк, из микрофона которого доносились странные звуки.

Если бы Савитри не знала, что это невозможно, она бы подумала, что под броней у него копошатся мартышки. Впрочем, княжич, видимо, неспроста представил его как Ханумана, хотя остальные бойцы называли его Эркюль.

Проверив систему жизнеобеспечения Синеглаза, Хануман-Эркюль принялся помогать Пэгги восстанавливать поврежденные пластины защитного костюма Савитри. Билли и его приятели, подсчитывая грядущие барыши, о такой мелочи даже не подумали. Хорошо, что андроиды менее чувствительны к агрессивному воздействию внешней среды. Да и у асуров эта защита отлажена лучше.

— Ну, как там наше Высочество? Готово к переезду в новую резиденцию? — поинтересовался невысокий ладный воин.

Его звали Гу Синь, и он командовал отрядом.

— Мы уже выступаем? — закрепляя последние пластины экзоскелета подруги, встревоженно спросила Пэгги.

— Охотники из патрулей могли засечь вспышки выстрелов, — пояснил командир.

— Говорил я, макромолекулярными клинками обойтись, — посетовал приятель Цветана Прокопий.

— Мы не имели права подвергать жизнь принцессы риску! — возмутился Эркюль-Хануман, поднимая Савитри на руки настолько осторожно, что она даже не почувствовала боли.

Впрочем, человеческие анестетики и глюкоза уже начали действовать, а подзаряженная система наконец смогла от экономии энергии вплотную перейти к восстановлению тканей.

— Да какая там жизнь, видимость одна, — махнул рукой Шака, проверяя зарядку аккумулятора своего скорчера.

Савитри хотела было обидеться, но подумала, что гигант в какой-то мере прав. Вся ее жизнь долгие годы оставалась парадной картинкой, скрывающей горькие размышления и неподдельную боль. И почему по непонятной прихоти судьбы только в теле андроида она почувствовала себя по-настоящему живой?

Большую часть пути по горам Савитри умиротворенно продремала, давая процессору возможность восстановить силы. Сначала ее нес Эркюль, потом его сменили Прокопий и Шака. Хотя эти люди не отличались придворным лоском и явно происходили из низших варн, она им доверяла.

Конечно, их тоже интересовала знаменитая сокровищница. Но за возможность выбраться отсюда Савитри бы не пожалела никаких богатств. К тому же она понимала, что Шатругну надо остановить. Прежде она с гневом отвергала все сомнения в здравости рассудка жениха. Даже когда он ради интересов «Панна Моти» и кучки богачей проводил на Сансаре массовый геноцид, который она не одобряла, но которому не могла воспрепятствовать. Однако намерение уничтожить город окончательно убедило ее, что Шатругна — опасный безумец, одержимый идеей разрушения. Не просто так дочь Эгле Вармы и Маркуса Левенталя предпочла ему безродного оператора сети.

— Может быть, зайдем в город через западный шурф? Он отсюда ближе, — предложил Цветан, который вместе с еще двумя бойцами конвоировал пленных.

— Мы не знаем, насколько он безопасен, и какие работы там ведутся сегодня, — возразил ему самый старший член отряда Джошуа Грин, который нес оборудование для отпугивания медуз. — Пару дней назад там случился обвал.

— Я и сам думал о том, чтобы немного срезать путь, — кивнул Гу Синь. — Но на западном направлении всегда слишком много патрульных. А у нас — ценный груз и пленные.

Ох, не в добрый час он заговорил о патрульных. Да еще зачем-то пленных помянул. Отряд прошел еще километров десять, когда Пэгги, которая, как положено боевому андроиду, держалась впереди, предупреждая о подозрительных объектах, передала командиру сигнал тревоги. Со стороны города приближался вездеход.

— Будем отстреливаться? — спросил Шака, переводя скорчер

в боевой режим.

— Попробуем обойтись маскировкой, — покачал головой Гу Синь.

— Надеюсь, я правильно понял, как управлять этими тварями, — подался вперед Джошуа Грин, нажимая на голографической панели какие-то значки.

Конечно, Савитри уже знала, что ее спутники специально приманивают медуз, чтобы укрыть отряд от охотников. Однако, когда вокруг них образовалось плотное облако колышущейся тьмы, она почувствовала безотчетный ужас на грани священного трепета, который люди испытывали перед народом нагов.

— Не бойтесь, Ваше высочество! — бережно пожал ее здоровую руку княжич Синеглаз. — Эти создания не причинят Вам вреда.

— Кажется, обошлось, — выдохнул Гу Синь. — Можно двигаться дальше.

— Постойте! А где эти двое? — всполошился Цветан, имея в виду пленных.

Билли и Тьяо и след простыл.

— Включили хамелеон и воспользовались суматохой, — констатировал Прокопий.

— Но я же сам наручники закреплял и перед выходом еще раз все проверил! — не находил себе места от отчаяния Цветан. — Да и как они прорвались сквозь целую колонию медуз?

— Теперь они нас охотникам заложат, — вздохнул кто-то из бойцов.

— Не заложат, — принял решение командир. — Надеюсь, вы не разглашали детали нашего маршрута?

— Говорила я, навесить на них маячки, — шипела Пэгги, утраивая бдительность. — У этих мутантов даже примитивных сетевых устройств нет. А радиопередатчики они благополучно отключили.

— Эх, предлагал я нести эту железяку с ключом сразу на «Нагльфар», — вздохнул Шака. — И кто сказал, что не хватило бы кислорода.

Хотя Савитри и страшилась жутковатого пиратского корабля, члены экипажа которого непонятной прихотью судеб оказались сейчас союзниками и почти друзьями, идея укрыться в городе нравилась ей еще меньше. Конечно, Гу Синь и его соратники заверили, что убежище надежно, а путь туда известен лишь тем, кто по нему ходил, и предателей среди проходчиков нет, Савитри слишком хорошо знала, на что способен Шатругна. Особенно когда кто-то пытается помешать воплощению его планов.

Меж тем город, издали казавшийся изысканной шкатулкой,

манящей средоточием теплого света, повернулся неприглядной изнанкой в виде куч шлака и свалок. Впрочем, они и входили, можно сказать, через черный ход по старому шурфу давно заброшенной выработки. Вот только на этот раз безлюдный тоннель оказался очень даже обитаем.

— Впереди большая группа людей, и они хорошо вооружены, — доложила Пэгги, когда отряд почти добрался до шахтового ствола.

И в этот миг за спиной у Прокопия и Цветана, которые шли замыкающими, опустился энергетический щит, а из мрака тоннеля выступили не менее двадцати охотников при полной амуниции, вооруженных переносными плазменными установками. Еще десяток стрелков возвышались на галерее, опоясывающей шахту лифта.

— Именем городского совета! Бросить оружие! Руки за голову! — прозвучал хриплый, но властный голос, усиленный громкой связью.

— Твою мать! — выругался Шака. — Называется, сходили в город под куполом!

— Без глупостей! — предупредили охотники, обезвредив из парализатора Гу Синя, который пытался подорвать и обрушить свод.

— Я не отдам тебя им живой! — воспользовавшись внутренней связью, беззвучно вскричала Пэгги, которая вслед за Синеглазом была готова рвать охотников хоть зубами.

— А что это изменит? — горько усмехнулась Савитри. — Шатругне нужен только ключ.

— Но как? Каким образом? Про этот тоннель знали лишь наши, да и то не все, — недоумевал Цветан, пока на его запястьях закрепляли магнитные наручники.

— Простите, ребята, — понурившись, отошел в сторону Джошуа Грин, пока охотники гуртовали пленных.

На Савитри, которая кое-как пыталась стоять, поддерживаемая с двух сторон Пэгги и Синеглазом, никто особого внимания не обращал, и она этому даже обрадовалась. Если их всех отправят на рудник, ее, возможно, не разлучат с Пэгги, а уж боевой андроид что-то придумает. Но радость оказалась недолгой. Когда все бойцы группы Гу Синя, включая Пэгги и Синеглаза, были обезврежены, из-за спин охотников появились намозолившие до боли глаза фигуры Тьяо и Билли.

— Ну, что, шеф, уговор остается в силе? — со странной смесью заискивания и панибратства глянул на командира охотников Билли. — Я думаю, вторая красотка тоже заинтересовала бы папашу Хайнца, да и мальчишка на что-то

сгодиться может.

— Договор был только про полудохлую шмару с пиратской посудины, — строго одернул его охотник, и Савитри поняла, что Билли и его подельник успели наплести три корзины, дабы не рассказывать, откуда на самом деле добыча. — Мальчишка пройдет тесты и, если его признают здоровым, отправится на верхние уровни в интернат. А остальным, как опасным преступникам и рецидивистам, место на руднике. Все равно ни Маркуса Левенталя, ни его дочери, ни долбанного оператора сети среди этих хануриков нет!

— Ну, что, красотка, вижу, тебя успели так хорошо подлатать, что можно хоть завтра приступать к апсарским танцам!

Походя пнув Цветана и грубо оттолкнув пытавшегося защитить принцессу Синеглаза, Билли вразвалочку подошел к своему призу и по-свойски цепко взял за локоть обожженной руки. Савитри попыталась сделать шаг, но правый бок пронзила жестокая боль, ноги подогнулись, процессор ушел в перезагрузку, и мир заполнила спасительная тьма.

Глава 20. Троянский кот и дырка от бублика

Когда на запястьях сомкнулись магнитные наручники, Синеглаз испытал такой шок, словно его ударили по голове снарядом из камнемета. Кажется, известие о том, что «Нагльфар» попал в зону гравитационной аномалии черной звезды, его меньше потрясло. Впрочем, тогда он злился на Шварценберга, мысленно желал его посудине провалиться в Черную дыру и, когда это случилось, почти не удивился. Сейчас же его до глубины души раздражала беспечность вестников.

Уже второй раз на его памяти посланцы Великого Се показали себя клиническими идиотами. Можно подумать, у них особый талант попадать в самые простые ловушки, доверяя тем, кому не следовало бы. Неужели они не заметили, как подавленно и неуверенно с самого начала держался этот Джошуа Грин, как воровато бегали его глаза, когда он узнал о планах Левенталя взять под контроль «Эсперансу»? Но нет, они же выясняли, можно ли доверять сыну сольсуранского цареубийцы, а теперь из-за их недальновидности они все оказались пленниками города, который может в любой момент стать их общей могилой.

Хотя охотники не узнали принцессу Савитри, не стоило сомневаться, что для всесильного Шатругны Нарайана, пусть тот и утратил способность к ментальной связи, разыскать пропавшую невесту не составит труда. Теперь вся надежда, что отец и жених другой наследницы династии раджей сумеют уберечь девушку и вернуть «Эсперансу». Хотя Кристин, кажется, даже не подозревала о том, что, как и все потомки асуров, обладает даром ментальной связи, Синеглаз продолжал ощущать ее ровный, спокойный зов, свидетельствовавший, что у той группы пока все идет по плану. Зато призыв Савитри, в момент новой встречи с мародерами сорвавшийся в гневный вопль, воспринимался глухим отголоском тяжкого сдавленного стона. И что сейчас происходило с принцессой Сансары, Синеглаз даже не брался гадать. Впрочем, он бывал с отцом на невольничьих рынках и примерно представлял, на какую участь обрекали большинство рабынь.

Другое дело, что княжичу и самому сейчас хотелось стенать и рычать, но приходилось просто стучать зубами от холода. Хотя разреженный, как высоко в горах, но в то же время затхлый воздух тоннелей для дыхания подходил весьма условно, экзоскелеты у них отобрали. А в узкой, тесной камере, оборудованной прямо в одном из ответвлений заброшенного

шурфа, каждый камень, казалось, пропитался ледяным дыханием космической пустоты и источал промозглую сырость.

Княжич в который раз пожалел о том, что не может по своей воле примерить шкуру горного кота, прекрасно защищавшую во время зимних прогулок по заснеженным горам. Но поскольку со времени последнего обращения миновало не более пары-тройки недель, отец, видимо, выжидал и копил силы. Оставалось только плотнее прижиматься к мягкому боку Эркюля. Хотя это почти не спасало: бедовый контрабандист и сам дрожал так, что аж стены тряслись.

Впрочем, холод Синеглаз еще пережил бы. Задевало, что тюремщики, прогуливавшиеся вдоль решетки со скорчерами наготове, могли эту досадную трясучку приписать страху. Еще чего! Не сказать, что княжич не боялся. Он помнил рассказы Семена Александровича о том, какие муки пережили в плену Пабло Гарсиа и его товарищи. Да и на публичных казнях, которые регулярно устраивал отец, доводилось присутствовать.

Наверняка у подручных этого Нарайана возникнут вопросы о том, куда отправился и что задумал Маркус Левенталь. И кто знает, насколько далеко они пожелают зайти, чтобы докопаться до истины. Не просто ж так уже сейчас помимо наручников шеи Прокопия, Цветана, Шаки, Эркюля и Гу Синя украсили ошейниками, на каждое резкое движение отвечающими ударом тока. А на процессор Пэгги поставили специальный блок, перекрывающий доступ к боевому режиму.

Впрочем, зря старались. Конечно, все понимали, что без скорчеров и брони побег почти невозможен. Да и защитное поле еще как-то надо преодолеть. Но когда в камеру неожиданно для всех втолкнули Джошуа Грина, никакие наручники и ошейники с током не смогли погасить вспышку праведной ярости, хотя Цветану и Шаке это стоило приступа мучительного, удушливого кашля.

Сам предатель тоже выглядел озадаченным и еще больше напуганным. При этом пытался качать права.

— Но как же наш уговор? — в отчаянии решил напомнить он.

— Остался в силе! — расхохотался ему в лицо один из надсмотрщиков. — Вы скоро встретитесь. Мы же не говорили, где именно!

— Что, старик, обманули? — с издевательским участием поинтересовался не без труда откашлявшийся Цветан. — Пообещали тридцать сребреников — дали дырку от бублика.

— До седых волос дожил, так и не понял, что с шулерами можно садиться играть, лишь имея в запасе крапленую колоду, — вздохнул Прокопий.

— Что они тебе пообещали? — делая неловкую попытку приподняться, спросил Гу Синь.

После попадания из парализатора тело слушалось его с трудом, а слова, произнесенные онемевшими губами, кое-как угадывались только по смыслу. Впрочем, Джошуа Грин ждал этого вопроса.

— Неделю назад незадолго до нашей вылазки на пустошь агенты службы безопасности верхних уровней задержали моего сына Джейкоба якобы по обвинению в экстремизме, — пояснил он, втянув седую голову в плечи. — Мне сказали, что, если я не выведу охотников на след Маркуса Левенталя, моего мальчика отправят на нижний рудник или отдадут в качестве подопытного упырям из генетической лаборатории. И что мне оставалось делать? Вы же знаете, у Джейкоба астма, он в радиоактивной пыли и радоновых испарениях не выдержит и недели, а уж про эксперименты изуверов-генетиков я просто молчу. Вероятно, когда я ушел вместе с Маркусом вниз, мне следовало забрать Джейкоба с собой.

И вновь Синеглаз невольно подумал о своем отце. Рассказывая юному княжичу историю асуров, князь Ниак часто приводил в пример царя Лара, который, заключив перемирие с народами травяного леса, оставил им старшего сына в залог честности своих намерений, но, как только сумел собрать силы, договор нарушил, точно зная, что первенца убьют. Отец говорил, что лишь благодаря поддержке царя Лара Великому Асуру удалось наголову разгромить войско людей, и что после этого поражения и до самого пришествия царя Арса мятежники таились в норах глубоко под землей и боялись даже показаться на поверхности. И все же на месте казненного княжича Синеглаз временами представлял себя. Впрочем, предательство Джошуа Грина забота о семье оправдать не могла.

— И сколько наших ты им слил? — пытаясь оценить масштаб катастрофы, спросил Гу Синь, улучив момент, пока тюремщики, развернув голографические мониторы, отвлеклись на заполнение документов.

— Я не называл никаких имен, — обиделся старик. — Да и про маршрут им соврал, — глянул он на бывших товарищей с мольбой. — Сказал как раз, что мы будем использовать западный шурф.

— Ну, да, конечно, — опасливо оглядываясь на надзирателей, хмыкнул недоверчивый Прокопий. — А Билли с Тьяо кто отпустил?

Джошуа Грин только виновато потупился.

В камере повисла гнетущая тишина.

— Эх, стоило выбираться из шахты на Каллиопе, — вздохнул Шака, — чтобы закончить жизнь на руднике затерянного мира.

— Это точно! — согласился с товарищем Эркюль. — Надо было очень постараться, угодить в ловушку, находясь в плену черной звезды. Я-то думал, что дно мира мы уже пробили!

— Шахта — это еще не самое страшное, — вздохнул Цветан. — Там хотя бы можно вспоминать близких или надеяться на освобождение. А вот введут в кровь какую-нибудь дрянь, так и забудешь, кто ты есть и откуда. Так что моли своего обезьяньего бога, чтобы охотники не узнали, кто оба танка на пустоши подбил.

Синеглаз невольно поежился, хотя куда уж дальше, он и так дрожал хуже, чем в лихорадке. Он хорошо запомнил рассказы Семена Савенкова и Эркюля о программе «Универсальный солдат», суть которой сводилась к попытке изменить человеческую природу и, взяв за образец асуров, создать совершенных существ, неуязвимых и не знающих усталости. Увы, результатом экспериментов становились жуткие мутации вплоть до полной деградации личности. И это при том, что брачные союзы двух рас давали вполне жизнеспособное потомство. Княжич сам родился полукровкой и сумел взять самое лучшее и от матери, и от отца.

Неужели в городе под куполом запрещенная в большинстве миров безумная идея вновь нашла свое воплощение? Впрочем, такие, как Шатругна Нарайан, всегда рассматривали даже сторонников из числа людей как расходный материал. Не потому ли Великий Асур дважды потерпел поражение?

— Да враки, кажется это все, — неуверенно протянул Прокопий. — Насчет экспериментов над людьми. Мутантов на нижних уровнях пруд пруди, а вот сверхлюдей, нечувствительных к радиации, я даже среди охотников не видел.

— И не увидишь, пока сам в виварий научного отдела не попадешь, — хмыкнул Цветан. — Там же всем заправляют змееносцы из «Панна Моти» и этот поганый Нарайан, который даже собственную невесту превратить в робота не пожалел.

— Моя бедная подруга! Как я ее подвела, — всхлипнула Пэгги, досадливо переведя заблокированный процессор в спящий режим. — Уж лучше бы мы с ней на пустоши тихо загнулись без аккумуляторов или стали добычей медуз.

— Скоро мы все тут так или иначе загнемся, — устало поник Цветан. — Речь лишь о том, насколько быстро это произойдет.

— Игра еще не закончена, — напомнил Гу Синь, имея в виду Шварценберга и команду Маркуса Левенталя, которые упорно двигались к цели.

Поскольку Синеглаз стремился любым способом согреться, ментальная связь асуров ему в этом помогла. В какой-то момент сделалось настолько комфортно и тепло, что княжич даже испугался: состояние слишком напоминало губительное оцепенение замерзающего насмерть. Потом, однако, он с облегчением узнал кабину второго танка.

Кристин только что закончила оперировать Дольфа и Аслана и, устроив с максимальным удобством всех раненых, теперь позволила себе немного отдохнуть. Заменив свою странную дыхательную смесь и приведя в порядок волосы, она рассеянно ковырялась в банке с тушенкой, которой ее аж с двух сторон потчевали отец и Саав Шварценберг. Старый пират в роли заботливого няня выглядел комичнее кавука в шкуре косуляки. Синеглаз не видел от сурового кэпа и десятой доли такой заботы. Впрочем, он не жаловался и точно не жалел, что Сааву Шварценбергу юные девушки нравились больше смазливых мальчишек. Вот только с Кристин кэп мог ни на что не рассчитывать. Красавица думала о Пабло Гарсиа, и Синеглаз невольно почерпнул из ее воспоминаний такие нескромные картины, что у него загорелись уши, как после неурочного визита в родительскую опочивальню.

Другое дело, что сейчас наследница рода раджей смотрела на избранника со все возрастающей тревогой. Полностью поглощенный созданием программы-зеркала Пабло уже выглядел едва ли не хуже раненых бойцов, но об отдыхе думать не желал ни под каким видом. Впрочем, танк уже преодолел перевал и спускался в долину, в которой, словно зачарованная огненная колесница из сказок, своих пассажиров ждала «Эсперанса», и защитное поле корабля пропустило пришельцев настолько спокойно, точно и в самом деле признало истинных хозяев. Оставалось только надеяться, что программа-зеркало поможет обмануть охотников и выиграть время.

Хотя тюремщики пресекали всякие разговоры между пленными, Синеглаз все-таки улучил момент, чтобы шепотом поведать товарищам об увиденном. В их ситуации любая хорошая новость дорогого стоила, а известие о том, что не все еще потеряно, вселило надежду. Хотя Синеглаз какое-то время сомневался, а стоит ли рассказывать обо всем в присутствии Джошуа Грина, потом подумал, что неудачливый предатель и так слишком много знал, и охотники, обманув его в отношении сына, потеряли ценного информатора. И все же Гу Синь счел не лишним напомнить о необходимости держать рот на замке.

— Только бы кэп нас не кинул, — с тоской озирая стылые стены шурфа, зябко поежился Шака.

— Ты на кого булку крошишь? — обиделся Эркюль. — У Шварценберга случаются заносы, но он никогда не слыл падлой или крысюком.

— Ты ж говорил, он собирался мальчишку домой вернуть, — напомнил квартирмейстеру Цветан.

— Пока сольсуранский узурпатор его кибернетические кишки ему в рот не затолкал, — добавил Прокопий.

— Что мне до вашего кэпа и игр с кораблями, — угрюмо вздохнула Пэгги. — Савитри все равно продали в бордель!

И вновь точно по заказу Синеглаз услышал зов теперь уже коронованной принцессы Сансары. Савитри пришла в себя. Она лежала в каком-то помещении, напоминавшем импровизированный госпиталь в танке или медотсек «Нагльфара». Во всяком случае дырявая обшивка стен выглядела такой же потрепанной, а оборудование еще более древним. Даже лечебницы для бедняков при храмах Великого Се находились в менее плачевном состоянии.

Впрочем, руки человека, который сейчас осматривал принцессу, умели, казалось, лечить одним лишь прикосновением. Тем более необходимых для андроида препаратов в его незамысловатой аптечке хватало. Хотя врач был молод и выглядел несколько растерянно, дело свое он знал и правильные назначения делал, не прибегая к анализатору, который тотчас бы выдал, что принцесса не совсем человек.

Выпроводив назойливых Билли и Тьяо, он позволил остаться в кабинете лишь одноногому рыжему детине и чернокожему крепкому парню, который смотрел на Савитри завороженным взглядом паломника, узревшего свое божество. И нельзя сказать, что это внимание принцессу раздражало.

Впрочем, она слишком устала и хотела пока просто отдохнуть, давая возможность ранам затянуться. Но Синеглаз мог сказать с уверенностью, что молодой врач и его товарищи будут охранять покой наследницы рода раджей с истовостью настоящих паладинов, и всяким отребьям, если те вздумают предъявить на девушку права, придется сначала иметь дело с ними.

— Постой-постой, — прервал рассказ Синеглаза Цветан. — Как, ты говоришь, этот молодой врач выглядел?

Синеглаз еще раз описал.

— Да точно это Вундеркинд, — просиял Прокопий. — Еще и богадельню Далена к рукам прибрал.

— Какой такой Вундеркинд? — насупилась Пэгги.

— Наш человек и хороший парень, — устало улыбнулся Гу Синь.

— Эх, как бы ему весточку передать, — мечтательно протянул

Прокопий.

Эркюль, словно ожидавший этой просьбы, выпустил на свободу одного из своих питомцев. Оказывается, мартышки каким-то образом сумели перекочевать из скафандра в недра комбеза. Или они с самого начала там сидели, а потом притаились так, что охотники их не заметили?

Хотя подвижный зверек ощутимо радовался свободе и смене обстановки, он не стал сопротивляться, когда Эркюль позвал его к себе, и, выполняя понятную только им двоим команду, сноровисто извлек из потайного кармана хозяина карандаш и бумажный блокнот.

— Это еще что за папирус? — неодобрительно глянула на письменные принадлежности Пэгги, которая явно не доверяла такому ненадежному и нерациональному средству связи, как мартышки.

— На случай обыска я не стал навешивать на Матильду и ее сородичей никаких гаджетов, — любовно поглаживая обезьянку, пояснил Эркюль. — Дедовские методы надежнее.

— Но как она Вундеркинда отыщет? — задал резонный вопрос Гу Синь, закончив короткое зашифрованное послание замысловатым знаком, напоминающим храмовую абугиду.

— Матильда родилась на Сербелиане и земляков чует за версту, — доложил Эркюль, сноровисто запаковывая записку под ошейник.

Наручники ему совершенно не мешали.

— К тому же, она вряд ли забыла наглого мальчишку из Мураса, который сначала дергал ее за хвост, а потом угощал засахаренными фруктами. Во время последней встречи они очень мило общались.

Внимательно выслушав все инструкции, Матильда без особого труда протиснулась между прутьев решетки, пробралась мимо охраны и скрылась во тьме шурфа где-то за пределами защитного поля. Пленники, которым приходилось делать перед надсмотрщиками вид, будто ничего не происходит, со страхом и надеждой по очереди следили за ее перемещениями.

— Но как Брендан узнает, куда нас отправили? — вполголоса поинтересовался Цветан.

— На нижнем участке рудника не менее трех десятков шурфов, и к каждому надо как-то подобраться, миновав охрану, — пояснил Прокопий. — А если кого-то и вправду отправят в лабораторию?

— Так у меня есть еще Брунгильда, Виолетта, Роланд, Зигфрид, Гектор и Меркурий, — похвастался Эркюль, указывая куда-то под комбинезон. — Даже если нас разделят, они дорогу к

каждому отыщут. Так что еще посмотрим, кому достанется дырка от бублика!

Синеглаз вспомнил, что Роланд и Зигфрид в краю вестников слыли великими героями, а Брунгильда и Меркурий приходили к людям, чтобы поведать им волю богов. Хотелось верить, что мохнатые любимцы Эркюля свои горделивые имена тоже неспроста носят.

И все же их будущее выглядело более чем туманным, и все пленники, кроме неисправимого оптимиста Эркюля, похоже, это понимали. Не просто же так поникли могучие плечи Шаки, а у Цветана совсем обвисли еще недавно топорщившиеся боевым задором усы. Гу Синь и Прокопий пока крепились, но командир отряда явно страдал от судорог в мышцах, постепенно отходящих после временного паралича, а здоровяка-вестника мучил жестокий кашель.

Особенно пугал вид Пэгги. Боевой андроид, погрузившись в режим экономии энергии, точно сломанная кукла с остекленевшими глазами, притулилась к грязной стене и даже, кажется, не дышала. Зато Джошуа Грин шебаршился и дрожал за десятерых.

Глядя на него, и Синеглаз почувствовал, как отступивший от избытка переживаний и новостей холод снова находит доступ к защищенному лишь тонким комбинезоном телу, а желудок воркочет докучливую песню. Или это трепыхалось затиснутое между отчаянием и надеждой сердце?

— Не журись, дитятко, и не из таких переделок выпутывались! — ободряюще придвинулся к Синеглазу Эркюль.

Княжич невольно позавидовал его оптимизму. Он попытался утешить себя мыслью о том, что даже если он погибнет на руднике, это не запятнает чести его рода. В конце концов, после разгрома уцелевшие на Васуки асуры выполняли работу мусорщиков или прачек, а не менее грязное ремесло мясника считалось даже почетным.

Но рудник в этот раз ему увидеть не довелось. Он уже кое-как пригрелся под боком у Эркюля и начал от усталости и скуки клевать носом, когда его сладкие грезы прервал резкий простуженный голос.

— Ну и где там ваш пиратский ублюдок?

— Этот, что ли? — переспросил другой, напоминающий клекот летающего ящера.

— Какой чумазый! Сущий дикарь! Не нахвататься бы от него паразитов!

— Я вам покажу ублюдка, кавуковы дети! А своих потрохов на обед попробовать не желаете?

Хорошо, что охотники не понимали сольсуранского наречия! Синеглаз, который успел задремать, как раз видел во сне покои родного дворца, где он мог сутками есть сладости и нежиться на мягких меховых покрывалах, а расторопные слуги были готовы исполнить малейшую его прихоть. Поэтому, услышав неслыханное оскорбление, да еще сказанное таким пренебрежительным тоном, он аж подскочил на месте. Да как они смеют! Потом он опамятовал, что дворец-то остался где-то на Васуки, а он застрял в треугольнике Эхо в двойном плену.

Камера, в которой он сидел вместе с Эркюлем и остальными, никуда не исчезла. Только возле решетки помимо тюремщиков стояли четверо неприятных, тошнотворно прилизанных типов в незнакомой униформе. И они смотрели на него, на княжеского сына, такими взглядами, какими крестьяне из травяных лесов разглядывают выставленных на торг зенебоков и прочий скот.

— Если малец вам не подходит, сплавим его Хайнцу, — равнодушно сплюнул на пол прямо под ноги пришельцам один из охотников. — Там найдут, куда этого блохастого сучонка пристроить.

— На каком основании ты собираешься отправить нашего гардемарина к Хайнцу? Правила городские не знаешь?

Не обращая внимания на боль от ошейника и тяжесть в мышцах, возле решетки поднялся Гу Синь, и Синеглаз подумал, что этот невысокий, усталый человек — прирожденный воин. Хотя чего ожидать от соратника царя Афру, который сражался с ним плечом к плечу при Фиолетовой.

— По мне, так уж лучше его с нами на рудник, — набычился Прокопий, пытаясь заслонить Синеглаза.

— А чем вас не устраивает папаша Хайнц? — глумливо поинтересовался надзиратель, отпирая решетку и вразвалочку заходя в камеру. — Полагаете, высоколобые чистоплюи из научного отдела лучше? Если настаиваете, можем вашего подопечного сплавить к ним.

Ох, зря он так близко к пленникам подошел. Несмотря на наручники, бойцовские навыки Гу Синь отнюдь не утратил. Он сделал один молниеносный бросок, боднув надзирателя головой, и тот заорал от боли, пытаясь остановить кровь, фонтаном хлынувшую из свернутого набок носа. Прокопий, Цветан и Пэгги уже почти прорвались к решетке.

Но не просто так охотники надели на пленников магнитные ошейники. Бедный Гу Синь получил такой мощный разряд током, что его аж отбросило назад. Эркюль и Шака едва его подхватили. Остальные отделались легким приступом удушья.

— Вам это даром не пройдет, — пригрозил заключенным

начальник охраны, пока его товарищи выводили Синеглаза из камеры.

— Кто тут смеет болтать, дескать, мы правила не знаем? — обиделся обладатель клекочущего голоса, и вправду похожий на усталого летающего ящера. — Все дети, прибывшие на планету, находятся под защитой городского совета! Если мальчишка здоров, определим его, как и положено, в интернат или подберем семью, если есть дефекты, на нижних уровнях тоже хватает пар, которые стоят в очереди на усыновление. Парень, конечно, уже почти взрослый, но не всем охота возиться с мелюзгой, кому-то элементарно нужен в доме помощник.

— Что происходит? Я никуда не пойду! Не надо меня усыновлять! Ну, сделайте же хоть кто-нибудь что-нибудь!

Все эти восклицания застряли у Синеглаза в горле, запутавшись в комке горячих слез, когда он понял, что, хотя сомнительное заведение Хайнца ему вроде бы не грозит, но зато в недалекой перспективе маячат если не жутковатые любители ставить опыты над людьми, то какие-то неведомые усыновители, которым нужен мальчик на побегушках, если не что-то похуже. А суровое настоящее — это разлука с Гу Синем, Эркюлем и остальными. За что Великий Се на него так разгневался? За какие прегрешения? Ну, конечно, он дерзил Шварценбергу и слегка обиделся на Прокопия и Цветана, но сейчас стерпел бы любое равнодушие и пренебрежение, лишь бы его не уводили от друзей.

Но решетка снова защелкнулась, и вскоре вопли негодования и возгласы поддержки, которые никакие ошейники не могли заглушить, стихли вдали. Надсмотрщики проводили их до лифта, и вскоре кабина закрылась, увозя Синеглаза навстречу новой судьбе. С другой стороны, какая разница, где погибать от удушья. С верхних уровней хотя, говорят, и открывается вид на пустошь, но шансов выбраться никаких. Да и куда выбираться, если Город на этой планете — единственное место, где можно хоть как-то жить.

Впрочем, пока ничего особо страшного не происходило. Поднявшись на лифте и миновав несколько обшарпанных коридоров, они оказались перед массивной переборкой, явно позаимствованной с какого-то допотопного корабля. Потом снова долго шли и поднимались на лифте. Причем с каждым новым уровнем коридоры все больше напоминали не ржавые отсеки «Нагльфара», а аккуратные переходы «Гризли» или воздушные конструкции Града Вестников. Со стен сначала исчезли известковые прожилки и копоть, потом дешевый пластик обшивки сменился чем-то мягким, приятным на ощупь и слегка люминесцирующим. При этом усиливалось ощущение какой-то

неправдоподобности и безжизненной стерильности.

Его привели в какое-то явно казенное помещение, заставили раздеться, а потом сразу отправили в душ.

— Может, лучше его постричь? — предложил сопровождающий, похожий на летающего ящера. — Чего зря на этого дикаря воду и шампунь тратить. Там такие колтунищи — у моего кота на брюхе после мартовского загула и то были меньше.

Синеглаз глянул на него зверем и принял стойку, готовый до последнего отстаивать внешний облик, достойный наследника Великого Асура. В Сольсуране даже крестьяне из травяных лесов помнили о том, что волосы — это антенны, связывающие миры предков, ныне живущих и тех, кому предстоит родиться. В Альянсе этой древней магической связи вроде бы не придавали такого значения, но преступников и просто пленных, приговоренных к энергетическому донорству, брили наголо, забирая у них всю жизненную силу.

— Оставь его, Майк, — махнул рукой обладатель резкого голоса. — С колтунами и всем прочим умники из научного отдела разберутся. Наше дело его доставить в инкубатор и провести первичную санитарную обработку и дезинсекцию. К тому же, многим усыновителям почему-то нравятся у мальчиков длинные волосы.

Синеглаз дал себе зарок сделать все возможное, чтобы не попасть к таким усыновителям.

Впрочем, мылся он с поистине кошачьей тщательностью, стараясь компенсировать все дни спартанского быта на борту «Нагльфара». Разве что, разомлев от пара и теплой воды, прямо в душе едва не заснул.

Вот только весь сон и усталость как рукой сняло, когда он увидел в смежном помещении анализаторы и другие приборы, а также кучу пистолетов и шприцов, заполненных непонятной жидкостью. Это и есть научный отдел? Тогда он живым не дастся. Наследнику Великого Асура не бывать подопытным.

— Да я ж говорил вам, что он настоящий дикарь! Намучаемся мы еще с ним, — пояснял коллегам летающий ящер Майк, когда после достаточно продолжительной борьбы им все же удалось скрутить Синеглаза, засунуть его в анализатор и даже воткнуть пару игл, чтобы взять кровь.

— Ну ты пойми, парень, что мы не можем допустить тебя к другим школьникам, пока не убедимся, что ты не носитель какой-нибудь оспы или космической чумы, — достаточно миролюбиво пытался увещевать княжича сотрудник, проводивший осмотр.

— Нужны мне эти ваши школьники! — сквозь зубы огрызнулся Синеглаз.

Залезть в горло и проверить зубы, словно зенебоку на торгу, он не позволил. Впрочем, один из коновалов все равно сумел засунуть какой-то щуп в нос, а потом разжать его губы, взять на пробу слюну и даже отщипнуть кусочек от слизистой.

— Ну и чудики живут в этих окраинных мирах, — получив результаты экспресс-тестов, поделился впечатлениями еще один специалист. — У этого вашего дикаря нет даже бациллы Кальмета-Жерена и других элементарных прививок. Зато в крови обнаружен антиген к синдрому Усольцева!

К этому времени Синеглаз чувствовал себя как мокрый взъерошенный кот и едва не завывал от обиды. Потом его все-таки оставили в покое: выдали одежду, похожую на комбез, в котором он ходил на «Нагльфаре», но только чистую и почти новую, и объяснили, что ему придется побыть несколько дней в карантине, пока придут результаты анализов. Хотя по рассказам вестников карантин был каким-то страшным местом, где людей специально заражали, чтобы потом отправить в биореакторы, то ли Синеглаз чего-то не понял, то ли в треугольнике под карантином подразумевалось нечто другое.

Хотя комнатка, в которой его закрыли, могла бы уместиться в матушкиной гардеробной, она оказалась светлой, теплой и чистой, и в ней имелось все необходимое, в том числе застеленная свежим бельем удобная кровать. На прикроватном столике стоял поднос с непривычной на вид, но аппетитно пахнущей снедью. В первый момент Синеглаз, правда, отпрянул: а вдруг это отрава. Потом решил, что, если бы его хотели убить, это сделали бы еще на руднике. Что же до превращений во что-то непотребное, то от еды такое случается только в сказках, к тому же в плане изменения облика ему самому есть чем местных удивить.

Когда он почти прикончил основные блюда, в стене открылось окошечко, наподобие линии доставки, которую он видел на «Гризли». Оттуда показались стакан сока и тарелка с воздушным пирожным вроде тех, которые он пробовал у вестников. Пожалуй, это все-таки получше, чем дырка от бублика. Вылизывая остатки сливочного крема, Синеглаз вспоминал, как, польстившись на лакомства надзвездных краев, покинул родной дворец. Мог ли он себе тогда представить, что дорога веселых приключений обернется для него суровым путем испытаний?

Эркюль, кое-как исхитрившийся шепнуть пару слов вместо прощального напутствия, посоветовал ему стать троянским котом. Несмотря на общую безалаберность, Обезьяний бог знал массу интересных историй и даже когда-то пел в опере. Запомнить все Синеглаз, конечно, не смог, но рассказ про

деревянную лошадь, в чреве которой скрывались воины, счел полезным. С наивными жителями травяных лесов, докучавшими отцу своим вечным неповиновением, такой нехитрый трюк мог бы сработать, только следовало заменить лошадь зенебоком или другим тотемом.

Синеглаз, конечно, не знал, как бы отреагировали здешние надменные чистюли, если бы на постели вместо замученного подростка разлегся горный кот. Но в образе тотема он точно сумел бы преодолеть энергетическое поле и добраться до генераторов воздуха. Да и Брендана тоже отыскал бы. Пока же он, правда, не мог даже открыть магнитный замок своего нынешнего узилища и потому, не желая попусту тратить силы, закутался в мягкое одеяло и мгновенно заснул.

Следующие несколько дней он вел расслабленное существование домашнего питомца, чередуя еду со сном. Тем более в этом карантине кормили в разы лучше, чем на «Нагльфаре». Пару раз с ним пытались поговорить по коммуникатору какие-то стремные типы из местной службы безопасности. Расспрашивали о путешествии со Шварценбергом, выпытывали подробности рейда на пустошь.

Хотя Синеглаз не хотел бы стать для своих товарищей троянским котом наоборот, подобно Джошуа Грину, он понимал, что отмалчиваться и отпираться бесполезно. Поэтому он нацепил личину простачка из окраинного мира и повел рассказ едва ли не от Великого Асура, на честнейшем глазу перемешивая правду с ложью. При этом он так старательно сбивался, как только речь заходила о чем-то действительно важном, так бестолково по десять раз обо всем переспрашивал, что его, видимо, сочли дикарем и достаточно быстро отстали.

В другой раз к нему зашли люди в костюмах бактериологической защиты. Снова взяли анализы, проверили рефлексы.

— Ничего не понимаю, — признался, наконец, один из них. — Все показатели как у обычного подростка. Откуда же у него такой необычный кариотип?

— Как будто он участвовал в программе «Универсальный солдат» и сумел пройти испытания, — кивнул второй.

Синеглаз не спешил вдаваться в объяснения. Пусть помучаются. Однако княжич не учел, что на верхнем уровне Града он не единственный асур. Поэтому несколько дней спустя дверь комнаты открылась, и на пороге показался давешний знакомый Майк.

— Собирайся, — коротко скомандовал он. — Тебя хочет видеть глава научного отдела профессор Шатругна Нарайан.

Глава 21.Минотавры лабиринта

Дымный свет факела едва освещал каменную кладку замшелых стен, вода в бассейне пахла затхлостью. Эту ловушку они не сумели распознать, и то, что их стремительный спуск по почти отвесному каменному желобу окончился водой, а не ямой со змеями или частоколом заостренных кольев, вселяло мало надежды. За стеной поджидали кровожадные монстры — беспощадные хищники, которые стремились сожрать свою добычу живьем. И что им могли противопоставить почти безоружные напуганные подростки?

Заскрежетали невидимые задвижки, открылись ходы и отдушины, и в свете колеблемого сквозняком факела в камеру с бассейном хлынули чудовища. Похожие на крупных хищников, стремительные и безжалостные, как прирожденные охотники, они в чем-то сохраняли черты разумных существ, и это лишь помогало им убивать.

Поскольку Брендан выглядел старше своих лет, товарищи доверили ему копье, и он даже сумел им воспользоваться. Заостренный, хотя и лишенный металлического жала наконечник с противным чавкающим звуком воткнулся в пасть гиеноподобного монстра и вышел наружу у основания черепа. Брендана обдало отвратительным смрадом, а перепачканные в болотной грязи ободранные руки сделались горячими и липкими от залившей их крови, желчи и ошметков мозга. И больше всего на свете хотелось бросить копье и в ужасе бежать, по пути отдирая кровь вместе с кожей и выворачивая наизнанку утробу.

Но на смену гиене подоспели новые монстры, а копье, как нарочно, застряло и не желало вываться ни в какую. В довершение всех бед факел взметнулся и погас, а в правую руку, с треском ломая кости, впились чьи-то нестерпимо острые клыки. Брендан пытался звать на помощь, но звук застревал в горле, а грудь сдавил жуткий спазм, словно легкие схлопнулись от пневмоторакса.

Брендан открыл глаза, сделал несколько глубоких вдохов и огляделся. Кажется, в этот раз он хотя бы не кричал. Еще не хватало всех перебудить. И так бедной Эйо с новыми постояльцами прибавилось хлопот, а ее скромное аккуратное жилище, в котором пришлось оборудовать двухъярусную кровать, теперь напоминало каюту пассажирского корабля эконом-класса, вроде злополучной «Ласточки», на которой Брендан двенадцать лет назад совершил то памятное и даже судьбоносное путешествие.

Круто изменившую его жизнь путевку на Паралайз Брендан получил в возрасте четырнадцати лет, выиграв олимпиаду Содружества по молекулярной биологии.

— Зачем ты вообще отправился в это путешествие? Ты что, океана не видел? — недоумевали ребята, оказавшиеся с ним в одной клетке на пиратском корабле Саава Шварценберга.

Океан, конечно, Брендан видел сотни и тысячи раз. Выросший в портовом районе на шумном побережье, он и плавать-то научился едва ли не раньше, чем ходить. Вот только о знаменитых пляжах алмазной столицы Сербелианы не мог даже мечтать. Ныряя с дебаркадера или рассекая на стареньком отцовском буксире акваторию грузового порта, он только издали смотрел на шикарные яхты и величавые круизные лайнеры. А уж о шезлонгах, реагирующих на солнечный свет и подключенных к линии доставки, слышал лишь от друзей, которым посчастливилось найти работу в отелях. После того как буксир затонул, протараненный глайдером какого-то безбашенного лихача, семье едва хватало на учебные программы и еду. Хорошо хоть в школьной лаборатории удавалось работать бесплатно.

— Конечно, сынок, ты должен лететь, — убеждала Брендана мать, когда он не знал, что же делать с путевкой.

— Это не только шанс впервые в жизни отдохнуть на дорогом курорте, но и возможность наладить связи и завести полезные знакомства, — вторил ей отец.

Трудно сказать, на что рассчитывали родители, однако в этом путешествии Брендан, хотя едва не погиб, но приобрел не просто случайных знакомых, а верных друзей и наставников, готовых в любой момент поддержать и прийти на помощь. Помимо Маргариты Усольцевой и Натальи Серебрянниковой, без которых они бы ни за что не преодолели ловушки лабиринта, на Васуки Брендан впервые встретился с Александром Арсеньевым и бойцами подразделения «Барс».

Пока Пабло Гарсиа, который уже тогда считался одним из лучших операторов Содружества, подчинял систему безопасности «Нагльфара» и «Ласточки», Ящер и Гу Синь вместе с Клодом Дюбуа, Дином и царем Афру шли по следу пленников лабиринта, минуя ловушки и переживая, что не успеют. Тогда благодаря их вмешательству удалось отразить атаку монстров и выжить. Сейчас пришла пора старый долг отдать. Вот только имеет ли он право впутывать во все это Эйо и ее близких? Другое дело, что Ндиди раньше него поклялся защищать принцессу Савитри.

В первый день официальной работы на Хайнца Брендан едва начал принимать пациентов, как в кабинет со словами «Мне только спросить» без очереди вломился Ящер… и застыл,

потрясенно почесывая импланты-рога и заковыристо ругаясь вполголоса.

— Это ты? — решил он уточнить на всякий случай. — Ты что тут делаешь? И куда, бездна его возьми, подевался Дален?

Когда Брендан объяснил, тирада, выданная старым товарищем, оказалась еще крепче.

— Я тут с ног сбиваюсь! По всем трущобам и злачным местам, словно последний забулдыга, рыскаю, думал, уже пора лезть к дьяволу в пасть на нижний рудник, а этот мелкий говнюк не только успел устроиться, но и частную практику себе нашел.

— Но здесь же действительно с медицинской помощью просто беда, — пропустив мимо ушей «говнюка», указал на скудную обстановку своего кабинета Брендан.

— Да чтоб меня расплющило в непроходимой кротовине! — покачал шипастой головой Ящер. — Говорил я Дееву, что Вундеркинд — калач тертый. Выжил в лабиринте монстров, в Мурасе не пропал, стало быть, со здешними казематами тоже как-нибудь разберется. А теперь они на пустоши от охотников отбиваются, а мы с тобой остались тут в бирюльки с мутантами играть!

Выпроводив из кабинета всех пациентов, Ящер вкратце изложил события последних дней, и тут уж пришел черед Брендана упражняться в непечатных выражениях.

Оказывается, пока он, словно мальчишка, махался с местной гопотой и изучал нравы мутантов, Пабло, выпотрошив подчистую все секретные архивы, отбивался от отборных головорезов Нарайана. А ведь вдвоем было бы куда сподручнее прорываться с боем, спасая Кристин от незавидной участи наложницы агрессивного психопата. Да и на пустоши опытный военный врач, владеющий навыками стрельбы и рукопашного боя, пригодился бы больше гражданских из команды того же Санчеса!

— И когда они должны вернуться? — почти виновато спросил Брендан.

— Да кто ж теперь знает.

Ящер только руками развел.

— Если все пойдет нормально, дня через два, а если охотники почуют засаду…

Он не стал договаривать, но Брендан и так все понял. Поскольку из-за двери все настойчивей доносились возмущенные возгласы ожидающих продолжения приема пациентов, Ящеру пришлось удалиться. Они договорились встретиться вечером. Тем более обвыкшийся за три месяца на нижних уровнях абордажник отлично знал, где живут Ндиди и Эйо.

— Так ты квартируешь у Рукодельницы? — переспросил он,

уже собираясь уходить. — Ну, у тебя губа не дура. Половина здешних мужчин хотели бы оказаться на твоем месте.

— Это вышло случайно, — понимая, куда клонит товарищ, смутился Брендан.

— Да ты не оправдывайся, — одобрительно похлопал его Ящер по плечу. — Если есть талант, так зачем его в землю закапывать. Тем более, Эйо и ее брат ребята надежные. Мы даже хотели Ндиди с нами на пустошь позвать.

— Жаль, что передумали, — вздохнул Брендан, понимая, что, если бы друзья пришли в скромное жилище Рукодельницы еще накануне, сегодня он бы не пациентов принимал, а пробирался с товарищами к Перевалу Большого Кольца.

— Все, что ни делается — к лучшему, — философски заметил Ящер. — Считай, что мы остались в резерве. Ндиди, конечно, навыками флая владеет неплохо, но в боевых операциях не участвовал. К тому же им с сестрой еще мальца ее поднимать и поднимать. Если упыри из городского совета это вообще позволят.

Брендан только закусил губу, все еще не желая смириться с мыслью о том, что талантливый ученый, под руководством которого мечтал бы работать любой подающий надежды биолог-молекулярщик, оказался опасным маньяком. Впрочем, подозрения в том, что Нарайан и его коллеги проводят исследования по программе «Универсальный солдат», возникли еще до того, как Пабло взломал досье главы научного отдела и узнал о его роли в деятельности корпорации «Панна Моти». За пару дней, проведенных на нижних уровнях, Брендан успел убедиться, что не все заболевания охотников и других старожилов связаны с влиянием радиации и многолетним отравлением солями тяжёлых металлов. Впрочем, для проведения полноценной генетической экспертизы ему, увы, не хватало оборудования.

Вскоре после ухода Ящера прием пациентов снова пришлось прервать. Только на этот раз из-за двери не доносилось ни звука, да и из кабинета всех словно ветром сдуло. Новому эскулапу нанес визит сам господин Хайнц.

Поскольку теневой король предпочитал панибратски-домашний титул «папаша», намекая на времена романтизированных голографическими играми гангстеров прошлого и их крестных отцов, держался он нарочито просто и непринужденно. Да и одевался неброско. Попросил осмотреть одного из его телохранителей (бедняга жаловался на подагру, оказавшуюся запущенным артрозом), поинтересовался, хватает ли лекарств и оборудования, обсудил детали трудового соглашения,

намекая, что инкогнито будет стоить дополнительных процентов, отчисляемых с каждого приема.

Под буравящим взглядом холодных серых глаз этого немолодого сухощавого человека Брендан чувствовал себя так, будто оказался без скорчера на здешней пустоши или решил голыми руками достать из вольера мамбу[16] и пестрого крайта[17]. Впрочем, когда папаша Хайнц спросил, все ли его устраивает в условиях контракта, Брендан постарался напустить на себя как можно более равнодушный и невозмутимый вид:

— Я рад, что у меня появилась возможность приносить реальную пользу, помогая нуждающимся и приобретая бесценный профессиональный опыт, поэтому деньги — не самое главное.

— Мне нравится ход ваших мыслей, юноша, — одними губами улыбнулся господин Хайнц.

Интересно, он герр или все-таки мистер. По выговору непонятно. Впрочем, во многих окраинных мирах старые земные языки не преподают даже в школах.

— А между тем я хотел сделать вам одно выгодное предложение.

Брендан насторожился, пытаясь понять, куда его собеседник клонит. Атаку мамбы, крайта или здешних медуз можно предсказать. Кристин вон даже научилась последними управлять. Но господин Хайнц был опаснее любой медузы.

— До меня дошли слухи, что вы в одиночку раскидали молодчиков Раптора и при этом показали навыки владения боевыми единоборствами, достойные бойца подразделения «Барс» или «Кобра», — начал Хайнц под одобрительные кивки своей охраны, и Брендан почти что услышал треск льда, по которому шел на протяжении всего разговора.

Если сейчас его спросят о связи с Пабло или Левой Деевым, придется отпираться, и милая светская беседа может закончиться где-нибудь на руднике или в застенках службы безопасности. А ведь Брендан уже чувствовал себя ответственным за Эйо и ее домочадцев. Впрочем, никаких обвинений не последовало. Вместо того Хайнц придвинулся ближе, внимательным, оценивающим взглядом окидывая скрытую свободной медицинской одеждой фигуру своего нового сотрудника.

— Дален мне сказал, что вы с Сербелианы и, если вы действительно занимались флаем и участвовали в уличных драках, я мог бы предложить вам на весьма выгодных условиях место на арене моего бойцовского клуба. Разумеется, в свободное от приема пациентов время и только в качестве приработка. Уверяю вас, там гонорары куда выше, чем в любой аптеке или врачебном кабинете. Люди готовы сэкономить на здоровье,

которого все равно нет, чтобы отвлечься от проблем.

«И посмотреть, как лупят уродов», — добавил про себя Брендан.

Он уже знал, в чем заключалась основная работа Ндиди помимо незначительного заработка в ремонтной мастерской. Папаша Хайнц умел держать нос по ветру, улавливая настроения местных жителей и извлекая прибыль из любой, казалось бы, незначительной мелочи. Мутантам мало заверений блогеров и тележурналистов в их уникальности? Устроим еще одно шоу, давая им возможность утвердиться. Тем более что тотализатор на любых единоборствах приносил сверхприбыли еще со времен Древнего Рима.

Хотя внешне бои выглядели зрелищно и велись вроде бы с соблюдением всех правил, существовал неписанный закон: «уроды» не должны побеждать. Поэтому так переживала Эйо, провожая брата к Хайнцу в клуб, потому товарищи-рудокопы, выражая поддержку молодому бойцу, обреченно качали головой: надолго ли его хватит. Один раз какой-то охотник то ли под наркотой, то ли выплескивая злость на капризы пустоши, измочалил Ндиди так, что Далену в самом деле пришлось собирать его по кусочкам. Брендан видел шрамы: некоторые кости так неправильно и срослись. Конечно, ему хотелось бы помочь брату с сестрой выпутаться из цепких щупалец теневого короля, но не подведет ли он и своих добрых хозяев, и друзей, если сам увязнет в тенетах?

Вслух он, конечно, ничего не сказал, вместо этого уклончиво покачал головой:

— Спасибо за заботу, но я пока не знаю здешних правил, да и не представляю, удастся ли мне сочетать врачебную практику с выступлениями в клубе. Пока пациенты идут нескончаемым потоком, как бы мне не пришлось задержаться тут до ночи.

— А я и не говорю, что нужно выходить на арену прямо сейчас, — опять одними губами улыбнулся Хайнц. — Пока клуб вообще, можно сказать, простаивает: большая часть охотников в рейде, а именно они составляют костяк моих лучших бойцов.

«А когда или если они вернутся, то не только от клуба, но и от города не останется и следа», — вспоминая секретный приказ Нарайана, вздохнул про себя Брендан.

Он обещал подумать, а сам решил вечером обязательно все обсудить с Ндиди и спросить мнение Ящера.

Вот только вместо старого друга в вертоград Рукодельницы, громыхая кустарным протезом, пришел насупленный Йохан Дален.

— Хорошо, что ты сегодня никуда из своего кабинета не

выходил, — сообщил он Брендану вместо приветствия. — Я уж расстарался, подогнал тебе пациентов.

— А что случилось? — нахмурилась хлопотавшая с ужином Эйо, которая целый день провела дома, ухаживая за Камо и пытаясь выполнить какой-то особо мудреный заказ к свадьбе бывшей ночной бабочки и рэкетира.

— На уровне — облава, — пояснил Дален, кое-как приглаживая рыжие вихры. — Кто-то слил явки и пароли сопротивления, поэтому хватают всех подряд. Я сам едва отбился, а вот вашего шипастого клыкастого друга с дурацким гребнем на голове задержали. Он успел мигнуть, чтобы я предупредил новичка и остальных, кого смогу.

— Ну и как? Что-нибудь сделать удалось? — сжал кулаки Ндиди, и Брендан обратил внимание, как на его скулах гуляют желваки.

Этого парня в самом деле стоило взять на пустошь. Хотя здесь тоже творились дела не менее опасные, и Брендану совсем не хотелось, чтобы Камо разлучили с матерью, а их с Ндиди упекли на рудник или куда похуже.

— Да что тут сделаешь? — развел руками Дален. — Большинства из тех, кто действительно имел отношение к Сопротивлению, в городе нет, и что они делают на пустоши — один пульсар знает.

Брендан хоть и не претендовал на лавры аккретора, но тоже мог бы рассказать, что происходит, но пока предпочел промолчать. Дален хотя и сочувствовал Сопротивлению, работал на Хайнца, а Ндиди с Эйо просто пока не стоило огорчать мрачными перспективами, которые уготовал городу профессор Нарайан. Если Пабло и его товарищам не удастся отбить у охотников «ключ», город обречен.

Знал ли он тогда, что судьба принцессы Сансары окажется у него в руках?

Брендан повернулся, стараясь, чтобы ветхий топчан верхнего яруса под ним не заскрипел. Глаза уже достаточно привыкли к полутьме, чтобы разглядеть спящих. Ндиди лежал на соседней верхней полке почти под потолком. Его грудь вздымалась ровно и спокойно, как у человека, который не таит злых умыслов и честно выполняет свои обязательства. Эйо примостилась на краешке стоявшей внизу полутораспальной кровати, даже во сне пытаясь уберечь и согреть прижавшегося к ней Камо.

Хотя в полутьме Брендан мог разглядеть только общие очертания тел матери и ребенка, он почувствовал, как его заполняет ни с чем не сравнимая нежность. Хотелось лежать на верхней полке и бесконечно любоваться, вникая взглядом в

каждый изгиб фигуры Эйо, в каждый завиток непослушных волос, в каждое движение, направленное на то, чтобы защитить или приласкать маленького Камо. Вот только днем Рукодельница, хотя и не обделяла квартиранта заботой, облегчая и организовывая быт, но в остальном вела себя подчеркнуто отстраненно и лишний раз опасалась в его сторону взглянуть, делая вид, что полностью поглощена хозяйством, заказами и заботой о Камо.

Вот ведь угораздило влипнуть: влюбиться по-настоящему и, несмотря на немалый опыт сердцееда, не знать, с какой стороны подойти. Впрочем, Брендан хотя бы знал, что в холодности его очаровательной хозяйки виновен не он, а трагические обстоятельства, приведшие в конечном счете несчастную семью в треугольник Эхо. Что же до опыта соблазна, то он не работал, когда дело касалось настоящих чувств. И все же, как было бы хорошо, чтобы эта женщина в конечном счете признала его, а ее сын назвал папой.

На топчане напротив спала или блуждала в неведомых кибернетических грезах находящегося в спящем режиме процессора Савитри, девушка, которую разыскивала личная служба безопасности профессора Нарайана.

Перевязки, капельницы с глюкозой и сладости, на которые они с Ндиди не скупились, невзирая ни на какие долги, делали свое дело. Ожоги почти затянулись, поврежденные ребра потихоньку срастались. Пройдет еще пара-тройка дней, не останется даже шрамов, и что делать дальше, Брендан не просто не знал, а боялся себе представить.

Конечно, обвести вокруг пальца Тьяо и Билли не составит труда: эти ханурики не удосужились хотя бы взглянуть на раны своей пленницы, поэтому лишних вопросов насчет слишком быстрого выздоровления задавать не станут. Тем более, они, кажется, уже даже поверили в собственную байку про шмару с пиратского корабля. Но принцесса Сансары из-за этих двоих придурков уже попалась на глаза герру Хайнцу, а этот зловещий Минотавр здешнего лабиринта в коварстве и хитрости превосходит любых монстров. И то, что Ндиди ради принцессы своих грез готов сражаться не только с ветряными мельницами, но и с вполне настоящими драконами, особого оптимизма не вселяло.

После разговора с Даленом Брендан пребывал в состоянии, близком к тому, которое испытывал, сидя с товарищами в клетке на пиратском корабле или пытаясь в Мурасе разыскать пропавшего отца. И это ощущение бессилия давило хуже любых перегрузок. А разговоры пациентов в очереди его беспокойство

только усиливали.

— Ну что, Бригида? К вам тоже приходили? — интересовалась у подруги соседка Эйо, не старая, но рано увядшая женщина с жуткими язвами на руках и лице. — К нам вломились в три часа ночи, все уже давно спали. Только напугали детей.

— Совсем потеряли всякий стыд! — вторила ей степенная супруга старого Хенка, которая, как в допотопные времена, мучилась от холецистита без надежды на операцию. — Врываются в дома к честным людям. Лучше бы смутьянов ловили.

— А мой-то младший как раз дома не ночевал, — делился с женщинами пожилой, изломанный работой рудокоп, отдаленно напоминающий Брендану отца. — Вот мы страха натерпелись. Ну, всыпал я ему по первое число, когда вернулся, чтобы знал, как где попало шастать!

Потом на смену рудокопам и их близким пожаловали мутанты, и тут уж пошли совсем другие, хотя не менее тревожные разговоры.

— Ну, что там, ваши-то, когда с пустоши вернутся? — спрашивала пожилая полноватая женщина, у которой из-под замысловатой шляпки со стилизованными грибами или гребешками выглядывали наросты, похожие на рожки.

— Еще вчера их ждали. И до сих пор нет, — делилась долговязая голенастая молодка с глазами навыкате и непропорционально высоким залысым лбом. — А тут еще эти беззаконные пираты на нашу голову приперлись. Я вообще не понимаю, зачем с ними вести переговоры: ударили бы по кораблю из плазменных установок, и все дела.

Брендан сделал себе заметку, что по официальной версии охотники, которых отправили за принцессой на «Эсперансу», участвуют в операции по принуждению к миру Шварценберга и экипажа «Нагльфара». Вот только, по словам Ящера, в случае благополучного исхода охотникам следовало вернуться еще вчера или даже чуть раньше, а Левенталь и его товарищи могли добраться до города уже в ближайшие часы.

Брендан нервно передернул плечами, делая вид, что замерз: все-таки даже в его кабинете не могли настроить отопления. Под медицинский костюм приходилось поддевать шерстяной свитер и термобелье. Как поведал Дален, большинство адресов и имен бойцов сопротивления выдал какой-то провокатор или предатель, а это означало, что конструктор и все его спутники, включая Пабло и Кристин, тоже рискуют угодить в расставленную Нарайаном ловушку.

— Если твоим друзьям потребуется помощь, можешь на меня

рассчитывать, — убедившись, что сестра его не слышит, пообещал Брендану Ндиди.

Если бы Брендан только знал, как и кому тут можно помочь!

Он назначил жене охотника йодсодержащие препараты, выписал старушке с рожками витамины D и B6 и собирался уже закончить первичный прием и, простерилизовав помещение, перейти к операциям. Однако в это время в коридоре раздался шум, и в сопровождении Далена в кабинет ворвались двое охотников самого что ни на есть затрапезного и потрепанного вида. Вместе с ними шел Ндиди, который нес на руках находящуюся в глубоком обмороке девушку, чей вид и состояние экзоскелета красноречиво свидетельствовали, что она недавно побывала в очень серьезной переделке.

— Вот говорили тебе, Билли, намучаешься ты еще с этой дохлятиной, — ничуть не стесняясь пострадавшей, отчитывал один охотник другого. — А ты заладил, как чиполугай: «Мне за нее отвалят кучу денег»! И кто тебе, спрашивается, их отвалит, если она того и гляди помрет.

— Что случилось? — в первый миг слегка растерялся Брендан.

Особенно его встревожил вид Ндиди: бронзового оттенка лицо молодого бойца выглядело серым, на скулах ходили желваки. Брендан даже в первый момент испугался за Эйо и ее мальчика. Потом понял, что Ндиди переживает о состоянии незнакомки.

— Да вот, говорят, на пустоши нашли, — пояснил Дален. — Вроде как у пиратов отбили. Видимо, пока отбивали, чуть саму не укокошили сгоряча. Я, конечно, не специалист, но с такими повреждениями люди просто не выживают.

— Да все с этой шмарой нормально! — принялся заверять его и других неугомонный Билли. — Ее только чуть-чуть подлатать, и можно уже выпускать к папаше Хайнцу в клуб, плясать апсарские танцы. Если что, я уже обо всем договорился и даже задаток получил. Так что, если поставите на ноги, я в долгу не останусь.

Хотя Брендану больше всего хотелось двинуть по наглой охотничьей морде, желательно кулаком в утяжеленной бронированной перчатке, он решил вида не подавать.

— Сейчас посмотрим, несите ее в кабинет, — невозмутимо отозвался он, взглядом сигнализируя Ндиди, чтобы тот не делал резких движений.

Едва он открыл фонарь шлема, первым побуждением его оказалось, подобно Архимеду, закричать «Эврика», а вторым — достать скорчер и порешить обоих хануриков и Хайнца вместе с ними. На убогой кушетке врачебного кабинета лежала та, ради

кого его друзья отправились сражаться с охотниками на пустошь. Хотя он плохо помнил, как выглядела наследная принцесса Сансары, Ящер освежил его воспоминания, показав голографический портрет.

— Ты ее тоже узнал? — мрачно спросил Ндиди, пока Брендан судорожно вспоминал анатомию и физиологию биологических андроидов, а Дален отбивался от разгневанных пациентов и выпроваживал из кабинета охотников.

— Не понимаю, о чем ты? — попытался сыграть под дурачка Брендан, которому все еще не хотелось впутывать в свои опасные игры Эйо и ее семью.

— Это Савитри Вторая, — с убийственным спокойствием пояснил Ндиди. — Наследная принцесса Сансары и пропавшая невеста профессора Шатругны Нарайана, за которой он отправил два танка на пустошь. Меня, конечно, твои друзья не позвали, — с определенной долей обиды добавил он. — Но я работаю на Хайнца и слышу разговоры охотников. К тому же наши соседи на Сербелиане, хотя и вынужденно покинули Сансару, продолжали боготворить представителей правящей династии. Мне до раджей, понятно, не было никакого дела, но едва я увидел голограмму принцессы Савитри, у меня что-то замкнуло. Я влюбился в нее без памяти, и мне плевать, клон она или не клон.

Брендан только головой покачал, с помощью Ндиди освобождая Савитри от экзоскелета. Конечно, на голограмме принцесса выглядела красавицей в драгоценностях и раззолоченных шелках. Сейчас ее хрупкое израненное тело напоминало статуи аскетов или просто живые мощи и, кроме сочувствия, ничего не вызывало. Вот только Ндиди смотрел на девушку явно не беспристрастным взглядом врача.

Похоже, принцесса уже получила какую-то помощь, но до полного выздоровления было далеко, и Брендан не знал, как найти доступ к ее процессору. Для начала он решил поставить капельницу с глюкозой и проверить давление и пульс. К тому же требовалось хотя бы попытаться отрезвить с фанатичной преданностью воззрившегося на девушку Ндиди.

— Она уже не просто клон, а андроид с мозгом человека, — пояснил Брендан, пальпируя грудную клетку пациентки и соображая, как лучше лечить поврежденные ребра и стоит ли делать кибернетическому организму рентген или стоит ограничиться магнитно-резонансной томографией головного мозга.

— Пожалуйста, не выдавайте меня! — прозвучал еле слышный, охрипший голос.

Принцесса Савитри открыла глаза. На ее осунувшемся лице

проступил след румянца, напоминавшего о тех временах, когда она блистала на приемах под прицелом камер корреспондентов всей галактики. Похоже, она уже какое-то время находилась в сознании и слышала часть разговора. Во всяком случае, бедному Ндиди она улыбнулась с одобрением, одним взглядом вселяя надежду. Брендан даже слегка позавидовал товарищу. Чтобы добиться такого же расположения Рукодельницы, он бы согласился выйти на арену против десятка разъяренных охотников. Впрочем, в глубине души он уже знал, что заведение папаши Хайнца от него никуда не уйдет.

— Вы разве не хотите вернуться к своему жениху? — спросил он осторожно, пытаясь прощупать почву.

Савитри только покачала головой, стараясь, чтобы движения не причиняли ей боль. Впрочем, анальгетики уже начинали действовать, а система жизнеобеспечения продолжала процесс регенерации.

— Если Шатругна меня найдет, погибнет весь город, — просто и безыскусно пояснила принцесса.

Брендан так и замер со шприцем в руке. Откуда эта рафинированная представительница одной из могущественнейших династий Альянса знает о секретном приказе, если она последние четыре года жила где-то на пустоши и не виделась с женихом?

Впрочем, пока существовали вопросы более насущные.

— Наследница раджей Сансары не должна попасть в бордель! — отведя Брендана в сторону, строго глянул на него Ндиди.

Брендан согласно кивнул. Конечно, он не имел оснований питать к правящим фамилиям Альянса добрых чувств, но товарища понимал и поддерживал. К тому же он знал, что Ндиди движут не только забота о Савитри и желание завоевать ее расположение. Молодой боец слишком болезненно относился к любым проявлениям насилия. Особенно над женщинами.

Восемь лет назад душным июньским вечером его сестра возвращалась в рабочий район Кимберли, задержавшись после сдачи творческого проекта в Сербелианском колледже искусств. Желая поскорее добраться до дома, совсем юная тогда еще Эйо решила срезать путь, свернув в, как ей казалось, безлюдный и плохо освещенный переулок. Там ее уже поджидали восемь подонков, которые пасли молоденькую привлекательную девушку от самой остановки…

И, хотя насильников нашли, и все они понесли заслуженное наказание, никакие беседы с психологами и увещевания родных не сумели убедить Эйо в том, что произошедшее с ней — только

эпизод в жизни. После рождения Камо глава семейства Кирабо решил, что перемена обстановки поможет дочери забыть пережитый кошмар, и откликнулся на вакансию проходчика в шахту на Лее. Но звездолет попал в гравитационную аномалию черной звезды, и семья оказалась в треугольнике Эхо. И хотя в Городе под куполом Эйо могла смело начать жизнь с чистого листа, она продолжала сторониться мужчин, всю себя отдавая работе и воспитанию сына.

— Что ты предлагаешь? — спросил Брендан, понимая, что и сам должен сделать все возможное и невозможное, чтобы не допустить встречу Савитри с ее женихом и охотниками. — Билли и его подельники вряд ли ее просто так уступят.

— Я выкуплю ее, — безапелляционно заявил Ндиди. — Хайнц давно мне намекал, что после выплаты отцовских долгов хотел бы по-прежнему видеть меня в числе бойцов клуба. Так что он только обрадуется продолжению контракта.

— В таком случае я с тобой в доле, — глянув на измученную принцессу Сансары, представив на ее месте Эйо или Кристин, протянул руку Брендан.

Он старался не думать о том, что по сути собирается участвовать в работорговле, понимал, что выкуп — это не самый лучший выход, особенно учитывая способность людей вроде Хайнца играть лишь по своими правилам и менять их, как заблагорассудится. Но ничего другого и дельного пока придумать не мог.

Первый бой они провели тем же вечером. Уже почти не надеясь на возвращение своих лучших бойцов, папаша Хайнц решил поднять настроение друзей и близких охотников и представил новичка, дав Брендану навязчивое прозвище Гип. К этому времени Савитри, получив всю необходимую в ее положении помощь, уже отдыхала в жилище Ндиди и его семьи под присмотром Камо и Эйо. Каким образом Ндиди и Далену удалось уломать Билли и Тьяо, Брендан не знал. Видимо мародерам просто не хотелось возиться с пострадавшей, и они спешили поскорее прогулять задаток. Брендан видел их вечером в клубе очень сильно подшофе.

Забыв про гордость, Брендан сделал на арене все, как объяснил ему Хайнц. Сначала дрался почти в полную силу, а потом в нужный момент поддался, вызвав искренний восторг зрителей, заключивших, что кулаками махать — это совсем не то, что клизмы ставить. Брендан не возражал. Пока стоило играть по здешним правилам, тем более, бойцы-мутанты тоже осторожничали и не стремились нового противника калечить.

— С добрым почином, — крокодильей улыбкой встретил

Брендана после поединка папаша Хайнц, вручая пачку мятых кредиток. — Я рад, что вы так быстро освоились. Впрочем, молодой человек, надеюсь, вы понимаете, что это была лишь разминка.

Брендан улыбнулся в ответ со всей доступной ему искренностью. Он не рассчитывал на честную игру и сам не собирался играть честно, намереваясь в будущем сам сорвать джек-пот.

Дома у Ндиди их встретила перестановка, которую в их отсутствие организовал предприимчивый Дален, заливистый смех Камо и веселые женские голоса.

Виновницей оживления оказалась невесть как пробравшаяся в местные казематы вертлявая обезьянка из семейства церкопитеков или мартышковых, причем сербелианской разновидности. Подвижный зверек носился по комнате, лихо взлетая на верхние полки, и с удовольствием уплетал фрукты и сладости, которые добросердечные соседи Эйо принесли для маленького Камо и раненой девушки. Заметно посвежевшая Савитри и сбросившая груз забот Эйо с умилением наблюдали за забавными ужимками, а малыш, забыв про недавнюю травму, носился по всей комнате, пытаясь обезьянку поймать.

Впрочем, едва только за Бренданом закрылась дверь, мартышка оставила свои кривляния и поспешила к нему с таким видом, словно собиралась что-то сказать. Говорить она, конечно, ничего не стала: все-таки речевой аппарат обезьян не предусматривал передачу звуков человеческой речи. Но за ее ошейником оказалась записка, написанная знакомым торопливым почерком с иероглифом «опасность» вместо подписи. Гу Синь еще со времен лабиринта показывал Брендану этот принятый в подразделении Арсеньева условный знак.

Когда Брендан прочитал записку, его встретил вопрошающий, полный тревоги взгляд Савитри.

— Это от Эркюля и вашего командира? — с надеждой спросила она. — Как я сразу не догадалась. Он что-нибудь пишет про мою Пэгги?

Так они не только узнали о событиях на пустоши и причине облавы, но и выяснили, что принцесса на их стороне. Брендан, конечно, обрадовался, что Пабло, Кристин и Маркус Левенталь с Левой Деевым избежали плена. Хотя Шварценбергу он по-прежнему не верил. Достало уже одного предателя.

— Джошуа Грин! Как он мог! — негодовал Ндиди. — Это же один из основателей Города: талантливый инженер и соратник Левенталя.

— Какая теперь разница? — переживала за пленников Эйо. —

Нижний рудник — гиблое место, а уж про лаборатории лучше вообще не вспоминать.

— Но разве нет никакого способа их оттуда вытащить? — больше всего переживая за Пэгги и юного гардемарина из пиратской команды, спросила Савитри.

И вот теперь, лежа без сна, Брендан думал о том, как отдать старый долг, уберечь принцессу, защитить Эйо с малышом и при этом одолеть коварных монстров лабиринта.

Глава 22. Паруса надежды

Хотя восход трех светил системы знаменовался лишь увеличением числа медуз на пустоши, Пабло давно привык измерять время корабельными вахтами или чередованием рабочих часов и отдыха, и нарушить этот ритм могли лишь какие-то чрезвычайные обстоятельства или крайнее переутомление. Когда он закончил писать программу-зеркало, он заснул прямо возле компьютера, как это нередко случалось еще со школьных времен, вызывая постоянные мамины нарекания. Но едва танк преодолел перевал, и в вечном мраке планеты проступили очертания «Эсперансы», внутренний таймер и оживление экипажа подсказали ему, что пора проверять эффективность «домашних заготовок» на деле.

Права на ошибку он не имел. Если бы его коллеги из личной службы безопасности профессора Нарайана заметили проникновение, в сторону «Эсперансы» мчались бы уже десятки охотников. Между тем шли четвертые сутки их пребывания на корабле, а в городе по-прежнему считали, что звездолет необитаем и надежно защищен энергетическим полем. Что же до команды, отправленной за принцессой-ключом, то она просто задерживается где-то на пустоши. Поэтому нынешние обитатели «Эсперансы» и «Нагльфара», с которым Пабло и Шаман почти сразу наладили связь, отражали лишь атаки медуз и, не теряя бдительности, ожидали развития событий и новостей.

Канал между городом и находившейся на переоборудовании «Эсперансой» наладил еще Маркус Левенталь. Пабло только немного подкорректировал параметры, заменив сигнал с корабля давно испытанным зеркалом. На этот раз, впрочем, программа работала не совсем стандартно. За всю практику операторской службы Пабло не доводилось поддерживать иллюзию в течение такого длительного периода. А усложненный вариант он писал буквально на коленках в кабине танка. Впрочем, если уж он за что-то брался, то в любой ситуации делал все на совесть.

Пока программа свои функции выполняла исправно. Если бы что-то приключилось, Шаман бы его разбудил. Хотя коллега учился на Раване, а потом и вовсе связался с контрабандистами, сейчас они трудились сообща, оставив все возможные выяснения отношений до лучших времен.

Убедившись, что на приборной панели его не ожидает никаких сюрпризов, Пабло, стараясь не шуметь, прошел в ванную. Кристин пока спала, и ее хрупкая фигура в дымке воды и пузырьков воздуха выглядела особенно эфемерной и

беззащитной. Даже не верилось, что эта изнеженная красавица пережила все тяготы изнурительного марш-броска, охраняла отряд от докучливых медуз, а потом самоотверженно ухаживала за ранеными, которые сейчас уверенно шли на поправку. А ведь ей самой приходилось в муках добывать из воздуха кислород.

Когда Пабло взломал систему безопасности «Эсперансы», он почти не удивился, обнаружив биометрию Кристин. Вывезти дочь за пределы треугольника мечтал еще Маркус Левенталь, который оснастил ее каюту бассейном, трансформирующимся при надобности в амортизатор. Другое дело, что параметры самого конструктора пришлось заново вносить. Профессор Нарайан не питал по поводу оппонента иллюзий, намереваясь уничтожить его город, присвоив корабль и чертежи. Что же до каюты, то теперь ее полки занимали не только милые женскому сердцу красивые безделушки, но и парадный гардероб принцессы Савитри.

Когда Кристин увидела созданные трудами искусных мастеров роскошные наряды, рядом с которыми платье, покорившее Пабло в «Пульсаре», выглядело едва ли не дешевкой, ее глаза зажглись искренним, почти детским восторгом. Она не могла налюбоваться на богатство золотого шитья, гладила мягкий бархат, пропускала между пальцев невесомые шелк и шифон, восхищалась блеском драгоценных камней. Однако уже несколько минут спустя, разглядев на парадном облачении символы правящей династии Сансары, она поняла, что все это богатство на «Эсперансу» принес вовсе не отец, и отшатнулась, словно ткани загорелись у нее в руках, а жемчужные нити превратились в ядовитых змей.

Чувствуя, как любимую даже в его объятьях колотит крупная дрожь, Пабло лишь бессильно переглядывался с хмурым, словно пульсар, Левенталем, не находя нужных слов.

Как ни странно, выручил Шварценберг.

— Деточка, не откажись надеть, — осклабился он, вынимая из шкафа самое пышное и помпезное платье, отделанное розовым жемчугом. — Порадуй отца и дядю Саава.

— Тем более, носить эти знаки отличия ты можешь по праву, — выйдя из ступора, добавил Левенталь, указывая на парадное облачение махарани.

Так Пабло узнал, что его возлюбленная по матери принадлежит к одной из самых родовитых и могущественных династий Альянса. А он еще удивлялся, почему Эгле Левенталь, голограмму которой показывала ему Кристин, так похожа на Арвинда и Даярама Варму, чьи портреты Слава Капеэсэс и Эркюль хранили вместе с изображениями Джузеппе Гарибальди, Че Гевары, Ленина, Мао и других известных революционеров.

— Поэтому Нарайан и считал тебя реинкарнацией Савитри, что ты тоже принадлежишь к роду раджей? — осторожно спросил у возлюбленной Пабло, когда они смогли остаться наедине.

Импровизированное дефиле, которое Кристин по настоянию отца и Шварценберга устроила для всей их нынешней команды, не оставило равнодушным никого. Даже раненые заявили, что чувствуют себя значительно лучше, а бедный Чико от восторга едва не растекся лужицей подтаявшего мороженого. Пабло не ревновал. Он не питал особых иллюзий по поводу Шварценберга и его команды, но был уверен в Кристин, которая еще во время показа заметно повеселела и даже давала шутливые пояснения по поводу предназначения некоторых наиболее мудреных нарядов.

Убрав платья и костюмы обратно в шкаф, она устроилась возле зеркала, распутывая переплетенные жемчугами, уложенные в сложную прическу волосы. Пабло пытался ей помогать. Впрочем, в наведении порядка он не особо преуспел, поскольку не сумел удержаться и начал покрывать поцелуями завитки на затылке, склоненную шею с выпирающими позвонками и розовые мочки ушей. Кристин тоже решила, что недолгое пребывание в воде жемчугу не повредит, и позволила освободить себя от одежды и перенести в заранее наполненный бассейн.

— Я пыталась объяснить Нарайану, что моих прадеда и деда за участие в восстании объявили преступниками и лишили всех привилегий, а мои родители и вовсе граждане Содружества, — почти виновато пояснила Кристин. — Но он напомнил, что я — последняя в роду, а стало быть, если речь идет о спасении династии, постановления полувековой давности уже неактуальны. Тем более, меня избрал дух-прародитель.

Кристин трогательным жестом указала на жабры, и Пабло едва не задохнулся от переполнивших его нежности и желания спасти и защитить.

Что и говорить, в умении выстраивать логическую цепочку, подгоняя исходные данные под требования собственной выгоды, с Нарайаном мало кто сумел бы тягаться. Тем более некоронованный правитель Сансары не только безоговорочно верил в свою безнаказанность и правоту, но также мог рассчитывать на поддержку правящей элиты Альянса.

В самом деле, зачем морочить всем голову сказкой о том, что Савитри Вторая пребывает в добром здравии, когда можно предъявить народу не просто принцессу, а правнучку Арвинда Вармы. Борца за справедливость и мученика династии тайно продолжали помнить и чтить не только в домах неприкасаемых и шудр, но даже в поместьях многих вайшьев, а кое-где и во дворцах родовитых брахманов и кшатриев. А если историю

невероятного спасения из плена черной звезды украсить еще и байкой о реинкарнации, можно сохранить статус обретшего надежду жениха-однолюба, в качестве бонуса получив молодое, желанное тело.

Единственное, что в голове не укладывалось: каким образом серьезный ученый, чьи заслуги в области молекулярной биологии никто не собирался отрицать, словно безграмотный дикарь из травяных лесов Васуки, мог вести разговоры о тотемных предках и духах-прародителях.

— То есть ты хочешь сказать, что глава научного отдела считал особенности твоего организма не мутацией, а знаком предков? — осторожно спросил Пабло, рассеянно наблюдая, как в такт дыханию под водой трепещут жабры Кристин.

— Я же говорила, он опасный сумасшедший, — потупилась девушка, теснее прижимаясь к любимому.

Пабло в такие моменты не хотелось думать ни о чем, а полностью отдаться на волю ощущений, купаясь в нежности, как в игристом вине. Но он помнил, как почти на его глазах обратились Нага и доктор Дриведи, и слышал, как Эркюль и Шварценберг называли кошаком юного княжича с Васуки.

Кристин словно отгадала ход его мыслей, сочтя возможным пояснить.

— По легенде раджи Сансары ведут свой род от великого судьи и хозяина вод Варуны, которого земляне изображают верхом на морском чудовище Макаре, — начала она, умчавшись мыслями в те времена, когда ее мать вместо сказок перед сном рассказывала историю семьи.

— Макара — это водяной дракон, похожий на крокодила, дельфина и акулу?

Пабло указал на сережку Кристин, выполненную в виде морского дива, изображенного на гербе династии Сансары.

— Народы Альянса верят, что Макара не вахана, а одно из древних воплощений Варуны, — по-прежнему отстраненно пояснила Кристин. — Поэтому тотемом раджей считают кархародона или китовую акулу. По верованиям асуров, последний в роду должен принять облик тотема. А жабры у меня появились, когда умерла Вторая Савитри.

Кристин продолжала улыбаться, но Пабло казалось: еще немного — и она растает прямо в его руках, сделавшись пеной морской. И он понятия не имел, как ее на этой грани удержать.

Он знал, что в его объятьях любимая забывает о недугах и страхах и грезит о сияющих тропических лагунах, тенистых рощах и пышных садах. Мечтает об уютном доме на побережье, приятных прогулках по красивым городам. Надеется ощутить на

коже живительное тепло солнечных лучей, мягкое прикосновение ласковых капель дождя и пушистых хлопьев снега, попробовать плоды, выращенные при естественном освещении.

Однако стоило ей погрузиться в объятия сна, как ее снедали кошмары: единственной средой обитания для нее становилась холодная мрачная пучина океанских вод. Ее руки преображались в костистые плавники, ноги срастались мощным хвостом, рот разверзался огромной пастью с тремя рядами острых зубов, а глазам почти не требовалось света. Она видела лишь смутные очертания предметов, но усилившееся обоняние хищника могло с расстояния нескольких десятков километров учуять каплю крови, растворенную в соленой влаге. Ее жабры, добывая кислород, перекачивали тонны воды, а ее тело превращалось в стремительный живой снаряд, способный погружаться до абиссальных глубин и преодолевать за один переход расстояние от одного океанского побережья до другого.

Вот только в какой-то миг могучая хищница понимала, что заключена в тесный резервуар бассейна на планете, где лишь тьма и холод и нет воздуха и воды, а единственное место, где теплится жизнь, по воле властолюбивого безумца может разрушиться пустым миражом.

Пабло любимую как мог успокаивал, рассказывал о красотах Сербелианы и Земли, манил прелестями курортного Паралайза. Однако его собственную душу при этом сжимали ледяные щупальца тревоги.

Нет, он не боялся возможных козней спецслужб Альянса, хотя и понимал, что правнучку знаменитого мятежника и последнюю представительницу династии вряд ли оставят в покое. Возможно, им с Кристин придется скрываться, жить под чужими именами, изменять внешность и биометрию, как он уже почти привык в прежние годы, или даже бороться за престол. Он не исключал, что в Совете Содружества появление принцессы с земными корнями сочтут добрым знаком и залогом грядущего примирения с Альянсом и даже объявят знаменем революции, возродив к жизни идеи Арвинда Вармы.

Вот только все эти возможные опасности и потрясения под небом тройной звезды представлялись далеким, почти несбыточным сном: надежда, которую все они связывали с «Эсперансой», оказалась ложной, а та, что пришла на ее смену, имела черные паруса и улыбалась костлявым оскалом Веселого Роджера.

— Эти безрукие бездари загубили мой проект, — вынес неутешительный вердикт Маркус Левенталь, едва они поднялись на борт и провели осмотр двигателей. — Я это понял еще в

городе, когда увидел техническую документацию, но все же надеялся, что это просто намеренная ошибка, вызванная скрытным нравом нашего дорогого профессора. Теперь я убедился, что на верхних уровнях грамотных инженеров не осталось, а талантов молекулярного биолога и интригана оказалось недостаточно, чтобы понять мои чертежи. Двадцать лет, потраченных на создание полноценного варп-двигателя[18], который мог бы не только использовать свойства модифицированной гравитации и динамического поля с меняющимися характеристиками, но и самому искривлять пространство, продуцируя и распределяя темную энергию, — полярному лису под хвост!

Он с нескрываемой болью глянул на притихших товарищей и дочь.

Бедный конструктор сейчас напоминал человека, возвращающегося в недавно отвоеванный дом, к осквернённому очагу и алтарю, в храм, превращенный в овощехранилище. Пабло это и сам прошел, посетив родной Ванкувер вскоре после окончания оккупации. Понятно, что от их дома, разрушенного во время бомбежек, не осталось и следа, но даже пригороды нового Гавра и коттеджные поселки Новонормандского побережья, где не шли бои, выглядели иначе, а улицы заново отстроенной колонистами Альянса столицы и вовсе казались чужими. Только Трубеж, который на картах змееносцев назывался Гангом, величаво нес свои воды в сторону океана. Под сводами секвой и алых кленов прогуливались шерстистые носороги и мегалоцеросы, а в зарослях цветущего папоротника созревала желтовика.

И все же Пабло было в какой-то мере легче. Конечно, он родился и вырос на Ванкувере, получил боевое крещение, пройдя через горнило войны и самоубийственного освобождения заложников в Новом Гавре. Но все-таки дом, в котором он хотел бы провести вместе со своей семьей остаток дней, появился у него только на Сербелиане, да и тот оставался просто удобной гаванью, но не выношенным в муках и выпестованным бессонными ночами родным детищем.

Для Левенталя «Эсперанса» стала не просто кораблем, полностью изменившим его жизнь. Он вложил в проект переоборудования годы труда и частичку своей души, совершив фактически невозможное: он превратил скорбный склеп обреченных в настоящий ковчег, корабль завета и исхода из плена отчаяния и тьмы.

Даже Пабло, поднявшись по крутому трапу в кессонный отсек, испытал трепет, которого не чувствовал и на борту дважды

спасавшего ему жизнь «Луи Пастера». Что же говорить о Левентале, который знал не только каждый модуль двигателя, но и лично проверял начинку всех отсеков.

Слов нет. «Эсперанса» выглядела так, будто недавно сошла со стапелей звездных верфей, и о произошедшей трагедии напоминали только бортовой журнал и голограммы погибших пассажиров и экипажа, которые вместе с уцелевшими личными вещами разместились за защитным стеклом на своеобразном мемориале в кают-компании. И все же незримое присутствие профессора Нарайана, которое даже после взлома и перенастройки системы ощущалось не только в рубке или флагманской каюте, но также проявлялось в досадных мелочах вроде стертого из бортового журнала имени Левенталя, раздражало.

А неприятные открытия, сделанные после осмотра двигателя, и вовсе приводили в отчаяние. Тем более Маркус Левенталь был уверен: если бы финальная и самая ответственная часть переоборудования проходила под его руководством, корабль бы не превратился в дорогую, но бесполезную игрушку, годную теперь лишь для того, чтобы стать перевалочной базой для исследователей планеты и охотников.

— Но разве мощности двигателя не должно хватить, чтобы преодолеть гравитационную аномалию? — внимательно изучив параметры, поинтересовался Дольф, который хоть и числился абордажником, когда-то работал на верфях.

— Здесь дело не в мощности, — устало покачал головой Маркус Левенталь. — Черная звезда перемалывала в своей утробе корабли и с более впечатляющими характеристиками: космические крейсеры, скоростные корветы, тяжелые грузовики. Как показали многочисленные неудачные попытки вырваться из ее плена, — продолжал он спокойно и решительно, — маневровые двигатели годятся только, чтобы совершить посадку на пустошь.

— Но применение инжектора варп-поля невозможно внутри любой системы! — удивился Шаман, который, как и все выпускники звездных академий, тоже получил начальные навыки по корабельной матчасти и пилотированию.

— В самом деле, — снисходительно усмехнулся Левенталь. — Современные двигатели не производят экзотическую материю, а только перераспределяют ее внутри червоточины таким образом, что позади корабля создаётся избыток «тёмной энергии», тогда как перед ним, напротив, формируется область сжатого пространства.

— Это общеизвестный факт, — неловко повел вывихнутым

плечом Дольф, и все, включая Чико и юного Смбата, понимающе кивнули.

Даже школьники, никогда не совершавшие космических перелетов, знали, как происходит перемещение в зоне искаженного пространства. Звездолет, находящийся в так называемом пузыре Алькубьерре[19], остается физически неподвижным и защищённым от негативного воздействия, поскольку перемещается не сам корабль, а область искаженного пространства вокруг него.

— Увы, для применения варп-эффекта требуется зона экзотической материи, которую пока можно наблюдать только в червоточинах, — вздохнул Лева Деев. — А черная звезда хотя и обладает схожими параметрами, но коллапсирует слишком быстро, поэтому пузырь Алькубьерре вблизи ее поля создать ни у кого так и не получилось.

— Бедный Бенуа Готье, — потирая заживающую ногу, вздохнул Аслан, вспоминая дерзновенный бросок отважного пилота, совершенный пару лет назад и стоивший жизни экипажу и пассажирам.

— Я предупреждал Бенуа и просил дождаться окончания переоборудования «Эсперансы», — нахмурился Левенталь. — Но он решил, что достаточно скорректировать работу инжектора, и в результате просто не сумел создать капсулу, которая хотя бы защитила корабль, как это было во время предыдущих попыток прорыва.

Пабло понимающе переглянулся с Деевым и остальными ребятами из экипажа «Павла Корзуна». Они все тоже видели архивные кадры, на которых корабль, пытающийся в качестве кротовой норы использовать гравитационное поле черной звезды, просто расплющило. Возможно, что-то похожее произошло и с «Мерани», на борту которого находились Дин, Петрович и Клод.

Что поделать. Несовершенство существующих моделей двигателей понимали все. Между тем отсутствие или недостаточное количество проходимых кротовых нор последние годы все сильнее тормозило исследование космоса и экспансию человечества вглубь галактики. Планеты Альянса задыхались от перенаселения, Содружество тратило колоссальные средства на терраформирование, а большинство окраинных миров, открытых в эпоху фотонного бума, прозябали на грани вымирания из-за удаленности от обнаруженных кротовин и отсутствия регулярного сообщения с другими системами.

Маркус Левенталь, разработавший плазменный инжектор нового типа и создавший боеголовки, использующие принцип аннигиляции материей антиматерии, ближе всего подошел к

созданию полноценного варп-двигателя. Хотя побочные эффекты, жертвами которых стали Клод, Петрович и Дин, не позволяли пока говорить о внедрении новой технологии в серийное производство.

Оказавшись в треугольнике, Левенталь продолжил работу, и Пабло еще во время взлома документации успел оценить масштаб полета мысли гениального конструктора. Лев Деев и остальные члены Сопротивления видели чертежи еще раньше, а теперь их пытался постичь Шварценберг. Подслеповато щурясь, старый пират бронированным пальцем водил по проекциям и голограммам, просматривал обоснования, и на его веснушчатом лице расцветала довольная улыбка.

— Стало быть, ты, Марки, решил запитать свой движок от продуктов холодного ядерного синтеза? — после детального осмотра задал он риторический вопрос.

В самом деле, на планете, богатой урановыми рудами, такой способ получения энергии представлялся наиболее приемлемым.

— И что толку, — болезненно скривился Левенталь. — Агрегат энергополевого разграничения материи и антиматерии все равно построен с нарушением технологии, а воссоздать заново такой сложный элемент в условиях города уже не удастся.

Пабло невольно покачал головой. На что они тут все, собственно, рассчитывали? Согласно выводам межведомственной комиссии Содружества, именно неправильная конструкция деталей системы энергополевого разграничения и стала причиной исчезновения «Мерани» и его экипажа. А ведь над созданием этого важнейшего компонента, способного пропустить через себя колоссальные объемы энергии, трудились лучшие умы крупнейших научных центров Земли и других миров.

Пабло с тоской вспомнил, как Дин и Петрович незадолго до своего последнего рейса увлеченно рассказывали, что для разграничения материи и антиматерии был разработан новый материал, названный дилитием, как в сериале, давшем Алькубьерре толчок для создания идеи его знаменитого пузыря. Как пояснила Кристин, участник их вылазки Санчес и еще несколько бойцов нынешнего сопротивления диктатуре Нарайана в прежней жизни имели отношения к разработке этого высокотехнологичного полимера. И именно их перевод на горно-обогатительный комбинат стал для «Эсперансы» роковым. Тем более что для создания и поддержания работы агрегатов требовались колоссальные энергозатраты, а перенаселенный город и так находился на грани выживания.

Но почему улыбка Саава Шварценберга из просто крокодильски-довольной превратилась в торжествующую?

— А если я тебе, Марки, одолжу запасной агрегат энергополевого разграничения, ты поможешь мне разобраться с плазменным инжектором? — с невинным видом поинтересовался старый пират.

— Ты шутишь, Задира?

Левенталь едва не подпрыгнул.

— Откуда у тебя агрегат энергополевого разграничения? Да еще и запасной?

— Ну а как же без запасного? — с самым простодушным видом развел бронированными руками Шварценберг. — Я взял два на всякий случай. А вдруг один окажется бракованным. Когда произошла та неприятность с «Мерани», на черном рынке цены заметно упали. Вот с источником питания я правда перемудрил, — разворачивая голограмму с чертежами «Нагльфара», продолжал пират. — Решил поставить сильфидские квантово-сингулярные энергоблоки, они, понимаешь, вообще задаром мне достались, но капризные, сволочи, оказались. И заряжать их не меньше месяца надо. Мы, считай, только из-за этой хрени, вернее, из-за того, что полноценно не сумели ее запитать, к тебе на чай и заглянули.

Левенталь объяснений старого друга, кажется, просто не слышал. Он смотрел на чертеж двигателей «Нагльфара», и на его усталом лице отчаяние сменялось уважением напополам с удовлетворением.

— Так ты сумел самостоятельно поставить на своем звездолете полноценный двигатель искривленного пространства? — еще раз внимательно осмотрев чертеж, в волнении спросил он.

— Ну, ты ж понимаешь, Марки, мой основной бизнес почему-то не по нраву властям Содружества, а в Альянсе за мою голову и вовсе объявлена награда, да еще такая солидная, что я всерьез подумываю, что ради этой туевой кучи бабла я бы научился и без головы обходиться, — невозмутимо пояснил Шварценберг. — В такой ситуации рыскать по галактике в поисках кротовин не всегда удобно. Я, как ты знаешь, заныкал было одну, но меня сдали.

Он сделал кивок в сторону Пабло, хотя тот только принял сигнал от Елены Лариной и передал координаты Командору.

— Впрочем, не в этом суть.

Шверценберг снова расцвел улыбкой.

— Когда «Мерани» оснастили двигателем нового типа, я тоже подумал, что мне такая штука не повредит: когда приходится сматывать удочки и удирать от патрулей, затрат энергии уже не считаешь. Вот только искажать пространство в полном объеме у

меня пока не выходит. Разве что проходимых кротовин стало значительно больше, и патрульным мы регулярно натягиваем нос.

— И ты, Саавиле, готов поделиться запасным агрегатом? — все еще не веря своим ушам, спросил Левенталь.

— А почему бы и нет? — пожал плечами пират. — Должен же я тебе отплатить добром за все хорошее, что ты сделал. К тому же если ты поможешь мне наладить плазменный инжектор и оснастить варп-двигателем и мой «Нагльфар», считай, что мы квиты. Ну что, по рукам? — протянул бронированную длань Шварценберг.

— Ты не оставил мне выбора, Задира! — ответил крепким рукопожатием Левенталь. — Думаю, в ближайшие дни мы наведаемся на «Нагльфар» и посмотрим, как перебросить через долину горючее и насколько глубока проблема с инжектором.

— Он что, на полном серьезе собирается разбираться с двигателем «Нагльфара»? — на всякий случай переспросил артиллерист с «Павла Корзуна» Маруф Халеди, который хоть и не участвовал в освобождении заложников на Васуки, к Шварценбергу и его коллегам по теневому бизнесу относился крайне негативно. — Неужели он не понимает, что это ловушка? Шварценберг наобещает нам с три короба, а потом получит свое и свалит с планеты.

— Левенталь не такой дурак, чтобы повестись на пустые посулы, — усмехнулся Лева Деев, который за время совместной работы и борьбы успел достаточно хорошо изучить характер конструктора. — И Шварценберг, думаю, это понимает. Не говоря о том, что для него нет никакой выгоды нас кидать.

— И все равно зря мы с ним связались — вслед за Маруфом осторожно покачал контуженной головой второй пилот Якоб Флейшер. — Меня коробит при мысли о том, что если нам удастся выбраться из треугольника, то придется всю оставшуюся жизнь считать себя обязанными этому гнусному пирату.

— А ты знаешь, где на пустоши валяется еще один агрегат энергополевого разграничения материи и антиматерии? — поддел его Аслан.

— Двигатель искривления пространства все равно сконструировал Левенталь, — напомнил Лев Деев. — А Шварценбергу и самому требуется наша помощь в зарядке квантово-сингулярных энергоблоков и настройке плазменного инжектора. Своровать нужные детали, видимо, оказалось недостаточно, чтобы создать двигатель нового образца.

— К тому же старый пират уже не первый раз действует на нашей стороне, — напомнил товарищам Пабло, имея в виду выступление Шварценберга в Совете Галактики, когда тот

фактически остановил агрессию Альянса на Васуки, и судьбоносный рейд на Равану, благодаря которому они с Командором сумели выбраться из плена. — А мы сейчас оказались в такой ситуации, не задумываясь об изображенной на нем эмблеме.

Он имел в виду не только гравитационную аномалию черной звезды и помехи, создаваемые пульсаром, но и ситуацию в городе, которая после их вылазки на пустошь еще больше обострилась. Тем более информацию об изменениях они получали из первых рук. Подкорректировав характеристики канала связи с городом, Пабло взломал личный кабинет Нарайана и теперь имел возможность следить за всеми движениями главы научного отдела. Так, еще в самый первый день они узнали об аресте Ящера и других бойцов сопротивления, среди которых оказались и их товарищи, отправившиеся вызволять принцессу Савитри.

— Да они, что ли, совсем разум потеряли — так бестолково попасться? — не выдержали Маруф и Аслан, когда Пабло показал товарищам доклад службы безопасности с кадрами ареста.

— Похоже, дело не обошлось без предательства, — озабоченно проговорил Левенталь, попросив еще раз прокрутить момент с извинениями Джошуа Грина. — Я замечал, что в последние месяцы он ведет себя странно, но списал это на нездоровье и проблемы в семье, о которых он вскользь упоминал.

— Бедный мальчик, его-то за что?! — всплеснула руками Кристин, разглядев среди узников Синеглаза.

Пабло тоже подумал о том, что судьба обошлась с княжичем несправедливо, решив, видимо, наказать за грехи отца.

— Эркюль о нем позаботится, — заверил их Дольф, который и сам был готов хоть сейчас отправиться на рудник освобождать попавших в беду товарищей.

Чико порывался его сопровождать.

— Там же Пэгги и принцесса Савитри!

— Отставить! — охладил их порыв Шварценберг. — Кошак и боевая подруга ПГ-319 умеют о себе позаботиться лучше любого из вас, — пояснил он. — А о судьбе принцессы в докладе ни слова.

В самом деле, сколько Пабло ни копался в системе, пытаясь отыскать какие-нибудь засекреченные файлы, касающиеся Савитри, только даром потратил бесценное время. Принцесса исчезла, будто стала добычей прожорливых тварей пустоши.

— Она жива! — уверяла Кристин. — Я чувствую ее и Синеглаза, как раньше чувствовала маму и дедушку.

Пабло хотелось верить в ее слова, хотя Кристин признавалась, что мать и дед не успели или не захотели научить

ее пользоваться ментальной связью. Думал ли он, что будет общаться с асурами вне поля брани и запутанных политических игр?

По поводу княжича он, впрочем, и сам знал, что мальчишка, в общем-то, устроился пока вполне сносно. Еще в день ареста за ним пришли из службы опеки и поместили в комфортабельный изолятор, чтобы в дальнейшем, как несовершеннолетнего носителя здорового генофонда, перевести в один из приютов верхних уровней. Желая успокоить Кристин, Пабло даже показал, как Синеглаз, словно настоящий кот, нежится на мягкой постели, уплетая стейки и бисквиты. Разве только кариотипом княжича заинтересовался признавший в нем соплеменника Нарайан.

Что же касалось принцессы, то, похоже, она просочилась сквозь пальцы предавшего ее жениха, точно легкий морской бриз, не оставив следов. Привычка Нарайана к скрытности на этот раз сыграла с ним злую шутку. Даже если принцесса и попалась на глаза службы безопасности, о ней в докладе не говорилось ничего. Кристин утверждала, что наследницу рода раджей отдали в качестве мзды мародерам, а потом она каким-то образом встретилась с Бренданом. Пабло и сам видел, как Нарайан по нескольку раз в день переспрашивал у подчиненных, нет ли вестей от охотников, просматривал записи штурма «Эсперансы», и записи последних сеансов связи с охотниками.

Поднявшись в рубку оператора, Пабло застал там не на шутку встревоженного Шамана.

— Нарайан все-таки созвал городской совет, — вместо приветствия сообщил он. — Группу, которую якобы отправили вступить с нами в контакт, а на самом деле послали за принцессой, признали пропавшей без вести.

— Этого следовало ожидать, — пожал плечами Пабло.

— И теперь Нарайан потребовал от совета усилить меры по борьбе с инакомыслящими, а к «Нагльфару» решили отправить большой карательный отряд.

Глава 23. Дудочка крысолова

Когда сумрачный и усталый сотрудник опеки сообщил, что его желает видеть всесильный глава научного отдела, Синеглаз почувствовал панику и невольно прибегнул к ментальному зову асуров, который Нарайан, к счастью, не мог подслушать.

Как и следовало ожидать, Кристин, хотя и предприняла попытку, ответить не смогла. Правнучка мятежного Арвинда Вармы только осваивала наследие предков.

Впрочем, в одеянии махарани, которое девушка примерила вскоре после того, как группа Левенталя-Шварценберга поднялась на борт «Эсперансы», она смотрелась с поистине царским достоинством, как и полагается наследнице великих раджей. А жаберные щели, которые она прятала от непосвященных под покрывалом или волосами, подчеркивали родство с великим Варуной.

Увы. Последние в роду если и обращаются, то навсегда. Об этом знали не только потомки асуров, в это верили и люди из числа жителей травяных лесов. Не просто так охранявший покои маленькой царевны Камень, единственный из рода Могучего утеса, после спасения девочки ушел в горы, и больше о нем никто ничего не слышал.

Синеглаз и сам едва не с младенчества опасался закончить жизнь в облике горного кота. Все-таки отец ради политических интриг тратил слишком много сил, злоупотребляя древним даром. А Кристин тем более нельзя было обращаться! Особенно здесь и сейчас. Только странно, что родовое заклятье не коснулось Савитри. Но первая принцесса погибла безвременно, а нынешняя оставалась только клоном.

И все же ее зов, который Синеглаз почувствовал почти сразу после своего призыва, походил на освежающее дуновение весеннего ветра в травяном лесу.

— Не выдавай меня, пожалуйста, — взмолилась принцесса. — И будь предельно осторожен. Мой жених — человек коварный и жестокий. Я уверена, он захочет использовать тебя, чтобы обнаружить мое местонахождение.

Об этом Синеглаз тоже подумал. Сейчас, когда к Савитри снова вернулись силы, он мог с легкостью отыскать тот уровень на примыкающих к руднику нижних этажах города, где обрела пристанище потерянная принцесса. Там даже в затхлых, сырых коридорах ощущался запах сандала и дорогих благовоний.

Синеглаз видел тесную, но аккуратную комнатку, из-за обилия многоцветных ковров, циновок и пестрых накидок

напоминавшую жилище обитателей травяного леса. Разница заключалась лишь в том, что люди, приютившие принцессу, по странной привычке вестников спали на кроватях, нагромоздив их аж в два яруса, прямо как в кубриках «Нагльфара».

Зато круг повседневных дел тут почти не отличался от домашних хлопот жен земледельцев и ремесленников. На диво быстро оправившаяся от ран Савитри в них с охотой включилась, помогая сестре своего спасителя, молодой миловидной женщине с упругой коричневато-золотистой кожей, выразительными карими глазами и копной черных кудрей. Вместе они разбирали разноцветную пряжу, перетрясали тюфяки, самым примитивным способом стирали белье, готовили пищу, поджидая с работы мужчин, или занимались с маленьким сыном хозяйки, вызывая у Синеглаза легкую зависть и тоску по оставшейся во Дворце Владык матушке.

Савитри чувствовала себя умиротворенной и даже счастливой, если не переживала об участи Пэгги или не пускалась в горькие размышления о судьбе города и своем женихе. Впрочем, гораздо чаще мысли принцессы занимал ее спаситель. Ндиди собирался выкупить ее из неволи, даже не требуя взамен, чтобы Савитри стала его женой. Не имея особых средств для осуществления своего замысла, они с Бренданом каждый вечер рисковали здоровьем и жизнью, выходя на ристалище в боях без правил. А Брендан к тому же пытался нащупать каналы, чтобы проникнуть на нижний рудник и выяснить судьбу пленников, используя в качестве связных ученых мартышек Эркюля. Поэтому ожидание возвращения обоих бойцов окрашивалось оттенком тревоги.

И все же разрушить это тихое прибежище, обрекая его обитателей на незавидную участь узников нижнего рудника, а главное — предать бедную Савитри Синеглаз считал недопустимым. Пусть коварный правитель Сансары плетет свою паутину. Княжич тоже кое-что понимал в придворных интригах и собирался держать ухо востро.

Хотя Синеглаз неоднократно видел принца Шатругну на многочисленных голограммах и кадрах светских хроник, которые с дикарским упоением демонстрировал ему отец, в реальности глава научного отдела оказался вовсе не таким респектабельным и великолепным, как под объективами камер. Прежде всего Синеглаз с некоторым удивлением отметил, что жених принцессы Сансары выглядит ровесником Шварценберга и Левенталя, то есть годится своей невесте в отцы, если даже не в деды. Впрочем, чему удивляться. С момента смерти Савитри Первой прошло уже более тридцати лет, а Шатругна Нарайан был на десять лет старше нее.

И этот похотливый старик положил глаз на красавицу Кристин? Да в гнилых болотах его бы уже давно унесли к логову монстров как безмозглого деда, отжившего свой век!

Впрочем, вслух княжич ничего такого не собирался говорить. Желая произвести хорошее впечатление, он церемонно поклонился и произнес учтивое приветствие на языке асуров. К чему таиться? Наверняка Нарайан давно уже знает, кто перед ним.

И точно. Профессор внимательно оглядел юного визитера окруженными паутиной морщин цепкими глазами, а потом благосклонно кивнул, признавая равенство гостя по происхождению.

— Приветствую тебя, Нила Аки, принц Васуки! — переведя имя Синеглаза на язык асуров, произнес он таким тоном, что княжичу на миг показалось, будто он перенесся в Царский град и находится на приеме иноземных послов.

Впрочем, просторный кабинет главы научного отдела, хотя, как и все помещения верхних уровней, и напоминал отсеки и каюты огненной колесницы вестников, богатством убранства и пышностью вычурной отделки не уступал парадным залам Дворца Владык. Разве что место мозаик и ковров занимали голографические мониторы, а обязанности услужливых слуг исполняли разномастные дроны.

— Не ожидал увидеть тебя в таком скорбном месте и путешествующим в настолько неподобающей компании, — продолжал Нарайан, предлагая Синеглазу наслаждаться прохладительными напитками, фруктами и пирожными. — Должно быть, мир сошел с ума, если потомок Великого Асура вынужден путешествовать в обществе грязного пирата и якшаться со всяким отребьем из числа маргиналов и бунтовщиков.

— Саав Шварценберг, обнаруживший червоточину в системе Паралайза, напомнил миру о существовании Васуки, — вступился за капитана «Нагльфара» Синеглаз. — А теперь его корабль — единственный, на котором я смог покинуть родную планету, — надкусив сочное киви, добавил он с легким вызовом, наблюдая за реакцией собеседника.

К его удивлению Нарайан не только не нахмурился, но понимающе кивнул.

— Ты прав, малыш, — горячо проговорил он. — Трусливые слюнтяи из верховного совета Раваны побоялись военного конфликта с Содружеством и предпочли попросту закрыть ваш мир, обрекая соплеменников на нищенское прозябание и деградацию. А между тем, я много раз им говорил, асуры Васуки ждут нашей поддержки, и им нужен только повод, чтобы сбросить

позорное ярмо, которое на них надели люди.

Синеглаз слегка опешил. А точно Нарайан не умел читать мысли? Произнеся свою пылкую тираду, правитель Сансары почти дословно повторил речи отца. Князь Ниак неоднократно жаловался на советников Альянса, которые наобещали золотые горы, а потом позорно бросили, предоставив ему самому решать проблемы с вестниками.

— Даже на содержание наемной армии отцу приходилось зарабатывать своими силами, занимаясь работорговлей и давая приют контрабандистам, — охотно пояснил Синеглаз.

— И получать жалкие крохи за хранение товара, — понимающе кивнул породистой, немного высохшей головой Нарайан. — А между тем на Раване, Кали и Сансаре хватает доброжелателей из числа наиболее дальновидных политиков, которые готовы не только пожертвовать для соплеменников личные средства, но и оказать помощь в развитии планеты.

Синеглаз торопливо и благодарно закивал, так, что отросшая челка упала ему на глаза. Впрочем, оно и к лучшему. Главе научного отдела не стоило догадываться о его настоящих мыслях. Княжич слишком хорошо знал, что змееносцы никогда и никому не помогали бескорыстно, а Васуки интересовала их прежде всего из-за древних артефактов и полезных ископаемых, залежи которых в некоторых районах позволяли даже говорить о природной аномалии.

Еще до прихода вестников к отцу обращались какие-то скользкие типы из Альянса с, казалось бы, выгодными предложениями о покупке за баснословные по сольсуранским меркам деньги бросовых земель. Но тогда в стране травяных лесов правил царь Афру, и он дал решительный отказ. Когда же чуть позже отец невзначай спросил о тех землях у вестников и узнал их настоящую ценность, то пришел в страшную ярость: он не любил, когда его пытались надуть. Синеглаз же просто не мог допустить, чтобы Васуки превратилась в загаженный окраинный мир, вроде заваленной мусором Каллиопы. Да и кровь Великого асура и наследие рода царей не позволяли смириться с участью бедных родственников, не смеющих распоряжаться в собственном доме.

По этой же причине Синеглазу совсем не хотелось признаваться в том, что он сбежал с пиратами, поскольку просто решил посмотреть мир, а уж тем более он не был намерен распространяться о той роли, которую уготовал ему Шварценберг в рисковом плане проникновения в знаменитую сокровищницу. Поэтому княжич сделал постное лицо и даже для правдивости слегка шмыгнул носом.

— Я хотел попасть на Сансару, чтобы рассказать о бедственном положении моей родной планеты, — проговорил он тонко и жалобно, как домашние мурлакотамы, которые подражают мяуканью котят, когда пытаются получить лакомство или хозяйскую ласку.

Матушка не одобряла вранья, но отец говорил, что в отношении неприятеля это называется военная хитрость, и вестники с ним соглашались.

— Ты бы вряд ли нашел среди нынешних правителей понимание, — досадливо поджал узкие стариковские губы Нарайан. — Мы со светлейшей махарани Савитри как раз собирались поднять тему вашей планеты во время несостоявшегося визита на Равану, но, как видишь, застряли здесь, и судьба последней в роду раджей до сих пор остается неизвестной.

Синеглаз напрягся, понимая, куда его собеседник клонит. Тут бы не проморгать и постараться не только не продешевить, но и выудить какие-то полезные сведения.

— А что случилось? — спросил он, чтобы выслушать известную ему историю аварийной посадки, вынужденной эвакуации и встречи с охотниками, во время которой наследница рода раджей затерялась на пустоши.

Впрочем, пирожные и фрукты не дали ему заскучать. Хорошие манеры, о которых постоянно твердила матушка, конечно, предписывали княжескому сыну ни при каких обстоятельствах не показывать на людях, что голоден. Но когда и где еще представится случай побаловать себя таким количеством вкусностей. Фрукты оказались немного водянистыми, так как выросли при искусственном освещении, зато сладости заслуживали всяческих похвал.

Впрочем, повествование главы научного отдела княжич выслушал с пристальным вниманием, отмечая те детали, которые не могли знать Кристин и Савитри. Тем более, Нарайан живописал злоключения своей команды вполне искренне, а талант прирожденного рассказчика придавал событиям в его изложении дополнительный драматизм.

Синеглаз и сам недавно прошел через первобытный ужас потерпевшего кораблекрушение, оказавшегося на утлой лодке посреди бушующего океана. И все же он даже после объяснений не мог понять, почему при встрече с охотниками глава научного отдела покинул свою невесту на пустоши. Как биолог он отлично знал, что для медуз органические импланты андроидов такое же лакомство, как и человеческая плоть. Разве только сознательно пожертвовал принцессой ради сохранности ключа. Тем более он

уже не считал Савитри вполне живой. И опять эти мысли княжич решил оставить при себе.

— Какая трагедия, — сочувственно покачал он головой, привычно сдувая со лба пушистую после кондиционера пепельную челку. — Неужели нет никакой надежды разыскать принцессу живой? — проговорил он на голубом, вернее, синем глазу, старательно делая вид полной неосведомленности и вспоминая маленькую уютную комнатку, в которой хотел бы сейчас оказаться.

Конечно, его нынешние апартаменты были гораздо удобнее, и там не приходилось напяливать на себя несколько свитеров, чтобы согреться, но в каморке на нижнем уровне жили люди, которые заботились друг о друге и умели любить, а это стоило какого угодно комфорта. К тому же там сейчас разрабатывали план спасения Пэгги, Эркюля и других пленников рудника.

— Несколько дней назад я получил достоверную информацию о том, что принцесса жива, — продолжал Нарайан доверительным тоном, не забывая внимательно разглядывать собеседника. — Я отправил за ней группу охотников, но, хотя все сроки прошли, от них нет никаких вестей. Может быть, ты и твои спутники по пути к городу видели два танка? Или ты, возможно, слышал зов? Я знаю, ты владеешь навыком ментального общения. Если ты поможешь в поисках, не сомневайся, как только принцесса найдется, и мы сможем покинуть планету, я отвезу тебя на Сансару и определю в одну из лучших школ, а затем в Космическую Академию. Потомок Великого Асура должен получить достойное образование согласно своим склонностям.

В какой-то миг Синеглаз подумал, что отправиться на Сансару и приобщиться к знаниям, накопленным за прошедшие века альянсом Змееносца, было бы очень неплохо. Да и выбраться из треугольника не все ли равно на каком корабле. В конце концов, Шварценберг его обманул, а вестники вообще не желали с ним знаться. К тому же пирожные оказались невероятно вкусными, а на Сансаре он бы мог есть их хоть каждый день.

Потом он вспомнил усталое лицо и заботливые руки Кристин и словно еще раз услышал мольбу Савитри. В обеих наследницах династии текла кровь Великого Асура, а Савитри еще и много лет страдала от неразделенной любви к своему Шатругне, а теперь избавлялась от нее с мучительной радостью, как летающий ящер, сбрасывающий кожу.

К тому же Синеглаз уже знал, что «Эсперанса» далеко не настолько готова к вылету, как думал глава Научного отдела. Об этом княжичу сообщила Кристин, в момент неутешительного открытия Левенталя пославшая сородичу неосознанный зов.

Впрочем, о неполадках двигателя Нарайану знать не полагалось. Синеглаз видел на одном из мониторов изображение рубки и отсеков корабля, похожие на те, которые ему удавалось разглядеть во время редких и хаотичных мгновений связи с Кристин. Только на мониторах в кабинете профессора помещения корабля выглядели пустыми. Впрочем, таланты Пабло Гарсиа одинаково ценили и Семен Александрович, и Саав Шварценберг.

Что ж, Синеглаз тоже попробует применить что-то наподобие зеркала.

— Обучаться в Космической Академии Альянса — моя заветная мечта! — проговорил он предельно искренне, не уточняя, что в той же степени, подобно Левенталю, не отказался бы закончить Академию Звездного флота Содружества. — Да и выбраться из треугольника мне бы тоже очень хотелось. Только, боюсь, я ничего ценного не смогу Вам сообщить. Мы с товарищами приземлились на планету и отправились за помощью, так как у нас закончилось горючее, а город, как говорили приборы, стоит на урановом руднике. По пути мы встретили боевого андроида ПГ-319 и группу горожан, оказавшихся знакомыми нашего кэпа и членов его команды, и отправились в город уже вместе.

Синеглаз говорил торопливо, но складно, поскольку именно эту версию, придуманную буквально на лету Шакой и Гу Синем, он уже несколько раз повторял дознавателям из службы безопасности и собирался придерживаться ее до конца, чтобы не подвести боевых товарищей и не выдать принцессу Савитри.

— Когда мы зашли внутрь, — закончил княжич свой рассказ, — нас окружили охотники и всех задержали. Моих спутников зачем-то решили отправить на рудник, а меня привели в изолятор, обращались как с неграмотным дикарем, тыкали какими-то иголками.

— Благодаря этим иголкам я узнал, что в треугольник Эхо пожаловал еще один асур, — снисходительно усмехнулся Нарайан.

Хотя он улыбался, его темные, пронзительные глаза оставались холодными, как два замерзших колодца. Было видно, что он не поверил ни единому слову.

— И что же, хотел бы я знать, эти городские знакомые твоих спутников делали на пустоши, как они покинули город, минуя шлюзовые камеры, и откуда у них оружие и броня, — поинтересовался глава Научного отдела, брюзгливо оттопырив нижнюю губу. — Если ты прошел пешком путь от места посадки пиратской посудины до нашего города, то, думаю, успел достаточно близко познакомиться с милыми представителями

местной фауны.

— Медузы нам доставили массу неприятностей, горожане как раз помогли от них отбиться, — вполне искренне кивнул Синеглаз, проигнорировав первую часть вопроса. — Я так обрадовался, что просто принял их помощь и ни о чем не расспрашивал, — добавил он, стараясь убедить себя самого в искренности собственных слов.

На этот раз профессор удовлетворенно кивнул.

— А упомянутая тобой ПГ-319, — продолжил он осторожные расспросы. — Вы ее встретили до или после встречи с «горожанами»?

Последнее слово он произнес с нескрываемой иронией.

— Мы нашли ее на пустоши возле «Эсперансы», — с готовностью отозвался Синеглаз, и опять почти не соврал. — Вернее не нашли, а отбили у медуз. За это она обещала проводить нас самым коротким путем в город.

— Самый короткий путь в город — через перевал Большого кольца, — задумчиво проговорил Нарайан, потирая выдающийся вперед подбородок. — Странно, что вы ничего не заметили.

— В котловане валялось столько хлама, — пожал плечами Синеглаз, понимая, что если Нарайан продолжит расспросы, уходить от ответа будет все трудней.

Но вместо этого глава научного отдела поднялся, побуждая Синеглаза тоже покинуть удобное кресло, в котором княжич расположился с непосредственностью горного кота.

— Я не знаю, что приятели пиратов из города наплели обо мне, — проговорил Нарайан, приблизившись вплотную и глядя в упор. — Но я сразу скажу, что это наглая ложь, вызванная непомерными амбициями одного старого безумца. Когда я возглавил Научный отдел, дела в городе обстояли самым плачевным образом. Перевооружение единственного корабля, способного преодолеть притяжение Черной Звезды, приостановилось, на всех уровнях процветала коррупция, элементарные продукты питания и медикаменты распределялись настолько безграмотно, что не только предметы роскоши, но даже еду и лекарства горожанам приходилось покупать на черном рынке. Все уровни страдали от перенаселения, а отсеки не ремонтировались годами. Я навел порядок, закончил перевооружение «Эсперансы», почти что справился с безработицей и нехваткой рабочих рук на руднике. И в результате получил черную неблагодарность со стороны тех, кого по сути облагодетельствовал.

Синеглаз слегка опешил. В изложении Левенталя и его товарищей все звучало несколько иначе.

Нарайан между тем с нарастающим воодушевлением продолжал:

— Моим врагам не по душе наведенный мною в городе порядок. Конечно, ради всеобщего блага пришлось пойти на непопулярные меры. Но я не имел права оставить без поддержки тех, кто прожил и проработал тут всю жизнь, потеряв здоровье. К тому же те из новичков, кто имеет достаточную научную квалификацию, занимают места в лабораториях верхнего уровня. Но мятежникам этого мало. Они стремятся к бунту, а любое вооруженное восстание — это всегда неизбежные бессмысленные жертвы. Я же лишь хочу, чтоб этот город сумел продержаться до прибытия подмоги. Если нам удастся преодолеть гравитационную аномалию, — проговорил он доверительным тоном человека, открывающего свои самые смелые чаяния, — я обязательно расскажу о заложниках треугольника, а потом не пожалею сил и средств, чтобы построить эскадру кораблей, способных вывезти отсюда всех нуждающихся.

Он говорил так горячо и настолько искренне, что Синеглазу даже стало стыдно. Как он мог усомниться в благих намерениях сородича? Асуры всегда добивались поставленных целей и вели за собой преданных им людей.

— Ты ведь готов участвовать в осуществлении этих планов? — протянул княжичу перевязанную набухшими венами морщинистую ладонь Нарайан. — Я всего лишь прошу помочь отыскать мою возлюбленную Савитри. Без принцессы из рода раджей мое возвращение на Сансару бессмысленно.

Если бы глава научного отдела не произнес имя Савитри, называя ее любимой, Синеглаз, вероятно, так бы и отправился за ним, как дети из страшной сказки вестников за обиженным крысоловом. Что поделать, хотя княжич и сам умел достаточно неплохо мешать правду и ложь, Нарайан в этом тонком искусстве имел куда более обширный опыт. Имя принцессы Сансары сработало как противоядие, тем более что Синеглаз знал и о второй наследнице рода раджей. Произошел откат, и все события встали на место.

Профессор почти не врал. Он и в самом деле страстно хотел выбраться из треугольника в сопровождении любимой женщины и наследницы трона, а потом построить корабли и организовать спасательную экспедицию на планету, столь богатую ценными ресурсами. Только он не уточнил, что, говоря о принцессе, имеет в виду так называемую реинкарнацию Савитри, а участники экспедиции должны обнаружить лишь безжизненные развалины. Начинать колонизацию всегда лучше на пустом месте.

Впрочем, изобличать собеседника княжич не собирался. Он

всего лишь пытался помочь спутникам Кристин и защитить Савитри. Да и сам он все-таки хотел жить. Кто знает, не обернется ли щедрое предложение места на заветном звездолете очередным обманом? Те люди в защитных костюмах, которые тыкали в него иглы, расшифровав так называемый «кариотип» или генетическую информацию, упомянули о каком-то эксперименте, завершению которого поможет обнаруженная в крови княжича редкая мутация. Так они по неведению, видимо, называли кровь асуров, дающую способность принимать облик роу-су. Неужели пересуды пленников о том, что над обитателями нижних уровней и заключенными ставятся какие-то опасные для жизни эксперименты, не так уж далеки от истины?

Поэтому, прежде чем ответить на вопрос, Синеглаз затравленно сжался и для пущей верности пустил слезу. Плакать он не любил, но ситуация того требовала.

— Но я действительно не могу сказать, где находится принцесса! — сказал княжич чистую правду, надеясь, что Нарайан правильно истолкует его слова. — Я и Вашего зова не слышу, — уточнил он, и опять не солгал, ощущая на месте зова правителя Сансары пропахшую дымом зияющую пустоту.

— Возможно, это все влияние черной звезды, — устало проговорил Нарайан, покровительственно похлопав собеседника по плечу. — Я ни в чем не пытаюсь тебя обвинять. Более того, пока с твоими подозрительными спутниками разбирается служба безопасности, готов о тебе позаботиться. Хотя Космическая Академия, увы, далеко, учебные заведения Города мало чем ей уступают по уровню. Ты поступишь в лучший интернат, будешь учиться и получать все необходимое, а если ты услышишь хотя бы отголосок призыва, ты мне, конечно, обо всем расскажешь.

Выходя из кабинета, Синеглаз услышал, как глава научного отдела коротко и сухо отдает распоряжения:

— Внимательно осмотреть котлован возле перевала Большого кольца и начинать поиски на нижних уровнях. Принцесса наверняка где-то там, и если мальчишка соврал мне, пускай пеняет на себя.

Глава 24. Свет в конце тоннеля

— Проникнуть на нижний рудник и вывести пленников? Ты, видимо, решил их сразу убить!

Когда Брендан озвучил свой план освобождения товарищей, Ндиди посмотрел снисходительно и сочувственно, Тонино Бьянко горестно вздохнул, а Йохан Дален покрутил пальцем у виска.

— Но ребята нужны нам здесь! — горячо аргументировал свое нетерпение Брендан. — Возможно, придется сражаться за воздушные генераторы или идти на пустошь на подмогу Левенталю!

В городе даже дети уже знали о том, что на борьбу с «пиратами» направляется ударная группировка охотников с мощными установками взлома защитного поля и самоходными орудиями, снятыми с разбившихся на планете кораблей. Кроме того, Тонино, который, оставшись в городе, чудом избежал ареста, за эти дни успел наведаться к генераторам воздуха и своими глазами не только видел заложенную пособниками Нарайана взрывчатку, но и убедился в невозможности подобраться к ней со стороны системы городских коммуникаций.

— Ты хоть понимаешь, что на каждом из заключенных — магнитный ошейник с электрошокером, снабженный микрочипом, отслеживающим любые перемещения? — еще больше разгорячившись, пояснил ситуацию Дален. — Каждый шаг в сторону от забоя увеличивает мощность разряда вплоть до смертельного.

— А номера кодов ошейников есть только на личном накопителе начальника службы безопасности нижнего рудника, — добавил Ндиди.

— И этот накопитель защищен от подключения к городской сети, — закончил Тонино, плотнее прикрывая дверь.

Разговор происходил в тесной каморке под трибунами, в которой и Брендан с Ндиди едва помещались. Декларируя равенство бойцов, Хайнц и не подумал предоставить «уродам» такую же нормальную раздевалку, как единоборцам из числа охотников и мутантов. Хорошо, что Дален при своем немалом росте не отличался тучностью, а Тонино издали и вовсе мог сойти за подростка. К тому же здесь не стоило опасаться лишних ушей: подбадривая участников боев и обмениваясь впечатлениями, зрители ревели так, что уши закладывало.

Конечно, с тем же успехом они могли бы обсудить дела Сопротивления и дома, но Эйо и Савитри реагировали на любые разговоры о судьбе пленников настолько остро и болезненно, что

Брендану не хотелось их лишний раз травмировать. Особенно сейчас, когда к переживаниям прибавилась дополнительная тревога за судьбу группы Левенталя. Да и Камо по простоте душевной мог сболтнуть лишнее.

— Но должен же существовать способ увидеть ребят или хотя бы узнать, куда именно их поместили! — не сдавался Брендан.

Хотя Матильда и другие питомцы каким-то образом находили дорогу, навигаторов они не имели, а между тем, прежде чем вынашивать планы освобождения, следовало хотя бы знать, на каком участке находятся пленники.

— Чисто теоретически мы могли бы спуститься на рудник, воспользовавшись ходами Маркуса Левенталя, — задумчиво нахмурив высокий лоб над античным носом, вздохнул Тонино Бьянко.

— Слишком опасно, — покачал головой Йохан Дален. — Часть выходов во время последней облавы оказались раскрыты. Да и защитное поле никто не отменял.

— Защитное поле как раз не такая уж проблема, — возразил ему Ндиди. — Среди надсмотрщиков есть сочувствующие и просто жадные до наживы. Мародеры же как-то покидают город и где-то хранят свой контрафакт.

— Ну хорошо, допустим, вы сможете миновать энергетические щиты, — строго глянул на товарищей Дален. — А дальше? Штреки нижней выработки — это тот еще лабиринт, в котором можно блуждать неделями.

Ндиди бросил вопросительный взгляд на Брендана. Тот отрицательно покачал головой. После того, как Дален предупредил их об арестах Сопротивления, спрятал Тонино и нескольких других активистов, а потом помог забрать у мародеров принцессу Савитри, Брендан убедился в том, что рыжий прощелыга — человек в общем-то надежный. Но рассказывать о мартышках Эркюля означало еще раз подвергать в его глазах сомнению здравость собственного рассудка. Оценить степень понятливости зверьков мог лишь тот, кто имел с ними дело.

— Ну хорошо, — с легкой обидой кивнул Дален. — Не хотите говорить — не надо. Меньше знаешь — крепче спишь.

— Так есть возможность попасть на рудник? — проверяя шнуровку бойцовских перчаток, переспросил Ндиди.

— Такой шанс есть у всех и всегда. Вопрос в том, как туда беспрепятственно войти и обратно вернуться, — грустно ответил Дален, разглядывая расплывавшийся на ребрах бойца багровый кровоподтек.

Хотя правила запрещали использовать кастеты, охотники

утяжеляли перчатки макромолекулярными пластинами и другими приспособлениями, что делало их удары особенно болезненными. А в последние дни, когда надежды на возвращение их товарищей с пустоши почти не осталось, они свирепствовали как никогда, стараясь выместить все обиды на «проклятых уродах».

Конечно, Ндиди получил еще на Сербелиане юношеский разряд по флаю, но выучки Звездного флота он не имел и в защите чаще всего проигрывал. А тут еще, как нарочно, Хайнц выставил против него мерзкого громилу, который пару месяцев назад грязно подкатывал к Эйо. Получив отказ, этот тип, видимо, решил отыграться за несговорчивость Рукодельницы, искалечив ее брата.

Брендан сделал товарищу блокаду, с тоской думая об оставшихся где-то наверху нанороботах, которые, внедряясь под кожу, в два счета восстанавливали поврежденные капилляры и устраняли последствия кровоизлияния. После боя стоило как-то уговорить Ндиди прогуляться до медицинского кабинета, где стоял анализатор. В отличие от Савитри, ребра которой срослись буквально за пару дней, боец не имел высокотехнологичных имплантов с функцией регенерации. А еще хотелось уже придумать что-то толковое по поводу пленников. Но, поскольку собственную фантазию ограничивало недостаточное знание местных порядков, оставалось надеяться на товарищей.

— На комбинат недавно приходили какие-то умники из учрежденной еще Левенталем организации охраны труда, — подал голос Тонино Бьянко. — Ругались, что у шахтеров и рабочих комбината уже лет сто не проводились медицинские профосмотры.

— Если точнее, не сто, а ровно три года. С того момента, как к власти пришел Нарайан, — уточнил Ндиди, украдкой глотая обезболивающее.

Он крепился, но Брендан видел, что следующий раунд может закончиться для него более серьезными травмами, и потому решил инициативу перехватить, ибо на все уговоры товарищ неизменно отвечал насупленным сопением и обиженным взглядом.

— Так кто ж их проводить будет, если толковых врачей забрали на верхний уровень, — хмыкнул Дален. — А закрытие всех медкабинетов внизу объяснили необходимостью оптимизации.

— В общем, руководству предписали либо организовать пропуск рабочих наверх, либо выписать врача прямо в шахту, — продолжил Тонино. — Но это и в том, и в другом случае требует

немалых затрат, поскольку пропуск наверх бесплатно не осуществляется.

— А чистоплюи с верхних уровней и слышать не хотят о том, чтобы спуститься в шахту, — брезгливо поморщился Ндиди, который в прошлом году так и не сумел положить в больницу отца.

Если бы Кирабо вовремя сделали операцию и провели положенный курс лечения, он бы и сейчас продолжал трудиться в мастерской, поддерживая детей и внука. Впрочем, в сложившейся ситуации недостаток врачей на нижних уровнях мог, как это ни парадоксально, Брендану, наоборот, помочь.

— А наш кабинет работает совсем нелегально? — с невинным видом поинтересовался он у Далена.

— Обижаешь, — насупил рыжие брови коллега. — У Хайнца всегда все законно.

— А если ему намекнуть, что профосмотр — это выгодное дело?

— Так в том и вопрос, сколько скупердяи из правления шахты согласятся за это дело заплатить.

— В любом случае Хайнц не прогадает, — заверил Тонино. — А для Совета директоров комбината ваши услуги точно выйдут дешевле покупки даже разовых полисов для всех рабочих.

Хотя Дален еще какое-то время что-то скептически бурчал себе под нос, Брендан видел, что он загорелся. Потому, поблагодарив скромного, рассудительного Тонино, вышел на арену в приподнятом настроении, вдыхая запах пропитанного потом и кровью дешевого синтетического покрытия, словно стимулятор или афродизиак. Двойной адреналин гулял в крови, и все тело казалось упругим и легким, будто аэростат, наполненный гелием.

Брендан в этом раунде и вправду позволил себе немного полетать, взбегая по стене ограждения и делая в воздухе головокружительные кульбиты. Давешний громила, которому в следующем раунде предстояло снова сразиться с Ндиди, ожесточенно размахивал кулачищами, находя один воздух, и выглядел просто смешно, демонстрируя полное отсутствие навыков не только флая, но и любого из традиционных единоборств. Привыкший рассчитывать на грубую силу, он так и не понял, что произошло, как отправился в глубокий нокаут. При этом Брендан даже не удивился, когда трибуны взорвались воплями восторга, скандируя: «Гип».

На хищном лице папаши Хайнца тоже появилось благодушное выражение: теневой король подсчитывал грядущую прибыль. Хотя в этом раунде Брендану следовало поддаться, в

результате неожиданного исхода бандитский общак, который на самом деле представляла касса Хайнца, не особо пострадал, а появление бойца, владеющего невиданными доселе приемами, сулило только дополнительное пополнение. Тем более, к «Гипу» мутанты пока относились достаточно дружелюбно: их родные остро нуждались в квалифицированной диагностике и лечении, а Брендан не отказывал никому и делал все, что в его силах.

— Ты становишься настоящей звездой, мой мальчик, — озвучив сумму, заработанную им за вечер, похвалил его Хайнц. — Только если в следующий раз надумаешь импровизировать, сначала предупреди меня.

— Так какая же это импровизация? — решил сыграть под простачка Брендан. — Пока будешь объяснять, что к чему, весь кураж пройдет. А публика за халтуру, как я уже понял, не платит.

— Публика требует зрелищ, — согласился Хайнц. — Но пока ей придется потерпеть: бойцов у меня хватает, а для тебя есть выгодное дельце по твоей основной специальности.

Как выяснилось, за короткое время поединка теневой король успел не только обдумать предложение Далена, но и связался с руководством комбината и шахты, обсудив условия. Понятно, что Брендану опять перепадали какие-то гроши, но он рассчитывал получить дивиденды совсем в другом месте. Впрочем, не желая показать свою кровную заинтересованность в предприятии, он обиженно надул губы, делая вид, что подсчитывает грядущие барыши:

— А если я проведу осмотр не только на комбинате, но и в шахте, мне за это дополнительно заплатят?

— А ты готов спуститься в забой? — не поверил Хайнц, который, конечно, не знал, каким образом Брендан заработал деньги, чтобы поехать на судьбоносную олимпиаду в Новоякутск.

Да и в последующие годы, уже получая стипендию от концерна Херберштайн, он нередко брал в руки отбойный молоток, помогая на «Альдебаране» отцу.

— Почему бы и нет, — пожал плечами Брендан. — Чего я там не видел? А по нынешней жизни деньги мне очень нужны.

— Деньги всем нужны, только те, кто никогда не испытывал в них недостатка, говорят, что они не главное, — хмыкнул Хайнц, припоминая Брендану их самый первый разговор. — Вопрос только, куда их тратить. С чего бы такое участие в судьбе незнакомой девчонки, найденной на пустоши? — спросил он, улыбаясь одними губами и сверля собеседника таким ледяным, испытующим взглядом, что, если бы Брендану сейчас понадобилась операция, ее можно было бы проводить без наркоза.

— Разумных существ нельзя продавать, точно скот, —

проговорил Брендан убежденно. — Во времена деятельности «Панна Моти» я сам побывал в похожей ситуации, поэтому никому не пожелаю оказаться в положении живого товара. К тому же девушка понравилась Ндиди.

— Ох, молодежь-молодежь, — немного оттаяв, снисходительно осклабился Хайнц. — Ладно. Я поговорю об оплате.

— Вот только не знаю, получится ли осмотреть всех за один раз? — прикинув, что пропуск на шахту ему может понадобиться ни единожды, почти натурально спохватился Брендан.

— Ну, разумеется, — кивнул Хайнц. — Если, конечно, ты в самом деле собираешься заниматься осмотром.

Поскольку Брендан не ожидал этого замечания и не сумел отреагировать достаточно невозмутимо, Хайнц положил руку ему на плечо и продолжал с нажимом:

— Я знать не желаю, какого ляда ты лезешь в это пекло. Но учти, если попадешься, вытаскивать тебя не буду. А если задумаешь подставить меня — разыщу и в ядре черной звезды.

* * *

— Прикинь, он успел не только договориться, но и выправить все необходимые документы, — не скрывая восторга бульдожьей хваткой теневого босса, делился с товарищами Дален, когда они по окончании матчей провожали Ндиди и Брендана в медицинский кабинет.

Брендану даже не пришлось ничего выдумывать: к осмотру стоило подготовиться заранее. Тем более Далену предстояло какое-то время отдуваться за двоих.

— Вы успеете подготовиться к завтрашнему дню? — уточнил Тонино, прикидывая, кто из участников Сопротивления и сочувствующих будет в эту смену трудиться на уровнях и сумеет их прикрыть.

— Да что тянуть? — пожал плечами Дален, включая анализатор.

— Я иду с вами, — сверкнул глазами Ндиди, как только Брендан убедился, что его ребра на этот раз выдержали удар.

— Боюсь, не получится, — покачал головой Дален. — У тебя нет соответствующей медицинской подготовки.

— Можно подумать, она у тебя есть, — обиделся Ндиди.

— Говорили тебе знающие люди возвращаться на комбинат, — заметил Тонино. — Сейчас бы слова тебе никто не сказал.

— Должен же кто-то остаться, чтобы, если что, защитить Эйо и принцессу Савитри, — с чувством напомнил ему Брендан.

Ндиди эти аргументы, однако, не впечатлили. Проглотив наскоро ужин, он подхватил пакеты с выстиранным бельем, которое они с Камо по вечерам обычно разносили клиентам. Брендан собирался было отправиться с ними, но, к его удивлению, быстрее него собралась Савитри, которая уже предпринимала небольшие вылазки по уровню, закутавшись в шарф и надев очки. Ндиди не посмел возразить, а Брендан остался наедине с Эйо.

Хотя Брендан обычно легко сходился с людьми, рядом с Рукодельницей он испытывал неловкость. И он еще подтрунивал над Пабло, который три месяца не мог решиться поговорить с Кристин. Судя по отзывам Ящера и Тонино, оператор и его избранница стремительно наверстали упущенное, и Брендан мог им только позавидовать, чувствуя, как маленькая, тесная комнатка превращается в необъятный зал, где он и Рукодельница сидят по разные стороны обеденного стола на несколько сотен персон. Впрочем, сегодня Эйо нарушила молчание сама.

— Я хотела Вас поблагодарить, — едва за домашними затворилась дверь, проговорила она взволнованно и даже смущенно.

— За что? — не понял Брендан.

— За Ндиди, — пояснила она. — Вы сегодня спасли ему жизнь и вообще так о нем заботитесь. Тавиньо и дядюшка Гарм мне рассказали, как вы нокаутировали Железнорукого Джека.

— Железнорукий — это, что ли, тот громила? — уточнил Брендан.

— Очень опасный и злопамятный тип, — передернула плечами Эйо.

— Здесь таким раздолье, — хмыкнул Брендан.

— И не сердитесь, пожалуйста, на моего брата, — вымученно улыбнулась Рукодельница. — Он с самого начала хотел примкнуть к Сопротивлению, и примкнул бы, если бы не мы с Камо.

Ее тонкие пальцы привычно теребили мокрый войлок, придавая смеси из синтетических волокон, водорослей, собачьей шерсти и перьев кутулуха вид экзотических цветов, наливных фруктов, причудливых животных и птиц. Брендан невольно представил ее сидящей не в тесном закутке, а в уютной мастерской, освещенной солнечными лучами, в краю, где цветы и фрукты имеют запах и вкус, а животные гуляют на воле. У них обязательно будет такая мастерская, а пока он просто хотел защитить Эйо и ее близких от страшных порождений мира тьмы.

— Я не знаю, что он там себе придумал, мы с Даленом всего лишь хотим провести профосмотр, — проговорил Брендан, чувствуя, как краснеют кончики ушей.

— Тогда возвращайтесь поскорей. Я буду ждать.

Эйо сделала неуловимое движение, подавшись вперед, и легонько поцеловала его в щеку. Брендан хотел ответить, прижать к себе, удержать, но в этой время в коридоре послышались голоса возвращающихся Ндиди, Савитри и Камо, и Эйо поспешила выскользнуть из объятий, чтобы открыть дверь.

* * *

Спуск в шахту с юных лет Брендан сравнивал с путешествием по пищеводу. Неровные ребристые стены напоминали кольца выстланной плоским эпителием мышечной ткани, погрузочные площадки походили на верхний и нижний сфинктеры. Да и окружающая среда в обоих случаях была достаточно агрессивной. Конечно, в породе не содержалось такого количества концентрированной кислоты, а метод выщелачивания в городе под куполом применялся только на комбинате. Зато уровень гамма-излучения и пары ядовитого радона разрушали органику не хуже желудочного сока и желчи.

Вспоминая свой первый выход в забой в возрасте двенадцати лет, Брендан вновь переживал животный ужас, охвативший его в тот миг, когда клеть заскользила вниз куда-то в холодный, затхлый мрак, казалось, навсегда отделяя его от солнечного побережья и напоенных цветочными ароматами влажных джунглей Сербелианы. Даже Мурас с его слепленными невесть из чего хибарами и отбросами показался едва ли не лучшим местом на земле. Но отступать Брендан не привык, да и показывать страх перед отцом и соседями-проходчиками считал унизительным. Чтобы отвлечься, он решил повторить атлас по анатомии и придумал историю с пищеводом.

Каждый раз, опускаясь на глубину почти в километр, где на шахте «Альдебаран» добывали алмазы, он воображал, что исследует чрево гигантского змея. Тем более, «Кимберли интерпрайзес», занижавшая реальные цифры добычи и осуществлявшая чудовищные опыты над людьми, оказалась тем еще драконом.

Сегодня Брендану предстояло прогуляться по внутренностям еще одного чудовища, и диплом врача служил на этом пути талисманом и охранной грамотой, способной помочь увидеть свет в конце тоннеля.

* * *

На комбинате их встретили более чем радушно и сразу усадили за стол, уставленный всевозможными вкусностями, явно прибывшими в город из большого мира.

— Видимо, нарушений не счесть, если с порога пытаются умаслить, — рассудительно заметил Дален, подцепив консервированного осьминога и отдавая должное черной икре.

Тонино только хмыкнул, налегая на тарталетки с креветками и салат авокадо. Брендан уже знал от него, что система вентиляции в цехах, в которых происходит выщелачивание руды концентрированной серной кислотой, давно нуждается в замене фильтров и комплектующих, да и спецкостюмы рабочих не отвечают даже элементарным требованиям.

Сначала услужливые сотрудники управления пытались им подсунуть документы на подпись, но Дален доходчиво объяснил, что профанация не пройдет, для отчета им нужны голограммы осмотров и паспорта здоровья каждого пациента. Но при этом намекнул, что данные суммарных показателей, от которых будет зависеть, наложит ли городской совет штраф на комбинат, можно и подкорректировать в сторону улучшения. Главное — проявлять понимание и не чинить препятствий.

Они быстро разработали график, пообещав специалисту по охране труда управиться за две недели, приходя каждые три дня и осматривая за визит сотрудников одного цеха и рабочих одного участка шахты. А поскольку Брендан не привык халтурить и к поставленной задаче подошел ответственно, то в забой они спустились уже когда у шахтеров начиналась вторая смена.

— И стоило так копаться, все равно ты тут ничего не изменишь, — пенял ему Дален, собирая инструменты.

— Зато в управлении убедились, что к ним пришли не ряженые, а настоящие врачи, — отозвался Брендан, вспоминая топ-менеджеров, у которых кроме вызванных гиподинамией ожирения, остеохондрозов и атеросклероза сосудов никаких профессиональных заболеваний выявить не удалось.

Впрочем, топы его рекомендациями остались довольны.

— Нам некуда торопиться, — грустно заметил Тонино. — Заключенные находятся в забое круглосуточно. Дышат отравленным воздухом и пьют почти неотфильтрованную зараженную воду. Потому тут такая высокая смертность.

У Брендана болезненно сжалось сердце. Он слишком хорошо помнил отца и его товарищей, когда тех освободили с шахты «Альтаир». Да и возвращение из плена Командора, Пабло, Петровича и Дина тоже вряд ли сумел бы забыть. Но пока после

спуска в шахту ему опять пришлось принимать горняков. Многие рабочие не имели времени, чтобы дойти до его кабинета, и искренне обрадовались приходу врачей.

— Ты что тут, до ночи собрался заниматься благотворительностью? Гиппократ хренов! — шипел на него Дален. — Дальше я справлюсь и сам.

— Не кипятись, — пихнул его в бок Тонино, занося параметры в базу. — Все идет по плану. Через час на нижнем руднике у надсмотрщиков пересменок. Больше шансов, что наше проникновение в общей суматохе никто не заметит. Проверенный метод мародеров.

— Нашел кому доверять.

Когда Брендан только планировал эту вылазку, он переживал, как их пропустит защитное поле. Однако Тонино успокоил его, объяснив, что ввод биометрии на руднике сочли слишком дорогостоящей процедурой, и поэтому охранники и прочие сотрудники, имеющие доступ на режимные участки, всегда носят при себе специальные пропуска, которые практически нереально подделать, но можно передать.

А поскольку мародерам и прочим дельцам теневого бизнеса периодически требуется попасть на рудник, где многие из них держат схроны и даже склады, то аренда пропусков на черном рынке процветает. Благо надсмотрщики трудятся посменно и жетоны не всегда сдают. Что же до заключенных, то помимо энергетических щитов и ошейников с электрошоком их сторожат крепкие решетки. А для особо ретивых у надсмотрщиков имеются кандалы, парализаторы и лазерные плети.

Обстоятельный Тонино тоже разжился на черном рынке этими орудиями принуждения. Брендан в первый момент испытал отвращение. Он слишком хорошо помнил не до конца затянувшиеся шрамы на спине отца, Пабло и Командора и временами просыпался в холодном поту, услышав во сне надрывный крик Елены Лариной, которую во время их страшных приключений на Васуки жестоко пытал Шварценберг. Однако потом пришла мысль о том, что плети можно использовать и в качестве средства самообороны: курсантов Академии Звездного флота учили обращаться с любыми видами оружия.

— Все же я не очень понимаю, как вы собираетесь найти ребят в этом лабиринте, не зная даже примерного номера участка, — с легкой завистью глядя на приготовления товарищей, покачал головой Дален.

И вновь Брендан постеснялся дать вразумительный ответ.

Весь день он чувствовал себя непривычно, ощущая копошение под спецкостюмом. Теперь пришла пора довериться мохнатому

проводнику из числа питомцев Эркюля. Через пару дней после того, как Матильда, так звали первую мартышку, отбыла из каморки семейства Эйо обратно на рудник, ей на смену пришел галантный кавалер Зигфрид, парагвайский саймири с белой манишкой и в черном фраке. Его длинный хвост, не поместившийся в снабженном дыхательной маской и другими опциями системы жизнеобеспечения защитном комбинезоне, сегодня щекотал Брендана весь день, а от постоянного ерзанья все тело зудело.

Дален косился с подозрением, но Брендан не раскололся. Пообещав не нарываться на неприятности, они без особого труда отделались от провожатых и, добравшись до участка, на котором отсутствовало видеонаблюдение, воспользовались вентиляционной шахтой, спустились на несколько уровней и вышли в нужный им штрек. Тонино выдохнул с явным облегчением, убедившись, что им продали «годную ксиву», а на выходе не ожидает никаких сюрпризов, и облачился в бронированный экзожилет, который надсмотрщики носили поверх спецкостюма. Брендан последовал его примеру, предварительно выпустив Зигфрида.

С самого начала для него оставалось загадкой, каким образом зверек, который дышал сквозь маску и ориентироваться по запахам явно не мог, отыщет дорогу. Однако саймири то ли полагался на память, то ли использовал какие-то другие ориентиры. С беличьей ловкостью преодолевая неровности почвы, перепрыгивая лужи, местами цепляясь за провода и куски обшивки, он несся вперед с такой скоростью, что Брендан и Тонино едва за ним поспевали. Тем более переходить на бег под натыканными по всей шахте камерами наблюдения они опасались. Часть указанного Зигфридом пути им удалось благополучно преодолеть, забравшись в пустые вагонетки. Потом они снова перешли на быстрый шаг, моля лишь о том, чтобы питомец Эркюля не сбился с пути в лабиринте расходящихся под самыми немыслимыми углами боковых ходов, коридоров и лестниц.

Два раза им встретились патрули. Но шустрый саймири молниеносно прятался в тени, а одетые в спецкостюмы с логотипами комбината и броню охраны пришельцы не вызвали подозрений. Впрочем, Брендан сам себя едва не раскрыл, когда увидел, в каких условиях трудятся заключенные. Все нарушения, на которые их сегодня просили закрыть глаза на комбинате и верхних участках шахты, по сравнению с этим казались детской забавой.

Люди, защищенные только примитивными спецкостюмами

без подогрева и вентиляции, стояли буквально по колено в ядовитой холодной грязи. Давно забитые, выработавшие все мыслимые ресурсы фильтры на последнем издыхании генерировали кислород, но уже отказывались абсорбировать соли тяжелых металлов. А показатели радиации тут зашкаливали. То тут, то там полумрак забоя рассекали вспышки парализаторов и лазерных плетей. Не просто так ветхие костюмы у многих бедолаг были заклеены коллоидом. О том, как лечили раны, Брендан старался даже не думать.

«Почему любое предприятие, куда приходят змееносцы, превращается в фабрику смерти? — размышлял он, вспоминая «карантинные зоны» на Ванкувере и шахту «Альтаир». — И почему чиновники Содружества и других миров неизменно это допускают. Неужели корыстные интересы важнее, чем человеческая жизнь?» Магнитные ошейники с микрочипами, энергетические щиты, огромный штат надсмотрщиков и надзирателей. Все это требовало колоссальных затрат ресурсов, которые можно было бы использовать на производство жизненно необходимых лекарств, подготовку квалифицированных специалистов, замену оборудования, да и просто генерацию кислорода и обогрев.

Впрочем, Брендан понимал, что нижний рудник с его примитивными технологиями и полным отсутствием охраны труда — это не часть рентабельного и жизненно важного для города предприятия, а место устрашения и усмирения недовольных существующим порядком. При этом законопослушные граждане искренне полагали, что все заключенные — это закоренелые преступники и смутьяны, которые не хотят трудиться, отбирая ограниченные блага у тех, кто это действительно заслужил.

А еще Брендана не отпускало ощущение, что здесь, как и на «Альтаире», проводится чудовищный эксперимент. Не потому ли Нарайан так стремился уничтожить город, что хотел спрятать концы в воду? Будущим колонизаторам богатой ресурсами планеты не следовало знать о ее тайнах.

— Ты уверен, что этот хвостатый знает, куда идти? — после пары часов бесцельных блужданий по штрекам встревоженно поинтересовался Тонино.

Брендан пожал плечами, не зная, что ответить. Поначалу он, не доверяя навигатору, честно запоминал номера пройденных участков, считал повороты, внимательно пытался вникнуть в узелковое письмо коммуникаций и петроглифы, высеченные на стенах отбойниками и шарошками проходческих щитов. Сейчас все это сливалось в один желтовато-серый ком: один участок

рудника отличался от другого только количеством бедолаг в магнитных ошейниках и свирепостью надсмотрщиков, каждая новая встреча с которыми могла закончиться арестом.

Однако на одной из выработок Зигфрид неожиданно сдал резко в сторону и сиганул на плечи перепачканному в желтоватой грязи здоровяку, в котором Брендан не без труда узнал Эркюля. В трудившихся неподалеку рудокопах угадывались Прокопий, Цветан, Гу Синь и остальные. Удивительно, но Брендан обрадовался даже пиратам Шварценберга. Тем более капитан «Нагльфара» сейчас все равно сражался на их стороне. Один только Ящер вместе с активистами, задержанными в городе, находился в другом забое, и Эркюль собирался выяснить, где.

Впрочем, обмен информацией следовало отложить на потом: к ним с Тонино уже спешили двое охранников. Конечно, Брендану не составило бы труда вырубить обоих. Но делать это под объективами камер не стоило, а программу-зеркало мог подключить только Пабло, который выполнял сейчас другие задачи.

Поэтому пока Тонино, ожесточенно жестикулируя, пытался объяснить одному из стражей, что сами они не местные, вышли на смену первый раз и немного заблудились, Брендан незаметно впрыснул другому в медицинский клапан системы жизнеобеспечения один безвредный для здоровья, но создающий временное недомогание эффективный препарат. Через минуту бедолага согнулся от колик, а его напарник сам попросил последить за порядком, пока он отведет коллегу наверх.

— Ловко вы их спровадили, — кое-как протерев линзу шлема, улыбнулся товарищам Гу Синь.

— Будем теперь знать, что с Вундеркиндом шутки плохи, — изображая скорчившегося охранника, ехидно заметил Цветан.

— Да они вообще основательно подготовились, даже лазерными плетьми разжились, — с одобрением кивнул Гу Синь.

— Лучше бы достали отмычки от этих штук, — с ненавистью указал на ошейники Цветан.

— Или хотя бы что-нибудь согревающего захватили. И закусить, — жалобно пробасил Прокопий.

— Твое что-нибудь дает только временный эффект, и вообще алкоголь вреден для здоровья, — на правах бортового медика назидательно заметил Брендан, передавая друзьям кислородные фильтры, пищевые концентраты, нагревательные и абсорбирующие элементы системы жизнеобеспечения и препараты от радиации на первое время.

Также они принесли пачку кредитных карточек, чтобы, если заточение затянется, приобрести все необходимое. Охранники за

хорошую мзду могли добыть даже деликатесы или дурь.

— Зигфрид, умничка, привел нам дорогих гостей! — ласкал саймири Эркюль, отправляя часть пайка куда-то в недра спецкостюма, откуда доносилась возня и попискивание.

— А как там моя Савитри? — переживала Пэгги, которую несведущий человек в самом деле мог принять за хрупкую и ранимую молодую женщину.

Впрочем, с отключенными боевыми функциями ПГ-319 и в самом деле чувствовала себе не в своей тарелке.

— Принцесса почти оправилась от ран, она живет у добрых людей и ни в чем не знает нужды, — вкратце обрисовал ситуацию Брендан, искренне тронутый заботой о его пациентке.

— Только за ее безопасность, пока в городе распоряжается Нарайан, никто до конца ручаться не может, — печально развел руками Тонино.

— Если вам удалось пока ее спрятать, постарайтесь как-то продержаться до возвращения Левенталя и остальных, — на правах командира группы приказал Гу Синь. — А там что-нибудь придумаем.

Брендан так и не решился пока ему рассказать о том, что Левенталь и его боевые товарищи готовятся к противостоянию с охотниками.

— Мы вытащим вас, — горячо пообещал он. — Достанем ключи от ошейников и пропуска, выведем из строя камеры наблюдения, отопрем решетки.

— Главное, не делайте никаких резких движений, чтобы вас никуда не перевели, — поддержал его Тонино.

На обратном пути незаметно воспользоваться той же вентиляционной шахтой не удалось: на том участке сильно размыло грунт, и одна из вагонеток с породой сошла с рельсов. На месте сгрудилась техника, толпились инженеры и рабочие, пытающиеся восстановить транспортировку руды. Пришлось искать путь к другому воздуховоду.

То ли они не там свернули, то ли с того времени, как Левенталь составлял карту, добавились новые участки выработки, но путь по одному подозрительно пустому и чересчур опрятному коридору неожиданно закончился энергетическим щитом, преодолеть который по пропуску охранников рудника не получилось. В глубине, мерцая тусклым зеленоватым светом, виднелся вход на еще одну выработку, а неподалеку располагалась дверь в кессонный отсек со знаками бактериологической угрозы.

Глава 25. Дары асуров

Усердные спицы в умелых руках отсчитывали мгновения, точно секундные стрелки. Бесконечные петли и узлы, скреплявшие пестрые нити, напоминали зигзаги судьбы, из которых соткано полотно бытия. Колесо электрической прялки, превращавшей вычесанную шерсть и волокнистые водоросли в нити, вращалось бесконечной чередой перерождений, подобно колесу Сансары.

Эйо не решалась поднять голову от вязания, чтобы взглянуть на часы, но руки, привычно выводившие за рядом ряд, свидетельствовали о том, что время не застыло на месте. Савитри могла и вовсе не смотреть на нить, которую сумела напрясть за этот вечер. Ее процессор мог с точностью до секунд доложить о том, сколько времени минуло с того часа, как Брендан, Йохан Дален и Тонино Бьянко отправились проводить медосмотр на горно-обогатительный комбинат.

Прошли все мыслимые сроки, когда им следовало вернуться. Отчаявшись дождаться их возле ворот, Ндиди, чтобы не вызывать лишних подозрений, сидел за верстаком, перебирая какие-то детали, готовый в любой момент взяться за оружие. И только маленький Камо, намеревавшийся тоже дождаться дядю Брендана, не справился с дремотой и блаженно путешествовал по стране снов.

— На руднике просто слишком много пациентов, и расстояния между участками немаленькие, — пытался успокоить сестру Ндиди, продолжая изображать неведение по поводу осведомленности домочадцев об истинных намерениях товарища. — Да и комбинат работает круглосуточно.

— Даже рудокопам нельзя находиться в забое больше двенадцати часов, — вымученно улыбалась Эйо, хотя брат прекрасно понимал, что волнуется она не о том.

Все-таки для человека, защищенного спецкостюмом, разовое пребывание в шахте дольше установленного срока несло меньший вред здоровью, нежели ежедневная, хотя и дозированная работа. К тому же большинство рудокопов, желая поддержать семьи, регулярно перерабатывали, поскольку за перевыполненную норму платили в полтора раза дороже.

Савитри невольно подумала о Пэгги и ее товарищах по несчастью. Они оставались на глубине круглосуточно. И хотя в груди ПГ-319 и без того стоял мини-реактор, испарения тяжелых металлов наносили вред даже ей. Впрочем, больше всего Савитри переживала, что «постоялец» Рукодельницы не вернется из своей

опасной авантюры. А ведь в их отношениях с Эйо только наметился сдвиг.

— Ты вчера успела объясниться с ним? — спросила Савитри, едва за мужчинами закрылась дверь.

— Почти, — ответила Эйо смущенно, по десятому разу разглаживая несуществующие складки на постели Брендана.

Когда-то в другой жизни Савитри с таким же упоением прижимала к груди вещи, которые надевал Шатругна, или покрывала, на которых он лежал, если оставался на сиесту в ее дворце. Изображая заботливого жениха, он нередко проводил время рядом с ней, но не вместе, предпочитая ее обществу сон или работу. Сейчас Савитри так же самозабвенно убирала постель Ндиди, с горечью осознавая, что разделившая их стена куда прочнее кастовых предрассудков или надменного предубеждения. Впрочем, Ндиди на эту проблему смотрел иначе, полагая, что даже андроиды достойны счастья.

— Я, увы, не сумела твоих домашних надолго отвлечь, — виновато улыбнулась Савитри, вспоминая, как, раздав все заказы, они бесцельно блуждали по уровню, и Ндиди робко держал ее за руку, а Камо канючил, что хочет пройти до конца какую-то голографическую игру.

— Все в порядке, — с благодарностью глянула на подругу Эйо. — Вы вернулись как раз вовремя. Я так разволновалась, что едва все не испортила. А мне не хотелось бы его потерять.

Договорив последнюю фразу, Эйо застыла на месте, а потом задрожала всем телом, вкладывая в случайно сорвавшиеся с уст слова иной смысл. Савитри ее обняла, не ведая, как успокоить. Если бы она вместе с проклятым ключом сгинула на пустоши, сейчас бы никто не рисковал жизнью, и никого не держали бы взаперти на нижнем руднике.

Эйо смахнула слезу и принялась закидывать в бак кустарной стиральной машинки белье. Савитри стала ей помогать, с невольной улыбкой представляя выражение священного ужаса на лице пурохиты и придворных, если бы они случайно застали ее за таким занятием. Прачки относились к одной из варн грязных шудр.

Впрочем, жителей Содружества и окраинных миров жрецы и политики Альянса еще в годы первых контактов априори отнесли к неприкасаемым, сделав исключение лишь для потомков брахманов и кшатриев. А она уже неделю жила в семье Эйо и Ндиди, разделяя с ними еду и кров. С другой стороны, андроидам и вовсе не нашлось места ни в одной из варн. Они просто считались имуществом, занимая промежуточное положение между машинами и животными.

Ох, если бы новое тело дало ей шанс прожить жизнь так, как она хотела: без условностей кастового устройства и без презрения Шатругны, которое жгло, как клеймо, она бы согласилась навсегда остаться в этом городе на планете в системе черной звезды. Копошилась бы, как сейчас, по хозяйству, поджидая с работы любимого мужа, пряла бы шерсть, помогая Эйо создавать ее маленькие шедевры, радовалась возвращению с пустоши Пэгги. Ндиди сказал, что для ее толковой подруги точно нашлось бы место в ремонтной мастерской, но Савитри слишком хорошо знала беспокойный нрав ПГ-319, которой, даже когда у них хватало запчастей и аккумуляторов, на месте не сиделось.

Но Пэгги отправили на нижний рудник, а жизнь самой Савитри зависела только от расторопности службы безопасности и степени попустительства папаши Хайнца. Формально принцесса Сансары считалась его собственностью, и сумма, которую он назначил Ндиди и Брендану в качестве выкупа, могла в любой момент возрасти и стать просто неподъемной. Да и каждый выход на арену мог закончиться для отважных паладинов фатально. Ндиди сколько угодно мог прятать синяки, они с Эйо принимали игру, вздыхая с облегчением, что на этот раз он отделался сравнительно легко. А нынешняя экспедиция Брендана и вовсе выглядела самоубийством. К тому же Савитри вслед за Эйо беспокоилась за маленького Камо, которого в любой момент могли разлучить с матерью.

— И после всего случившегося ты не просто привязана к нему, но видишь в нем смысл своей жизни?

Узнав обстоятельства, предшествовавшие появлению на свет малыша, Савитри не сумела скрыть удивление. Даже на патриархальной Сансаре женщины в таких случаях старались избавиться от плода, и никто их за это не осуждал.

— В первые недели и мне, и моим близким было немного не до того, — с трудом подбирая слова, проговорила Эйо. — Родители боялись, что меня потеряют, поскольку я совсем не хотела жить. А потом, когда врачи завели речь о моей беременности и о возможности ее, пока не поздно, прервать, я увидела маленькое беззащитное существо, часть меня самой. Я решила, что не имею права поступать с ним еще хуже, чем поступили со мной, и двойная ответственность помогла мне выкарабкаться и вновь обрести волю к жизни.

Наблюдая за тем, как Эйо, покончив со стиркой, учит с Камо начальные правила грамматики и арифметики, Савитри с грустью думала о том, что за все три жизни ей так и не довелось изведать радости продолжения рода. А ведь даже фертильных по природе андроидов аристократы Альянса нередко использовали в качестве

суррогатных матерей. Савитри вспоминала, как возмущалась этим обстоятельством свободолюбивая Пэгги. При том, что работой в борделе она поначалу не особо тяготилась и во время службы в спецподразделениях Альянса не считала зазорным оказывать интимные услуги товарищам, помогая им снять напряжение и поддерживая боевой дух.

Савитри много раз думала о том, что если бы Шатругна еще при жизни в человеческом теле позволил ей родить ребенка, то, возможно, она осталась бы жива, а династия получила наследника. Впрочем, сейчас андроид Савитри с радостью стала бы матерью ребенка Ндиди. Брендан утверждал, что не так уж сложно создать жизнеспособный эмбрион, соединив их ДНК, и она не имела оснований сомневаться в его словах.

Мысль о Брендане вновь пробудила погребенный под спутанной пряжей разговоров и размышлений липкий, привязчивый страх. Если бы ему удалось освободить хотя бы Пэгги, Савитри чувствовала бы себя куда более защищенной. Впрочем, о чем она сейчас думала? Хоть бы этот непоседа Гип сам остался жив и не угодил на рудник.

Когда белье высохло, Савитри взялась за глажку, давая возможность Эйо закончить работу над двумя новыми палантинами и нарядным шерстяным свитером.

Хотя в каютах разбившихся кораблей охотники находили немало одежды, полностью удовлетворить нужды города эти жалкие крохи не могли. Черная звезда ведь притягивала не только круизные лайнеры. К тому же вечерний и пляжный гардероб почти не имел актуальности даже на верхних уровнях. Та же Кристин, покрасовавшись перед отцом и любимым в нарядах махарани, переоделась в более функциональный комбез. А легкую промышленность в городе почти не развивали. Да и для производства натурального волокна не хватало ресурсов.

Конечно, вещи, которые делала Эйо, оставались штучным товаром, но она вкладывала в работу душу, и ее творения согревали не только теплом шерстяного волокна или птичьего пуха, но и ощущением иллюзорного уюта и напоминанием о большом мире, который видели далеко не все жители города, но о котором неизменно мечтали. Неужели Шатругна настолько ожесточился, что готов разрушить даже эту почти несбыточную мечту?

— Может быть, тебе стоит отдохнуть? — с сомнением проговорила Эйо, придирчиво разглядывая занятую работой подругу. — Я не уверена, что ты полностью окрепла.

— Организм андроидов лучше приспособлен к стрессам, и регенерация происходит в десятки раз быстрей, — улыбнулась ей

Савитри, старательно разглаживая складки пахнущей свежестью рубахи. — К тому же вы с Ндиди после скитаний по пустоши предоставили мне такую высококачественную кормовую смесь, что, боюсь, я скоро растолстею.

— Он просто не может придумать, как еще выразить свою любовь, — улыбнулась Эйо, отлично знавшая, что все лишние калории в организме андроида отложатся не в жир, а пойдут на зарядку аккумулятора. — На украшения и наряды у него не хватает денег, а цветов в городе нет.

— Ему незачем переживать, — горячо возразила Савитри, зная, что Эйо передаст ее слова брату. — В прошлой жизни у меня были и украшения, и наряды, и роскошные дворцы, заполненные самыми изысканными яствами, но жестоко не хватало простого человеческого тепла.

Савитри невольно вспомнила пышные приемы, которые от имени раджей Сансары устраивал Шатругна. Прихотливо орнаментированные, воздушные, почти парящие в небесах своды поддерживали увитые цветами резные колонны. Двенадцать тройных в каждом зале в память о духах-прародителях, а также о Творце, Хранителе и Разрушителе. Украшавшие стены барельефы повествовали о древних эсхатологических битвах асуров и богов и о трагических временах исхода и завоевания новой родины. Пышные драпировки и парчовые шлейфы парадных одеяний окаймляли причудливые узоры с вплетенными в них назидательными изречениями мудрецов и поучениями Великого Асура.

Шатругна всегда стремился подчеркнуть свое родство с древним первопредком, пытаясь таким образом оправдать притязания на власть.

— Асуры пришли в этот мир одновременно с Семма-ии-Ргла и другими богами, поэтому мерить нас людскими мерками смешно! — каждый раз подчеркивал он.

Впрочем, даже среди своих он никогда не терпел конкурентов, успевая их вычислить и устранить до того, как они могли предпринять хоть какую-нибудь попытку сплести за его спиной заговор. Поэтому сановники на приемах боялись произнести пару слов вне рамок протокола, предпочитая делать вид, будто полностью поглощены угощением.

Инкрустированные яшмой и янтарем столы и парящие по залам антигравитационные платформы-подносы и вправду ломились от изысканных яств со всех уголков галактики. Дроны-официанты разряжали за вечер до десятка аккумуляторов, курсируя по залу с напитками. На традиционные блюда из мяса кутулуха никто даже не глядел, предпочитая паштеты из язычков

сербелианских туканов, клешни гигантских омаров с Паралайза, седло ванкуверских мегалоцеросов под соусом из желтовики и гарниром из жареного папоротника.

Принцесса Савитри, следуя учению брахманов, плоти убитых животных предпочитала растительную пищу, а если позволял протокол, то в течение вечера и вовсе ела одни лишь конфеты и пирожные. Она и сейчас помнила вкус обжаренных в топленом масле гхи, полосок сладкого теста джалеби и молочных шариков гулаб джамун, шафрановый запах печенья педа и аромат корицы, кардамона и муската, исходящий от нутовых пирожных ладду.

Придворные дамы с завистью наблюдали, как их повелительница, опустошив поднос морковной халвы и творожных клецок расгулла, переходит к мороженому и шоколадным тортам. Владельцы корпораций и банков присылали ее высочеству в подарок засахаренные фрукты и изысканные скульптурки из сливочной помадки бурфи, видя в хорошем аппетите принцессы залог процветания и стабильности. Они не знали, что урна с бренными останками их повелительницы хранится под замком в личных покоях принца Шатругны, а сладостями занявший ее место голем восполняет запасы энергии и питает человеческий мозг.

Ндиди отлично знал об искусственной природе тела Савитри, но големом ее не считал, полагая, что пока функционирует мозг, остается жива и личность. А сладости он принес и сегодня, не ведая, как еще отвлечь и успокоить любимую, племянника и сестру.

Маленький Камо первым налетел на карамель и рахат-лукум, сделанный на основе местных водорослей. Потом спохватился:

— Надо же и дяде Брендану оставить.

Хотя малышу нравилось обращение «дядя», равнявшее постояльца с Ндиди, ему очень хотелось назвать Брендана папой, о чем он неоднократно с детской непосредственностью намекал Эйо, вгоняя ту в краску. В свободное время Брендан с удовольствием показывал Камо приемы самообороны, рассказывал о мире за пределами треугольника, знакомил с разными видами животных и растений, в которых разбирался со скрупулёзностью настоящего профессионала.

Савитри видела, что Камо к нему искренне привязался и даже не ревнует мать. Отложенные сладости Камо собирался вручать сам. Но поскольку Брендан задерживался, они так и остались сиротливо лежать нетронутыми на тарелке, а потом стало просто не до них.

Когда время перевалило сильно за полночь, Ндиди решил снова наведаться к руднику. Вернулся он скоро, и на этот раз не

один. Брендан и Йохан Дален шли вместе с ним, ведя под руки находящегося в полубеспамятном состоянии Тонино. Хотя спецкостюм специалиста по системам жизнеобеспечения был наскоро залатан коллоидом и прикрыт какой-то хламидой, Савитри уловила запах паленых полимеров и разглядела кое-как замазанные следы крови.

— Осмотрите коридор, — приказал Йохан Дален, пока Брендан с Ндиди, уложив раненого на один из нижних топчанов, освобождали его от одежды. — Мы его, конечно, еще на месте подлатали, но следы крови могли остаться. Я сбегаю принесу все необходимое. Извините за беспокойство, — прижимая руку к груди, наклонился он к Эйо. — Тащить его в кабинет было бы слишком опасно. Ты точно справишься без анализатора? — повернулся он к Брендану.

— Да что там анализировать? Что я, плазменных ранений не штопал? — отмахнулся тот, вводя усиленную дозу обезболивающего и деловито обрабатывая жуткую зияющую рану на правой руке Тонино.

Препараты экстренной помощи Брендан всегда носил при себе.

— Когда мы со змееносцами по пустоши гонялись, тратя припасы и энергию, их было более чем достаточно. Кость не задета, кровопотерю мы сейчас восстановим. Если бы не экзожилет, все могло бы закончиться гораздо хуже.

— Что произошло?

Бедный Ндиди едва дождался, пока Брендан завершит работу и проверит состояние раненого с помощью еще дедовских, но более мобильных, нежели громоздкий стационарный анализатор, приборов. К этому времени худощавое лицо Тонино приобрело почти что нормальный цвет, дыхание выровнялось. Он ненадолго пришел в себя, с тревогой огляделся, увидел, что находится среди друзей, и погрузился в крепкий здоровый сон. Брендан сделал ему дополнительную инъекцию альбумина и поставил капельницу с изотоническим раствором.

— Охранники все-таки вас раскрыли?

Брендан устало покачал головой, убирая инструменты и стирая с лица пот.

— На руднике все прошло более чем гладко. Мы выяснили, где находятся ребята, увиделись с ними, передали то, что успели собрать и пронести. Условия там, конечно, жуткие, но ребята пока держатся.

— Тогда что же произошло? — указывая на рефлекторно берегущего даже во сне раненую руку Тонино, спросил Ндиди.

Брендан опустился на соседний топчан, наклонив голову и

ссутулив плечи, будто придавленный к земле многотонным грузом.

— Мы доподлинно установили, что лаборатория, в которой проводят опыты над людьми, — это не городская легенда.

Спокойным и бесцветным тоном он повел рассказ о том, как они с Тонино, свернув не в тот коридор, оказались возле двери с обозначением бактериологической угрозы и попытались проникнуть внутрь.

— Нас, конечно, туда не пустили, но когда мы уже решили уходить, дверь открылась сама, и оттуда выехали вагонетки, нагруженные трупами…

Брендан осекся, виновато глядя на товарищей, потом, спохватившись, бросил взгляд на верхний топчан, куда после его прихода переместили Камо. Хотя малыш поначалу проснулся и испугался, увидев кровь, окончания лечения он не застал и сейчас снова спал еще более безмятежно, нежели успокоенный лекарствами и капельницами бедный Тонино.

— Заключенные? — немного заикаясь, потрясенно вымолвил Ндиди.

— Подопытные, — отрубил Брендан.

Йохан Дален покачал всклокоченной рыжей головой, Эйо так и застыла, вцепившись в окровавленную простыню, которую она собиралась замочить в холодной воде вместе с одеждой раненого и балахоном хирурга. К счастью, услуги прачечной Рукодельнице не требовались.

— Поскольку тела не удосужились ничем прикрыть, я сумел рассмотреть их достаточно подробно, — пояснил Брендан угрюмо. — Они выглядели как наиболее звероподобные из охотников и также как участники программы «Универсальный солдат», которую змееносцы пытались воплотить в жизнь на Сербелиане. А мы-то надеялись, что после прекращения деятельности «Панна Моти» эпоха экспериментов над людьми закончилась.

Савитри почувствовала жгучий стыд. Все эти годы она знала, чем занимался ее жених, но предпочитала оправдывать его, очарованная теми грандиозными перспективами, которые он рисовал.

— Люди изначально по своей природе были гораздо сильнее и куда менее уязвимы. Слабыми и беспомощными их сделали Семма-ии-Ргла, которые, присвоив себе амриту, забрали могущество у асуров и отняли то, что древние называли магией, у людей, — рассказывал он увлеченно, и Савитри замирала от восторга, польщенная тем, что любимый доверяет ей такие сокровенные тайны.

Позже не без влияния Пэгги она поняла, что с тем же пылом влюбленный в себя и свои идеи Шатругна мог вещать для птиц и деревьев в саду.

— В древности не только асуры с легкостью меняли облик, используя силу и способности тотема, но даже люди не испытывали страха перед обращением, хотя не всегда потом могли вернуться, — пояснял Шатругна, мешая древние легенды с научными построениями. — И что же мы имеем сейчас? Люди превратились в полные ничтожества, которые без технических приспособлений просто не выживут, а их разбавленная, жидкая кровь, лишенная энергии амриты, закрыла нам путь к древним дарам. Внедряя людям фрагменты нашего генома и геномов тотемических существ, я хочу устранить несправедливость, подарив ничтожным смертным силу асуров. Она позволит не только бороться с болезнями, но и выживать на не приспособленных для жизни планетах без скафандров и дорогостоящих жилых куполов.

— И чего эти змееносцы не придумают, лишь бы не тратиться на терраформирование и создание полноценных удобных для жизни поселений, — прокомментировал рассказ Савитри Йохан Дален.

— А может быть, это не жертвы эксперимента, а просто бедолаги, подвергнувшиеся воздействию жесткого излучения, — попытался ухватиться за обломки рушащегося мира Ндиди.

Савитри посмотрела на него с сожалением, понимая, насколько возлюбленный чище нее.

— Мне бы очень хотелось в это верить, — устало проговорил Брендан, закидывая в рот кусок рахат-лукума с задвинутого вглубь стола подноса.

Эйо спешно пододвинула контейнер с остывшим ужином, но Брендан не притронулся к еде. Пока речь шла о помощи Тонино, он держался и выглядел бодрым, теперь же его потряхивало, а возле глаз залегли глубокие тени.

— Незадолго до того, как нас засекли, я узнал одного из подопытных, — мрачно проговорил он. — Это был пропавший около месяца назад сотрудник секретного отдела нашей молекулярной лаборатории. Его звали Венсан Даррье, и он исчез вскоре после того, как неосторожно обмолвился в общем разговоре, чем на самом деле занимается его отдел. Хотя из-за проведенных манипуляций лицо превратилось в звериный оскал, я узнал татуировку в виде кельтского орнамента, которой он очень гордился.

— И все равно до того как делать какие-то выводы, надо более тщательно изучить данные, — строго глянул на него Йохан

Дален.

— Чем я и собираюсь заняться, — невесело усмехнулся Брендан, извлекая из-за пазухи добытые с таким риском образцы. — Анализатор я могу использовать в качестве томографа и микроскопа, а необходимые реагенты в нашем кабинете есть.

— Вам может понадобиться помощь в компьютерной обработке, — не узнавая собственный голос, проговорила Савитри.

Она ласково улыбнулась встревоженному Ндиди и с охотой пояснила:

— Мой процессор обладает достаточной мощностью для подсчета повторов в цепочках и особенностей структур молекул. Шатругна специально загрузил туда программы по своему профилю, чтобы во время деловых поездок не прерывать исследования.

— И я не могу не уважать одержимость и талант Вашего жениха, — с горечью кивнул Брендан, намереваясь отправиться в медицинский кабинет прямо сейчас.

Хотя он отработал целую смену на профосмотре, совершил марш-бросок по шахтам, а потом уходил от преследователей, унося на себе раненного товарища, бурливший в крови адреналин гасил любую усталость. И Савитри, видя эту одержимость, невольно вспоминала своего злополучного жениха, который ради воплощения в жизнь идеи возрождения былого могущества асуров не щадил ни себя, ни окружающих, полагая, что цель оправдывает средства.

Пока Савитри переодевалась, Брендан все-таки заглотнул ужин, дал Йохану распоряжения по поводу наблюдения за состоянием Тонино, потом привел себя в порядок и вышел в коридор.

Хотя процессор Савитри обладал самыми современными характеристиками, к концу работы она почувствовала, что и он начинает нагреваться и сбоить. Брендан тоже тер воспаленные глаза, но продолжал упорно глядеть в окуляры микроскопа и на экран голографического монитора, с каждым новым образцом убеждаясь в том, что его гипотеза верна. В какой-то момент к ним присоединилась еще и Кристин, которой Савитри, видимо, послала неосознанный зов.

Хотя у правнучки Арвинда Вармы сейчас хватало других забот: все-таки группа Левенталя-Шварценберга готовилась отразить массированное наступление охотников, но, увидев характер изменений в цепочках, она мигом поспешила в медотсек и подключилась к анализу, вызвав немалое удивление отца и

возлюбленного. Работа настолько ее захватила, что она, сама не заметив как, освоила дар предков, надиктовывая Савитри полученные данные.

К тому времени, когда возле дверей кабинета появились первые пациенты, большая часть цепочек была расшифрована. Помимо биоматериалов из секретной лаборатории, Брендан наконец сумел изучить образцы крови, которую брал у охотников, приходивших к нему на прием. Данные по многим параметрам совпадали. Везде цепочку человеческого ДНК поддерживали и укрепляли более стойкие к неблагоприятным условиям гены асуров, к сожалению, те фрагменты цепочки, которые имели слишком тесную связь с обликом тотемного предка. А Кристин сумела обнаружить и вкрапления ДНК медуз, кариотип которых она могла нарисовать с закрытыми глазами.

— Как интересно, — прокомментировала она свое открытие. — А я еще удивлялась, почему охотники без особой радости использовали наши с отцом приборы, отпугивающие тварей пустоши. Похоже сигналы воздействовали и на них.

— Какая разница, — насупился Брендан. — Насиловать таким образом природу человека, да и еще вторгаться в его кариотип без спроса — это настоящее варварство!

— Зато присутствие ДНК медуз в организме охотников может помочь нам в предстоящем столкновении, — отозвалась Кристин, церемонно поблагодарив Савитри, пожелав Брендану удачи и передав слова Пабло, Деева и Левенталя о том, что его главная задача — беречь принцессу.

— Ну, что там у вас? — сухо поинтересовался Йохан Дален, который собирался вести прием вместо Брендана.

Все-таки неугомонному Гипу стоило хоть немного отдохнуть.

— Все встало на свои места, — обрисовал ситуацию Брендан. — Теперь понятно, почему Нарайан стремится уничтожить город. Он полагает, что вывел новую формацию людей, и хочет убедиться, что его питомцы сумеют выжить на планете в отравленной атмосфере и без защиты от радиации.

— И ради этого сомнительного результата он собирается угробить несколько десятков тысяч ни в чем не повинных людей?

Даже циничной невозмутимости Далена имелся какой-то предел.

— Поэтому я и говорю о том, что его надо остановить, — упрямо глянул на него Брендан.

— Но мы все равно не знаем, как добраться до носителя информации, на котором хранятся ключи от ошейников, — напомнил ему Дален.

— Думаю, и здесь я могла бы тоже вам помочь, — пользуясь

тем, что ее не слышит готовый каждую пылинку с нее сдувать Ндиди, предложила Савитри. — На расстоянии нескольких десятков метров мой процессор способен снять информацию с любого накопителя.

— Начальник службы безопасности нижнего рудника — один из завсегдатаев клуба папаши Хайнца, — задумчиво проговорил Дален.

— Об этом не может быть и речи! — горячо возразил Брендан. — Мы не имеем права рисковать.

Савитри вспомнила неприятного человека с холодными, буравящими глазами, который приветствовал их во время прогулки с Ндиди. Хотя Савитри прятала лицо, незнакомец успел оценить ее свободные, легкие движения, тонкие кисти и достоинства фигуры, пускай и полускрытой парой свитеров и накидок, но для опытного взгляда все равно очевидные.

Весь вечер она пыталась себя уверить в том, что ей все показалось, а потом ей было не до того. Но папаша Хайнц относился к тем хищникам из семейства падальщиков, которые всегда помнят, где спрятали остатки добычи.

Вечером незадолго до окончания рабочего дня, когда сморенный усталостью Брендан только проснулся и разминался перед предстоящим ему сегодня поединком, а Савитри и Эйо готовили еду, прибежал один из мохнатых гонцов Эркюля. На этот раз Меркурий. Верткий зверек принес записку, в которой сообщалось, что Гу Синя при попытке выяснить, где находятся Ящер и другие участники сопротивления, забрали какие-то странные типы со значками лаборатории, а Прокопия и Пэгги, которые вступились за товарища и командира группы, сильно избили лазерными плетьми и тоже куда-то увели.

Брендан не сумел сдержать ругательство. Савитри присела на топчан, чувствуя, как у нее отнимаются ноги. Пэгги! Подруженька! За что? В это время с работы вернулся Ндиди. Пригожее, обычно доброжелательное лицо его выражало крайнюю степень негодования. На скулах играли желваки.

— Хайнц повысил сумму выкупа за нашу гостью в десять раз, — сообщил он, едва сдерживаясь. — Он требует внести все средства до конца недели. В противном случае Савитри должна выйти на работу в клуб или…

Он не договорил, но все и так поняли.

— Если обратиться к соседям, они помогут, — прижав к себе подругу, пролепетала Эйо.

По ее лицу катились слезы.

— Даже если продать жителей всего уровня, нужной суммы мы не наберем, — страдальчески покачал головой Ндиди.

— В таком случае я выйду в клуб, — твердо проговорила Савитри. — Тем более, мне есть что показать, а там, глядишь, начальник службы безопасности рудника заглянет.

— Но тебя там сразу узнают! — запротестовал Брендан.

— Существует немало способов изменить внешность, даже без имплантов и магии асуров, — пожала плечами Савитри. — Скажи своему боссу, что до конца недели я выступлю в клубе, — ободряюще улыбнулась она Ндиди. — Ты же поможешь создать мне костюм на основе моего старого скафандра? — повернулась она к застывшей от ужаса и изумления Эйо. — Он достаточно хорошо облегает тело и не стесняет движения. А еще мне нужна ловушка для медуз и пара живых, но не самых ретивых особей. На Сансаре для этого танца используют змей, но с тварями пустоши мне сейчас даже привычнее.

Глава 26. Песня сирены

Сквозь фильтры ночного видения пустошь выглядела иначе, нежели подсвеченная огнями города или прожекторами корабля. Глубже залегали тени, резче проступал не сглаженный выветриванием рельеф, острее и опаснее выглядели пики гор. В этом черно-белом, чуть зеленоватом диапазоне, напоминающем зрение хищника, начисто исчезала иллюзия обыденности и защищенности, и недружелюбный безжалостный мир обнажал саму суть, лучше всего проявляющуюся в нраве аборигенов планеты. А обломки кораблей напоминали о бренности всех человеческих устремлений.

Впрочем, когда смотришь на мир сквозь тонкую и сложную электронику прицела, отслеживая приближение опасного и хорошо вооруженного противника, иллюзорность и бренность — это последнее, что приходит в голову. И даже такие очевидные, но глобальные цели, как необходимость отстоять корабли и защитить обреченный на гибель город, отступают на второй план, вытесненные целой вереницей более мелких, но насущных задач. А желание выжить хотя и отрезвляет благоразумием, не давая совсем уж потерять голову от боевой эйфории, но все равно неизбежно глушится потоками клокочущего адреналина. И только привычные значки кода в вирт-окнах на панели шлема напоминают, что предстоящая схватка — это всего лишь часть повседневной работы, к которой привязан призванием и тесными путами многолетнего навыка.

На этот раз, правда, все ощущалось несколько иначе. Ведь за соседним камнем вместе со своим мудреным и ставшим еще более громоздким оборудованием расположилась Кристин. И Пабло дорого бы дал, чтобы она сейчас находилась где-нибудь под относительной защитой корпуса корабля. Но в их семье женщины редко спрашивали мнения мужей: его собственная мать, бросившаяся в Новом Гавре без оружия и брони отвлекать охранников, поступала еще более безрассудно. А с Кристин они даже не успели произнести брачных клятв. Да и с ловушками для медуз, которым в их замысле предстояло сыграть едва ли не ключевую роль, никто не обращался лучше нее.

Когда позавчера, вернувшись с ночной вахты, Пабло не застал любимую в каюте, он с тревогой подумал, что кому-то из раненых стало плохо, и поспешил в медотсек. Он, конечно, знал, что даже наиболее серьезно пострадавшие Аслан и Джанибек оправились настолько, что собираются выйти на пустошь, но желаемое и действительное совпадало далеко не всегда.

К счастью, операционная и амбулатория встретили его стерильной пустотой. Только в виварии резвились мартышки, которых намучившийся со шкодливыми зверьками Таран отдал под опеку Кристин. Сама естествоиспытательница нашлась в лабораторном модуле и вид имела более чем странный. Неприбранная и босая, словно шелкопряд коконом опутанная голограммами цепочек ДНК, она сидела возле самого мощного из вычислителей и вручную вводила данные. Причем складывалось такое впечатление, что все эти фрагменты кода она откуда-то перерисовывает, временами кому-то надиктовывая результаты обработки.

В первый момент Пабло испугался, что у любимой от перенапряжения последних дней случилось сомнамбулическое расстройство. Потом, однако, вспомнил о мысленном общении Маргариты и Алекса Арсеньевых, благодаря которому в дни мнимого сотрудничества с «Панна Моти» на Раване удалось передать Вернеру и командованию не только данные по программе «Универсальный солдат», но и сведения о махинациях жемчужных королей Альянса.

Хотя Кристин и не обладала телепатией в ее классическом виде, она имела возможность использовать ментальную связь асуров, а заочное знакомство с принцессой Савитри и общение с Синеглазом помогали ей потихоньку осваивать наследие могущественных предков. Сегодня отличница Кристин вышла на новый уровень. Утром она не без гордости рассказала, что не только сумела ответить на зов, но помогла Брендану в работе над расшифровкой ДНК. Другое дело, что первые результаты этого исследования повергли в шок даже видавшего виды Шварценберга.

— Ну и бардак творится у тебя в городе, Марки! — прокомментировал он новости о секретной лаборатории. — Я, конечно, сам не без греха, — добавил он после витиеватого ругательства. — В прежние годы не брезговал работорговлей: вывозил неугодных жен в бордели окраинных миров, богатеев Альянса на фабрики «Панна Моти» сплавлял. Но сознательно калечить людей, превращая их в чудовищ, чтобы заселять непригодные для терраформирования миры, это уже даже не зашквар!

Пабло тоже невольно почувствовал, как наливаются болью давно зажившие рубцы от лазерных плетей. Все-таки он в чем-то был даже благодарен палачам Альянса за то, что те, ломая волю и увеча плоть пленников, в стремлении сохранить их интеллектуальный потенциал не прибегали к методам химического воздействия. Он слишком хорошо помнил, как

выглядели и вели себя участники программы «Универсальный солдат», среди которых далеко не всех удалось вернуть к нормальной жизни.

— Мы надеялись, что молекулярные биологи и генные инженеры сумеют не только вывести не требующие много света выносливые растения, но и решат проблемы мутаций, вызванных неблагоприятными условиями жизни в городе и работой на руднике, — развел руками Левенталь.

— Эта программа, как и сама лаборатория, появилась совсем недавно, уже после прихода Нарайана к власти, — вступилась за отца Кристин. — Глава научного отдела сам мне хвастался своими успехами в области генетики человека, но я решила, что он бредит. Это и в самом деле бред, ибо до сих пор никто не проверял, смогут ли подопытные выжить на пустоши при экстремально низких температурах и без запасов кислорода и воды.

— Узнаю почерк Альянса, — покачал головой Лева Деев. — Разделение на касты и непримиримая борьба за чистоту расы вплоть до полной потери человеческого облика.

— Все, кто не принадлежит к дважды рожденным — это грязь, глина под ногами, из которой можно лепить что угодно, — процитировал Левенталь слова одного из политиков Раваны, объяснявших мотивы «Панна Моти» и подобных ей изуверских организаций.

Впрочем, в страшном открытии, сделанном Кристин и Бренданом, присутствовала и положительная сторона. Другое дело, что замысел любимой Пабло не нравился категорически.

— Да какого Трехрогого с этими альянсовскими хмырями церемониться? Жахнуть из пламенных установок, распылить на пиксели — и дело к стороне! — достаточно беспечно прокомментировал известие о приближении усиленной группировки охотников Таран.

— Еще б я на всякую погань энергию тратил, — возмутился Шварценберг.

— Тем более что у нас ее нет: почти все извели, пока прорывались сквозь гравитационное поле черной звезды. Едва хватает на поддержку защитного поля и работы системы жизнеобеспечения, — с горечью усмехнулся пилот «Нагльфара» Али, который, хотя и служил когда-то в войсках Альянса, по поводу правителя Сансары иллюзий не питал.

— Энергией мы с вами поделимся, — успокоил его Левенталь. — Это не сложнее, чем дозаправка в космосе. Танк используем в качестве транспортного катера. Вот только на пиксели охотников порвать все равно вряд ли получится.

— Да и корабли жалко, — вздохнул Лева Деев, вспоминая печальную участь «Павла Корзуна».

К тому времени члены команды Левенталя уже побывали на борту звездолета его школьного друга и сумели убедиться, что агрегат энергополевого разграничения, которым Шварценберг столь щедро обещал поделиться, — это вовсе не миф, к тому же построен добротно и не имеет скрытых дефектов.

Более того, уж после беглого осмотра конструктор сумел заключить, что для оснащения «Нагльфара» полноценным варп-двигателем не хватает всего нескольких деталей, которые в годы переоборудования «Эсперансы» научились делать специалисты городской верфи. Таким образом, на планете сейчас находились два корабля, потенциально способных преодолеть гравитационную аномалию черной звезды, и их требовалось защитить.

— Да быть такого не может, чтобы мы не уделали этих выведенных из пробирки ушлепков, — засомневался Таран, с сомнением изучая документацию по оснащению штурмовой группы, которую сумел добыть Пабло. — На звездолетах орудия однозначно мощнее.

— Охотники тоже используют плазменные установки, снятые с кораблей, — пояснил ситуацию Лева Деев, выразительно указывая на впечатляющие цифры.

Судя по выкладкам, каратели обладали потенциалом, раза в два превышающим ресурсы «Нагльфара» и «Эсперансы» вместе взятых. Тем более что Пэгги и Савитри, отстаивая свою свободу, тоже успели потратить немало энергии.

— К тому же их танки оснащены дополнительными аккумуляторами, конструкцию которых модифицировал я сам, — добавил Левенталь, показывая голограммы чертежей.

— Да ты просто вредитель, Марки! — с укором глянул на старого друга Шварценберг. — Какого Трехрогого тебе это понадобилось?

— Не все, кому удавалось приземлиться на планету, приходили с мирными намерениями, — напомнил ему конструктор. — Я же не знал, что город в конце концов захватят изнутри.

— А как насчет того, чтобы просто заблокировать их орудия? — воинственно набычил защищенную экзоскелетом шею Шварценберг, строго глядя в сторону операторов.

— Не вариант, — покачал головой Пабло, невольно вспоминая, как едва не взвыл от бессилия, когда понял, что орудия штурмовавших «Павла Корзуна» охотников прекрасно управляются и вручную.

Позже он узнал, что эта конструктивная особенность диктовалась суровыми условиями жизни на орбите пульсара, периодически вырубавшего внутреннюю сеть и всю связанную с ней электронику. Даже сейчас, выстраивая работу программы-зеркала, Пабло учитывал капризы аккретора и гравитационную аномалию черной звезды. Впрочем, случавшиеся время от времени сбои в городе привычно списывали на помехи.

— Тогда надо взламывать их поле и выковыривать эту погань из-под брони, как долгоносиков! — воинственно потрясая скорчером на манер бородатого топора, пророкотал Дольф.

— Если удастся захватить хотя бы пару танков, получим реальный шанс отстоять корабли, — согласился с ним Лева Деев, который и поныне болезненно переживал неудачу с обороной «Павла Корзуна».

Впрочем, после трехмесячного противостояния даже самые опытные и отчаянные абордажники не преуспели бы в штурме боевых машин. Да и системы жизнеобеспечения поврежденного корабля уже находились на последнем издыхании.

— Только сначала заправим и защитим «Нагльфар», а заодно выберем для взлома удобное место на пустоши, — кивнул Пабло, стараясь не смотреть на притихшую Кристин.

— Раньше времени обнаруживать наше присутствие на «Эсперансе» в самом деле не стоит, — благословил его Левенталь, еще не ведая, что строптивая дочь тоже найдет способ принять участие в вылазке. — К тому же дополнительные энергетические мощности из арсенала охотников нам точно не помешают. Нельзя, выиграв одно сражение, проиграть в войне.

— Вот уж не думал, что когда-нибудь в трезвом уме и здравой памяти допущу этого пса Содружества до операторской «Нагльфара», — только качал головой Шварценберг, наблюдая, как Пабло вместе с Шаманом и Кудесником скрупулёзно и тщательно проверяют и выстраивают заново систему безопасности пиратского корабля, не оставляя даже лазейки для возможности взлома.

Пабло едва ли не с умилением и ностальгией обнаружил, что контрабандисты все еще используют систему кодов, разработанную Еленой Лариной, а на программах, отвечающих за орудия, по-прежнему стоит установленный им еще на Васуки блок, не позволяющий применять бортовые плазменные установки против кораблей Содружества. К счастью, Шварценберг в последние годы в основном сражался против Альянса, да и охотники использовали совершенно другую систему кодов и программ.

— Что, оператор, как побывал на Раване в нашей шкуре,

больше на нары не хочешь? — наблюдая за его работой, подкалывал Пабло Таран, припоминая штурм «Нагльфара» и свой плен.

— Да там, говорят, на руднике и нар нет, — вздыхал Дольф, переживая за судьбу Эркюля и Шаки.

— А как же люди там спят? — ужаснулся Чико, невольно вызвав у оператора и артиллериста улыбки.

Конечно, изолятор «Пардуса» и тюремная камера, в которой отбывали заслуженное наказание пираты Шварценберга, по уровню комфорта напоминали недорогой отель: на «Нагльфаре» обстановка была и то более спартанской. Да и пытки к ним никто не применял. Однако Таран тоже знал, что усталость может сморить и под обстрелом в окопе, и со связанными руками в сыром подземелье. А Пабло к этому мог прибавить невеселые воспоминания о последних неделях плена, когда их сутками держали висящими на стене, а потом обрекли на донорство в установке энергообмена.

Впрочем, те страшные дни не просто так являлись к нему в кошмарах, а что касалось узников рудника, как выяснилось, не об отсутствии элементарных удобств там стоило тревожиться. Ибо даже те, кто на верхних уровнях, ничего не подозревая, отдыхал после трудового дня на чистых простынях и гулял по гидропонному саду, находились в той же ловушке опасного безумца. И охотники собирались исполнить смертный приговор еще до того, как генераторы воздуха, словно источенные болезнью легкие, разлетятся оплавленными ошметками.

— Мы должны перехватить инициативу, застать охотников врасплох и задержать до того времени, как наши операторы взломают программное обеспечение генераторов защитных полей, — после осмотра местности, обсуждений и расчетов изложил план Левенталь.

— И лучше всего это сделать до того, как наши гости откроют огонь, — уточнил Шварценберг.

— Перевал между двумя долинами, в которых стоят корабли — идеальное место. Особенно если дело все-таки дойдет до плазменных установок кораблей, — оживился Таран, который после подзарядки «Нагльфара» заметно повеселел и рвался в бой.

— Там скалы сложены карнотитом и песчаником, — кивнул Аслан, который успел вместе с сыном и двумя другими подрывниками провести геологоразведку. — Самое то, чтобы заложить взрывчатку. Зря мы, что ли, на себе ее перли.

— Взрыв — дело хорошее, — поддержал подрывников Левенталь. — Но останавливать колонну таким образом лучше уже после того, как в нашем распоряжении окажется хотя бы одна

машина.

— А на взлом защитного поля нужно время, — кивнул Шаман.

— Тем более, охотники, кажется, догадываются о способностях наших операторов, — добавил Лева Деев, намекая на тот неприятный факт, что среди участников карательной экспедиции оказался их давний знакомец Амитабх и двое его коллег из экипажа змееносцев.

— Значит, надо как-то отвлечь охотников, а затем проникнуть внутрь или выманить их на пустошь и перебить там по одному, пока они не опомнились, — вспоминая их предыдущую вылазку, выразительно повел широченными плечами Дольф.

— Но как это сделать? — не понял Чико.

— Раскорячиться и сплясать перед ними апсарский танец, — сурово глянул на него Шварценберг.

Мог ли капитан «Нагльфара» предположить, что его похабная шутка окажется не так уж недалека от истины?

— Я могу попытаться воздействовать на охотников с помощью ловушек для медуз, — сообщила Кристин, едва только привела себя в порядок после своего телепатического бдения.

— Каким это образом? — нахмурился Левенталь.

— Многим из них внедрили фрагменты ДНК темных тварей, — не скрывая отвращения, вымолвила она. — При правильной настройке я смогу на них воздействовать с выбранной нами точки на перевале.

— Что, прямо как сирены, которые заманивали корабли на скалы? — оживился Чико.

То ли он получил неплохое гуманитарное образование, то ли нахватался от эрудированного в самых неожиданных областях Эркюля.

— Сиренам никто не угрожал из плазменных установок, — покачал всклокоченной головой Шварценберг.

— Тогда даже греческого огня, не то что пороха не знали, — согласился с ним Аслан.

Пабло молчал, понимая, что перенастроить оборудование и сделать его более «дальнобойным» не успеет, даже если будет работать сутки напролет. А предложение Кристин давало им настоящий шанс.

— Да не переживай ты, — успокаивал товарища Лева Деев, который так же, как и Али со Шварценбергом, собирался участвовать в вылазке. — Мы вас защитным полем накроем.

— Которое само по себе служит дополнительной наводкой, — фыркнул Пабло, напоминая товарищу, что на Ванкувере и Васуки

принципиально работал без щитов, предпочитая до последнего момента не раскрываться.

Сейчас он постарался максимально обезопасить Кристин, установив зеркало на замаскированном под обломками танке, которому тоже предстояло сыграть в их плане существенную роль.

Как Пабло и ожидал, Амитабх извлек уроки из трехмесячного противостояния и сделал работу над ошибками. Тогда ведь только неполадки в плазменных установках и усталость личного состава помешали им захватить корабль змееносцев. Они ведь еще не знали, что даже при достаточном количестве энергии им все равно не вырваться из плена черной звезды.

— Узнаю знакомый почерк, — прокомментировал первое соприкосновение с системой противника Шаман, который, хотя и оставался на «Эсперансе», но держал ситуацию под контролем.

Пабло тоже видел, что на этот раз защита энергетических полей у охотников выстроена на порядок лучше, и отключать ее никто не собирается. Впрочем, Амитабх при всем своем профессионализме творческим полетом мысли, к счастью, не отличался, поэтому его программа выглядела для Пабло чем-то наподобие экзаменационной задачки. Разве что оценкой служил не диплом очередной олимпиады, а жизни его товарищей и всего города.

Впрочем, первый взлом боевого щита, осуществленный на третьем курсе университета, тоже спас несколько сотен жизней детей и взрослых, пытавшихся выбраться с охваченного войной Новонормандского побережья. Хотя Пабло тогда едва не погиб, его представили к награде и без вопросов приняли оператором межсети в подразделение «Барс».

Сейчас задача осложнялась тем, чтобы до поры до времени себя не обнаружить и дать возможность Кристин устроить полноценную диверсию. Когда машины, благополучно миновав «Эсперансу», приблизились к перевалу, Пабло сумел незаметно вклиниться в систему и вывести на вирт-панели шлемов изображение с камер внутреннего наблюдения.

— Ого! Сколько их тут! — только сейчас прикинув численность личного состава, не смог сдержаться Чико, высовываясь из укрытия, как будто это помогло бы ему получше разглядеть противников под прочной броней. — У них же в каждой машине народу больше, чем у нас всего!

— А ты как думал, салага! — со злым куражом, смешанным с удовлетворением, отозвался Шварценберг, проверяя антигравитационные двигатели экзоскелета. — Своим метким выстрелом на Перевале Большого кольца ты их очень разозлил!

— Вы только гляньте, кто к нам пожаловал! — увеличивая изображение одного из охотников, подался вперед обычно невозмутимый Лева.

— А что тебя удивляет? — отозвался Аслан. — Джек Кривая заточка и Прабакер Мясорубка теперь не просто отморозки с района, а важные птицы при исполнении.

Пабло уже знал, что группировка охотников при Нарайане прочно срослась с криминалом. Поэтому прием в ряды стражей правопорядка отъявленных бандитов уже никого не удивлял. Тем более что упомянутые Джек и Прабакер сумели выслужиться, сдав нескольких активистов Сопротивления.

— Сейчас проверим, что это за птицы, — сквозь зубы проговорила Кристин. — Судя по виду, они тоже участники программы «Универсальный солдат».

Она включила на полную мощность неощутимый людьми, но очень чувствительный для медуз сигнал тревоги, и в танках началась настоящая паника. Не только абордажники, но и артиллеристы, и даже пара водителей, покинув боевые посты, в бесконтрольном порыве ринулись к аварийным люкам. Выхватывая на ходу оружие или, наоборот, наставив скорчеры на своих товарищей, или лучше сказать — подельников, они требовали отключить защитное поле и выпустить их наружу. Кое-кому это удалось, и их мигом скосили короткие очереди стрелков Шварценберга. Две передовые машины столкнулись и забуксовали на перевале, похожие на двух гигантских черепах, исполняющих сложные па любовного танца. Один артиллерист начал бесконтрольно палить по окрестным горам, усиливая панику. До того, как безумца удалось обезвредить, прострелив ему череп, один из зарядов угодил в соседнюю машину, вызвав взрыв боекомплекта.

Пабло спешно включил над собой и Кристин энергетическое поле, доламывая защиту охотников: Амитабх не мог ему противостоять, пытаясь усмирить разбушевавшегося водителя.

— Путь свободен, — доложил Пабло, когда система безопасности охотников наконец поддалась и рухнула.

— Только нам пока в этом хаосе нечего делать, — сердито отозвался Дольф. — Я бунт в дурдоме усмирять не собираюсь.

— Ты на кого булку крошишь? — строго цыкнул на него Шварценберг, осторожно спускаясь по склону. — Где ты еще найдешь таких врагов, чтоб не только честно самоубились, но еще и сами себя похоронили?

Действительно, самоуверенность Нарайана сыграла с его людьми злую шутку. Сделав ставку на силу и выносливость, он превратил своих «Универсальных солдат» в опасных безумцев.

— Если глава научного отдела поймет, каким образом воздействовать на подопытных, — наблюдая за беснующимися охотниками, проговорила Кристин, — он получит армию беспрекословно подчиняющихся бесстрашных бойцов.

— В условиях Альянса с его извечной проблемой перенаселения это было бы даже выгоднее использования андроидов, — стараясь сохранять невозмутимость, согласился с любимой Пабло. — Только мы этого не допустим.

В самом деле, поскольку Нарайан, вынашивая имперские планы, смотрел на исследования Кристин как на забаву избалованной принцессы, его подчиненным сейчас приходилось тратить силы и энергию на усмирение бесконтрольного бунта. Через какое-то время им это удалось. Другое дело, что артиллеристы, абордажники и подрывники Левенталя и Шварценберга тоже не сидели сложа руки. Едва только Пабло закончил взлом защитного поля, два танка охотников превратились в токсичный хлам, искореженные умелым подрывом.

— Видишь, сынок, что значит грамотная геологоразведка и точный расчет, — удовлетворенно прокомментировал свою работу Аслан, который хотя и немного прихрамывал, но наотрез отказался оставаться на корабле.

Еще две машины, шедшие самыми первыми, подбил выбравшийся из укрытия трофейный танк. Артиллерист с «Павла Корзуна» Якоб Флейшер показал, что орудие наземной бронетехники не так уж отличается от корабельной плазменной установки. Маркус Левенталь, согласившийся занять место у панели управления, ловко маневрировал на узкой дороге, уходя от огня и подобрав по пути Аслана и Смбата.

— Да не путайтесь вы под ногами, хватит уже мельтешить! — подгонял конструктора и его товарищей под защиту энергетического поля «Нагльфара» Таран, управлявший всей артиллерией пиратского корабля.

Усилиями лихого контрабандиста черно-зеленая почти плоскостная картина вечной ночи вновь обрела не только объем, но и краски, тревожа усталые глаза резким сочетанием грязно-желтого, кроваво-багряного и сальной, жирной черноты. Машины, попавшие под огонь батареи корабля, пылали так ярко, словно на планете вдруг образовалась плотная, насыщенная кислородом атмосфера.

Хорошо, что фильтры скафандров почти не пропускали запахи. Хотя Пабло за свою жизнь нанюхался разных оттенков вони, тяжелый дух паленой человечины, который не могли скрыть никакие испарения металла и пластика, будил в нем спящих

демонов, толкая на импульсивно-необдуманные поступки.

В это время абордажники под предводительством Шварценберга доламывали экипаж еще двух танков, наиболее пострадавших от хаотичных действий «универсальных солдат». Пабло очень надеялся, что Кристин не видит того, что творится сейчас под броней.

— Ну что, господа охотнички, хотели на халяву присвоить старину «Нагльфара»? Не выйдет! Я этот корабль и на сокровища раджи Сансары не променяю! — грохотал Шварценберг, шквальным огнем прокладывая себе дорогу к орудию.

— Да по мне, что сокровищница раджи, что здешние каменоломни, — соглашался с капитаном Дольф, располовинив одного охотника и выбив скорчер у другого. — Все одно — альянсовскую погань бить.

— За Гу Синя, Ящера и ребят, — приговаривал Лева Деев, вслед за лихим контрабандистом от прицельной стрельбы переходя к рукопашной.

Пабло наблюдал за происходящим с легкой завистью, и у него непроизвольно сокращались мышцы. Тем более что помощь оператора там бы сейчас тоже пригодилась. Увидев, как лишившиеся своих щитов танки группировки один за другим превращаются в погребальные костры, Амитабх превзошел все свои возможности, включив аварийный протокол и восстановив поле. К сожалению, эта программа, хотя и не отличалась стабильностью, взлому поддавалась с очень большим трудом.

Впрочем, Шварценберг и его абордажники пока и сами неплохо справлялись. До включения аварийного протокола они сумели взять обе машины под контроль, и теперь Пабло спешно возводил над ними новый щит, сожалея о том, что не находится сейчас на борту. Аварийный протокол предусматривал фактически ручное управление, а подставляться, раскрывая змееносцам параметры «Нагльфара» и «Эсперансы», не хотелось.

Что же касалось Кристин, то прекрасная нереида или, как ее назвал Чико, сирена продолжала свою безжалостную песню, натравив на охотников вернувшихся по ее зову медуз. Тем более что после подавления бунта уцелевшие далеко не везде успели задраить люки, и теперь расплачивались за оплошность, отчаянно отстреливаясь. Твари пустоши виртуозно прятались, прикрывшись густой завесой дыма, черной сажи и пыли, рожденные из праха и похожие на прах.

К сожалению, помимо безголовых марионеток у охотников имелись думающие командиры, которые понимали, что нападение медуз и бунт на борту — это звенья одной цепи. Да и Амитабх, похоже, все-таки засек местонахождение оператора.

— Нам надо уходить, — спешно сворачивая оборудование и закидывая в ранец только самые ценные и легкие модули, скомандовал Пабло.

Защитный купол над их головами расцвечивался всеми оттенками высокотемпературной плазмы от белого до темно-багрового. Пабло проследил, чтобы Кристин включила на шлеме световые фильтры. Даже ему после тьмы пустоши такое зрелище резало глаза.

Им предстояло преодолеть несколько сот метров вниз по склону, и это стоило сделать все-таки под защитой энергетического поля. На перевале закручивался огненный смерч. Уцелевшие танки охотников вели массированный обстрел «Нагльфара», пытаясь пробить защитное поле корабля. Шварценберг и Левенталь на захваченных машинах атаковали, но натыкались на восстановленные щиты, разрушить которые пока не получалось.

— Сейчас, я только ловушки соберу!

Кристин, кажется, уже поняла, что ей придется бросить созданные в единственном экземпляре уникальные приборы, и теперь тоже спешно вытаскивала карты памяти и блоки с записями сигналов.

— Когда мы доберемся до корабля, твой отец построит еще десяток! — пообещал Пабло.

И в это время танк, которым управлял конструктор, оказался на линии огня. Похоже, Якоб израсходовал даже энергию, поддерживавшую защитное поле. До того, как изображение на вирт-панели погасло, Пабло увидел артиллериста, тело которого оказалось расплющено во время удара, и обломки искореженного орудия, разлетевшиеся по пылающей кабине.

— Папа! — в ужасе вскричала Кристин.

— Я цел, девочка моя! — раздался в эфире срывающийся на хрип голос Левенталя. — Немедленно уходите.

Конструктор и вправду вскоре показался на броне, помогая выбраться из машины Аслану и его сыну Смбату. Таран и Шварценберг прикрывали их отход.

Пабло тоже уже наметил первую точку на склоне, которую они могли бы использовать в качестве укрытия. Была б его воля, он бы унес любимую отсюда на руках, как тогда в теплицах. Но дополнительный вес переносного генератора и без того пригибал к земле. К счастью, Кристин хотя дышала тяжело и неровно, но двигалась сама и все его указания выполняла беспрекословно, понимая с полуслова, будто прошла школу спецподразделений.

На середине склона у генератора разрядился аккумулятор, и, бросив громоздкую махину, Пабло даже почувствовал облегчение.

Другое дело, что теперь им приходилось двигаться зигзагами и поминутно нырять за камни, даже не пытаясь укрыться от сыплющихся со всех сторон острых осколков. В ушах гудело и ревело, перед глазами все плясало, поскольку пустошь то вспыхивала ярчайшими красками взрыва, то погружалась во мрак.

— Считаем до трех и бежим до того камня, — хрипло командовал Пабло, толкая любимую вперед, чтобы через десять шагов настичь ее в гигантском прыжке и сбить наземь, упав сверху.

В этот раз снаряд изменил траекторию, и они разминулись со смертью буквально на миг. Только что-то больно кольнуло под лопатку и прошлось по ребрам.

Впрочем, охотники все же стремились их обоих захватить живыми. Ближе к подножию на них вылетела целая группа, стрелявшая явно парализующими. Пабло успел уложить троих, еще одного срезала Кристин, потом на них откуда-то сверху выскочил вооруженный гигантским капусторубом громила с замашками маньяка-расчленителя. Хотя Пабло старался не забывать навыки обращения с холодным оружием, он с удивлением обнаружил, что правая рука не желает подниматься, а левой он владел гораздо хуже, но выбора не оставалось. Кристин продолжала отстреливаться. Пожалуй, стоило взять с собой не генератор защитного поля, а ловушки для медуз. Хотя против танков они бы точно не помогли.

— Что вы тут за фехтовальное шоу устроили? — напустился на них Шварценберг, внезапно появившийся из-за ближайшего камня и превративший громилу в хорошо прожаренный стейк.

Жалко, что медузы не могли оценить степень его заботы. Никогда еще Пабло так не радовался старому пирату и его спутникам.

— Быстро в танк! Нам для взлома аварийного протокола срочно нужен оператор! — скомандовал Шварценберг, рывком поднимая Пабло, в то время, как здоровяк Дольф, перестреляв оставшихся противников, словно пушинку подхватил на руки обессиленную Кристин.

Пабло попытался выполнить приказ, но почему-то упал на колени. У него темнело в глазах и шла носом кровь.

— Марки, ты учти, что я не нанимался таскать твоего зятька на закорках, — бубнил в наушниках Шварценберг, сгребая оператора в охапку и взваливая на спину, словно мешок.

— Что с Кристин? — переживал встретивший их возле танка Левенталь.

Его скафандр частично оплавился, но он вместе со Смбатом поддерживал тяжело припадавшего на травмированную ногу

Аслана.

— Да все с твоей девчонкой в порядке, — успокоил друга Шварценберг. — Этот герой, — он указал на Пабло, — ее собой прикрыл! Он, видно, думает, что мы сможем обойтись без оператора!

В танке Пабло спешно остановили кровь и вкололи альбумин, обезболивающие и антибиотики: почему не сработала система жизнеобеспечения скафандра, выяснять уже не хватало времени. От взлома аварийного протокола зависела судьба кораблей и города. Охотники уже почти пробили защитное поле «Нагльфара», и тогда бы пришлось задействовать только «Эсперансу», а это означало если не поражение, то полную разрядку. Отплевывая кровь и кое-как продираясь сквозь рябь перед глазами, Пабло отключил протокол и уничтожил защитное поле охотников. Он успел с удовлетворением разглядеть, как от усиленной группировки остается только груда хлама и паленой органики, убедился, что Кристин и в самом деле цела и даже пытается помогать раненым, и его окончательно поглотила тьма.

Глава 27. Сады лицея

— …И из этого следует, что сумма квадратов катетов равна квадрату гипотенузы.

Они что, издеваются? Неужели его ровесники из надзвездных краев только проходят азы Евклидовой геометрии, которые Синеглаз освоил еще под руководством Семена Александровича года четыре назад? Впрочем, царица Серебряная и ее спутники еще тогда хорошо отзывались о математических способностях княжича и советовали родителям всячески их развивать.

Надо сказать, что к этому совету князь Ниак все-таки прислушался и приставил к сыну наставника из дворцовых розмыслов. А во время визитов Шварценберга уроки княжичу давал если не сам пират, то его навигаторы и артиллеристы. В начале своего путешествия на «Нагльфаре» Синеглаз вовсю решал задачки по стереометрии и брал интегралы, и даже, оправдывая звание гардемарина, осваивал основы навигации и квантовой механики, конечно, под присмотром Али или строгого кэпа.

Поэтому, попав на урок математики в одной из лучших, как его уверили, школ города под куполом, сначала удивился, потом возмутился, затем решил не пороть горячку, а немного понаблюдать. Тем более что по другим предметам, особенно по межъязыку, он «плавал» и на входных тестах показал не самые лучшие результаты, не считая зоологии, где подробно и со вкусом расписал особенности поведения хищников семейства кошачьих. Как он успел убедиться еще из учебных стереофильмов, повадки земных барсов и ванкуверских саблезубов не так уж отличались от привычек роу-су.

Зато на математике княжич мог отвлечься на что-то более важное, исподволь наблюдая за одноклассниками, которые бились над решением элементарной задачки на применение теоремы Пифагора. И эти безнадежные тупицы еще называли его дикарем? Видите ли, он не знает голографических игр и плохо разбирается в навороченных гаджетах.

Особенно задавался рослый и крепкий темноволосый парнишка по имени Хорхе, который считал своим долгом всех и каждого задирать. Еще бы. У половины из обитателей этого интерната или приюта, кичливо именовавшегося лицеем, родители корячились в шахте, а его отец служил охотником и регулярно ходил в рейды, принося отпрыску с пустоши всякие занятные вещички.

Какие-то особенно редкие и дорогие диковинки Хорхе оставлял себе, чтобы постоянно хвастаться перед сверстниками и

изводить малышей. Остальные обменивал на выполненные за него домашние задания, прокачанных персонажей и сладости. Неудивительно, что выглядел он почти как Эркюль в скафандре, только без мартышек и бороды. При этом, хотя в голографических играх с ним не решались соперничать даже многие из взрослых, на уроках он не мог справиться с простейшей задачкой.

Синеглаза он невзлюбил, называя попеременно то дикарем, то пиратским отродьем, а уж когда княжич, не привыкший оставлять хулу без ответа, пару раз заломил ему руку без свидетелей и вне зоны обзора камер наблюдения, затаил лютую обиду, поклявшись отомстить. Княжич только посмеялся про себя. Напугал зенебока молодым побегом травы.

Впрочем, осторожностью Синеглаз никогда не пренебрегал и, завидев Хорхе с компанией дружков, вернее, прихлебателей, старался держаться поближе к учителям и объективам камер. А во сне он сохранял чуткость горного кота. Что же до мести, то сыну охотника просто повезло, что его отец не оказался в составе команды, отправленной за принцессой на «Эсперансу». Но кто сказал, что это нельзя исправить?

— Мой папа будет участвовать в рейде против пиратов! Его назначили командиром абордажной группы! — едва не трясясь от возбуждения, сообщил Хорхе, как только городской совет утвердил личный состав штурмовой группировки и количество участвующих в экспедиции машин.

— Велика важность, — презрительно зевнул Синеглаз, стараясь выглядеть равнодушным. — Отвечать за десяток полудурков с пушками! Вот мой отец управляет целой страной и не считает это слишком завидной долей!

— И где этот твой отец? — мгновенно взвился Хорхе — Ковыряет в носу и продает вонючую шерсть где-то в никому не нужном отсталом окраинном мирке? Можно подумать, он сумеет как-то вмешаться, когда так называемые «полудурки с пушками» от твоих дружков-пиратов даже мокрого места не оставят! У них там энергии — на эскадру кораблей хватит! И кроме двух сотен абордажников — лучшие в городе артиллеристы и операторы сети!

Синеглаз хотел было в запале возразить, что лучший не только в городе, но и в галактике оператор находится сейчас на борту «Эсперансы», но вовремя прикусил язык. Он, чай, не какой-то там малолетка — на такие простые уловки вестись. Эх, заткнуть бы этому недоумку рот, рассказав о приключениях с медузами и зубодробительном марш-броске, память о котором продолжала отзываться ломотой в ушибленных костях и растянутых мышцах. Но Синеглаз старался держать рот на замке,

в разговорах с учителями и сверстниками придерживаясь версии событий, которую изложил дознавателям и профессору Нарайану.

— Что толку тратить энергию и превращать корабли в хлам, если притяжение черной звезды все равно не преодолеть, — сделав вид, что пропустил гневную тираду мимо ушей, пожал он плечами, радуясь, что последнее слово осталось за ним.

На самом деле он очень даже переживал, если не сказать боялся. Эти идиоты из города и в самом деле могли уничтожить единственные корабли, способные вырваться за пределы системы. Хотя Синеглаз мало что понял из рассуждений о варп-двигателях, во время которых присутствовал благодаря ментальной связи с Кристин, он четко уяснил, что мечта горожан о возвращении в большой мир близка к осуществлению как никогда. Другое дело, что охотники об этом не имели ни малейшего понятия, а информацией с ними княжич делиться не собирался. Нарайану не следовало пока знать о проблемах на «Эсперансе» и о существовании еще одного почти готового к вылету корабля.

— Не переживай! Мы справимся, — заверила его Кристин, когда он в волнении попытался выйти на связь.

Синеглаз уже знал, что благодаря Савитри и Брендану она теперь не просто полноценно пользовалась даром асуров, но даже сумела извлечь из него немалую пользу.

— Но там же две сотни охотников. И танки, оснащенные орудиями, снятыми со звездолетов, — в волнении напомнил княжич.

— У нас есть чем их удивить, — спокойно усмехнулась Кристин, настраивая свое оборудование для отпугивания медуз.

И все же Синеглаз продолжал волноваться. Его душу, конечно, согрело невероятное зрелище дозаправки, когда с помощью нагруженного мудреным оборудованием танка часть энергии из емкостей «Эсперансы» перекинули на «Нагльфар». Да и приготовления подрывников и абордажников вселили оптимизм. Зато затею Кристин с ловушками он счел чистым сумасбродством и вслед за Пабло пытался девушку от осуществления ее замысла отговорить.

Правда Великого Се не позволяла наследницам рода матерей выходить на поле боя! Вот только жены вестников придерживались по этому поводу совершенно иного мнения. Та же царица Серебряная во время битвы при Фиолетовой находилась в самой гуще сражения, помогая вестникам и сольсуранцам лучше понимать друг друга. А ловушки против медуз и в самом деле ощутимо помогли отразить атаку охотников.

— Смотрите! Это мой папа пиратов громит! — восторженно

возопил Хорхе, разглядев во время прогулки под куполом красноватое зарево на горизонте.

Синеглаз даже его пожалел. Он-то мог с точностью сказать, что дела охотников не так хороши, как хотелось бы их отпрыскам и женам. Еще до того, как закончилась битва, стало ясно, что даже если защитникам «Нагльфара» и «Эсперансы» не повезет, в город под куполом вернутся не все. Сам княжич по старой кошачьей привычке сгрыз до мяса ногти, глазами Кристин наблюдая за ходом сражения. А уж когда девушка и ее возлюбленный под огнем спускались вниз по склону, и вовсе дышать забыл, готовый в любой момент прийти на помощь.

Дело происходило как раз на уроке истории, и он получил неуд за то, что не ответил на какой-то дурацкий вопрос о причинах падения Римской империи. Какое ему, наследнику Великого Асура, дело до всех этих ничтожных земных царьков, считавших его предков демонами? Лучше бы уделили побольше времени истории Альянса. Впрочем, Синеглаз знал, что неуд быстро исправит, поскольку никто лучше него во всем лицее не ориентировался в особенностях взаимодействия в фаланге или когорте и способах построения конницы. Конечно, более массивные зенебоки двигались иначе, но основные принципы оставались те же. Впрочем, пушки княжич тоже любил, не говоря о плазменных установках.

Когда Кристин и Пабло относительно благополучно добрались до танка, и Таран сумел отправить уцелевших охотников к Трехрогому в пасть, Синеглаз так обрадовался, что едва не возопил в полный голос прямо на уроке математики. Больше всего ему хотелось рассказать обо всем Хорхе, который так и не преуспел в решении задачи. Хотя, с другой стороны, Правда Великого Се не позволяла глумиться над сиротой. К тому же княжич ощущал, что нужен Кристин. Наследница династии основательно вымоталась во время сражения и спуска, а между тем почти все выжившие участники схватки имели раны различной степени тяжести, которые никто не мог лечить лучше нее.

Хотя Синеглаза едва не стошнило при виде развороченного острыми осколками плеча Пабло, обожженных рук Маркуса Левенталя, вывернутой наружу ноги Аслана и висящей на липке кисти Чико, он связь не прервал, подпитывая Кристин своей энергией. Что поделать, хотя властитель вод Варуна отметил последнюю в роду своим знаком, в условиях треугольника это создавало только дополнительные проблемы: даже специальная дыхательная смесь не позволяла ей жить и дышать в полную силу, как это происходило в воде. А помощь раненым требовала полной

отдачи, тем более что среди них оказались двое самых близких для целительницы людей.

— ¡Mierda! опять лазерные плети! Я же уже говорил вам, что ничего не знаю! У меня нет такого уровня доступа! — не открывая глаз, хрипло ругался Пабло Гарсиа, в беспамятстве вновь переживавший ужасы своего плена на Раване.

После всех необходимых манипуляций он все-таки пришел в сознание, узнал возлюбленную, слабо улыбнулся бледными губами и погрузился в глубокий сон, а Кристин поспешила на помощь к отцу, возле которого уже хлопотал Шварценберг.

— Ну как же тебя это угораздило, Марки? Вот сразу видно, что последние лет тридцать сидел ты в своем городе и пороху не нюхал, — качал головой кэп, освобождая школьного друга от оплавленного скафандра.

Хотя Левенталь буквально вытащил из огня раненого Аслана и Смбата, в сгоревшем танке помимо артиллериста остался еще один подрывник. Шварценберг в свою очередь лишился троих толковых абордажников. Среди охотников чудом уцелели лишь десять человек, и Кристин пришлось их тоже лечить.

К тому времени, когда раненые отправились отдыхать, а пленники заняли места в тюремном трюме «Нагльфара», целительница еле держалась на ногах и долго собиралась с силами, прежде чем смогла дойти до каюты и погрузиться в спасительный бассейн. Или она специально задержалась, чтобы еще немного побыть вместе с Пабло и отцом? Синеглаз уже даже не пытался разобрать: у него перед глазами рябило, а в роту ощущался противный металлический привкус. Все-таки он немного не рассчитал свои возможности и в желании помочь, похоже, дошел до границы безвозвратного предела, как те целители и шаманы древности, которые жертвовали своей жизнью, чтобы исцелить героев, царей или просто близких.

— Синеглаз, ты меня слышишь? Да у тебя же кровь носом идет!

Голос учительницы межъязыка, которая, прервав занятие, потащила его в лазарет, Синеглаз услышал словно сквозь ворох зенебочьей шерсти. Он пытался воспротивиться, но куда там: все силы уходили на то, чтобы не грохнуться в обморок. А тут еще на краю гаснущего сознания возникла встревоженная не на шутку Кристин.

— Зачем ты это сделал? — протянула она ментальную нить, пытаясь восстановить баланс, но лишь обессиленно опускаясь на дно бассейна, с трудом перекачивая жабрами спасительную воду. — Мы бы с Савитри сами справились.

Ну, вечно с этими взрослыми так! И никакой благодарности.

Впрочем, на Кристин княжич не сердился, только радовался, что она пришла в себя настолько, что готова воспитывать и поучать. Хорошо хоть Савитри сочла возможным промолчать, немного подпитав его энергией, точно разряженный аккумулятор. Вот ведь привел Великий Се вырваться из-под матушкиной опеки — и приобрести целых двух требовательных тетушек или кузин. Обеих принцесс Сансары княжич числил пусть и дальними, но родственницами.

В лазарете у него с удивлением обнаружили крайнюю степень переутомления и прописали покой и усиленное питание, на всякий случай опять проверив на всех мудреных приборах. Синеглаз не возражал. Ему давно хотелось отдохнуть в тишине от придирок учителей и тупости Хорхе. К тому же в дополнение к здешнему достаточно питательному и разнообразному рациону ослабленным давали пирожные и другие вкусности.

Два дня княжич отсыпался и по возможности ел за троих, особенно налегая на сладкое. Тем более у Кристин все обстояло относительно спокойно: раненым не становилось хуже, а о будущем пока не загадывал даже Шварценберг. Другое дело, что теперь геройствовать решила Савитри, которой всенепременно приспичило добыть ключи от магнитных ошейников.

Синеглаз, конечно, переживал за Эркюля и ребят, особенно, когда узнал о лихой судьбе, постигшей Пэгги, Гу Синя и Прокопия. На последнего он, понятное дело, обижался за слова о сыне цареубийцы. Однако Гу Синь участи подопытного безумного книгочея не заслужил, не говоря уже о Пэгги. Вот только намерение принцессы подобраться к начальнику рудника могло привести к настолько непредсказуемым последствиям, что Синеглаз боялся даже себе их представить, чтобы, не приведи Великий Се, не сбылось.

— А вы уверены, Ваше высочество, что пьяный сброд из этого так называемого клуба — подходящее общество для наследницы рода раджей? — пытался образумить он Савитри, наблюдая за ее подготовкой к номеру.

Рукодельница Эйо подлатала и переделала защитный костюм, превратив его в подобие жреческого облачения и украсив голову принцессы под сферическим колпаком причудливой короной и маской. Теперь Савитри после закрытия клуба спокойно репетировала, не опасаясь посторонних глаз.

— Пьяному сброду будет не так-то легко до меня добраться, — усмехнулась махарани Сансары, вспоминая сложные даже для андроида головокружительные па.

Синеглаз, конечно, узнал фигуры ритуального танца плодородия, исполняемого в честь духов прародителей и хозяина

нижнего мира Хоала. Только вместо священных змеев, с которыми вели опасную игру заклинательницы, Савитри решила использовать медуз. С одобрения заинтересованного в зрителях Хайнца Ндиди установил на арене энергетический купол, чтобы защитить посетителей и отгородить от них принцессу, а Тьяо и Билли притащили с пустоши десяток темных тварей.

Жрицы редко когда решались танцевать даже с двумя змеями, Савитри без особого труда держала в поле зрения не менее пяти медуз. Видевший ее подготовку Хайнц довольно потирал руки, подсчитывая грядущие барыши. Эйо замирала от страха, зажимая себе рот, чтобы не закричать при любом движении, а Ндиди и Брендан, стоя по краям купола, всем сердцем желали оказаться внутри.

Синеглаз вполне их понимал. Он тоже стремился на арену к Савитри или переносился мысленным взором на пустошь. В конце концов, это несправедливо! Почему он, наследник Великого асура, которому на роду написано защищать и оберегать женщин своего рода, вынужден сидеть, как салат на гидропонной грядке, в этом искусственном саду, растрачивая силы на перепалки с ничтожествами вроде Хорхе?

А может, бросить все и сбежать? Тем более что дорогу на нижние уровни он уже почти разведал.

Надо сказать, что ученики лицея много времени проводили в теплицах и гидропонных садах, где изучали основы естественных наук и помогали ухаживать за растениями. Хотя Синеглаз поначалу морщился, полагая, что работа садовника ниже его княжеского достоинства, потом решил, что можно и потерпеть. В конце концов, принцесса Савитри, вон, даже не брезговала работой прачки. А для большинства жителей нижних уровней радующее глаз зрелище аккуратных грядок шпината, шпалер клубники и апельсиновых деревьев оставалось недоступной мечтой. Не говоря уже о том, что многие уже не помнили вкуса натуральных продуктов, вынужденные питаться консервами и концентратами.

Конечно, сады города под куполом не шли ни в какое сравнение с матушкиным вертоградом, в котором встречались растения со всех уголков Васуки и даже некоторые диковинки из мира вестников. И все же запах земли и свежей зелени привлекал Синеглаза, навевая сладкие и томительные воспоминания о доме. Возможно, этого требовала его вторая природа.

Все-таки тонкому обонянию роу-су не очень нравились резкие машинные запахи, с которыми княжич почти смирился на «Нагльфаре» и по пути до города, не говоря уже о руднике. А в последнее время Синеглаз замечал, что восприятие его органов

чувств подозрительно изменилось. Запахи и звуки ощущались ярче, зато цвета периодически меркли, оставаясь в диапазоне серого с оттенками зелени. Такое с ним случалось и прежде незадолго до того, как отец принимал решение сменить облик, обрекая сына на жизнь в шкуре горного кота.

Сейчас княжич как никогда боялся нового обращения. Если он примет облик опасного хищника прямо посреди урока, самое лучшее, что его ждет — местный бестиарий, где в достаточно жалких условиях обитали звери и птицы, найденные живыми на притянутых черной звездой кораблях. Конечно, если все пройдет незаметно, он сумеет преодолеть защитное поле и выбраться из лицея. Но служба безопасности верхних уровней при таком количестве камер все равно его отыщет, и еще большой вопрос, захотят ли они стрелять парализующими. Единственный выход — затеряться в хаосе нижних уровней, а там либо пробраться на рудник, либо отыскать Савитри и ее новых друзей.

Каморка там, конечно, достаточно тесная, но уж если эти люди дали приют беглой принцессе, найдется у них подстилка или коробочка для горного кота. Вопрос только, как туда попасть. Жалобное мяуканье возле перегораживающий проход на нижние уровни гермодвери точно не прокатит. Да и просочиться сквозь вентиляцию тоже не факт, что удастся.

Существовали, правда, потайные ходы Маркуса Левенталя, о которых Синеглаз узнал от Кристин, но тревожить девушку накануне решающей битвы возможным не считал. За пару дней до того, как загреметь в лазарет, проходя мимо грядок шпината, Синеглаз внезапно ощутил еле уловимый запах морской свежести, навевавший смутные и приятные воспоминания о поездках на побережье с маленькой царевной и царицей Серебряной. Он четко помнил, что так пахли руки Кристин. К легкому и приятному аромату примешивался тревожный металлический запах крови, почти выветрившийся и почти вытесненный запахом земли и травы, но все равно ощутимый.

Приглядевшись повнимательнее, Синеглаз увидел на ограждениях гидропонных конструкций следы от попадания из лучевого оружия, а потом нашел вдавленный в землю вздувшийся аккумулятор. Похоже, именно здесь примерно около двух недель назад держал оборону Пабло Гарсиа, когда вместе с полубесчувственной Кристин пробивался на нижние уровни к ее отцу. Синеглаз отдался на волю ощущений. Запах Кристин, петляя между грядок, то исчезал, то вновь появлялся. Внезапно он оборвался, а княжич буквально носом уткнулся в матовую панель. Именно в этом укромном уголке вдали от камер наблюдения находился один из тайных переходов между уровнями, которым

пользовался Маркус Левенталь.

Синеглаз уже хотел было проверить свое открытие, тем более что он мечтал вновь увидеться с принцессой Савитри, да и ее друзья представлялись компанией куда более приятной, нежели унылые учителя и забитые воспитанники. Однако он подумал о том, что здесь могла скрываться ловушка профессора Нарайана. Всесильный глава научного отдела, конечно, не поверил словам Синеглаза о том, что тот не чувствует принцессу, и кто знает, какой приказ он отдал службе безопасности и врачам. Вполне возможно, что те во время медицинских процедур, в которых княжич не очень разбирался, вживили в его тело датчик слежения.

Нет, он прибегнет к тайным тропам Левенталя лишь в случае крайней нужды: если Савитри будет грозить опасность или он сам превратится в роу-су. Есть вероятность, что сущность горного кота поможет блокировать датчики, как она делает проницаемыми защитные поля.

Ночью во сне Синеглаз опять бродил в облике тотемного предка по травяному лесу. Зрение роу-су хотя и давало преимущество во время охоты, позволяя безошибочно находить любой объект даже по малейшему признаку движения, но все же имело существенный недостаток: весь мир напоминал докучный черно-белый сон, а ведь травяной лес, особенно если смотреть с горного кряжа, поражал насыщенностью и богатством оттенков.

Многолетние стебли, достигавшие высоты в два человеческих роста, прихотью Великого Се окрашивались в багрянец и золото, синели насыщенным кобальтом и ультрамарином или оттенялись фиолетовым. Вот только сейчас красоты леса и даже выпрыгивавшие буквально из-под ног косуляки и кролики капату его не занимали.

Сбивая в кровь подушечки мягких лап, он прыгал с уступа на уступ, поднимаясь все выше в горы, пытаясь разыскать старого отшельника Словорека. Он единственный мог прийти на помощь, вот только кому — княжич так ни не понял, ибо образы Кристин, Савитри, маленькой царевны и матушки слились для него в единый образ прекрасной и хрупкой женщины, которую он должен был защищать до последней капли крови. Он увидел ослепительную вспышку скорчера, почувствовал, как заряд плазмы взрывает его тело невыносимой болью… и проснулся от того, что в соседнем боксе кто-то тихо, но горько плакал.

Поскольку сна не осталось ни в одном глазу, Синеглаз на всякий случай ощупал грудь, убедившись, что она цела, откинул одеяло и, неслышно ступая по полу босыми ногами, выбрался в коридор. К счастью, двери боксов в этом отделении лазарета не

запирались, и он, тихонько постучавшись, заглянул в соседний бокс. На смятой постели сидела тихая девочка из параллельного класса. Ее звали Камилла, ее перевели в лицей недавно откуда-то с нижних уровней, она очень тосковала по маме и сестренкам и из-за этого постоянно становилась предметом насмешек ненавистного Хорхе и его прихлебателей.

— Опять Камилла нюни распустила! — показывал на нее пальцем сын охотника, вызывая у своей свиты подобострастный смех.

— Да ей что поплакать, что отлить, разницы не видит! — сбивался он на явную грубость под одобрительное улюлюканье восторженно спущенной со шлейки своры.

Не то чтобы Синеглаз не выносил женских слез. С наложницами из отцовского гарема он и сам позволял достаточно жестокие шутки, поскольку те своими дрязгами и интригами просто изводили его мать. Однако Камиллу он с самого начала взял под свою опеку. Пару раз даже сцепился с Хорхе и получил от его дружков хороших тумаков и нагоняй от воспитателей. Уж очень эта Камилла напоминала ему маленькую царевну, да и попала в треугольник Эхо с той самой загадочной планеты Земля, откуда пришли вестники.

— Ты чего плачешь? — осторожно спросил княжич, проскользнув в комнату и закрывая за собой дверь. — Болит что-то?

— В том-то и дело, что нет, — всхлипнула Камилла.

— А что ты тогда тут делаешь? — удивился Синеглаз.

— Врач сказал, что у меня больные почки и мне нужна операция, но я же знаю, что совершенно здорова. Мы перед полетом как раз сдали все анализы, а здесь я тоже ни на что не жаловалась. Даже простудой не болела. Да и кто б меня просто так взял на верхние уровни, не будь я совершенно здорова. Мутантов и калек здесь не держат.

— Тогда в чем же дело? — помотал всклокоченной со сна головой сбитый с толку Синеглаз.

— Соседка по палате рассказала, что мои почки понадобились кому-то из городского совета, — понизив голос, пролепетала Камилла. — Так здесь нередко делают, если параметры совпадают. Для этого на нижних уровнях ищут здоровых детей, отбирают их у родителей или используют сирот, за которых некому вступиться. А еще над воспитанниками приюта ставят опыты, пытаются вывести из них каких-то сверхлюдей.

Синеглаз на всякий случай опустился на койку. Ноги резко перестали его держать. То ли он еще не окреп, то ли новость так его ошеломила. Если бы он не общался с Савитри, Бренданом и

Кристин и не видел, как подействовали ловушки против медуз на охотников, он бы ни за что не поверил. Он и сейчас верить не очень-то хотел, хотя и предполагал, что его кровь, которую из него во время анализов выкачали немало, тоже использовали для создания универсальных солдат или каких-то чудовищ похуже. Но какую ценность могла представлять маленькая Камилла?

— Я не понял, зачем воротилам из совета понадобились твои почки? — осторожно поинтересовался Синеглаз. — В вашем мире ведь умеют выращивать новые органы из тканей самого больного или печатают их на трехмерных принтерах.

Он знал, что говорил, ибо видел пару раз Шварценберга без экзоскелета и слышал рассказы Семена Александровича и воинов травяного леса о том, как в мире вестники лечат после плазменных ранений.

— Эти технологии слишком сложные, и они остались за пределами треугольника, — скорбно вздохнула Камилла, и ее глаза снова наполнились слезами. — Принтеров тут мало, и те, которые находят в исправном состоянии на разбившихся кораблях, зачастую используются для производства жизненно необходимых городу деталей и оборудования. Про технологию выращивания — и говорить нечего. Манипуляции такого уровня и у нас в Содружестве — вещь недешевая и доступная не всем. А здесь вообще приходится выживать и лечиться, как пятьсот лет тому назад.

Насчет пятисот лет Синеглаз только насмешливо фыркнул. Он не далее как позавчера видел, какие сложные операции проводит Кристин. С другой стороны, если бы она могла вырастить полноценные легкие, вряд ли столько лет бы мучилась, страдая от жабр.

— А может быть, эта твоя соседка просто решила тебя напугать? — цепляясь за последнюю надежду, с мольбой глянул он на девочку.

Та лишь опустила голову так, что светлые пряди закрыли ее лицо.

— Ее забрали на такую же операцию уже неделю назад, и она до сих пор не вернулась, — скорбно отозвалась Камилла. — И в реанимации ее нет. Я проверяла.

Синеглаз почувствовал, что воздух, как в недавнем сне, не может проникнуть в легкие, будто они схлопнулись, надорвавшись, или сгорели от пучка плазмы. Хотелось выть или рвать кого-то когтями. То-то бедная Эйо на всякий случай держала под рукой биту, чтобы отбиваться от так называемой службы опеки.

— Мы что-нибудь придумаем, ты только не плачь, — как мог

успокоил княжич Камиллу. — Когда тебе должны делать эту операцию?

— Через четыре дня, — ответила девочка, и в ее голосе появилась тень надежды. — Пока проводят полное обследование.

— До этого времени я заберу тебя и отведу к маме и сестрам.

Вернувшись к себе, Синеглаз почти сразу связался с Кристин. Она тоже уже не спала, тем более что время приближалась к местному утру.

— Как открыть потайной ход на плантации? — без обиняков спросил он.

— Зачем он тебе? — удивилась девушка. — Разве в лицее ты не в безопасности?

— Какая тут к Трехрогому безопасность, — не сумел сдержаться Синеглаз. — Ты знала, что у вас в городе детей у родных забирают и расчленяют на органы?

— Если бы мы с отцом с этим смирились, — с горечью отозвалась Кристин, — то сидели бы сейчас в комфортабельных апартаментах под куполом, а не рисковали жизнью на пустоши.

Синеглаз вспомнил обожженные руки Маркуса Левенталя и самоотверженность Кристин и не посмел больше ни в чем ее упрекнуть, лишь поблагодарил за код, который утром сообщил на всякий случай Камилле. На душе у него было тревожно. Когда он после разговора ненадолго заснул, увидел отца, который держал в руках священную скрижаль. Это означало, что он намерен вновь надеть чужую личину, нимало не заботясь о том, где и в каких далях обретается его сын.

Вечером, когда лазарет обезлюдел, Синеглаз снова пробрался к Камилле.

— Я тебе тут скажу одну вещь, только ты не удивляйся, — заговорщицки наклонился княжич к девочке, прислушиваясь, не идет ли кто из медперсонала. — Если к тебе сегодня или завтра в палату заглянет дикий зверь, похожий на вашего горного льва или тигра, не пугайся. Это мой друг, и он знает, как пройти вниз, минуя защитные поля.

Синеглаз так и не понял, поверила ли Камилла или нет, но это не имело значения. Посреди ночи он почувствовал, как руки и ноги превращаются в сильные когтистые лапы, уши обретают способность двигаться, плоский шершавый язык с легкостью облизывает нос и мохнатую морду, а бока покрывает серая шерсть.

Смачно потянувшись, он втянул носом воздух и зарычал, прижав уши и яростно нахлестывая себя хвостом по бокам. Профессор Нарайан находился настолько близко, что роу-су ощущал его запах: еле уловимый дух тления, который от чуткого

нюха горного кота не смогли бы спрятать никакие благовония. Синеглаз весь подобрался, готовый к смертоносному броску. Между лицеем и кабинетом главы научного отдела всего пара этажей, которые он успеет покрыть еще до того, как его обнаружат охранники. Всего один прыжок, и он сумеет вонзить зубы в горло безумного экспериментатора и убийцы детей.

К счастью, уже в коридоре княжич ощутил более близкий и безыскусный запах Камиллы. Человеческий рассудок постепенно подчинял инстинкты грозного и опасного зверя, напоминая, что роу-су на охоте в горах тоже проявляют осторожность. Что толку, если он даже преодолеет защитное поле. Охранники все равно его заметят и встретят хорошо если с парализаторами. А он обещал отвести Камиллу к родным.

Девочка словно ждала его, сидя поверх постели. Видимо, не совсем осознанный рык ее разбудил. Она не заплакала, не закричала, не стала звать на помощь. Тихонечко встала, надела поверх пижамы теплую кофту и, опасливо озираясь, вышла вслед за ним в коридор.

Они миновали защитное поле, охранявшее лицей, и проникли в освещенные искусственным светом сады. На панорамной площадке под куполом стоял, сгорбившись, Хорхе. Синеглаз хотел было уже спрятаться, но потом понял, что сын охотника их попросту не видит. Он смотрел куда-то за горизонт, и руки его сжимались в кулаки. Во время вечернего обхода врачи обсуждали новость о гибели ударной группировки, принесенную в город одним из выживших.

Синеглаз не стал унижаться до праздного злорадства, однако почувствовал тревогу. Если в городе начнется заварушка, Хорхе и его приспешники горой встанут за Нарайана. Впрочем, пока об этом думать не получалось. Не встретив на пути охраны, они с Камиллой добрались до спасительной двери и, набрав код, оказались в лабиринте шахт и переходов. Синеглаз сначала растерялся, но потом вновь почувствовал запах Кристин. Он не знал, не подстроил ли все это Нарайан, но вместе с Камиллой шел навстречу и наперекор судьбе.

Глава 28. Апсара подземелий

Насыщенный углекислотой, наполненный алкогольными парами, куревом и испарениями сотен человеческих тел воздух клуба плыл сизым маревом и выглядел совершенно осязаемым. Душный полумрак, подсвеченный огоньками сигарет и световыми сигналами коннекторов, колыхался причудливыми тенями, придававшими убогому помещению сходство с храмом или, скорее, античным амфитеатром, новоявленным Колизеем, где толпился охочий до невероятных зрелищ народ. Еще никогда, даже в дни запрещенных смертельных боев, заведение папаши Хайнца не собирало такого количества посетителей.

Официанты с тяжелыми подносами едва ли не по потолку пробирались, чтобы обслужить счастливчиков, успевших забронировать места за столиками. Остальным приходилось довольствоваться галереями или толпиться в коридорах, где на больших голографических экранах тоже транслировалось выступление.

Зрелище и в самом деле завораживало. Под куполом энергетического щита, пытаясь укрыться в тенях, стремительно перемещались жадные до добычи медузы. Но неизменно быстрее них оказывалась охотница: колдунья, ворожея, жрица, со скорчерами в обеих руках кружившаяся по арене под музыку священного танца. Савитри придирчиво подбирала мелодии, репетировала под фонограммы и с музыкантами, потом потребовала включить защитное поле и впустить на арену медуз.

— Ты уверена, что пять тварей — это не перебор? — переживал Ндиди, вместе с Тонино Бьянко настраивая параметры энергетического щита, готовый даже без защитного костюма в любой момент прийти на выручку.

— Я прожила на пустоши почти четыре года, — нежно улыбнулась ему Савитри. — И могу точно сказать, что медузы куда менее опасны, чем некоторые из людей.

Брендан не мог с ней не согласиться и только чувствовал некую иронию судьбы в том, что обе принцессы Сансары, возводившие родословную к хозяину Небесных вод, и на дне безводного мира обрели власть над его обитателями.

Одна из медуз атаковала, и весь зал всколыхнулся и замер в едином порыве, в котором общее для всех дразнящее ощущение опасности растворяло, словно в причудливом коктейле, мельчайшие оттенки всего спектра человеческих чувств от искреннего сопереживания до азартного предвкушения гибели неразумной танцовщицы. Что поделать, от дурных мыслей не

застрахован никто. Многие свидетели катастроф и аварий признавались, что в какой-то момент испытывали даже странное удовлетворение от того, что им довелось своими глазами запечатлеть редкое зрелище.

Эйо непроизвольно прижалась к Брендану. После того, как семь лет назад ей с грудным ребенком на руках пришлось идти пешком через пустошь, медузы вызывали у нее приступы панических атак, доводящие едва не до паралича. Поэтому, хотя она не только своими руками создала для Савитри необычный и очень красочный костюм, но и разработала макеты голограмм, каждое выступление подруги превращалось для нее в жестокое испытание страхом. Брендан постарался изобразить уверенность, мягкими поглаживающими движениями по спине и волосам пытаясь привести близкую к обмороку Рукодельницу в чувство.

Сам он тоже отдал бы многое, чтобы Савитри никогда не пришлось даже переступать порога заведения Хайнца. Но обстоятельства и время играли против него, и он чувствовал себя никчемным неудачником, особенно когда узнал от принцессы, какой жестокий бой выдержали его товарищи на пустоши. Бедной Кристин пришлось не только управлять медузами, пережив отступление под шквальным огнем, но и, изнемогая от усталости и переживаний за Пабло и отца, лечить всех раненых, включая охотников. А в это время не менее квалифицированный врач с навыками бойца спецподразделения прохлаждался в клубе, зарабатывая для папаши Хайнца барыши.

— Зато ты узнал, где держат пленников, добыл образцы из секретной лаборатории, — успокаивала его Эйо. — К тому же товарищи поручили тебе заботиться о принцессе Савитри.

Хороша забота! Когда Хайнц потребовал, чтобы Савитри отправилась в клуб для апсарских танцев, единственной выполнимой идеей Брендану показалось взять скорчер и разнести эту богадельню к Трехрогому и прочим обитателям преисподней. Как выяснилось, Ндиди мыслил в похожем ключе. Какая разница. Если уж все равно погибать, так хотя бы не задаром. В том, что принцессу Сансары сразу узнают, и городу останутся считанные дни, Брендан не сомневался.

В самом деле, когда Савитри переступила порог клуба и поделилась с папашей Хайнцем своим замыслом, ушлый делец первым делом потребовал от нее снять очки и шарф.

— Я не против того, чтобы ты, красотуля, выступала в маске, это неплохо интригует зрителей, — пояснил он с умильной улыбкой нашедшего добычу крокодила. — Вот только я привык, чтобы мне показали товар лицом.

Савитри бестрепетно повиновалась… и Хайнц скривился с

таким видом, будто ему вместо выдержанного коньяка подсунули подкрашенную газировку. Всю правую щеку принцессы пересекали уродливые шрамы, делавшие ее кожу похожей на плохо выделанный пергамент или печеное яблоко. Левая сторона выглядела лучше, однако форма носа и губ отметала всякие намеки на сходство с махарани Сансары.

— Ты же меня уверял, будто она совсем здорова, — напустился хозяин клуба на Брендана.

— Я сказал лишь, что ее самочувствие не вызывает опасений, — пожал плечами тот, мысленно наслаждаясь произведенным эффектом. — Пластические операции такой сложности делают только на верхних уровнях.

Хайнц, к счастью, не знал, что Рукодельница Эйо в годы учебы в Академии художеств проходила и курс театрального грима.

— Именно поэтому я настаиваю на маске, — с невозмутимостью андроида указала на шрамы Савитри.

Она еще даже не успела рассказать общий план номера, как настроение у Хайнца поднялось.

— Апсарские танцы с медузами? — задумчиво поскреб он идеально выбритый подбородок. — Думаю, нашим клиентам это должно зайти. А дешевых шалав у меня и без тебя хватает.

И вот уже почти неделю хозяин клуба довольно потирал руки и едва не мурлыкал, подсчитывая возраставшую в геометрической прогрессии выручку за вечер. Однажды в порыве неслыханной щедрости он даже заявил, что Ндиди и его семья могут забыть об отцовских долгах, поэтому выходить на арену вроде бы необязательно.

— Лучше бы он дал свободу Савитри. Со своими долгами я бы и сам разобрался! — сердито прокомментировал заявление босса Ндиди, бинтуя запястья перед выходом на бой.

Брендан только плечами пожал, понимая, что такой стервятник, как Хайнц, ни при каких обстоятельствах не выпустит из когтей свою бесценную добычу, и в сложившейся ситуации освободить принцессу можно только силой. А для этого надо как минимум вызволить из застенка Пэгги, Гу Синя, Ящера и других бойцов Сопротивления.

— Будьте наготове: начальник службы безопасности нижнего рудника сегодня сидит в первом ряду, — предупредил товарищей Йохан Дален, заглянув перед выступлением в гримерку принцессы.

— И все же я не понимаю, как эта красотка без близкого контакта собирается добыть коды от магнитных ошейников, — поделился он сомнениями с Ндиди и Тонино, пока те

настраивали защитное поле.

О том, что Савитри наполовину андроид, он до сих пор не знал.

В это время Брендан помогал Эйо закрепить на голове артистки маску и корону, в причудливо изогнутых зубцах которой скрывались антенны передатчика. Хотя Савитри уверяла, что ее процессор способен снять информацию с любого устройства на расстоянии пятисот метров, решили подстраховаться. В то же время вычурные имитирующие золото браслеты и поножи могли при необходимости использоваться как усилители сигнала и накопители.

— Ты уверена, что сумеешь добыть коды во время танца? — наклонившись к Савитри, поинтересовался Брендан.

— Если не получится, попрошу клиента угостить меня пирожными, — отозвалась Савитри.

— Не думаю, что такой вариант понравится Ндиди, — с сомнением покачал он головой.

— Если начальник службы безопасности будет настаивать на более близком знакомстве, я просто сниму маску, — проверяя зарядку скорчеров, отозвалась Савитри.

Брендан с сомнением покачал головой. Конечно, искусный грим принцессы мог отпугнуть любого ценителя женских прелестей. Вот только ее номер, сочетавший опасную пластику стремительной хищницы с фигурами ритуального танца плодородия, будоражил плоть не хуже сильнейших афродизиаков. Конечно, резкие взмахи, которыми Савитри отражала атаки медуз, стремительно и красиво вздымая тяжелые скорчеры, напоминали боевые батманы флая. Зато ритмичное покачивание бедер, плавные движения округлых рук, томный изгиб стана, дерзкая выпуклость соблазнительных форм источали все оттенки темной и властной страсти, которой хотелось безоговорочно уступить, отбросив все условности и обязательства. Что поделать, придумавшие этот танец апсары хотя и явились в мир, чтобы нести красоту, ублажали не только взоры небожителей.

Впрочем, Брендан свою апсару уже нашел и точно знал, что его чувства не безответны.

Надо сказать, что Эйо, прежде чуравшаяся заведения Хайнца, теперь не только помогала Савитри, но и смотрела бои. Когда Брендан, выходя на поединок первый раз в присутствии Рукодельницы, очень аккуратно и почти мимолетно ее поцеловал, она вздрогнула от неожиданности, но не отстранилась. И каково же было его удивление, когда после нелегкой победы она первая заключила его в объятья, не стесняясь присутствия брата и сына и даже не позволив ему смыть пот и кровь. Впрочем, соленым

привкусом крови в тот раз отдавали не только губы Брендана, которые тот не уберег, пропустив удар. Бедная Эйо так напряженно следила за ходом схватки, что сама не заметила, как прокусила круговую мышцу. Впредь она вела себя осторожнее, а объятья и поцелуи стали для них своеобразным ритуалом.

Возможно, кто-то посмел бы утверждать, что их отношения ползут черепашьим шагом. Но Брендан-то видел, что Эйо, которая отвечала на поцелуи все охотнее и приникала к нему все тесней и с возрастающей нежностью, уже не стала бы противиться близости, однако почти сознательно оттягивал этот желанный и для него момент. И не только потому, что в их комнатушке, ставшей теперь двойным Эдемом, постоянно теснился народ, а снимать у господина Хайнца «нумер», как это нередко делали пары, оказавшиеся в столь же стесненных условиях, он считал ниже собственного достоинства.

Брендан не хуже других знал, что счастье не только окрыляет, но и ослепляет. А в сложившейся ситуации он бы предпочел иметь не два глаза, а три или четыре, желательно с дополнительной парой где-нибудь на затылке. Он прекрасно понимал, что апсарский танец Савитри в любой момент может закончиться фатально, тем более что Хайнц, в этом Брендан не сомневался, вел параллельно свою игру.

Надо сказать, что бешеная популярность номера Савитри внесла изменения в устоявшийся за годы существования клуба порядок. Уже на второй день после премьеры папаша Хайнц сообщил бойцам, что, поскольку подготовка танца с медузами требует времени, и таскать туда-сюда сложное оборудование слишком накладно, сегодня все раунды пройдут подряд и без перерыва, а апсарская плясунья завершит программу.

— Это что, мы теперь оказались на разогреве у какой-то пиратской шлюхи? — возмутился кто-то из ветеранов арены.

— Где это видано, чтобы заслуженных бойцов выпускать на подтанцовках? — поддержали его остальные.

— Не нравится — скатертью дорога, — равнодушно бросил Хайнц, своей ледяной невозмутимостью подавляя бунт в самом зародыше. — Думаю, на руднике еще есть вакантные места. Уж на нижнем-то точно!

Брендан не возражал, хотя натруженное тело бунтовало, норовя в самый неподходящий момент дать сбой. Безжалостный Хайнц, давая отдых своим подельникам и бойцам из числа охотников, выпускал их с Ндиди несколько раз подряд, а Брендан не всегда успевал перевести дух после многочасового приема больных. Впрочем, ребятам, запертым в забое или защищавшим корабли на пустоши, приходилось сейчас во много раз солоней.

Визит в клуб начальника службы безопасности нижнего рудника совпал с известием о поражении охотников, которое принесли в город чудом уцелевшие участники карательного рейда. А Брендан-то надеялся, что все выжившие подручные Нарайана благополучно угодили в плен и сидят теперь под присмотром Тарана в трюме «Нагльфара», где он сам когда-то провел несколько не самых приятных недель.

Соседи-рудокопы не скрывали радости.

— Поделом эти зазнайкам, которые, верно, не только скорчер, но отбойный молоток не знают с какой стороны держать! — не скрывал злорадства старый Хенк, который откровенно не жаловал охотников, считая их бесполезными трутнями.

— Говорят, там сам Маркус Левенталь им задал жару, — ловил новости на лету однорукий Тавиньо. — Натравил медуз и в одиночку перестрелял.

— Скажешь тоже — в одиночку, — с сомнением качал головой горбоносый Мубарек. — А для чего Санчес и Гу Синь народ собирали? Я бы и сам пошел, но у меня дети.

— Будьте осторожнее, — напутствовали Брендан и Ндиди остающихся одних женщин. — Сегодня лучше посидите дома. Мало ли что.

В самом деле, боль утраты и горечь поражения превратила уровни мутантов в бурлящий автоклав с закрученными клапанами. Повсюду раздавались призывы бить «уродов», и особо горячие головы уже хватались за арматуру, кастеты и отбойники. Даже пациенты, приходившие к Брендану на прием, вели себя вызывающе агрессивно, безо всякого повода срываясь на оскорбления. При этом руководство города, бесславно угробившее две сотни не самых плохих добытчиков и бойцов, в гибели родственников и друзей никто не обвинял.

— Мы думали, что нам сейчас придет конец, — не могла сдержать слез Эйо, рассказывая, как днем, пока Брендан принимал больных, мутанты попытались устроить погром на их уровне.

Понятное дело, что отдыхавшие после смены шахтеры встретили незваных гостей с тем же стандартным набором для уличных разборок и не меньшей решимостью свои дома и близких отстоять. Ндиди тоже прервал работу в мастерской. К счастью, кровопролития на этот раз удалось избежать. Мутанты отступили, пообещав вернуться, а Эйо и Савитри после ухода Ндиди заперлись дома, в страхе проверяя ненадежную хлипкую дверь.

А тут еще и Камо, который в последние дни ходил вместе с

матерью в клуб и с азартом следил за боями, совершенно неожиданно и некстати занемог. То ли он перенервничал, то ли танцовщицы и бойцы из числа «уродов» перекормили его в клубе сладостями. К вечеру у него поднялась температура, он почувствовал слабость и симптомы острого живота. Брендан сходу отмел аппендицит и прободение язвы, убедился в отсутствии кишечных инфекций и, немного успокоившись, дал жаропонижающее и провел остальные показанные в таких случаях манипуляции, после которых Камо почувствовал себя лучше и почти сразу заснул.

— Тебе стоит остаться с сыном, — с тревогой глядя на малыша, предложила Савитри.

— А как же твой костюм? Ты сама не сможешь его надеть, — возразила Эйо.

Она договорилась с Гаэтаной, которая с радостью скинула своих двойнят на мужа и пообещала посидеть с Камо до конца представления.

— Не переживай, соседка, — уверила она Рукодельницу. — Если твой малой проснется, дам ему лекарство, как договорились. А мутанты сюда до утра точно не сунутся. Они сейчас все у Хайнца или где-то поблизости.

— Ну, ребята, держитесь! — приветствовал Брендана и Ндиди Йохан Дален, который пришел в клуб раньше них и уже видел расписание. — Ваши друзья на пустоши навели шороху! Мутанты жаждут крови, и чтобы выпустить пар, папаша Хайнц принесет вас в жертву, глазом не моргнув!

— Не думаю, что дело только в мутантах, — покачал головой Тонино Бьянко, указывая на начальника службы безопасности нижнего рудника, уже занявшего свое место за столиком в VIP-зоне вблизи арены. — Здесь что-то затевается. Какой-то ответный ход. И по кому придется удар, я даже не решусь предположить.

Как Йохан и предупреждал, папаша Хайнц выпустил на арену самых свирепых бойцов, и к последнему раунду Брендан буквально валился с ног, прилагая титанические усилия, чтобы идти прямо, не опираясь на Эйо. Все-таки даже в боях без правил и уличных драках существовал неписаный кодекс, который сегодня, видимо, решили отменить. Брендану с трудом удавалось сберегать лицо, почки и другие жизненно важные и чувствительные органы, уходя от откровенно подлых приемов. Впрочем, его уровень владения боевым флаем и быстрота реакции все равно давали ему преимущество. А о каких бы то ни было правилах клуба, по которым «уродам» побеждать не положено, он предпочел сегодня не вспоминать, хладнокровно отправив в глубокий нокаут двоих безжалостных громил.

— Да на кой мне надо кого-то там надувать! — сердито огрызнулся он, едва Хайнц попытался напомнить ему об их договоре. — Завтрашний прием в вашей медицинской клинике весь расписан. И кто сможет его вести, если единственный на уровне врач будет лежать с проломленным черепом?

На самом деле Брендан, конечно, хитрил и думал о Ндиди. Напарнику и так досталось по полной, и раунд, в котором бедняге довелось раз десять проверить прочность покрытия и ограждений, явно не предназначался для взоров Эйо и Савитри.

— Лучше бы мы остались на Сербелиане, — вздыхала Рукодельница, пока Брендан, наспех проведя обезболивание, штопал суровыми нитками рассеченную бровь ее брата, поминая добрым словом учителей, которые настаивали на необходимости освоения примитивных медицинских технологий прошлого.

— Зато у нас появился шанс туда вернуться, — шипя, отозвался Ндиди, страдальчески поднимая заплывшие синяками глаза на Савитри.

— Мой процессор уже обнаружил накопитель с кодами, — поспешила заверить их Савитри. — Осталось только подобраться поближе, чтобы все скопировать.

Сегодня в ее танце агрессия возобладала над страстью. Исполненная поистине царского величия махарани Савитри, словно в хитрой политической игре против придворных заговорщиков и интриганов, подпускала медуз на максимально близкое расстояние и лишь для того, чтобы сделать очередной меткий выстрел. Ее корона, украшенная тремя зубцами, символизирующими Творца, Хранителя и Разрушителя, при всем своем изяществе напоминала золотой шлем Шивы, а браслеты и поножи больше походили не на украшения, а на фрагменты надежной брони.

Сходство подчеркивали и проекции. Они кадрировали движения танца и, сводя вместе десятки копий, превращали плясунью в подобие многорукого хтонического божества или тотемного предка. Волей Рукодельницы, истосковавшейся по настоящему творчеству, убогое пространство клуба представало то древним таинственным храмом, то наполненным свежими ветрами океанским простором, сменявшимся сумраком глубоких вод. Тварей пустоши заменяли ажурные и прозрачные люминесцирующие медузы, а вместо танцовщицы из пенных брызг в россыпи сияющих жемчужных пятен поднималась китовая акула. Пройдя круг жизни и вместе с великим нагом Васуки обогнув Землю, морская хищница вновь обретала человеческий облик и выходила на цветущий берег новорожденной Афродитой, апсарой, сотворенной богами и асурами во время пахтания

молочного океана. К небесной танцовщице тянулись зловещие тени, и она превращалась в воительницу Кали, хозяйку жизни и смерти, вооруженную огненным луком, сокрывшую истинный лик под множеством масок.

Сегодня принцесса Савитри решила примерить личину слепой судьбы.

— Что она делает? — в волнении подался вперед Ндиди, наблюдая, как Савитри наглухо закрывает фонарь шлема фильтрами, которые используются на ярком освещении или во время работы плазменных установок.

Посетители клуба, охотники, пилоты и старатели отлично поняли, что в полумраке арены танцовщица практически ничего не видит. Другое дело, что не все знали об особенностях сенсоров андроидов, которыми наверняка сейчас воспользовалась Савитри.

Музыка смолкла, и в гробовой тишине на арену выпустили еще пять медуз. Три темных твари атаковали одновременно и почти сразу же рассыпались в прах под восторженный рев зрителей, еще двоих Савитри прикончила следующими выстрелами, чтобы еще через миг принять облик китовой акулы и раствориться в игре иллюзий. Такого мастерства голографий этот клуб еще не видел.

— Ключи у меня, — торжествующе улыбнулась Савитри, поцелуем вознаградив Ндиди за волнения.

Понятное дело, что возлюбленный на ее наведенные шрамы внимания не обращал.

Вот только в облике принцессы почему-то не чувствовалось облегчения: спина оставалась напряженной, словно в ожидании новой атаки, а глаза внимательно смотрели в сторону арены.

Оказалось, что с ее выходом шоу еще не закончилось. Когда Ндиди и Тонино, с облегчением встретив невредимую танцовщицу, хотели уже убрать защитное поле, их безо всяких объяснений отстранила охрана клуба.

— Что происходит? — вцепилась в руку Брендана Эйо.

Тот только плечами пожал, хотя в глубине души уже знал ответ. Мутанты требовали жертв, и руководство города с согласия господина Хайнца дало на них добро. Охотники подкатили к мембране поля еще один контейнер с медузами, а когда твари расползлись по арене, с жадностью подъедая останки себе подобных, туда вытолкнули двоих безоружных пленников. Колизей подземелий жил по своим законам, и на смену гладиаторским боям и театральным представлениям всегда приходила жестокая бессмысленная бойня. Увы, жители города деградировали до уровня горожан раннего средневековья, с радостью спешивших полюбоваться на публичные казни.

Брендан похолодел, с ужасом узнав Пэгги и Ящера. Трудно сказать, почему выбор начальника службы безопасности пал именно на них, но выглядели оба неважно. Пэгги едва могла двигаться, словно человек с тяжелой формой артрита или неисправный механизм. Ящер явно побывал в руках заплечных дел мастеров и нуждался в отдыхе и лечении.

Ндиди заскрежетал зубами от бессилия, понимая, что ничем не может помочь. Эйо закрыла лицо руками, а Тонино Бьянко вцепился в редкие волосы. Одна Савитри оставалась спокойна. Казалось, она решает какую-то сложную задачу. За несколько секунд до того, как почуявшие свежатину медузы атаковали, на лице принцессы Сансары появилась умиротворенная улыбка, и в этот миг Пэгги неуловимым, явно нечеловеческим движением, словно сбросив невидимые путы, отклонилась в сторону, заслонив собой Ящера.

Похоже, Савитри сумела с помощью данных, полученных от начальника службы безопасности, разблокировать у подруги боевой режим, и в следующий миг в руке ПГ-319 оказался скорчер, и Брендан вспомнил, что апсара подземелий вернулась с арены только с одним импульсником. Второй, укрывшись завесой голограмм, она сумела припрятать.

— Пэгги во время танца послала мне запрос на обмен информацией, и мой процессор подсказал наиболее оптимальное решение, — пояснила Савитри, наблюдая, как возле подруги закручивается бешеная пляска смерти.

Отбиваясь от медуз, Пэгги успевала прикрывать полубесчувственного Ящера. Впрочем, многолетние навыки опытного бойца тоже делали свое дело, на рефлексах подсказывая нужное направление.

Рудокопы, которые, конечно, узнали эксцентричного товарища, ликовали. Мутанты требовали крови.

— Убить их, — коротко приказал Хайнц, когда Пэгги, пусть не так театрально, но зато вполне эффективно расправившись с медузами, нацелила скорчер на мембрану энергетического щита, намереваясь вырваться наружу и воссоединиться с Савитри.

Но приказ оказалось легче отдать, чем выполнить. Возле генераторов защитного поля шла ожесточенная потасовка. Рудокопы, рассерженные утренней атакой, возмущенные несправедливостью, встали грудью на защиту Ящера и Пэгги. В ход шли не только кулаки, но и любые подручные средства, включая стулья, бутылки и ограждения арены. Брендан, который вместе с Ндиди, Эйо и Савитри оказался в самой гуще схватки, прикладывал титанические усилия, пытаясь одновременно пробиться к генераторам, защитить Эйо и Савитри и уцелеть

самому.

Рассаживая локти и кулаки, он ожесточенно месил в кровь чьи-то лица, плющил в крошево и без того сломанные носы, разбивал скулы и губы, крушил ребра и профессионально отбивал почки. Теснота не позволяла не только использовать приемы флая, но и просто размахнуться, поэтому каждый удар приходилось подкреплять усилием корпуса, пытаясь удержаться на ногах. Рядом с истовостью черной пантеры сражалась тихоня Эйо. Она где-то сумела добыть ножку от столика и теперь использовала ее на манер давно освоенной биты, отбивая удары точно мячи на поле.

— Осторожно! — воскликнул Брендан, увидев, что кто-то пытается подставить любимой подножку.

Падение в такой давке равнялось смерти. Беснующаяся толпа и без того отрезала их от Ндиди и Савитри. Брендан видел, как принцесса безжалостно орудует прикладом скорчера, пытаясь пробиться к боевой подруге. Стрелять в такой тесноте никто не решался из страха попасть по своим. Наконец рудокопам удалось отбить генераторы, защитное поле пало, и толпа с облегчением вылилась на арену, ставшую сегодня кровавым ристалищем, наподобие средневекового меле. Брендану каким-то невероятным образом удалось, не потеряв Эйо, одновременно с Ндиди и Савитри пробиться к Пэгги и Ящеру.

— Высочество мое, ненаглядное! — не обращая внимания на давку, обнимала подругу Пэгги. — Что они с тобой сделали? — недоумевала она, увидев шрамы и непривычные выпуклости на носу и губах.

— Это все грим, чтобы меня не узнали, — улыбалась ей Савитри, пока Ндиди оберегал их от охотников и охранников, делавших попытки прорваться к добыче.

— Уходим! — скомандовал незнамо как возникший рядом с Бренданом и его товарищами Йохан Дален, увлекая их знакомым ходом под трибуны.

И в это время в хаосе клуба, словно призраки оживших голограмм, заметались огни парализаторов: кто-то вызвал патруль.

Черный ход, которым всегда пользовались бойцы и танцовщицы, ожидаемо оказался перекрыт. Брендан, волоча на себе слабо передвигавшего ноги Ящера и стараясь не упускать из виду Эйо и остальных, заметался между гримерками, высаживая двери, сметая на пол грязную посуду и увязая в залежах какого-то снаряжения и пестрого барахла. Пэгги помогала ему, ловко орудуя арматурой и выжигая скорчером дыры в стенах. Ндиди, охраняя Савитри, шел замыкающим.

До того, как шаткая конструкция, не выдержав удесятеренного веса дерущихся наверху, рухнула едва ли не на головы, им удалось обнаружить еще один выход и, оглушив одинокого охранника, выбраться в коридор. Там шла ожесточенная потасовка. Патрульные хватали рудокопов и волокли их по направлению к подъемникам на нижний рудник. Мутанты стояли живой стеной, не позволяя протестующим уйти. То тут, то там полутьму коридоров пронзали вспышки парализаторов. Упавших топтали свои же.

— Камо! — как заклинание повторяла Эйо, ожесточенно прокладывая себе дорогу.

В этот момент она бы встала без экзоскелета против армады охотников или десятка медуз. Брендан ее понимал. Стихийные беспорядки, вырвавшись из клуба, перекинулись на ближайшие уровни, и в покинутые дома уже ломились грабители и мародеры. Слишком много маргиналов развелось в городе в последние годы. И теперь вся эта накипь выплеснулась наружу.

Брендан и сам отдал бы полцарства за возможность телепортироваться в их скромное убежище, забрать оттуда Камо и рвануть сначала на нижний рудник, потом с освобожденными пленниками хоть пешком до «Эсперансы». Но приходилось снова прокладывать дорогу, отбиваться от докучных охотников и исхитряться, чтобы не попасть под огонь парализаторов. Когда ему удалось вместо щита прикрыться одним из нападавших, Эйо даже зааплодировала.

Хорошо еще, что кроме Рукодельницы, которая, впрочем, яростно и упорно дралась за возможность увидеться с сыном, и балансировавшего на грани обморока Ящера, все остальные члены их небольшой команды, включая Савитри, имели неплохие боевые навыки. А Пэгги, выкинув разрядившийся во время блужданий под трибунами скорчер, даже разжилась где-то парализатором и теперь с чувством, толком и расстановкой прореживала ряды охотников.

— Что, съели? — воинственно сверкая алыми глазами боевого режима, восклицала кибернетическая амазонка, взлетая на потолок и оттуда ведя прицельную стрельбу.

— Пэгги, подруженька, осторожнее, — в изнеможении вздыхала Савитри, помогая Ндиди прокладывать дорогу.

— Мутанты поганые! Хотели устроить забаву, отдать живых людей на растерзание медузам! — вполголоса ругался Ящер, которому только злость помогала находиться в сознании.

Брендан хотел спросить у товарища, не видел ли он где-нибудь в застенках кого-то еще из Сопротивления и их команды. Но в это время колонна отбившихся от охраны и охотников

рудокопов, к которой они примкнули и теперь старались держать строй, на повороте столкнулась с другой, вытекавшей от главного входа. В ней продолжалось хаотичное движение уличной драки, лишенной единого руководства и распадающейся на сотню поединков. И теперь в эту разрозненную, но плотную массу проходческим буром врезался их клин.

Людской поток, словно взрезаемый невидимыми шарошками, закрутился бешеным водоворотом, спрессовав людей до состояния сушеной хамсы. Брендана прижали к стене, и в какой-то момент ему даже показалось, что Шатругна Нарайан уже осуществил свой безумный замысел или просто отключил подачу воздуха на их уровни. Кислорода в плотном месиве отложений тяжелых металлов и людских испарений обнаружить пока не удавалось. Рядом судорожно хватала воздух ртом потерявшая свое оружие Эйо. Брендан видел бисеринки пота, окружившие бледные губы, и крупные капли, стекающие со лба. На разбитом лице Ящера пот смешивался с кровью, местами пропитавшей и рваную спецовку. Помятые ребра товарища сейчас вновь подвергались непосильной нагрузке.

— Где Ндиди и Савитри? — пытаясь приподняться на цыпочки, хрипло спросила Эйо.

Брендан тоже попытался осмотреться, насколько позволяла давка. Но увидел рядом с собой только испуганные помятые лица незнакомых рудокопов и мутантов, которые, изнемогая в тесноте, подрастеряли боевой пыл и брели куда-то вперед, заботясь лишь о том, чтобы двигаться хотя бы не спиной и не падать.

Наконец толпа протащила их по лестнице и выплеснула в жилой коридор соседнего уровня, где между снятых с петель дверей и выкинутого наружу скарба уже копошились обескураженные жильцы. Толпа постепенно начала рассасываться. Хотя какие-то участники событий в запале еще продолжали выяснять отношения, большинство пытались добраться до дома и отыскать своих.

Брендан, тяжело переводя дух, взвалил на спину окончательно обмякшего Ящера, не до конца понимая, куда же дальше идти. Эйо, в ужасе глядя на царящий повсюду разгром, только тихо произносила имя сына и в тревоге водила по сторонам глазами, пытаясь отыскать брата.

Впрочем, Ндиди вскоре появился и сам, совершенно растрепанный, окровавленный и потерянный.

— Они забрали Савитри, — с трудом переводя дыхание, проговорил он.

— Кто? — не поняла Эйо.

— Служба безопасности ее клятого женишка! — пояснила

Пэгги, неожиданно десантировавшаяся откуда-то сверху.

— Мы пытались ее отбить, — горестно развел руками кое-как пробравшийся к ним Йохан Дален. — Но безопасники воспользовались техническим коридором и заперли за собой проход.

Брендан почувствовал, как мир раскручивается в безумной фарандоле и катится, сорвавшись с орбиты в жерло черной звезды. Похоже, служба безопасности еще в дни подготовки номера взяла на заметку Савитри. А они еще наивно радовались своей идее с гримом и играли в великих конспираторов. Случилось то, чего Брендан больше всего опасался. Скорее всего, вся эта провокация с пленниками на арене была частью хитрого плана, и Савитри сама себя выдала, когда устремилась на выручку Пэгги. Брендан чувствовал себя полным ничтожеством, не оправдавшим доверия друзей. А ведь ему выпал один шанс на миллион!

Но прежде чем предаваться отчаянию или искать пути к спасению, следовало добраться до их недавно такого надежного и уютного дома.

— Камо! — раненой тигрицей рванулась вперед Эйо, увидев дверь их жилища, похожую на пережившую разгерметизацию отсека консервную банку.

Брендан и сам похолодел, увидев, что от входа по коридору тянется кровавая дорожка. На всякий случай отстранив возлюбленную, он осторожно заглянул внутрь. Картина, представшая его взору, достойно венчала сегодняшний безумный день, хотя и вселяла надежду.

В комнате царил полнейший беспорядок и летал пух из вспоротых подушек. Поперек нижнего топчана среди вороха окровавленного и истоптанного белья, упавших с подрамников картин, разбитой посуды и сломанной утвари лежали два изуродованных трупа в форме сотрудников опеки. Камо вместе с Гаэтаной и какой-то незнакомой светловолосой девочкой сжались в комочек в противоположном углу на одном из верхних топчанов. А прямо под ними, аккуратно сложив лапы, настороженно поводя острыми ушами с кисточками и облизывая окровавленную пасть, расположился горный кот роу-су.

Глава 29. Оборотень в городе

Путешествие по тайным ходам Маркуса Левенталя оказалось суровым испытанием не только для бедной Камиллы, которая, конечно, не привыкла к таким марш-броскам по полосе препятствий, но и для Синеглаза. И виноват тут, как ни странно, оказался облик тотема. Тело роу-су, конечно, прекрасно приспособлено для долгих прогулок по горам и охоты в травяном лесу, прыжкам с уступа на уступ, полетам через расщелины. Но назовите хоть одну нормальную кошку, которая любила бы вертикальные стены, стволы и лестницы.

И ладно, когда приходилось подниматься. Синеглаз карабкался с легкостью, почти не касаясь лапами ступеней. Но дорога в основном вела вниз. И на каждом спуске он едва сдерживался, чтобы бездумно не сигануть в зияющий провал. Прыжок с высоты в два-три человеческих роста всегда давался ему легко. Особенно если при приземлении ждала мохнатая спина зенебока или пушистый сугроб. Но стволы вентиляционных и лифтовых шахт, по которым пролегал их маршрут, заканчивались где-то в глубинах рудника, а горизонтальные штреки и ответвления, ведущие на уровни и этажи, располагались в лучших традициях Евклидовой геометрии строго перпендикулярно.

Поэтому Синеглазу невольно приходилось, пугая Камиллу шипением или сердитым рычанием, цепляться когтями и аккуратно переносить тело со ступеньки на ступеньку. Если шахта оказывалась достаточно узкой, он опирался задними лапами на противоположную стену или цеплялся за свисающие кабели, тщась не прорвать изоляцию.

Камилла покорно следовала за ним, ухитряясь даже подбадривать, когда у Синеглаза заканчивалось терпение, и при виде очередной шахты, направление которых ему подсказывала Кристин, он начинал фыркать, вздымал на загривке шерсть и колотил себя по бокам хвостом.

— Ну потерпи, Глаша, скоро уже придем, наверно! Мама даст тебе сметаны или сливок.

Синеглаз негромко мурлыкнул и в полутьме коридора доброжелательно потерся об озябшие ноги девочки, украдкой облизнув оцарапанную об острый штырь подушечку правой передней лапы. От пары литров сметаны или банки кошачьих консервов он бы сейчас точно не отказался. Поужинать он не успел. Но откуда эти вкусности могут взяться у матери Камиллы, если она живет в не менее стесненных условиях, чем

Рукодельница и ее семья?

И каким образом Камилла прознала про это девчачье сокращение его имени, которым он позволял себя называть только маленькой царевне? Ну какой он им Глаша? Тем более что к фамильному цвету глаз это сокращение отношения никакого не имеет. Впрочем, горделивое Нила Аки в устах профессора Нарайана звучало и вовсе как оскорбление. Из-за таких, как этот подлый интриган, асуры Васуки оказались повержены. В сохранении древних технологий и создании могущественной империи на планетах Головы Заклинателя Синеглаз видел прежде всего заслугу тех сородичей, которые не предали оставшихся верными своим вождям людей. Впрочем, обе принцессы Сансары тоже показывали пример, проявляя древние добродетели иногда на грани самоотречения.

— Профессор Нарайан поручил службе безопасности выяснить личность девушки под маской, исполняющей танец с медузами в заведении Хайнца, — поделилась ценной информацией Кристин.

Хотя бойцы из группы Левенталя-Шварценберга могли связаться с соратниками с нижних уровней только через Синеглаза или Савитри, о каждом шаге главы научного отдела и членов городского совета им становилось мгновенно известно. Конечно, Пабло Гарсиа пока даже по коридорам корабля передвигался с трудом, но «Эсперансу» он продолжал охранять и за происходящим на верхних уровнях города следил ревностно. Благо Шаман и Кудесник тоже честно несли свою вахту.

— Но сегодняшний выход — единственный шанс получить ключи от магнитных ошейников. Глава службы безопасности нижнего рудника уже в зале! — не вняла предостережению Савитри, пообещав проявить осторожность.

И вот теперь Синеглаз рисковал сорваться в пропасть шахты, наблюдая за тем, как ее высочество, скопировав коды, продолжает свой опасный танец. В облике тотема ментальная связь хотя и становилась четче, зато почти не поддавалась контролю, мешая сосредоточиться. Поэтому, когда Синеглаз вслед за принцессой и ее товарищами увидел Пэгги, которую безжалостные прихвостни Нарайана вытолкнули безоружной на арену, он от неожиданности едва не сорвался, в последний момент успев затормозить когтями и пропустив нужный им уровень, так что им с Камиллой потом пришлось подниматься.

С другой стороны, он бы и сам сейчас шипел и рычал, выгибал спину и пускал искры из глаз. Хотя Савитри спасла подругу, она подставила себя под удар, и потасовка в клубе лишь ненадолго отсрочила неизбежное.

Изначально Синеглаз планировал сбить подручных Нарайана со следа, затаившись у Камиллы или даже сбежав на рудник, благо шкура роу-су неплохо защищала от холода, да и радиация на оборотня действовала в меньшей степени. После бомбардировки столицы асуров, превращенной в Пустыню Гнева, его предки, спасаясь от лучевой болезни, специально принимали облик тотемов, а на руднике как-то выживали даже люди.

Но планы пришлось менять буквально на лету.

Когда княжич, сопровождаемый Камиллой, покинув переплетение тайных коридоров, оказался на уровне мутантов, в нос ему ударил такой густой ароматический коктейль, собранный из запахов отбросов, перегара, прогорклого жира, человеческих испарений и машинного масла, что княжич даже растерялся, не понимая, куда двигаться дальше. Запах Кристин, по которому он прежде ориентировался, больше не ощущался, а дороги к заведению Хайнца и жилищу Эйо он не знал. Камилла тоже с опаской озиралась, пытаясь привести в порядок покрытую пылью и копотью одежду. Что ни говори, больничные тапочки и пижама мало подходили для их опасного маршрута. Хорошо еще девочка догадалась надеть теплую кофту. Воздух в коридорах был затхлым и промозгло сырым, точно в подземельях Дворца Владык.

Сначала прохожие и посетители различных забегаловок не обратили на них внимания, и Синеглаз успел достаточно подробно их рассмотреть. Боевые товарищи из группы Маркуса Левенталя и одноклассники из приюта нисколько не преувеличивали. И искажения объема и цвета, неизбежные для его черно-зеленого кошачьего зрения, тут не играли роли. Радиация и бесчеловечные эксперименты руководства превратили многих обывателей, проживших в городе несколько десятилетий, в чудовищ более уродливых, чем самые неказистые из варраров. Некоторые жители уровня, особенно обладатели заячьей губы и запущенного гипертрихоза, скорее напоминали уже не людей, а монстров лабиринта. Разве что передвигались пока на двух ногах. При этом многие откровенно пестовали свое уродство, при помощи разных ухищрений делая внешность еще более причудливой. И в этом они тоже напомнили княжичу варраров.

Синеглазу стало обидно, что и в его родной земле, и здесь преданные слуги асуров выглядели полнейшими дикарями и деградатами. Впрочем, чему тут удивляться: его сородичи требовали полного подчинения, а их жадность только тормозила развитие народов подвластных им земель. К тому же жители гнилых болот в далеком прошлом пережили воздействие жесткого излучения, и им, как и здешним мутантам, мыслить здраво и

трезво зачастую не позволяли застарелые наследственные заболевания. В другой ситуации княжич, возможно, даже пожалел бы несчастных. Однако в этот момент по уровню прокатился вздох изумления, перерастающий в единый вопль ужаса:

— Тигр!

— Пума!

— Ягуар!

Понятно, что никто из местных даже на картинках не видел роу-су. Другое дело, что с инстинктом самосохранения у мутантов все оказалось в порядке.

Улица в момент опустела. Связываться с опасным хищником никто не пожелал. Синеглаз для острастки зарычал, прогоняя последних наиболее безбашенных зевак, вздумавших снимать его на голографическую камеру. На улице остался лишь какой-то в дупель обкуренный тип в дредах.

— Классный прикид, чувак! — бессмысленно улыбнулся он, немытым пальцем указывая на Синеглаза. — А на четырех костях тебе ходить и вправду удобно?

Он и сам упал на четвереньки, видимо, решив попробовать новый способ передвижения, а Синеглаз рысцой потрусил вперед по уровню. Едва мутанты убрались восвояси, он уловил запах Савитри и услышал ее зов. Она пыталась спастись и защитить Пэгги, и Синеглаз не мог оставить ее безмолвный крик безответным.

— Глаша, куда ты? Это вовсе не мой уровень, — увещевала Камилла, пытаясь не отстать от мохнатого спутника, когда княжич, проплутав по задворкам города, спустился еще ниже… и неожиданно попал в людской водоворот.

В боевом запале, желая защитить Савитри, Синеглаз бы сейчас схватился не только с сотрудниками службы безопасности, но и с самим Великим Асуром. Но вскоре выяснилось, что легче стать жертвой давки, чем продвинуться в нужном направлении. Даже обличье роу-су не спасало. Оказавшиеся рядом люди и рады были бы посторониться, но их нес хаотичный, но могучий поток.

— Осторожнее, малыш, — предостерегала его Кристин.

Она следила за происходящим не только посредством ментальной связи, но и с помощью камер наблюдения, которые контролировал ее возлюбленный.

— На нижних уровнях творится настоящий ад! — согласилась с ней Савитри.

А потом сознание пронзил отчаянный крик обеих принцесс, и Синеглаз понял, что опоздал: агенты службы безопасности сумели добраться до махарани Сансары. Когда Савитри обмякла в руках похитителей, сраженная выпущенным почти в упор

парализующим разрядом, внутри у Синеглаза тоже что-то словно оборвалось. Такого отчаяния и бессилия он не испытывал с момента гибели царицы Серебряной. А он зачем-то переживал по поводу мнимых жучков, боялся показаться Савитри на глаза, чтобы ее не выдать. Теперь даже если его не раздавят и не расплющат в этих вонючих коридорах, это лишь ненадолго отсрочит неизбежную гибель от удушья, когда Нарайан взорвет генераторы. Ползти униженно на брюхе и умолять, чтобы его взяли на «Эсперансу», княжич уж точно не станет.

— Нарайану и самому пока на борт не подняться, — кое-как справившись с первым шоком, напомнила ему Кристин. — Да и куда он полетит на корабле с неисправным двигателем и почти полностью разряженными аккумуляторами? После схватки с охотниками нам едва хватает энергии на функционирование защитного поля и систем жизнеобеспечения.

Синеглаз тоже немного успокоился. Стало быть, у них есть еще какое-то время. Кристин и ее друзья продолжают бороться, да и Эркюль с ребятами на руднике все еще ждут освобождения.

Пока княжич решил добраться до жилища Ндиди и Эйо и дождаться там хозяев и Пэгги. Ведомый запахом принцессы Савитри, он выбрался из толпы, с радостью обнаружив, что Камилла его не потеряла, и, распугивая мародеров, направился вперед по полутемному извилистому коридору. Как ни странно, на этом уровне воздух казался даже свежее. Пахло мылом, домашней едой, а людские запахи, у шахтеров, возвращающихся со смены, достаточно терпкие и крепкие, не несли отпечатка вынужденной болезненной праздности.

Они почти добрались до места, когда Камилла издала испуганно-сдавленный возглас и попыталась спрятаться или даже слиться со стеной, благо после путешествия по вентиляционным шахтам ее пижама выглядела не более опрятно, чем обшивка. Девочка, дрожа всем телом, указывала на чуть приоткрытую дверь, которую упорно и деловито вскрывали люди в форме сотрудников опеки.

Когда работа увенчалась успехом, и несчастная дверь слетела с петель, дорогу захватчикам преградила молодая и решительная женщина, кажется, соседка, которую Синеглаз пару раз видел глазами Савитри.

— Вы не имеете права! — начала она. — Я буду жаловаться. У Камо есть мать!

Но сотрудники опеки ее грубо отстранили и вошли внутрь.

— Вот так же забрали и меня, — прошептала Камилла.

Синеглаз неопределенно муркнул. Его охватил охотничий азарт, мышцы перекатывались под кожей, шерсть на загривке

вздыбилась, задние лапы напружинились, готовясь к прыжку, хвост хлестал по бокам. Если он не сумел защитить принцессу, это не значит, что он готов позволить прихвостням ее безумного жениха врываться в дома к честным людям и отнимать у них детей.

Когда княжич появился в проеме, один из сотрудников пытался добраться до мальчика, который, словно неразумный котенок, забрался на верхнюю полку, затиснувшись в самый дальний угол. Другой чиновник держал отчаянно сопротивляющуюся соседку, которая, к ее чести сказать, вместо того чтобы задать стрекача, пыталась ребенка подруги отстоять.

Сингелаз успел заметить, что у обоих типов из опеки парализаторы спрятаны и стоят на предохранителях. А реакция роу-су всегда превосходила человеческую. Первым его гнев испытал чиновник, державший женщину. Княжич даже вспомнил, что ее звали Гаэтаной. Трудно сказать, почему ей дали такое имя, но в тот момент, когда зубы роу-су в один укус переломили ее обидчику хребет, она зашлась в диком крике, напоминающем гусиное «га-га-га», раздражая чуткие кошачьи уши и наполняя Синеглаза яростью. К счастью, человеческий разум позволил этот бурный поток перенаправить на второго чиновника. Тот успел обернуться и теперь пятился, пытаясь дотянуться до парализатора.

Синеглаз, понятное дело, это ему не позволил. Пока чиновник топтал пакеты с бельем, ронял со звоном посуду и крушил подрамники, княжич мощным ударом лапы сломал ему правую руку, а потом опрокинул навзничь, одновременно вгрызаясь зубами в горло и вспарывая когтями грудную клетку и живот, мстя за безвестную соседку Камиллы и сотни других детей, которых безжалостно принесли в жертву, чтобы продлить жизнь кучке зажравшихся магнатов. Пожалуй, даже Хоал не требовал таких страшных гекатомб.

Когда оба сотрудника опеки перестали дергаться и затихли, источая отвратительный запах крови и испражнений, Синеглаз, брезгливо отряхивая лапы, перебрался на соседний топчан, приводя в порядок когти и шерсть и пытаясь взглядом отыскать Камиллу и остальных. Его отважная спутница обнаружилась на верхнем топчане вместе с Гаэтаной и Камо. Похоже, бедная женщина, едва оказавшись на свободе, последовала за своим подопечным, прихватив с собой и Камиллу.

Когда в коридоре раздались шаги и знакомые голоса, Гаэтана выдохнула с явным облегчением, но своего поста так и не покинула. Синеглаз тоже решил не делать лишних движений, готовый в любой момент атаковать. Хотя из всех новоприбывших

княжич был лично знаком только с Пэгги, и Брендана, и его Рукодельницу, и верного паладина Савитри он сразу узнал, поскольку видел их глазами принцессы. Другое дело, что в черно-белом кошачьем диапазоне все люди выглядели немного непривычно, и они, конечно же, не ожидали такой встречи.

— Откуда в городе мог взяться роу-су? — с профессиональной точностью определив вид родового тотема княжича, взъерошил волосы на взмыленном затылке Брендан.

— А это, часом, не тот малец из команды Шварценберга, которого кэп называл кошаком? — высказала верное предположение Пэгги. — Когда мы на пустоши отбили мою Савитри, он еще втирал ей, что умеет в горного кота превращаться.

— Княжич с Васуки, сын цареубийцы? — нахмурился Брендан.

— Его зовут Синеглаз, — подала голос Камилла. — Мы познакомились в лазарете лицея и ушли оттуда по тайному ходу на плантации, — добавила она, вкратце поведав об основной причине своего побега.

— Сейчас проверим, какой такой Синеглаз, — проговорил Брендан, пружинящим шагом прирожденного воина входя в комнату.

— Позволите, Ваше высочество?

Он осторожно протянул руку к мохнатой серой морде. Княжич нащупал раскрытую ладонь усами, потом церемонно ткнулся мокрым носом. Подтверждая дружелюбие намерений, он даже позволил себя погладить и дал почесать за ухом, хотя прикосновений к загривку избегал.

— Ну, я же говорила, — облегченно выдохнула Пэгги, переступая порог и деловито обыскивая мертвецов. — Дельный пацан, хотя и оборотень.

— Тайный ход Маркуса Левенталя ему могла подсказать только Кристин, — из-за плеча брата следя за действиями Брендана и боевого андроида, подала голос Эйо. — Савитри рассказывала, что мальчик угодил на больничную койку, поскольку поделился своей энергией.

При упоминании о принцессе Сансары голос ее дрогнул, из глаз непроизвольно покатились слезы. Впрочем, она быстро взяла себе в руки и решительно вошла внутрь, пытаясь добраться до сына. Потом ее взгляд упал на изуродованные трупы, и она закрыла рот, борясь с рвотным позывом.

— Ну что там у вас?

В комнату заглянул какой-то рыжий высоченный детина. Хотя вместо правой ноги он имел неказистый и явно кустарный протез,

он поддерживал еще одного участника недавних событий, того странного вида раненого бойца, которого Пэгги вытащила с арены. При виде роу-су глаза Рыжего округлились, а с окруженных золотистой щетиной губ сорвался ряд невнятных междометий, явно не требовавших перевода.

— Это Синеглаз, княжич с Васуки, который прибыл сюда вместе со Шварценбергом и помог группе Гу Синя отыскать принцессу, — пояснил Брендан с таким видом, словно он каждый день общался с горными котами и оборотнями.

— Что ж этому высочеству дома-то не сиделось? — озадаченно протянул Рыжий, которого звали, кажется, Йоханом Даленом.

Вместе с Бренданом они устроили раненого на нижнем топчане, уговорив Синеглаза перебраться наверх. Бедная Гаэтана с тихим писком сначала решила спрятаться под одеяло, прижав к себе обоих детей, потом все-таки уступила уговорам Эйо и Ндиди и спустилась вниз, передав матери немного сбитого с толку, но державшегося молодцом Камо.

— Мама, а где тетя Савитри? — спросил малыш.

Ндиди застонал, а Эйо отвернулась, пытаясь подавить рыдание.

«Вот дурачина, нашел, о чем спрашивать», — обозлился про себя Синеглаз, и кончик его хвоста нервно задрожал. Потом княжич вспомнил, что Камо пока ничего не знает. Он бы и сам не отказался сейчас выяснить судьбу несчастной принцессы. Но связь установить не получалось. Бедная Савитри, похоже, все еще находилась в беспамятстве. О худшем Синеглаз думать зарекался.

— Охотники получили приказ доставить ее живой, — успокоила его Кристин. — Нарайану смерть махарани Сансары сейчас не выгодна. Для притязаний на власть ему нужна в качестве супруги представительница династии. А нас с отцом пока официально числят среди пропавших без вести. Брендану и его друзьям сейчас тоже лучше где-нибудь затеряться, — добавила она задумчиво. — Вопрос только — где?

— Вам надо срочно отсюда уходить, — словно угадав суть мысленной беседы Кристин и княжича, заметил Дален, видя, как Эйо в замешательстве пытается навести порядок в своем некогда уютном жилище.

Синеглаз почувствовал неловкость. Впрочем, все уронил и опрокинул не он, а сотрудники опеки.

— Головорезы из службы безопасности могут нагрянуть сюда в любой момент, — согласилась с Рыжим Пэгги, которая отыскала удобную сумку и уже деловито закидывала туда все, что, по ее мнению, представляло хоть какую-то практическую значимость,

включая лекарства и детские вещи. — Да и принцесса нуждается в нашей помощи!

— Я готов отправиться прямо сейчас, — решительно проговорил Ндиди. — Но надо где-то укрыть Камо и Эйо.

— А мы разве не пойдем на шахту спасать дядю Гу Синя и дрессировщика мартышек? — на всякий случай прижимаясь к матери, поинтересовался Камо.

Синеглаз только фыркнул, делая вид, что ему в нос попала шерсть. Какие же забавные бывают эти малявки!

— Моя мама, думаю, не будет против, если вы укроетесь у нас, — щедро предложила Камилла.

Йохан Дален, который помогал Пэгги и Эйо увязывать сумки и тюки, посмотрел на девочку со снисходительной серьезностью. Он, конечно, оценил добрый порыв, но слишком хорошо понимал всю подлость здешней жизни.

— Твою маму, деточка, как бы саму не пришлось спасать, — проговорил он с сочувствием. — Неужели ты думаешь, что тот дядя, которому понадобились твои почки, так просто отступит от своей затеи или быстро отыщет нового донора?

— Но что же нам делать? — всплеснула руками Эйо, потерянно прижимая к себе обоих детей. — У нас нет другого жилья.

— И все явки провалены, — пробормотал Йохан Дален.

— А чем вам не подходит убежище Маркуса Левенталя? Я вообще так и не понял, почему вы сразу не спрятали там принцессу? — с трудом шевеля разбитыми губами, которые при каждом движении травмировали острые обломки торчащих под невероятными углами бивней, неожиданно подал голос раненый, которого, как выяснилось, звали Ящером.

Хотя со своей опухшей татуированной физиономией и странными наростами на голове он выглядел как варрарский шаман, который чем-то не угодил соплеменникам или проиграл битву с духами, его заплывшие синяками глаза смотрели решительно, а в позе избитого поджарого тела ощущалась воля к борьбе.

— После предательства Джошуа Грина мы усомнились в надежности любых адресов, связанных с сопротивлением, — пояснил Йохан Дален.

— Джошуа Грина можете больше не опасаться, — кое-как приподнявшись на замаранном кровью ложе, поведал Ящер. — Когда он узнал, что его сын умер, задохнувшись во время приступа бронхиальной астмы почти сразу после ареста, он так обезумел, что напал на охрану и получил смертельный разряд тока. А что до убежища, если бы его раскрыли, не думаю, что нас

с Гу Синем стали бы столько дней допрашивать с пристрастием.

Он указал на свежие следы от лазерных плетей, которые спешно пытался залечить Брендан.

Принять окончательное решение помог горбоносый сосед, ворвавшийся в комнату порывом горного ветра в травяном лесу.

— Ребята, спасайтесь, на уровне облава! — проговорил он скороговоркой, не обратив малейшего внимания ни на трупы, ни на расположившегося на верхнем топчане горного кота. — Забирайте Эйо и Камо и уходите. Мы с Хенком и остальными прикроем.

— Так не пойдет, Мубарек, — решительно подался вперед Ндиди. — Если уж и уводить женщин и детей, то всех и сразу.

— Где там эти патрульные? — прихватив оба парализатора, метнулась вперед Пэгги. — Посмотрим, что они смогут сделать против боевого андроида. Кошак, ты со мной? — повернулась она к Синеглазу.

Тот вместо ответа мягко спрыгнул с полки.

— Посмотрим, как у них округлятся глаза при виде горного кота, — пробормотал Брендан, вводя Ящеру еще одну дозу обезболивающего и передавая Йохану Далену медицинские инструменты.

Ндиди молча последовал за ними.

Хотя Синеглаз не считал, что это такая уж хорошая идея — идти без экзоскелетов против заряженных боевыми патронами и плазмой автоматов и импульсников, особо рисковать ему не пришлось. Один его вид со вздыбленной на загривке шерстью и хлещущим по бокам хвостом ввел патрульных в ступор. А уж когда княжич зарычал, те и просто попятились назад.

Замешательством противника воспользовались Пэгги и присоединившиеся к ней Ндиди с Бренданом, которые, пока Синеглаз отвлекал внимание, ловко вскарабкались под потолок и оттуда обрушились на головы патрульных, расстраивая их ряды и не позволяя достать импульсники и автоматы. Когда шеренги атакующих окончательно смешались, не выдержав натиска отчаянных мстителей, которые, не имея никакой защиты, кроме мускулов, дрались с таким мастерством и яростным напором, что казались просто неуязвимыми, в образовавшуюся брешь ударили горняки. Трудно сказать, кто обучал их взаимодействию, но строй они держали куда лучше деморализованных патрульных.

Среди жителей, вставших на защиту своих домов и семей, Синеглаз почти без удивления заметил женщин, в числе которых оказалась и Эйо. На всякий случай он решил держаться рядом с ней, безо всякого сожаления вновь пустив в ход против нападавших когти и зубы, ловко избегая дубинок и

макромолекулярных клинков. Но в это время на уровне сработала гермодверь, и патрульные поспешили отступить, а новоявленные бойцы сопротивления заняли выгодную позицию в глубине коридора, где принялись строить баррикаду.

— Я что-то не понял, откуда у нас на уровне взялся горный лев? — вновь принимая Синеглаза за одного из хищников с Земли, интересовался однорукий доходяга, неловко пытающийся приладить поверх плотно пригнанных ящиков и шкафов какой-то колченогий стул.

— Откуда бы, Тавиньо, ни взялся, главное, он на нашей стороне, — отозвался горбоносый Мубарек, убирая стул и водружая на его место монументальный диван с протертой до дыр обивкой.

— Надо поднимать народ! — деловито распоряжался старый рудокоп, которого называли дядюшкой Хенком. — Если мы и дальше продолжим отсиживаться по углам, они так и будут врываться в наши дома и творить полное беззаконие.

— Я и говорю, — поддержал его горбоносый Мубарек. — Давно пора приструнить это мутантское отродье.

— При чем тут мутанты? — вздохнул Йохан Дален, который уже отвел детей и часть женщин и теперь вернулся, чтобы помочь товарищам. — Они еще более обездоленные, чем мы. Они, конечно, живут ближе к плантациям и садам, но туда им все равно доступа нет. К тому же на их уровнях еще и воняет из-за соседства с фермами.

— Вот я и говорю, что главное зло засело в городском совете, — поддержал его старый Хенк. — Если сумеем организовать всеобщую забастовку на шахте и комбинате, долго ли они протянут среди своих садов и ферм? Они, кажется, напрочь забыли, кто снабжает город энергией.

— И то верно, — согласился с ним Мубарек. — Скольких ребят они сгноили на нижнем руднике!

— Если бы Савитри успела передать коды от магнитных ошейников, мы бы сумели освободить узников, — отыскав оставшуюся невредимой Эйо, виновато вздохнул Брендан, осматривая раненых.

— А кто сказал, что она не успела? — воинственно потрясая добытыми в бою аж четырьмя скорчерами, отозвалась Пэгги. — Вся информация на моем накопителе. У себя она все подчистила.

— В убежище Маркуса Левенталя вы найдете все необходимое, там не только экзоскелеты и оружие, но даже резервный генератор кислорода имеется, — заверил ее Йохан Дален, объясняя дорогу и передавая коды.

В помещении, предназначенном для двух-трех человек,

теснился народ. Суетились женщины, шумели, осваиваясь, дети, стонали раненые. При этом никто не жаловался и не затевал ссор, и все, точно в волшебной лавке чудес, каким-то образом получали необходимое. Маркус Левенталь, кажется, с таким расчетом это место и создавал. Сейчас, узнав от Кристин, что убежище безопасно, он сразу же вышел на связь, и с борта «Эсперансы» давал указания о том, как переоборудовать стеллажи с агрегатами в спальные места и где достать предметы первой необходимости, лекарства, и еду.

Для Синеглаза тоже откуда-то принесли миску с чистой водой и целый окорок кутулуха, который он умял в один присест вместе с костями под восхищенные взгляды ребятни. Дети горняков скорее с интересом, нежели с испугом смотрели на мягкую большую кису. А самые отчаянные даже решились погладить. Синеглаз им не препятствовал. После всех приключений и сытного ужина его клонило в сон, но он стойко пытался преодолеть устремления своей ленивой кошачьей природы. Ведь вокруг творилось столько всего интересного.

Не обращая внимания на толкотню и хозяйственные хлопоты, бойцы сопротивления проверяли экзоскелеты, оборудование и оружие. Брендан и еще десяток рудокопов собирались как можно скорее отправиться на нижний рудник, пока служба безопасности не догадалась об утечке. Остальным предстояло держать на уровне оборону и ждать подкрепления. Счет шел на часы.

— В идеале надо как-то договориться с мутантами, — рассуждал Йохан Дален, сноровисто проверяя зарядку аккумуляторов. — Если бы нам удалось объединиться, руководству города точно пришлось давать объяснения и не только.

— Да как с ними договориться, когда они утром наш уровень чуть вдребезги не разнесли? — возразил ему Брендан, который уже осмотрел всех раненых и теперь возился с многострадальными бивнями Ящера, попутно уговаривая Эйо остаться в убежище, чтобы в случае необходимости позаботиться о детях.

— Ну, вы тоже, добры молодцы, хороши, — строго глянул на него с экрана Маркус Левенталь, из-за заживающих ожогов похожий на горного кота или земного леопарда. — Вместо того чтобы играть в отважных рыцарей, спасающих принцессу от дракона, следовало провести работу с коллегами в клубе и теми, которые приходили на прием. Исподволь рассказать, что их собираются оставить выживать на планете без кислорода, уповая на скрытые ресурсы их измененных экспериментами организмов.

— Не слишком ли ты многого хочешь, Марки? — неожиданно

встал на защиту бывшего пленника Саав Шварценберг. — Сам-то ты какого Трехрогого отправился на пустошь в горелки играть? Договариваться с мутантами? Как ты это себе вообще мыслишь, если охотники, которых мы порешили, сплошь их родня и кореша?

— У меня, еще когда мы добрались до «Эсперансы», была мысль слить информацию о заложенной взрывчатке в городскую сеть на каналы, которые забивают мутантам мозги болтовней от их исключительности, — задумчиво баюкая раненую руку, проговорил Пабло Гарсиа. — Но это означало раньше времени обнаружить себя.

— К тому же мутанты вряд ли поняли бы всю эту техническую документацию, — поддержала любимого Кристин.

Синеглаз представил себе мудреную схему закладки взрывчатки, вспомнил пустые, потухшие глаза мутантов и лишь скептически повел ушами с кисточками. Пожалуй, там лишь единицы обладали достаточным уровнем образования, чтобы хоть что-то понять. Да и те служили городскому совету.

— Я могу смонтировать клип в стиле местных поделок и рассказать обо всем в доступной форме, — неожиданно предложила Эйо, которой тоже хотелось внести свой вклад в борьбу.

— А заодно приложить голограммы и записи нашего визита в лабораторию, — ухватился за идею Брендан, разворачивая планшет, на котором хранил ценнейшую информацию о своей вылазке.

— Неплохо бы эту передачу показать и на наших уровнях, — сноровисто разбирая заклинивший парализатор, заметил старый Хенк. — Среди рудокопов тоже хватает наивных бедолаг, принимающих за чистую монету чушь, которую втирают члены городского совета.

— Им бы еще о планах главы научного отдела насчет «Эсперансы» рассказать, — предложил Мубарек, который и сам обо всем только недавно узнал и был преисполнен праведного гнева.

— В любом случае, надо это делать оперативно, — подытожил, благословляя начинание, Маркус Левенталь. — Мы должны остановить Нарайана, как бы ни сложилась судьба принцессы. На войне как на войне.

— А мне плевать на все ваши войны и политические игры, — воинственно проговорила Пэгги, которая уже скинула на планшет Брендана коды от магнитных ошейников и теперь подбирала экзоскелет по размеру. — Я иду за Савитри!

— А ты уверена, птичка, что принцессе так уж нужна твоя

помощь? — глумливо прищурился Шварценберг, выводя на экран картинку из покоев главы научного отдела.

Кристин оказалась права. Профессор Нарайан не только не стал лишать махарани Сансары ее полумеханического подобия жизни, но и распорядился о том, чтобы ее поместили в его опочивальню под наблюдение заботливых дронов и расторопных служанок, которые не только переодели принцессу в приличествующий ее статусу наряд, но и начисто смыли грим.

Увидев Савитри, лежащую в шелках и пенном кружеве на широкой и мягкой постели в окружении разнообразных предметов роскоши и невероятных сладостей, Ндиди сначала издал вздох облегчения, потом виновато потупился. Он при всем желании не мог предоставить избраннице такого изобилия и богатства.

— Ее жених сможет дать ей ту жизнь, к которой она привыкла, — проговорил он, наблюдая за тем, как всесильный глава научного отдела, отослав служанок, внимательно осматривает принцессу, а потом распинает бойцов группы захвата за превышение полномочий.

Синеглаз глянул на поникшего парня и укоризненно мурлыкнул: он слишком хорошо помнил эти покои и всю эту показную роскошь, опасную, как цветы росянки, о которых им в лицее рассказывали на биологии.

— Нарайан убьет ее при первой же возможности, — сердито фыркнула Пэгги. — Особенно если сумеет добраться до Кристин Левенталь. Впрочем, если ты передумал, я отправлюсь наверх одна.

Ндиди затряс головой, не в силах выразить обуревающие его противоречивые чувства. Пэгги молча протянула ему скорчер, деловито скачивая себе на накопитель схему города и программу доступа к камерам наблюдения. Синеглаз уже выписывал нетерпеливые восьмерки вокруг ее ног. Он шел проводником с тем расчетом, что, если ему удастся в нынешнем облике вновь преодолеть защитное поле, он сумеет не только увидеться с Савитри, но и подобраться к системе управления генераторами воздуха.

— А почему нам тоже не воспользоваться этим ходом и не настучать главе научного отдела по кумполу? — узнав о существовании пути наверх в обход вечно закрытой и охраняемой двери, воинственно предложил Мубарек.

— Придет время — обязательно настучим, — пообещал ему рассудительный Хенк. — А пока надо организовать народ. Мы, чай, не какие-то погромщики и мародеры. У нас есть политические и экономические требования!

— А если не терпится кому-то настучать, идем с нами на рудник, — предложил Брендан.

— Кошака береги и без нужды его шкурой не рискуй, — напутствовал боевого андроида Шварценберг, который, видимо, считал, что посылать княжича на смертельно опасные авантюры, кроме него, никому нельзя. — Нам его еще папаше надо вернуть.

— Только бы он в самый неподходящий момент обратно не перекинулся, — вздохнул Таран.

Они уже собирались выходить, когда их остановила оставшаяся в убежище за старшую Эйо: принцесса Савитри открыла глаза.

Глава 30. Оцифрованная махарани

Пышная зеленая сень дворцового сада сохраняла прохладу даже в самые знойные послеполуденные часы, когда в жилищах бедняков окна закрывались ставнями или завешивались плотной материей, а на виллах и в офисах работали на полную мощность системы климат-контроля. И дело было не только в накрывавшем весь дворцовый комплекс защитном куполе, который отсекал излишки теплового излучения и ультрафиолета. Живительную свежесть несли многочисленные каналы с чистейшей водой, причудливой, но строгой последовательностью геометрического орнамента пронизывавшие сад. И стоило лишь хлопнуть в ладоши или ленивой рукой нажать на значок наручного планшета, на зеркальной глади, точно по волшебству, возникала украшенная скульптурой водяного дракона изящная лодка. А усердные дроны натягивали над головой тент или брали пестрое опахало.

К дронам Савитри особенно в последние годы относилась со смешанными чувствами, считая их чуть ли не родней. Впрочем, лишенные свободной воли, запрограммированные на выполнение самых простых функций, они все равно стояли на ступень ниже андроидов. Хорошо, что машины, как и животные, ничего не понимали в людской иерархии и не страдали от кастовых предрассудков.

Впрочем, сегодня принцесса Сансары не думала о кастах и предрассудках. В лодке рядом с ней, удобно расположившись на мягких подушках и благоговейно перебирая ее волосы, находился человек, который ее беззаветно и искренне любил и которого, ей в это хотелось верить, за короткий срок их знакомства успела полюбить и она.

Тропические птицы, выводя ликующие гимны, вплетали в рулады и трели его имя, а белые розетки магнолий и роскошные гирлянды глициний, казалось, оттеняли бронзовый цвет его кожи. Горделивые кипарисы соревновались с ним в статности, а прыткие стрекозы пытались превзойти его в точности реакции и стремительности.

— Ндиди, — прошептала принцесса мечтательно, находя манящие темно-вишневые губы.

— Моя махарани, — отозвался возлюбленный, укрывая их тентом от нескромных глаз.

Неужели она произнесла его имя вслух? Неужели выращенное из имплантов тело ее предало, разнежившись в руках дронов и слуг?

Процессор закончил перезагрузку, паралич постепенно отступал, тело вновь обретало возможность чувствовать, и эти ощущения, слишком приятные и знакомые, словно пришедшие из другой жизни, вносили сумятицу в и без того измученный мозг. Что с ней произошло, она примерно представляла, но где находится сейчас, даже не решалась предположить. И самое главное, чьи прикосновения навеяли ей на грани сна и яви эту сладостную и совершенно несбыточную грезу?

Савитри хорошо помнила свое выступление на арене и все, что происходило после. В ушах до сих пор звучали обрывки музыки и крики охваченной хаосом толпы. Перед глазами мелькали миражи лазерных проекций и вспышки парализаторов. Мышцы до сих пор рефлекторно сокращались, пытаясь то ли воспроизвести движения танца, то ли проложить дорогу к убежищу бок о бок с Ндиди и Пэгги. А сознание до сих пор затоплял ужас, охвативший ее в тот миг, когда агенты службы безопасности разрядили в нее почти целый аккумулятор. Хорошо, что она, предупрежденная о слежке, успела скинуть коды Пэгги и стереть на своем накопителе все, что могло навредить Ндиди и его друзьям, подчистив журнал последних действий и отформатировав участок диска.

Бедный Ндиди! Что с ним? Где ее отважная и верная Пэгги? Сумели ли выбраться Эйо и Брендан? Удалось ли хоть кому-то из них спастись? Впрочем, для начала следовало понять, где находится она сама и сколько еще времени осталось у обреченного города.

Судя по ощущениям, запахам и звукам, это точно не рудник и даже не тюремный блок. Вряд ли заключенных умащают благовониями и кладут на мягкие перины, застеленные шелковыми простынями. Да и слишком тут комфортно и тепло.

Савитри открыла глаза. Ощущения ее не обманули. Она лежала на мягкой постели в роскошных покоях, а ее руку преданно и ласково держал Шатругна. Похоже, это именно он только что поправлял ее волосы, деликатно пальпировал грудную клетку, выслушивал дыхание и прощупывал пульс.

Безумная ирония судьбы. Сегодня свершилось то, о чем она грезила долгих четыре года на пустоши. Да какие там четыре! Все двадцать лет своей жизни принцессы-клона и еще неполный десяток недосуществования андроида. Но почему ей хотелось перенестись в тесную и сырую комнатку на уровне шахтеров или новое убежище, в котором нашли пристанище ее друзья?

Контакт с Синеглазом и Кристин удалось восстановить почти сразу после пробуждения, и теперь Савитри с облегчением и все возрастающей тревогой наблюдала за приготовлениями друзей.

Она радовалась тому, что добытые ею коды от магнитных ошейников помогут наконец вернуть свободу узникам нижнего рудника, и не знала, как убедить Ндиди и Пэгги присоединиться к группе Брендана. Тем более, от первоначального плана ее освобождения пришлось отказаться.

Вышедший с товарищами на связь Пабло Гарсиа выяснил, что личные покои главы научного отдела после переоборудования согласно вкусам хозяина охраняются почти так же бдительно, как сокровищница раджей Сансары. И все входы в технические коридоры отпираются только вручную и исключительно изнутри. Выяснить бы, где хранятся ключи, но Шатругна десять лет назад утратил способность к ментальной связи, чему Савитри в сложившейся ситуации была только рада.

— Наконец-то! Я уж испугался, что эти безрукие варвары тебя просто убили!

В голосе правителя Сансары звучала искренняя тревога, рука, которой он обнял запястье Савитри, чтобы прослушать пульс, заметно дрожала.

«А почему ты, милый, не беспокоился о своей невесте, когда «забыл» ее на пустоши и целых четыре года особо не пытался найти?»

Неужели он всерьез рассчитывает вновь запудрить ей мозги? Поздно. Для этого нужно не только почистить накопитель андроида, но и стереть память. Высказать бы ему все, что на душе накипело! Но что это уже изменит? Шатругна никогда не принадлежал к людям, способным признавать ошибки, а его гнев неизбежно обрушится на тех, кто ей дорог. Поэтому, если суженый решил изобразить заботливого жениха, почему бы ему не подыграть. Тем более, он привык, что клонированная и оцифрованная махарани дышит только им и смотрит ему в рот.

— Где я? Что со мной? Шатругна, это и правда ты?

Кажется, прозвучало убедительно. Зеркало в тяжелой резной раме услужливо отразило испуг на лице, которое без устрашающего грима показалось Савитри особенно беззащитным и даже непривычным. Задрапированная натуральным шелком грудь вздымалась часто и взволнованно. Влажные после омовения волосы, рассыпавшись по плечам, усиливали впечатление растерянности, придавая ей сходство со сказочной принцессой, пробудившейся после столетий зачарованного сна во всем блеске юности и красоты.

Если бы недавняя греза стала для них с Ндиди явью, если бы нашлось какое-то волшебство, которое позволило им перенестись в дворцовый сад, она бы, не раздумывая, променяла бы лицо на уродливую маску, точно зная, что Ндиди останется рядом.

Шатругна от нее отрекся задолго до того, как потерял на пустоши, еще в тот миг, когда в первый раз заявил, что копия никогда не заменит оригинал. А ее красота уже тогда стала для него товаром, нарядным фасадом, скрывающим его беспощадный деспотизм. Впрочем, ему всегда нравилась ее покорность, ее жертвенная хрупкость. Поэтому, увидев ее замешательство, он лишь самодовольно усмехнулся:

— Ты находишься в единственном месте этого города, которое достойно наследницы династии раджей! И ты оказалась бы тут гораздо раньше, если бы не грязные пираты, заставившие тебя столько страдать!

Увлекшись или и вправду поверив в свои красивые слова, он обнял Савитри и поцеловал. Поцеловал не покровительственно и холодно, а крепко и страстно, недвусмысленно намекая на возможность продолжения.

Еще недавно Савитри растаяла бы в его объятьях, словно вылепленная из масла ритуальная скульптура, задохнулась бы от счастья, тщась остановить желанное мгновение. Она бы любовалась его чеканным профилем. Замирала от восторга, почувствовав взмах пушистых черных ресниц. Пила нектар с изысканно изогнутых уст, не замечая, что в их углах, возле крыльев носа и вокруг глаз все сильнее залегают морщины, а некогда черные волосы все гуще серебрит седина. Она ждала близости с Шатругной всю свою биологическую жизнь и оцифрованное существование, она молила о ней, как земледелец о дожде. Но на ее ниве гулял безжалостный суховей: почва покрывалась коростой, губя робкую и хилую поросль.

Сегодня небо набухло ливнем. Но урожай былой любви засох на корню. А новые всходы орошало трепетное и благоговейное чувство другого человека и искренняя привязанность не совсем живого, но бесконечно преданного существа. И неважно, что Ндиди, как и все чужестранцы, относился к касте неприкасаемых, а таким, как Пэгги, брахманы и вовсе отказывали в существовании души. Предать их она не имела права.

— Что с тобой? Тебе нездоровится? — с явным недоумением глянул на нее Шатругна, когда Савитри, безучастной куклой замерев в его объятьях, стыдливо отстранилась.

Он настолько привык к ее податливой готовности, что нынешняя неожиданная и неуместная неуступчивость невольно вызывала подозрения. Приходилось как-то выкручиваться.

— Я недостойна вас, господин, — ответила Савитри твердо и смиренно. — Я побывала в таких злачных местах, после которых не знаю даже, помогут ли мне обряды очищения.

Шатругна сдвинул брови, ноздри его точеного носа

затрепетали. Он весь превратился в ожившее воплощение разрушителя Шивы, готовый обрушить свой гнев на тех, кто проявил непокорность или нанес вред его имуществу. На Сансаре он мог сколько угодно третировать Савитри, но никому другому не позволял даже во взгляде проявить непочтительность.

— Если эти безродные проходимцы вынуждали тебя обслуживать их клиентов, разгром клуба покажется им не наказанием, а наградой! — воскликнул он, готовый уже поднимать службу безопасности, чтобы отправить Хайнца и всю его шайку на нижний рудник или даже на опыты в лабораторию.

Хотя Савитри не собиралась жалеть расчетливого делягу, она опасалась, что рикошетом может задеть и ее близких.

— До такого дело не дошло, — поспешила заверить она разгневанного громовержца. — Но мне пришлось выступать перед гостями.

— Да, я знаю, ты своей пляской подала мне сигнал, — немного спокойнее проговорил Шатругна. — И я сразу тебя нашел и забрал оттуда!

Хорошо, что он снова привлек ее к себе. Савитри почувствовала, что у нее пылают щеки. Неужели он и вправду поверил, будто ее танец предназначался для него? Впрочем, кроме Шатругны и Синеглаза, никто и не мог разгадать древний обрядовый смысл.

Вероятно, стоило все-таки выбрать какую-то другую композицию, более нейтральную по движениям и тематике. Но рафинированные па антигравитационного балета публика из заведения Хайнца просто не оценила бы, а похотливо-откровенный танец змеи, меняющей кожу, мог бы закончиться для нее в каком-нибудь приватном кабинете на ложе важного клиента, а для Ндиди хорошо если на нижнем руднике. Да и не позволил бы он ей показывать в клубе такую похабщину.

— Я не посмела отказаться, — вновь принимая смиренную позу безвольной жертвы, пояснила Савитри. — В случае непокорности они бы и в самом деле отдали меня на поругание.

Хорошо, что Пэгги и Ндиди не могли наблюдать этот спектакль. Вскоре после того, как Савитри пришла в себя, Шатругна отключил в апартаментах не только микрофоны, но и камеры. И теперь ее друзья терзались тревогой, точно капли дождя в засуху, ловя каждое слово Кристин, которая рассказывала обо всем, что происходило в покоях. Бедная Пэгги сначала плевалась зажигательной смесью от того, как подруге приходится унижаться. Затем немного успокоилась и резонно заметила:

— На войне как на войне! Только бы этот упырь ее не раскусил!

Ндиди молча ее поддержал.

Шатругна меж тем продолжил игру в благородство.

— Тебе не в чем себя винить, — пылко воскликнул он, вновь переходя к ласкам, так, что бедной Савитри захотелось одновременно расплакаться и рассмеяться от безумия сложившейся ситуации. — И все же, я не понимаю, почему ты сразу не назвала себя службе безопасности?

— Я не могла этого сделать, — ответила Савитри, и ее глаза наполнились слезами.

Из-за напряжения последних дней и часов ей не почти не пришлось притворяться.

— После падения с горы и пожара в танке даже импланты андроида отказывались функционировать. Особенно если учесть, что четыре года на пустоши мое тело постоянно испытывало недостаток в энергии.

В доказательство своих слов она приподняла кружевной рукав пеньюара, показывая шрамы от ожогов, которые пока еще не зарубцевались полностью, несмотря на усиленную работу системы регенерации и старания Брендана.

— Я видел твои голограммы, сделанные сразу после задержания похитителей-пиратов, — кивнул Шатругна, пододвигая к ней блюдо со сладостями и фруктами. — Патрульные, которые отдали тебя бандитам, уже понесли наказание. Я и сам испугался, когда тебя только принесли. Эта жуткая маска и отформатированный участок карты памяти. Зачем ты это сделала?

— Маска защищала меня от грязных притязаний Хайнца и его клиентов, — пояснила Савитри. — А запись я стерла, чтобы поскорее забыть ту грязь, в которую оказалась ввергнута. Я боялась, что ты меня опять отринешь. Праматерь Сита провела годы в изгнании вдали от любимого мужа лишь из-за того, что оказалась жертвой домогательств Раваны.

Шатругна вместо ответа облегченно улыбнулся и снова ее поцеловал. На этот раз привычно снисходительно и покровительственно. Он действительно искренне радовался их встрече с упоением ребенка, отыскавшего потерянную игрушку, или удовлетворением коллекционера, обретшего давно утраченную редкость.

— Что будет со мной дальше? — робко спросила Савитри.

Охотники, захватившие ее на «Эсперансе», глумливо ей сочувствовали, расписывая незавидную долю служанки при новой супруге хозяина, и мысленно заглядывали к ней под экзоскелет в надежде, что после изъятия ключа Шатругна поделится оцифрованной невестой и с ними. Впрочем, они еще не знали о

том, что путь Кристин Левенталь в опочивальню главы научного отдела прервался самым неожиданным образом.

— Сегодня ты отдохнешь, а завтра я представлю тебя городскому совету, — пояснил Шатругна. — Мы проведем несколько важных встреч, решим кое-какие вопросы, а потом покинем эту негостеприимную планету. Ты ведь помнишь звездолет, на который тебя привела сама судьба?

Савитри кивнула, вспоминая горькие открытия первых часов, проведенных на борту «Эсперансы», и жестокую схватку с охотниками.

— Этот корабль может преодолеть притяжение черной звезды, и на нем мы вернемся на Сансару и забудем все здешние приключения, точно страшный сон.

Шатругна с явной гордостью развернул экран, демонстрируя голограммы, которые он регулярно получал с корабля. Зеркало Пабло Гарсиа работало безупречно. Даже Пэгги с ее более мощным процессором не сумела найти погрешностей в коде и стыков в изображении, которое много раз повторялось. Впрочем, пустые коридоры позволяли гонять одну и ту же картинку, и никто не застревал в текстурах.

А в это время по ментальной связи Савитри наблюдала, насколько интенсивно и напряженно протекает жизнь звездолета, отвоеванного его истинными хозяевами. Впрочем, основные работы сейчас велись на «Нагльфаре», перевооружить который оказалось несколько проще. Хотя Маркус Левенталь еще не полностью оправился от ожогов, он проводил расчеты и давал необходимые указания. Пабло Гарсиа, Шаман и Кудесник разрабатывали программное обеспечение для нового двигателя.

— А как же пиратский звездолет в соседней долине? Его орудия не причинят нам вреда? — осторожно поинтересовалась Савитри, чувствуя себя брахманом, который, сдавая экзамен на должность дворцового пурохиты, идет по узенькой кромке стены с полной миской молока в руках.

Лицо Шатругны помрачнело, будто у испытуемого, не выдержавшего проверку.

— До тебя тоже дошли слухи о наших потерях? — досадливо поджав губы, проговорил он нервно и сухо. — Должен признать, Шварценберга мы недооценили. Тем более, как я подозреваю, к нему вместе с кучкой здешних бунтовщиков присоединился и старый безумный прожектер Маркус Левенталь. Могу только догадываться, откуда в плазменных установках у пиратов оказалось такое количество энергии, но этот запас не бесконечен, и восполнить его неоткуда. Очень скоро им придется отключить силовой щит корабля, и тогда мы распылим эту посудину на

атомы вместе со всей командой!

— Вот собака! — одновременно выругались Синеглаз и Кристин.

Вернее, княжич мысленно обозвал сородича старым вонючим кавуком.

— Иного мы и не ожидали, — осторожно пожал обожженными плечами Маркус Левенталь, едва дочь пояснила ему причину своей слишком сильной эмоциональной реакции.

— Знать бы, когда ожидать новых гостей, — сердито нахохлившись, пробормотал Саав Шварценберг.

— Но ведь пиратский корабль находится в сравнительно неплохом состоянии, — продолжая свой путь над пропастью, заметила Савитри. — Его тоже можно было бы переоборудовать, чтобы вывезти больше людей?

— Кого это ты собралась отсюда вывозить? — недовольно скривившись, с подозрением глянул на нее Шатругна. — Кто тебе внушил такие безумные идеи? Впрочем, ты и раньше была слезливой дурочкой, которая жалела никчемных бедняков, годных лишь на топливо для биореакторов. На борт «Эсперансы», помимо проверенного и обученного экипажа, поднимутся доказавшие свою лояльность ученые и те немногие адекватные управленцы, с которыми я смогу продолжить сотрудничество на Сансаре. Голытьбе с рудника, а также дармоедам и предателям из числа заседающих в городском совете там не место.

— На уровне мутантов живут люди, беззаветно преданные тебе и почитающие тебя едва ли не божеством, — со спокойной твердостью продолжила Савитри, чувствуя себя Далилой или Юдифью из земных легенд.

Будь у нее острый нож или функция боевого режима, как у Пэгги, она бы без колебания его убила. Впрочем, для того, чтобы вести борьбу, не всегда требовалось оружие.

— Что ты делаешь? — недоуменно и почти испуганно вклинилась в ее сознание Кристин. — Зачем ты его провоцируешь? Все, что он скажет, давно известно.

Хотя дочери Маркуса Левенталя удалось буквально в последний момент избежать участи пленницы и наложницы всесильного главы научного отдела, воспоминания о его притязаниях до сих пор вызывали у нее устойчивое гадливое чувство. А ведь пока Шатругна не захватил в городе власть, Кристин находила интересной и совместную работу в лаборатории, и подготовку материалов научных конференций. А грустная история поисков реинкарнации погибшей невесты поначалу вызывала у нее сочувствие.

— Я хочу, чтобы он сам рассказал о том, что уготовал городу

и его жителям. Он, конечно, отключил камеры, не доверяя даже своей службе безопасности. Но все, что он сейчас говорит, фиксируется на моем накопителе. Думаю, запись этой беседы убедит мутантов лучше любых схем и чертежей. Да и членам городского совета полезно послушать, какая им уготована судьба. Конечно, если Пэгги сумеет подобраться ко мне достаточно близко.

— О чем говорить! — моментально откликнулась боевой андроид, вновь собираясь в путь. — Даже если я не сумею проникнуть в покои, расстояние между плантациями и жилым отсеком мой передатчик покроет без труда!

— Но, если эти записи увидят все горожане, Нарайан сразу поймет, кто их передал! — возразила Кристин.

— К этому времени мы вернем принцессе свободу! — воинственно проговорила Пэгги. — Завтрашняя встреча с советом — это наш шанс.

— Только бы пленников с рудника освободить, — вздохнул Брендан.

Как Савитри и ожидала, Шатругна, с готовностью заглотил наживку и развернул новые окна голографической панели, переводя ее на демонстрацию изображений с камер, установленных на уровне мутантов. Похоже, ему уже давно хотелось поделиться, но говорить откровенно с приближенными и членами совета он себе, конечно, не позволял.

— Кого ты называешь людьми? — проговорил он, не скрывая презрения. — Ты только посмотри на эти ошибки естественного отбора, готовые рвать глотку любому, кто усомнится в их исключительности. На мой взгляд, верхом гуманизма будет прервать их жалкое существование, которое заведомо лишено всякого смысла.

Савитри тоже смотрела на экран, невольно переводя взгляд на человека, вернее асура, который сидел рядом с ней в роскошных апартаментах, упиваясь властью и могуществом. После смерти Савитри Первой Шатругна особенно сильно возненавидел увечных и калек, полагая в их праве на жизнь вопиющую несправедливость. В городе под куполом, быстро уловив местную конъюнктуру, он своих демонов немного усмирил: несчастные мутанты сделались удобным буфером между городской верхушкой и неспокойными горняками. Но бесконечно притворяться не мог даже он. Тем более что Савитри и в прежние годы он доверял самые опасные тайны, словно подушке или кошке.

— Но почему именно среди этих ошибок естественного отбора ты вербуешь охотников? — спросила она, старательно

скрывая омерзение.

К счастью, процессор ее не выдал, исправно регулируя уровень гормонов.

— Охотники — люди иной расы, почти что другой биологический вид, — с самодовольным снисхождением профессора, объясняющего студентам основные положения своего исследования, охотно пояснил Шатругна, полностью подтверждая дерзкие догадки Брендана. — Я даровал им свою ДНК, и они смогут выжить на пустоши до того, как сюда на новых кораблях прилетят первые колонизаторы. Эта планета — кладезь полезных ископаемых, — продолжил он, все сильнее воодушевляясь. — Я намерен подарить ее Альянсу вместо занятой Содружеством Сильфиды. И мне совсем не нужны тут нахлебники, которые мало того что без толку тратят драгоценную руду, так еще и поднимают бунты! Я, конечно, понимаю, что в городе удалось построить горно-обогатительный комбинат, создать фермы и разбить плантации. Но работу комбината с легкостью можно будет возобновить, а новым модифицированным поселенцам не понадобится никаких плантаций и ферм!

Трудно сказать, до каких бы еще откровений договорился Шатругна, полностью подтверждая страшные догадки Пабло и Брендана, но в это время на связь вышел начальник службы безопасности.

— На шахте началась забастовка, — сухо сообщил он, деликатно дождавшись разрешения включить звук и изображение. — Нам пора запускать секретный протокол?

Судя по всему, он относился к числу тех немногих приближенных, которые знали о тайном приказе, но принятие окончательного решения как обычно оставалось за Шатругной.

Савитри почувствовала, будто снова падает с гребня перевала в охваченном огнем танке. Кристин не смогла сдержать возглас возмущения, Синеглаз вздыбил на загривке шерсть.

— Марки, а тебе не кажется, что пора уже отключить наше зеркало и намекнуть ентому прохвессору о том, что рвать когти отсюда пока не на чем? — сердито проговорил Шварценберг. — «Эсперанса» не только разряжена почти подчистую, но и совсем не готова.

— Мой дорогой коллега — сумасшедший, но отнюдь не самоубийца, — с достоинством отозвался Левенталь. — Он, похоже, и сам обо всем догадался и теперь пытается сохранить хорошую мину при плохой игре.

Конструктор оказался прав. Выслушав торопливый доклад, Шатругна покачал головой:

— Пока мы не уничтожим пиратов, окопавшихся неподалеку

от «Эсперансы», об эвакуации из города не может идти и речи!

— Но отрезать подачу воздуха одним бунтовщикам не получится, — не на шутку встревожился глава службы безопасности.

— Мне и без ваших напоминаний известно, что отключение одного уровня приведет к автоматической остановке подачи воздуха на все остальные, — презрительно хмыкнул Шатругна. — Левенталь знал, чем шантажировать городской совет, отстаивая интересы так любезной его сердцу голытьбы.

Хотя глава научного отдела сохранял видимость спокойствия, Савитри видела, что его тело напружинилось, точно у тигра перед прыжком. Брахманская династия Нарайанов принадлежала к ветви, происходившей непосредственно от Великого Асура и, хотя Шатругна не мог принимать облик тотема, повадки и нрав опасного хищника он полностью сохранил.

— Мы не будем пока взрывать генераторы воздуха, — проговорил он наконец. — Отключим защитное поле и пустим на рудник и нижние уровни медуз.

— Но на пустоши их мириады! — в ужасе воскликнул глава службы безопасности, только что бестрепетно собиравшийся умертвить почти всех жителей города, обрекая их на мучительную смерть от удушья.

— Вот и хорошо, — пожал плечами Шатругна. — Наверх им все равно не проникнуть. Пока твари пустоши прореживают ряды бунтовщиков, мы придумаем, как выкурить пиратов. А чтобы раньше времени не начались волнения среди мутантов, свалим все на происки «уродов». Нижний рудник открыть первым, только обязательно усилить защитное поле возле лаборатории. Надеюсь, недавняя попытка проникновения вас чему-то научила.

С преувеличенной любезностью он пожелал Савитри приятного отдыха и удалился, снова включив камеру и заперев дверь.

После его ухода Савитри какое-то время обессиленно сидела на постели, безуспешно пытаясь отрегулировать уровень гормонов. Человеческий мозг бунтовал против усилий системы. Потом процессор ей сообщил, что организм нуждается в подзарядке за счет углеводов, и Савитри решила эту просьбу удовлетворить, благо сладости и фрукты стояли до сих пор нетронутыми. Хотя, честно говоря, кусок в горло не лез.

Глазами Кристин она с тревогой наблюдала, как Брендан и его товарищи, убедившись, что их близкие надежно укрыты в убежище, пробираются на нижний рудник. Только узость коридоров и шахт мешала им перейти на бег, а ведь любая минута промедления могла стоить пленникам жизни.

В это время Пэгги тоже карабкалась по лестницам вентиляционных шахт и технических коридоров, но только по пути к верхним уровням. Савитри едва сумела дождаться привычного запроса на обмен информацией и с готовностью передала запись разговора, испытывая облегчение от того, что в отношениях с Шатругной поставила окончательную точку, объявив ему войну.

Глава 31. Ангелы преисподней

Когда Кристин озвучила приказ Нарайана об отключении генераторов защитного поля, какое-то время все сидели в смятении, не в силах поверить. Но не прошло и пяти минут, а решение обрело силу и было принято к исполнению, убеждая горняков в том, что в службе безопасности служат бездушные чудовища, а Шатругна Нарайан болен или одержим. Бедный Синеглаз, который каким-то боком приходился главе научного отдела сородичем, услышав про медуз, вздыбил на загривке шерсть и сердито зарычал, пугая малышей.

Горняки, хотя и не издавали таких грозных звуков, свое негодование тоже скрывать не собирались. Все они знали, как опасны твари пустоши и насколько фатальной встреча с ними может оказаться для человека, не имеющего достаточно крепкой брони. Тем более в полутемных штреках и тоннелях медузы были почти невидимы.

— Вот упырь ненасытный! — возмущался старый Хенк, проверяя герметичность дверей и стыков убежища. — Кровушки ему нашей захотелось. А то мало он ее вместе с городским советом за последние три года выпил!

— Им бы на верхние уровни медуж жапустить! — сердито шепелявил бедолага Ящер, которому слабость и отсутствие бивней пока мешали говорить нормально.

— Неплохая идея! — мстительно согласилась с товарищем Пэгги, наверняка вспоминая свои неловкие шаги по арене до того, как Савитри активировала ей боевой режим.

Ящер признался, что такую безнадежность не испытывал даже в пыточном застенке.

— Не стоит уподобляться чудовищам, — примирительно возразил им Маркус Левенталь, прокладывая группе Брендана путь на нижний рудник.

— На верхних уровнях тоже живут люди, которые честно трудятся в лабораториях и на плантациях, — поддержал его Пабло.

Оператор сети прилагал немыслимые усилия, пытаясь помешать отключению генераторов силового поля, но безрезультатно. Мало того, что эта сеть, как и система камер на руднике, была локальной и с внутригородской не пересекалась. Так еще специалисты службы безопасности согласно распоряжению главы научного отдела, внедрили в нее вирус, едва не погубивший процессор Пэгги, когда та попыталась подключиться через маршрутизатор.

— Да я про лаборатории и плантации не говорю, — смягчилась Пэгги, на всякий случай запуская сканирование своей системы. Не хватало еще принести вредоносное приложение принцессе. — А вот в зал заседаний городского совета я бы десяток медуз все же выпустила. Когда мы пойдем за моей Савитри.

Брендан скептически покачал головой, вспоминая, насколько опасными и неуловимыми могут быть твари пустоши. Он, конечно, не собирался продолжать отношения с Лакшми, Грейс и Мананой, но за их судьбу, как и за жизнь коллег из лаборатории, в какой-то мере чувствовал себя в ответе и уж точно не желал им гибели.

— Зачем тебе, птичка, медузы, когда у вас есть кошак! — напомнил боевому андроиду Шварценберг.

Хотя юный княжич буквально рвался на рудник, чай, Эркюль и Шака были его товарищами, Шварценберг убедил его остаться.

— Отставить, гардемарин! — рявкнул он настолько грозно, что Синеглаз прижал к голове острые, как у каракала, уши с кисточками. — Не напрягай людей, у них и так проблем хватает! Ну откуда они тебе скафандр добудут, чтобы уши и хвост помещались?! Эркюля с его затеями рядом пока нет!

В это время Маркус Левенталь предупредил о том, что на подавление выступлений рабочих выдвигается усиленный и хорошо вооруженный отряд, и Синеглаз вместе с группой горняков и их жен поспешили на помощь протестующим. Хотя княжич по понятным причинам не мог участвовать в перестрелках, в ближнем бою и как оружие устрашения он уже показал свои лучшие качества. Тем более к этой же группе присоединился и Ндиди.

— Не подставляйся без надобности и присмотри за племянником, сестрой и этим хвостатым пострелом, — напутствовал его Брендан, напоминая о наиболее выигрышных приемах боевого флая.

— Я и сама в состоянии за себя и за сына постоять, не говоря уже о княжиче, — помогая Брендану с крепежками экзоскелета, решительно проговорила Эйо, которая, едва устроив Камо отдыхать, приступила к монтажу голографической программы.

Брендан и сам знал, что даже те из женщин, которые не сражались сейчас рядом со своими мужьями на баррикадах, если речь заходила о жизни детей, из милых хозяюшек превращались в разъяренных фурий. Да и старики, вроде Хенка, чего-то стоили. Но что если служба безопасности все-таки обнаружит убежище? К тому же из тоннелей туда могли прорваться медузы.

— Насчет тварей пустоши даже волноваться не стоит, —

успокоил Брендана Маркус Левенталь, пока Кристин объясняла дядюшке Хенку, как пользоваться стационарным транслятором отпугивающих сигналов — первым из сконструированных ею приборов, который Брендан поначалу принял за трансформатор или несгораемый шкаф.

— А охотников к убежищу мы и близко не подпустим! — горячо заверил Ндиди, вставляя в пистолет-пулемет магазин. Импульсники отдали тем, кто спускался в шахту.

Брендан решимость товарища ценил, однако не забывал, что служба безопасности тоже имела доступ к техническим коридорам. Во время эвакуации они, конечно, постарались соблюсти секретность. Но среди такого большого количества людей, близкие которых сейчас укрылись в убежище, мог затесаться провокатор или жертва шантажа, вроде Джошуа Грина.

— Береги себя и поскорее возвращайся, — попросила Эйо, на прощание обняв Брендана и найдя его пока не скрытые фонарем экзоскелета губы.

— Только бы с магнитными ошейниками все получилось, — ответив сполна на поцелуй, смутился он, еще раз проверяя планшет.

Когда Пэгги сообщила, что коды у нее, отчаяние, в котором Брендан тогда пребывал, сменилось робкой надеждой, едва не испарившейся, когда они увидели принцессу Савитри в покоях профессора Нарайана. К счастью, удивительное самообладание и продуманная линия поведения, выстроенная отважной махарани Сансары, давали им шанс довершить дело, из-за которого она подвергла себя риску и обрекла на незавидную участь пленницы.

И теперь бюджетное голографическое устройство со стандартным накопителем превратилось в средоточие силы, точно жезл Семма-ии-Ргла или скрижаль завета, а их экипированная самым фантастическим образом разношерстная группа уподобилась искателям земли обетованной или легендарным рыцарям Грааля, которых принцесса Савитри и Маркус Левенталь, точно ангелы преисподней, вели на эсхатологическую битву с легионами тьмы.

Поэтому спина под экзоскелетом горела, подгоняя вперед. То ли там тоже пробивались крылья, то ли набухали болью будущие рубцы от огненных бичей адских демонов, лазерных плетей надсмотрщиков и ненасытных жвал медуз. Так что волей-неволей Брендану то и дело приходилось самого себя осаживать, чтобы раньше времени не истратить силы или от нетерпения не наделать глупостей.

Всю-то свою жизнь он ставил себе планку на почти недосягаемой высоте и злился, если по каким-то причинам ее не

удавалось достичь. Его считали вундеркиндом и баловнем судьбы, а он все эти годы с остервенением проходческого бура вгрызался в неподатливую твердь науки, распутывал цепочки ДНК, набивал шишки в спортивном зале. Больше всего на свете он боялся не оправдать оказанного доверия и обмануть возложенные надежды. Хотя ни родители, которые из последних сил пытались дать ему образование, ни старшие товарищи, прикрывавшие его в лабиринте монстров, ни, само собой разумеется, вытащившие его оттуда «Барсы» ничего от него не требовали.

Это же стремление доказать прежде всего наставнику и его боевым товарищам, что он отнюдь не пацан и не маменькин сынок, побудило его променять горячо им любимый институт вирусологии на борт боевого корабля. Хотя Брендан отлично понимал, что в тиши лабораторий велась борьба куда более непримиримая, чем на поле брани. Чудовищные эксперименты Нарайана, результаты которых так неожиданно и своевременно использовала во время схватки с охотниками Кристин, служили этому тезису наглядным подтверждением.

Вот и сейчас его гнала вперед не только тревога за судьбу пленных товарищей и других заключенных. Он пытался доказать прежде всего самому себе, что чего-то стоит, и искупить свою вину за то, что не уберег принцессу. Тем более что новоявленные бойцы сопротивления безоговорочно признали его командиром.

Хотя Мубарек и другие горняки регулярно смотрели в лицо опасности, спускаясь в шахту, да и в стычках с мутантами показали себе молодцами, настоящего боевого опыта они не имели. А Брендан, хотя и не прошел Ванкувер и Сильфиду, но участвовал в боевых вылетах, да и во время трехмесячного противостояния со змееносцами на пустоши почти каждый день покидал медотсек, участвуя не только в перестрелках, но и в рукопашной.

Как командир он понимал, что каждый в группе сам принял решение, осознавая всю степень риска, но думал о том, как провести операцию с наименьшими потерями и не только вывести пленников, но и вернуть спутников женам и детям. Впрочем, вместе с ними шли и две молодые женщины, которым пришлось спуститься в забой после ареста мужей.

— Только бы успеть, — вздыхал один из горняков по имени Ласло.

Его брат оказался на нижнем руднике лишь из-за того, что вступился за девушку, приглянувшуюся кому-то из банды Хайнца.

Брендан боевого товарища понимал. Ведь им приходилось пробираться кружными путями через так называемый старый

рудник. Проход к подъемнику оставался под контролем службы безопасности, и рудокопы, включая Ндиди и Синеглаза, никак не могли прорвать оборону.

— Вот гады! — ярился на охотников старый Хенк, наблюдая за схваткой по голографическому монитору. — Там же под землей, не считая заключенных, несколько сотен рабочих. Целая смена.

— Надеюсь, к вашему возвращению удастся эту погань выбить! — пообещал Йохан Даллен, который вместе с частью женщин и стариками помогал переправлять в убежище раненых.

— Иди уже! — приструнил он Брендана, заметив, что тот, верный врачебному долгу, пытается определить, кого нужно срочно класть в анализатор и оперировать, а кто может и подождать. — Сами разберемся. Пули я вынимать умею, поверхностные раны тоже зашью. Альбумин и изотонический раствор здесь есть. В крайнем случае можно и прямое переливание сделать, а я это тоже несколько раз проводил.

Брендан и сам понимал, что за время своей медицинской практики в кабинете Хайнца рыжий плут поднаторел и необходимые навыки отработал. А для восстановления выжженных плазмой органов и сосудов все равно требовалось специальное оборудование, которого и на верхних уровнях не хватало. К счастью, охотники, как и протестующие, опасаясь повредить систему коммуникаций, пока не применяли скорчеры.

Вход на старый рудник начинался в одном из технических коридоров, на стыке которых Маркус Левенталь и расположил свое убежище. Конечно, это был дом на семи ветрах, но для координатора подполья и ангела-хранителя города под куполом иного жилища и не требовалось.

— А вы уверены, что эти коридоры не заблокировала служба безопасности? — поводил перебитым горбатым носом Мубарек, узнав, что им предстоит идти тем же путем, что и спутникам конструктора.

— Они входили через поверхнофтные фтреки, — привстав с постели, пояснил Ящер, который между допросами сумел каким-то образом обменяться информацией с Гу Синем.

— А вы пойдете по центральному шурфу, — кивнул Маркус Левенталь.

— Там маршрут, конечно, не из легких, — объяснял товарищам Тонино Бьянко, который за три месяца участия в сопротивлении успел изучить все потайные ходы. — Подъемник давно не работает, и многие скобы проржавели насквозь. Лучше идти со страховкой, — добавил он, доставая из обширных, как пещера Али-Бабы, и таких же запутанных недр убежища тросы,

ледорубы и карабины.

— И не забудьте оборудование для отпугивания медуз, — напомнила Кристин, которая до этого проинструктировала Брендана и его спутников, как обращаться с ловушками. — Оно, конечно, достаточно громоздкое, мы с отцом не успели разработать более мобильный вариант. Но, если им правильно воспользоваться, покрывает участок до километра.

Дочь Маркуса Левенталя в ближайшее время планировала заняться тварями пустоши сама. Убедившись, что отец и другие раненые идут на поправку и в постоянной опеке не нуждаются, она решила присоединиться к группе, которая выдвигалась в сторону города на последнем боеспособном танке.

— Постарайтесь продержаться хотя бы сутки! — умолял бойцов сопротивления Пабло Гарсиа. — Я сумею подключиться к локальным городским сетям еще с перевала Большого кольца.

Хотя его правая рука пока не вернула подвижность, он понимал, что его навыки сейчас нужнее в городе, где в любой момент все может взлететь на воздух. В качестве командиров их группы шли Лева Деев и Саав Шварценберг.

Старый рудник заложили первые вынужденные поселенцы еще в те годы, когда о строительстве города под куполом даже не шла речь, а пленники черной звезды пытались выживать в отсеках кораблей и временных модулях. Именно тогда была обнаружена магнитная аномалия, ставшая путеводным маяком, приводящим корабли к единственному обжитому уголку планеты, а также залежи молибдена, тория и других редкоземельных элементов. Сегодня первая выработка почти полностью иссякла, а следы настурана и молибдена в желтоватой толще карнотита и песчаника, как и пятна смазки и копоти от давно утилизированных механизмов, нервировали горняков своим неприятным сходством с медузами.

К счастью, падкие до органики твари пустоши в это безлюдное место пока не добрались. Поэтому основная опасность на этом участке, как и предупреждали Тонино и Маркус Левенталь, заключалась в общей изношенности всего, что осталось от выработки.

Конечно, большинство горняков за месяцы и годы, проведенные в шахте, приобрели сноровку профессиональных скалолазов. Но даже они не всегда могли правильно рассчитать нагрузку. Тем более что скобы, выдержавшие вес шедших первыми Тонино, Мубарека и Брендана, несколько раз ломались, когда за них брались замыкающие.

— Вот курва! Да здесь все прогнило еще до прихода к власти нынешних упырей! — ругался Ласло, сорвавшись и повиснув на

страховочном тросе, благо тот выдерживал, к счастью, двойной и даже тройной вес.

— А карабин тут тоже зацепить не за что, — подтягивая его наверх, пояснял Мубарек. — Порода крошится, словно зубы дядюшки Хенка.

— Нечего мои зубы тут полоскать! — обиделся старый рудокоп, слышавший переговоры по коммуникатору убежища. — Закладками так и не научились пользоваться?

Закладки им и в самом деле пригодились, хотя и неизбежно растянули время в пути. Поэтому Брендан обрадовался, когда они, преодолев несколько сотен метров вниз по вертикальной стене, наконец добрались до нужного им штрека. В этом тоннеле, правда, тоже пришлось передвигаться едва не ползком, стараясь не задевать обветшавшие рамы обрешетки и прогнившие балки крепи. Даже привычные к капризам мягкой породы рудокопы озирались по сторонам, опасаясь обвала. Причем пугала не столько перспектива остаться в чреве планеты навсегда: к такому исходу каждый, кто работал на шахте, морально готовился еще до первого спуска. Страшила именно бессмысленность такой гибели в самом начале пути, в шаге от цели, но так ее и не достигнув.

— Не сердитесь, ребята! Сейчас это единственный уцелевший тоннель из имеющих доступ к главному руднику, — извинялся перед товарищами Тонино Бьянко. — Остальные штреки на этой глубине либо давно завалены, либо заканчиваются тупиками.

— Да кто сердится, дорогой! — зубоскалил Мубарек. — Какой это трудный маршрут, когда самим копать не надо! Было бы хуже, если б пришлось пробираться через пустошь, рискуя напороться на охотников или достаться на обед медузам.

— Медуз нам, думаю, и на руднике хватит, — добавил Ласло или кто-то из его товарищей.

Брендан знал по именам далеко не всех. Только выучил, что девушек зовут Самира и Габи. Впрочем, с ними он встречался раньше, когда передавал весточки от мужей, оказавшихся по соседству с командой Гу Синя.

Увы, на этом участке опасность представляли отнюдь не твари пустоши и даже не надсмотрщики. Тонино Бьянко знал эти тоннели лучше других, поэтому шел неизменно первым. В одном из штреков их путь преградил провал, поверх которого кто-то навел импровизированный мост, перекинув на ту сторону балку из углепластика. На первый взгляд покрытие казалось вполне надежным. Однако то ли балка не выдержала нагрузки, то ли почва за прошедшие годы еще больше просела, но в какой-то миг Тонино шагнул в пустоту, а его травмированная рука неловко ухватилась за стену. Хорошо Брендан успел среагировать и

подхватил товарища, оттаскивая его от края пропасти. В следующий миг балка исчезла в провале, а вслед за ней последовал целый участок крепи вместе с породой. К счастью, никого не накрыло, только преодолевать провал пришлось, снова используя показавшие надежность закладки и тросы.

— Понятно, почему тут нет ни охотников, ни медуз, — проверяя, надежно ли закреплены карабины, заметил Мубарек.

— Только бы людей этим же путем не пришлось выводить, — заглядывая в разверстую бездну, отозвался Ласло.

Скользя по канатам над пропастью, Брендан невольно вспоминал свое путешествие по Лабиринту монстров и чудесное спасение. Он знал, что сейчас их тоже, если что, не бросят. Вот только будет ли кому приходить, если они не выведут пленников и если нижние уровни города заполонят медузы. А еще ведь существовал план Нарайана по подрыву генераторов воздуха, и его отменять никто не собирался.

Через какое-то время тоннель, сузившийся до размеров мышиного лаза, вывел их на основную выработку.

— Да это же наш старый участок! — обрадовался Мубарек. — Мы его в прошлом году законсервировали. Знали бы, что рядом находятся такие важные стратегические ходы, загодя бы все укрепили.

— Вот только до нижнего рудника тут еще пилить и пилить, — обреченно протянул Ласло.

Словно в ответ на его невысказанную просьбу из ближайшего ответвления выехали вагонетки, в которых, устроившись среди груд молибденита, сидели рабочие. Заметив группу Брендана, узнав «Гипа», Мубарека и остальных, они приветственно замахали руками, освобождая место.

— Слухайте, хлопцы, — проговорил крепкий дядька с пышными усами, едва умещавшимися под фонарь спецкостюма. — Не скажете, что за хрень там наверху творится? Смена давно закончилась, а подъемник за нами так и не пришел.

Мубарек и Брендан вкратце обрисовали ситуацию.

— Японский городовой! — замысловато выругался рудокоп. — Это нас что же, загибаться тут оставили?

— Напомните им про систему дренажных тоннелей, — подсказал Брендану Маркус Левенталь. — Пусть собирают народ, я проведу их через коллектор на комбинат, откуда они могли бы, поддержав рабочих, которые сейчас забаррикадировались в цехах, ударить в тыл охотникам.

— Проблема в том, что людей у нас достаточно, — вздохнул, отвлекаясь от раненых, Йохан Даллен. — А вот стволов — наперечет даже с учетом того арсенала, что вы собрали в

убежище. Тем более старый хрыч Хайнц, троллево отродье, вместе со всей своей вооруженной до зубов кодлой, заключив договор с Раптором и Железноглазым, присоединился к охотникам. Видно, после прокола с принцессой надеется выслужиться и получить теплое местечко на корабле, который в нынешнем состоянии все равно не взлетит, — добавил он с тоской пилота, лишенного не только возможности видеть звезды, но даже забывающего вид черного неба над пустошью.

Для большинства обитателей нижних уровней, не считая охотников и водителей погрузчиков, вывозивших на поверхность отработанную породу, доступный для обозрения пейзаж ограничивался лабиринтами рудника. А для их жен и детей и вовсе заканчивался узкими тоннелями жилых модулей, в которые когда-то переоборудовали верхние штреки старой выработки.

— Посмотрим, что все эти железноглазые велоцерапторы запоют, когда узнают, что их собираются отправить с голым задом по пустоши бегать, — мстительно заметил Ндиди, с боем прорывавшийся в сторону подъемника.

Он и его товарищи успешно отбили атаку на уровень, и теперь пытались оттеснить охотников, отрезав их от группы, штурмующей комбинат. Брендан слышал выстрелы, ругань и грозный рык роу-су.

— Если шахтеры зайдут в нижние цеха через коллекторы, смогут застать охотников врасплох, — изложил свой план Маркус Левенталь. — В любом случае, в верхних штреках сейчас безопаснее, чем в тоннелях, ведущих к входным шлюзам.

В справедливости этого утверждения Брендан и его товарищи сумели убедиться даже раньше, нежели они предполагали.

Они проводили шахтеров до дренажного колодца. Те безоговорочно приняли предложение Маркуса Левенталя, сочтя его наиболее разумным. Некоторые, включая усача, которого звали Богданом, даже решили рискнуть схлестнуться с охотниками. К ним присоединился Мубарек.

Тонино, который хорошо знал этот участок, быстро отыскал ведущий на нижние уровни лаз… и едва не столкнулся с еще одной бригадой, вылетевшей из дренажного колодца со скоростью взрывной волны.

— Куда вы ломитесь? Туда нельзя! Там повсюду медузы! — заорал один из горняков, подхватывая под руку слегка опешившего Брендана и пытаясь увлечь его за собой.

— Бегите, пока целы! Там что-то произошло с генераторами защитного поля. Эти твари повсюду!

Хотя сердце Брендана ухнуло, точно обрушившийся сервер, а потом под влиянием адреналина начало часто-часто сокращаться,

он панике не поддался и даже попытался успокоить перепуганных рабочих, указав на успевшие отъехать недалеко, а теперь возвращавшиеся вагонетки. Но ведь внизу оставались те, кому не так повезло, а о том, что происходило на нижнем руднике, он старался просто не думать.

Тонино и другие без слов сняли с оружия предохранители и переложили сменные аккумуляторы поближе. Брендан проверил трансляторы отпугивающих устройств. Жаль, что большая часть этого ценного оборудования оставалась в распоряжении охотников.

Ловушки пришлось задействовать еще до того, как группа выбралась из колодца. Медузы расползались по руднику со скоростью и хаотичностью цитокинового шторма. В тоннелях творился хаос. Увидев первые жертвы, трупы которых с жадностью поглощались целой ордой темных тварей, бедный Ласло не выдержал, разрядив в медуз едва ли не целый аккумулятор.

Брендан его еле утихомирил:

— Погибшим ты уже не поможешь, а нам боеприпас еще пригодится, когда будем твоего брата вызволять.

— Если он еще жив, — с горечью отозвался Ласло.

— На нижний рудник медузы, скорее всего, пока не добрались, — стараясь говорить уверенно, попытался успокоить товарища Брендан, хотя ему тоже приходилось прилагать титанические усилия, чтобы сохранять самообладание.

— Все правильно, — подтвердил его предположение Маркус Левенталь. — Штреки этого уровня ведут к тоннелям шлюзовых камер, а с нижнего рудника на поверхность выходят только лазы дренажных отверстий, из которых половина давно завалены.

— Смотрите! — вскрикнула одна из девушек, кажется Самира, усиливая мощность подсветки шлема и направляя свет в тоннель.

Оттуда в их сторону, пытаясь опередить наползающую на них с неумолимостью вулканической лавы колонию медуз, бежали с полтора десятка рабочих и пара перепуганных охранников, которые, кажется, забыли, для чего у них скорчеры, или уже израсходовали весь заряд. Как пояснил всезнайка Даллен, на смену выдавали не более пары аккумуляторов, а ловушки для медуз охранникам и вовсе не полагались.

— Бегите! — воззвал, размахивая руками, передний рабочий, вся фигура которого, казалось, воплощала первобытный ужас.

Брендан вместо ответа включил на полную мощность транслятор отпугивающего устройства, рассеивая медуз и позволяя беглецам оторваться от преследователей.

— Подниметесь по дренажному колодцу, там вас подождут, — пояснил Тонино, с неодобрением поглядывая в сторону охранников.

Впрочем, те после пережитого не собирались сопротивляться и даже изъявили желание примкнуть к протестующим, так же, как и группа ремонтников, которых пришлось вызволять из осажденной медузами трансформаторной. Их по ошибке, приняв приказ Нарайана за технический сбой, отправили чинить генераторы энергетического поля, но к входным шлюзам было уже не подойти. Через какое-то время Мубарек доложил, что все спасенные дошли и благополучно движутся в сторону комбината.

Проникнуть на нижний рудник на этот раз не составило особого труда: энергетическое поле больше не работало. Другое дело, что этим не преминули воспользоваться медузы. Несчастные заключенные оказались в двойной ловушке: в отличие от рабочих они даже не могли убежать. Разряды тока их магнитных ошейников убивали не хуже тварей пустоши, а охранники, похоже, предпочли скрыться, спасая свои шкуры. Во всяком случае, на ближайшем к генераторам участке их не оказалось.

Брендана и его товарищей это, конечно, не очень огорчило: надсмотрщики все равно не имели кодов-ключей, а спасателям сейчас было явно не до того, чтобы тратить силы и энергию на потасовки и перестрелки. К тому времени, когда поле воздействия отпугивающих устройств частично покрыло штреки нижнего рудника, медузы успели забрать жизни нескольких десятков узников.

— Золтан! — в ужасе забыв обо всем, бросился к погибшим Ласло, пытаясь у обглоданных медузами трупов узнать знакомые черты.

— Твоего брата здесь нет, — подал голос один из заключенных, похожий на вылинявшую тень.

Хотя его спецкостюм так часто латали, что тот напоминал лоскутное одеяло, медузам он оказался не по зубам. Впрочем, бедолаге, скорее всего, просто повезло. Он и еще несколько десятков узников отбывали заключение на том участке, до которого медузы не успели добраться.

— Дядя Франц? Куда его перевели?

В голосе Ласло смешивались надежда и жалость. Он с содроганием смотрел на человека-тень, пытаясь представить, что заточение сделало с его братом.

— Я не знаю, милый, забрали только вчера, — вздохнул заключенный, осторожно поворачивая голову и ощупывая руками освобожденную от постылого устройства шею.

Даже получив свободу, Франц и его товарищи по несчастью с опаской покидали отведенный им в качестве жизненного и рабочего пространства участок выработки, ожидая подвоха. Брендан невольно вспоминал пугавшегося каждого резкого звука после заточения на шахте «Альтаир» отца.

— Надсмотрщики сказали, что поскольку Золтан молодой и здоровый, его включили в число участников какого-то эксперимента, и, если он выживет, станет таким, как охотники, — едва не с завистью пояснил ситуацию еще один узник, скрюченный от застарелого артрита, точно древний дед.

Ласло в отчаянии опять схватился за скорчер. К счастью, товарищи успели его разоружить.

Хотя Брендан сочувствовал рудокопу и переживал за судьбу Гу Синя, которого, по словам Ящера, так и не расколов, тоже отправили в секретную лабораторию, он не мог себе позволить дать волю эмоциям, спешно оказывая спасенным первую медицинскую помощь. Планшет он передал Габи, которая раньше работала с объемными базами данных. Когда число освобожденных достигло нескольких сотен, спасателям пришлось разделиться. Благо в распоряжении группы оставались еще три транслятора.

— Разве нам не потребуются люди для штурма лаборатории? — с подозрением поинтересовался Ласло, которому Брендан пообещал, что сразу после освобождения узников нижнего рудника они отправятся вызволять Золтана и Гу Синя.

— Во всяком случае, не те, которые едва ноги передвигают, — с сочувствием глянул на него Брендан.

В самом деле, в нынешнем состоянии заключенные представляли собой просто живые мишени, и их беспомощностью на других участках не преминули воспользоваться не только медузы, но и охранники.

В одном из штреков сотрудники службы безопасности, защищенные от тварей пустоши полем транслятора, методично добивали заключенных, пытавшихся всего лишь воззвать о милосердии. На этот раз ярость Ласло нашла применение. Брендан тоже стрелял боевыми, целясь в первую очередь по передатчикам. Он хотел все-таки выиграть время, чтобы вывести как можно больше людей до того, как охрана поднимет тревогу. К счастью, надзирателей с соседнего участка, которые не имели трансляторов и вынуждены были отстреливаться от медуз, удалось застать врасплох: они приняли звуки перестрелки за подавление недовольных или схватку с медузами.

— Это вам за Золтана, курвы! — не сдерживался Ласло, сбрасывая слабо трепыхавшееся тело надзирателя в отвал, где

копошились медузы.

Зато на другом участке охранники и заключенные выступили против тварей пустоши единым фронтом. Транслятор, мощность которого они хотели распределить таким образом, чтобы хватило на всех, у них, увы, заклинил, поэтому они тоже отстреливались. В это время несколько десятков наиболее крепких и отчаянных узников отражали атаки медуз отбойными молотками.

При всей своей бесформенности твари пустоши все-таки имели плоть, которая регенерировала отнюдь не мгновенно. Другое дело, что скорость их реакции в разы превосходила человеческую, поэтому помощь пришлась очень кстати. Несколько бойцов после освобождения с радостью сменили отбойники на скорчеры. Тем более, из трех соседних штреков доносились выстрелы, крики о помощи и звуки борьбы.

Здесь охрана встретила группу Брендана во всеоружии, тем более спасателям пришлось разделиться, чтобы покрыть сигналом наибольшую площадь: в одном из тоннелей от стрекал медуз погибли не менее двух десятков узников. Другое дело, что, завидев подмогу, заключенные сами набрасывались на своих мучителей и рвали их на части, не обращая внимание на боль от разрядов тока.

— Да куда они лезут? — ругался один из бойцов, который несколько раз промазал, пытаясь не задеть узников, и в результате едва не получил разряд плазмы в грудь. Конечно, горняки добавили к шахтерским костюмам экзожилеты убитых охранников, но те полноценно защищали только от пуль.

— Ну что там? Успели? — переживала Габи, которая только закончила вводить коды на предыдущем участке и торопилась на следующий.

Глядя на груды ошейников и все увеличивающуюся толпу заключенных, Брендан только диву давался, какие колоссальные ресурсы тратились на содержание аппарата принуждения. Впрочем, Нарайан и члены совета, видимо, продолжали думать, что рабский труд — это выгодно.

— Срочно нужен Гип с аптечкой, тут есть пострадавшие, — позвали из соседнего тоннеля.

Брендан вновь сменил скорчер на медицинские инструменты: двоих ребят из их группы и нескольких заключенных слегка задело разрядами из импульсников, еще четверо пострадали от ударов током различного происхождения.

— Спасите моего сына, я знаю, он еще жив! — причитал какой-то пленник, скорчившись в грязи над безвольно обмякшим телом совсем молодого парня, почти что подростка.

После близкого знакомства со стрекалами медуз мало кому

удавалось выжить. Заряд тока вызывал фатальный сбой сердечного ритма. Впрочем, поскольку юноша встретился с обитателями пустоши не более пары минут назад, а отец, получивший паралич руки, частично его прикрыл, Брендан решил попробовать. Разница между убийцей и реаниматологом в том, что первый делает выстрел и убегает, а второй качает до последнего.

— Зачем тратить время? — изнывал от нетерпения Ласло, наблюдая, как «Гип» (большинство рудокопов знали Брендана по прозвищу на арене) надавливает на грудь пострадавшего, пытаясь запустить сердце.

На этот раз повезло. Родившийся заново юноша потом уверял, что видел за спиной у Брендана крылья.

Он сам помнил лишь о том, что надо торопиться: хотя они в каждом штреке честно расстреливали камеры, служба безопасности наверняка уже знала об их операции. Возле подъемника, конечно, шел бой, и охотники несли потери, но каратели могли проникнуть на рудник и со стороны пустоши. Вот только двигаться так быстро, как хотелось, не позволяли заключенные, многие из которых уже не имели сил передвигать ноги и не верили в свое освобождение.

— Почему мы идем куда-то вниз? Вы сняли с нас ошейники, чтобы вывести на пустошь и отдать на растерзание медузам?

— Просто там тоже есть люди, и они ждут нашей помощи, — терпеливо объясняла Габи, методично подбирая коды, хотя, как и Ласло с Самирой и Бренданом, не находила себе места в тревоге за мужа.

— Но мы могли бы подняться к жилым уровням сами, — уже менее уверенно предложил кто-то из недовольных.

Брендану пришлось скрепя сердце и взяв слово, что они не бросят раненых, отрядить с ними еще троих провожатых со скорчерами и отдать два транслятора. Он чувствовал себя забытым людьми Прометеем или героем другой легенды, который поджег свое сердце, чтобы вывести неблагодарных сородичей из тьмы. Пока он тут возился, освобождая незнакомцев, не будучи уверенным, что среди них нет настоящих преступников, ребята с «Павла Корзуна», Эркюль и остальные могли просто не выстоять.

Хотя нашествие медуз на нижнем руднике еще не приобрело масштабов катастрофы, Брендан никогда не забывал, что даже доли процентов — это чьи-то трагически оборвавшиеся жизни. Впрочем, гибели от жвал медуз, как и заключения в таких нечеловеческих условиях, не заслуживал никто. Тем более что главные преступники заседали в городском совете.

И тут, словно угадав его мысли, на плечо к Брендану

взобрался саймири.

— Это что за кикимора? — удивился Ласло.

— Да это же мартышка! Откуда? — с почти детским восторгом ойкнула Самира.

Брендан, не тратя время на объяснения, потянулся к ошейнику зверька. Его мрачные опасения оправдались. Эркюль сообщал, что на руднике полно медуз, и просил не поминать их всех лихом и позаботиться об оставшихся на «Нагльфаре» питомцах. Уж если неунывающий Обезьяний бог впал в уныние, дела у него и остальных обстояли действительно плохо. Брендан сорвался с места, даже забыв, что у него нет транслятора. Впрочем, дорогу на участок к друзьям он бы проложил и с помощью одного скорчера. Он несся вперед с такой скоростью, будто у него и вправду за спиной раскрылись могучие крылья. Ласло и Габи с Самирой мчались следом, почти не отставая. Трое бойцов со скорчерами остались с напуганными заключенными, из которых далеко не всех освободили от ошейников.

Еще издали Брендан услышал отчаянный грохот отбойников, раскатистый бас Шаки и забористые ругательства Прокопия и Цветана. Эркюля озвучивали мартышки, чье пронзительное верещание не мог заглушить спецкостюм. Зигфрид тоже что-то отвечал и вертелся на плече. Поскольку Брендан вырвался вперед еще до того, как медузы отступили, он успел разглядеть картину, достойную предстать в мраморе или бронзе.

На барсов, контрабандистов и их товарищей ополчилась не небольшая колония, а целый легион медуз, наползавших из тоннелей клочьями концентрированной тьмы, обрывками антивещества, аннигилирующего все на своем пути. При этом, несмотря на отчаянное положение, узники сдаваться не собирались, терзая незваных пришельцев зубилами или засыпая их кусками отколотой породы. Вокруг Шаки и Прокопия, поднимая горы пыли, закручивался настоящий каменный смерч, не позволявший медузам приблизиться. Цветан, Эркюль и еще один из узников, кажется, муж Габи сумели одолеть охранников и завладеть их скорчерами. Транслятор Эркюль, не разобравшись, повредил во время потасовки.

— Врете, не возьмете! — во всю глотку орал Шака. — Не родилась еще такая тварь, чтобы сожрала квартирмейстера с «Нагльфара».

— Если ты дашься каким-то простейшим на жаркое, наш кэп специально призовет тебя с того света, чтобы башку открутить, — подбадривал товарища Эркюль.

— Братцы, у меня аккумулятор садится, и запасного нет, — переживал Цветан, не замечая, что медузы под действием

транслятора начинают отступать.

— Эх, можно было бы присоединить к отбойникам блоки питания от этих гребаных ошейников, мы бы еще повеселились.

— Веселье только начинается, — пообещал Брендан, передавая всем приветы от Ящера, Пэгги и Синеглаза.

В это время Самира и Габи уже обнимали своих мужей.

— Вундеркинд! Дружище! — радостно возопил Эркюль, опуская отбойник и водружая на плечо саймири. — Я же говорил, что Зигфрид подмогу приведет. Так и получилось.

— Похоже, твой хвостатый умеет открывать порталы, — с явным облегчением покачал головой Цветан.

— Кошак тоже у вас? — уточнил Шака.

— И капитан скоро будет, — сообщил последние новости Брендан, освобождая друзей и других заключенных от ошейников.

— Тогда точно скучать не придется, — покачал головой Цветан, ощупывая натертую шею.

— Лишь бы от такой вечеринки на воздух не взлететь, — заметил Прокопий, приветствуя знакомых шахтеров. — Какую еще пакость наш полоумный профессор придумает?

И тут загудела сирена и включилось оповещение: «Всем покинуть рудник. Начинается аварийный сброс серной кислоты».

Глава 32. Баррикады и «Барракуды»

Когда Брендан перед походом на рудник поручил Ндиди присмотреть за «хвостатым пострелом», Синеглаз даже не обиделся. Спасибо, хоть не за «сыном цареубийцы». К тому, что взрослые считают долгом контролировать каждый его шаг, он привык еще во дворце Владык, где слуги и царедворцы в надежде выслужиться исправно шпионили за ним и докладывали обо всем отцу. Наивные глупцы, они не подозревали, что князь Ниак и сам, если хотел, мог в любом месте своей земли наследника разыскать.

Другое дело, что такое желание возникало у правителя Сольсурана крайне редко, а после прихода к власти он и просто обычно закрывал мысли, опасаясь посвящать княжича в свои грязные дела. Правильно опасался. Если бы Синеглаз раньше узнал о заговоре, царь Афру и царица Серебряная остались бы живы. Отец и так смотрел на него с подозрением, размышляя о таинственном спасении маленькой царевны. Но княжич уже в те годы схватывал все на лету и мало того что умел скрыть от отца свои истинные намерения, так еще это делал таким образом, чтобы он ничего не заподозрил.

В треугольнике Эхо этот навык пригодился в общении со службой безопасности и профессором Нарайаном, хотя глава научного отдела ему все равно не поверил. То ли лучше разбирался в людях, то ли заинтересовался им больше, чем отец.

В коридорах нижних уровней от княжича требовались совсем иные умения, и здесь лучше всего спасали инстинкты горного кота и навыки выслеживания добычи в травяном лесу.

— Все, кто без брони, — назад! Охотники стреляют боевыми!

Этот короткий приказ, молниеносно пролетев над всем уровнем, разросся в многоголосый негодующий вопль, в котором проклятья в адрес преступного руководства и его поганых прихвостней смешались с возгласами негодования и призывами к борьбе. Впрочем, поверили не все и не сразу.

В освещаемых вспышками выстрелов коридорах поначалу неслось недоверчивое:

— Они не посмеют!

— Не будут же они стрелять на поражение в живых людей!

Рудокопы, словно малые дети, повинуясь не рассуждающей защитной логике, до последнего цеплялись за привычный мир, в котором охотники, если и не отстаивали интересы простых горожан, то хотя бы поддерживали видимость порядка. Княжич видел на изможденных, усталых лицах растерянность и обиду,

подобную той, которая навсегда застыла в чертах царя Афру и царицы Серебряной. Именно поэтому ему хотелось не говорить, а просто кричать, что они уже посмели не только стрелять, но и натравливать на безоружных людей медуз. Но из глотки роу-су вырывалось лишь гневное рычание и утробный клекот, который некоторые рудокопы сначала принимали за гудение генератора, а потом пугались, вместо привычного железа и пластика наткнувшись на мохнатый бок.

Впрочем, поверить в то, что профессор Нарайан с одобрения городского совета перешел все допустимые грани, горнякам пришлось еще до того, как Брендан и его товарищи добрались до рудника. Первые пули нашли свои жертвы, и повисший в воздухе запах крови рассказал о планах руководства куда больше всех манифестов и обличительных репортажей.

— Не лезь зазря под пули, ветеринаров поблизости нет! — еще в убежище наставлял княжича Шварценберг, и Синеглаз послушно кивал головой и поднимал острые уши внимательно-почтительными домиками, надеясь, что кэп не заметит, как нервно дергается увенчанный кисточкой хвост.

Княжич уже предчувствовал: на уровне скоро будет жарко, только лапы успевай беречь, чтобы не отдавили или не обожгли. Остальные части тела как-нибудь сами о себе позаботятся.

К счастью, кэп никогда не вдавался в подробности повадок горного кота, да и сам слишком торопился, намереваясь возглавить операцию то ли спасения, то ли возмездия. Все зависело лишь от того, успеет ли Пабло Гарсиа обезвредить вирус и взять генераторы защитного поля под контроль, прежде чем город захватят медузы. Как они собирались прорываться на единственном танке через все заставы и патрули, княжич даже не пытался представить. Впрочем, старый пират временами проворачивал и более дерзкие авантюры. То-то Брендан, невзначай услышав его гневные окрики, до сих пор пригибался, видимо, вспоминая полтора месяца в плену. А ведь заподозрить молодого врача в трусости не посмел бы даже самый завзятый клеветник.

Как же Синеглазу хотелось пробираться сейчас вместе с ним по тоннелям, предупреждая спасателей о приближении медуз, и рвать глотки надсмотрщикам, стрелявшим в беззащитных заключенных! Впрочем, глоток, в которые хотелось вцепиться, хватало и на подступах к подъемнику, а молниеносная реакция роу-су прекрасно спасала, уводя от пуль. Ндиди и его соседи-горняки, сражавшиеся рядом, тоже достаточно быстро смекнули, что если кошак резко припадает на брюхо, то лучше тоже пригнуться, целее останутся.

— Вон как частят! Лупят очередями! И патронов им не жалко! — ворчал один из бойцов, глядя на дымящуюся обшивку в пяди от головы.

— Скажи спасибо, что не поливают плазмой, — отзывался другой, прицеливаясь из укрытия.

Рудокопы экономили боекомплект, поэтому старались, чтобы каждый выстрел находил цель.

Синеглаз подумал, что оружие вестников при всей его огневой мощи имеет существенный недостаток, в отсутствие патронов и сменных аккумуляторов превращаясь в бесполезный хлам. Да и пули, не говоря уже о пучках плазмы, даже если не находили цель, все равно для повторного использования не годились. В отличие от тех же стрел, которые пускали в ход, пока целы наконечник и древко. Не говоря уже о камнях для требушетов и пращей. Здесь, впрочем, тоже нашлись пращники, в отсутствие камней метавшие в противника запчасти от испорченных механизмов и самодельные гранаты. К сожалению, охотников чаще всего спасали энергетические щиты или экзоскелеты.

Среди рудокопов нормальную броню имели только единицы. Поэтому приходилось тратить драгоценные аккумуляторы на поддержание силового поля. Или укрываться за наспех собранными изо всякого хлама баррикадами, не выдерживавшими сравнение не только с земляными валами и стенами сольсуранских городов, но и с укреплениями кочевий варраров.

Впрочем, Синеглазу, пока шла перестрелка, выбирать не приходилось. Шварценберг мог сколько угодно зубоскалить по поводу хвоста и ушей, а от брони княжич сейчас бы не оказался. Тем более Эркюль рассказывал, что на планетах Альянса концерны по производству андроидов в пику корпорации «Панна Моти» с ее бесчеловечной программой «Универсальный солдат» пытались создать разумных химер, у которых искусственный интеллект помещали в тела тигроидов или других созданных людьми хищников. Проект, впрочем, не нашел одобрения, но экзоскелеты для мартышек Эркюль сумел в одной из лабораторий добыть.

При мысли об Обезьяньем боге и его товарищах у Синеглаза предательски сжалось сердце: если медузы доберутся до них раньше Брендана, смогут ли они выстоять? Впрочем, на бесполезные переживания времени не хватало. Для того, чтобы кого-то вывести с рудника, требовалось сначала отвоевать подъемник, а это представлялось задачей почти невыполнимой.

— Пока у них работает генератор защитного поля, нам не

пройти, — объяснял ситуацию один из вожаков, участник боевых действий на Ванкувере.

— Нам бы сюда хорошего оператора хотя бы одного, — с тоской протянул Йохан Дален, видимо, вспоминая годы на борту патрульного корабля, когда от искусства мастера кодировки и взлома зависела жизнь экипажа и безопасность полета. — Или хотя бы эту горячую штучку, которая убежала к принцессе.

— На взлом системы даже с предварительной подготовкой требуется не менее суток, — вздохнул Шаман. — И по межсети с борта «Эсперансы» она не управляется.

— Можно попробовать пробраться на позицию охотников и вручную вывести генератор из строя, — предложил Ндиди.

На него глянули как на сумасшедшего.

— Вот сразу видно, парень, что ты мало того что штатский, так еще и пороху не нюхал, — снисходительно глянул на него боец с Ванкувера. — Это же система «Барракуда», которая превращает в гриль каждого, кто попробует приблизиться.

— И поэтому мы должны сразу сдаться, даже не предприняв попытки загнать эту хищницу в сеть? — обиделся Ндиди. — У нас нет времени на позиционную войну!

Синеглаз, который за последние недели успел неплохо изучить характер избранника принцессы, мог лишь поражаться происходящей с ним перемене. Во время поединков на арене, которые княжич видел не только глазами Савитри, но и несколько раз наблюдал по портативному головизору у одноклассников в лицее, Ндиди вел себя как опытный, но сломленный жизнью боец. Хотя княжич прекрасно понимал, что за этой покорностью стоит немалое мужество. Ндиди ежедневно поддавался, позволяя превратить свое тело в боксерскую грушу, лишь ради того, чтобы племянника не забрали органы опеки, а сестру не продали в бордель. Не просто так его имя переводилось как Терпение.

Сейчас же он словно сбросил невидимые оковы, пытаясь отомстить охотникам за все годы унижений и сражаясь с таким упорством, будто каждая пядь, отвоеванная на пути к злополучному подъемнику, приближала его к принцессе Савитри. И если во время перестрелок он еще хоть как-то, кажется, чисто инстинктивно, использовал укрытия, то, как только дело доходило до рукопашной, превращался в настоящего безумца, подобно воинам травяных лесов, одержимым одним из духов-прародителей. В сравнении с его напором меркла даже звериная ярость роу-су.

— Да что же он делает! — только стонала бедная Савитри, которая из своей золотой клетки наблюдала за возлюбленным. —

Напомни ему, что у него нет в запасе девяти жизней. Да и у тебя тоже.

Синеглаз только усами повел. Напомни ему. Интересно — как? Начертить когтем на обшивке? И вообще, кому тут за кем поручили присматривать? Бедная Эйо, которая не только все видела, но и могла из убежища выйти на связь, даже не пыталась урезонить брата и лишь молча монтировала голограммы, переживая еще и за Брендана, который как раз добрался до нижнего рудника.

Княжич понимал тревогу Рукодельницы и махарани и разделял опасения боевых товарищей. Разумнее всего было бы дождаться Пабло Гарсиа или хотя бы Пэгги, которая благополучно обменялась информацией с принцессой и, проведя разведку, собиралась возвращаться. Однако горняки, заблокированные в шахте, ждать не могли. Да и протестующие прекрасно понимали: если охотники получат подкрепление, их выступление просто бесславно закончится, захлебнувшись в крови.

Рудокопы, конечно, отбили атаку, не позволив еще одной группировке прорваться на комбинат. А мародеров Хайнца, намеревавшихся пощипать честных торговцев и пожамкать горняцких женок, и вовсе рассеяли и частично разоружили. Но все понимали, что это временный перевес. Служба безопасности по-настоящему еще не разворачивала боевых действий, а только проводила разведку боем, поэтому именно сейчас требовалось воспользоваться временным перевесом и попробовать прорваться на комбинат.

— Ндиди прав, — поддержал молодого бойца Маркус Левенталь. — Если хотите добиться успеха, надо максимально использовать преимущество внезапности, которое у вас пока есть, и задействовать скрытые и неожиданные резервы.

— Но как обойти генераторы? — не сдавался ветеран Ванкувера.

Синеглаз понял намек и негромко зарычал, пытаясь обратить на себя внимание. Он, конечно, не знал, какая система охраняла покои царицы Серебряной. Но энергетические щиты изолятора и приюта он как-то обманул. Об этой способности гардемарина вовремя вспомнил Таран, который и подал идею конструктору.

— Использовать кошака? — не поверил ветеран Ванкувера, услышав озвученный Маркусом Левенталем совет. — Да вы сдурели!

— Сдурели, не сдурели, а его отец к власти и пришел, именно просочившись в облике тотемного предка через защитное поле, — подтвердил здравость безумной мысли Таран.

И вот уже Синеглаз, Ндиди и недоверчивый ветеран Ванкувера, которого звали Кевином, пробирались по грязным полутемным коридорам уровня мутантов, откуда тоже был выход к позициям охотников. Чтобы не очень светиться, Ндиди и Кевин поверх экзоскелетов накинули какое-то пестрое тряпье, позаимствованное в разгромленном заведении Хайнца, а Синеглаз старательно топорщил уши, неуклюже закидывал лапы и вообще всеми силами старался сойти в полутьме за крупную собаку, которые на этом уровне гуляли без присмотра, точно домашние мурлакотамы и козерги в его родном Царском граде.

Хотя возле выхода к руднику охотники поставили блокпост, охраняли его вполглаза. В основном следили, чтобы кто-то из подгулявших или обкуренных обитателей уровня невзначай не поджарился, со всей дури влетев в защитное поле. Атаки рудокопов с этой стороны точно не ждали.

Труся иноходью между Кевином и Ндиди, перебираясь из полутьмы в тень, Синеглаз невольно поражался, как беспечно и даже расслабленно ведут себя обитатели этого уровня. Несмотря на поздний час, многие продолжали сидеть в забегаловках. Тянули местную вонючую брагу, лапали девок, кидали кости, перетирали о том, что выступление апсарской танцовщицы влетело Хайнцу в копеечку, и поминутно делали ставки, насколько быстро охотникам на этот раз удастся скрутить в бараний рог «зарвавшихся уродов». О приказе профессора Нарайана отключить генераторы защитного поля и пустить в город медуз никто тут слыхом не слыхивал.

— Эй, мужики, прикурить не найдется? — вразвалочку приблизился к ближайшему из часовых Кевин, выставив вперед курительную палочку и спрятав под полой парализатор.

Трудно сказать, в каких войсках он прежде служил, но часового он обезвредил достаточно быстро. Ндиди удушающим приемом справился со вторым.

— Ну, давай, кошак, покажи, каким таким шаманством ты владеешь. Только шкуру не подпали.

Синеглаз не заставил себя долго упрашивать. Хотя система «Барракуда» и выглядела устрашающе, для древней сущности асура она на стала преградой. Интересно, а профессор Нарайан тоже может проходить сквозь защитные поля? Впрочем, асуры Альянса, заключая династические браки с людьми, в большинстве своем утратили способность принимать облик тотема.

Хотя проверять систему второй раз Синеглазу не очень хотелось, следовало как-то провести через нее Ндиди и Кевина, без помощи которых он сейчас все равно не смог бы справиться с генератором. Ндиди спокойно взял княжича за загривок и

бестрепетно шагнул сквозь огненное кольцо, а Кевин, конечно, нервничал, причем настолько сильно, что сущности роу-су очень хотелось его укусить.

— Проходческий бур мне в задницу! — выплеснул накопившееся напряжение Кевин. — Как ты это, хвостатый, делаешь?

Синеглаз неопределенно кивнул. Даже если бы он мог сейчас изъясняться с помощью человеческой речи, все равно ничего не сумел бы растолковать. Природу их взаимодействия с изобретениями вестников не понимал даже отец. Что, впрочем, не помешало ему использовать древний дар для своих целей.

— Нет времени на рассуждения, — торопил Ндиди, осторожно оглядывая полутемный и обманчиво пустой коридор.

Конечно, специалисты, отвечавшие за работу генератора, не могли засечь их проникновение, да и камеры на этом участке находились под контролем операторов «Эсперансы», заблаговременно заменивших картинку зеркалом. Но Ндиди и Кевин не имели идентификационных номеров системы опознания, да и отсутствие связи с блокпостом не могло не насторожить. К счастью, охотники сейчас были слишком заняты, отражая очередную атаку рудокопов, ободренных новостями о том, что диверсионная группа первую часть своей миссии выполнила. Синеглаз слышал звуки выстрелов, боевые возгласы, стоны раненых. В затхлый, провонявший прогорклым маслом, пищевыми добавками, лекарствами и дурью коридор уровня мутантов медленно просачивался ядовитый дым. Ноздри роу-су будоражили запах крови и тяжелый дух человеческих нечистот.

— Ну что, кошак, ты готов? — серьезно посмотрел на княжича Кевин, а потом не удержался — потрепал по шелковистому загривку и почесал за ушком.

Хотя сущности роу-су захотелось разлечься посреди коридора и громко замурлыкать, Синеглаз таких глупостей ей не позволил. Даже служебные собаки вестников на выполнении задания вели себя почти как разумные существа. Он подобрался, принюхался, прощупывая усами воздух и ловя чуткими ушами каждый звук, потом в один прыжок пересек полосу света и нырнул во тьму.

Ндиди и Кевин последовали за ним, проверяя автоматы и готовясь развернуть макромолекулярные клинки, на которые княжич поглядывал с легкой завистью. Его когти соскальзывали с брони охотников, а при попытке попробовать высокопрочное соединение на зуб он едва не лишился одного из клыков. Оставалось сбивать противника с ног и нападать на тех, кто имел только экзожилеты.

Сейчас от него требовалось посеять в рядах охотников хаос и

по возможности еще больше сбить волновую локацию, давая Ндиди с Кевином незаметно подобраться к генераторам. И княжич с задачей успешно справился. Уже через несколько мгновений по позициям охотников разнеслись крики боли и ужаса, которые покрывали негодующие возгласы и крепчайшая брань. Пару-тройку особенно заковыристых выражений княжич даже взял себе на заметку. Впрочем, чаще он слышал банальное:

— Уберите эту тварь!

— Кто-нибудь, пристрелите уже наконец этого мохнатого ублюдка!

— Так я вам и дамся! — оскалив окровавленные клыки, сердито фыркнул княжич, стремительно уходя с линии огня и вновь отыскивая жертву в толпе с таким расчетом, чтобы неизменно находиться под прикрытием чьей-то брони.

Все это время княжич, видевший в полутьме гораздо лучше и дальше людей, краем глаза наблюдал, как Ндиди и Кевин, прикрывая друг друга, короткими перебежками передвигаясь от укрытия к укрытию, обходят генератор с тыла. Синеглаз успел сбить с ног охотника, который тоже заметил диверсантов и собирался поднять тревогу, перекусил руку другого, прицелившегося Кевину в грудь…

И в этот момент что-то колючее и холодное чиркнуло его по плечу, правая сторона утратила подвижность, он поскользнулся и покатился кубарем под ноги охотников, понимая, что следующий выстрел его или вырубит, или просто отправит в надзвездные чертоги Великого Се. Конечно, все звенья цепи жизни давно выкованы Небесным кузнецом, но как-то очень не хотелось, чтобы она прерывалась здесь и сейчас.

Но ничего такого не произошло. Краем меркнущего сознания Синеглаз увидел Ндиди, который, словно дух Ветра или Огня, обрушился на обслугу генератора, одним движением раскидав не менее полудюжины. Да что он дурака-то валял на арене? Бесчестный Хайнц в своем стремлении не упустить выгоду и угодить мутантам столько лет без толку гнобил прирожденного чемпиона. Впрочем, возможно, Ндиди только сегодня по-настоящему испытал волю к борьбе. Ведь он сражался не за меновые кольца или еще менее осязаемые кредитки, а защищал город и выплескивал боль от разлуки с принцессой Савитри.

В легендах травяного леса, преданиях Альянса и сказаниях вестников богатыри, разлученные с возлюбленными, голыми руками рвали пасти опасным хищникам и сокрушали целые воинства. А Ндиди всего лишь помог Кевину добраться до генератора и превратить систему «Барракуда» в груду хлама, более бесполезного, нежели несъедобная рыба, давшая ей свое

название.

Незримый, но смертоносный щит пал, и шахтеры обрушились на охотников с неукротимостью пожара в травяном лесу или могучей реки, рвущей плотины после снежной зимы. Синеглаз, который пока чувствовал себя наполовину вмерзшей в лед рыбешкой или ящеркой, едва успел отползти в сторону, чтобы не сгинуть под ногами сражающихся. Впрочем, он был благодарен охотникам за то, что те все-таки стреляли в него парализующими. Видимо, хотели взять живьем и сдать в какой-нибудь питомник на верхних уровнях.

— Ты цел, малыш? — за шкирку оттаскивая его вглубь коридора, склонились над ним Ндиди и Кевин. — Ну и задал ты этим мутантским выродкам жару!

Синеглаз хотел выразить напарникам свое восхищение и объяснить, что у него все нормально и скоро все пройдет, но получилось только негромко мурлыкнуть.

Пытаясь при помощи языка вернуть половине тела подвижность, он наблюдал, как охотники, покинув площадку возле подъемника, отступают вглубь комбината. Впрочем, занять новую позицию им все равно не позволили, поскольку в тыл ударили горняки и освобожденные Бренданом пленники, которых Маркус Левенталь провел по тоннелям коллектора.

— Сдавайтесь! — потребовали вожаки рабочих.

Охотники попытались огрызнуться, но им доходчиво объяснили, что шансов у них нет, заодно посоветовав поберечь боеприпасы для рвущихся снизу медуз.

— Вы собираетесь сохранить жизнь этим ублюдкам, запустившим в город тварей пустоши?! — негодовал кто-то из освобожденных, пока Мубарек, Тонино и другие предводители восставших защищали уже обезоруженных стражей порядка, пытались не допустить самосуд.

Замордованные почти до потери человеческого облика узники нижнего рудника в своей ярости напоминали потревоженных выходцев из нави, которые в мире людей не могут насытить терзающий их голод и жаждут крови.

— Они всего лишь исполнители, — вместе с товарищами увещевал бывших пленников Ндиди. — Основное зло засело в городском совете.

И это зло, не ко времени помянутое, словно в насмешку, дало о себе знать. Когда прозвучал сигнал о сбросе на рудник серной кислоты, запаниковали даже охотники. Внизу сейчас находились их знакомые и коллеги. Синеглаз услышал, как закричала от ужаса принцесса Савитри. Эйо пыталась дозваться до Брендана и требовала у брата, чтобы тот сделал что-нибудь.

Хотя княжич не очень разбирался в сложных технологиях вестников, он знал, что обогащение руды в городе под куполом ведется методом выщелачивания. Обычно отработанные ядовитые химикаты утилизировались где-то на пустоши вместе с урановыми и тритиевыми хвостами. Однако на случай непредвиденных ситуаций вроде отказа генераторов защитного поля и нашествия медуз был предусмотрен аварийный сброс. Тем более что в ряде случаев концентрированную серную кислоту заливали прямиком в труднодоступные штреки и штольни, вымывая из породы ценные элементы. Этот протокол сейчас и запустил безжалостный профессор Нарайан, когда понял, что бунтовщикам каким-то образом удалось добыть коды от магнитных ошейников и освободить узников нижнего рудника.

— Мы можем как-нибудь ему помешать? — одним из первых вышел из оцепенения Ндиди. — Зачем мы отвоевывали этот подъемник, если все равно не сможем вывести из шахты людей!

— Обыфная практика змеенофцеф! — негодовал в убежище Ящер, вспоминая невероятную операцию по спасению смертников с фабрики «Панна Моти» на Раване.

В надежде скрыть свои преступления дельцы корпорации, в совет директоров которой входил и Шатругна Нарайан, намеревались умертвить и без того обреченных на медленную смерть узников, заживо растворив их в серной кислоте, и только самоотверженность Маргариты Усольцевой и умение Пабло Гарсиа даже в полубессознательном состоянии взламывать любые коды помешали осуществлению циничного замысла.

Сейчас Маргарита Усольцева жила вместе с мужем и сыном на далекой Сербелиане, а Пабло Гарсиа, склонившись над пультом приемника в безуспешных попытках дотянуться до городской сети, лишь с тоской отмерял оставшиеся километры, пока танк на пределе своих возможностей, словно разъяренный зенебок, петлял по горному серпантину перевала Большого кольца.

— Для запуска системы требуется не менее часа, — растерянно прикидывал Тонино. — Но примерно столько же надо на отмену.

— И это если не учитывать время, которое требуется, чтобы добраться до пультов аварийной системы, — добавил Йохан Дален.

— Мы постараемся задержать начало сброса, — подали голос Кудесник и Шаман, — Пабло нам на такой случай оставил кое-какие заготовки.

— Но кто в таком случае войдет в систему? — с горечью проговорил Маркус Левенталь. — Протокол отмены можно

запустить только из операторской комбината или с расстояния покрытия локальной сети, которая тоже автономна от городской.

— Мой процессор, думаю, справится с такой задачей, — разрезав толпу, неожиданно протиснулась вперед Пэгги. — Надеюсь, там нет вредоносных программ? Вы что же, решили, что если я всю вечеринку пропустила, то останусь в стороне, когда тут раздают праздничный торт с кремом и вишенками?

Похоже, в период своей службы на Сансаре она видела не только джунгли с повстанцами и вонючие казармы. Она уже успела наведаться в убежище, скинула записи, узнала последние новости и теперь буквально рвалась на комбинат, раз уж повеселиться, откручивая головы охотникам, не получилось. Тем более она пообещала Эйо, что сделает все от нее зависящее, чтобы Брендан и его спутники уцелели.

— Нет, малыш, тебе придется остаться, у нас с тобой сейчас четыре пригодных для ходьбы конечности на двоих, — увещевал Синеглаза Йохан Дален, провожая группу спасателей, куда помимо Пэгги вошли Ндиди, Тонино, Кевин, Мубарек и еще несколько добровольцев.

Синеглаз и сам понимал, что после жаркой схватки и попадания из парализатора ему лучше вернуться на облюбованный коврик в убежище. Только бы дети не затискали. Впрочем, большинство малышей уже давно спали на кроватях и топчанах, занимавших уходившие на несколько уровней вверх мезонины и антресоли. А ребята постарше, которых не взяли на баррикады, помогали взрослым ухаживать за ранеными, которых после недавней атаки оказалось гораздо больше, чем хотелось бы. Йохан Дален едва успевал заживлять раны и останавливать кровь, оставляя извлечение пуль и закрытые переломы на потом, благо эти травмы могли хотя бы пару часов подождать.

Эйо, несмотря на все переживания, почти закончила монтаж и теперь, периодически отыскивая на мониторе фигуру брата, обсуждала с Маркусом Левенталем текст передачи, которую планировали провести уже завтра во время заседания городского совета. Впрочем, обо всех перемещениях дяди Ндиди и дяди Брендана ей поминутно докладывал Камо, который, вместо того чтобы спать, только тер кулачками глаза, вместе с Камиллой прилипнув к голографическому монитору.

Хотя глаза Синеглаза тоже слипались, а голова отяжелела так, как после пира по случаю приема Синтрамундских послов, когда он украдкой от отца выпил целый кубок крепкого меда, он с разрешения Эйо запрыгнул на постель и устроился между ее сыном и Камиллой, свернувшись пирожком и выставив вперед травмированную лапу.

— А ты точно не ранен, Глаша? — переживала Камилла, осторожно массируя его поврежденное плечо.

Синеглаз все-таки прикрыл глаза и тихонечко замурлыкал.

— Я так перепугалась, когда охотники попали в тебя.

— Да он настоящий герой, — решительно проговорил Камо. — И мой дядя Ндиди с дядей Бренданом тоже.

Они сейчас наблюдали, как Ндиди и его спутники, ведомые Тонино и Пэгги, которая, как и положено боевому андроиду, обгоняла отряд, производя разведку, бежали по тоннелям с такой стремительностью, будто хотели выиграть ежегодное состязание в честь Духов Прародителей. В это время Брендан, следуя указаниям Маркуса Левенталя и бывалых горняков, вел освобожденных узников по ответвлениям старых штреков, находящимся в стороне от движения ядовитого потока. Прокопий, Цветан и Шака с Эркюлем ему помогали.

Синеглаз, конечно, не мог не радоваться, что его товарищи из команды «Нагльфара» не только устояли в схватке с медузами, но и сохранили боеспособность, однако он видел, что большинство узников с трудом передвигали ноги, так что Брендан мог просто не успеть.

— Ты не имеешь права погибнуть! Я люблю тебя! — не могла уже сдержать рыдание Эйо, у которой сейчас весь мир сузился до черного зева тоннеля.

— Вот сама мне об этом и скажешь при встрече, — отшучивался в ответ Брендан, не зная, кого из освобожденных подталкивать, кого уже просто нести на руках.

Сам он вместе с Эркюлем и горняками, которые несли трансляторы, шел замыкающим.

Савитри, княжич это точно знал, тоже хотела бы рассказать Ндиди о своей любви. Но она пока оставалась узницей в роскошных покоях, вместе с Синеглазом наблюдая за действиями спасателей, которые сейчас пробирались ползком по узенькой жердочке над пока еще полными емкостями с концентрированной серной кислотой.

— Если отсюда навернуться, то и надгробной плиты не понадобится, — мрачно заметил Кевин, не без зависти глядя на ладную фигурку Пэгги, непринужденно балансировавшей над ядовитой купелью.

— Невольно позавидуешь крысам, паукам или воронам, — ворчал Мубарек, которому сегодня уже один раз пришлось преодолевать полосу препятствий на старом руднике.

— Если сейчас все получится, я готов в следующих рождениях побывать по очереди пауком, крысой и вороной, — взмолился неведомым высшим силам Ндиди, которому принцесса

Савитри рассказала о реинкарнации.

— Мы возродимся с тобой в едином лотосе, мой лев, — с тоской подумала махарани. — Только останься в живых.

Помимо риска сверзиться в емкость с кислотой или разорвать сердце и легкие во время суматошного бега после полного событиями тяжелого дня, Ндиди и его товарищам приходилось преодолевать препятствия в виде запертых дверей и патрулей службы безопасности. Операторская комбината располагалась в головном офисе горнодобывающей компании, поэтому те участки, которые нельзя было преодолеть по техническим коридорам, оставалось брать штурмом.

Конечно, Ндиди и остальным хватало сейчас боевого запала и злости, чтобы каждый вставший у них на пути немедленно пожалел от этом. Только Пэгги в одиночку стоила целого взвода вместе с пушками и дронами. Не говоря уже о Ндиди и остальных. Однако каждая стычка с охраной, каждый мудреный замок отнимали драгоценное время, а протокол аварийного сброса, несмотря на все усилия Кудесника и Шамана, уже начал отсчет времени.

Брендан и Шака с Эркюлем уже не пытались подгонять заключенных, которые брели все обреченнее и медленнее. И бедный Пабло выводил и снова сворачивал окна программы взлома, почти с ненавистью глядя на ни в чем не повинные передатчик с маршрутизатором и поминутно расспрашивая Кристин о последних новостях. Основное внимание всех наблюдателей сейчас занимали товарищи Ндиди, которые с боем рвались к пульту управления аварийным сбросом, пока Пэгги пыталась подключиться к локальной сети, не забывая отстреливаться.

— Да что это за коды такие дебильные, — возмущалась она, встречая отчаянное сопротивление системы. — Что здесь, что на «Эсперансе». Не сильфидцы же их писали.

— Да я эти коды писал, и я их взламывал, — с гребня перевала Большого кольца отозвался Пабло.

Он развернул окно каталога программ, отыскивая нужный код. Но что толку? Он же не имел связи с Пэгги. Синеглаз зарычал от бессилия: ах, если бы он мог сейчас говорить! Потом посмотрел на свои когтистые лапы, которые неплохо послужили ему в схватке. Конечно, это не совсем удобно, но, если постараться и увеличить виртуальную клавиатуру, нужные значки он сумеет набрать.

— Кошак копается в коде? — не поверил Шаман, увидев княжича возле монитора. — Мне после такого в операторской нечего делать.

— А я всегда говорил, что парень он толковый, и лапки ему не помеха, — похвалил гардемарина Шварценберг.

Синеглаз их не слушал, полностью погрузившись в транс и позволив Кристин управлять своим телом: ментальная связь давала такую возможность. Следовало торопиться. Служба безопасности пыталась взять группу спасателей в клещи, отрезав им пути отступления. Мубарек, Кевин и еще двое бойцов получили серьезные ранения. Ндиди и остальные держались из последних сил, прикрывая Пэгги, которая ухватилась за переданную Синеглазом кодировку, точно сорвавшийся в пропасть за спасительную расщелину или уступ.

— Да здесь же все было так просто! — негодовала на свою медлительность боевой андроид, закончив взлом и запустив протокол отмены.

— А я о чем говорил, — улыбнулся Пабло, обнимая здоровой рукой Кристин.

Он помог мстительной Пэгги внедрить в систему вирус, лишая службу безопасности возможности повторить протокол аварийного сброса. В это время Шаман с Кудесником отсекли охотников гермозатвором, чтобы изнемогающие участники группы Ндиди и Пэгги могли отступить на занятую рабочими часть комбината. Брендан и его товарищи вывели заключенных в безопасный штрек и направились в сторону подъемника.

Глава 33. Хвосты и крылья

Конечно, Пабло догадывался о том, что об их победе над охотниками станет известно в городе, и это будет иметь последствия, но не ожидал, что все произойдет настолько быстро. Впрочем, события начали развиваться стремительно еще в то время, когда он валялся безжизненной тушкой в медотсеке, и Кристин соединяла поврежденные кости плеча и вытаскивала из легких осколки ребер.

— Не нравится мне, что они там затеяли, ох, не нравится! Не доведут их эти апсарские танцы до добра, — хмурился Маркус Левенталь, с тоской глядя на свои обгоревшие руки.

Первые дни после схватки, пока ткани не начали восстанавливаться, конструктор не мог справиться даже с элементарными вещами вроде одевания или еды. Пабло и хотел бы ему помочь, но сам с трудом отрывал голову от подушки.

— Насчет апсарских танцев ты, Марки, слишком строг, — мечтательно причмокнул Шварценберг, пододвигая к старому другу тарелку с супом-пюре. — Сразу видно, что не бывал на Сансаре, Раване или той же Васуки.

Старый пират в роли заботливой сиделки вызывал невольную улыбку. Но Пабло не подавал виду и только радовался, что хоть кто-то сейчас может помочь Кристин, которая буквально валилась с ног, простояв полночи у операционного стола, а потом ухаживая за ранеными. И это не считая битвы и их безумного марш-броска. Хорошо, что ментальная связь асуров и самоотверженность княжича с Васуки помогли ей избежать обморока или сердечного приступа.

— На планетах Альянса я, конечно, не бывал, — отозвался Левенталь, проглотив несколько ложек пюре, которым его заботливо потчевал одноклассник. — Но прожил двадцать пять лет в браке с наследницей рода раджей Сансары. Поэтому об апсарских танцах могу кое-что рассказать при случае. Другое дело, что племянница моей покойной жены сильно рискует, выходя на сцену в заведении Хайнца.

— Вот говорил я тебе, Марки, что порядочность и чистоплюйство не доведут тебя до добра, — в один присест заглотнув свою порцию супа и пододвигая к другу тарелку со вторым блюдом, проворчал Шварценберг.

Конечно, после встречи с Левенталем он, казалось, вновь обрел все лучшее, что было похоронено под спудом сделок с совестью, ошибок и преступлений, но свои представления о жизни не собирался менять.

— Будь я на твоем месте, я бы навел в городе такой порядок, что этот Хайнц и пикнуть бы не посмел, а принц-прохфессор и вовсе сидел бы в клетке, как его коллега доктор Дриведи.

— Тебе, думаю, Задира, скоро представится такая возможность, — стоически выдерживая неуклюжую заботу одноклассника, отозвался Левенталь. — Конечно, если ты еще не оставил намерения идти по пути честного человека. В городе скоро прорвется гигантский нарыв, и я не готов оставаться от этого в стороне.

— Давай, Марки, не будем тут обсуждать понятия о чести, — скривился пират. — Я, случалось, терял берега, но своих никогда не сдавал. Если они, конечно, первыми не начинали крысить, — добавил он, явно имея в виду не только продавшихся земееносцам Майло с Риком, но и Елену Ларину. — На нижнем руднике, если ты не забыл, сейчас парятся и мои ребята. К тому же мне по-прежнему нужно горючее, а где его, спрашивается, взять, если на этой гребаной планетке почти нет атмосферы, и вода только в твердом состоянии. Я мог бы начать копать лопатой уран: на Васуки, когда приятели твоего зятька меня гоняли по болотам, мне пришлось даже устраивать селитряницы и делать самому дымный порох. Но зачем надрываться, когда есть другие варианты.

— В самом деле, без селитряниц мы как-нибудь обойдемся, — не сумел скрыть улыбку Левенталь. — А вот в урановой руде, если мы хотим сохранить корабли, покопаться, думаю, придется.

Он запил витаминизированным напитком горсть лекарств и вкратце поведал о том, что на старом руднике под видом урановых хвостов[20] спрятано несколько тонн обогащенной руды и пара центнеров трития и палладия.

— Так что ж вы раньше молчали? С такими запасами мы бы не только охотников на пиксели порвали, но и рванули бы из этой гребаной системы прочь! — возмутился Таран, который опять страдал от того, что нехватка энергии не позволяет использовать плазменные установки «Нагльфара» на полную мощь.

Пабло тоже хотел бы задать этот вопрос. Во время работы наверху он, конечно, слышал о полигоне на старом руднике и даже участвовал в дискуссиях о целесообразности хранения урановых хвостов в непосредственной близости от жилых модулей. Но о планах товарищей тоже узнал только сейчас.

— А какой смысл об этом было говорить? — вступился за конструктора Лева Деев. — Старый рудник — это по сути городская окраина, возле которой всегда полно патрулей.

— Единственный проходимый на танке маршрут по горам

идет через перевал Большого кольца. Если бы мы вместо того, чтобы готовить корабли к отражению атаки, рванули за реакторным топливом в город, как раз бы в котловане на всю охотничью свору и напоролись.

— А вот сейчас, думаю, есть шанс проскочить, — подытожил Левенталь. — Охотники, к счастью, пока не знают, что здесь произошло, да и для того, чтобы собрать и снарядить новую банду карателей, нужно время. Тем более, у нас нет другого выхода.

Пабло конструктора понимал. После схватки с охотниками реактор холодного ядерного синтеза, установленный на «Эсперансе» и питавший сейчас энергетические емкости обоих кораблей, нуждался в срочной замене топлива. И речь уже шла не о преодолении гравитационной аномалии Черной Звезды и даже не о еще одной схватке с охотниками, а просто о поддержании систем жизнеобеспечения обоих кораблей. Вот только к тому времени, когда они немного залечили раны и восстановили боеспособность единственного уцелевшего танка, стало ясно, что эпицентр событий сместился с пустоши на нижние уровни города.

Пабло это осознал, еще когда увидел запись танца принцессы Савитри, которую служба безопасности предоставила профессору Нарайану. Конечно, Саав Шварценберг ворчал, что современная молодежь ничего не смыслит в апсарских танцах и, если бы не медузы, то и смотреть было бы не на что. Однако Пабло, которому случалось видеть исполнительниц самого высокого уровня, понимал, что отточенные до совершенства движения плясуньи и невозможная быстрота реакции не могли не навести на мысли о ее не совсем человеческой природе. Тем более Нарайан знал Савитри Вторую с самого ее рождения и сам превратил ее в андроида.

А уж когда всплыла информация о найденной на пустоши девушке с пиратского корабля, стало ясно, что встреча Савитри с ее женихом — это вопрос времени, и никакие ухищрения Рукодельницы, своим искусным гримом немного сбившей ищеек со следа, тут не помогут. Тем более что служба безопасности нашла досье Пэгги и сопоставила голограммы андроида с кадрами первой встречи принцессы и охотников на борту «Эсперансы».

— Твой жених собирается устроить провокацию, — вкратце обрисовала ситуацию не на шутку встревоженная Кристин.

Наблюдая, с каким трепетом Шатругна Нарайан рассматривал голограммы Савитри Первой, сравнивая их с изображениями принцессы-клона, дочь Маркуса Левенталя даже сочувственно вздохнула. Однако уже в следующий миг глава

научного отдела открыл другой архив, в котором вместе с кадрами с защиты ее диссертации лежали записи со скрытых камер из комнаты с бассейном.

— Как это на него похоже, — только усмехнулась Савитри, узнав о планах главы научного отдела выпустить против медуз безоружную Пэгги и кого-нибудь из членов Сопротивления. — Тогда я тем более не могу бросить подругу, да и остальных!

— Она разве не понимает, что ее благородство может стоить жизни целому городу? — наблюдая за все возраставшими беспорядками на нижних уровнях, не мог скрыть тревогу обычно невозмутимый Лева Деев.

— А как бы ты поступил на ее месте? — горестно вдохнул Маркус Левенталь, на своем горьком опыте знавший, что на подобные вопросы однозначного ответа быть просто не может.

Если бы Пабло сумел получить доступ к записям протоколов допросов и выяснил, о чем спрашивали Ящера и Гу Синя! Но попытка взломать архив службы безопасности, подключившись по нейросети, закончилась для него обмороком и серьезным разговором с Кристин, которая, прямо как мама, пеняла ему на наплевательское отношение к здоровью. К тому же потом выяснилось, что все записи делаются на устройствах, не имеющих подключения даже к локальной сети и хранятся только на съемных накопителях. С другой стороны, Савитри все равно не согласилась бы отсиживаться в убежище, пока существовала возможность освободить узников нижнего рудника и Пэгги. Да и агенты службы безопасности не ожидали, что их спецоперация в заведении Хайнца обернется массовыми выступлениями и выльется в конечном итоге в вооруженное восстание.

— У нее получилось!

Когда Кристин сообщила о том, что принцессе Сансары все-таки удалось добыть коды, лицо у нее сияло, как нежный лик огненного серафима.

— Теперь бы ей со всем этим добром как-то выбраться, — мрачно заметил Шварценберг, наблюдая за тем, как толпа, разгромив заведение Хайнца, выплескивается в тесные коридоры жилых отсеков.

Пабло в это время пытался отследить перемещение агентов службы безопасности, которые, как он знал, находились где-то поблизости. Увы, памятуя о прошлой неудаче, на этот раз глава научного отдела послал за своей невестой профессионалов, ранее проходивших службу в подразделении «Кобра». Они сработали настолько четко и слаженно, что сам Пабло заметил их появление лишь в тот миг, когда принцесса, получив разряд из парализатора, упала им в руки.

— И что теперь? Ее жених взорвет город? — переживал бедняга Чико.

— Мы ему не позволим, — грозно сдвинув черные сросшиеся брови, пробасил юный Смбат.

— Дети и раненые остаются на «Эсперансе», — жестко осадил обоих Шварценберг, выбирая экипаж для экспедиции. — Хватит нам и одного пострела с хвостом и лапками.

— Но ведь этот же идет, — попытался качать права Чико, указывая на Пабло, который пытался отладить крепежи экзоскелета так, чтобы справиться одной левой рукой.

— Такого оператора приходится брать с собой хоть тушкой, хоть чучелом, — проверяя герметичность соединений, пояснил Шварценберг. — Не знаю, что нас ждет на этом старом руднике, но генераторы защитного поля ты, Чико, уж точно починить не сможешь!

— Если твари пустоши доберутся до Шаки, Эркюля и остальных, я заставлю этого профессора Нарайана измерить шагами длину собственных кишок! — пообещал Дольф, который то ли вспомнил предков-викингов, то ли насмотрелся на публичные казни при дворе князя Ниака.

— Да он реально беспредельщик долбанутый, — негодовал Таран, навскидку рассчитав траекторию удара из плазменных установок. — Это ж сейчас, если подзарядить аккумуляторы, можно весь город с планеты стереть!

— Я те сотру! — сунул артиллеристу под нос бронированный кулак Шварценберг.

— Стирать и в самом деле не надо, — согласился со старым другом Левенталь. — Но, если вас на подступах к городу попытаются задержать, огневую поддержку мы постараемся обеспечить.

— Ты уверена, что тебе стоит ехать с нами? — беспокоился Пабло, узнав об одобренном Маркусом Левенталем и остальными решении Кристин присоединиться к их экспедиции. — Я имею в виду, как же твой отец и другие раненые?

— Здесь у всех состояние более ли менее стабильное, а в городе счет пострадавших идет на сотни, и всего один врач, — отозвалась любимая, отслеживая восстановление его руки и легкого при помощи анализатора. — На верхних уровнях есть надежные и неравнодушные ребята. Но они не знают тайных ходов, и через кордон им не пробиться. Если же говорить о том, кому лучше остаться, я бы никуда не пустила, в первую очередь, тебя, — добавила она, придирчиво осмотрев данные томографии. — Тебе до полного восстановления еще месяц.

— У города столько времени нет, и у нас тоже, — нахмурился

Пабло, неловко пытаясь попасть в рукав рубахи. — Что же касается моей боеспособности…

Он оставил безуспешные попытки одеться и вместо этого привлек любимую к себе, ныряя в золотой водопад рассыпавшихся из строгой прически волос и чувствуя, как от манящего запаха кожи по жилам разливается приятный жар, а по спине бегут мурашки. Дыхание, правда, сразу перехватило, но это не имело значения. Пабло жалел лишь о том, что не может отнести Кристин на руках в бассейн. Она, впрочем, этого и не требовала, каждым прикосновением вселяя уверенность. Жаль только, время играло против них, но к этой гонке они уже привыкли. Хорошо хоть ментальная связь асуров позволяла оставить с носом создающий помехи пульсар.

— Все-таки у этих альянсовских ушлепков с фантазией туговато. Ничего нового выдумать не могут, — узнав о планах Нарайана залить рудник серной кислотой из емкостей для выщелачивания, покачал головой на бронированной шее Шварценберг.

Пабло в целом разделял точку зрения пирата, хотя и внутренне поежился, вспоминая монотонное гудение сигнализации и механический голос бота, сообщавшего, что на фабрике корпорации «Панна Моти» запускается протокол самоуничтожения и начинается закачка концентрированной кислоты в заполненные еще живыми донорами установки энергообмена.[21]

— А что, это так опасно? — не понял Чико, который все-таки уломал кэпа взять их со Смбатом на борт танка.

— А ты сам как думаешь? — повернулся к нему явно ожидавший этого вопроса Шварценберг. — Я, впрочем, таких операций не проворачивал. Спроси лучше у него, — демонстративно устремил он на Пабло указующий перст. — Это он заживо растворил альянсовского хмыря Феликса, а заодно и моих крысюков Майло и Рика.

Чико испуганно вытаращился на оператора, словно воочию хотел убедиться, что он способен на такие страшные вещи. Пабло в ответ вяло усмехнулся. На большее не хватало сил.

— Как ты все это вообще тогда вынес? — сочувственно придвинулась к нему Кристин.

— Кислота была низкой концентрации, — честно глянул на любимую Пабло, вспоминая, как даже слабый раствор, подававшийся в установки энергообмена, жестоко язвил открытые раны.

Своих палачей и Феликса он не жалел: отключив аварийный протокол на фабрике «Панна Моти», они дали возможность Рите

Арсеньевой спасти сорок тысяч человек.

Сейчас Пабло, не задумываясь, отправил бы в емкость с раствором для выщелачивания Шатругну Нарайана, особенно когда узнал, что тот объяснил членам совета директоров комбината необходимость сброса кислоты борьбой с медузами. О том, что на нижнем руднике остаются рабочие и несколько тысяч узников, он, конечно, промолчал, а отключение генераторов защитного поля свалил на повстанцев, которые якобы и запустили в систему вирус.

Впрочем, Эйо уже закончила монтаж разоблачительной программы и даже передала материал на «Эсперансу», откуда собирались вести трансляцию, дабы не наводить службу безопасности на убежище. Если бы только молитвы Рукодельницы и рудокопов могли придать силы узникам и убрать препятствия с пути группы Пэгги и Ндиди, которые под огнем службы безопасности пытались подобраться к системе аварийного сброса!

— Да что там эта железяка копается! — возмущался Дольф, узнав о том, что Пэгги не может сходу взломать протокол отмены. — Не слишком ли привередливая стала? То ей вирус мешает, то код не такой! Баба, хоть железная, она и есть! А еще называется самообучающаяся нейросеть.

— А ты хочешь, чтобы железяки, как в старинной фантастике, подобрали бы ключи ко всем основным системам и захватили в галактике власть? — поддел его Шварценберг. — Если б все было так просто, стал бы я тащиться на Васуки и уламывать кошака.

Пабло только с тоской глянул на файлы взлома, понимая, что даже через Кристин не сможет их передать. И нашел же княжич время обратиться. Но шебутной мальчишка, в своем подростковом максимализме так похожий на младшего брата, рассудил иначе.

— Ну, допустим, ты передашь ему алгоритм действий, — узнав о предложении княжича, с сомнением взъерошил отросшие кудри Пабло. — А каким образом этот умница с лапками все введет?

Он все-таки развернул нужный файл и начал объяснять, а потом для ускорения процесса просто завладел руками Кристин, нажимая привычные комбинации иконок и виртуальных клавиш.

— И почему я не выучился на оператора, — с завистью наблюдая за их близким общением, вздохнул Дольф.

— Еще не все потеряно, — пожал плечами Лева Деев.

— Так, может быть, вы теми же лапками и энергетическое поле над городом восстановите? — добродушно ухмыльнулся Шварценберг, когда ликующие физиономии оператора и его нереиды раньше слов сообщили экипажу о том, что сброс кислоты

удалось остановить.

Пабло не удержался, от избытка чувств расцеловал любимую, и ребризер не стал ему помехой. Конечно, положение оставалось предельно шатким, но пока они обыграли Нарайана и его службу безопасности на шаг, и это не могло не окрылять.

И словно холодным дыханием зимы, покрывающим нежные перья и пестрые чешуйки жесткой бахромой изморози и льда, прозвучали горькие слова Левы Деева:

— Да тут не лапки, боюсь, понадобятся, а крылья!

Он с гребня смотрел на котловину Перевала Большого Кольца, силясь отыскать дорогу, и не находил. Вместо обрывистого узкого серпантина зияла пропасть шириной не менее сотни метров, своим хищным зевом и кривыми зубьями обломанных краев напоминающая врата ада. Если на этой окутанной вечным сумраком скорбной планете могла существовать отдельная преисподняя. Впрочем, хотя система черной звезды еще в начале фотонного бума стала кладбищем разбитых надежд, город под куполом мог считаться гимном человеческому упорству и стойкости до того, как его сердце опутало древнее зло. И это зло сейчас торжествующе щерилось из разломов и расщелин. Ибо иначе чем вмешательством каких-то трансцендентных сил объяснить фатальное невезение не получалось.

— Что тут произошло? Это охотники постарались? — удивился Чико, разглядывая увеличенный Деевым участок.

— Не думаю, — покачал головой Аслан. — Для охотников дорога на Эсперансу — стратегически важный объект. Похоже, трасса не выдержала тяжести бригады оснащенных корабельными плазменными установками бронированных машин. Здесь и раньше нередко случались оползни. А в день накануне атаки датчики показали усиление сейсмической активности.

— Понятное дело! — сурово хмыкнул Санчес. — Под ногами охотников горит земля.

— Все один к одному, — горестно вздохнул Аслан. — Если бы мы проверили тут все немного раньше…

— Ну и что бы мы сделали без специальной техники с кучкой израненных бойцов? — возразил ему Лева Деев.

— Что толку разводить базар! — нахмурился Дольф, готовясь уже навесить на себя ленту съемных аккумуляторов и переносной генератор защитного поля. — Нам надо добраться до города, пока Шаку, Эркюля и ваших корешей не сожрали медузы и не докопался безумный принц.

Пабло тоже об этом думал. А ведь еще существовала секретная лаборатория, в которую отправили Гу Синя и брата

горняка Ласло.

— Ребята не могут ждать, — согласился он, пытаясь зачехлить рюкзак с оборудованием и прикидывая, насколько безопасно с одной рабочей рукой вспоминать навыки альпинизма. — Отсюда до городских генераторов защитного поля уже не так далеко. Можно пешком добраться.

— И свалиться по дороге в обморок, свернув себе шею? — пару секунд понаблюдав за неловкими кособокими движениями оператора, оборвал его Саав Шварценберг. — Нет уж, сказано — крылья, значит, раздобудем. Нам еще реакторное топливо на чем-то везти. У этого гребаного драндулета в комплектации есть лебедка с тросом? — поинтересовался он у Санчеса, который прежде служил в сухопутных войсках Содружества командиром взвода бронетехники.

Пабло подумал, что, конечно, переправлять танк через пропасть — идея в высшей степени рисковая, но выбора у них не осталось. Тем более что предварительные расчеты, которые сделали Аслан, Санчес и Лева, показали, что трос достаточно прочный, и на этом участке грунт выдержит вес машины.

— Раз уж тут антигравы дохнут, попробуем бульдолет! — резюмировал Шварценберг, примеряясь, как лучше попасть из гарпунной пушки в намеченную Асланом расщелину.

— Ну что, Чико, кто у нас будет китобоем? — с крокодильской улыбкой повернулся он к постоянному объекту своих насмешек.

Парень принял все за чистую монету и неловко подался вперед, но только для того, чтобы услышать фирменное шварценберговское «Отставить», от которого закладывало уши и, по утверждению Тарана, у зенебочиц скисало в вымени молоко.

Капитан «Нагльфара» сам сделал выстрел, бормоча, что-де кто-то из его прапрадедов встречался с Моби Диком. А потом вместе с Санчесом остался в кабине танка. Все члены команды перебрались на ту сторону раньше. Первыми прочность троса испробовали Лева, Дольф и Аслан со Смбатом, которые еще раз проверили крепежи и полиспасты и протестировали состояние участка скалы. Затем их примеру последовали и остальные.

Еще до того, как его ноги оттолкнулись от края обрыва, отправляя их с Кристин в полет над бездной, Пабло осознал, что насчет пешего марш-броска до города явно погорячился. Воздуха не хватало, будто он тоже дышал жабрами. При каждом неловком движении травмированную руку опоясывала боль, а перед глазами начинала плыть муть. Поэтому вопрос, кто из них двоих кого страховал, Пабло решил замять для ясности, а Кристин дипломатично не поднимала.

Конечно, Пабло много раз участвовал в десантировании самой разнообразной техники и преодолевал препятствия с помощью навесных переправ. Однако даже он невольно задержал дыхание, когда огромный неповоротливый танк с разгона нырнул в пропасть, чтобы зависнуть между небом и землей на прогнувшихся до максимума тросах, а потом начал медленно двигаться к противоположному краю. Прикинув, какую нагрузку сейчас выдерживают полиспасты и полимерные основы жгутов, Пабло на всякий случай произнес старинную испанскую молитву, которой в детстве его научила мать. Так и не расстегнувшая замки связавшего их крепежа Кристин тоже сложила руки явно в обращении к Небесам. Для нее дядя Саав или Задира был не матерым уголовником, а почти сказочным персонажем из отцовских рассказов о его трудном детстве и бурной молодости.

Когда до края оставалось не более трех-четырех метров, один из тросов лопнул, чуть не снеся в пропасть зазевавшегося Чико, но Шварценберг, видимо, перепутав танк со звездолетом, включил форсаж, и машину буквально выкинуло на край обрыва.

— Дядя Саав! Да вы настоящий герой! — в порыве расцеловала отцовского одноклассника Кристин.

— Да какое там геройство, — снисходительно махнул бронированной дланью старый пират. — Просто моих раздолбаев надо вытащить, да и убраться с этой гребаной планетки поскорее, — добавил он поспешно, чтобы члены экипажа «Нагльфара» не заподозрили его в альтруизме.

Впрочем, в синих шальных глазах читалось что-то похожее на замешательство. Даже на Раване, когда он оказался в числе участников спасательной операции, его никто подобным образом не благодарил.

— Надо будет в городе взять дополнительные тросы, если мы, конечно, вообще планируем вернуться, — сухо прокомментировал Шварценберг свои ощущения от полета, когда экипаж занял свои места, и танк, с ревом преодолев завалы, тяжело перевалился на казавшийся теперь едва ли не скоростной трассой серпантин.

Дорога обрывалась еще три или четыре раза, и им приходилось прибегать ко всевозможным ухищрениям, то налаживая навесную переправу, то с помощью системы блоков и полиспастов опуская танк на нижний уступ. На одном из участков уже почти в самом низу им попалась пара выеденных медузами искореженных экзоскелетов из арсенала охотников, вместо погребальной пелены опутанных крепежными тросами. Видимо, кто-то из отступавших, уцелев в мясорубке схватки, нашел свой конец из-за плохо выбранного крюка или закладки.

Впрочем, эта часть склона и сейчас стабильностью не

отличалась. Хорошо, что Аслан поминутно проверял сейсмическую активность и угрозу новых оползней. На дне котлована передвигаться стало проще, тем более что разломы и трещины мгновенно заполнялись обломками, среди которых им попался и подбитый Чико танк, а ближний к городу склон и вовсе не пострадал.

Пабло послушно покидал машину, на автомате застегивал карабины и крепежи, даже в полете над пропастью продолжая препарирование вредоносной программы, внедренной его коллегами из службы безопасности в систему управления генераторами защитного поля. Увы. К тому времени, когда танк преодолел подъем и добрался до гребня, с которого Пабло сумел наконец выйти в локальную сеть, вирус нанес системе такой урон, что проще было, кажется, переписать все заново. Впрочем, тревожил не столько объем работы, сколько необходимость ее выполнить в кратчайшие сроки.

Заполнившие рудник медузы рвались к жилым модулям со скоростью и агрессивностью вируса на пике пандемии, а у трансляторов, которыми Брендан и его спутники защищали освобожденных узников, садились аккумуляторы. Хотя отвоеванный подъемник совершил уже с дюжину рейсов, внизу оставались еще несколько сотен человек. А ведь многие узники согласились подняться наверх своим ходом, использовав уже опробованный путь через коллекторы комбината.

— Это ж какая прорва народу-то на нижнем руднике вместе с нашими корешами парилась? — оглядывая толпу сбившихся в кучку бедолаг и прикинув грузоподъемность элеватора, удивился Дольф.

Поскольку они покинули «Эсперансу» раньше, чем Брендан и его спутники добрались до нижнего рудника, о масштабах действий карательной машины нынешнего руководства города они могли судить лишь по впечатляющим данным с накопителя главы службы безопасности и рассказам Кристин. Теперь же картина открылась почти во всей полноте.

Вылившийся в жилые модули горняцких кварталов людской водоворот, в котором радость обретения родных сменялась стенаниями по безвременно погибшим, казался просто нескончаемым. Замордованные измученные узники едва ли не как чудо воспринимали возможность снять наконец приросший к ним на манер ослиной шкуры спецкостюм и просто дышать воздухом, и далеко не все могли удержаться на ногах.

Глядя на свежие следы от лазерных плетей и старые латки, Пабло невольно почувствовал, как наливаются болью рубцы на его собственной спине и ноют недавние раны. Впрочем, на

эмоции времени не оставалось. Следовало позаботиться о том, чтобы спасение для этих людей не обернулось химерой. Даже если медуз с рудника придется выжигать напалмом, жилые модули должны остаться под защитой.

— Сколько времени вам потребуется, чтобы поднять наверх всех? — обратился он к Брендану, сглатывая подступивший к горлу комок.

— Порядка трех часов, если трансляторы не сдохнут, — отозвался тот, и Пабло болезненно удивился безнадежности и даже растерянности, прозвучавшим в охрипшем голосе.

Бравый Вундеркинд, который только что совершил невозможное, почти в одиночку осуществив операцию не менее масштабную, нежели освобождение лагеря смерти в Новом Гавре и штурм шахты «Альтаир», казалось, вновь превратился в испуганного мальчишку из лабиринта монстров. Впрочем, тут сказывались нечеловеческая усталость и бремя ответственности за тех, кто еще оставался внизу.

— Если вы уменьшите радиус покрытия, вам должно хватить. Трансляторы эффективны и при минимальном уровне зарядки, — обнадежила Вундеркинда Кристин, делая какие-то расчеты и радуясь возможности общаться с коллегой без посредников.

Еще один герой этого дня Синеглаз, отстояв немыслимую и по человеческим, и по звериным меркам вахту, наконец погрузился в чуткий кошачий сон, свернувшись в ногах у Камо и Камиллы клубком и чуть подрагивая ушами и лапами. Ндиди и Пэгги, которых чествовали как героев, отдыхать не могли, разрабатывая отложенную накануне операцию по освобождению принцессы.

Пока танк петлял по уступам перевала на пути к удобному спуску, Пабло при помощи подключившихся к работе Шамана и Кудесника почти очистил систему от вируса, подлатал дыры и теперь проверял генераторы, прикидывая, сколько из них выведены из строя и можно ли это как-то исправить. Впрочем, он в любом случае собирался менять контур защитного поля, оставив захваченный медузами рудник пока за его пределами. Он проводил уже подобные операции в Новом Гавре и на Васуки, и каждый раз приходилось действовать быстро, и на кону стояли сотни и даже тысячи человеческих жизней.

— Отсечь рудник энергетическим щитом? — оценил идею Маркус Левенталь. — Если такое вообще возможно — это, конечно, выход.

— Да он такое уже десятки раз проворачивал, — не отрываясь от панели управления, проворчал Шварценберг, видимо, вспоминая свой фатальный провал на Васуки. — Я всегда

говорил, Марки, что толкового ты себе зятя отхватил. Я, можно сказать, только ради него в эту гребаную системку сунулся.

Пабло решил оставить это неожиданное заявление без комментариев, тем более что в реализации его простого в своей гениальности плана существовала одна загвоздка.

— Если даже поле удастся восстановить, генераторы питаются от общегородской энергосистемы, — вздохнул Тонино Бьянко, который, хотя и прошел весь маршрут сначала с Бренданом, потом с Ндиди, об отдыхе тоже пока не мыслил.

— Я могу перепрограммировать их на другой источник питания, — предложил Пабло, — протирая усталые глаза в ожидании, пока система закончит перезагрузку.

— В том-то и дело, что такого источника у нас нет, — вздохнул старый Хенк. — Даже если работу энергетического поля удастся восстановить, аккумуляторов не хватит и на сутки.

— В нашем распоряжении сейчас только движок из убежища, да и тот работает на пределе возможностей, — отрываясь от раненых, пояснил Йохан Дален.

— Так какого же Трехрогого, Марки, вы заныкали палладий и прочее топливо, когда заправлять им нечего? — вновь сменив у пульта управления Санчеса, возмутился Шварценберг.

— Мы надеялись запустить реактор, который находится на старом руднике, — пояснил конструктор. — Его законсервировали, когда добычу руды на этом участке свернули, но он вполне пригоден для использования. Я сам его проверял не более месяца назад.

— Тогда в чем проблема? — поинтересовался Шварценберг. — Заваливаемся на рудник, затариваемся дровишками. Половину закидываем в старый реактор, половину везем на корабли.

— Единственный проход к старому реактору расположен на уровне мутантов, — пояснил Санчес, сменяя кэпа на участке, где требовалась не только сноровка, но и знание местности.

— А если туда пробиваться с боем, то восстание выльется в кровавую вакханалию, — вздохнул Лева Деев.

Пабло тоже представил, чем может закончиться столкновение в жилых кварталах, и только покачал головой.

— Упыри из городского совета прикрываются мутантами, как живым щитом, — скривилась Кристин, заботливо подливая водителям в термосы кофе и апельсиновый сок. — И это если не брать в расчет бандитов вроде Хайнца.

— Возможно, ситуацию удастся переломить, когда мутанты узнают, какую судьбу для них уготовал их царь и бог, — предположила Эйо, с трепетом следившая за посадкой в клеть

подъемника последней партии заключенных, которых сопровождали Эркюль, Шака, Прокопий и Брендан.

— В любом случае ситуация в этой пороховой бочке меняется так стремительно, что огорчать себя грядущими неприятностями не только бессмысленно, но и глупо, — неожиданно сбился на философские сентенции Шаман, который закончил расчеты и передал Пабло параметры нового контура защитного поля.

Все-таки с помощью бортового компьютера «Эсперансы» произвести сложные вычисления оказалось проще, нежели на коленях в кабине продирающегося по ухабам и рытвинам танка. Шварценберг и Санчес, конечно, гениально пилотировали любые транспортные средства, но дороги на планете по каверзности не уступали иным червоточинам. Да и Маркус Левенталь лучше знал слабые места своего города.

Когда танк добрался до спуска к старому руднику, а последняя клеть вывезла наверх всех заключенных, защитное поле города под куполом работало в полном объеме, отсекая медуз от жилых модулей. Шаман и Кудесник под присмотром Левенталя рассчитывали параметры еще одного контура на случай новой атаки охотников, но это пока требовало дополнительных энергозатрат.

Шака с Прокопием и Цветаном в сопровождении Тонино, Кевина Мубарека и других активистов распоряжались на баррикадах. Эркюль показывал детворе немного испуганных и оголодавших, но все равно забавных мартышек. А Эйо наконец смогла заключить в объятья выжатого до нервного истощения Брендана. Бедный Вундеркинд даже не сопротивлялся, когда Рукодельница снимала с него экзоскелет, но при этом что-то бормотал о том, что сейчас чуть-чуть посидит и отправится выручать Гу Синя и Золтана.

Потом он, правда, спохватился, вспомнив, что обещал еще осмотреть раненых. Но тут выяснилось, что хотя бы по этому поводу можно не волноваться. Двое врачей из ячейки сопротивления верхних уровней, узнав о событиях на руднике, воспользовались сумятицей у перехода, пробрались на помощь восставшим, затесавшись в ряды охотников, и теперь оперировали в убежище, попутно повышая уровень медицинского образования Йохана Далена. Кристин им помогала, по видеосвязи консультируя добровольных помощников.

Пабло удовлетворенно откинулся в кресле, глядя на город, чей подсвеченный купол напоминал золотую модель гигантской макромолекулы. У них снова получилось. Дело оставалось за малым: добраться до старого рудника, запустить законсервированный реактор, освободить подопытных из

секретной лаборатории, разоблачить безумного Нарайана и спасти принцессу Савитри.

И в это время радары танка зафиксировали на пустоши движение. Со стороны города, ощерившись плазменными установками к ним двигалась группировка бронированных патрульных машин.

Глава 34. Бабочка на булавке

— Что ты натворила, несчастная? Зачем освободила эту опасную рецидивистку?

Глаза Шатругны напоминали две сверхновые в момент взрыва, черты породистого лица исказила ярость. Поскольку молнии и громы метать он все-таки не мог, ему оставалось лишь в бессилии скрежетать зубами, видя, как его планы рушатся один за одним, а ситуация в захваченном городе все больше выходит из-под контроля.

— Что случилось, любимый? О ком идет речь? — подалась навстречу жениху Савитри, деликатно пряча в кулак зевоту и протирая глаза точно со сна.

Конечно же, прошедшие несколько часов она провела не просто в бдении, а в колоссальном напряжении всех чувств и ресурсов, которыми делилась с Синеглазом и Кристин. И это если не считать обмена данными с Пэгги. Однако камеры наблюдения в ее покоях зафиксировали лишь, как махарани после ухода жениха отдала должное угощению, помолилась, провела вечерние ритуалы и отошла ко сну. Хотя человеческий мозг принцессы Савитри, в ужасе прокручивая картины гибели Ндиди, Синеглаза и Брендана, посылал в секунду тысячи импульсов, процессор андроида держал внешние проявления эмоций в узде. И Савитри благодарила нынешнее тело за эту способность к притворству.

— Зачем ты разблокировала боевой режим у ПГ-319? — уже несколько мягче спросил Шатругна.

— Ты имеешь в виду мою бедную Пэгги, которую приспешники этого ужасного Хайнца хотели отдать на растерзание медузам? — жалобным тоном переспросила Савитри, приводя в порядок волосы и подняв руки таким образом, чтобы выгодно подчеркнуть грудь, хоть немного округлившуюся благодаря нормальному рациону и сладостям, на которые не скупились Брендан и Ндиди.

— Твоя «бедная Пэгги» это заслужила, — отрезал Шатругна, голодным взглядом изучая декольте нелюбимой невесты.

— Такое никто не заслужил, — твердо ответила Савитри, запахивая кружевной пеньюар. — Пэгги — моя подруга, делившая со мной тяготы жизни на пустоши. Без нее я бы так долго не продержалась.

— С каких это пор наследница династии относит к друзьям прах праха под ногами, помещенную в искусственное тело нейросеть, не имеющую души?

В тоне Шатругны появилась знакомая брезгливость. Сколько

раз он пенял принцессе на расточительность, словно базарный скряга, проверяя счета благотворительного фонда, которым по традиции руководили все махарани Сансары. «Я, конечно, рад, что щедрость — это та добродетель, которая роднит тебя с моей возлюбленной, — говорил он менторским тоном, под «моей возлюбленной» имея в виду, конечно, Первую Савитри. — Но если бы я вас обеих не контролировал, вы бы все сокровища раджей пустили прахом в стремлении помочь всякой никчемной голытьбе!» Под голытьбой подразумевались крестьяне и работники фабрик, для которых обе принцессы пытались организовать хотя бы начальные школы и пункты первой медицинской помощи.

В те годы Савитри слово боялась молвить поперек, втихаря продавая подарки и украшения, пока Шатругна не узнал и не приказал их держать под охраной. Сейчас она не имела ничего, но чувствовала себя во сто крат сильнее, поддерживаемая заботой Синеглаза и Кристин и любовью Ндиди.

— За четыре года скитаний, когда мне пришлось питаться отбросами, побираясь среди обломков в поисках консервов и аккумуляторов, я получила достаточный урок смирения, — напомнила Савитри. — Пэгги защищала меня от медуз, делила со мной кров и скудные припасы.

— Но ты только посмотри, что эта, с позволения сказать, «Пэгги» сейчас творит! — воскликнул слегка опешивший Шатругна, разворачивая экран голографического монитора. — Она не только сумела раздобыть коды от магнитных ошейников опасных преступников и заговорщиков, но и пытается помешать остановить анархию на нижних уровнях!

Хотя все, что ей показывал сейчас Шатругна, Савитри видела глазами Синеглаза и Кристин, увеличенные изображения обретших свободу узников заставили ее выращенное из имплантов сердце затрепетать от жалости и сочувствия.

Особенное впечатление производил даже не измождённый вид — она сама после скитаний выглядела не лучше. Когда освобожденные снимали шлемы защитных костюмов, их лица представляли собой сплошное месиво кровоподтеков, рубцов и свежих ссадин в тех местах, где на кожу давила плохо подогнанная, сделанная из дешевых материалов маска. А иссохшие губы из-за постоянного соприкосновения с ребризером напоминали куски кровавого мяса.

У Шатругны самого случались такие ссадины, когда он, увлекшись исследованиями, проводил в костюме бактериологической защиты больше суток, меняя только фильтры. А он ведь использовал спецодежду исключительно

премиум-класса, отличающуюся не только высокой надежностью, но и удобством в эксплуатации.

Бедная Пэгги, подруженька. Ты ведь тоже прошла через этот ад! Хорошо все-таки, что твое заключение продлилось всего пару недель, при том, что организм андроидов отличается выносливостью и повышенной способностью к регенерации.

Сейчас ПГ-319, в боевом режиме напоминающая перст Божий, вела неравный бой со службой безопасности, пытаясь при этом остановить сброс кислоты. Внизу вместе с Бренданом оставались еще сотни заключенных, и Савитри даже представить себе не могла, какие чувства испытывает сейчас Эйо. Она и сама едва не выдала себя нечаянным вскриком, когда в объективе камеры оказался Ндиди. Ее возлюбленный в своей отваге уподоблялся божественному Раме, сокрушающему воинство Раваны. Хотя вместо священного лука Шивы имел только скорчер и макромолекулярный клинок.

— Эта железная девка и ее приспешники, похоже, собираются разрушить наш несчастный город, — возмущался Шатругна, наблюдая, как Пэгги и горстка повстанцев громят организованные ряды его отборных солдат. — Я всегда скептически относился к разработкам этих дексистов! Любой сбой программы, и мы получаем неуправляемую машину для убийств, — добавил он, в запале явно забыв о том, что тело принцессы Сансары — это тоже разработка DEX-компании.

— ПГ-319 — боевой андроид, и свою программу как раз выполняет, — пожала плечами Савитри. — У нее в материнскую плату вшито почитание династии раджей. Она убеждена, что меня похитили, и рвется ко мне на выручку.

— Тогда останови ее! — потребовал Шатругна тем же тоном, которым обычно обвинял ее в том, что она не смогла стать не только клоном, но и реинкарнацией его умершей невесты.

— Ты предлагаешь мне отправиться на нижние уровни со скорчером или хочешь, чтобы я выступила перед горожанами на правах махарани? — уточнила Савитри, вспоминая, какой стыд испытывала каждый раз, когда отец в обращениях к подданным оправдывал преступления корпорации «Панна Моти».

Ответить ей не дали. Начальник службы безопасности доложил о том, что повстанцам удалось остановить аварийный сброс.

— Наши специалисты не могут понять, что произошло, — разводил руками перепуганный офицер. — Программа была защищена несколькими уровнями шифрования, в том числе и на случай атаки со стороны самообучаемых нейросетей.

«Хорошо, что этот умник с оловянными глазами и без единой

лишней складочки на новеньком с иголочки мундире не знает про горного кота и летающий танк», — усмехнулась про себя Савитри, по ментальной связи с замиранием сердца наблюдая, как Кристин и ее спутники собираются преодолевать возникшие на пути препятствия. При этом на лице она исправно демонстрировала замешательство и искательно заглядывала могущественному жениху в лицо, готовясь произнести новую речь в оправдание Пэгги. Впрочем, Шатругна ее драматических талантов не оценил.

— При чем тут нейросети, — досадливо скривился он. — Вы, кажется, забыли, что на стороне повстанцев сражается лучший в галактике оператор, которого вы бездарно упустили!

Все-таки проницательность всегда относилась к его несомненным достоинствам, делая его еще более опасным противником.

— Но, по нашим сведениям, Пабло Гарсиа в городе нет, — в ужасе выкатив глаза с синеватыми белками, начал глава службы безопасности.

— То же самое вы говорили и о махарани Сансары, — желчно оборвал его Шатругна, выразительно указывая на Савитри. — Амитабх Чопра все еще находится в госпитале? — уточнил он, с подозрением глядя на голограммы пустых коридоров «Эсперансы».

— Увы, да, — вздохнул глава службы безопасности. — Во время схватки с охотниками он сильно обгорел, и вообще чудом выжил и добрался до города.

— Если он пришел в себя, пускай приступает к работе, — приказал Шатругна. — Он единственный, кто способен если не противостоять Пабло Гарсиа, то хотя бы разгадать его замыслы.

Начальник службы безопасности не посмел перечить, а Савитри невольно посочувствовала Амитабху, которого собирались сдернуть прямо с больничной койки. Впрочем, Пабло Гарсиа тоже пока находился не в лучшей физической форме. Глазами Кристин Савитри наблюдала, как бедный оператор, стараясь не задеть раненую руку, поднимается по трапу, готовясь покинуть танк, как жмется к скалам, закрепляя карабины на тросе. При этом он продолжал заботиться о Кристин и при любой возможности оберегал ее, хотя сам гораздо больше нуждался в страховке.

— И ты будешь утверждать, что твоя так называемая подруга ПГ-319 предана династии раджей? — не скрывая желчи, поинтересовался Шатругна, когда начальник службы безопасности отключился, чтобы выполнить все поручения.

— А что случилось? Я слышала, тут упомянули оператора

Содружества, из-за которого ты тогда на Раване чуть не погиб.

Савитри старательно демонстрировала полную неосведомленность.

— Я с самого начала настаивал на том, чтобы всех вражьих выродков из группы Арсеньева казнили сразу после суда, — поджал губы Шатругна. — Но члены совета директоров предпочли пойти на поводу у этого бездаря Феликса.

«А теперь ты сам допустил гениального оператора к работе с серверами в надежде, что он наладит связь через пульсар. Но он вместо этого сбежал и увел у тебя реинкарнацию твоей Савитри».

Хотя Шатругна уже не надеялся вернуть глубоко уязвившую его самолюбие дочь Маркуса Левенталя, это вовсе не означало, что он готов ее отпустить. Свои намерения он красноречиво обрисовал, когда Пабло Гарсиа фактически раскрылся, восстановив в городе защитное поле. В его случае это означало вызвать огонь на себя или, подобно какому-то древнему князю, заявить «Иду на вы».

— Пабло Гарсиа в составе вооруженной группировки приближается к городу со стороны перевала Большого кольца. Амитабх Чопра его засек, — доложил начальник службы безопасности, выведя на экран голограмму спускающегося по серпантину танка.

— А они изрядные наглецы так переться напролом, — с долей уважения заметил Шатругна. — Ну что ж, организуйте им «теплый прием». Думаю, десяти патрульных «Драконов» должно хватить. Если что, подключите городские плазменные установки.

— Но, по нашим сведениям, на борту может находиться Кристин Левенталь, — с убийственной деликатностью напомнил начальник службы безопасности.

— Мне нет дела до этой мятежницы, — с явной обидой проговорил Шатругна. — Она выбрала свою судьбу. Если удастся захватить ее живьем, отправьте в лабораторию как интересный экземпляр.

— Ну, точно Перкунас-громовержец из бабушкиной сказки, — насмешливо фыркнула Кристин, узнав свой приговор по ментальной связи. — Надеюсь, танк окажется прочнее рыбачьей лодки, — добавила она, закрепляя ремень безопасности и закрывая фонарь шлема.

Пока Пабло Гарсиа пытался нащупать уязвимые места в щите патрульных, Санчес спешно разворачивался, отыскав удобную для такого маневра площадку на узкой горной дороге, а Саав Шварценберг и остальные вели переговоры с Маркусом Левенталем, выбирая тактику предстоящего столкновения.

— Понимаешь, Марки, я нисколько не сомневаюсь в

способностях твоего зятя взломать защитные поля этих бронированных драндулетов, — говорил Шварценберг, придирчиво разглядывая карту перевала Большого Кольца. — Да и совсем не против порадовать горожан красивым фейерверком, заодно поджарив пару десятков тухлых бакланов. Вот только тратить на всякие пиротехнические забавы драгоценную энергию считаю преступным расточительством, — добавил он, вызвав явное разочарование у своего артиллериста, который уже взял танки охотников на прицел и только ждал, чтобы Пабло взломал щит.

— Энергии у нас и правда в обрез, — согласился Маркус Левенталь. — Но раз уж охотники вас засекли, просто так они не отстанут.

— Тем более что нам все равно надо попасть в город, — напомнил товарищам Лев Деев.

— Гу Синь и остальные узники лаборатории ждать не могут, — согласился с ним Пабло Гарсиа. — Да и с защитными полями города придется повозиться.

— А если натравить на охотников медуз? — предложил Чико.

— Боюсь, на этот раз не получится, — покачала головой Кристин. — К тому же у меня нет транслятора достаточной мощности.

— Мы можем заманить их в котловину, где все равно связи почти никакой нет, и радарами нас не нащупать, там бросить танк, инсценировав гибель, и дойти до города, воспользовавшись тоннелями, — предложил знаток подземных ходов Аслан.

— Бросить танк? — возмутился Шварценберг. — Думаешь, я для того его через пропасти на веревочках переправлял, чтобы превратить в бесполезную шнягу? Нам нужно поднять боеспособность кораблей, без руды это никак не сделать, а десять центнеров палладия я на закорках не потащу.

— Можно попробовать спрятать танк на дне котлована, — предложил Лева Деев.

— А охотникам передать картинку, будто нас подбили? — не отрываясь от работы, усмехнулся Пабло. — Технически-то это возможно, только откуда взять подходящие голограммы?

— Все записи с подбитыми танками сделаны возле кораблей, — поник Деев, с досадой глядя на приближающиеся «Драконы» патрульных и явно прикидывая, сколько потребуется энергии, чтобы превратить их в хлам. Прогноз, видимо, получался невеселый. А ведь не стоило забывать про систему обороны города.

— А если совместить картинку с другим фоном? — подала голос из убежища Эйо. — Тут работы всего на полчаса.

— Ну, если эта пигалица обеспечат нам годную ксиву, можно попробовать и поиграть в прятки, — согласился Шварценберг, вместе с Асланом выбирая на дне котлована место, где танк выглядел бы как еще одна груда мусора.

Пабло продолжал взлом. Санчес и Лев Деев прокладывали по горам маршрут таким образом, чтобы до выхода из зоны видимости передать и внедрить в систему охотников программу-мираж и успеть спрятать танк до ее активации. Дольф, Чико и Якоб Флейшер заняли места возле орудий. Кристин и Смбат паковали оборудование, проверяя аккумуляторы и отбирая для путешествия по тоннелям лишь самое необходимое.

Если бы только Савитри могла помочь Пабло, передав ему коды, или ускорить работу Эйо, подключив процессор для обработки голограмм, как делала во время подготовки своего номера в заведении Хайнца. Но от Эйо ее отделяли несколько этажей и десятки кордонов вооруженной до зубов стражи, а подключиться к системе, чтобы узнать пароли, не позволяла блокировка.

Шатругна меж тем велел ей готовиться к заседанию городского совета и пригласил стилистов и имиджмейкеров. Махарани Сансары следовало предстать перед главами институтов и ведомств во всем величии и блеске. Сам глава научного отдела спешно привел себя в порядок и наспех проглотил завтрак, параллельно обсуждая с членами правления горнодобывающего предприятия последние новости.

— Ситуация под контролем, мы разрабатываем операцию по возвращению комбината, — не без труда сохраняя спокойствие, объяснял он раздраженным топ-менеджерам.

— Но рудник оказался за пределами защитного поля! — возмущался начальник производства. — И туда невозможно попасть.

— Это ненадолго, — успокаивал взбешенного инженера глава службы безопасности. — В городе достаточно реакторного топлива, а все энергоблоки и распределительные подстанции надежно охраняются службой безопасности, бунтовщикам туда не прорваться. Скоро у мятежников закончатся ресурсы, и мы их обезвредим с минимальными потерями.

Савитри с трудом подавила вздох. Шатругна и его охотники, не преуспев с медузами, намеревались взять повстанцев измором. Хорошо, что они не знали про старый рудник.

— Но вы понимаете, что простой предприятия непрерывного цикла может привести к необратимым последствиям? — не удовлетворился объяснениями начальник производства.

Савитри даже захотелось его успокоить. Рабочие и инженеры,

удерживающие комбинат, цеха непрерывного цикла останавливать не стали даже под угрозой все возраставшего энергетического голода. В отличие от Шатругны они не могли себе позволить оставить город в руинах, ибо понимали, что даже в случае успеха на «Эсперансе» и «Нагльфаре» места хватит не всем.

Хотелось бы уже поскорее взглянуть на лица всех этих управленцев, когда они узнают, что их идол собирается убраться из системы, обрекая их на верную гибель. Но пока Савитри вновь разглядывала в зеркале знакомую незнакомку с умело и ненавязчиво наложенным гримом, безупречным маникюром и идеальной волосок к волоску прической.

За годы, проведенные на пустоши, она почти отвыкла от своего лица. Вот только было ли это лицо хоть когда-то своим? Имела ли она в прежней жизни хоть намек на индивидуальность или жила бессмысленным симулякром, копией клона, заблудившейся в зеркальном лабиринте миражей? Любила ли она Шатругну? Или, приученная сызмальства к мысли об избраннике, предначертанном ей самой судьбой, только тешила воображение иллюзией чувства?

Черная пустошь, по которой она скиталась, словно полуночное солнце древних сказаний, расставила все по местам, снимая шелуху ложных смыслов. И то, что идеально подогнанный по фигуре роскошный костюм для деловых встреч после четырех лет скитаний повис на ней мешком, Савитри не считала высокой ценой за обретение себя.

Умелые и вышколенные мастера в мгновение ока исправили все недочеты, а Савитри выбрала украшения. Любимые серьги с гербом династии дополнило массивное колье-воротник с теми же водяными драконами. Тяжелые прихотливые браслеты прикрыли шрамы на руках. Несколько колец из того же комплекта она надела с таким расчетом, чтобы не помешали, если что, схватиться за скорчер. Процессор постоянно выравнивал гормональный фон. Принцесса Сансары подготовилась сыграть свою роль.

— Там еще была жемчужная заколка в виде бабочки, — подсказала Кристин, с интересом наблюдавшая за преображением кузины. — Профессор Нарайан утверждал, что это было любимое украшение его умершей возлюбленной, и все порывался мне подарить.

Савитри без труда отыскала в шкатулке знакомый футляр. Ей этот изысканный шедевр придворных ювелиров прежде надевать воспрещалось, хотя к нынешнему костюму бабочка подходила идеально, да и в прическе смотрелась бы ненавязчиво. Тем более

что острый наконечник шпильки сгодился бы в крайнем случае как стилет.

Закрепляя в прическе украшение, Савитри невольно подумала о том, что и сама напоминает бабочку, нанизанную на булавку. Пустую оболочку, из которой давно ушла жизнь. Но в ее случае все получалось с точностью до наоборот. В искусственном теле она чувствовала себя как никогда живой. Все они в этом городе сейчас походили на мелких букашек, очутившихся в сачке безумного коллекционера. А Кристин и ее товарищи и вовсе вели себя с безрассудством мотыльков, летящих на огонь.

Какой же отвагой и выдержкой обладала правнучка Арвинда Вармы, если ей под дулом плазменных установок хватало духу болтать с кузиной о женских безделушках. В это время танк петлял по серпантину, закладывая такие крутые виражи, что у Кристин внутренности завязывались узлом. Видимо, ментальная связь помогала ей сохранить присутствие духа.

Пока Эйо не закончила работу с голограммами, а Пабло не внедрил в систему охотников программу маскировки, управлявшие машиной Шварценберг и Санчес не могли уйти на ту сторону котлована. Из-за помех, создаваемых пульсаром, и общей нестабильности магнитного поля планеты все виды связи, кроме кабельной, функционировали кое-как, а зона перевала Большого кольца по не совсем понятным причинам и вовсе оставалась слепым пятном. Меж тем «Драконы» охотников уже приблизились на расстояние выстрела и начали пристрелку.

— Долго там еще? — торопил Рукодельницу и оператора Санчес, прокладывая по склону курс таким образом, чтобы не попасть под обстрел.

Когда один из зарядов достиг защитного поля танка, отозвавшись гулом во всем корпусе, Савитри невольно поежилась, вспоминая меткий выстрел Чико и свой полет в охваченной огнем машине.

Кристин, хотя старалась не показывать вида, тоже заметно нервничала. Тем более что сейчас она не могла ничем боевым товарищам помочь. Все-таки оба раза на пустоши, когда все ее внимание занимали медузы, на страх времени не оставалось.

— Может быть, все-таки стоит запросить огневую поддержку с «Эсперансы»? — обеспокоенно проговорил Аслан, отыскивая взглядом сына.

— Сами отобьемся, — махнул рукой Дольф, со вкусом наводя орудие и делая первый выстрел.

— Ты там перед этими корявыми лохами неча пальцы веером раскидывать, — сурово приструнил стрелка Шварценберг. — Пару одиночных дай для острастки и сливайся. Мы еще не знаем, что

выйдет из всей этой бузы с маскировкой.

— Да неплохо уже вышло, — улыбнулся Лев Деев, рассматривая только что полученную от Эйо голограмму. — Тут даже эксперт с оборудованием не отыщет стыки.

— А что ты хотел, это ж Рукодельница, — просиял Аслан, который, как и другие участники Сопротивления, знал Эйо и ее близких. — Ей бы голографические шоу или игры делать, а приходилось столько лет порты грязные стирать.

— Передавайте уже скорее этот шедевр, пока нам корму не подпалили! — напомнил Шварценберг.

— Главное — успеть спрятать танк и смыться до того, как охотники увидят нашу иллюзию, — озабоченно заметил Санчес, выводя машину на гребень перевала.

— Я поставил время с запасом, — успокоил товарища Пабло. — Да и проекция взрыва появится не раньше, чем охотники откроют огонь. Самое главное, чтобы они нас визуально не засекли.

Вместо ответа Санчес врубил форсаж, и все члены команды, даже те, кто были пристегнуты, невольно схватились за поручни и уперлись ногами в пол. Ибо спуск в котловину напоминал то ли большой слалом, то ли затяжной прыжок. Впрочем, Санчесу удалось оторваться, и вскоре танк исчез с радаров преследователей, а отыскать его в темной котловине тоже не представлялось возможным. Санчес и Шварценберг, потушив все габаритные сигналы, пилотировали фактически вслепую по приборам ночного видения.

— Уходят, трусы паршивые! — вскричал Шатругна, в азарте преследования, кажется, даже забыв о предстоящем заседании совета.

— От нас не уйдут, — самодовольно успокоил его глава службы безопасности, наблюдая за перемещением «Драконов».

В это время Санчес и Шварценберг вывели танк к условленному месту и теперь организовывали небольшой камнепад, спрятав машину под завалами.

— Жаль, что на эту рухлядь нельзя подключить слой «Хамелеон», — посетовал Лев Деев, настраивая прибор ночного видения и прикрепляя к скорчеру полный аккумулятор.

— «Хамелеон» не нужен, — успокоил его Пабло Гарсиа, с нарочитой бодростью покидая машину. — Я установил дополнительную проекцию.

Шварценберг, который вместе с Санчесом собирался остаться и довести танк до рудника, проводил оператора скептическим взглядом.

— Вы там, если что, этого сетевого медвежатника на виражах

подстрахуйте, — напутствовал он Дольфа и Чико, провожая группу до входа в тоннели. — А за дочь моего одноклассника головой отвечаете!

— Удачи, дядя Саав, берегите себя, — обняла его на прощание Кристин, разворачивая оборудование для отпугивания медуз.

— Скоро увидимся, девочка, — помог ей на крутом склоне Шварценберг. — Я не оставил пока намерения наведаться в город за горючим для старичка «Нагльфара».

Группа достигла входа в тоннель, когда охотники «засекли» танк. Голограмма и в самом деле выглядела настолько натурально, что заподозрить подделку мог лишь тот, кто о ней знал. Даже Савитри, которая хоть и делала вид, будто полностью поглощена совершенствованием имиджа, но внимательно наблюдала за экраном, в первый момент усомнилась в нереальности происходящего. Хорошо, что ментальная связь с Кристин, пробиравшейся знакомым тоннелем, ее успокоила.

— Вот ведь сразу видно пиратское отродье! — смачно выругался начальник службы безопасности, наблюдая за проекцией, осязаемо и тяжело переваливающейся по дну котловины. — Виляют корпусом, как разгульная баба задом!

Шатругна выразительно хмыкнул, и начальник службы безопасности, вспомнив о присутствии махарани, сухо доложил о том, что танк мятежников снова находится в пределах досягаемости.

— Открывайте огонь, — после минутного колебания приказал Шатругна.

Он сейчас выглядел как человек, принявший тяжелое, но необходимое решение. В складке губ застыла непреклонность, а сухие огненные глаза выражали неподдельную муку. Только что он вынес приговор своей мечте. А ведь в тот момент, когда он повелел отключить генераторы защитного поля и пустить на рудник и в город медуз, на его лице не дрогнул ни единый мускул. Впрочем, он и прежде бестрепетно обрекал на гибель население целых миров, как это было на Ванкувере, и проводил безжалостный геноцид на Сансаре. Но Кристин Левентель, так и не осознавшая себя реинкарнацией Савитри Первой, все равно принадлежала к династии.

На этот раз Пабло и Рукодельница превзошли самих себя. Создателям голографических игр, в которые во время редких часов досуга и репетиций апасарского танца без медуз с одинаковым азартом играли Камо и Ндиди с Бренданом, такая реальность происходящего даже не снилась. Впрочем, старенькие консоли из заведения Хайнца и не потянули бы полигональную

сетку такой сложности. Даже для постановки танца им с Эйо приходилось использовать дополнительные ресурсы, иначе бы зрители просто не поверили, что плясунья превращается в хтоническое божество и принимает облик тотема.

К счастью, процессоры «Драконов» обладали достаточной мощностью, а написанная Пабло программа сделала зрелище не только красочным, но и максимально убедительным. После залпа десятка плазменных установок танк озарила яркая вспышка, отметавшая всякие сомнения в том, что кто-то мог выжить.

— Ты готова, дорогая? Нельзя опаздывать на совет.

Хотя Шатругна произнес эти слова спокойным и будничным тоном, его рука, которую он галантно предложил Савитри, заметно подрагивала.

Савитри сохранять самообладание помогал только процессор. Она продолжала следить за товарищами Кристин, которые, пройдя насквозь тоннель, сделали передышку, прокладывая наиболее короткий и безопасный путь на старый рудник. Судя по тому, с каким облегчением Пабло Гарсиа опустился на камни, марш-бросок давался ему с трудом. Но в городе его возвращения ждали едва ли не как прихода Мессии, поэтому он бодрился как мог. В это же время Пэгги, Ндиди, Синеглаз и еще десяток повстанцев пробирались по потайным ходам Маркуса Левенталя. Брендан поначалу тоже хотел с ними отправиться, но после недолгих обсуждений в ожидании штурма лаборатории решил заняться ранеными.

Савитри еще раз повторила план побега, выровняла гормональный уровень, проверила, насколько легко вынимается из прически ее пока единственное оружие — заколка с бабочкой, и обворожительно улыбнулась Шатругне. Сегодняшнее заседание совета запомнят надолго, если останется, кому вспоминать.

Глава 35. Голые короли

Хотя Синеглаз намеревался дождаться Ндиди и Брендана с Эркюлем и Шакой и посмотреть, как Шварценберг и его товарищи станут перетаскивать танк через пропасть, потребность во сне оказалась сильнее. Все-таки в горах Сольсурана роу-су, чтобы набраться перед охотой сил и потом переварить сытный обед, спят чутко, но много, не уступая в этом земным собратьям. А княжич мало того что бодрствовал уже более суток, так еще и выложился по полной сначала во время побега, потом сражаясь на баррикадах. Работа по взлому программы оказалась последней каплей. Мало того что ему пришлось передвигать эти мудреные, как храмовые знаки, иконки и закорючки, так еще и делать это кошачьими лапами, про которые за время его путешествия только ленивый не пошутил.

Зато, когда они наконец отправились освобождать принцессу Савитри, он чувствовал себя заметно взбодрившимся и с легкостью преодолевал крутые подъемы, обгоняя даже Пэгги и вызывая у бывалых горняков легкую зависть. Знамо дело, любому нормальному коту забраться на крутизну куда проще, чем слезть даже с крыши. Главное — настигнуть добычу или спастись от опасности, а уж о том, как будешь спускаться, можно подумать позже.

Люди придерживались по этому поводу другого мнения, предпочитая огорчать себя грядущими неприятностями.

— Как же ты тут обратно пойдешь со своими лапками? — покачал головой Кевин, заметив, как на небольшом участке, ведущем вниз, княжич замешкался.

— Подстрахуем, — взяв Синеглаза на буксир, улыбнулся Ндиди, который мчался на выручку к любимой, едва не обгоняя роу-су и андроида.

Он так и не сомкнул глаз. Только заглотнул завтрак и запил его крепчайшим кофе с какими-то таблетками наподобие шаманских настоек, которыми воины травяных лесов поддерживали силы во время долгого преследования врага или затянувшейся охоты. Горным котам и асурам в облике тотема эти снадобья не подходили.

— А что, без этого хвостатого никак нельзя было обойтись? — недоумевал горбоносый Мубарек, подставляя княжичу плечо и с опаской поглядывая на длинные изогнутые когти с еще не до конца очистившимися от крови охотников желобками.

— Или дождаться этого вашего Пабло Гарсиа, — поддержал его еще кто-то из горняков, скептически наблюдавший за

неловкими движениями роу-су. — Мне понравилось, как он защитное поле починил. Не говоря уж об остановке аварийного сброса.

— Пабло Гарсиа доберется до города только к вечеру, — строго глянула на товарища Пэгги. — А заседание совета начнется в ближайшие полчаса.

— К тому же способности оператора понадобятся Брендану и тем, кто вместе с ним отправится в секретную лабораторию выручать Гу Синя, Золтана и остальных, — напомнил товарищам Ндиди.

— На верхних уровнях у энергетических полей не такая уж сложная система защиты, — пояснила Пэгги, помогая Синеглазу спуститься к выходу в коридор. — Я могла бы ее взломать. Но нам раньше времени нельзя себя обнаруживать, чтобы не погубить принцессу и самим не пропасть.

— Поэтому мы и используем кошака, — добавил Кевин. — Мало того что он ходит сквозь силовые поля туда-сюда, как к себе домой, так еще и ни одна система безопасности засечь его не может.

— Умел бы этот пострел еще вертаться туда-сюда по своему разумению, цены бы ему не было, — вздохнул Шака, который хотя и проникся уважением к принцессе, от планов насчет ее сокровищницы, похоже, не отказался.

Впрочем, в галактике хватало и других тщательно охраняемых хранилищ.

Синеглаз разочарование квартирмейстера разделял, ибо сам страдал от уязвимости своего положения. Тем более что отец и прежде в свои планы посвящал его далеко не всегда. И неизвестно, что было неприятнее: где-нибудь посреди людной городской площади обратиться роу-су или во время прогулки по заснеженным вершинам внезапно вновь сделаться человеком и, отбивая дробь зубами, с голым задом пробираться к знакомой пещере, в которой на такой случай всегда лежали смена одежды, нож, огниво и сухие дрова.

Впрочем, прогулки нагишом по горам княжич еще бы пережил. Страшило иное. За использование древней магии приходилось платить немалую цену, и Синеглаз сызмальства знал, что в случае смерти отца закончит свой век в облике роу-су, если до этого не оставит потомков. А как их оставить, если нареченную ему в жены сольсуранскую царевну увезли в надзвездные края? А другую девушку на месте избранницы он не представлял. Как бы ему ни нравилась отважная и добрая Камилла, он понимал, что дружба с ней закончится, когда они покинут треугольник Эхо, если, конечно, им не придется остаться

здесь навсегда.

Теплицы встретили их ярким светом, тишиной и будоражащими запахами цветов и трав. От аромата кошачьей мяты у Синеглаза закружилась голова и захотелось завалиться вверх животом на влажную после полива землю и тереться об нее хребтом, упиваясь сладким и дивным дурманом. Ну или хотя бы выкопать на грядках ямку и поднять хвост. С человеческой уборной он, конечно, разобрался куда быстрее, чем с языком программирования, но это было совсем не то.

Впрочем, глупые мысли кошачьей сущности он сразу же пресек. Не для того он привел в порядок шерсть, чтобы предстать перед принцессой чумазым бродягой. Да и одежду спутников пачкать не хотелось. Закончив подъем, все участники операции, включая Пэгги, надели поверх арамидовых костюмов комбинезоны работников плантаций или облачились в броню сотрудников правопорядка. Возможности черного рынка в городе оказались поистине безграничными, а оборотистый Йохан Дален знал людей, которые не задавали лишних вопросов.

Бесшумно скользя вдоль огуречных шпалер, княжич старался не светиться перед камерами и не оставлять следов. Конечно, весело было бы поглядеть на вытянувшиеся лица биологов при виде отпечатка его лапы, но на глупости не хватало времени. Хотя вид его спутников не вызывал подозрения, осторожность пока еще никому не мешала.

— Ну что, кошак, готов? — приятельски кивнул Кевин, когда они достигли защищённого энергетическим полем личного сада главы научного отдела.

До недавнего времени это был режимный участок. Но сейчас пост охраны отсюда убрали. Охотникам не хватало людей, а обмануть камеры наблюдения Шаману и Кудеснику не составило труда.

Обычно при прохождении защитного поля Синеглаз ничего не чувствовал. Однако в этот раз невидимая граница показалась ему упругой и неподатливой, точно вода или даже густой кисель вроде того, в который княжич бултыхнулся лет в пять, когда, желая полакомиться и угостить маленькую царевну, поскользнулся на краю и не удержал равновесия. Хорошо, что сорокаведерный чан уже почти остудили для предстоящего пира, но выбраться на поверхность и не утонуть оказалось той еще задачей.

— Все в порядке? — заметив напряжение четвероногого напарника, спросил Кевин.

Синеглаз только неопределенно муркнул и потерся о его ноги, приглашая следовать за собой. Когда преграду преодолели

все члены отряда, княжич ощущал поле почти как агрессивную среду, и кто-то из повстанцев пожаловался, что ему обожгло лицо и руки.

Что бы это могло значить, княжич не представлял и на всякий случай еще раз прислушался к своим ощущениям. Вроде бы проблесков цветного зрения, знаменовавших скорое возвращение к человеческому облику, он не замечал. Да и при естественной для большинства животных ходьбе на пальцах не испытывал дискомфорта. А что до ломоты во всем теле, которая тоже предшествовала обращению, так ни одна изнурительная погоня за быстроногими косуляками не могла сравниться с нагрузками последних суток. Конечно, князь Ниак старался не задерживаться в чужом облике из опасения потерять свой. Но со времени обращения не прошло даже суток.

Хотя княжич понимал, что не имеет права рисковать, поставив под угрозу успех всей операции, докучать кузинам беспочвенными сомнениями он не стал. Обеим и без него хватало проблем.

Кристин и ее спутники закончили спуск в долину и теперь пробиралась по пустоши, пытаясь избежать встреч с патрулями. Чтобы остаться невидимым для Амитабха и других программистов службы безопасности, Пабло не рисковал подключаться к каналам охотников и даже с товарищами из города поддерживал связь лишь эпизодически и через «Эсперансу». Меж тем привлечь темных тварей, как это сделали на пути в город спутники Синеглаза, никак не получалось. Большинство медуз, расплодившихся возле периметра и питавшихся органикой с местного кладбища и свалки, сейчас осваивались на руднике, и на сигналы трансляторов не реагировали.

— Похоже, исчезновение поля, от энергии которого они подзаряжались, их дезориентировало, — виновато объясняла товарищам Кристин. — Давно я не наблюдала у них такого агрессивного поведения.

— Злятся, гадины, что добычу у них из-под носа увели, — имея в виду спасение заключенных, пошутил в ответ Лев Деев.

— Патрульным, я думаю, с ними тоже сейчас несладко, — пытаясь по вибрации определить местонахождение дозорных, предположил Аслан.

— Скажите спасибо, что эти темные твари до нас не докапываются, и не надо тратить энергию на защитное поле или обнаруживать себя, паля почем зря из скорчеров, — нашел в ситуации положительную сторону Дольф.

— Энергия нам еще понадобится для штурма секретной

лаборатории, — тяжело переводя дух, согласился с ним Пабло Гарсиа. — А от патрульных, если что, как-нибудь отобьемся.

В это время принцесса Савитри входила в зал заседаний Городского совета.

После кричащей роскоши покоев Нарайана убранство этого просторного помещения выглядело скромным и безыскусным. Другое дело, что все постройки вестников, которые видел Синеглаз, начиная от модулей научной станции на Васуки и заканчивая учебными аудиториями лицея, поражали плавностью линий и завораживающим совершенством форм, не требующих дополнительных украшений. К тому же сам размер зала мог считаться роскошью. В городе под куполом жизненное пространство давно стало такой же ценностью, как вода и воздух, и показывало статус владельца и степень его состоятельности.

После визита в кабинет профессора Нарайана, двух недель в лицее и краткого, но бурного экскурса по нижним уровням, княжич мог сказать, что обитатели надзвездных краев в этом отношении мало чем отличаются от жителей Царского града. На его родине окрестности Дворца Владык, словно яхонт оправой обрамленного нарядными палатами вельмож, выделялись в центре города не только массивностью построек, но и пышностью вертоградов, украшенных заморскими деревьями и цветами. Затем шли кварталы торговцев и ремесленников с домами поменьше и поскромнее. А возле стен и за их пределами ютилась беднота.

Зал заседаний тоже располагался под самым куполом на одном уровне с фруктовым садом, и его укрепленный силовым полем прозрачный потолок открывал вид на пустошь и черное зловещее небо. Сегодня на городском небосклоне словно взошла новая звезда, способная не только затмить тусклый свет красного карлика, но и посоперничать сиянием с иными сверхновыми. С появлением принцессы Савитри в зале, казалось, стало светлее.

Да что там далекие и холодные звезды. Даже царица Серебряная, которую придворные поэты без лести сравнивали с тремя дочерьми Владыки Дневного света, не говоря уже о матушке, первой красавице Страны Тумана, не выглядели так притягательно и при этом величественно. Другое дело, что сольсуранские златокузнецы и синтрамундские ткачи, у которых владыки Страны травяных лесов заказывали паволоки и украшения для своих жен, при всем старании не могли тягаться искусством с придворными мастерами Альянса. Наряд принцессы Савитри в изысканности дорогих тканей и переливов вышивки ручной работы сохранял связь с традиционным облачением махарани Сансары. При этом он непостижимым образом

гармонировал со строгим убранством зала. Неудивительно, что члены совета в восхищении встали с мест.

Профессор Нарайан удовлетворенно улыбнулся, наслаждаясь произведенным впечатлением, а потом представил махарани, без запинки перечислив все ее титулы. Похоже, за последние тридцать лет он настолько свыкся с ролью почтительного и любящего жениха, что ему не составляло особого труда надеть привычную маску.

— Хотя мы собрались здесь, чтобы обсудить ситуацию в городе и недавние события на руднике, — начал он вместо приветствия, — я бы хотел поделиться с вами радостью, которую не могут омрачить никакие тревожные известия. Махарани Сансары, чью потерю я оплакивал четыре долгих года и о разлуке с которой скорбел каждый день, не только не погибла на пустоши, но и отыскала дорогу в город. И она готова подарить нам свое общество, оросив наши оскудевшие нивы благодатью, дарованной династией раджей.

— Во как выкаблучивается, паскуда! — проверив зарядку скорчеров, фыркнула Пэгги.

Как и другие члены группы, она наблюдала за ходом заседания с помощью линз виртуальной реальности.

— Хорошо, что Савитри больше такими шутками не проймешь, — согласился с ней Ндиди, сноровисто разбирая систему искусственного полива.

Чтобы прикрыть отступление, туда собирались заложить взрывчатку. В это время Кевин и Шака возились с детонаторами, выбирая место с таким расчетом, чтобы не задело своих. Остальные, рассредоточившись по саду, с большим или меньшим усердием имитировали уход за растениями, готовые в любой момент взяться за оружие. А Синеглаза пока спрятали под раскидистыми листьями цветущего ванкуверского папоротника, откуда он внимательно наблюдал за происходящим, ловя каждый запах или звук, и при этом по ментальной связи не забывая следить за ходом заседания.

Он бы, конечно, не отказался наведаться в покои профессора и обезвредить взрывчатку, заложенную под генераторами кислорода, но, как выяснилось, помимо защитного поля кабинет главы научного отдела охраняла целая система дверей не только с электронными, но и с механическими замками.

После церемонии представления профессор Нарайан дал слово Савитри.

— Ну, сейчас она им покажет, — простодушно заметил Мубарек.

Но махарани Сансары слишком хорошо понимала, что пока

не время, а красивые, округло оформленные официальные речи она научилась произносить, еще когда ее мозг не имел подключения к процессору с генератором готовых текстов. Синеглаз и сам учился владеть ораторским искусством. Он ничего не загадывал, но знал, что вовремя произнесенное и правильно подобранное слово может оказаться оружием не менее грозным, нежели меч. Именно таким острым клинком стала смонтированная Эйо программа, выхода которой они сейчас ждали как условного сигнала.

Савитри тоже ждала, поэтому без запинки врала, выражая благодарность совету и распинаясь о своей бесконечной любви к жениху.

На бедного Ндиди жалко было смотреть. Хотя он пытался сохранять самообладание, его лицо выражало неподдельную муку.

— Спокойно, боец, это все сплошной блеф, — дружески похлопала его по плечу Пэгги. — Твоя махарани просто тянет время и дает нам возможность все подготовить. Заметь, она ни разу не назвала имени этого упыря Нарайана. Так что, считай, все эти признания адресованы тебе.

Остальных, включая Синеглаза, больше коробило от планов по подавлению мятежа, которые глава научного отдела, закончив с официозом, принялся излагать с таким видом, будто вносил предложения по перепланировке города или даже генеральной уборке. На самом-то деле он задумал не ремонт, а переезд, пустив прежний дом под снос. Но о своих планах предпочитал пока не распространяться, гипнотизируя совет непоколебимой уверенностью.

— Не вижу смысла тратить сейчас энергию и интеллектуальные ресурсы на взлом защитного поля, которым бунтовщики отгородили свои кварталы, — успокаивал он членов совета, объясняя нынешнее затишье в действиях охотников. — На нашей стороне играет время, а этот грозный воин побеждал всех, кто, попав в треугольник Эхо, пытался диктовать свои условия. Через пару дней, когда у мятежников закончится энергия, они сами приползут к нам, прося защиту от медуз.

— Вот ушлепок, — выругалась Пэгги, — Жалко, что вы не разрешили запустить к нему в кабинет десяток тварей пустоши.

— Чтобы они на нас же и напали? — строго глянул на нее Шака. — Вот уж спасибо! И вообще, не лишай нас всех удовольствия скрутить этому фраеру шею против резьбы!

Синеглаз облизнул нос, чтобы лучше уловить запах Нарайана. Он бы тоже не отказался узнать, какова на ощупь его гортань, или изведать вкус потрохов. Раз уж нет возможности

накормить ими самого профессора. По ментальной связи он чувствовал, что Савитри тоже думает о том, насколько легко вынимается из прически острая заколка-бабочка.

— Но ведь на нижних уровнях живут и ни в чем не повинные люди: дети, женщины, старики, — всплеснула руками глава отдела социальной защиты и опеки, ухоженная молодящаяся дама в цветастом костюме, обтягивающем далеко не идеальную фигуру.

В ее устах слова о невинных детях прозвучали особенно цинично. Как поведала Камилла, все операции по изъятию детей для трансплантации проводились исключительно с ее согласия. Впрочем, эта женщина отстаивала свой шкурный интерес и не хотела терять неплохой доход.

— Кого вы называете невинными? — не скрывая презрения, повернулся к ней Нарайан. — Все обитатели нижних уровней — это бунтовщики и их родня.

— А как же охотники, их семьи и другие граждане, лояльные совету? — напомнил начальник департамента снабжения, при попустительстве которого медикаменты и предметы первой необходимости уходили на черный рынок.

— Если пострадает кто-то невинный, то его кровь падет на голову восставших, — отрезал Нарайан. — Махарани подтвердит, у нас на Сансаре с мятежниками разговор короткий.

Синеглаз знал, что при этих словах бедная Савитри залилась краской, практически невидимой под густым слоем косметики. Хорошо, что процессор быстро выровнял гормональный фон. Сколько раз ей приходилось если не подписывать чудовищные приказы своего жениха, то быть молчаливой соучастницей его преступлений! Как же Синеглаз ее понимал!

— Мы сейчас не на Сансаре, и у нас нет деления на касты. Это закреплено в уставе города еще Даярамом Вармой, — с легким вызовом напомнил начальник управления геологоразведки, один из немногих членов старого совета, по причине исключительного профессионализма сохранивший свой пост несмотря на неуступчивость и крутой нрав. — У рабочих, которых тут называют бунтовщиками, есть вполне конкретные требования по улучшению условий их жизни и труда. Я неоднократно подавал рапорты о необходимости замены устаревшего оборудования, расширения жилых модулей и организации для рабочих хотя бы одного легального кабинета амбулаторного приема. Но представители социальных ведомств меня не услышали.

— У нас и так урезали финансирование, — возмущенно глянул на него глава департамента здравоохранения, приказом

которого жители нижних уровней остались без медицинской помощи. — Вы лучше меня знаете, что последние два года почти весь городской бюджет направлялся на переоборудование корабля, способного преодолеть гравитацию черной звезды.

— Ну и где этот корабль? — не скрывая раздражения, поинтересовался начальник геологоразведки.

Профессор Нарайан словно ждал этого вопроса.

— Корабль полностью готов к вылету. Осталось только проверить состояние реакторного топлива и зарядить аккумуляторы, — поведал он с торжествующей улыбкой. — Мы закончили все работы несколько месяцев назад, и я ждал удобного момента, чтобы сделать доклад. К тому же я не терял надежды отыскать принцессу Савитри.

По залу пробежал гул одобрения. Пожалуй, даже появление махарани Сансары не вызвало такого воодушевления. Члены совета возбужденно переговаривались, что-то переспрашивали, многие уже с трудом могли усидеть на месте, готовые нестись паковать чемоданы.

Начальник управления геологоразведки остался невозмутимым, словно новость его не касалась вообще. Похоже, он если и не знал, то догадывался о планах главы научного отдела.

— Я рад, что дело Маркуса Левенталя все-таки сумели завершить, — кивнул он, явно намеренно напомнив собравшимся, чьим детищем является «Эсперанса». — Но если переоборудование корабля закончено, почему бы не отправить освободившиеся средства на нужды города? Надеюсь, вы понимаете, что один звездолет не сможет забрать отсюда всех?

Члены совета глянули на него как на убогого слепца, который в квартале менял вещает о Правде Великого Се и законах царя Арса. Мысли большинства уже были далеки от здешних проблем. Синеглаз понял, что, если бы профессор Нарайан внес предложение взорвать генераторы воздуха, его бы поддержали, как придворные лизоблюды во Дворце владык поддерживали любые решения отца. Впрочем, глава научного отдела не спешил раскрывать карты.

— Не вижу смысла вносить сейчас какие-то изменения в бюджет, — спокойно проговорил он. — Когда «Эсперанса» покинет треугольник Эхо, население города в любом случае уменьшится, а следовательно — освободится место, и появятся дополнительные ресурсы.

— Да вы, как я погляжу, решили провести чистку еще до отлета корабля, — усмехнулся начальник геологоразведки. — Как еще можно истолковать Ваши уверения в том, что медузы на

выработке — это не проблема? Впрочем, по городу не просто так курсируют слухи о тайных лабораториях и ужасах нижнего рудника.

Профессор Нарайан принял боевую стойку, намереваясь уничтожить оппонента блестяще выстроенными аргументами. Но в это время на голографическом мониторе появились первые кадры с изуродованными трупами подопытных, сопровождаемые красочно оформленным понятным рассказом о сути проводимых экспериментов.

— Что это за дурацкий пасквиль? — первым возмутился директор департамента здравоохранения, хотя наверняка знал об исследованиях главы научного отдела.

— Мы не имеем к этому никакого отношения. Это все происки бунтовщиков. Нас взломали, — едва ли не со слезами на глазах оправдывался управленец из отдела массовой информации и рекламы.

— Но откуда они получили данные исследований? — с невинным видом поинтересовалась принцесса Савитри, которой немалого труда стоило скрыть презрительную улыбку.

— У нас в отделе не было никаких утечек, — в запале воскликнул заведующий кафедрой молекулярной биологии и тут же, понимая, что выдал себя с потрохами, добавил. — И вообще в городе ничего подобного не проводится.

— Да заблокируйте вы уже наконец этот канал, — потребовал глава департамента правопорядка, который параллельно открыл трансляцию со служебных камер его ведомства, установленных на уровне «мутантов» и наблюдал за реакцией тех жителей, кто еще не до конца утратил разум.

Поверили, понятно, далеко не все. Кто-то громко возмущался изощренным враньем «уродов», кто-то в запале даже принялся бить и курочить вмонтированные в стену проекторы. И все же почти на всех лицах вне зависимости от возраста, характера врожденных увечий и ухищрений мастеров имплантации отражалась растерянность.

Она же читалась и в глазах членов совета. Все эти расфуфыренные чиновники напомнили Синеглазу героев сказок про голого короля и волшебный кафтан, которые им с маленькой царевной рассказывала царица Серебряная. Княжичу всегда нравился момент разоблачения, когда тайное становилось явным, глупцы оставались ни с чем, а обманщики получали по заслугам.

Сейчас, хотя короли уже разгуливали без порток, крошка Цахес еще прикидывался господином Циннобером. И волшебный кафтан с него только предстояло сдернуть.

Когда на экранах появилась запись признания, в зале совета

повисла зловещая тишина, а над уровнем мутантов, казалось, и вовсе пролетела Медуза горгона. Их кумир только что смешал их с прахом и развеял по ветру.

— Как это прикажете понимать?

Лицо начальника отдела снабжения шло красными пятнами. Заслуженный казнокрад терпеть не мог, когда обманывали его.

— Наглая ложь и бессовестная клевета!

Хотя профессор Нарайан, конечно же, догадался, когда и кем была сделана эта запись, на лице его не дрогнул ни единый мускул.

— Я думаю, специалисты нашего медиацентра без труда изобличат эту дешевую подделку.

— Запись подлинная, ее копия сохранена на моем процессоре, и, если кто-то сомневается, я могу прокрутить полную версию.

Если бы профессору Нарайану вспороли живот и начали вытаскивать наружу внутренности, он бы и то выглядел менее шокированным. Непонимающим взглядом он смотрел на Савитри и не верил, что она могла решиться на такой чудовищный с его точки зрения поступок.

— Ты, да ты, да как ты посмела?! — только и смог выговорить он. — Ты же без меня тут просто никто! Я ж тебя в порошок сотру!

— Я махарани Сансары, — отчеканила принцесса. — Наследница духа Варуны, плоть от плоти поколений моих предков, и я больше не позволю, чтобы мое имя и честь династии покрывали грязью и кровью.

Сейчас она походила на прекрасную пеструю бабочку, которая сбросила оковы тесного кокона и расправляет покрытые золотистой пыльцой крылья.

— Что ты тут несешь? Кто внушил тебе эту чушь? — задохнулся от возмущения Нарайан. — Кто дал тебе право причислять себя к великой династии? Ты всего лишь бездушная кукла с куриными мозгами клона, неудачное творение, на которое не пожелал снизойти даже дух моей бедной возлюбленной.

— В таком случае, нам и вовсе не о чем говорить, — презрительно скривилась Савитри. — Ты отрекся от меня едва ли не в день моего появления на свет, но все эти годы продолжал использовать. Теперь я в свою очередь расторгаю нашу помолвку.

Эту волнующую сцену Синеглаз наблюдал во время броска до зала совета, куда ворвался, чтобы увидеть, как Шатругна Нарайан намеревается свое творение уничтожить. В руке главы научного отдела блеснул клинок, против которого заколка-бабочка выглядела детской игрушкой.

Хорошо, что профессор не учел молниеносность реакции андроидов. От первого взмаха Савитри уклонилась, а в следующий миг между ней и ее бывшим женихом встала Пэгги. Кинжал выпал из вывернутых пальцев профессора, следом за ним едва не отправилась и голова. ПГ-319 могла безо всякого оружия сломать противнику хребет.

К сожалению, ей этого не позволили. Телохранители взяли руководителя научного отдела в плотное кольцо. В это время другие сотрудники службы безопасности под вопли перепуганных членов совета пытались отбить Савитри. Впрочем, Ндиди второй раз отдавать кому-либо возлюбленную не собирался. Пока Пэгги вела ближний бой с личной охраной, Синеглаз живым воплощением хаоса носился по залу, наводя ужас на членов совета и отвлекая внимание, а Кевин, Мубарек и остальные держали оборону в саду, не позволяя отрезать пути отхода, он вывел принцессу из зала. Вскоре к ним присоединилась Пэгги.

Синеглаз еще немного порычал для острастки, перевернул пару стульев, прокусил запястье охранника, пытавшегося подстрелить Пэгги, и тоже покинул зал, успев присоединиться к товарищам за несколько мгновений до взрыва. Кудесник сразу после его ухода заблокировал двери, временно замуровав руководителя научного отдела в одном помещении с членами городского совета. Рассерженные чиновники и главы ведомств хотели задать немало вопросов.

— Моя прекрасная возлюбленная! Махарани моей души!

Хотя Ндиди в порыве чувств порывался нести Савитри на руках, принцесса ему этого не позволила. Она не только сбросила положенные по протоколу неудобные туфли на высоком каблуке и тяжелое покрывало, но и потребовала дать ей скорчер. Еще одна воительница с молниеносной реакцией и отточенными на пустоши навыками прицельной стрельбы сейчас в группе была не лишней. На территорию личного сада и в район плантаций стянули едва ли не всех охотников, не задействованных на патрулировании нижнего уровня. Стянули бы больше, да рудокопы под командованием Брендана и Прокопия с Эркюлем, дабы отвлечь внимание, пошли в наступление.

— Ходу, бойцы, надеюсь, вы не собираетесь жить вечно? — торопила товарищей Пэгги, сноровисто взламывая защитные поля, благо скрытность им больше не требовалась.

Шака и Мубарек включили переносные генераторы, создав энергетический купол. На этот раз охотники стреляли боевыми. Шаман вел группу по плантации, передавая маршрут перемещения противника и предупреждая о засадах.

Синеглаз, для которого невидимый щит был все равно

бесполезен, мчался впереди, прокладывая дорогу, благо трассирующие пули и плазменные заряды летели в основном над его головой. Он уже видел спасительный вход в технический коридор, уже ощущал запах смазки и механизмов, смешанный с ароматами сада, разбавленными вонью от паленого пластика. Однако в этот момент черно-зеленая картинка внезапно стала снова цветной…

Он сделал по инерции несколько прыжков и, неловко поскользнувшись, кубарем полетел прямо под ноги охотников. Ибо его мягкие пружинящие передние лапы с мощными когтями стремительно превращались в худые и слабые руки подростка. Задние, наоборот, удлинялись, смещая центр тяжести и не позволяя пока бежать ни на двух, ни на четырех. Да какое там бежать? Он и идти-то сейчас не мог: во время обращения все тело жестоко скручивало узлом, а в жилы, казалось, заливали расплавленный свинец. Обычно это продолжалось всего несколько минут, но сейчас они могли стать для княжича роковыми.

Ох, отец, что ты наделал?! Впрочем, князь Ниак, видимо, уже давно не числил сына среди живых. Тем более, по слухам, где-то в мирах Содружества у него подрастал еще один ребенок, рожденный одной из подруг царицы Серебряной. Правы были Шварценберг и Таран. Не стоило ему ввязываться в эту авантюру! С другой стороны, даже Пабло Гарсиа не смог бы взломать защитное поле незаметно, а если бы они ждали благоприятного момента на границе личного сада, не успели бы спасти принцессу Савитри. По крайней мере, товарищей он не подвел. Если даже оставят в живых, на этот раз сыграть под дурачка не выйдет. С другой стороны, что он не видел в этом лицее?

Но что это? Кто налетел, точно ураган, на изумленно сгрудившихся вокруг княжича охотников? Чья рука подхватила Синеглаза поперек туловища, буквально вырвав из лап службы безопасности? Кто легко и бережно поднял его еще не до конца освободившееся от шерсти голое тело и закинул на плечи. Неужели Ндиди? Да, это он первым даже раньше Шаки понял, что произошло с «кошаком» и, поручив принцессу заботам Пэгги, устремился на помощь.

— Не переживай! Я только вытащу его, и мы вас догоним, — пообещал он принцессе.

Но не все обещания можно выполнить. Хотя Шака и Мубарек бежали им навстречу, поддерживая огнем, а Кевин пытался настроить генератор, чтобы прикрыть их, охотники оказались быстрее. Когда Ндиди с разбегу наткнулся на энергетический щит, который успели раньше Кевина выставить на его пути

охотники, Синеглаз вновь упал. Благо земля на плантациях была мягкой и влажной. Они оба спина к спине еще успели встать в боевую стойку, но охотники без лишних церемоний оглушили обоих из парализаторов.

Последним, что услышал Синеглаз, был истошный, захлебывающийся крик Савитри, которому вторил отчаянный возглас Кристин. Бедная принцесса билась в железных объятьях Пэгги, увлекавшей ее вглубь спасительного коридора. Княжич хотел порадовать напоследок Ндиди, сказав ему, что махарани в безопасности. Но губы уже не слушались, а в следующий миг его разум поглотила тьма.

Глава 36. Паутина каракурта

Почему любая победа вместо радости приносит только опустошенность и горькие размышления о цене? Когда Брендан, войдя в убежище, увидел сухие немигающие глаза Эйо, ему захотелось вернуться на захваченный медузами рудник или добровольно стать подопытным в секретной лаборатории. Даже взгляд шахтера, которому во время боя оторвало ногу, не выражал столько боли. Эйо сидела у монитора неподвижно, обнимая притихшего Камо, в своем суровом и скорбном оцепенении похожая на Рокамадурскую мадонну[22]. Хотя внутри у нее клокотала раскаленная магма, которая переплавляет углерод, выталкивая сквозь горную толщу на поверхность алмазы.

Брендан сделал шаг вперед, чувствуя, как воздух вокруг него превращается в жидкое стекло или застывающую смолу, а расстояние между ним и Рукодельницей растягивается на сотни парсеков. Руки, которыми он бы хотел обнять любимую и приласкать малыша Камо, ни в какую не поднимались, словно это по ним прошел заряд парализатора.

Ну почему в руках Нарайана оказался именно Ндиди? И кого тут винить? Уж точно не Синеглаза и даже не его отца-цареубийцу, который словно специально выбирал момент для обращения. Какой может быть спрос с подлого предателя и интригана?

Зато с бойца подразделения «Барс» спрашивать можно и нужно. Брендан, единственный из оставшихся в городе участников сопротивления, не считая израненного Ящера и едва выбравшегося из плена Прокопия, имел нужные навыки. Но опять не успел, не смог уберечь, не спланировал по-другому, отпустил товарищей наверх одних. Хотя должен был настоять, убедить, пригрозить. Но всеми правдами и неправдами отправиться с ними. Он хотел подарить Эйо весь мир, а принес ее семье одни несчастья.

— Думаешь, если бы в плен попал еще и ты, мне стало бы легче?

Словно прочитав его мысли, Эйо в один шаг преодолела все световые года и разрушила все стеклянные стены, которые он между ними воздвиг. И хотя ее прикосновение сначала обожгло, оно же принесло исцеление. Правда, в тот миг, когда пластины экзоскелета тронули маленькие ручонки Камо, к горлу Брендана подкатился комок размером с астероид.

— Если их не убили сразу, еще не все потеряно, — попытался обнадежить товарищей Эркюль, виновато обнимавший

мартышек. — Может быть, Нарайан захочет обменять их на принцессу.

— Или прикажет пытать, чтобы узнать параметры защитного поля и координаты убежища, — отвел глаза Прокопий.

— Тем более, у Ндиди не штоит, как у наш, блокировка, а мальчишка и вовше не пойми каких кровей, — прошепелявил Ящер.

Им с Гу Синем потому и пришлось испытать на себе почти все принятые в тюрьмах Альянса методы физического воздействия, поскольку допросы с применением «сыворотки правды» не имели смысла. А ведь Брендан как врач знал список препаратов, чье взаимодействие с амитал-натрием приводило к временной потере памяти, и даже видел их в аптечке у Далена.

— Насчет убежища не беспокойтесь, мы уже поменяли все пароли, — доложили Кудесник и Шаман.

— А тайный проход теперь наглухо закрыт, — добавил Маркус Левенталь.

В самом деле, охотники, которые в азарте преследования попытались вскрыть обшивку, запустили аварийный протокол. Теперь, чтобы отжать заклиненную и заваренную дверь или пробиться через несколько слоев макромолекулярных соединений и титановых сплавов, требовалась специальная техника и не менее суток работы. А попытки перехватить Савитри и ее спутников на нижних уровнях мгновенно пресекались Кудесником и Шаманом.

Но кто сказал, что Нарайан не захочет замучить пленников просто ради того, чтобы на ком-нибудь сорвать свою злобу?

Впрочем, у руководителя научного отдела пока хватало и других проблем. Гигантский каракурт пытался починить едва не уничтоженную Савитри паутину.

Когда стало ясно, что нападавшие ушли, и дверь заблокирована, профессор Нарайан как ни в чем не бывало вернулся на председательское место и волевым жестом вправил вывихнутые Пэгги пальцы. В это время охранники, остававшиеся внутри, рассредоточились по залу, взяв на прицел членов совета.

— Теперь, я думаю, все убедились в том, что весь гнусный пасквиль, который вы сейчас увидели, создан бунтовщиками с единственной целью дискредитировать совет и посеять в городе хаос, — проговорил Нарайан, уложив перед собой на стол наливающуюся черным отеком руку.

— Но запись подлинная, — возразил начальник отдела снабжения. — Принцесса скинула ее всем, я только что проверил.

— Для выявления высококачественных подделок требуются недели, а то и месяцы, — обиженно пояснил глава

информационного департамента, который даже сейчас пытался выгородить свое ведомство.

Впрочем, судя по его испуганному лицу, он уже видел жуткую картину своих мозгов, размазанных по обшивке зала, и остальное его не занимало.

— Послушайте, неужели вы всерьез собирались спасать всех этих голодранцев, которые попусту тратят кислород и энергию и не способны ни на что, кроме как выражать свое недовольство? — снисходительно глянув на членов совета, усмехнулся Нарайан. — Я, кажется, ясно озвучил, что для перспективных ученых и адекватных управленцев, которых в совете большинство, на «Эсперансе» подготовлены комфортабельные каюты.

— Под предателями вы имели в виду тех, кто не поддерживает ваши, мягко говоря, странные идеи и эксперименты? — равнодушно глядя в дуло скорчера, спросил глава геологоразведки.

— В самом деле? Что это за непонятные разговоры про какие-то секретные лаборатории? — спохватился начальник отдела снабжения.

— Да, я продолжил дело моей жизни, — гипнотизируя совет магнетическим взглядом, со странной смесью вызова и воодушевления проговорил Нарайан. — Я с юности мечтал о создании нового биологического вида. Сверхлюдей, не только обладающих необычной силой и выносливостью, но и способных выжить в неблагоприятных условиях.

Брендан, который в ожидании новостей вернулся к операционному столу, невольно бросил взгляд на экран, вспоминая три месяца увлекательнейшей работы в лаборатории. Как ученый он мог понять и оценить всю дерзновенность замысла профессора, не просто так считавшегося одним из лучших умов Альянса.

Еще несколько веков назад, когда генетику приравнивали едва ли не к шаманству, а изыскания в области создания рекомбинантных РНК и ДНК животных и растений встречали в штыки, ученые задумались о лечении тяжелых наследственных заболеваний. Уже тогда был предложен метод вирусных частиц, благодаря которому к началу космической эры и экспансии в другие миры удалось победить не только синдромы Дауна, Мартина-Белл, Вильямса, но и более редкие генетические нарушения. Исследователи и колонисты непригодных для терраформирования планет, подвергавшиеся воздействию жесткого излучения и других негативных факторов, могли больше не опасаться за себя и свое потомство.

Другое дело, что синтетические препараты для коррекции

ДНК по-прежнему стоили баснословно дорого, а закупить применяемое в молекулярной хирургии оборудование могли себе позволить лишь крупные научные центры, существовавшие только в больших поселениях, вроде Леи или Сербелианы. Да и специалистов не хватало, и это стало основной проблемой так называемых окраинных миров, в которых и более простые методы лечения были не всем по карману.

В городе под куполом в редактировании генома и помощи молекулярных хирургов нуждался каждый десятый, если не пятый. Та же Эгле Варма-Левенталь умерла после нескольких неудачных операций по удалению локальных опухолей, так и не дождавшись необходимого ей препарата, подавляющего рост раковых клеток. А в это время Шатругна Нарайан, не замечая ничего вокруг, тратил ресурсы на свои сомнительные эксперименты по выведению сверхлюдей.

— Вы не спросили у испытуемых согласия, — услышав рассказ о блестящих перспективах и новых возможностях человечества, напомнил глава геологоразведки.

— А вы считаете, им было бы лучше продолжать жизнь калек? — не дрогнув, глянул на него Нарайан.

На сей раз Брендан презрительно скривился под врачебной маской, вспоминая свою вылазку в район секретной лаборатории и сбор генетического материала, когда ему пришлось ради маскировки забраться в вагонетку с трупами. Профессор по своему обыкновению лукавил и выдавал желаемое за действительное. Ни брат Ласло Золтан, ни Гу Синь, ни жертва экспериментов Венсан Даррье не страдали никакими наследственными заболеваниями. Да и большинство охотников, которым успешно внедрили фрагменты ДНК асуров, хотя и имели некоторые нарушения кариотипа, в целом отличались неплохими для города показателями здоровья.

Другое дело, что среди членов совета только глава департамента здравоохранения имел медицинское образование и в общих чертах знал о направлении исследований профессора. Остальные же слушали его, открыв рот. Каракурт[23] восстановил паутину, и едва не освободившиеся из тенет мясные мухи, слепни и шершни вновь погрузились в оцепенение, убаюканные сладкой отравой, убивающей разум и превращающей плоть в бульон. К тому времени, когда работники инженерной службы разблокировали двери, взбунтовавшийся было совет снова оказался под контролем.

Пообещав оперативно подавить бунт на руднике и ликвидировать пиратов, создающих угрозу благополучному старту «Эсперансы», Нарайан триумфально удалился. Вернувшись

в опустевший после побега Савитри кабинет, он сразу же вызвал главу службы безопасности, продолжая держать распухающую руку на весу.

— Срочно готовьте усиленную группировку для штурма «Эсперансы», — распорядился он коротко и жестко. — И не забудьте оставить в танках места для экипажа корабля и пассажиров.

— Членов Совета тоже включить в список? — уточнил глава службы безопасности.

— Чего ради! — сделав непроизвольный жест травмированной рукой, скривился Нарайан. — Чтобы эти предатели еще по пути до корабля воткнули мне в спину нож?

Он все-таки открыл личный анализатор, убедился, что средний и безымянный пальцы не вывихнуты, а сломаны, и теперь проводил процедуры восстановления, даже не позаботившись об обезболивании. Похоже, бушевавший в его крови адреналин работал не хуже анальгетика.

— Экспедицию возглавлю я лично, — проговорил он по-прежнему спокойно и жестко, хотя его все еще потряхивало от болевого шока. — Придется немного потесниться, загрузив несколько машин образцами породы и реакторным топливом. Следует так распределить места в танках, чтобы пассажиры корабля и экипаж не пострадали во время схватки. А если пираты уничтожат охотников, нам же проще. Не придется никого оставлять на пустоши.

— А как прикажете поступить с городом?

Глава службы безопасности хотя и стоял, едва ли не вытянувшись в струнку, кажется, каким-то образом ухитрялся все фиксировать, и не только на накопителе, но и в блокноте.

— А разве есть какие-то варианты? — строго глянул на него Нарайан. — Секретный протокол проработан до мельчайших деталей. По нему и действуйте.

Хорошо, что Брендан уже закончил оперировать шахтера с развороченной ногой и только приступил к осмотру тяжелого проникающего ранения одного из участников последнего столкновения с охотниками. Выпавший от неожиданности из рук корнцанг просто отправился в автоклав для стерилизации. Впрочем, надеяться, что Нарайан передумает и откажется от воплощения своего безумного плана в жизнь, было наивно и глупо.

— Может быть, все-таки открыть ему глаза на ошибку в проектировании этого агрегата энергополевого разграничения? — предложил Прокопий, которому Брендан еще во время первого визита на рудник рассказал о положении дел на «Эсперансе».

— И сдать с потрохами наш «Нагльфар»? — возразил ему Эркюль, безуспешно пытавшийся пересчитать развлекавшихся с ребятней мартышек.

— Пусть приходит! — приосанился на орудийной палубе пиратского корабля Таран. — Даже с полупустыми аккумуляторами мы сумеем дать ему отпор.

— Я собирался выйти на связь и все объяснить еще во время заседания совета, — неловко поводя заживающими руками, пояснил Маркус Левенталь. — Но теперь вижу, это не только бесполезно, но и опасно. Нарайан глух к доводам рассудка, как раненый тигр, а его приближенные — безмозглые фанатики, готовые выполнить любой самый чудовищный приказ.

В самом деле, главу службы безопасности слова о секретном протоколе нисколько не смутили. Он собирался его запустить еще сутки назад. Как аккуратный и преданный служака он только пытался уточнить детали.

— Но как же принцесса Савитри? — осторожно проговорил он. — Я не уверен, что мы сможем вернуть ее в такой короткий срок.

— Принцесса Савитри мертва уже тридцать лет, — напомнил профессор Нарайан, деловито скрепляя поврежденные кости. — По городу бродит озлобленная кукла с сорванной программой, от которой мне сейчас нужен только ключ от сокровищницы раджей, а его можно снять и с трупа, если такое понятие вообще применимо к дважды мертвому созданию. Когда я вернусь на Сансару, я создам еще одного клона и продолжу править от его имени и от имени его детей.

— Но мы захватили двоих сообщников похитителей, — доложил глава службы безопасности. — Я думал, их можно использовать как наживку.

На этот раз Брендан не стал ничего ронять, но все же ненадолго оторвался от монитора анализатора, чтобы хотя бы взглядом поддержать замершую с пачкой стерильных простыней Эйо.

Начальник службы безопасности показал профессору Нарайану голограмму пленников, которых поместили в камеру предварительного заключения, приковав к нарам и надев ошейники с электрошоком. Не до конца оправившийся после обращения Синеглаз все еще находился в забытьи. Ндиди открыл глаза и теперь по очереди напрягал и расслаблял разные группы мышц, пытаясь если не освободиться, то хотя бы проверить, насколько слушается тело, которому скоро, возможно, предстояло превратиться в кусок окровавленного мяса и изломанных костей, если не во что похуже.

— Дядя Ндиди! — вскрикнул Камо, с громким плачем бросаясь к матери.

И надрывным причетом, подобным вою раненой волчицы, ему ответила Савитри, которая только что вошла в убежище, словно специально для того, чтобы увидеть возлюбленного плененным и обездвиженным. Эйо, не глядя отдав кому-то простыни, обняла ее и только сейчас смогла наконец разрыдаться.

Брендан вернулся к анализатору. Вид разорванной селезенки, которую он планировал восстанавливать и частично удалять, сейчас представлялся зрелищем куда менее тягостным, нежели слезы любимой и искаженное ужасом лицо друга. Впрочем, когда очнулся Синеглаз, Ндиди взял себя в руки, пытаясь парнишку поддержать, насколько это было сейчас возможно.

Лицо профессора Нарайана тоже исказилось. Но этот раз от бешенства. Он стал похож на изображения демонов на барельефах древних храмов. Впрочем, чему удивляться. От одного из хтонических существ он и вел свой род.

— Это тот грязный кули[24], которого видели рядом с принцессой? — прошипел он, точно разгневанный тигр.

Брендану даже показалось, что его уши, как у хищника из семейства кошачьих, сначала встопорщились, потом прижались к голове.

— Когда мне доложили, что их видели вместе, я и предположить не мог, что наследница династии раджей падет настолько низко, чтобы по своей воле снизойти до такого ничтожества!

— Что прикажете с ним делать? — осторожно поинтересовался глава службы безопасности.

— Доставить в секретную лабораторию, — коротко распорядился Нарайан. — Я сам с ним займусь. Результатов трудов я, конечно, уже не увижу, но хотя бы скоротаю время до эвакуации. Когда вы вновь отыщете неблагодарную копию мой дорогой возлюбленной, я покажу ей, кому она меня предпочла!

— Почему я не сумела его убить? — всхлипывала, в бессилии грозя голограмме бывшего жениха, принцесса.

— Главное, ты сама осталась цела, — успокаивала ее Эйо.

— А что с мальчишкой? — бесстрастно разглядывая пленников, спросил глава службы безопасности. — Насколько я понял, это тот самый княжич с Васуки, который связался с пиратами и теперь действует с повстанцами заодно. Его видели на баррикадах, к тому же в облике тотема он каким-то образом преодолевает защитные поля.

— Очень печально, что бедному отроку основательно заморочили голову, — с сожалением покачал головой Нарайан. —

Надеюсь, он еще не совсем отравлен безумными идеями Арвинда Вармы и его последователей. Мальчик — прямой потомок Великого Асура, и мы все видели, насколько легко он принимает облик тотема и возвращается обратно.

— Кровь Великого Асура священна, — в благоговейном трепете кивнул начальник службы безопасности.

— К тому же его брак с одной из принцесс Альянса поможет укрепить наше влияние на Васуки, — продолжал Нарайан, уже прикидывая новую политическую комбинацию. — А его способность преодолевать защитные поля требует детального и подробного изучения. Проведите полное обследование и подготовьте его к эвакуации, а грязного кули после всех необходимых процедур пустите в расход.

Хотя приказы профессора Нарайана звучали совершенно чудовищно, Брендан после них в какой-то мере успокоился, словно получил четкую инструкцию для дальнейших действий.

— Ребята, держитесь, мы вас вытащим! — пообещал он вслух, зная, что Синеглаз может его услышать благодаря ментальной связи с Савитри.

Кажется, мальчишка, голограмму которого глава службы безопасности еще не отключил, едва заметно кивнул. Жаль, что кляп мешал ему передать эти слова Ндиди.

— Я пойду с вами, — заметалась по убежищу принцесса, которая, кажется, совершенно забыла, что ее экзоскелет остался в покоях главы научного отдела.

— Только бы из этой затеи вышел какой-нибудь толк, — всхлипнула Эйо, в который раз за эти сутки помогая Брендану с броней.

— Даже если Ндиди введут препараты, изменяющие кариотип, сразу они не подействуют. Поэтому мы быстро сумеем все купировать, нейтрализовать и вывести из организма, — обнадежил Брендан любимую и Камо.

Попутно он думал, под каким благовидным предлогом убедить Савитри остаться. Похоже, такие же мысли прокручивал и процессор Пэгги. Впрочем, сейчас в городе, кажется, не существовало безопасных мест.

— Лабораторию все еще охраняет защитное поле, и его никто не отключал, — разглядывая карту рудника, заметил Тонино, который, конечно, не мог забыть их прошлый бурный вояж.

— Поле я нащупал, слабые места уже вижу, — не без труда откашлявшись, объяснил вышедший на связь Пабло Гарсиа.

Судя по глубине грудных хрипов, которые Брендан слышал даже без фонендоскопа, боевой товарищ держался только на упрямстве и стимуляторах.

— Мы почти добрались до старого рудника, — уточнил Лев Деев. — Осталось найти тайник с горючим, и можно запускать резервный реактор.

— К которому мы по-прежнему не имеем доступа, — вздохнул Йохан Дален.

Вместе с Хенком и другими старожилами они только что пытались поговорить с командирами охотников и главами группировок.

— Ну фто там? — прошепелявил, поднимаясь на своем утлом ложе Ящер.

— Бесполезно, — устало отмахнулся Дален.

— Эти идиоты нас чуть не растерзали, — поделился впечатлениями старый Хенк.

— Говорят, что это все мы специально подстроили, — добавил Дален. — Когда же мы напомнили им по поводу планов их кумира взорвать город, охотники нас подняли на смех. Они убеждены, что уж для них-то на «Эсперансе» точно найдутся места.

— Тем более, они получили приказ готовиться к вылазке, — добавил Хенк.

На экранах видеонаблюдения было видно, что после передачи Эйо уровень мутантов гудит, как растревоженный улей. Маргиналы сбивались в банды, вытаскивали оружие из схронов и требовали от главарей вести их на «уродов». Шпана помельче громила магазины и бары, а охотники, вместо того чтобы наводить порядок, собирали скарб и собачились, распределяя в танках места.

— Что же я наделала? — в ужасе проговорила Эйо. — Они же разнесут город еще до того, как вступит в действие секретный протокол.

— А что им до города? — фыркнул Мубарек. — Все их мысли уже на корабле. Будто там их кто-нибудь ждет.

— Как это не ждет? — обиделся Таран. — Мы одних уже на пиксели порвали, и я с удовольствием эту процедуру повторю. Вы мне только огоньку подбавьте.

— Если мы сумеем запустить реактор на старом руднике, и энергетическое поле останется у нас под контролем, у них просто не получится выехать, — резонно заметил Лев Деев.

— И мы его запустим, — пообещал Дольф. — Даже если придется прорубать новый штрек. Проходческих комбайнов на руднике хватает.

— Новый штрек — это неделя работы, — вздохнул старый Хенк, и геолог-Аслан его поддержал.

— А у нас энергии меньше чем на двое суток, — проверив

генератор, покачал головой Цветан. — Даже на штурм лаборатории аккумуляторов может не хватить.

— Значит, надо в любом случае договариваться с мутантами, — заключил Маркус Левенталь. — Я сам поговорю с авторитетами и главами подразделений охотников. Думаю, Виктор Громов, — добавил он, имея в виду начальника управления геологоразведки, — и еще несколько членов совета из тех, кто работал под моим началом, нас поддержат.

— Возможно, какой-то вес будет иметь и слово махарани Сансары, — оставила свои метания принцесса Савитри.

Эйо тут же поспешила ей на помощь, приводя в порядок ее пострадавший во время путешествия по техническим коридорам наряд и прическу, из которой куда-то исчезла памятная заколка с бабочкой.

— Не переживай, подруга, — напутствовала махарани Пэгги. — Если хоть волос упадет с голов Ндиди и кошака, они узнают, что такое боевой андроид в режиме уничтожения.

Увы, любое обещание всегда проще дать, нежели выполнить.

— Нарайан, похоже, вообразил себя Натараджей Шивой. Он отдал приказ об эвакуации лаборатории и поручил своим мясникам уничтожить всех подопытных, которые еще не прошли весь цикл перестройки генома! Гу Синь и Золтан в списке одни из первых!

С такими невеселыми новостями Брендана и его товарищей встретил Лев Деев, чья группа уже заняла позицию на подступах к лаборатории, разместившись в тесной клетушке, предназначенной для отдыха ремонтников и операторов защитного поля. Впрочем, для того, чтобы осмотреться, не привлекая внимание охраны лаборатории и не тратя драгоценную энергию на медуз, ничего иного и не требовалось. Тем более что Пабло уже сумел подключиться к закрытой локальной сети.

— А что с нашим кошаком и Ндиди? — не без труда протиснувшись внутрь, приник к монитору Эркюль.

— Про Ндиди узнать ничего не удалось, а мальчика заперли пока в покоях Нарайана и стерегут как зеницу ока, — вздохнула Кристин, хлопотавшая возле Пабло, который после марш-броска и перегрузок во время экстренного подключения по нейросети находился в предобморочном состоянии, усугубляемом жестоким разочарованием.

Взлом энергетического щита доступ в лабораторию не открывал.

— Эта гребаная дверь реагирует лишь на биометрию узкого круга лиц, включая Шатругну Нарайана, — отплевывая кровь, пояснил оператор.

— А других уязвимых мест не показывают ни чертежи, ни данные с камер наблюдения, — вздохнул Лева Деев.

— А они там точно проводят опыты, а не золотой запас хранят? — на всякий случай поинтересовался Шака, изучая схему защищенной многоступенчатой системой фильтров вентиляции, какой не могла похвастать даже знаменитая сокровищница раджей Сансары.

— Еще и давление внутри всех помещений поддерживают зачем-то ниже нормы, — добавила Пэгги, в фантастической, но при этом невероятно грациозной позе пристроившаяся возле монитора.

— Так положено по протоколу, как и соблюдение полной стерильности, — пояснила Кристин, указывая на шлюзы и специальное покрытие пола и стен. — Это место изначально проектировалось как лаборатория бактериологической защиты для профилактики инфекционных заболеваний и предотвращения эпидемий.

— В городе с замкнутой системой подачи воздуха и вентиляции даже банальная вспышка кори может иметь роковые последствия, — понимающе кивнул Брендан, вспоминая гибель колонии на Лее. — Поэтому лабораторию и разместили подальше от жилых кварталов.

— После того, как в город доставили вакцину от синдрома Усольцева, интенсивность исследований снизилась, и часть помещений, включая стационар, пустовали, — продолжила Кристин, у которой превращение эпидемиологического форпоста в фабрику смерти происходило буквально на глазах. — Поэтому профессору Нарайану не составило труда убедить совет отдать помещение ему. Тем более что первое время, дабы зарекомендовать себя, он и в самом деле занимался лечением генетических заболеваний и молекулярной хирургией.

— А я уж думал, что значок бактериологической угрозы повесили так, для отвода глаз, — заметил Аслан, изучавший строение горной породы на предмет подрыва.

Пока ничего лучшего, нежели отключить поле и вышибить дверь направленным взрывом или буром проходческого комбайна, придумать не получалось. Брендан с тоской размышлял о том, что, если бы он чуть раньше узнал о происходящем в городе и сумел бы наладить связи с подпольем, ему бы, возможно, удалось получить допуск. Но в таком случае он вряд ли когда-нибудь встретился с Эйо и Ндиди, и уж точно не смог бы помочь принцессе Савитри.

Впрочем, что толку? Он вывел с нижнего рудника несколько тысяч обреченных, но Ндиди и Гу Синю не мог ничем помочь.

— Вы как хотите, а я иду за проходческим комбайном, — категорично заявил Шака, видя, как тюремщики неспешно проверяют списки на ликвидацию в то время как научные сотрудники консервируют оборудование, собирают материалы, подчищают архивы.

Брендан хотя и удивлялся альтруизму пиратского квартирмейстера, и сам понимал, что, если они не предпримут хоть что-нибудь в ближайшие полчаса, будет поздно.

— Нам бы где-нибудь «языка» с нужным уровнем доступа добыть, — мечтательно протянул Чико.

И в это время в наушниках на знакомой волне прозвучал ворчливый голос, который долгих двенадцать лет являлся Брендану исключительно в кошмарах.

— Вечно у тебя, Чико, сплошные бы да кабы. А как доходит до дела, то ты только портить все умеешь. Отставить комбайн, Шака! Танком обойдемся. Ну, где вы там чалитесь, салаги? Нам еще кошака из его золотой клетки спасать!

— Дядя Саав! — восторженно просияла Кристин, которая точно знала, что одноклассник отца из любой ситуации отыщет выход.

Пабло Гарсиа, заметно приободрившись, срочно настраивал параметры взлома защитного поля.

— А это точно не ловушка? — не поверил Мубарек, глядя на голограмму ухмыляющегося Шварценберга, который, словно рыбак — удачный улов, держал на весу облаченного в экзоскелет охранника лаборатории.

— Да я нашего кэпа и в восьмибитной графике ни с кем не спутаю! — просиял квартирмейстер, устремляясь в тоннель.

Как выяснилось, капитан «Нагльфара» и Санчес, убедившись, что охотники убрались восвояси, отыскали какой-то сверхкороткий маршрут и успели в город едва ли не раньше группы, выступившей пешком. Связавшись с Левенталем и выяснив обстановку, они на подступах к лаборатории подкараулили патрульного, вышедшего проверить, что там за шум, и теперь биометрия незадачливого стража служила им охранной грамотой и ключом.

— Я думал сначала без лишних разговоров откромсать этому вертухаю зашкварному руку, — пыхтел Шварценберг, сгибаясь под тяжестью добычи. — Но потом подумал, мало ли в каком месте и что они к этой двери прикладывают.

Шлюзовую камеру преодолели без особых проблем. Разве что пришлось подождать завершение процедуры очистки. Впрочем, стерильные противочумные балахоны служили неплохой маскировкой. Оставшийся в их импровизированном штабе Пабло,

конечно, вел их, взламывая энергетические поля, отпирая двери и корректируя изображение на камерах наблюдения. Но вызывать подозрения у охраны раньше времени не хотелось.

— Пока не доберемся до боксов со смертниками, огня не открывать, — напомнил Лев Деев после того, как Пэгги и Шака виртуозно и бескровно обезвредили двух чересчур подозрительных и дотошных охранников.

Пэгги применила безотказный удушающий прием, квартирмейстер нежно свернул безопаснику шею.

— Да здесь все надо напалмом выжечь, — негодовал бедный Ласло, для которого каждый шаг по лаборатории представлялся пляской босиком по раскаленным углям.

— Не надо ничего жечь, — пытался урезонить беднягу Эркюль. — Здесь одного оборудования на сотни тысяч. Да и материалы тоже чего-то стоят.

Брендан не спрашивал, откуда Обезьяний бог знает о стоимости оборудования. Он просто видел, что оснащению лаборатории позавидовали бы многие научные центры. Он с досадой вспоминал утлый анализатор и список почти шаманских гомеопатических препаратов, которыми в кабинете папаши Хайнца лечил больных, нуждавшихся в генетической или молекулярной коррекции. А в это время высокоточные приборы и мощные вычислительные машины использовались для того, чтобы калечить здоровых людей. И почему все, к чему прикасался Шатругна Нарайан, извращалось или становилось орудием убийства, словно покрываясь тлетворными метастазами его зловонной паутины?

И все же для Брендана и его спутников основную ценность представляли не высокоточные приборы и дорогие реагенты, а человеческие жизни. Поэтому, когда в районе боксов с испытуемыми послышались какая-то непонятная возня и сдавленные крики, они уже не замечали, что опрокидывают и какой железякой пробивают головы охранникам, оказавшимся слишком близко для выстрела.

Они успели до того, как боксы превратились в склепы, и после недолгой перестрелки мясники от молекулярной биологии и палачи из службы безопасности отступили, наглухо заблокировав шлюз, ведущий к подъемнику. Сколько охранников он положил, Брендан даже не пытался считать. Вероятно, все-таки меньше Пэгги или Ласло, который рвался вперед с одержимостью берсерка. Заряды плазмы летели мимо него.

— Золтан, testvér![25] — восклицал бедный боец, расстреливая боекомплект.

Но в ответ доносились только испуганные крики женщин,

детский плач и призывы о помощи.

— Ндиди, Гу Синь, ребята! Где вы?

Брендан, экономя аккумулятор, сначала стрелял парализующими, потом перешел на боевые. Особенно когда увидел двухъярусные нары без малейших признаков постельного белья и нагих измученных пленников, болезненно похожих на узников корпорации «Панна Моти». Далеко не все поняли, что происходит, многие испугались и не хотели выходить, другие, переживая острую стадию интоксикации, пытались даже напасть. Некоторые требовали дать им оружие.

— Да куда тебе скорчер, ты хоть срам прикрой! — отмахивался от знакомого бойца Прокопий, вытряхивая из экзоскелета убитого охранника.

— Золтан, testvér! — не мог скрыть эмоции Ласло, так и не нашедший брата.

— Похоже, часть пленников они успели поднять наверх, — вздыхал Лев Деев, который так и не сумел отыскать Гу Синя.

— Выводите людей, у вас не больше десяти минут, они запустили механизм самоуничтожения! — торопил Пабло, не давая Брендану времени даже осмотреть пленников.

— Долго вы там будете копаться? Мне еще Марки дровишки надо отвезти! — сердито громыхал Шварценберг, объясняя Дольфу и Чико, где стоит танк, на котором решили доставить до подъемника раненых, ослабленных и детей, которых на фабрике смерти тоже хватало.

Всего они освободили из тлетворной паутины каракурта около двух сотен человек.

— Я обещала Савитри найти Ндиди! — ругалась Пэгги, осматривая боксы и помещения лабораторий, где в лужах крови и разлитых реагентов лежали тела тех подопытных, до которых удалось добраться охране.

— И этого изверга мы сделали главой научного отдела! — не могла скрыть возмущение деятельностью Нарайана Кристин, осматривая дрожащих и плачущих детей, пока Пабло и Санчес, включив на полную мощность трансляторы, защищали спасенных от медуз.

Энергию уже не экономили. В конце концов, аккумуляторы и генераторы защитного поля можно было зарядить и от движка танка или брошенных на руднике проходческих комбайнов.

Они вывели всех живых и осмотрели все помещения. Ндиди, Гу Синя и Золтана нигде не было.

Глава 37. Хлеб и зрелища

— Снова плясать для этого мутантского отребья? Да ты, милая, рехнулась!.. То есть я хочу сказать, Ваше высочество, это не самая лучшая идея. Вас разыскивает вся служба безопасности, и то, что люди Вашего бывшего жениха до сих пор не добрались сюда, — заслуга только защитного поля и операторов сети!

Хотя Йохан Дален запросто и запанибрата общался в заведении Хайнца и за его пределами с «девушкой Ндиди», перед махарани Сансары он явно робел и старался держать дистанцию. А Гаэтана и другие жены рудокопов, с которыми Савитри во время прогулок по уровню не упускала случая по-соседски перекинуться парой-тройкой фраз, с нескрываемым восхищением, граничащим с завистью, смотрели на слегка потрепанный, но по-прежнему роскошный наряд.

За спасение Ндиди и Синеглаза она отдала бы не только все свои наряды, но и сам титул махарани. Савитри, конечно, мечтала о свободе, но не такой ценой. Орфей вывел Эвридику, но сам остался в аду. Кто, когда и зачем изменил древний миф? Разве правильно живым жертвовать собой ради дважды мертвой?

— Дядя Брендан их спасет! — сдвигая бровки и стараясь снова не разреветься, упорно убеждал себя Камо, наблюдая за передвижением Гипа и его группы по тоннелям.

Как же Савитри хотелось разделить уверенность малыша! Почему ей не позволили отправиться вниз, а велели сидеть разряженной куклой, изнывая от сводящего скулы и оставляющего на коже кровавые следы от ногтей гнетущего ожидания и полного отсутствия новостей о возлюбленном и княжиче! Бедный мальчик ненадолго очнулся и снова впал в забытье, а след Ндиди затерялся где-то между камерой для допросов и лабораторией.

Процессор просчитывал шансы на благополучный исход спасательной операции, сводя их почти к нулю. Воображение рисовало жуткие картины: увы, она слишком хорошо представляла, на что способен ее бывший жених. Если бы Шатругна хоть раз выслушал ее и отказался от своих чудовищных планов, она бы согласилась вернуться с ним на Сансару и продолжать играть прежнюю роль. Другое дело, что бывший жених сам исключил возможность такого торга.

Поставив точку в многолетней летописи их непонимания, Савитри испытывала что-то вроде облегчения. И сейчас она жалела лишь о том, что ее игра с огнем не достигла желаемой цели. Мутанты вслед за своим идолом предпочли закрыть глаза,

отрицая очевидное, лишь бы продолжать жить в удобном для них выдуманном мире. Даром что этот мир балансировал сейчас на неустойчивой жердочке, словно карточный домик в ветреный день.

Даже авторитет Маркуса Левенталя оказался тут бессилен. Когда конструктор попытался объяснить, почему корабль с неисправным плазменным инжектором далеко не улетит, его просто подняли на смех, а потом обвинили во лжи.

— Они, видимо, решили, что я специально их запугиваю, желая вернуть в городе власть, — сокрушенно проговорил Левенталь после неудачного сеанса связи.

— Они просто боятся, что их места займут «уроды» и отожмут их подачки и сферы влияния на черном рынке, — вздохнул Йохан Дален. — Да и охотников на пустоши и в городе за последние недели полегло немало.

— Да куда им разобраться в конструкции варп-двигателя, когда даже их царь и бог ничего не смог и не захотел понять, — махнул рукой Тонино Бьянко, пытаясь оптимизировать работу генераторов защитного поля.

В самом деле, Маркус Левенталь по настоятельной просьбе своего давнего товарища Виктора Громова скрепя сердце решился на диалог со своим главным антагонистом. Савитри не могла сказать, насколько Шатругна понял объяснения. Все-таки ракетными двигателями он никогда не интересовался. Однако конструктору он тоже решил не поверить. Тем более что признание собственной неправоты для него равнялось слабости и даже бесчестью.

— Я доверяю специалистам, отвечавшим за создание инжектора, — отрезал Шатругна. — И не собираюсь обсуждать их компетентность с человеком, посеявшим в городе раздор. Я завершил дело, которое порядка двадцати лет находилось на стадии проектирования и разработки, и собираюсь в ближайшее время воспользоваться плодами своего труда.

— Над перевооружением корабля трудились тысячи человек, включая столь презираемых тобой рудокопов, без каждодневной работы которых не сдвинулись бы с места ни погрузчики, ни трехмерные принтеры, — напомнил Маркус Левенталь. — А твои подхалимы и лизоблюды запороли уже готовый проект!

— Эти так называемые «подхалимы и лизоблюды» помогли выйти из тупика и преодолеть трудности, связанные с просчетами в руководстве и вечным заигрыванием с бесполезным сбродом, — надменно скривился Шатругна. — Когда я сотру в порошок твоих дружков-рудокопов и аннигилирую пиратскую посудину, — продолжал он, воодушевляясь, — я, так уж и быть, позволю тебе

увидеть, как «Эсперанса» преодолевает гравитационную аномалию черной звезды. А потом я выкину тебя в открытый космос.

— Если ты не оставишь свои попытки уничтожить город, я взорву «Эсперансу» еще до того, как ты поднимешься на перевал Большого Кольца, — еле сдерживая гнев, предупредил Левенталь.

— Ты не сделаешь этого! — расхохотался в ответ Шатругна. — Ты слишком любишь свой корабль. И тут главная разница между нами. Я только что хладнокровно и осознанно убил твою дочь, а ты ведешь со мной переговоры. Ты слабак, Маркус! И мне не о чем с тобой говорить!

— Может быть, стоило изобразить убитого горем отца и выдвинуть ему ультиматум? — по окончании сеанса связи предположил Виктор Громов, который тоже знал, что Кристин осталась жива.

— И что бы это изменило, — раздраженно пожал плечами Маркус Левенталь. — По большому счету, он прав. Если бы я еще две недели назад уничтожил «Эсперансу», это помогло бы избежать сотен напрасных жертв.

— И лишило город последней надежды, — покачал головой Виктор Громов.

Савитри не знала, раскрыл ли конструктор все карты, рассказав старому товарищу про почти готовый к прорыву «Нагльфар», но не могла не согласиться с начальником геологоразведки.

— Сомнений нет, взрыв корабля — это крайняя мера, на которую следует идти, если другие способы не помогут, — устало кивнул Левенталь. — Но в сложившейся ситуации я уже не вижу иного выхода.

— Может быть, все-таки попробовать разминировать генераторы воздуха, пройдя через размороженный ледник? — осторожно предложил Тонино.

— Тем более, с нами теперь Эркюль и его мартышки, которые запросто пролезут в любые технические отверстия, — поддержал его Цветан.

— Мартышки боятся воды, — вздохнул Левенталь. — А вход со стороны озера — это узкий мышиный лаз, и он расположен в отстойнике, в котором концентрация тяжелых металлов превышает все допустимые нормы. Взрослому человеку в экзоскелете туда не протиснуться.

— В таком случае придется драться! — сжал кулаки Мубарек.

— Было бы чем, — не мог скрыть досаду Цветан. — И почему единственный путь к реактору старого рудника располагается именно на уровне этих долбанных мутантов?

— Если не удастся договориться, я к шайтанам разнесу эту богадельню! — пообещал Мубарек. — Пока еще есть аккумуляторы и боеприпас. Все равно подыхать. Так хоть повеселиться напоследок!

— Устроив в городе резню, мы только даром потратим время и потеряем людей к вящей радости Нарайана, — заметил рассудительный Тонино.

— Да и смысл резать мутантов, когда надо брать штурмом контору этого клятого профессора, вернее, ту ее часть, откуда есть доступ к генераторам воздуха, — добавил Йохан Дален. — А с одними пороховыми импульсниками и без энергетических щитов там много не навоюешь. Служба безопасности на пиксели порвет. Надо все равно как-то прокапываться к реактору старого рудника.

— Жаль, что те костюмы с «хамелеоном», которые где-то надыбали мародеры, так и остались лежать мертвым грузом на пустоши, — вздохнул Цветан. — Медузам-то они точно без надобности, а нам бы помогли незаметно мимо мутантов пробраться.

Савитри тоже вспомнила пешую часть своего путешествия в город: переход по тоннелям перевала Большого Кольца, лихую схватку, которую она даже в ее тогдашнем состоянии разглядела и запомнила, и первую встречу с бойцами сопротивления. Тошнотворный Тьяо, наверное, до сих пор рассказывал собутыльникам, как подобрал на пустоши не просто приблудную девку, а саму махарани Сансары, и сокрушался, что продешевил. Хотя слой «хамелеон» не спас мародеров от возмездия, на пустоши он работал безотказно. Но ведь существовали и другие способы маскировки.

— Эйо, голубушка, у тебя случайно не осталось наработок по голографическому шоу, которое ты показывала в заведении Хайнца? — спросила Савитри, уже прикидывая, каким образом можно приспособить готовые проекции.

— У меня сохранена не только копия спектакля, но и все черновики, — оживилась Рукодельница, еще не до конца понимая, куда клонит подруга.

— Ты что, высочество, снова собралась перед этими мутантскими ублюдками плясать? — не поверил Дален, мешая почти уважительное «высочество» с панибратским «ты».

— Я с радостью повторю свое выступление с медузами или без перед горняками на руднике или в любом из цехов комбината, отвечающем требованиям безопасности. А на уровне мутантов будет отображаться проекция, — охотно пояснила Савитри, думая про себя, что в нынешней ситуации сплясала бы

даже танец семи покрывал, который так и не захотел увидеть в ее исполнении Шатругна и который она не успела показать Ндиди.

— А голографический ряд можно дополнить фрагментами высказываний Нарайана и рассказом о его экспериментах, — предложила Эйо.

— То, что не восприняли в виде информационной программы, может сработать под видом шоу, — согласился с ней Йохан Дален. — Особенно если включить туда фрагменты последнего разговора нашего дорогого профессора с главой службы безопасности.

— Если к тому же постараться и заполнить уровень голограммами, то там можно не только группу бойцов и технического персонала — танковый дивизион незаметно протащить! — воодушевился Тонино, спешно принимаясь за поиск всех доступных проекторов.

Впрочем, для их задумки годились даже наручные планшеты участников вылазки.

— А как же твой костюм? — спохватилась Эйо, в смятении глядя на Савитри и вспоминая непревзойденный дизайнерский шедевр, бездарно сгинувший где-то в покоях Нарайана.

— Станцую и в этом, — успокоила ее Савитри, указывая на свое парадное облачение и на ходу соображая, как наскоро изменить фасон жесткого жакета.

К счастью, длинная пышная юбка и облегающие брюки почти не стесняли движения, а покрывало и вовсе могло стать важным реквизитом. Отвлекать Эйо от работы, которую предстояло выполнить в рекордно короткий срок, она не хотела. Тем более переделки оказались несложными, а проекции с лихвой скрывали огрехи.

— Там в одном из шкафов есть облегающий арамидовый костюм, который я надевала во время коротких вылазок на пустошь или рудник. Его, думаю, можно будет поддеть под наряд, если все-таки ты решишь повторить пляску с медузами, — подсказала по ментальный связи Кристин.

Сама дочь Маркуса Левенталя была сейчас облачена в более массивный и надежный экзоскелет, снабженный антигравитационными ускорителями и системой жизнеобеспечения, позволяющей совершать долгие марш-броски по пустоши вроде того, который она проделала за последние сутки. Пока ее товарищи, соединившиеся с группой Брендана, ломали голову над тем, как преодолеть дверь в лабораторию, Кристин, оказав помощь Пабло, пыталась вместе с Савитри отыскать пленников.

Это им обеим вскоре отчасти удалось: бедного Синеглаза

привела в чувство жестокая боль. Хотя княжич и находился в покоях главы научного отдела, обращались с ним скорее как с пленником. Сотрудники лаборатории, не позаботившись об анестезии, брали на анализ образцы ткани его органов и костей. А потом ввели в вену иглу от вакутейнера[26] с десятком пробирок.

— Они что, думают, если выкачать из меня всю кровь и перелить другим подопытным, те сразу научатся принимать облик тотемов и станут непобедимыми воинами? — из последних сил бодрился княжич, по обрывкам разговоров окружающих его теней в белых балахонах и по отражениям в гладких поверхностях пытаясь выяснить участь Ндиди и узнать о собственной судьбе.

— Всю кровь они точно выкачивать не станут. Нарайану ты нужен живым, — успокоила княжича Кристин, вкратце обрисовав уготованную ему участь.

— Какой такой династический брак? — вместо того чтобы успокоиться, возмутился Синеглаз. — Я помолвлен с сольсуранской царевной! Пусть только попробует сделать из меня свою марионетку. Если не сумею добраться до генераторов воздуха, то на пустоши сбегу.

— Держись, Глаша! Помощь уже близко! — сопереживала товарищу Камилла.

Синеглаз, прежде чем коновалы из лаборатории его снова вырубили запоздалой дозой анестетика, и сам успел увидеть, как с появлением Шварценберга застопорившаяся было спасательная операция стремительно перешла в горячую фазу.

Наблюдал за штурмом лаборатории и маленький Камо, который в мыслях тоже пробирался по безликим стерильным коридорам, обезвреживал охрану, а потом расстреливал в жаркой схватке боекомплект, прорываясь к боксам и лабораториям.

— Гаси их, дядя Брендан! — азартно вопил он, наблюдая за перестрелкой. — Задай этим обдолбанным ушлепкам покрепче! — добавлял он, не обращая внимание на многозначительно покашливание Эйо, которая не любила, когда сын повторял за взрослыми слишком крепкие выражения.

Впрочем, звучащую сейчас из уст Гипа и его товарищей похабщину и божбу Рукодельница и сама, похоже, воспринимала почти как благовест, возглашающий о том, что бойцы живы и рвутся к цели, сокрушая на пути врага.

Как простодушно поясняла в начале их знакомства Пэгги, на войне без сквернословия нельзя, и Савитри с ней соглашалась, вспоминая древние обряды изгнания демонов. Повторяя в уме и приспосабливая к новому образу и неизвестной пока площадке движения священного танца натьи[27], она с улыбкой облегчения

слышала пронзительный, слегка ворчливый голос подруги, с легкостью перекрывавший басовитый мужской рев.

— А ну посторонись, недоумки! Хвост вам в рот и во все дыры! — восклицала боевой андроид, заняв любимую позицию на потолке и поливая оттуда противника огнем, не давая приблизиться к боксам. — Куда прете? Не видите, тут занято!

Мало кто из охотников успевал ей поперек слово молвить.

— Брендан, осторожно! — замирала от ужаса Эйо, наблюдая, как ее Гип, в последний момент уклонившись от нацеленного ему в грудь разряда плазмы, в кувырке сбивает с ног недостаточно меткого стрелка, успевая уложить еще двоих противников.

— Ребята, поднажмите! — забыв про голограммы и схемы, вопили рудокопы, наблюдая, как их товарищи вытесняют охотников из стационарного блока и лабораторий.

— Да бросьте вы эту шнягу, выводите людей! — ругался на Эркюля и Шаку Таран, увидев, что те, не обращая внимания на усиливающуюся вибрацию стен, пытаются вытащить какие-то приборы.

Приборы, правда, оказались анализаторами, которые очень пригодились врачам из импровизированного госпиталя в убежище, где уже принимали новых раненых. Помимо пострадавших и детей в числе первых подъемником воспользовались Лев Деев, Прокопий, Шака и Пэгги, которые несли контейнеры с реакторным топливом.

— А они скоро спасут дядю Ндиди и Глашу? — по очереди приставали к бедной Эйо Камо и Камилла.

Рукодельница отводила глаза и делала вид, что полностью поглощена работой над голограммами. Она уже понимала, что брата среди спасенных нет. И Савитри ничем не могла ее утешить. А ведь она отлично знала, что в своей мстительности Шатругна становится подлым и мелочным. Впрочем, он редко когда делал что-то просто так, из любого своего поступка стараясь извлечь максимальную выгоду.

— Подручные Хайнца и охотники спешно приводят в порядок его клуб и в авральном режиме перестилают арену. Видимо, решили, что нам уже крышка, и собираются до того, как свалить из города, повеселиться и отпраздновать победу, — поделился с товарищами-рудокопами однорукий Тавиньо, который как разносчик еды имел доступ на уровень мутантов.

— Будет им победа, когда запустим реактор на старом руднике, — воинственно погрозил шуруповертом Мубарек.

— Все как обычно, — проворчал Цветан. — Себе — власть и богатство, черни — дешевый хлеб и зрелища.

— Но кого и зачем они собираются выпускать? — взъерошил

рыжие вихры Йохан Дален, озадаченно разглядывая мутантов, занимавших места у арены и спешно закидывавшихся дармовой снедью и выпивкой. — Лучшие бойцы из числа охотников собираются в рейд, а наши — либо на баррикадах, либо в плену.

Савитри и Эйо переглянулись. Страшная догадка пришла к ним обеим одновременно. И прежде чем они успели ее озвучить, на арене появились бойцы. Первыми по многолетней традиции заведения папаши Хайнца вышли охотники. Издавая воинственные возгласы и вздымая здоровенные кулачищи, они обходили арену по кругу. Публика, самозабвенно надрывая глотки и разбрызгивая пиво, приветствовала своих бойцов.

Появление «уродов» всегда сопровождалось презрительным улюлюканьем и снисходительными смешками. Сейчас в реве трибун ощущалась угроза. С этого ринга за колючей проволокой гладиаторов живыми выпускать не собирались. Тем более что в приговоренных и так еле теплилась жизнь.

— Их что, крюками драли? — с содроганием разглядывая иссеченные лазерными плетьми окровавленные тела, нервно поинтересовался Мубарек.

— И ими тофе, — без тени улыбки прошепелявил Ящер, который только сутки назад чудом избежал гибели на арене.

Папаша Хайнц, видимо, решил, что шоу должно продолжаться. Впрочем, этим спектаклем руководил явно не он. Хотя мутанты отказались от переговоров с «уродами», программа Эйо посеяла в их умах сомнения, и Шатругна, которому для штурма «Эсперансы» требовалось пушечное мясо, решил подправить свой пошатнувшийся авторитет, не забывая о личной мести.

— Бездны космоса! Это ж наш Ндиди! — невольно ахнул Йохан Дален, глядя на бойца, кровоточащие раны которого даже не успели подсохнуть.

— А там Гу Синь и Золтан, — вздохнул Цветан.

Эйо рефлекторным движением прижала к себе Камо, не давая ему увидеть происходящее на экране.

— Пусти, мама! — вырывался мальчуган. — Я хочу посмотреть! Дядя Ндиди все равно их порвет!

— Конечно порвет, — спешно кивнула Савитри.

Пока она с трудом себе представляла, как бывший чемпион заведения Хайнца держится на ногах. А ведь еще сутки назад она украдкой любовалась его точными и ловкими движениями, восхищалась быстротой реакции, замирала от сладкого томления, наслаждаясь игрой рельефных мышц.

Поскольку Брендан и его товарищи не позволили Шатругне отыграться на «грязном кули» в лаборатории, он решил

поразвлечься иным образом. Если даже глава научного отдела самолично не истязал пленника, в том, что он наблюдал за его мучениями, Савитри не сомневалась. Искореженная правая рука выглядела местью за не слишком бережное рукопожатие Пэгги. А ведь левой Ндиди владел гораздо хуже, сколько Брендан ни работал, чтобы поставить товарищу удар.

Впрочем, от первого выпада Ндиди каким-то образом уклонился, а потом даже атаковал, точным ударом разбив охотнику бровь. При этом действовал он скорее наугад. Смотреть на противника мешала заливающая глаза кровь. Его лицо от левого виска, расчертив лоб, перебив переносицу и затронув правое веко и щеку, рассекал жуткий кровавый рубец. К этой отметине вскоре прибавились еще десятки синяков и ссадин.

Ндиди их, казалось, не заметил, как не замечал, что временами наносит удары и выставляет блоки сломанной рукой. Хотя по правилам флая он все же в основном использовал для ударов и обороны менее пострадавшую левую и босые ободранные ступни, стараясь не сбавлять темп и изобретая на ходу новые приемы. Он понимал, что это его последний бой, и поэтому дрался в полную силу без поддавков, вкладывая в каждый удар свою ярость и жажду жизни. Ту самую, которая помогла ему не согнуться под спудом невзгод, которой он щедро делился со своей принцессой, пробуждая в сердце Савитри забытые чувства и утраченные мечты Гу Синь и Золтан старались от него не отставать, своей стойкостью невольно вызывая одобрение зрителей к вящему неудовольствию охотников.

— Так, дядя Ндиди! Наподдай им еще! — наивно радовался Камо, не понимая безнадежности происходящего.

— Что они делают? — ужасался Йохан Даллен. — Их же всех просто убьют.

— Их и так приговорили, — напомнил Мубарек. — Но они не забыли, что такое честь и достоинство.

Эйо при этих словах застыла у экрана, тщетно борясь с подступившими к горлу рыданиями. Савитри ее понимала. Сколько раз Ндиди, рискуя собой, специально подставлялся, забывая гордость. Ради семьи, ради отработки мифического долга, а потом в заранее проигрышной попытке выкупить свою принцессу из неволи. Формально Савитри все еще считалась собственностью Хайнца или Шатругны. Какая разница. За все годы ее жизни один только Ндиди никогда не смотрел на нее как на вещь.

С каким бы трепетом она бы сейчас подставила ему плечо, омыла раны, врачуя их и покрывая поцелуями. А вместо этого смотрела, как любимый и его товарищи корчатся от боли,

отплевывая кровь под восторженное улюлюканье и рев ликующих трибун. Охотники, конечно, не оценили волю «уродов» к борьбе. Опьяненные собственной кровью и обидой, а Ндиди в первом раунде удалось ловким приемом отправить одного из противников в нокаут, они забыли последние правила, набросившись на бойцов всем скопом, и теперь происходящее на арене больше напоминало публичную казнь.

— Мы вправду не можем их отбить? — вопрошающе глянул на товарищей Цветан, наблюдая, как, сбив Ндиди с ног и не давая подняться, охотники топчут и пинают Гу Синя и Золтана.

Похоже, палачи соревновались, кто причинит пленникам большую боль.

— Пока не запустим реактор, мы не имеем права рисковать, — нахмурил светлые брови Лев Деев, спешно скачивая на планшет изображение какого-то хтонического чудовища для маскировки.

— Ставить на кон успех всей операции и вправду не стоит, — согласился с капитаном Тонино. — Но, если проекции будут демонстрироваться по всему уровню, почему бы не попытаться под их прикрытием проникнуть в клуб? Тем более что экраны, как я вижу, уцелели и даже подключены, — добавил он, указав на увеличенное изображение бойни, трансляцию которой могли наблюдать не только счастливчики, успевшие занять места в клубе, но и зрители на уровне.

— Голограмм у нас хватит на всех, — спешно заверила товарищей Эйо, срочно внося поправки в сценарий, пока Пэгги, которой в новой редакции отводилась роль двойника принцессы, облачалась в облегающий арамидовый костюм Кристин, смотревшийся на ее точеной фигурке соблазнительно, если не сказать вызывающе.

— Начинайте операцию, только когда основная группа подойдет к реактору, — строго предупредил товарищей Лев Деев.

— Надеюсь, до этого времени Ндиди и ребята останутся живы, — вздохнул Йохан Дален, наметанным взглядом пытаясь определить степень тяжести травм пленников.

— Пока основная группа будет добираться до рудника, мы отвлечем мутантов более интересным и поучительным зрелищем, — с надеждой проговорила Эйо.

Она закончила монтаж и сбрасывала фрагменты шоу на устройства, попутно объясняя Тонино и остальным помощникам последовательность показа.

Савитри в это время спешно обсуждала с инженерами и вызвавшимся ей помочь Йоханом Даленом особенности нового номера. На этот раз решили обойтись без медуз. Выход за

пределы защитного поля давал службе безопасности шанс вернуть беглянку. Поэтому остроты и драматизма перекроенной заново композиции решили добиваться более доступными средствами.

В редкие часы досуга на пустоши или в убежище Пэгги развлекала ее высочество игрой с ножами и стилосами, демонстрируя обычные для андроида чудеса ловкости и проворства. Со временем Савитри и сама освоила эту игру. Благо процессор мог за доли секунды просчитать траекторию броска и уклонения от него. Сегодня роль ножей предстояло сыграть выпущенным из нейлера[28] штифтам и дюбелям.

— Ты уверена, что успеешь уклониться? — беспокоился Йохан Дален, закрепляя четыре гвоздезабивных пистолета на штативы и выставляя максимальную скорость.

— Траектория передвижений штативов синхронизирована с моим процессором, — невозмутимо пояснила Савитри, поправляя покрывало и придирчиво оглядывая задрапированные синей пленкой стены цеха.

К тому времени, когда омерзительная в своей натуралистичности картина истязания на всех экранах внезапно сменилась красочными проекциями, многие уже пресытились видом боли и крови и только ждали, когда же и чем все это закончится. Зрители первых рядов, заскучав, делали ставки, кто из пленников раньше испустит дух. Среди тех же, кто столпился у голографических мониторов, даже слышались возгласы разочарования и жалости. Любители боев сокрушались о том, что интересного и острого зрелища, увы, не получилось, заведомые поддавки окончательно развратили охотников. Кто-то предлагал поскорее уже прикончить пленников, чтобы не мучились, а то и вовсе отпустить. Что толку воевать с калеками.

Поэтому, когда арена внезапно превратилась в древний храм, посреди которого стоял жертвенник, мутанты встретили смену декораций восторженным ревом и аплодисментами, а растерянные охотники так и застыли, размазывая заскорузлыми от крови кулаками пот и с опаской наблюдая за перемещением причудливых голограмм.

Такие же проекции, изображавшие хтонических чудовищ и могущественных небожителей, заполонили коридоры уровня. Асуры и боги пахтали молочный океан, добывая амриту, и великий змей Васуки истекал ядом, грозящим уничтожить все живое, а Шива Натараджа укрощал чудовище. Потом из вспененных молочных волн вышли небесные танцовщицы апсары, самим своим появлением символизируя победу жизни над смертью, и их великая натья, основанная на синтезе музыки и

танца, исцелила отравленный мир.

Конечно, единственная плясунья девадаси[29] кружила по помосту, установленному не на арене, а в цеху. Но мастера иллюзий научились создавать двойников и клонов куда раньше, нежели к этому пришли биологи. Савитри впервые выступала без маски, лишь иногда прикрывая лицо и голову покрывалом. И хотя танцевать в пустом цеху было странно и непривычно, она знала, что за каждым ее движением наблюдает весь город, и потому старалась языком танца нритты[30] поведать о том, о чем не смогла рассказать во время заседания совета и донести с помощью предыдущей трансляции.

Ее украшенные звенящими браслетами босые ноги рассыпали причудливые дроби джатисварама, ускоряя темп и сложность комбинаций, вздымались в натарадже. Руки изгибались в древней пластике мудры, языком жестов рассказывая священную историю, а на лице играли причудливые маски абхинаи, языка мимики, регламентирующего выражение губ и глаз.

Переходя от приветствия пушпанджали и зачина аларипу через ряд вариаций к фигурам воспевающего подвиги божества варнама и виртуозной тилане[31], Савитри чувствовала, как ступает по остриям кинжалов, балансируя над бездной. А стопы ее двойников лизал первозданный огонь, в то время пока Шива вел танец создания разрушения, а Вишну-Рама, Лакшмана и Хануман преследовали демонов, отступавших в сторону старого рудника вместе с бойцами, примерившими их личины.

— Это что за каракатица? В кого вы меня превратили? — возмущался Мубарек, примеряя отведенную по сценарию проекцию.

— Дурачина! Это же сам Шива Натараджа! Разрушитель миров, единый с Создателем Брахмой и Хранителем Вишной, — пояснил его сосед Рам.

— Един только Аллах, но его лик незрим, — проворчал Мубарек.

— Не привередничай! — осадил товарища Цветан. — Мне тут вообще вымя пририсовали.

— А мне рыбий хвост, — озадаченно проговорил Лев Деев.

Проекции сработали не хуже слоя «хамелеон». Не только мутанты и охотники, но даже агенты службы безопасности ничего не заподозрили. А уж когда в грудь небесной танцовщицы сразу с нескольких сторон полетели двадцатисантиметровые гвозди, дюбели и штифты, единый возглас ужаса и восхищения сотряс низкие своды, долетев отголоском даже до цеха, в котором плясала Савитри.

Махарани только недобро улыбнулась, бестрепетно

продолжая следовать давно отточенным и отработанным движениям нритты и точно зная, что острия не причинят ей вреда. Кудесник и Шаман программу написали добротно. И теперь штативы с нейлерами управлялись процессором Савитри. Сама принцесса лишь следила за тем, чтобы ее летящую пышную юбку и покрывало ненароком не пригвоздило к помосту. Беречь себя не оставалось сил: на месте сердца и так уже много лет пылал погребальный костер, а на ступнях и ладонях проступали стигматы.

Если бы это помогло спасти город и вызволить пленников, она бы, как древние девадаси, рассказчицы историй о победе божества над демонами, ведавшие, что от их мастерства зависит исход битвы, не просто излила душу в танце, но отдала бы жизнь, выплясав и выплеснув всю ее до последней капли. Но разве боги приняли бы ее жертву? Ведь она и так, считай, что не жила.

Впрочем, Савитри не просто исполняла священную натью среди летящих сулиц и стрел, а рассказывала историю преданности и предательства. Она тянула руки к прекрасному и недоступному жениху, а получала в ответ лишь острые колючки насмешек и упреков, ледяные иглы равнодушия и терновые заросли отторжения.

Савитри всегда старалась следовать древним добродетелям и верила старому пурохите, убеждавшему ее в том, что жена должна принимать любые решения мужа. Но в качестве благодарности оказалась забыта на пустоши. Шатругна решил, что ключ от сокровищницы лучше сохранится между камнями в пустом скафандре, выеденном медузами, и очень удивился, не найдя на месте ни скафандра, ни ключа. К тому времени он поймал на крючок Маркуса Левенталя: пообещал вылечить умирающую жену, а вместо этого прибрал к рукам город и едва не сделал наложницей дочь…

Конечно, сейчас это почти не имело значения. Савитри просто отвлекала внимание от Ндиди и других пленников и отводила глаза службе безопасности, не позволяя разглядеть группу, почти добравшуюся до рудника. Ее самозабвенная пляска и в самом деле продлевала любимому жизнь. Избитый, израненный боец, собрав последние силы, смотрел на экран, в тайнописи отточенных движений расшифровывая признание в любви. Еще во время подготовки предыдущего номера Ндиди освоил язык мудры и абхинаи, и даже в нынешнем состоянии пытался своей махарани отвечать, успокаивая и ободряя.

И все же не просто так звон браслетов и ожерелий сопровождал ритмичный перестук гвоздей, от которых Савитри научилась уклоняться, только отдав контроль над чувствами на

откуп процессору. Выбирая Ндиди, она отрекалась от Шатругны, обличая и обвиняя. Тот, кто предал нареченную и благодетеля, не остановится перед предательством доверившихся ему.

Савитри видела, что на одутловатых, изуродованных болезнями и неуемными экспериментами лицах мутантов начало проступать понимание. Все-таки предыдущая передача заронила во многие души сомнения. Конечно, охотники отказались от переговоров, но это вовсе не означало, что их позицию разделяли абсолютно все. Мутанты начинали думать, анализировать, сопоставлять. Кто-то вспомнил прежние времена: нередкие прогулки в саду под куполом, визиты к знающим врачам. А так ли плохо им жилось при Маркусе Левентале, а так ли безоблачно их нынешнее житье? Да и не сможет один корабль поднять на борт всех.

— Мы на месте. Можете приступать! — доложил второй группе Лев Деев, пока Тонино и другие инженеры осматривали механизм реактора и смахивали пыль с основных агрегатов.

— Ну что там? — нетерпеливо спросил Маркус Левенталь.

— Магнитные ловушки, кажется, исправны. Сейчас попробуем запустить, — отозвался Тонино.

— Главное, что реактор отключен от распределительной системы, и ничего не мешает перебросить энергию напрямую на те цеха комбината, которые находятся под нашим контролем, — обнадежил конструктора Лев Деев.

К тому времени, когда один из двойников танцовщицы внезапно материализовался на арене, старательно повторяя движения нритты, в тороидальную вакуумную камеру[32] начала поступать плазма, а инженеры комбината доложили о приеме первых мегаватт энергии. В это время проекции демонов и богов кружили возле бесчувственных, но живых пленников, словно призывая зрителей решить их судьбу.

— Кончайте их! — вопили охотники. — В назидание всем бунтовщикам!

— Нет, пусть живут, они были хорошими бойцами, — возражали им старожилы и завсегдатаи заведения, ценившие не дешевую победу, а красивое зрелище.

— Отпустите их, не мучьте больше! — причитали женщины, чьи сыновья получили увечья в бандитских разборках и на руднике.

— Вас обманывают! Это все происки уродов! Они пытаются занять ваше место и вернуть власть, — давили какие-то маргиналы, среди которых, кажется, даже мелькнули рожи Тьяо и Билли.

— Да такое место я бы и сам кому угодно отдал! —

рассмеялся в ответ какой-то согнутый в дугу старик.

Савитри в этот миг казалось, что нацеленные на нее гвозди застыли в полете, а мгновения ожидания растянулись или, наоборот, сплющились, точно время и пространство в зоне экзотической материи. Она видела, что здоровяк Прокопий в образе какого-то ракшаса уже поднял на руки израненное тело Ндиди, а Шака и Ласло несут к выходу Гу Синя и Золтана. Пэгги продолжала танцевать, вместе с Кевином и еще несколькими бойцами прикрывая отступление.

Но в тот момент, когда толпа расступилась, выпуская процессию из клуба, путь преградил папаша Хайнц. Его окружали вооруженные до зубов бандиты и агенты службы безопасности.

— Куда это ты собралась, подруга? — одними губами улыбнулся он, хватая Пэгги за руку. — Мне велено вернуть тебя жениху.

В желании выслужиться и получить заветное место на «Эсперансе» теневой король уже принес в жертву своего чемпиона. Теперь настала очередь его звезды: хозяин клуба, конечно, не разглядел, что перед ним вовсе не махарани. Благо ПГ-319, которой на Сансаре нередко приходилось исполнять роль девадаси, владела натьей едва ли не лучше махарани.

Пэгги не стала церемониться, перейдя в боевой режим. От первого взмаха макромолекулярного клинка помимо самого Хайнца полегло еще трое бандитов, включая Тьяо и Билли. В узком проходе завязалась потасовка между мутантами. Рудокопы пытались прийти на выручку своим. В это время служба безопасности безуспешно штурмовала реакторный отсек. Группа Льва Деева намертво держала оборону.

Савитри обессилено опустилась на помост, даже не заметив, кто и когда обесточил нейлеры. Перегретый процессор сбоил, из глаз градом катились слезы. Рудокопы, подключив реактор, получили шанс спасти город. Гу Синю и Золтану уже оказывали помощь. Досталось им сильно, но врачи обнадеживали. Вот только Ндиди отбить не удалось, а Шака и Пэгги не оставили раненого товарища. В отличие от Шатругны ПГ-319 не бросала слов на ветер, а она пообещала своей махарани без Ндиди не возвращаться.

Впрочем, все это уже не имело значения. Над городом прозвучала сирена и раздался приказ о всеобщей эвакуации.

Глава 38. Янтарный замок

— Он все-таки сделал это!

Кажется, Маркус Левенталь до самого последнего момента не верил, что Шатругна Нарайан приведет в исполнение свой безумный план. Пабло тоже хотелось бы не поверить, но система красноречиво оповещала о том, что до взрыва генераторов воздуха остается час, и предотвратить катастрофу можно только обезвредив устройство на месте.

— Нарайан, похоже, окончательно спятил, — покачал головой Пабло, еще раз просматривая последовательность исполнения протокола и вновь убеждаясь, что тут никак не вклиниться и не сломать. — Как он собирается выбираться из города?

— Энергетический щит рудника действует не на всех участках, — указал на голограмму Маркус Левенталь. — Шлюзовые камеры, которыми обычно пользуются охотники, охраняются защитным полем, не подключенным к основной системе.

— Но как же принцесса? — не понял Чико. — Профессору разве больше не нужен ключ от сокровищницы?

— Зачем ему принцесса, когда у него наш кошак, — раздраженно отозвался Шварценберг. — Этот упырь не только отжал у Марки город, но и украл мою интеллектуальную собственность! — добавил пират, имея в виду план проникновения в сокровищницу.

— А ведь мы почти успели! — не сдержал эмоций юный Смбат, который хотя и не участвовал в штурме лаборатории, но помогал выносить раненых и оборонять спасенных от медуз.

— В гонке на выживание за второе место приза не дают, — вздохнул Аслан, обнимая сына.

В самом деле еще полчаса назад верилось, что им удастся что-то изменить. Запуск реактора на старом руднике давал рудокопам и всему городу надежду. Бойцы спешно заряжали аккумуляторы скорчеров для штурма реакторного отсека, где находился выход к генераторам воздуха.

Жены горняков, воспрянув духом, возобновили прерванные требованиями жестокой экономии хозяйственные хлопоты. Все-таки с нижнего рудника вывели несколько тысяч человек, и всех их следовало обогреть, накормить, отмыть и переодеть. Соседка Эйо Гаэтана обещала закатить пир на весь мир, а пока даже с десятком помощников сбивалась с ног, еле успевая замешивать тесто, раскладывать начинку и доставать готовую выпечку.

Другие женщины с разрешения Эйо запустили ее прачечную на дому. Кристин и Брендан вели с врачами из убежища оживленные переговоры по поводу раненых.

Даже мутанты, впечатленные танцем Савитри, озлобленные новыми откровениями Нарайана, начали что-то понимать и заявили, что препятствий на пути к верхним уровням чинить не станут. Многих завсегдатаев заведения Хайнца изменить мнение о главе научного отдела побудила в том числе стойкость Ндиди и его товарищей и несправедливая, чрезмерно жестокая расправа с ними.

И теперь это достигнутое потом и кровью преимущество рассыпалось в прах. Да что там преимущество! Воля безумного Громовержца обрекла на гибель целый мир: янтарный замок, воздвигнутый на дне вселенной. И если за этот час они не смогут ничего предпринять, огненная вспышка кислорода похоронит заживо тысячи несбывшихся надежд. И магнитные волны пульсара никогда не донесут до обитаемых миров ни обломков, ни имен, ни последних приветов.

Впрочем, на пустоши стояли два корабля, за которые следовало еще побороться. Первым это понял Саав Шварценберг.

— Вот что, девочка, — потянул он Кристин в сторону полностью загруженного реакторным топливом танка. — Если я правильно понял, пора драпать отселе! Собирайте, кого сумеете, выводите принцессу и Рукодельницу с мальцом и айда ко мне на «Нагльфар», пока этот принц-прохфессор со своими обдолбанными беспредельщиками будет утюжить «Эсперансу». В танк много народу, понятно, не уместится, но есть еще погрузчики. Да и на проходческих комбайнах кого-то можно вывезти. У Эркюля опыт имеется.

Кристин, однако, не сдвинулась с места. Да и прочие, хоть и пребывали в определенной растерянности, планов старого пирата явно не разделяли.

— Там наверху остались Шака и кошак, — напомнил Эркюль.

— Да и просто сливать своих и драть когти по любым понятиям — это зашквар, — поддержал товарища Дольф.

— Да кто говорит, что сливать, — возмутился Шварценберг. — Кошак застрял где-то у профессора в переноске, Шака вообще жив или нет — неизвестно. Да и кто сказал, что я собираюсь слиться? Я говорю, что надо людей спасать.

— Если собрать все танки и погрузчики, то мы сумеем вывезти из города не более пары сотен, — пояснил Санчес, наблюдая за паникой, которую вызвали звуки сирены и призывы сохранять спокойствие.

Люди метались по уровням, пытаясь найти своих. Кто-то

потерял ребенка, кого-то опрокинули в давке, кто-то отчаянно пробивался против потока к жилым отсекам, кто-то куда-то тащил какое-то громоздкое добро. Даже на Ванкувере в самый разгар боевых действий эвакуация проходила более спокойно и организованно. Но там беженцев ждали корабли, а командование любыми способами поддерживало безопасные коридоры. Здесь оставалась выбираться только на пустошь и занятый медузами рудник.

— Положим, кто-то из горняков, у кого есть экзоскелеты или спецкостюмы, сумеет выйти сам, — прикидывал Аслан, наблюдая за действиями товарищей, которые уже сообразили, что рассчитывать на городские власти не приходится, и пытались предпринять какие-то меры, действуя по безотказному принципу: «Спасение утопающих — дело рук самих утопающих».

— Но как быть с теми, кто не работает в шахте? — напомнил Брендан, пытаясь на экранах отыскать Эйо и Камо. — А среди них в основном женщины и дети!

— Да и на верхних уровнях скафандры есть только у безопасников и персонала, обслуживающего реакторы, — поддержал товарища Пабло, наблюдая за хаосом, царящим в теплицах, лабораториях и жилых кварталах.

В самом беспомощном состоянии пребывали, понятное дело, воспитанники приюта. Хотя далеко не все педагоги бросили своих подопечных на произвол судьбы и даже пытались организовать старшеклассников и успокоить малышей, сами учителя мало что понимали в происходящем. А руководство никаких указаний давать не собиралось. Бросив людей на произвол судьбы, чиновники уже давно спустились к ангарам и теперь с нетерпением ожидали посадки в танки.

Там же стояли «особо ценные» сотрудники лабораторий. Охотники не стеснялись в средствах, сдерживая маргиналов Раптора и каких-то еще отморозков, с помощью скорчеров пытавшихся отвоевать теплые места. Из подсвеченных одним аварийным освещением коридоров доносились крики о помощи и хриплая ругань. Полумрак то и дело рассеивали вспышки плазменных зарядов. С обеих сторон лилась кровь.

На верхних уровнях тоже подсчитывали потери. У входа в реакторный отсек шли боевые действия. Геологи Виктора Громова и примкнувшие к ним активисты из других лабораторий, вооружившись кто чем, пытались оттеснить от входа охотников. Те отвечали шквальным огнем. На помощь прорывались рудокопы. У бойцов теперь хватало и оружия, и энергии, но против них вновь выступал самый могущественный и безжалостный враг по имени Время.

— Эх, говорил я им сразу на штурм генераторов идти, а не эту железную махарани спасать, — ворчал Дольф.

— Савитри такой же человек, как и мы, — осадил его Брендан. — К тому же, тогда еще мы надеялись избежать кровопролития.

На Вундеркинда было жалко смотреть. Он опять оказался не в то время и не в том месте. Вместо того чтобы выводить из гибнущего города Эйо и Камо, торчал тут на руднике. Пабло товарища понимал. Он бы и сам малодушно послушался Шварценберга, чтобы спасти Кристин. Другое дело, что прекрасная нереида тайных замыслов возлюбленного отнюдь не разделяла.

— Отправляйтесь к моему отцу, дядя Саав, — мягко, но решительно отстранила она пирата. — Зарядите аккумуляторы и задайте этим гадам хорошенько.

— А ты куда намылилась? — с явной обидой глянул на девушку Шварценберг. — Если брать штурмом профессорские бастионы и ложиться грудью на амбразуры, так там желающих и без того хватает. А тебе еще людей лечить.

Хотя Пабло понимал, что Шварценберг, как обычно, блюдет шкурные интересы, в отношении Кристин он был с ним почти солидарен.

— Для замены агрегата энергополевого разграничения материи и антиматерии потребуются ресурсы, которые есть только в городе, — безмятежно напомнила Кристин. — А если брать штурмом реакторный отсек, можно не успеть. Тем более, воздушных генераторов два, они изолированы друг от друга и под каждым заложен заряд, способный уничтожить и купольную конструкцию, и жилые отсеки нижних уровней.

Пабло это тоже знал и даже успел просчитать вероятность благополучного исхода операции. Выглядело не очень впечатляюще.

— И что же делать? — не понял Чико.

— Единственный выход — разделиться, — решительно пояснила Кристин. — Одна группа сейчас и так прорывается к генераторам через верхние уровни. Стало быть, мы пройдем снизу.

— Даже не думай! — пригрозил ей отец, который раньше других понял, куда она клонит. — Соли тяжелых металлов, растворенные в воде отстойника, убьют тебя еще до того, как ты доберешься до этого клятого кессона. Если еще раньше ты не замерзнешь насмерть. Тем более, свой арамидовый костюм ты отдала Пэгги!

— А у нас есть другой выход? — жестко ответила ему

Кристин. — И ты прекрасно знаешь, что в тоннель больше никому не протиснуться. Даже если забыть о том, что лучше меня никто не знает механизма. К тому же костюм у меня есть. Я нашла дубликат на «Эсперансе».

Пабло слушал любимую и отказывался верить, хотя прекрасно понял, что разговор сейчас идет о много раз обговоренном маршруте через ледниковое озеро. Этот путь был удобнее и короче, поскольку он выходил непосредственно к месту закладки первой партии взрывчатки. Но единственный лаз, через который осуществлялся доступ к затворам нижней шлюзовой камеры водозабора, сделали настолько узким, что среди участников их экспедиции там могла протиснуться лишь одна Кристин, да и то без экзоскелета.

— У меня есть баллон с дыхательной смесью и дополнительная защита для жабр, — невозмутимо показывала она свое снаряжение, убеждая отца и остальных, что в ее предприятии все продумано до мелочей.

Хотя в бассейне Кристин никакие баллоны с дыхательной смесью не требовались, та часть водоема, где находился проход к шлюзовой камере, представляла собой тщательно изолированный от водозабора отстойник для отходов. Поэтому концентрация вредных веществ там превышала любые допустимые нормы в разы. И это если забыть о повышенном радиационном фоне.

Но морская царевна Юрате собиралась спасти свой янтарный замок и его обитателей. Пускай это могло стоить ей жизни. И почему они отпустили Пэгги нести реакторное топливо наверх? Впрочем, при всей своей привлекательности боевой андроид даже зрительно выглядела выше и крепче хрупкой нереиды.

— Все равно в устье трубы слишком узко. И в последние четыре года, когда за агрегатами никто толком не следил, оно еще и деформировалось, — продолжал отговаривать дочь Левенталь. — А в технические отверстия верхних кессонных камер не протиснуться и младенцу.

В самом деле. Даже в случае успеха Кристин существовали еще несколько уровней защиты помимо силового поля, к которому Пабло уже почти подобрал доступ. Разве что отключать его можно было только одновременно с обезвреживанием взрывчатки.

— С нами Эркюль. В понятливости его питомцев я уже убедилась, — напомнила Кристин, доставая из недр экзоскелета двух миниатюрных обезьянок, которые при виде своего хозяина сразу весело загалдели и запрыгнули к нему на руку. — Если не выйдет у саймири, запустим мармозеток. Неужели ты бы на моем месте даже не попытался спасти свой город, отец?

До подземного озера они добрались на танке. Тоннели и пещеры на этом участке имели естественное происхождение, и на месте размороженной части ледника сейчас мог поместиться небольшой орбитальный шаттл. Впрочем, запасы воды иссякать не собирались. А в карстовых пещерах, охраняемых острыми зубьями сталактитов и сталагмитов, таились ледяные реки и озера, подобные Дантовскому Коциту. Даром что дно здешних бездн не превращалось в путь к небесам, а изрывшие кору планеты червоточины если и вели в иной мир, то уже безвозвратно. И одной из таких нор собиралась воспользоваться Кристин.

Обнимая любимую, поддерживая ее на ухабах, Пабло в глубине души безответственно и беспочвенно надеялся, что найдется какой-то другой выход или Кристин передумает. В конце концов, он может ее просто не пустить: запереть в кабине, увезти обратно на «Эсперансу». Как он так глупо попался на ее уверения в том, что она просто хочет помочь раненым? Она прекрасно знала, что в городе есть неравнодушные и знающие врачи, но также слишком хорошо изучила повадки главы научного отдела и в отличие от отца иллюзий на его счет не питала.

Кристин всю дорогу щебетала, уверяя, что низкая температура ей из-за особенностей ее организма не страшна, а найденный на «Эсперансе» гидрокостюм, надетый пока под экзоскелет, защитит от агрессивной среды. При этом она успела перекинуться парой слов с Бренданом, указав коллеге на препараты, которые ей надо будет вколоть в случае, если отрава все-таки доберется до жабр. Пару ампул она взяла с собой вместе с ножом, набором ключей и фонариком.

— Да это ж не вода, а кислотный раствор, — на правах врача возмутился Брендан, придирчиво оглядывая облегающий девушку, как вторая кожа, гидрокостюм.

Даже датчики экзоскелетов требовали покинуть опасную зону в течение трех часов и провести процедуру очистки. А арамидовое снаряжение имело более низкий уровень защиты.

— У нас с вами нет трех часов, — напомнила Кристин.

— А может, просто высадить эту дверь к Трехрогому? — набычился Шварценберг, в сотый раз разглядывая мудреную конструкцию. — Думаю, Марки меня простит, если я нанесу вред его хозяйству.

— Механизм двери соединен с датчиками взрывного устройства, — пояснил Аслан. — Любое несанкционированное проникновение извне вызовет мгновенную детонацию.

Пабло проводил Кристин до входа в трубу и долго не мог

разжать пальцы, хотя понимал, что каждая секунда промедления может стоить жизни ей и городу.

— Мы с тобой обязательно выберемся отсюда и будем каждый день вместе купаться в океане, — пообещала любимая, скользнув в узкую темную трубу, в своем арамидовом костюме похожая на русалку или китовую акулу.

Пабло стоял посреди озера с экзоскелетом в руках, словно рыбак Каститис, которому на память о Юрате осталось только ее янтарное ожерелье. Даже со скованными руками в установке энергообмена он не ощущал себя таким жалким и беспомощным.

Время ожидания вытягивало жилы, словно на дыбе, когда мир, и без того ограниченный заплеванными стенами сырой, затхлой пыточной, сужался до пульсирующего переплетением миллионов нервных импульсов раскаленного кокона боли. Тесный сумрачный лаз, которым пробиралась Кристин, казался бесконечным, закручиваясь лентой Мебиуса. Его сужающийся просвет напоминал коллапсирующую червоточину или зев больного тяжелой формой синдрома Усольцева. Даже наблюдая за происходящим по монитору, Пабло испытывал клаустрофобию. А ведь Кристин приходилось местами не просто ползти, но ввинчиваться внутрь, проявляя чудеса гибкости.

Когда она подобралась к устью, Пабло забыл, как дышать, или это легкие опять сбоили и требовали дозу лекарства. Маркус Левенталь не зря предостерегал строптивую дочь. Возле выхода в смежный бассейн труба не просто сузилась, но превратилась в смертельную ловушку с зазубренными острыми краями, забранными решеткой.

— Ее тут не было раньше! — обиделся Санчес.

— Тут много чего не было, — обреченно проговорил Маркус Левенталь.

— Здесь бы лазером кусок трубы срезать или скорчер применить, — предложил Аслан, еще раз проверив схему и убедившись, что повреждение на этом участке не вызовет детонацию.

Никто не предполагал возможности проникновения в систему с этой стороны. Сюда не забирались даже медузы.

— И схлопотать кусок плазмы в зубы от рикошета или просто изжариться, как на гриле, — фыркнул Дольф.

— Да такую труху можно взять и ножовкой, — заметил Эркюль.

— Только это работы на полдня, — отмел предложение Санчес.

— Возвращайся! — потребовал Маркус Левенталь, и Пабло, испытал совершенно неуместное облегчение.

Но Кристин и не думала слушаться.

— Что ты делаешь? Ты с ума сошла! Прекрати немедленно! — не выдержал и Брендан, увидев, как рука Кристин тянется к застежкам арамидового костюма. — Эти полсантиметра ничего тебе не дадут!

— Она хочет обратиться к духу тотема, — с серьезным видом пояснила Савитри.

— К духу кого? — не поверили Аслан и Санчес.

Чико и Смбат предпочли промолчать. Дольф и Эркюль понимающе переглянулись, Брендан кивнул. Маркус Левенталь отвернулся от экрана. Пабло схватился за голову. Последний в роду, принимая облик тотема, может не вернуться обратно. Но ведь душа Савитри, что бы о ее отсутствии ни говорил профессор Нарайан, оставалась в мире живых.

Впрочем, сейчас о возвращении речь не шла. Китовая акула без труда разбила массивным корпусом трубу и решетку, которые не могла преодолеть в человеческом обличье наследница династии, и грациозно скользнула в бассейн.

— Что это? — не понял Чико, увидев в объективе камеры пятнистый бок, мощный хвост, плоскую пасть и жаберные щели, предназначенные не только для дыхания, но и для отцеживания планктона.

— Не спрашивай, — махнул рукой Эркюль, дававший какие-то ценные указания мартышкам.

— Вопрос, как она своими плавниками будет открывать затворы, — поинтересовался приземленный Дольф, в который раз глянув на таймер и переводя взгляд на экран одной из вирт-панелей, отображавшей ход схватки на подступах к генераторам.

Рудокопы под предводительством Прокопия, Кевина и Мубарека, пройдя коротким путем через уровень мутантов, соединились с воспрянувшими духом учеными. Однако охотники даже не думали отступать, убежденные, что выполнение приказа главы научного отдела обеспечивало безоблачное будущее их семей. Они еще не знали, что их тоже предали и обманули, а для их близких в танках даже не было предусмотрено мест. Впрочем, убеждать фанатиков уже не хватало времени, поэтому сейчас судьба города буквально зависела от Кристин.

Пабло беспокоило другое. Хотя тотем давал асурам не только внешний облик, но и свою силу, он все же отчасти подчинялся законам природы, а китовая акула не могла себя комфортно чувствовать в насыщенной солями тяжелых металлов ядовитой воде. Хотя камера уплыла непонятно куда, Пабло видел, как бедняжка Кристин бьется в тесном для ее нынешнего обличья бассейне, вспенивая воду хвостом.

Да и Савитри, связанная с сестрой ментальной связью и делившая с ней могущество духа предков и человеческую боль, не просто так отворачивалась от экрана и закрывала лицо. Пабло с болью отмечал, как сжимаются в кулаки ее руки, каким напряжением сведено тело андроида, и даже не брался представить, что сейчас творилось с любимой. Впрочем, мучительными конвульсиями сопровождался и процесс превращения. Пабло помнил, как извивалась, меняя облик, Нага, как корчился от боли бедняга Синеглаз.

— Кристин! — не выдержал Пабло, когда в объективе камеры мелькнула покрытая кровоточащими язвами девичья рука.

— Кислотный ожог, как я и предупреждал, — с тоской проговорил Брендан, ныряя в аптечку, чтобы найти и приготовить необходимые для первой помощи препараты.

— А ей хватит сил? Так и от болевого шока помереть недолго, — забеспокоился Дольф.

— Она справится, — заверила товарищей принцесса Савитри.

Махарани уже не могла даже сидеть. Эйо уложила ее на постель, заботливо вытирая со лба ледяную испарину. Савитри лежала, сжавшись в комок, ее колотила крупная дрожь, процессор не мог снизить болевой шок, поскольку там, где вступали в игру могущественные древние силы, человеческая электроника давала сбой. Но Кристин уже достигла механизма. Тонкие пальцы нажали нужную комбинацию, слабеющие руки отодвинули задвижки, и ворота шлюза медленно начали подниматься…

Пабло оказался в камере первым, чтобы успеть подхватить Кристин и вытащить ее из проклятой ядовитой жижи. Выбраться самостоятельно она не могла. Все тело, которое уже не защищал оставшийся где-то на дне бассейна арамидовый костюм, покрывали страшные ожоги. Больше всего пострадали жабры, и теперь Кристин мучительно отплевывала кровавые ошметки и тянула к шее изъязвленные руки, пытаясь разорвать горло, чтобы вздохнуть, не понимая, что дышать ей сейчас по сути нечем. Это только в сказках и легендах невесты из иного мира тают красиво и грустно, точно сладкая греза или апрельский лед. Пабло слишком хорошо помнил, каково это, когда с тебя сдирают кожу, а ведь кислота, проникая внутрь, продолжала разъедать ткани, не давая дышать.

— Срочно промой ей глаза и обрабатывай ожоги, а я сейчас подключу ее к ИВЛ, — скомандовал Брендан, всучив Пабло приготовленные препараты из аптечки и с профессиональной точностью делая на горле пациентки надрез. — В верхней камере найдем резервуар с чистой водой, чтобы вымыть эту гадость из жабр.

Товарищи торопили их. Хотя для Пабло весь мир сейчас сузился до мембраны канюли, введенной в бронхи Кристин, система уничтожения безжалостно продолжала свой отсчет. К счастью, парагвайский саймири Зигфрид и его подружка Матильда справились с заглушками верхней камеры без проблем и с куда меньшими жертвами. В самое маленькое из отверстий запустили мармозеток.

— Вот уж не думал, что твое зверье сгодится здесь на что-то кроме еды, — честно признался Дольф.

Эркюль глянул на него с укоризной, баюкая мартышек.

Для Пабло проход к очистным сооружениям и далее наверх стал не просто путем к спасению города, но и дорогой жизни Кристин. Хотя совместные усилия Брендана и Савитри предотвратили гибель от асфиксии и болевого шока, дочь Маркуса Левенталя нуждалась в срочной госпитализации. При мысли о том, что ей пришлось пережить, и какие испытания еще предстоят, даже если все закончится благополучно, Пабло начинало трясти, и значки кода плясали перед глазами. Но приходилось украдкой колоть очередную дозу стимуляторов и брать себя в руки. Ибо от правильной последовательности действий зависело очень многое, в том числе и дальнейшая жизнь возлюбленной, которая, словно Белоснежка в хрустальном гробу, лежала подключенная к системе жизнеобеспечения в активированной Бренданом спасательной капсуле.

Оставалось позавидовать спокойной слаженности Аслана и Смбата, которые работали со взрывным устройством с таким невозмутимым и обыденным видом, будто ремонтировали прохудившуюся крышу или чинили кухонный комбайн. Впрочем, им тоже приходилось ставить блоки и создавать броню. Подрывники, конечно, ощущали непомерный груз ответственности. Они сейчас, словно атланты, поддерживали хрустальную сферу, много лет сохранявшую жизни тысяч людей, занимались ювелирной хирургической работой, освобождая пораженное раковой опухолью сердце города. Разве они могли ошибиться, когда ради спасения этого янтарного замка царевна Юрате едва не отдала жизнь?

Остальным приходилось изводиться бездействием, отсчитывая минуты, каждая из которых тянулась, как световой год, но пролетала мгновенно, будто столетия зачарованной страны эльфов.

— Да сколько уже можно? — в какой-то момент не выдержал Дольф. — Даже на нарах Содружества срок мотался легче. Вы точно не забыли, что нам еще одно взрывное устройство обезвреживать?

— Так туда же вроде отправились геологи и рудокопы, — простодушно напомнил Чико.

— И где они до сих пор? — сурово глянул на него абордажник.

В самом деле, ученым Виктора Громова и рудокопам с нижних уровней никак не удавалось сломить сопротивление охотников. Заведомые смертники даже без энергетического щита, который отключил Пабло, словно спартанцы царя Леонида, продолжали удерживать стратегически выгодную позицию в узком проходе, и обойти их не представлялось никакой возможности. Между тем до окончания обратного отсчета оставалось всего пятнадцать минут, а подрывники и Пабло еще не закончили с первым взрывным устройством.

— Может быть, надо было сразу начать работать с обоими генераторами? — с мольбой глянул на товарищей Брендан.

Аслан молча указал на датчики движения, установленные на выходе из камеры генератора и соединенные с взрывным устройством. Любая попытка выйти из помещения могла вызвать детонацию.

Брендан застонал. Он уже знал, что Эйо и Савитри отказались покинуть убежище, и теперь даже не решался глянуть в сторону экрана. А ведь он обещал им вытащить Ндиди. Пабло не имел возможности куда-то смотреть, кроме строчек с кодом, но примерно представлял, что сейчас происходит в городе.

Суета царила только в ангарах и возле внешних шлюзов, которыми решили воспользоваться горожане, питавшие надежду добраться до кораблей пешком. Хотя трансляторы, отпугивающие медуз, работали на полную мощность, аккумуляторам требовалась постоянная замена. А неповоротливые погрузчики и тягачи на перевале Большого Кольца могли просто застрять или не удержаться на узком серпантине. Впрочем, этот путь к спасению оказался доступен лишь десятой части горожан. И это при том, что тот же Шварценберг, выгрузив больше половины реакторного топлива, взял на борт всех, кого смог. Что поделать: большинство танков профессор Нарайан задействовал для выполнения своей великой миссии.

Пабло бросил единственный взгляд на экран, чтобы узреть помпезную кавалькаду, покинувшую город в строго организованном чинном порядке, как на парад. А потом он услышал стон обманутых защитников генераторов. Как только охотники получили первые сообщения от родных, растерянно мечущихся от ангара к ангару и везде находящих лишь пустоту, они все поняли и сразу сложили оружие. К этому времени Аслан и Смбат при поддержке Пабло обезвредили последние узлы, а

Дольф, Эркюль и Чико, помогая Брендану, подхватили капсулу с Кристин и бросились к двери. Пабло отправился за ними, понимая, что им все равно не успеть.

Он видел ученых, пытающихся отгородиться от неизбежного решением головоломных задач, воспитателей из приюта, которые вывели детей в гидропонный сад, врачей, продолжавших оперировать. Счет раненым в схватке у генераторов исчислялся сотнями. Многие горожане, особенно старики, решили провести последний час своей жизни с близкими. Кто-то сидел в кафе или резался в трехмерные шахматы и покер. Кто-то самозабвенно и фальшиво распевал разудалые песни. Мародеры продолжали шарить по опустевшим жилым отсекам и выносили добро из магазинов, какие-то маргиналы просто громили все подряд.

Пабло понимал, что у каждого должна быть своя медитация о смерти, и жалел лишь о том, что в суете почти бессмысленных уже трепыханий с кодами и протоколами не может не только поцеловать любимую, но даже взять ее за руку. Впрочем, каждое прикосновение приносило Кристин боль, немного смягченную заживляющим раствором и анестетиками, но все равно жестокую. А вводить пациентку в искусственную кому Брендан пока не решился. Преодолевая уровни защиты, Пабло нес какую-то чушь о доме у моря под сенью виноградных лоз, о прогулках под парусом и посиделках с друзьями на веранде. Кристин ничего не могла ответить, только из-под полузакрытых век текли слезы.

Когда открылся проход ко второму генератору, обратный отсчет дошел до нуля…

Но взрыва не последовало.

— Какого Трехрогого? — почти обиженно пророкотал Дольф, который, кажется, был разочарован тем, что его героическая смерть откладывается на неопределенный срок.

— Осечка? — с надеждой проговорил Эркюль.

— Может быть, у них таймер неисправный? — вопросительно глянул на отца Смбат.

Разгадка оказалась более простой и невероятной. Когда обе группы бойцов, войдя с разных сторон, встретились в камере второго генератора, они увидели обезвреженное взрывное устройство и троих окровавленных, но не сломленных пленников.

— Ндиди! — облегченно выдохнул Брендан, бросаясь к другу и убеждаясь, что тот, несмотря на все полученные травмы, все еще жив и даже в сознании.

— Пэгги! — просиял Эркюль, глядя на отсоединенные детонаторы, в образцовом порядке разложенные вокруг боевого андроида.

— Шака? — удивился Дольф.

— А кого ты, Хоал тебя дери, ожидал тут увидеть? — пробасил квартирмейстер, отирая кровь из разбитой скулы. — Синтрамундского калагана с гаремом?

Хотя его знатно потрепали, Шака помогал обезвреживать взрывчатку.

— Этот долбанутый на всю голову женишок моей махарани захотел, чтобы мы увидели все шоу из первых рядов, и приковал нас наручниками к этим железякам, — пояснила Пэгги, указывая на трубы, по которым в емкости генератора осуществлялась подача воды.

— И как же вы освободились? — простодушно поинтересовался Чико.

Ндиди без лишних слов показал какой-то предмет, подозрительно похожий на шпильку или булавку с отломанной головкой.

— Это заколка с бабочкой, которую моя Савитри не смогла использовать против Нарайана, — пояснила Пэгги, включив запись с процессора. — Ндиди ее подобрал во время отступления, а потом успел спрятать под кожу левой руки.

— С такой выдержкой и смекалкой можно хоть сразу зачислять в подразделение «Барс», — невольно покачал головой Пабло, наблюдая на записи, как раненый боец, корчась от боли, выворачивает сломанную руку, чтобы вытащить отмычку и открыть замок. Потом освобождает Пэгги и Шаку.

Заколка Савитри Первой все-таки превратилась в оружие, нанеся Нарайану удар в самое сердце.

— Ндиди, любимый, Пэгги, подруженька, — всхлипывала в убежище махарани, которой добрые вести, казалось, придали силы.

— Дядя Ндиди! — восторженно повторял Камо, обнимая мать.

Эйо ничего не говорила. Она только вытирала слезы и крепче прижимала к себе сына, улыбаясь брату и Брендану, который деловито распоряжался насчет транспортировки раненых.

Пабло шел возле капсулы с Кристин, точно во сне или в бреду, до конца не веря, что у них получилось. У входа в операционную, когда открыли крышку, любимая выпростала из раствора дрожащую руку и обняла его запястье.

— Ты правду говорил насчет дома у моря? — разобрал Пабло движение опухших обожженных губ. — Ты готов забрать меня туда даже такую? — указала она на свое обезображенное тело.

— Я только сейчас по-настоящему разглядел твою красоту, — убежденно проговорил Пабло, покрывая поцелуями наименее пострадавшие участки кожи. — На Сербелиане есть врачи и

специальное оборудование. Ты станешь еще краше, не останется даже шрамов!

Он мог бы говорить с ней еще целую вечность, только ненадолго уступив право на общение с дочерью Маркусу Левенталю. Но когда за Кристин и врачами закрылась дверь, без сил опустился у порога. Действие стимуляторов заканчивалось, потревоженная во время марш-броска рука не слушалась, грудь болела, и во рту ощущался неприятный соленый привкус. Но чувства опять приходилось брать в узду, а недомогание глушить лекарствами. Противостояние с профессором Нарайаном еще не закончилось.

— Подключи мне уже обратно боевой режим, я иду на пустошь, — потребовала Пэгги, примеряя новый экзоскелет и рассовывая по подсумкам аккумуляторы.

— И защитное поле танков взломать бы неплохо, — сурово глянул на оператора Дольф. — Не знаю, как ты, но я не успокоюсь, пока не накормлю этого долбанного главу научного отдела его потрохами.

Пабло кивнул, заранее одобряя в отношении Громовержца любую кару.

— У нас хоть одна машина на ходу имеется? — улыбнулся Аслан, спешно меняя воздушные фильтры и пытаясь убедить сына остаться в городе.

— Крупная техника вся выведена на пустошь, — развел руками Мубарек, — но можем пока воспользоваться квадроциклами.

— Сейчас дядюшка Хенк и Маркус Левенталь как раз убеждают беженцев вернуться в город, — пояснил Виктор Громов.

— На нашей стороне собираются выступить охотники, которые обозлены предательством, и часть маргиналов, — добавил Йохан Дален.

— Так может быть, оставить их в покое: пусть сами разбираются? — предложил Прокопий.

— Или жахнуть из городских плазменных установок! — вклинился с борта «Эсперансы» Таран.

— Там наш кошак, и мы должны его вернуть отцу! — осадил артиллериста Эркюль, проверяя состояние экзоскелета.

— Если надо, я готов, — поднялся на ноги Пабло.

Брендан покачал головой, вколол ему очередную дозу стимуляторов и собрал новую аптечку, точно зная, что без раненых на пустоши не обойдется. Эйо пообещала в их отсутствие присмотреть вместе с Савитри за Ндиди и Кристин. Камо и Камилла передавали Синеглазу привет.

Они спасли янтарный замок. Дело оставалось за малым.

Глава научного отдела должен был ответить за все причиненное зло.

Глава 39. Молния для Громовержца

Ехать на танке Синеглазу в этот раз не понравилось. Его немилосердно трясло, в глазах то и дело темнело, а к горлу подкатывала дурнота.

— Это все следствие попадания из парализатора, — успокоила его Савитри, рассказав, как испытала нечто похожее, очнувшись в кабине танка охотников.

Синеглаз и сам понимал, что последние несколько часов с ним обращались как с подопытной зверушкой. Хотя могло быть гораздо хуже. Глазами принцессы он видел, во что палачи профессора Нарайана превратили тела Ндиди и Гу Синя. И после такого бойцы еще пытались дать отпор на арене. Впрочем, княжич с малолетства знал: настоящий воин должен уметь подчинить боль от ран, использовав ее как оружие в борьбе.

Вот только никто и никогда не говорил, что этими же качествами должна обладать женщина и наследница династии. Конечно, Кристин сорвала все планы своего несостоявшегося жениха, не позволив ему сплясать натараджу на развалинах города под куполом, но цена, которую она заплатила, оказалась просто чудовищной. Что поделать, договоры с судьбой скрепляются только кровью.

О планах правнучки Арвинда Вармы и ее товарищей Синеглаз узнал, когда головные машины колонны, покинув город через специальные шлюзы, вышли на пустошь, надежно защищенные энергетическими щитами. Впрочем, городские плазменные установки пока еще находились под контролем охотников. В остальном же помпезно обставленная экспедиция на «Эсперансу» напоминала постыдное бегство. Глава научного отдела и его приближенные, утратив контроль над городом, пытались спасти свои шкуры и выиграть время. Вот только на что они рассчитывали, оставляя позади руины, Синеглаз так и не понял.

— Бунтовщики отбили двоих пленников и при помощи вашей невесты сумели запустить реактор на старом руднике, — в смятении доложил начальник службы безопасности, прервав отчет руководителя секретной лаборатории об эвакуации оборудования и погрузке наиболее ценных образцов.

Хотя Брендану и его товарищам удалось спасти большинство подопытных, результаты исследований остались в распоряжении главы научного отдела. Туда же, видимо, собирались присовокупить и биоматериалы Синеглаза, который ждал решения своей участи, прикованный к жесткой кушетке, застеленной противно липнущей к коже прозрачной пленкой.

Интересно, ему когда-нибудь выдадут хоть какую-то одежду или так и потащат на Сансару нагишом, как последнего дикаря?

Увидев смятение на лицах чиновников, княжич настороженно замер, оставив попытки освободиться и готовясь к худшему. К счастью, на него пока не обращали внимания. Профессор Нарайан наблюдал за танцем Савитри.

— Моя невеста? — презрительно скривился он, отчего его породистое лицо сделалось особенно старым и обрюзгшим. — Да этой храмовой девадаси самое место в солдатском борделе вроде тех, которые существовали при фабриках «Панна Моти». Когда прибудем на Сансару, я ей это устрою.

— Но мы не можем пробиться на нижние уровни, где сейчас находится принцесса, — отвлек его от вынашивания планов мести начальник службы безопасности. — Бунтовщики перенастроили систему силовых полей города, а энергетических мощностей и топлива у них теперь хватит до конца года.

— В таком случае заканчивайте подготовку к эвакуации и действуйте согласно секретному протоколу, — отрезал профессор Нарайан. — Савитри Вторая сама выбрала свою судьбу, как и дочь простолюдинки, о которой я даже слышать ничего не желаю. А что касается ключа от сокровищницы, если мы не сумеем отыскать его среди руин, то попробуем получить доступ в хранилище иным путем.

Он, не глядя, махнул рукой в сторону Синеглаза, и княжич пожалел, что не может прямо сейчас обратиться в мелкую пичугу или жука. Даже отец, когда лично кормил врагов и изменников их собственными потрохами, меньше походил на чудовище.

Эвакуацию экипажа корабля и немногих приближенных провели с быстротой и четкостью давно заученной храмовой церемонии, словно каждый день репетировали, предвкушая желанный момент. Головные машины покинули город в таком чинном порядке, которому позавидовал бы старый мастер церемоний, отвечавший еще за парадные выезды отца царя Афру и сохранивший свой пост при дворе князя Ниака.

Синеглазу помимо стандартной формы воспитанника приюта выдали его же собственный экзоскелет с той лишь разницей, что скорчер сменили наручники. В этом сомнительном украшении княжич чувствовал себя не лучше обитателей зверинца и ферм, которые испуганно метались в своих клетках и стойлах, царапали прутья решеток, бились в стены рогами, пытались поддеть засовы клювами, но не могли выбраться на свободу. Впрочем, в западне сейчас оказались все обитатели города, кроме немногих избранных, список которых пришлось вновь сократить.

— Мы не успеем за такой короткий срок закончить даже

погрузку, а нам еще надо выехать из города, — услышав о начале запуска секретного протокола, попытался выиграть время глава транспортного управления, отвечавший за формирование колонны и исправность машин.

— Медлить нельзя! — бесстрастно глядя на голографический монитор приборной панели флагманского танка, отрезал профессор Нарайан. — Иначе бунтовщики прорвутся к генераторам. Кажется, когда решался вопрос о членстве в совете Виктора Громова, именно вы настояли на его незаменимости как специалиста, — желчно добавил он, указывая на отряд ученых, пытавшихся под предводительством главы геологоразведки оттеснить охотников от входа в реакторный отсек. — А вы, — он повернулся к поддерживавшему у ангаров защитное поле начальнику энергетического ведомства, — уверяли, что старый рудник расконсервации не подлежит.

Впрочем, погрузке мешали отнюдь не повстанцы. Помимо тех, кто вошел в список избранных, к ангарам пытались прорваться практически все обитатели уровня мутантов и немало жителей привилегированных верхних ярусов. Люди с ожесточением прокладывали дорогу с помощью локтей и чемоданов, отталкивали друг друга, оттесняли детей и женщин, опрокидывали стариков и калек и безжалостно топтали упавших. То тут, то там раздавались выстрелы и мелькали клинки. Маргиналы из банд Хайнца, Раптора и прочих уже давно привыкли решать проблемы с помощью оружия, будучи уверенными, что уж в этот раз им точно все сойдет с рук.

В это время на отгороженных защитным полем уровнях рудокопов Синеглаз глазами Савитри наблюдал совершенно иную картину. Там, конечно, тоже царили смятение и изрядная толкотня. Но детей не давили, а пытались бережно передавать над головами, если другой возможности не было, а места в погрузчиках и проходческих комбайнах распределялись железной волей эмиссаров штаба сопротивления. Чуть в стороне мастера участков раздавали облаченным в экзоскелеты и спецкостюмы рудокопам воздушные фильтры, скорчеры и трансляторы для отпугивания медуз. Ослабевшим узникам нижнего рудника находили места на броне.

Синеглаз глазам своим, вернее, зрению Савитри, поверить не мог, увидев Шварценберга, который выгружал из танка драгоценный палладий, чтобы туда вместилось больше людей. Впрочем, при эвакуации с Раваны он тоже рисковал, взяв на борт повстанцев, а общение с Маркусом Левенталем пробудило не свойственный прижимистому кэпу альтруизм.

Жаль, что профессор Нарайан подвижничество конструктора

воспринял в качестве антитезиса для доказательства от противного.

— Стреляйте на поражение, — без тени эмоций распорядился он, оценив ситуацию возле ангаров. — Можете использовать плазменные заряды.

— Но там же члены совета и охотники с семьями! — ужаснулся начальник службы безопасности.

— Неужели вы думаете, я не пожертвую этими бескастовыми, часть которых собирался взять исключительно как щит?

Когда охотники начали поливать толпу плазмой, прожигавшей обшивку и рикошетившей от стен, паника достигла своего апогея, а среди жертв оказались не только маргиналы. Впрочем, замешанных в афере с трансплантацией детских органов начальницу отдела опеки и главу департамента здравоохранения княжич нисколько не жалел.

Синеглаза в тот момент занимало другое. С трепетом сердца он наблюдал за Кристин, пробиравшейся по узкой трубе отстойника. Когда правнучка Арвинда Вармы приняла облик тотема, с легкостью разломав решетку и трубу, княжич почувствовал такое единение сознания, которое никогда не испытывал даже во время общения по ментальной связи с отцом. Он одновременно находился в кабине танка и пытался развернуться в тесном резервуаре заполненного ядовитой жижей бассейна.

Хотя плакоидной акульей чешуе едкая отрава могла навредить не больше, чем защищенным эмалью зубам, жабры у Кристин горели, как в моменты самого жестокого пересыхания. Когда же она снова вернулась в человеческий облик, Синеглазу показалось, что в его экзоскелет залили расплавленный свинец или кипящее масло. Он помнил, как слезала с пальцев кожа, когда он из озорства попытался утащить со сковородки жарившиеся в зенебочьем жиру молодые побеги травы, а сейчас горело все тело. Княжича трясло и бросало в жар, но он не мог оборвать контакт, понимая, что без них с Савитри Кристин не справиться. Когда механизм пришел в движение, не осталось даже сил на радость. На какое-то время Синеглаз отключился, вверяя сестру заботам Брендана.

В сознание его который раз за эти сутки привела острая боль. С перепугу он сперва решил, что его опять поместили в какой-нибудь медицинский ящик, чтобы выкачивать кровь и тыкать противными толстыми иглами, от которых до сих пор кололо в правом боку, а в спину стреляло, словно у древнего деда. Но оказалось, что его всего лишь подбросило на ухабе, и он до крови прикусил губу. В отличии от Кристин, чью жизнь сейчас пытался

спасти Брендан, и Савитри, возле которой хлопотала Эйо, ему с дурнотой и болью приходилось как-то бороться самому.

При этом княжич точно знал: если он предпримет попытку побега или просто неудачно дернется, самое меньшее, что его ждет — очередной разряд парализатора или обездвиживающий укол. А при нынешнем раскладе ему все-таки не хотелось пропустить что-то важное или погибнуть в беспамятстве угара, как жадный крестьянин, слишком рано закрывший дымовое отверстие в крыше. Да и за судьбу пытающихся спасти город товарищей он переживал.

Подпитывая Кристин, с неослабевающим вниманием княжич следил за действиями Пэгги, Шаки и Ндиди. Пабло Гарсиа при всех своих дарованиях сумел перевести в режим зеркала камеры только ближайшего к нему генератора.

— Что делает этот грязный кули? — спохватился Амитабх, видя, как Ндиди буквально выламывает руки из суставов, пытаясь извлечь из-под кожи заколку и открыть наручники.

Местные палачи сослужили бойцу неожиданную службу, растянув сухожилия, а к боли за годы на арене Ндиди привык.

— А думал, тебя называли Терпеливым для красного словца, — заметил Шака, наблюдая, как Пэгги, которую освободили раньше, методично и хладнокровно обрезает провода и отсоединяет клеммы.

Ндиди не сумел ответить. Как только он снял наручники с квартирмейстера, силы оставили его.

— Я же говорил, что надо было делать дистанционный механизм, — ругался в кабине танка командир взрывотехников, отвечавший за минирование генераторов.

— Только не на орбите пульсара, — покачал головой Амитабх. — Во время очередной магнитной бури вся эта хрень рванула бы без нашего ведома.

— Ничего страшного. В городе есть еще один генератор, — бесстрастно отозвался профессор Нарайан, который лично настоял, чтобы «грязного кули» и его спутников казнили по древнему обычаю, лишив возможности перерождения.

Синеглазу составило немалого труда скрыть торжествующую улыбку. Как раз в это время Пабло и Аслан со Смбатом заканчивали разминирование второго генератора. Жаль только, они не знали, что можно не спешить и не стоит отчаиваться. Савитри и Кристин потеряли слишком много сил, чтобы услышать и передать послание по ментальной связи.

— Не понимаю, что происходит? Единственный проход ко второму генератору — через верхнюю камеру реакторного отсека.

На начальника службы безопасности даже жалко было

смотреть. Истекли все мыслимые сроки, а город продолжал стоять, и приборы говорили о том, что генераторы воздуха работают в штатном режиме.

— Может быть, еще одна группа бунтовщиков проникла через водозабор? — высказал верное предположение глава секретной лаборатории.

— Там слишком узкие технические отверстия, а проход сквозь отстойник мы закрыли решеткой, — пояснил начальник службы безопасности.

И вновь Синеглаз предпочел оставить своих малоприятных спутников в неведении, еще раз переживая все муки Кристин и мысленно улыбаясь проворству и сообразительности мартышек. Все-таки Эркюля называли Обезьяньим богом не просто так. Кто бы мог подумать, что его питомцы, озорство которых на «Нагльфаре» не поминал крепким словом лишь ленивый, окажутся полезны не только в качестве детской забавы и безотказных связных?

— Когда доберемся до «Эсперансы», расстреляем город из плазменных установок! — пообещал Нарайан.

— Нам бы самим сейчас не попасть под огонь. До перевала Большого Кольца еще несколько часов пути! — возразил ему начальник конвоя, видя, как охотники в реакторном отсеке складывают оружие, передавая командование Виктору Громову и активистам сопротивления.

— Защитное поле должно выдержать, — с опаской проверил систему бедняга Амитабх.

Синеглаз, который снова сумел наладить ментальную связь с приободрившейся Савитри, и сам видел, что возле перешедших под контроль повстанцев городских плазменных установок разгорается нешуточный спор.

— Мы требуем возмездия! — настаивали бойцы, чьи родные не выдержали заточения на нижнем руднике или стали жертвами экспериментов секретных лабораторий.

— Но на пустоши находятся наши жены и дети, — возражали им товарищи, успевшие вывести из города семьи, которые сейчас оказались для главы научного отдела живым щитом.

— Да что они там чалятся? — изнывал от бездействия бедняга Таран, запертый возле орудий «Нагльфара» и пропустивший все самое интересное. — Зачем тратить энергию на массированный удар? Расстрелять машину главного гада, а остальных и прикладами добить можно.

— Я те расстреляю! — пригрозил артиллеристу Шварценберг. — Если из-за твоей дури с нашим кошаком что-то случится, я лично отвезу тебя князю Ниаку, и уж он пусть сам

решает, скормить ли тебе твои потроха или отдать с потрохами варрарским шаманам.

— Для нанесения точечных ударов здесь слишком сильные помехи, — обрисовал ситуацию Маркус Левенталь.

— А от батарей «Нагльфара» и «Эсперансы» эти гады все равно никуда не денутся, — подытожил Шварценберг.

Старый пират, велев Санчесу доставить в спасенный город пассажиров, сменил танк на квадроцикл и в сопровождении Прокопия и Льва Деева мчался в сторону тоннелей, надеясь опередить Нарайана и встретить его на кораблях во всеоружии.

— Конечно, на своем горбу дровишек много не довезешь, — сокрушался старый пират, проверяя крепеж зафиксированного на багажнике квадроцикла дополнительного контейнера с реакторным топливом. — Но на приветственный фейерверк хватит!

— Только бы навесную переправу проскочить до того, как танки выйдут на линию огня, — беспокоился Прокопий.

— Можно попробовать частично использовать квадроциклы в тоннелях, — предложил Деев, спешно производя какие-то расчеты в уме. — На той стороне мы от них оторвемся.

— Особенно если успеем оборвать тросы, — согласился с ним Шварценберг.

— Мы бы вас поддержали огнем, но перевал Большого кольца — мертвая зона, — напомнил старому другу Маркус Левенталь.

— Да куда вам, Марки, сейчас энергию тратить? — с непередаваемой смесью суровости и заботы проворчал Шварценберг. — Пока дровишек не подвезем, на поддержание защитного поля хватило бы. К тому же нашему принцу-прохфессору, думаю, и без нас будет чем заняться, — добавил он, оглядываясь назад и озирая заполненную самой разнообразной техникой равнину.

Синеглаза изображение с камеры кэпа тоже впечатлило. Помимо погрузчиков и проходческих комбайнов, которые напоминали выбравшихся из своих глубоких нор и немного дезориентированных на поверхности землероек или кротов, княжич насчитал не менее десятка танков, оборудованных плазменными установками вездеходов и грузовиков повышенной проходимости. Помимо бойцов сопротивления в погоню за главой научного отдела отправились охотники. Осознав, что их подставили, бросив на произвол судьбы в обреченном на гибель городе, они вернулись за своими семьями и теперь собирались прорваться на «Эсперансу» силой, предварительно сведя счеты с бывшим кумиром. Таким образом, обвалившийся участок мог стать настоящей западней. Об этом говорили и спутники

профессора Нарайана.

— Почему ремонтные работы не были проведены в срок? — бушевал начальник колонны, пытаясь прикинуть соотношение сил и приходя к неутешительным выводам.

— О каких сроках тут может идти речь? — обиженно оправдывался глава дорожного департамента. — Как только стало известно об обвале, я отдал соответствующие распоряжения и сформировал ремонтную бригаду, но она даже не сумела выехать, поскольку проходы к ангарам оказалась заблокированы сначала прорвавшимся с рудника медузами, а потом измененным контуром защитного поля. К тому же я еще две недели назад предупреждал, что трасса стала нестабильной, нуждается в ремонте и прохождения танковой группировки может не выдержать.

— Вы понимаете, что у нас на хвосте весь город, — указал на голограмму равнины начальник колонны. — Мы не можем восстанавливать трассу и одновременно отстреливаться.

— Отставить панику! — прикрикнул на подчиненных профессор Нарайан, так грозно, что Синеглаз даже подпрыгнул, испытывая непреодолимое желание поджать хвост и прижать уши к голове.

— У нас хватит мощностей, чтобы разнести преследователей в дым и самим остаться невредимыми. Я, конечно, не могу понять, почему начальник транспортного ведомства бросил в городе исправные машины, — продолжил он, указывая на танки и грузовики, водители которых спешно пересаживали пассажиров в погрузчики, в то время как артиллеристы проверяли зарядку батарей. — Но, если все грамотно спланировать, мы не только благополучно доберемся до кораблей, но и с помощью палубных систем огня уничтожим бунтовщиков в городе и спокойно покинем планету.

— Но у нас реакторного топлива на несколько сотен мегатонн! — простонал начальник колонны.

Синеглаз тоже представил мощность возможного взрыва от детонации, и ему стало не по себе. Такой погребальный костер, пожалуй, доставит прямиком к надзвездным чертогам Великого Се. Хотя большинство спутников профессора Нарайана явно ожидала пасть Трехрогого и мрачные закоулки царства Хоала.

— Не переживай, малыш, мы тебя вытащим, — поспешила ободрить княжича принцесса Савитри.

Вместе с Эйо и Камо она покинула убежище и поднялась наверх, чтобы поддержать Ндиди и Кристин. Жизни бойца уже ничего не угрожало. Врачи успешно провели несколько операций, остановили внутреннее кровотечение, скрепили поврежденные

кости, и теперь Ндиди больше всего требовались отдых и забота близких. Благо медикаментов и хороших врачей на верхних уровнях хватало.

Зато за Кристин пока приходилось бороться. Насколько Синеглаз сумел разобрать, речь шла даже не о восстановлении кожных покровов, эту проблему в городе под куполом решать умели, а о спасении жабр, без которых, как выяснилось, дочь Маркуса Левенталя просто не могла дышать. Удалить доставший от тотема рудимент, не нарушив работу основных органов, не представлялось возможным.

— Я могла бы отдать ей свое тело андроида, — щедро предложила Савитри, встревоженная состоянием кузины.

— Об это речи не идет, — покачал головой главный хирург. — Хватит нам и упырей-трансплантологов, убивавших и калечивших детей ради пересадки органов. Мы справимся. В городе все-таки есть трехмерные принтеры, способные создать функциональный протез жабр. Хотя настоящее выздоровление для нее возможно только в Большом мире.

«А меня за пределами Треугольника ждет золотая клетка», — с болью подумала Савитри, но тут же взяла себя в руки, чтобы нести свой свет другим.

Дождавшись пробуждения Ндиди после наркоза и подарив любимому заслуженный поцелуй, она оставила его отдыхать под присмотром сестры и прикорнувшего на кушетке племянника, а сама отправилась в зал заседаний записывать обращение к горожанам. До возвращения Маркуса Левенталя и выборов нового Совета город следовало удержать от наступления хаоса. Требовалось оказать помощь всем нуждающимся, остановить мародерство и грабежи, наладить полноценную работу всех реакторов, горно-обогатительного комбината и рудника. И принцесса Сансары как представительница одной из древних династий собиралась помочь в этом непростом деле, проявляя лучшие качества, унаследованные от Варуны и других небожителей.

В это время ее бывший жених уподобился Раване и тем из асуров, которых по одной из земных легенд сбросили с небес за жадность и гордыню. Впрочем, его решимость и хладнокровие перед лицом опасности не могли не вызывать уважение.

— Открыть упреждающий огонь! — распорядился он, как только танки заняли выгодную позицию на склоне.

— Но там же охотники с семьями, — попытался возразить начальник колонны.

— Вот именно, — хищно рассмеялся профессор Нарайан. — И их машины имеют те же параметры защитного поля, что и наши.

В самом деле, охотники, которые лучше подготовились к эвакуации, опередили всех преследователей. Пока рудокопы пересаживали детей и женщин из переполненных танков в не менее загруженные грузовики и проходческие комбайны или отвозили пассажиров в город, охотники вырвались вперед и вышли на линию огня.

— Возможно, они просто хотят присоединиться к нам, — со страхом предположил Амитабх, перестраивая систему опознавания и убеждаясь, что бывшие союзники совершенно беззащитны.

— Скорее, занять наше место, — прикинув количество пассажиров и бойцов в танках, осадил его глава службы безопасности.

Синеглаз замер на своем неудобном месте, обуреваемый противоречивыми чувствами. Конечно, меньше суток назад он сам участвовал в смертельном противостоянии с охотниками и, пробиваясь к генераторам, с противниками, попадавшими под коготь или клык, не церемонился. Но на борту танков находились старики, женщины и дети, повинные только в том, что поверили в свою избранность и продолжали следовать за кумиром.

— Стойте, подождите, вас же сейчас аннигилируют! — узнав от княжича о планах профессора Нарайана, пытался предупредить охотников Йохан Дален. — Измените настройки системы опознания или дождитесь наших операторов сети!

В самом деле, Пабло Гарсиа в сопровождении Пэгги, Брендана, Эркюля и остальных уже выехал из города и пытался предотвратить катастрофу, настойчиво повторяя запрос на вход в систему. Но охотники то ли не понимали, что от них требуют, то ли по-прежнему больше верили городскому совету, чем участникам сопротивления, которых считали бунтовщиками.

Только когда три головные машины, не успев сделать даже пару выстрелов, вспыхнули всеми оттенками спектра водорода и фтора, охотники пробудились от транса. Путь к спасению нашли, к сожалению, не все. Прежде чем Пабло Гарсиа изменил настройки системы, артиллеристы главы научного отдела успели подбить еще два танка, которые полностью перегородили и без того узкую дорогу.

— Теперь вперед, пока эти бескастовые не опомнились! — торопил подчиненных профессор Нарайан, нетерпеливо постукивая бронированной перчаткой экзоскелета по подлокотнику кресла. — Мы должны добраться до вершины противоположного склона раньше, чем они получат возможность атаковать! Поэтому надо сжечь за собой мосты!

Синеглаз прямо чувствовал, как главе научного отдела не

хватает хвоста с кисточкой и когтей, которыми можно царапать обшивку. Впрочем, даже аватару Великого Асура доктору Дриведи, в отличие от Кристин, не удалось полностью принять облик тотема. Другое дело, что и без помощи предков профессор Нарайан со своей танковой армадой представлял сейчас немалую опасность и для уцелевших машин повстанцев, и для кораблей.

Шварценберг и его спутники хотя и вырвались вперед, воспользовавшись системой тоннелей, находились где-то внутри котловины перевала. Связь с ними пока отсутствовала. А охотники и повстанцы никак не могли расчистить дорогу. Погрузчики и тягачи пока занимались эвакуацией выведенных на пустошь людей. Брендан и еще несколько врачей и добровольцев спешно оказывали помощь обожженным и раненым. К тому же после потери пяти боеспособных машин повстанцы утратили огневое преимущество, а городские и корабельные установки в мертвой зоне перевала Большого Кольца применять не имело смысла.

Тревога княжича усилилась после того, как артиллеристы главы научного отдела, проконсультировавшись с дорожниками и геофизиками, увеличили площадь завалов, сделав их практически непреодолимыми. Говоря другими словами, дороги на участке перевала Большого Кольца больше не существовало. Шатругна Нарайан вел хтонический танец разрушения с одержимостью истинного наследника Великого Асура.

Изнывая от бездействия и тревоги, Синеглаз начал подумывать о том, чтобы каким-то образом добыть скорчер, подобраться к запасам реакторного топлива и вызвать детонацию, которой так боялся начальник колонны. Конечно, на свидание с духами предков и прародителей он раньше времени не стремился, но жить заложником при дворе Сансары или становиться марионеткой в играх змееносцев на Васуки ему тоже не очень хотелось. Даже если забыть про неправильно сконструированный варп-двигатель.

— Скажи этому пострелу, чтобы пока не делал резких движений! — узнав от принцессы Савитри о мыслях княжича, забеспокоился Эркюль, который вместе с Пэгги, Пабло Гарсиа и еще десятком отчаянных смельчаков двигался в сторону тоннелей на квадроциклах, чтобы повторить путь Шварценберга.

— Пока наши будут расчищать завалы и восстанавливать дорогу, мы зайдем твоему бывшему женишку в тыл и попытаемся вытащить кошака, — пояснила подруге их план боевой андроид.

— А фейерверк мы им и без танков устроим, — пообещал Аслан, проверяя, надежно ли зафиксирована на багажнике машины взрывчатка, которую он захватил из города, по его же

собственным словам, просто на всякий случай.

— Главное — защитное поле взломать, а это задача решаемая, — добавил Пабло Гарсиа, размещаясь на месте стрелка рядом с Дольфом таким образом, чтобы без помех работать в операционной среде.

Хотя княжич немного приободрился, душа, как и остальные органы тела, находилась не на месте. Когда группа Пабло, Эркюля и Пэгги добралась до входов в тоннели, связь с ними ожидаемо пропала. Хорошо, что на ментальное общение асуров капризы пульсара и местные магнитные аномалии не влияли.

Глазами Савитри Синеглаз видел, как неповоротливые тягачи, доставив обратно в город перепуганных беженцев, многие из которых не верили, что опасность миновала, поворачивают в сторону заблокированной трассы, в то время пока повстанцы и охотники, объединив усилия, разбирают завалы вручную и пытаются вытащить из догорающих машин людей. Савитри, которая сама недавно пережила боль от ожогов, искренне сочувствовала пострадавшим, хотя большинство из них прежде сражались на стороне ее бывшего жениха.

Профессору Нарайану слово «сочувствие» если и было ведомо, то понималось лишь в негативном ключе. Он, как и князь Ниак, похоже, искренне считал древние добродетели уделом слабаков. Хотя охотники не достигли «Эсперансы», свою роль заслона они все равно сыграли. И теперь, отбросив их, как ненужный хлам, глава научного отдела торопил водителей, выжимавших последние ресурсы из машин, спускавшихся в котловину по обрывистому горному серпантину с напором и одержимостью диких зенебоков в период гона. Геофизики и инженеры с тревогой смотрели на поврежденный обвалом склон, пытаясь произвести расчеты и на глаз определить масштаб разрушений, понимая, что их вождь бестрепетно проложит дорогу по трупам соратников.

Синеглаз тоже разглядывал памятный участок серпантина, пытаясь отыскать среди нагромождения камней очертания квадроциклов и знакомые фигуры Шварценберга или Эркюля. Но склон выглядел безжизненным, как Пустыня Гнева в лунную ночь, а от обеих групп пока не поступало никаких вестей. Только продолжали работу спасатели на заваленной трассе, и несли дежурство артиллеристы, давно уже рассчитавшие траекторию удара.

Уделом Синеглаза оставалось томительное ожидание и вынужденное бездействие, единственным спасением от которых оставалась ментальная связь с Савитри. Княжич стал сейчас ушами и глазами города, в подробнейших деталях сообщая о том,

как профессор Нарайан и его спутники прокладывают путь по разрушенному серпантину. Для них время отнюдь не тянулось, а наоборот, спрессовывалось, словно корабли или планеты, попавшие в зону притяжения черной звезды, а под ногами горела земля. Впрочем, этот пожар устроили они сами, а нынешнее преимущество было оплачено кровью доверившихся. В подбитых танках заживо сгорело не менее сотни человек, включая детей и женщин. Тени погибших бродили по котловине, взывая о мщении, духи гор и сопровождающие их медузы кровожадно затаились, поджидая новые жертвы.

— Мы не будем покидать машины. Это займет слишком много времени. К тому же я не уверен, что наши противники не приготовили нам каких-нибудь сюрпризов в виде засады! — не терпящим возражения тоном вынес вердикт профессор Нарайан, выслушав аргументы дорожников, инженеров и геофизиков.

— Да он с ума сошел! Там же грунт сложен песчаником. Тросы просто не выдержат и оборвутся! — констатировал очевидное Виктор Громов, узнав от Савитри о решении ее бывшего жениха.

Спутники правителя Сансары если и разделяли мнение главы геологоразведки, то предпочитали держать его при себе. Синеглаз испытал разочарование. А он-то надеялся в суете если не завладеть скорчером — все-таки, как стрелять со скованными руками, он так и не придумал, — то хотя бы сбежать. Впрочем, первые пару трещин они преодолели благополучно, разве что лебедки и тросы надрывно стонали, как пленники на дыбе. Синеглаз чувствовал себя так, будто растягивали его. Он вглядывался во мрак, но видел лишь желтоватую породу и кривые обломки поврежденной трассы.

А если плазменные заряды повредили тоннели, и Пэгги с Пабло, Эркюлем и остальными просто не могут пройти? А если кэп и его спутники сгинули где-то на дне котловины? Квадроциклы все-таки выглядели достаточно ненадежным видом транспорта, а реакторное топливо — такой взрывоопасный материал. И лишь когда в городском эфире зазвучала привычная ругань Шварценберга, поминавшего Хоала, Трехрогого и демонов еще каких-то неведомых миров, княжич позволил себе немного глубже вздохнуть и даже выдохнуть.

— Я тебе вот что скажу, Марки! — громыхал на весь треугольник запыхавшийся капитан «Нагльфара», выделывая на квадроцикле такие кульбиты, что ему бы позавидовали лучшие наездники травяных лесов. — Если после такого мотокросса ты мне варп-двигатель не наладишь, считай, нашей дружбе конец! Староват я, знаешь ли, как салага по пустоши гонять. Хотя за

девочку твою принцу-прохвессору пасть порву просто задаром!

Синеглаз нервно шмыгнул предательски увлажнившимся носом, оставив попытки подобраться ко взрывчатке. Если профессор Нарайан доберется до кораблей, его встретят во всеоружии. Лев Деев и Прокопий, хотя эмоций столь сочно не выражали, от старого пирата не отставали, закладывая по обрывистому склону виражи настолько крутые, что машины временами почти ложились, чтобы вновь занять вертикальное положение и продолжить путь.

Но где же Пабло Гарсиа? По словам Брендана, чувствовал себя оператор лишь немногим лучше Кристин. Что если он не выдержал еще одного марш-броска и просто свалился по дороге? Но где же в таком случае Пэгги, Эркюль и остальные? По всем расчетам им следовало выбраться из тоннелей, если дорога еще существовала. А если обвал настиг их, когда они уже вошли внутрь?

Если даже Шварценберг благополучно доберется до кораблей, он вряд ли сумеет вытащить гардемарина. К тому же этот подъем по склону надо еще как-то преодолеть. При подходе ко второй по счету навесной переправе из-за ошибки водителя машина, в которой находились «ценные специалисты» и результаты работы секретной лаборатории, сорвалась в пропасть. Профессор Нарайан даже не подумал прийти на помощь своим людям. Услышав их стоны и крики, он приказал отключить связь и продолжить путь.

Хотя Синеглаз упырей из лаборатории не жалел, при мысли о том, каково это — лежать заблокированным искореженной грудой металла, не в силах пошевелить изломанными руками и ногами, и ощущать, как к тебе подбирается смерть, его передернуло. Конечно, в надзвездных краях Великого Се куда лучше, чем в этом мире. Но попадают туда лишь герои и праведники, а Синеглаз не относился ни к тем, ни к другим. Ох, зачем он ослушался отца, зачем расстроил матушку, зачем дерзил капитану, почему позорно попал в плен?

И в это время Амитабх сначала напрягся, потом в досаде разразился площадной бранью, в самых последних словах пытаясь выразить всю степень разочарования от того, что его опять переиграли и обхитрили. Похоже, за время полугодичного противостояния он ничему не научился. Впрочем, Пабло Гарсиа не зря считался лучшим в галактике оператором. Да и не мог он не поквитаться за Кристин.

Другое дело, что за взломом защитного поля не последовало ни залпов, ни каких-то иных боевых действий, а противник оставался невидим.

— Что происходит? — недоумевал глава службы безопасности.

Хотя по броне танка явно стучали подкованные сапоги с антигравами и присосками, наружные камеры и приборы ночного видения не могли никого обнаружить. Синеглаз невольно вспомнил про слой «хамелеон» и костюмы мародеров, которые остались лежать на склоне недалеко от входов в тоннели. Пэгги, Дольф и Эркюль точно знали, где находится это место. Впрочем, гадать о том, кто именно из товарищей решил нанести профессору Нарайану дружеский визит, Синеглаз не стал. Воспользовавшись суматохой, он начал пробираться к люку.

Там уже шла потасовка. Кшатрии личной охраны пытались сбросить с брони штурмующих, не позволяя им пробиться внутрь. Скорчеры и даже импульсные винтовки применять опасались, ограничиваясь макромолекулярными клинками и подручными средствами самообороны. Со стороны сражение с невидимками походило на па какого-то безумного танца, впрочем, на фоне происходящего он смотрелся вполне органично.

— Где мальчишка? — в какой-то момент опомнился профессор Нарайан. — Почему он до сих пор жив? Я же, кажется, ясно распорядился убить его при любой попытке освобождения.

К Синеглазу мигом потянулись цепкие руки. Одного вояку он успел оттолкнуть, едва не напоролся на клинок другого, рыбкой проскользнул под ногами еще троих, пока не оказался в почти родном медвежьем захвате Эркюля, которого узнал до того, как увидел.

— Уходим! — скомандовала Пэгги, сеявшая хаос и смятение среди врагов. Большинство из тех, кто пытался заступить ей дорогу, расставались с жизнью до того, как успевали что-то разглядеть.

— Быстрее, малыш, — торопил Синеглаза Эркюль, подсаживая и передавая Дольфу, ожидавшему товарищей на броне. — Сейчас немного полетаем.

В следующий момент к поясу княжича и его спутников оказались пристегнуты карабины от невидимых тросов, увлекая в захватывающий и почти нереальный прыжок над пропастью. Вскоре броня машин скрылась далеко внизу. Они стояли на гребне перевала, с которого открывался потрясающий вид на оба корабля.

— Мы на месте, кошак с нами, можете взрывать, — доложила Пэгги, вслед за Эркюлем и Дольфом отключая слой «хамелеон».

— А точно сработает? — переживал где-то на другой стороне протяженного участка гребня Чико.

— Если нет, расстреляем из корабельных орудий, — успокоил

его Шварценберг. — Зря я, что ли, дровишки со взмыленным задом от самого города пер!

— Даже если они восстановят защитное поле, шансы у них невелики, — кое-как откашливаясь, прохрипел Пабло Гарсиа, справляясь у Маркуса Левенталя о состоянии Кристин.

— Тем более что у них больше нет оператора, — добавила Пэгги, которая лично прикончила незадачливого Амитабха.

Однако работа взрывотехников не понадобилась. Виктор Громов и геологи из команды профессора Нарайана не просто так предупреждали его о нестабильности склона. Во время очередной навесной переправы не выдержали полиспасты, и машина главы научного отдела полетела вниз.

— Ложись, — успел крикнуть Эркюль, сбивая княжича наземь и накрывая собой.

До того, как взрыв боекомплекта, вызвавший детонацию реакторного топлива, навсегда изменил очертания гор в котловине перевала Большого кольца, их прежний облик на несколько мгновений предстал во всей красоте и суровости, озаренный ослепительной вспышкой. Синеглаз ее увидел сквозь фильтры шлема, потому не ослеп. Затем его что-то толкнуло и отбросило по склону вниз. Даже в экзоскелете он ощущал нестерпимый жар, дозиметр зашелся в панической истерике. Мощность ударной волны оказалась настолько велика, что все танки колонны размазало по скалам, словно ошметки подгоревшей похлебки. Что же до правителя Сансары и его спутников, то от них не осталось не только тел, но даже теней. Впрочем, профессор Нарайан заслужил ту участь, которую хотел уготовать городу под куполом.

— Ну что, малыш, цел? — сердобольно спросил Эркюль, помогая княжичу подняться и озираясь в поисках остальных.

К счастью, все члены их группы хоть и получили разной степени контузии подавали несомненные признаки жизни. Все-таки гребень перевала их защитил.

— Что это было? — недоумевал Чико, кособоко поднимаясь по склону в надежде разглядеть происходящее внизу.

— Перст судьбы, — невозмутимо пояснил Аслан, пытаясь отыскать квадроциклы и остальное оборудование.

— Судя по всему, до «Эсперансы» нам придется добираться пешком, — констатировал Дольф, глядя на раскиданные по склону искореженные машины.

— Главное, что на своих ногах, — хмыкнул Пабло Гарсиа, не без труда пытаясь удержать вертикальное положение.

— Так этот Нарайан точно погиб? — пытался уточнить Чико, приходя на помощь оператору.

— Нет, он переродился в пустынного ската и диффузирует вместе с медузами, — озадачил абордажника Шварценберг, который вместе с Прокопием и Львом Деевым выгружал топливо и разворачивал машины, чтобы подобрать товарищей.

Синеглаз шагал вслед за Эркюлем в почти привычном строю по направлению к кораблям, а потом ехал в полудреме на багажнике Шварценберга и думал о том, что их затянувшаяся вылазка, кажется, все-таки заканчивается благополучно.

Глава 40. Путь к свету

Когда Брендан, оказав первую помощь, довез до города и сдал мобилизованным по тревоге коллегам всех раненых, он просто присел на топчан между палатами Ндиди и Кристин… и проспал полтора суток. На подведение итогов, планы на будущее и элементарную трясучку жестокого посттравмата не осталось сил.

В последующие дни, когда он, работая в том же суровом режиме чрезвычайной ситуации, чередовал обязанности хирурга с исследованиями генетика, все будущее ограничивалось динамикой выздоровления очередного больного и возможностями изъятия инородных генов у жертв бесчеловечных экспериментов. А усталость временами доводила до состояния, близкого к бреду или экстазу, когда галлюцинации в виде гуляющих по пустоши скатов и розовых слонов не кажутся чем-то из ряда вон выходящим. Впрочем, в таком же напряженном ритме сейчас трудились почти все врачи города. И не только они. Если уже не помогали даже стимуляторы, приходилось брать выходной и отсыпаться, а ведь хотелось навестить друзей, пообщаться с Камо, да и просто обнять Эйо.

Впрочем, для объятий время тоже пришло, тем более что в так и оставшейся за Бренданом его прежней комнате на верхнем уровне имелись все условия. Первый раз для них обоих стал серьезным испытанием: единственный предыдущий опыт Эйо мог нанести ей непоправимую травму, исказив все представления о том, что такое близость. Брендану пришлось прилагать неимоверные усилия, чтобы скрыть, насколько он нервничает. Впрочем, первое прикосновение к упругой оливковой коже возлюбленной, первый взгляд ее лучившихся нежностью карих глаз, первая улыбка приоткрытых в ожидании и легком смущении губ переплавили волнение в созидательный драйв.

Поначалу Эйо держалась скованно. Брендан почти физически ощущал, как воспоминания о той страшной ночи в Мурасе пробуждаются от многолетнего сна, прорастают острыми шипами, терзая Рукодельницу и пытаясь воздвигнуть между ними преграду. Но на то он и избрал ремесло хирурга, чтобы любые гнилостные плевелы безжалостно удалять. И потому не торопился, мягкими бережными движениями отсекая все тернии и шипы, постепенно погружал возлюбленную в море безоглядной ласки. Вскоре его усилия увенчались успехом, и Эйо полностью отдалась на волю новых ощущений. Когда она сама потянулась к нему, безмолвно умоляя о продолжении, Брендану показалось,

что ее тело сочится медом, а наполненные желанием высокие груди с темно-коричневыми сосками уподобились плодам Эдема и виноградным гроздьям родной Сербелианы.

— Ты готова вернуться со мной в Кимберли? — спросил Брендан, когда они вместе с Камо чинно прогуливались по аллеям зимнего сада, любуясь поспевающими плодами и вглядываясь в почти беззвездную в это время суток черноту неба.

Когда доступ в оранжерею получили жители всех уровней, в часы после работы там стало многолюдно. Тем более что не только шахтеры и их близкие, но и многие обитатели квартала мутантов видели эту часть города впервые. Савитри и Ндиди слегка отстали: все-таки раненому бойцу даже в поддерживающем экзоскелете самостоятельные шаги давались пока с трудом. Пэгги деликатно шла поодаль, готовая в любой момент прийти на помощь.

Эйо не спешила отвечать, наблюдая за сыном, который вместе с Синеглазом и другими озорниками развлекался с системой полива.

— Если тебе тягостна даже мысль о Сербелиане, — опасаясь отказа Рукодельницы, торопливо добавил Брендан, — я могу найти место в любом из научных центров Леи, Ванкувера или даже попытаться отыскать подходящую работу на Земле.

Эйо посмотрела на него с улыбкой, а потом нежно обняла и поцеловала, не стесняясь гуляющих.

— Рядом с тобой мне и на нижних уровнях этого города был бы рай, — ответила она просто и искренне. — Но за годы без солнечного света я соскучилась по тропикам планеты, на которой родилась и выросла.

Брендан подумал о том, что его любимая как никто другой заслужила тепло и свет. Она и сейчас продолжала нести в себе частичку ярого солнца Сербелианы, выплескивая его на холсты и оформление накидок, шарфов, кардиганов. После исчезновения железной двери и ликвидации зависимости от Хайнца Рукодельница могла сама пожинать заслуженные плоды своих трудов. Тем более, модницы верхних уровней записывались к ней в очередь за эксклюзивом.

Жаль, что времени на создание новых шедевров у нее по-прежнему не хватало. Конечно, в департаменте информации ей не приходилось портить руки мыльным раствором и гнуть спину над стиральной машиной и утюгом. Но грязного белья там, к сожалению, хватало, а общение с мутантами напоминало разговор слепого с глухим.

Впрочем, Рукодельница не жаловалась, а новую работу и жизнь воспринимала уже как награду.

— Я о таком благополучии не могла даже мечтать, — делилась она в недолгие часы досуга, расположившись с мольбертом на смотровой площадке, чтобы зарисовать пустошь, или делая в саду наброски для новых дизайнерских работ. — Когда после крушения корабля мы добрались до города, то просто радовались, что нас приютили. Теперь у меня есть почти все: Камо посещает школу, и я не опасаюсь, что нас с ним разлучат. Ндиди лечат лучшие врачи, ты вышел из всех боев невредимым.

Брендан, хотя и мечтал о возвращении в большой мир, не мог ей возражать. Тем более что он слишком хорошо знал, что у других борцов за счастье города все обстояло далеко не так благополучно. Хотя Ящер, Гу Синь и Шака уверенно шли на поправку, среди раненых оставалось еще много тех, кому о выздоровлении приходилось только мечтать.

Самые большие опасения по-прежнему вызывало состояние Кристин. Хотя местным хирургам-протезистам удалось создать аналог жабр, говорить об их полноценном функционировании, к сожалению, не приходилось. Да и новая кожа приживалась медленно и неохотно. В заполненном заживляющим раствором с повышенным содержанием кислорода резервуаре девушка выглядела задремавшей Персефоной или еще не рожденной из пены Афродитой. Но за его пределами напоминала русалку, с которой заживо содрали чешую.

— Хорошо, что Пабло и отец меня сейчас не видят, — мужественно борясь с недугом, переживала в первые дни бедная нереида.

— Они были бы рады целовать твои раны, — утешала ее Савитри. — Да только выбраться с кораблей не могут.

Хотя Пабло Гарсиа, Шварценберг, Пэгги и остальные благополучно добрались до «Эсперансы», на какое-то время они оказались полностью отрезаны от города, узнавая последние новости от одного Синеглаза. Взрыв в котловине перевала Большого кольца не только полностью уничтожил проложенный с таким трудом серпантин, но и начисто сжег все кабели. А вызванная им магнитная буря сбила настройки последних рабочих спутников.

— Плохо вы знаете нашего оператора, — подбадривал пациентку Брендан. — Если он системы безопасности крупнейших галактических корпораций взламывал, то путь через горы точно отыщет.

— Да куда ж ему сейчас, ему бы хоть неделю отлежаться! — беспокоилась за возлюбленного Кристин, которая от Синеглаза знала, что погоня за Громовержцем закончилась для Пабло Гарсиа в медотсеке.

— В городе и отлежится, — успокаивал дочь старого соратника Виктор Громов. — Нам без него сейчас — никак. Он такие программы мудреные поставил: третьи сутки на рудник и комбинат попасть не можем.

— А я предупреждал, что с этим сетевым монстром надо держать ухо востро! Опомниться не успеете — все запаролит и скажет, что так и было! — беззлобно ехидствовал Шварценберг.

После замены реакторного топлива и зарядки аккумуляторов «Нагльфара» старый пират вместе с Пэгги и Асланом проложил обходной маршрут вдоль гребня перевала Большого кольца на квадроциклах и привез в город не только оператора сети, но и Маркуса Левенталя.

— Извини, Марки, — переживал пират, вместе со старым другом осматривая его спасенное творение. — Белого коня на пустоши не нашлось.

Хотя конструктора и его товарищей встречали как героев, Маркус Левенталь не торопился внимать медным трубам славы, на своем горьком опыте зная, насколько коварен может быть их звук. Даже не успев отдохнуть, он поспешил в палату дочери, тем более что Пабло Гарсиа все равно сначала пришлось решать проблемы защитного поля и работы основных серверов комбината и рудника.

— Тут не в моих программах дело, — едва войдя в городскую сеть, вынес оператор неутешительный вердикт. — Боюсь, придется заново налаживать всю систему безопасности.

Как оказалось, в качестве прощального подарка кто-то из коллег покойного Амитабха не только запустил на все сервера целый букет забористых вирусов, но и за кругленькую сумму слил всю базу, включающую логины и пароли счетов горожан. До того, как утечку сумели обнаружить и устранить, маргиналы из банд Раптора и Железноглазого не только успели запустить загребущие лапищи в карманы честных тружеников, но и устроили настоящий террор на благополучных верхних уровнях. Многие из пострадавших даже начали роптать и подписывать петиции, требующие возвращения железной двери и передачи охотникам прежних полномочий.

Основной символ кастовой системы профессора Нарайана, конечно, восстанавливать не стали. Да и выжившие охотники в большинстве своем пока находились на лечении или реабилитации и заниматься патрулированием не могли. Поэтому с Раптором и остальными пришлось разбираться своими силами. Проблему хулиганов и мародеров достаточно быстро решили вооруженные патрули участников сопротивления. А главарями крупных банд занялся Шварценберг. «Забив стрелку», он в

доступных выражениях разъяснил, что «беспредел не пройдет», и все, кто попытаются «устраивать базар» и «крошить на городской совет булку», могут отправляться к такой-то матери на пустошь «плясать апсарские танцы с медузами».

— Мы просто обнаружили и экспроприировали бандитский общак, — любовно указывая на своих питомцев, прояснил ситуацию Эркюль. — Эти средства пойдут на нужды трудового народа.

— К тому же ваш оператор настолько идеально выровнял контур защитного поля, что никаких крысиных лазов и отнорков не найти, — добавил Йохан Дален.

— А если охота прогуляться по руднику, то — милости просим, — осклабился Мубарек. — Отбойников и спецкостюмов хватит на всех.

Работу горнодобывающего предприятия и бесперебойную подачу энергии во все городские кварталы восстановили в рекордные сроки. Пабло Гарсиа такая оперативность, правда, стоила нескольких обмороков и легочного кровотечения, после которого Брендан попросту запер товарища в медблоке, предварительно перетащив туда все операторское оборудование. Благо капельницы и манипуляции нанороботов программированию не мешали.

— Я присмотрю за ним, — пообещала Кристин.

Пабло послал ей воздушный поцелуй, материализовавшийся в голограмму, которая рассыпалась мириадами морских звезд, превратившихся в тропические цветы. Оказывается, в тягостные дни ожидания на «Эсперансе» оператор отвлекался, на манер Эйо создавая для любимой проекции, хотя бы иллюзорно переносящие ее в тропики или на берег моря. Раз уж путешествие за пределы треугольника снова откладывалось.

— Мы не можем начать работу в котловане перевала Большого кольца без резолюции городского совета, а его только предстоит сформировать, — объяснял дочери и зятю Маркус Левенталь, который заранее готовился выдержать новую битву.

Как и следовало ожидать, обыватели самопожертвование защитников генераторов воздуха оценить не спешили. Далеко не все даже среди ученых поняли, насколько близко город находился от гибели. А охотники и другие мутанты так и вовсе пребывали в уверенности, что «уроды» просто осуществили переворот, желая помешать главе научного отдела и его последователям вырваться в большой мир.

— Это вы все специально подстроили! Вы выманили его из города для того, чтобы убить!

Конечно, оказывая помощь раненым охотникам или

вытаскивая из горящих машин и освобождая из-под камней их близких, Брендан не рассчитывал на благодарность. Однако обвинения, которые выжившие швыряли в лицо, точно зловонные плевки, просто противоречили здравому смыслу. Как будто они не видели, кто их бросил в рушащемся городе и кто открыл по ним огонь. Но охотники приводили аргументы, руководствуясь только им понятной иррациональной логикой.

— Ели бы «уроды» не стакнулись с пиратами и не начали этот бессмысленный бунт, мы бы спокойно погрузили людей и оборудование, и сейчас уже вся галактика знала бы о существовании поселения в треугольнике.

— Но «Эсперанса» не готова к вылету! Вы бы в лучшем случае вернулись на планету, в худшем — погибли бы от схлопывания пузыря Алькубьерре, — пытались привести последние аргументы Виктор Громов и Йохан Дален, вместе с принцессой Савитри и Маркусом Левенталем отвечавшие за формирование нового совета.

— Час от часу не легче! — возмущались охотники. — Вы еще и наш корабль во время своей вылазки повредили!

— Да что толку с ними говорить! — не мог скрыть раздражения Мубарек. — Отправить их на нижний рудник, и дело с концом!

— И этим уподобиться профессору Нарайану? — строго глянул на него Маркус Левенталь.

— Которого мутанты теперь считают чуть ли не мучеником или святым, — вздохнул Йохан Дален.

В самом деле, для наиболее верных адептов главы научного отдела его гибель стала поводом простить ему все предательства и вывести поклонение прежнему кумиру на новый уровень. Поскольку тела Шатругны Нарайана никто не видел, пошли слухи, что профессор не только жив, но и чудесным образом перенесся на Сансару или даже поборол оковы бренной плоти и продолжает бродить по пустоши, временами являясь в видениях наиболее верным последователям.

— Про пустошь — это они неплохо загнули, — насмешливо фыркала Пэгги, в компании Эркюля и Чико с упоением обшаривая труднодоступные участки рудника в поисках уцелевших колоний медуз. — Такому упырю самое место среди темных тварей.

— Своими преступлениями, боюсь, он просто утратил надежду на перерождение, — вздыхала принцесса Савитри, которая после смерти бывшего жениха вместе с облегчением, как она сама признавалась, ощущала непонятную пустоту.

Все-таки Шатругна Нарайан в течение более чем двадцати лет составлял смысл ее жизни, и только встреча с Пэгги и любовь

Ндиди помогли от этой болезненной привязанности избавиться. Впрочем, предаваться унынию принцесса не собиралась, заполняя дни решением проблем города.

— Нет, вы только послушайте, — возмущался Прокопий. — Мутанты требуют, чтобы в новом совете им как старожилам предоставили больше половины мест. Иначе они вновь заблокируют все проходы и перекроют подачу энергии и воздуха на нижние уровни и рудник.

— А кусочек черной звезды им впридачу не нужен? — воинственно топорщил усы Цветан.

— Положим, перекрыть кислород и подачу энергии у них не получится, — авторитетно заявили Тонино и Виктор Громов.

— Но дел наворотить они сгоряча очень даже могут, — покачал головой дядюшка Хенк.

— Они просто причисляют к «уродам» уроженцев верхних уровней и боятся, что их оттеснят от решения основных проблем, — вздохнул Йохан Дален.

— Может быть, мне стоит с ними поговорить, — предложила Кристин, указывая на шов, под которым пытался прижиться протез жабр. — Объяснить, что далеко не все жители верхних уровней так благополучны.

— Да какой толк тратить время и силы, — потерял терпение Шварценберг. — Пора кончать уже весь этот базар, прокладывать новую трассу и готовить корабли к старту. Хорошо у вас тут в гостях, но пора и честь знать.

— И все же мутанты такие же жители города, и мы не можем просто отвернуться от них, как будто их нет, — нахмурился Маркус Левенталь.

— Довольно того, что ими столько времени манипулировали, используя как буфер, — поддержал конструктора Ндиди, вызвав горячее одобрение своей махарани.

Принцесса Савитри в свою очередь решила выступить в качестве парламентера. Когда мутанты затянули свою любимую песню о том, что здоровый больного не разумеет, она просто приподняла прическу, оголяя вмонтированную в череп андроида материнскую плату, а потом продемонстрировала почти затянувшиеся шрамы от ожогов на руках.

— Если кто-то еще хочет обсудить проблемы здоровья, — веско и властно проговорила махарани, — готова рассказать, что чувствует человек, когда умирает, и какое это удовольствие — существовать в теле андроида. Кому и этого мало, могу позвать Кристин Левенталь, которая лишилась возможности самостоятельно дышать, спасая вас.

Когда впечатленные мутанты без лишних слов подписали все

разрешения и сметы, принцесса Савитри поднялась к Ндиди, и вскоре из-за неплотно притворенной двери донеслись ее тихие всхлипывания и успокаивающие реплики ее возлюбленного.

— Ну наконец-то, Марки, сдвинулось с мертвой точки, — ликовал заскучавший в городе Шварценберг. — И как бы мы обошлись без этих асурских принцесс? Впрочем, ради того, чтобы девочка твоя была сейчас здорова, я бы не только позвоночник свой не пожалел: он у меня из высокопрочных сплавов, влетел в свое время в копеечку, — но даже глаз отдал!

Хотя тяжелая техника, необходимая для замены агрегата энергополевого разграничения материи и антиматерии, смогла выдвинуться в сторону «Эсперансы» только два месяца спустя — столько понадобилось для строительства новой трассы, старый пират не унывал. Почти все свое время он проводил либо с проходчиками на пустоши, либо за руганью с чинушами и неумехами в штабе. В часы же досуга он либо шпиговал Чико, либо наставлял Синеглаза.

— Говорил я тебе, хвостатому упрямцу, лежать тихо на коврике в убежище, — выговаривал он гардемарину после посещения Шаки и Ндиди в госпитале. — Так нет же, захотел приключений на свою мохнатую задницу, и видишь, что вышло: мало того, что хорошим людям досталось, так еще потом и спасать тебя пришлось.

Впрочем, поскольку княжич только внимательно слушал и не перечил, кэп от ворчания переходил к практической и теоретической подготовке:

— А теперь вот скажи, салага, видел, как принц-прохфессор со своей кодлой в пропасть летел? — требовательно спрашивал Шварценберг. — А теперь посчитай, сколько оборотов за это время сделали колеса его танка.

— И этот человек когда-то держал тебя в клетке? — не скрывая удивления, уточнял у Брендана Камо, который вслед за Синеглазом так и льнул к капитану.

— Вероятно, это был какой-то другой пират, — пожимал плечами Брендан, наблюдая, как Шварценберг, собрав вокруг себя ораву подростков, объясняет им основы навигации.

С ребятней помладше все-таки лучше находил общий язык Эркюль, который готов был с утра до ночи показывать фокусы с мартышками.

Впрочем, как только начались работы в котловане, он, вспомнив годы на рудниках Сербелианы, по праву занял место в кабине одного из проходческих комбайнов и появлялся в городе только сменить шарошки и проведать питомцев, которых сдал на попечение Эйо и Брендану. Вскоре к нему присоединился

поправивший здоровье Шака.

— Ради общего дела можно и снова кайлом помахать, — разминал могучие плечи квартирмейстер, соревнуясь в работе с Прокопием и Дольфом.

— А что такое кайло? — спрашивал Чико, на ходу обучаясь работать с отбойным молотком.

Понятно, что Шака выражался фигурально. В отличие от танков, большая часть из которых восстановлению не подлежала, дорожной и строительной техники в городе хватало.

— Я бы тоже мог уже управиться с комбайном, — переживал Ндиди, которому опять казалось, что основные события проходят мимо него. — Или хотя бы работать в мастерской.

Брендан товарища понимал. Он и сам использовал любую возможность выбраться на пустошь. К счастью, травмы среди строителей случались не часто, а условия труда отвечали самым строгим требованиям безопасности. Поэтому оставалось долечивать пострадавших, проводить накопившиеся плановые операции, корректировать по возможности генетические поломки и молча завидовать товарищам, которые сейчас занимались переоборудованием кораблей.

Вот только, чем ближе подходило время старта, тем больше оставалось сомнений и вопросов. «Эсперанса» так давно ждала своего часа на пустоши, что ее будущий полет стал событием таким же ожидаемым и спорным, как пришествие мессии. А потрепанный в жарких абордажных схватках «Нагльфар» своим видом и вовсе внушал скепсис.

— Ты правда веришь, что варп-двигатель Левенталя сможет преодолеть гравитационную аномалию черной звезды? — в ночной тиши делилась с Бренданом сомнениями Эйо.

Он только крепче прижимал возлюбленную к себе, покрывая поцелуями нежную шею и густые ресницы, зарываясь лицом в пенное облако спутанных кудрей и точно зная, что похожие разговоры ведутся за дверями почти всех жилых помещений города.

— Ты представляешь, Лакшми боится и едва ли не отказывается лететь, — искренне удивлялся Ящер, который с легкой руки Брендана теперь встречался с одной из его бывших подруг.

— А Манана наоборот — ждет не дождется, когда мы уже отправимся в путь, а мне еще хотелось бы поработать над разведкой здешнего месторождения, — качал головой Аслан, который познакомился с девушкой на стройке. Как инженер-дорожник она участвовала в проектировании и прокладке новой трассы.

В квартале мутантов уровень скепсиса и вовсе превышал все допустимые нормы.

— Да вранье это все, — авторитетно утверждали охотники. — Тридцать лет простоял, а теперь — возьмет и улетит?

— Никому еще это не удавалось, — вздыхали старожилы. — Сколько нам еще лет осталось? Уж лучше тихо провести их в городе, чем погибнуть в схлопнувшемся пузыре.

— Что за подстава, Марки? — возмущался Шварценберг, составляя списки пассажиров. — Я-то думал, от желающих придется отбиваться. Тапки даже приготовил, а выходит — остаются свободные места.

Таким образом, кроме тех, кто крепко поверил в возможности варп-двигателя и удачу пилотов, в путешествие отправились лишь обреченные, кого, как Кристин, в городе под куполом ждала либо скорая смерть, либо безрадостная жизнь калеки. Причем мутантов пришлось еще и убеждать.

— Да вы поймите, за пределами треугольника все ваши заболевания можно вылечить! — уговаривала самых безнадежных пациентов Брендана принцесса Савитри.

После разговора об «уродах» на уровне ее почитали с таким трепетом, которого не удостаивался и покойный профессор Нарайан, называя не иначе как Светоч треугольника. Впрочем, Савитри и вправду дарила свое солнце всем.

— И что мы только со всей этой упертой братией будем после вашего отлета делать? — вздыхал Виктор Громов, который как заместитель председателя совета собирался остаться в городе.

Благо ему, как и Аслану, хватало работы на руднике, а в большом мире его никто не ждал.

Савитри как-то странно на него посмотрела, а на следующем заседании объявила о своем решении остаться на планете.

— Но как же так, Вас же, ваше высочество, ждут на Сансаре? — в один голос недоумевали Синеглаз и Шварценберг.

Последний явно рассчитывал на награду за спасение наследницы династии.

— Прости, малыш, — повернулась махарани к Синеглазу. — Конечно, я бы хотела дать тебе возможность получить хорошее образование и стать достойным правителем, но, боюсь, на нынешней Сансаре из тебя постараются сделать марионетку для своих игр. Или ты в конечном итоге станешь таким, как мой бывший жених.

— Я буду начеку и Ваши уроки не забуду, — церемонно пообещал княжич. — А без Сансары я как-нибудь обойдусь. Меня дома ждут.

— Что же касается моего решения остаться в городе, —

продолжала Савитри, — возможно, это станет для моих подданных и советников стимулом организовать новую экспедицию в треугольник.

— Как же, так эти скупердяи и раскошелятся, — скептически фыркала Пэгги, которая, конечно, не собиралась покидать свою махарани. — У них запчастей было не допроситься. Впрочем, мне в городе теперь нравится. Никто не заставляет апсарские танцы перед всяким отребьем плясать. А если заскучаю, всегда можно прогуляться на пустошь!

— Ты это сделала из-за меня? — переживал Ндиди, который, конечно, понимал, что во дворце раджей его не ждут.

— На Сансаре я всю свою жизнь оставалась просто символом династии, а здесь могу реально помочь людям, — улыбнулась ему Савитри.

— Я понимаю, что так будет лучше для всех, — пыталась выразить свои чувства Эйо, показывая Брендану эскиз портрета Ндиди и его избранницы. — Даже если власти Сансары приняли бы бескастового супруга махарани, нам с тобой и Камо туда доступ был бы закрыт. И все же это так тяжело. Треугольник отнял у меня родителей, теперь я теряю брата.

— Это совсем другое, — успокаивал ее Ндиди. — Ты будешь знать, что у меня все хорошо. К тому же, если ваш полет пройдет успешно, треугольник утратит свой статус гиблого места, из которого нет возврата, а стало быть, скоро мы свидимся.

Схожими переживаниями окрашивалась подготовка к полету и для Кристин. Маркус Левенталь тоже лететь отказался наотрез.

— Как же так, Марки, — искренне недоумевал Шварценберг. — Ты же сконструировал этот корабль, неужели тебе не хочется воспользоваться заслуженными плодами твоего труда? И девочку зачем расстраиваешь? Ей и так столько мук еще предстоит.

— Не забывай, Задира, что я построил и город под куполом, — напомнил ему старый школьный товарищ. — Не скажу, что я был хорошим руководителем, но, надеюсь, моего авторитета достанет, чтобы этот маленький островок надежды вновь не скатился в хаос до того, как его смогут покинуть все пленники треугольника. Я верю, мой двигатель предоставит им такую возможность.

— Я всегда втайне этого боялась, — делилась с Пабло и друзьями Кристин. — Город стал частью него самого.

— Я вернусь за тобой, Марки! — горячо пообещал впечатленный Шварценберг.

А пока два корабля оторвались от поверхности планеты, прокладывая курс с учетом всех каверз пульсара мимо красного

карлика к выходу из системы. Когда «Эсперанса» и «Нагльфар» достигли границы гравитационной аномалии черной звезды, пассажиров снова призвали занять места в амортизаторах. Брендан спешно завершил обход своих пациентов, немного задержавшись в флагманской каюте, где в заполненном специально подобранной смесью бассейне ждала встречи с неведомым, но таким желанным большим миром подключенная к системе жизнеобеспечения Кристин. Пабло Гарсиа не мог сейчас находиться рядом с ней.

— Он придет чуть позже, — объяснил Брендан своей пациентке, — когда вместе с Львом Деевым и другими пилотами еще раз проверит работу всех систем варп-двигателя.

— Я знаю, что им осталось только обговорить какие-то вопросы с Шаманом и Кудесником, — указала на мониторы связи с рубкой Кристин. — Синеглаз говорит, на «Нагльфаре» уже тоже все готово.

— А как же мы отсюда увидим звезды? — укладываясь вместе с матерью в амортизатор, не мог понять Камо.

— Отсюда не увидим, да внутри пузыря Алькубьере они и не видны, а как только перейдем на маневровые, я тебе сразу покажу.

— На удачу, — обняв Брендана, крепко поцеловала его Эйо.

Брендан проверил работу их амортизатора, забрался в свой и приготовился к невиданному доселе путешествию к свету.

Глава 41. Кульбит черной звезды

Когда солнце перевалило через полдень, разливая над тропиками зной, все живое в саду и джунглях, казалось, замерло, пережидая томительные часы сиесты, чтобы к закату вновь расцвести во всей пышности и разнообразии цветов, звуков и запахов. Даже океан затих, словно готовясь воспрянуть и залить пологий пляж волнами прилива на радость любителям серфинга и антигравов.

Получив приглашение на обед, Пабло свернул рабочие окна и спустился на увитую виноградом террасу, где дроны уже накрывали на стол. Кристин только в последние месяцы, сделав скидку на свое нынешнее положение, поддалась на уговоры и согласилась доверить кибернетическим помощникам эту прежде священную для нее часть их домашнего уклада. Хотя готовить чаще предпочитала сама, как и продолжала заниматься научной деятельностью, сменив лабораторные и полевые исследования на анализ материалов и написание статей.

Она и сейчас работала над тезисами доклада для межпланетной конференции ихтиологов. Успешно подтвердив все свои дипломы и звания, Кристин достаточно быстро сделалась одним из ведущих специалистов в области зоопсихологии. Особенно тесный контакт ей удалось наладить с сербелианской разновидностью китовых акул. Хотя облик тотема Кристин больше не принимала, она могла часами плавать среди могучих, величавых рыб, и Пабло, который временами тоже участвовал в этих заплывах, просто диву давался степени взаимопонимания.

— Можно подумать, ты с ними по ментальной связи общаешься, — делился он впечатлениями, наблюдая, как гигантские рыбины, оставив обычную апатию, подплывают к исследовательнице, чтобы взять лакомство из ее рук или покатать на спине.

Впрочем, их многочисленные кошки и обитавшие в саду мартышки тоже без труда находили с хозяйкой общий язык.

Хотя в последние несколько недель Кристин по рекомендации врачей пришлось отказаться от долгих заплывов, она продолжала следить за миграциями «своей» стаи с помощью спутника, различая по внешнему виду всех своих подопечных. Поэтому Пабло не удивился, обнаружив, что терраса полностью заполнена голограммами морских обитательниц, смотревшихся среди бурной тропической растительности существами не менее сказочными, чем водяные драконы.

Не без труда отыскав в переплетении проекций и

причудливой игре солнечных лучей округлившуюся, исполненную прелести фигуру Кристин, Пабло, как обычно, испытал неизъяснимый и безотчетный восторг. И после пяти лет супружества ему не надоедало смотреть на нежный профиль, обрамленный копной золотистых волос, пить блаженный нектар с раскрывающихся, точно бутон розы, губ, любоваться пузырьками воздуха, поднимающимися от ее жабр во время совместных погружений или утреннего купания в океане. Сейчас к этим радостям добавилась еще одна, описать которую Пабло не взялся бы никакими словами. Нырнув в иллюзорное море, чудом не наступив на задремавших возле ног хозяйки кошек, он опустился на колени рядом с любимой и припал ухом к ее животу, слушая, как играет и толкается растущий в чреве малыш.

— Он тебе рад, — прокомментировала свои ощущения Кристин.

— Надеюсь увидеть его появление на свет до начала новой экспедиции в треугольник, — блаженно улыбнулся Пабло.

— Можешь поговорить с ним. Ему нравится звучание твоего голоса, — предложила Кристин, откидываясь на подушки и рассеянно перебирая волосы мужа. Заглянув в ее наполненные нежностью глаза, Пабло потерялся во времени, забыв не только про работу, но и про обед.

Глядя на эту цветущую молодую женщину в сияющем ореоле грядущего материнства, уже не верилось, что пять лет назад она прибыла на Сербелиану в медицинской капсуле. Проведенную Александром Арсеньевым и Бренданом операцию по восстановлению жабр и коррекции дыхательной и кровеносной системы тогда признали уникальной. А Галина Усольцева, вернувшая Кристин ее былую красоту, даже получила ежегодную премию гильдии врачей.

До этого дочь Маркуса Левенталя, хотя мужественно терпела все тяготы болезни, жутко стеснялась и переживала из-за своей беспомощности и внешнего вида.

— Не думала, что первую встречу с твоими родными проведу прикованная к больничной койке, — с горечью заметила она после сеанса связи на нейтральной окраинной Каллиопе.

— Главное, что свидание состоялось, — безмятежно улыбнулся ей Пабло. — Тем более, мама из-за слез все равно ничего толком не разглядела.

Сеньора Эстениа от избытка чувств и вправду почти не могла говорить. Пабло подозревал, что окончательно поверить в возвращение сына, которого более полугода числила погибшим, она смогла только на Сербелиане, заключив его в свои объятья.

Они и сами тогда до конца не верили, что «Эсперанса» и

«Нагльфар» сумели вырваться из гравитационного плена треугольника Эхо впервые за всю историю космических полетов. А те из пассажиров, кто, как и Кристин, появились на свет в городе под куполом, с восторгом смотрели на звезды, которые прежде видели только на картинках.

— Неужели получилось? — не мог прийти в себя от удивления Чико.

— А ты как думал, салага, — снисходительно рокотал Шварценберг.

Старый пират и вправду выполнил данное школьному другу обещание, единственный из всех пилотов совершив целых пять полетов в треугольник. Даже Лев Деев и неизменно сопровождавший своего капитана Пабло в ближайшие месяцы планировали только третий рейс. Впрочем, по сравнению с «Нагльфаром» «Эсперанса» не обладала такой степенью устойчивости. Да и руководство Звездного флота Содружества при организации каждой новой экспедиции устраивало такую волокиту, что временами хотелось послать его в бездну и все организовывать самим, как это делал Шварценберг, полеты которого неизменно окупались за счет продажи реакторного топлива и редкоземельных элементов с рудников треугольника.

Существовали, правда, смутные подозрения, что благополучие старого пирата обеспечивали не только молибден и палладий. Примерно через год после возвращения Пабло принимал участие в расследовании комиссии Совета галактики по поводу беспрецедентного проникновения в сокровищницу раджей Сансары и похищения ценностей на сумму, в разы превышающую годовой бюджет некоторых миров.

Несмотря на все усилия, лучшие операторы Содружества и Альянса не обнаружили следов взлома. Оставалось только гадать, сумел ли старый пират использовать способности Синеглаза или каким-то образом раздобыл ключ. Во всяком случае, жемчужное колье, которое он подарил Кристин на свадьбу, исполняя роль посаженного отца, хотя и было сделано на заказ, стоило целое состояние.

— Это синтрамундский жемчуг, — мальчишеским ломким баском пояснил вытянувшийся за полтора года Синеглаз, который на правах кузена вместе со своим кэпом провожал невесту к алтарю. — И я даже могу назвать имя мастера.

Пабло чуть не ляпнул про деньги, вырученные от работорговли или безделушки с барахолок Каллиопы и других окраинных миров, на которые старый пират во время рейсов на Васуки менял золотые кольца, изумруды, жемчуг и драгоценные меха, считая сделку взаимовыгодной. Впрочем, разве стоило

беспочвенными подозрениями портить самый лучший день в своей жизни? После всех благодеяний, которые Шварценберг принес их семье и пленникам треугольника Эхо, контрабандист заслужил право на маленькие слабости. Да и кто еще мог доставить диковинки из «надзвездных краев» на закрытую планету.

Бесценные дары полуденного моря, прекрасно сочетаясь с выращенными на фермах Сербелианы культивированными жемчужинами, которыми был расшит корсет свадебного платья Кристин, словно напоминали о ее царственном происхождении. А длинная юбка со шлейфом в форме русалочьего хвоста в сочетании с вспененными волнами фаты, придавали любимой сходство с нереидой.

Что же касалось дешевых побрякушек, на которые модницы Васуки меняли самоцветы, то они и сами после возвращения из треугольника в какой-то мере вели себя, как дорвавшиеся до благ цивилизации дикари, от души наслаждаясь простыми прежде привычными радостями. И в том, что касалось экзотических фруктов, сладостей, голографических шоу, парков аттракционов, купания в океане или катания на горных лыжах, Кристин, которой все эти вещи тоже были в новинку, в непосредственности реакции могла потягаться и с Синеглазом, и даже с маленьким Камо.

В серфинге и дайвинге она быстро заткнула за пояс не только младшего Гарсиа Алехандро, но и самого Пабло, вернув ему увлечение любимым прежде видом спорта. Едва дорвавшись после восстановления до кухни, мгновенно освоила все домашние рецепты сеньоры Эстении, с которой сблизилась еще в дни болезни. Она с упоением обустраивала дом, продумывая каждую мелочь, а в том, что касалось индустрии красоты и причуд моды, то Кристин ухитрялась выглядеть стильно даже в нарядах своей не признанной династией бабушки. Впрочем, визиты в дизайнерские бутики вроде галереи Эйо или косметические процедуры доставляли ей почти такое же удовольствие, как путешествия, дайвинг или исследование океана.

Разминувшись на волосок со смертью и надолго застряв на грани, Кристин теперь словно восполняла потраченные на противостояние недугу дни, делая запас на будущее. Остальные пленники черной звезды старались по мере сил от нее не отставать.

Особой жадностью до новых впечатлений отличался Синеглаз, который стремился успеть везде и всюду, хотя не отказывал себе в удовольствии зависнуть в новой голографической игре в компании Алехандро и Камо, если того

отпускала мать. Княжич, пока гостил на Сербелиане, с легкостью сошелся и с младшим братом, и с сыном Арсеньевых Олегом. С последним они не только резались в сетевые игры, устраивали спарринги по флаю и дрифтовали на волнах, но и регулярно встречались в клубе исторического фехтования. Синеглаз живо интересовался всеми видами холодного оружия и пытался овладеть разными техниками боя.

Впрочем, дружба с Олегом Арсеньевым[33] закончилась, можно сказать, не начавшись. Синеглаз узнал, что его новый приятель питает нежные чувства к внучке академика Серебрянникова, которую знал под именем маленькой царевны, и решил напомнить о своей помолвке. Арсеньев-младший, по утверждению княжича, назвал его сыном цареубийцы. Этого оскорбления Синеглаз оставить без ответа не смог, так что разнимать драчунов пришлось дюжине взрослых мужиков, включая Пабло, Семена Александровича и Саава Шварценберга.

— Отставить, гардемарин! — напустился на подопечного старый контрабандист. — Это что за кошачьи замашки?

— Я ему это еще припомню! — сердито шипел княжич, вытирая разбитый нос. — Царевна моя!

— А как же Камилла? — недоумевал маленький Камо.

— Я ей честно объяснил, что между нами не может быть ничего, кроме дружбы, у меня есть невеста, — на полном серьезе ответил Синеглаз.

— А ты не думал, что маленькой царевне твое общество может оказаться неприятным? — промывая ссадины, пыталась урезонить родича Кристин. — Когда царь Афру давал слово, он же ее ни о чем не спросил.

— Да как я могу понять, приятно ли ей мое общество, если меня к ней даже не подпускают?! — обиженно фырчал княжич.

Пабло, конечно, знал, по какой причине академик Серебрянников скрывает от нежданного гостя внучек, и даже помогал провернуть хитрую комбинацию, чтобы спрятать девочек от змееносцев. Но поскольку этот вопрос относился к области государственной тайны, пришлось промолчать. А Синеглаз резко засобирался домой.

— Мы же вместе хотели поступать в академию Звездного флота, — пытался напомнить товарищу расстроенный Алехандро.

— Чтобы каждый день встречаться там с этим хмырем? — имея в виду Олега Арсеньева, пыхтел княжич. — В высшей школе Космических сил Альянса тоже неплохо учат. Не вечно же махарани Савитри будет прятаться от своего народа в треугольнике!

— Так ей при следующей встрече и скажу! — пообещал

Шварценберг. — А заодно попробую уговорить Марки. Свадьбу дочери он уже пропустил. Может, захочет повидать внуков.

Кристин по этому вопросу с другом отца проявляла солидарность. Каждый раз, проводив «дядю Саава» и Пабло в полет, в свободное время она просматривала объявления о продаже жилья на алмазном побережье Кимберли и даже посетила несколько коттеджей и вилл.

— Если отец все-таки согласится остаться, я бы хотела, чтобы он жил рядом с нами, — с трогательной умоляющей улыбкой объясняла она.

Пабло, понятное дело, и не думал возражать. Он просто не хотел любимую разочаровывать, хотя точно знал, что Маркус Левенталь не покинет город под куполом до тех пор, пока там остается хоть сотня жителей.

— Не забывайте, что я тоже заканчивал Академию Звездного флота и слишком хорошо понимаю, насколько хрупок мир, установившийся в последнее время между Содружеством и Альянсом, чтобы превращать треугольник Эхо в очередное яблоко раздора, — твердо отвечал на все просьбы и увещевания конструктор. — Я, конечно, доволен сотрудничеством с махарани Савитри и не могу не ценить ее работу в совете и помощь в решении проблем мутантов. Но если я отправлюсь с вами на Сербелиану или в любой другой мир Содружества, на эту планету тут же заявит права Альянс.

Левенталь как в воду глядел. Едва змееносцы узнали о том, что пропавшая махарани Сансары не только пребывает в добром здравии, но и стала сопредседателем совета города под куполом, они тут же заявили о намерении воплотить в жизнь амбициозный план Шатругны Нарайана по колонизации планеты. На фоне очередного энергетического кризиса и нараставших с каждым годом внутренних противоречий экспансия в новый мир могла бы спасти карьеру не одному проворовавшемуся политику.

Загвоздка заключалась в том, что Альянс пока не располагал кораблями, оснащенными варп-двигателем. Технология Левенталя была запатентована только в Содружестве и строго охранялась. Тем более что «Эсперанса» официально числилась приписанной к Лее, а местом регистрации «Нагльфара» вообще неизменно оставался давно покинутый людьми астероид АК-4774. При этом на все исходившие от руководства Содружества предложения профинансировать совместную экспедицию и начать разработку месторождения треугольника на паях змееносцы отвечали отказом.

— Какая совместная экспедиция? — возмущенно недоумевал Эркюль. — Куда уж им! Да эти альянсовские эксплуататоры

только кровь трудового народа пить умеют!

Впрочем, о промышленной разработке обнаруженного месторождения речи идти и не могло. «Эсперанса» и «Нагльфар» оставались пока единственными кораблями, оборудованными варп-двигателем. К тому же черная звезда, и прежде не отличавшаяся стабильностью, в последнее время начала коллапсировать слишком непредсказуемо, грозя не только расплющить в лепешку любой вошедший в зону ее притяжения корабль, но и разорвать на части саму планету.

— Можно подумать, система обозлена тем, что люди сумели преодолеть гравитационную аномалию, и требует новых жертв, — переживала не на шутку встревоженная Кристин.

— Ты еще скажи, что сингулярностью управляет гневный дух Шатругны Нарайана, или во всем виновато использование варп-двигателей, — пытался успокоить ее Пабло.

— Мы всегда знали о возможности гравитационного коллапса[34], — упрямо нахмурившись, точно готовясь к выступлению на очередной конференции, открывала данные последних наблюдений за системой Кристин.

— Пульсар его прошел тысячелетия назад во время взрыва сверхновой, оставшись нейтронной звездой, и это общеизвестный факт, — пожал плечами Пабло.

— Но масса черной звезды давно уже превысила предел Оппенгеймера — Волкова[35], и следовало ожидать, что в какой-то момент вокруг нее образуется горизонт событий[36], и она продолжит коллапсировать, превращаясь в черную дыру, — нервно сцепив в замок тонкие пальцы, умоляюще глянула на него Кристин.

— Изменившиеся характеристики гравитационного поля как раз помогли «Эсперансе» и «Нагльфару» сформировать зону экзотической материи и вырваться из системы, — напомнил Пабло, умолчав о том, что каждый новый полет все больше походил на смертельно опасный танец Савитри с медузами. Только количество темных тварей увеличивалось в геометрической прогрессии. И Кристин об этом, конечно, знала.

Не просто так во время первой экспедиции после их вошедшего в историю прорыва город покинуло рекордное количество поселенцев. Проблема состояла в том, что многие вернулись. Особенно мутанты, которые, хотя и смогли силами медицины Содружества избавиться от генетических уродств, места в большом мире так и не отыскали. Тем более что после решения проблемы с перенаселением и нехваткой ресурсов условия жизни под куполом оказались лучше, нежели на той же Каллиопе или в других окраинных мирах.

— Я прекрасно понимаю горожан, которые не хотят покидать треугольник, — объяснял Пабло, Шварценбергу и Леве Дееву Маркус Левенталь. — Не каждый согласится даже под угрозой смертельной опасности бросить привычный, годами налаженный быт. Тем более что город после запустения переживает период расцвета. Столько трудов вложено, столько препятствий преодолено. И что им может предложить большой мир? На той же Лее хотя и ведутся разработки редких металлов, толком не сформировалась земная кора, и извержения супервулканов погубили уже не одну купольную конструкцию. Благо людей обычно успевают эвакуировать в другие жилые модули, разбросанные по всей планете. Да и на астероидах вроде нашего с Саавиле родного АК-4774 помимо постоянных метеоритных дождей периодически случаются катастрофы вроде столкновения с другими небесными телами.

— Но вы же понимаете, что планета может попасть в сингулярность, перед этим разорвавшись на частицы вследствие высокого градиента силы притяжения чёрной дыры, — пытался урезонить конструктора Лев Деев.

— Звезды живут миллионы лет, и до момента катастрофы может смениться не одно поколение, — отмахнулся Левенталь.

Вот только в последнее время астрономы Содружества и Альянса, включая независимых экспертов, не давали треугольнику этих миллионов и даже столетий. Граница деформации времени-пространства вблизи черной звезды уже приобрела очертания гравитационного радиуса. Все математические модели предсказывали усиление приливных сил, формирование пресловутого горизонта событий и возможность сингулярности[37] в ближайшие годы и даже месяцы. Поэтому люди, все еще остающиеся в городе под куполом, вновь оказались почти в такой же опасности, как и в те дни, когда Шатругна Нарайан пытался взорвать генераторы воздуха.

— Я еще понимаю мутантов: они привыкли к своему гетто и другой жизни не знают и знать не хотят, — обнимая живот, словно желая оградить от переживаний ребенка, жаловалась за обедом Кристин. — Но ведь отец — ученый с мировым именем. Разве он не понимает всю степень опасности?

— Горизонт событий начал формироваться уже после нашей последней экспедиции, и этот процесс протекает непредсказуемо стремительно, — оправдывал тестя Пабло, отдав должное паэлье с морепродуктами, которую Кристин готовила, кажется, даже лучше мамы, и пододвигая поближе к любимой десерт.

Хотя Кристин сейчас особенно придирчиво следила за своим питанием, из-за переживаний за обедом не могла проглотить ни

крошки, и Пабло уже пожалел, что не ко времени завел речь об экспедиции. Впрочем, сообщение от Левы Деева о том, что они с Гу Синем могут задержаться в штабе и опоздать к барбекю, которым Пабло и Кристин собирались вместе с друзьями этим вечером отпраздновать годовщину их возвращения в большой мир, пришло, когда они уже сели за стол.

На самом деле для дружеских встреч обычно не требовалось особого повода. Брендан и Эйо с детьми жили по соседству, построив дом на территории обширного поместья в этой еще не занятой туристами части алмазного побережья. Брендан продолжил службу в Звездном флоте, которую совмещал с молекулярной биологией, Эйо разрабатывала свою линию модной одежды, участвовала в создании голографических шоу и занималась воспитанием Камо и заботами о недавно появившейся на свет дочери. Сегодня к ним присоединились ожидавшие начала экспедиции Прокопий и Цветан, вместе с которыми неожиданно пожаловал и неутомимый революционер Эркюль.

— Я столько раз уговаривала брата и Савитри вернуться, — едва речь зашла о ситуации в треугольнике, грустно поникла Эйо, прижимая к груди заснувшую малышку.

— Но ведь в городе еще остаются люди. Махарани и мой отец чувствуют свою ответственность, — напомнила ей Кристин, которая следила за тем, чтобы кошки, среди которых были манул, кодкод и каракал, не причинили вред игравшим с ними Камо и мартышкам.

— Мы могли бы забрать половину из тех, кто остался, еще в прошлый раз, — отдавая должное мясу и вину, возразил ей Прокопий, который, как и Пабло, участвовал во всех предыдущих экспедициях.

— Ее высочество Савитри не сможет вечно прятаться: Сансара утопает в крови, — немного пафосно заявил Эркюль, пытаясь призвать к порядку питомцев, таскавших с тарелок морковь и сельдерей. Специально приготовленное для мартышек блюдо с овощами и фруктами стояло почти нетронутым.

Надо сказать, что Эркюль буквально разрывался, пытаясь сделать нелегкий выбор между двумя смертельно опасными предприятиями. Одна частичка души требовала его присутствия на борту почти готового к отлету в Треугольник «Нагльфара», другая, ведомая духом революционной борьбы, звала на Сансару, где во многих городах вовсю полыхали мятежи, грозя докатиться до столицы. Народ роптал, устав ждать возвращения махарани Савитри. Правительство жестоко боролось с недовольными и вводило новые непопулярные меры. А оппозиция всерьез задумывалась о том, чтобы возвести на престол правнучку

Арвинда Вармы.

Пабло, который по долгу службы в разведке Звездного флота следил за тайной перепиской чиновников Альянса, с тревогой отмечал, что разговоры о внезапно объявившейся на территории Содружества правнучке мятежного принца в последнее время слишком уж участились. И хотя их дом находится под неусыпным наблюдением коллег из разведки, он всерьез задумывался о том, как бы не пришлось пуститься в бега или даже сменить биометрию и внешность. Впрочем, сначала следовало попытаться вывезти из ставшего слишком опасным треугольника нынешнюю махарани.

— Савитри и сама понимает, что, подарив свой свет городу под куполом, обделила родную планету, — усадив Камо за стол и налив жене еще сока, пояснил Брендан.

— Но сейчас речь идет не об этом, — тихо проговорила Кристин, пытаясь отыскать среди проглядывающих сквозь виноградные листья звезд невидимый треугольник Эхо.

И словно в ответ на ее слова спокойную полудрему сада взбудоражил звук заходящего на посадку флаера, и вскоре на террасе появились Лев Деев И Гу Синь. Вид у обоих был хмурый, но решительный.

— Командование отказалось выдать разрешение на вылет, — вместо приветствия обрисовал ситуацию Лев Деев.

— Аналитики штаба измерили скорость формирования горизонта событий, оценили размеры гравитационного радиуса и пришли к выводу, что планетная система красного карлика попадет в зону сингулярности в течение полугода. Поэтому участок решили на неопределенный срок закрыть для любых полетов, — добавил Гу Синь.

— Но в таком случае жители города под куполом обречены, — в почти бессознательном состоянии обмякла на руках Пабло боявшаяся этой новости и ожидавшая ее весь вечер Кристин.

— Но зачем ждать целых полгода, когда корабли готовы уже сейчас?! — воинственно воскликнул Эркюль, вызвав переполох среди кошек и мартышек. — Путь в оба конца займет не больше двух месяцев!

— Мы тоже пытались это командованию доказать, — сердито осклабился Лев Деев. — Тем более, аналитики явно не брали в расчет возможности варп-двигателя.

— У них на этот счет есть строгие инструкции, — пытаясь ободрить совсем поникшую Кристин, непроизвольно повел плечами Пабло, вспоминая свой плен на Раване, из которого его вытащило отнюдь не Командование.

— Нужно найти частных инвесторов, — предложил Брендан. — Вернер Херберштайн никогда еще не отказывал.

— Мы сами в состоянии профинансировать эту экспедицию, — мгновенно взяв себя в руки, решительно проговорила Кристин. — Даже если не принимать во внимание арестованные по требованию правительства Альянса счета моего прадеда по матери, отец передал мне патенты на его изобретения.

— Да у нас и своих сбережений хватает, — поддержал ее Пабло.

— О финансировании экспедиции можно даже не говорить, — успокоил товарищей Лев Деев. — Все расходы по снаряжению кораблей берет на себя Шварценберг.

— Капитан сейчас богат, как Крез, и хочет отплатить добром своим благодетелям, — закивал Эркюль.

— «Нагльфар» готов к полету, «Эсперансу» снарядим в течение ближайших двух недель. Это частный корабль, и удерживать его никто не имеет права, — строго глянул на друзей Лев Деев. — Прежде чем принимать решение об участие в экспедиции, посоветуйтесь с родными и оцените риски.

— Коммунисты идут в атаку первыми! — вытянувшись по струнке, отрапортовал Эркюль.

— Если ты нарушишь запрет командования, тебя обвинят в дезертирстве? — взволнованно спросила Кристин, когда Пабло, проводив гостей, отнес ее наверх в спальню.

— Ты, кажется, забыла, что с завтрашнего дня на ближайшие три месяца я нахожусь в официальном отпуске, — напомнил он.

С океана веял свежий бриз, погруженный во мрак сад благоухал орхидеями и олеандрами, в зарослях маквиса пели цикады. На террасе, где дроны заканчивали уборку, сонно переговаривались мартышки, делившие места отправившихся на охоту кошек. Пабло целовал руки любимой, поднимаясь к приятно округлившимся плечам, не забыл ухоженные волосы, которые Кристин перед сном еще раз расчесала, перешел на грудь, уже набухшую в ожидании молока, попробовал на вкус наливные губы.

Изначально он собирался использовать ежегодный отпуск и накопившиеся за годы безупречной службы дополнительные дни для того, чтобы поддержать Кристин во время родов и находиться с ней рядом в первые недели жизни их ребенка, но внезапный кульбит черной звезды послал все планы к Хоалу за пределы гнилых болот.

— Сеньора Эстениа обещала мне помочь, — теснее прижалась к нему любимая, устраиваясь среди подушек. — Думаю, разумнее всего будет попросить их с Семеном Александровичем и

Алехандро пожить пока здесь. Да и Сергей обещал к концу месяца вернуться.

Пабло похолодел, когда понял, что говорит она не о помощи по хозяйству и не об уходе за малышом. Конечно, отчим недавно разменял седьмой десяток, Алехандро только готовился к поступлению в академию, да и Сергей последние пятнадцать лет занимался исключительно музыкой, снискав со своим оркестром межпланетное признание. Но, как известно, бывших барсов не существует. Вот только к чему любимая затеяла этот разговор?

— С тобой пытался связаться кто-то из оппозиции Сансары? — стараясь, чтобы его слова не прозвучали слишком резко, проговорил Пабло.

— Ну что ты, их бы ко мне не подпустила наша доблестная охрана, — невесело усмехнулась Кристин. — Командующий выходил со мной на связь и спрашивал, не готова ли я стать знаменем революции.

— И что ты ему сказала? — внутренне закипая, спросил Пабло, кляня руководство и свою беспечность.

Каналы змееносцев он честно мониторил, а про многоходовки политиков родного Содружества, как обычно, начисто забыл. Похоже, командование уже заранее списало со счетов Савитри и подыскивало новую выгодную для себя кандидатуру.

— У Сансары есть законная правительница, и она скоро вернется к своему народу, — твердо проговорила Кристин.

Пабло, расчувствовавшись, заключил ее в объятия, рефлекторно стараясь не прижать живот. Конечно, их сын появится на свет в отсутствие отца, зато, если повезет, увидит не только мать с бабушкой и дядьями, но и знаменитого деда.

Глава 42. Приливные силы

Хотя время по городскому расписанию давно клонилось к полуночи, Савитри не спешила заканчивать работу: в отсутствие Ндиди и Пэгги она могла просидеть над графиками и списками хоть целую ночь. А сейчас возлюбленный и подруга вместе с геологами Виктора Громова отправились проверить состояние расчищенных силами города посадочных площадок, куда уже пять лет подряд приземлялись не только случайные скитальцы, не сумевшие учесть погрешности поля коллапсирующей звезды, но и два корабля, подарившие городу надежду.

Еще никогда ожидание вестей из большого мира не превращалось для Савитри в настолько изощренную пытку. Даже когда «Нагльфар» и «Эсперанса» совершали свой первый рейс за пределы системы. Конечно, пять лет назад в тот страшный миг, когда звездолеты стали недоступны для средств связи, Савитри почувствовала, будто у нее остановилось сердце. И даже заверения Маркуса Левенталя в том, что варп-двигатели обоих звездолетов полностью исправны, и точка формирования пузыря Алькубьерре выбрана верно, не могли ее успокоить.

Только когда Синеглаз и Кристин, восстановив силы после изнурительного броска, уже при переходе кораблей на маневровые в системе Каллиопы сумели связаться с ней, Савитри будто вытащила из груди невидимую булавку или ключ, взводивший до предела пружину, не дававшую ей ни минуты покоя. Неудивительно, что после почти двух недель постоянного напряжения ее процессор ушел в режим перезагрузки и проверки всех систем, напугав Ндиди, который хоть и старался не подавать вида, не меньше нее переживал за сестру, племянника и остальных.

— С ними все нормально. Все живы, оба корабля целы и уже через пару недель достигнут системы Каллиопы, — придя в себя, сообщила Савитри, хотя сама до конца не верила в свои слова.

— Зачем им Каллиопа? — удивился Ндиди. — Они могли бы сразу проложить еще один коридор прямиком до Сербелианы.

— Похоже, Саавиле решил перестраховаться и сначала прояснить обстановку, — облегченно улыбнулся Маркус Левенталь. — Да и среди пассажиров, находящихся у него на борту, полагаю, далеко не все жаждут оказаться на территории Содружества.

Савитри тогда подумала, что для них с Ндиди жизнь на Сербелиане рядом с родными стала бы самой лучшей долей. Но даже отречение от престола не гарантировало бы безопасность. К

тому же Савитри не хотела подводить Кристин. Оставаясь частным лицом, сестра и так жила под постоянным дамокловым мечом своего родства с Арвиндом Вармой. И во время общения по ментальной связи, из-за далекого расстояния требовавшего полной концентрации мысленных и физических сил и потому происходившего нечасто, они обсуждали в том числе и политическую жизнь Сансары.

Савитри знала, что ситуация на родной планете уже давно требовала вмешательства представителей династии, но медлила, откладывая неизбежное. Возможно, если бы она присоединилась к своим подданным, в городе под куполом сейчас оставалось бы гораздо меньше жителей. Тем более что они с Маркусом Левенталем заранее позаботились о том, чтобы все обитатели треугольника, включая мутантов, получили шанс начать в большом мире достойную жизнь.

Доходы от продажи руды не только обогащали Шварценберга, но и регулярно поступали на счета тех, кто ее добывал. Да и средства из сокровищницы, которую дубликатом ключа открыла летавшая на Сансару со старым пиратом Пэгги, не только оплачивали топливо «Нагльфара», но и стали основой для благотворительного фонда, занимавшегося социализацией мутантов. Йохан Дален и Шака строго следили за целевым использованием полученных средств и во время каждого рейса Шварценберга предоставляли махарани отчеты. Другое дело, что в большом мире мутанты слишком остро ощутили свою ущербность, а пережить крушение идеалов бывает пострашнее, нежели просто умереть.

— Отыскать бы такое место, где они снова смогли бы поселиться все вместе, продолжая вариться в своем замкнутом мирке, — качал головой Шака, провожая в город под куполом очередных переселенцев, пожелавших вернуться.

— Проблема в том, что такой мир существует только в их воображении, — вздыхал Йохан Дален, который во время первого полета из треугольника как занял на «Нагльфаре» вакантное место второго пилота, так и прикипел к команде и кораблю. — Да что тут говорить. Многие из коренных жителей, оказавшись на открытой местности, просто испугались, что им на голову упадет небо.

А ведь существовали еще маргиналы, объявленные в галактический розыск, и адепты разных сект, полагавших, что мир за пределами треугольника проклят, поражен мором и его вовсе не существует. Впрочем, город под куполом стал мистической Шамбалой не только для Маркуса Левенталя, и в самом деле ставшего его ангелом-хранителем. Светоч забытого

мира, к которому Савитри стремилась долгих четыре года, пройдя в пустыне суровую школу отшельничества и очистившись от былых страстей, зажег и в ее сердце очаг новой жизни, и отречься от него означало вновь утратить смысл.

Вот только очаг, теплом которого она с радостью делилась с каждым, до кого могла дотянуться, грозил обернуться безжалостным лесным пожаром или погибельной масляной лампой, сжигающей доверчивых мотыльков. И почему всемогущий Шива начал танец разрушения на этой планете именно тогда, когда город под куполом наконец сделался воплощенной мечтой?

Поскольку голограммы начали расплываться перед глазами, а человеческий мозг и процессор в один голос потребовали от нее отдыха, Савитри решительно свернула рабочие окна и вышла в сад.

В большей части плантаций и теплиц освещение уже перевели в ночной режим, и скрытые полумраком растения, источая букет разнообразных ароматов, лениво подставляли мясистые листья и стебли искусственному поливу. И хотя ровные ряды гидропонного шпината и шпалеры клубники не шли ни в какое сравнение с пышной тропической флорой дворцового сада, Савитри любила сюда приходить, ощущая некое родство с этими растениями, культивированными в искусственной среде.

Когда Ндиди задерживался или выходил в ночную смену, а Пэгги помогала геологам, совершавшим рейды на пустошь, Савитри покидала жилой отсек и прогуливалась вдоль аллей. Полумрак не пугал принцессу-андроида, четыре года прожившую во тьме, а каждый шаг по влажной, удобренной земле вызывал воспоминания о родной планете, куда она теперь боялась вернуться.

В городе под куполом она не только смирилась со своей двойственной природой, но и обрела гармонию. В объятиях Ндиди она чувствовала себя по-настоящему живой. Пускай в минуты страсти процессор бунтовал, считал ее поведение нерациональным и требовал выровнять уровень гормонов.

— Посылай его лесом, можно даже болотом, — советовала Пэгги, с которой Савитри с удовольствием общалась по нейросети, обмениваясь информацией. — А будет кочевряжиться, — заговорщицки подмигивала подруга, — могу установить тебе одну программку-симулятор, которую один охочий до женской ласки затейник-оператор из моей последней боевой группы позаимствовал у линейки, предназначенной для элитных домов наслаждений.

— Не надо нам тут никаких плагинов, — не размыкая

объятий, улыбался Ндиди. — Мне нелицензионных программ и в мастерской хватает. Наставят непонятно чего якобы для расширения функционала, а потом спрашивают, почему аккумуляторы за час садятся и двигатель постоянно сбоит и глохнет.

После выздоровления он вернулся к работе механика, но только не в прежнюю полулегальную мастерскую бытового хлама, а в транспортное управление комбината, где достаточно быстро добился статуса инженера, подтвердив полученный еще на Сербелиане диплом. Вместе с другими специалистами он восстанавливал машины, пострадавшие во время противостояния, и следил за исправностью погрузчиков и проходческих щитов. Благо после возвращения Маркуса Левенталя и выборов нового совета средств на городские нужды выделялось достаточно.

— На этот раз ты точно не прогадала, подруга, — довольно улыбалась Пэгги, с наслаждением вдыхая исходивший от Ндиди запах машинного масла. — Это тебе не какой-то там клонодел с замашками вурдалака, а настоящий механик и к тому же галантный кавалер, — добавила она, с видимым удовольствием разрабатывая новую кисть, которую Ндиди установил взамен окончательно заглючившей прежней. — Мало того что топливо поменял и новые детали мне поставил, так ни разу железякой не назвал! Впрочем, чему тут удивляться, когда он и с проходческими комбайнами разговаривает!

— Поосторожнее с комплиментами, дорогая, — отшучивалась Савитри, вспоминая бережные прикосновения родных мозолистых рук. — Я в последнее время стала жутко ревнива!

Впрочем, махарани лучше других знала, что Ндиди с одинаковой бережностью относится и к механизмам, и к живым существам, будь то животные, растения или дети, которые приходили в мастерскую, точно в волшебную лавку чудес, и никогда не покидали ее без игрушек. Пускай и не таких нарядных и глянцевых, как в магазинчиках верхних уровней, но сделанных своими руками и с душой.

— Да он будет просто идеальным отцом, — ворковала Пэгги, наблюдая, как Ндиди идет по уровню, окруженный ребятишками.

Савитри отмалчивалась, предпочитая обходить этот вопрос.

— Ты знаешь, что технически не так уж сложно соединить наши ДНК и создать полноценный жизнеспособный эмбрион, — объясняла она Ндиди, когда они, обнявшись, лежали в ночной тиши. — Я даже сумею ребенка выносить и родить.

— Но это дитя, будучи наследником династии, неизбежно станет мишенью для врагов и заложником политических игр, — помрачнев лицом, кивал любимый.

Хотя друзья-рудокопы, глядя, как он пытается привести в порядок искореженные в сражениях танки, частенько подсмеивались, не собирается ли он оборонять город, если за его махарани вдруг нагрянет Альянс, Ндиди только отшучивался или молча улыбался в ответ. Он никому не рассказывал о двух покушениях, которые удалось предотвратить буквально чудом. Один раз религиозного фанатика, возмущенного союзом наследницы династии с бескастовым, вычислил Эркюль, когда тот, смешавшись с толпой колонистов, пытался пробраться в город. Второй раз бдительность проявил сам Ндиди, который даже раньше Пэгги заметил заложенное в кабинете Савитри взрывное устройство. Как удалось дознаться, этот «подарок» подготовили сектанты из числа сторонников покойного главы научного отдела.

— Неужели они не понимают, что я не стремлюсь к богатству и власти, мне нужна только ты? — с горечью спрашивал Ндиди, когда Савитри вела деловую переписку с премьер-министром и другими представителями официальных кругов Сансары.

Хотя высшие чины службы безопасности и силовых ведомств периодически устраивали истерики по поводу использования в придворном документообороте каналов Содружества или пиратских серверов, других способов связаться с махарани они предложить не могли.

— Сановники — такие же люди, — философски пожимала плечами Савитри. — Они привыкли судить всех по себе. А сектантам по-хорошему нужен не тюремщик, а врач.

Впрочем, она и сама понимала, что после возвращения на родину ее счастью придет конец. Поэтому, оттягивая неизбежное, крепче прижималась к любимому, а во время его отсутствия уходила в гидропонный сад, отдаленно напоминавший тропические заросли Сансары и Сербелианы. За минувшие пять лет этот хрупкий вертоград стал для них местом более обетованным, нежели пышные ухоженные парки дворца раджей.

В этом году из-за хорошего подогрева и подкормки агротехники сняли не два, а три урожая, обеспечив свежими фруктами и овощами всех жителей города. А рыба в подземном озере и животные на ферме благодаря заботе и уходу принесли хороший приплод. Неужели все это придется бросить? Неужели весь этот поднятый такими трудами отвоеванный Эдем обратится в прах? Неужели плоды долгих исследований, ошибок и проб пойдут в топку ненасытной жадности черной дыры?

Савитри вновь почувствовала, что пружина, которую при первом известии об угрозе входа планеты в точку гравитационной сингулярности взвел невидимый ключ, готова лопнуть, превратив

ее в бездушную сломанную куклу. Впрочем, стоило ли горевать о гибели одного биологического андроида, когда на кону стояла судьба нескольких тысяч человек?

— Корабли уже в пути. Постарайтесь продержаться еще месяц! — получила Савитри сообщение от Кристин, ментальный голос которой сейчас отдавался биением маленького сердца ее малыша.

Если жизнь оцифрованной махарани закончится в ненасытном чреве черной дыры, этому еще не рожденному ребенку предстоит стать оплотом династии или вырасти в скитаниях, так и не узнав не только деда, но и отца. Савитри, видевшая в воспоминаниях Кристин картину сборов, разделяла ее тревогу за любимого и членов экипажа «Эсперансы», которые отправились в этот смертельно опасный вояж на свой страх и риск, не получив от правительства Содружества не только поддержки, но даже разрешения на вылет.

Впрочем, за все эти годы Альянс, не считая средств, которые махарани с помощью Шварценберга фактически похитила у самой себя, не выделил на спасение своих граждан из треугольника даже медного менового кольца.

— А что ты хочешь? Чтобы твои подданные финансировали Звездный флот Содружества и поощряли пиратство? — пожимала плечами Пэгги. — Скажи спасибо, что у наших условных противников пока всего два корабля, оснащенных варп-двигателем. Я, конечно, не одобряю методов твоего прежнего жениха и приложила немало усилий, чтобы его остановить. Но в своем стремлении завладеть «Эсперансой» он действовал в интересах Альянса.

— Шатругна всегда действовал только в своих интересах и в интересах трансгалактических корпораций, — вздохнула Савитри.

Она и сама понимала, что обладание варп-двигателем могло изменить расстановку сил в Галактике, но о гибели бывшего жениха не жалела и не испытывала раскаяния от своего решения поделиться сокровищами раджей с жителями города под куполом. В конце концов именно эти средства вкупе с выручкой от продажи руды и процентами от использования патента на двигатель Левенталя обратились в опоры радужного моста, ведущего к их спасению. С другой стороны, именно богатства рудника и уникальность системы стали тем магнитом, который не только задержал на планете многих горняков и ученых, но и мешал трезво оценить опасность формирующегося горизонта событий.

— Гравитационный радиус расширяется слишком быстро.

Через несколько месяцев планета попадет в зону сингулярности.

Эти слова прозвучали точно гром среди ясного неба, хотя вероятность внезапной гибели системы существовала еще до того, как тройная звезда начала стремительно коллапсировать, приобретая характеристики черной дыры.

— Эх, никогда такого не было, и вот опять, — разводил руками дядюшка Хенк.

Он давно обеспечил себе безбедную старость и имел возможность помогать родным, но каждый раз, глядя на увеличивающуюся сумму своего личного счета, откладывал отлет.

— Ну что за засада! — горевал Мубарек, который отправил на Сербелиану в недавно купленный дом жену и детей, а сам остался, чтобы еще немного заработать. — А я-то надеялся, что не только старшему, но и остальным детям не придется брать образовательные кредиты!

— Надо готовить город к срочной и полной эвакуации, — обсудив ситуацию в совете, принял нелегкое для себя решение Маркус Левенталь. — Думаю, Саав Шварценберг найдет возможность совершить еще один рейс до того, как это потеряет всякий смысл.

— Мы вряд ли обойдемся одним кораблем, — озабоченно проговорил Виктор Громов. — А «Эсперансу» могут просто не выпустить. Знаю я этих чинуш.

— А я знаю своего зятя и его товарищей-барсов, — возразил главе геологоразведки Маркус Левенталь. — Они, конечно, ходят под присягой и приказы не обсуждают. Но победителей не судят.

— Тем более что мертвые сраму не имут, — кивнул Виктор Громов.

— Может быть, стоит переоборудовать для перевозки пассажиров погрузчики? Чтобы не пришлось, как пять лет назад, везти людей в открытых емкостях для руды, — предложил Ндиди.

— Главное, чтобы корабли сумели совершить посадку. Сейсмоактивность в районе Перевала Большого Кольца возрастает с каждым днем, — предупредил Аслан Хашутогянц, который вывез в большой мир сына и, отправив его учиться на геологический факультет, вернулся, чтобы закончить исследование свойств молибденовых руд.

Савитри испытала иррациональное беспокойство, вспомнив взрыв, прервавший яркую и неправедную жизнь Шатругны Нарайана. Иногда ей вслед за Кристин казалось, что гравитационный коллапс, превративший самую тяжелую звезду системы в черную дыру, вызвали отнюдь не непостижимые силы природы, а демоническая гордыня неупокоенного потомка Великого Асура, который, не смирившись с поражением, решил

утянуть за собой в бездну не только город, но и всю планетную систему.

Тектонические плиты и новые складчатости под влиянием все возраставших приливных сил трясло в жестокой лихорадке и корежило в судорогах. Землетрясения и оползни в горах в последние месяцы стали настолько привычной реальностью, что даже пришлось ограничить передвижения геологов. Тем более что проводить разведку новых жил уже не имело смысла. Обвалы сотрясали шахты. Едва ли не каждую неделю приходилось направлять технику в забои, вызволяя попавших в западню рабочих. Некоторые штреки пришлось даже совсем закрыть.

Горожане спешно паковали вещи и держали наготове экзоскелеты и спецкостюмы на случай внезапной эвакуации. Энергетики и специалисты системы жизнеобеспечения ежедневно проверяли устойчивость энергоблоков и генераторов воздуха и молили небеса, чтобы соты купола и опоры отсеков выдержали удары стихии.

— Наше счастье, что эти конструкции предназначались для строительства жилых модулей на вулканической Лее, — выслушивая доклады подчиненных и лично проверяя наиболее проблемные участи, хмурился Маркус Левенталь.

Хотя, пересекаясь с Савитри в совете, конструктор ни о чем ее не спрашивал, сведенные напряженным замком узловатые натруженные руки и устремленный к горизонту взгляд красноречиво говорили о том, что ожидание вестей от спасательной экспедиции давит тяжким бременем и на него. Его ноша, пожалуй, отличалась даже большей тяжестью: ради спасения города сейчас рисковали жизнями друг детства и муж любимой дочери.

Савитри часто видела, как Маркус Левенталь медленно бредет по саду, переходит на научный уровень, спускается на рудник. Он создавал город, видел его расцвет, пережил изгнание, в долгой и мучительной борьбе отстаивал будущее своего творения, а теперь наблюдал, как дело его жизни рушится и идет прахом. Впрочем, у него еще оставались два корабля, оснащенные его варп-двигателем, а Кристин готовила к его возвращению уютный дом.

Савитри на Сансаре ждали коррумпированные чиновники, косные брахманы и главы трансгалактических корпораций, готовые поглощать ресурсы и рвать планеты на части с ненасытностью, которой могла бы позавидовать любая из черных дыр. Впрочем, это лихо пока тихо дремало, отгороженное гравитационным радиусом. А со стороны перевала Большого Кольца надвигалась новая беда.

Когда под ногами привычно загудела почва, Савитри сначала даже не обратила внимания, и лишь когда гул усилился, открыла на планшете карту сейсмоактивности и пришла в ужас. Зона перевала Большого кольца напоминала раковую опухоль, на которой застывшие вековой коркой струпья разломов вскрывались и отпадали, словно зловонным гноем и кровью истекая магмой и селевыми потоками. Приливные силы черной дыры будоражили ядро планеты, и объемные сейсмические волны, исходя от вздыбленного пеной вулканического пепла вершины перевала, с угрожающей скоростью катились в сторону города.

Ндиди! Пэгги! Если в пути или на посадочной площадке их ничего не задержало, их группе по расчетному времени следовало как раз спуститься в котлован! И почему на перевале Большого кольца так и не удалось наладить нормальную связь? Хотя о какой связи могла идти речь сейчас, когда сбоили и глючили даже отбойники и проходческие щиты? Савитри в смятении бросилась к смотровой площадке, хотя понимала, что с такого расстояния не сумеет ничего разглядеть. Помост под ногами дыбился и дрожал.

Когда над головой с жутким скрежетом лопнули сразу несколько сверхпрочных стеклопластовых ячеек, она опомнилась и поспешила покинуть зону плантаций, пока датчики разгерметизации не привели в действие гермозатворы. Вход со стороны зала заседаний городского совета оказался уже заблокирован, но Савитри, мобилизовав все ресурсы организма андроида и только чудом не упав на пляшущей под ногами рыхлой, влажной почве, успела добежать до выхода в жилые отсеки, забрав из рабочего кабинета планшет и экзоскелет и на бегу прикидывая, на какой период хватит энергии и продовольствия, если сад не удастся спасти.

В коридорах надрывалась сирена, и испуганные горожане спешили покинуть жилые отсеки и спуститься в укрепленное убежище на комбинат. Многие на ходу надевали спецкостюмы, некоторые выскочили кто в чем спал, успев захватить только наручные планшеты с идентификаторами и плачущих детей. Несколько человек, увидев давку у лестниц, сгоряча пытались воспользоваться заблокированными и обесточенными по аварийному протоколу подъемниками.

Савитри вспоминала предыдущую эвакуацию и с горечью отмечала, что за пять лет ничего не изменилось. Жители научных уровней и рудокопы, как и в прошлый раз, вели себя более организованно, поддерживали слабых, помогали соседям, терпеливо ждали, пока ступени лестниц перестанут дрожать, и

решительно двигались дальше. Многие энергетики и строители уже присоединились к Маркусу Левенталю, который, срочно просчитывая риски, предпринимал экстренные меры по спасению систем жизнеобеспечения.

Мутанты по большей части вели себя как домашние животные или маленькие дети: беспорядочно метались по уровню или забивались в свои жилища, считая, что там безопаснее всего. Чему удивляться? За пределами треугольника не нашли себе место наиболее слабовольные, косные и болезненно пугливые обыватели, не отличающиеся стрессоустойчивостью. А нынешняя ночь обещала лишь новые испытания.

Савитри и сама держалась только за счет процессора, который направлял бурлящий в крови адреналин в нужное русло и запрещал даже думать о любимом, подруге и их спутниках, оказавшихся сейчас в эпицентре разворачивающейся катастрофы. Тем более, в городе оставались люди, больше других нуждавшиеся в ее защите.

— Почему мы должны покидать наши дома? Это что, какая-то уловка уродов?

— Мы никуда отсюда не уйдем. Это наш мир, и он не причинит нам вреда.

Савитри составило немалого труда дозваться до голоса разума мутантов, которые ни под каким видом не желали покидать свои жилища. Лишь когда в одном из популярных на уровне заведений обрушился потолок, к счастью, никого не задавив, большинство обывателей сдвинулись с места. Впрочем, каждый шаг к убежищу сопровождался новыми препирательствами. Столько ругани и оскорблений в своей адрес Савитри не слышала даже когда плясала в заведении Хайнца. А ведь разгоряченные посетители не стеснялись в выражении эмоций. Каждый новый толчок заставал мутантов врасплох, вызывая приступы паники или вводя в ступор, а ведь они и без того двигались с такой скоростью, будто вместо ног у них были щупальца, клешни или ложноножки.

На выходе с уровня они столкнулась с Тонино Бьянко и дядюшкой Хенком, которые в сопровождении бригады энергетиков пытались прорваться сквозь толпу мутантов в сторону реактора старого рудника.

— Высочество, красавица наша, живая! — обрадовался старый Хенк. — А мы уж думали, что тебя на плантациях обрушившимся куполом накрыло.

— Я успела оттуда уйти до закрытия гермозатворов, — делая мутантам знак, чтобы не прекращали движение, пояснила Савитри. — Но видела, что часть сада и теплиц мы точно

потеряли.

— Если бы дело было только в теплицах, — вздохнул Тонино. — Разлом проходит возле термоядерной станции и агрегатов холодного синтеза. Толчки продолжаются, и они очень сильные.

— Пришлось срочно заглушить основные энергоблоки, — добавил Мубарек. — Благо реактор старого рудника находится в стороне от этой зоны.

— Мы не можем оставить город без энергии, — решительно закрепляя пластины экзоскелета, кивнула Савитри.

Круг замыкался, и происходящее сейчас странным образом напоминало ее безумную нритту среди летящих гвоздей. Савитри подумала о том, что сплясала бы еще раз, добавив к неллерам полчища медуз, беспорядочно мечущихся сейчас по пустоши, если бы это могло отсрочить гибель планеты или спасти Ндиди, Пэгги и остальных. Но пока следовало позаботиться о других горожанах.

Савитри подробно объяснила мутантам дорогу в убежище и присоединилась к энергетикам: возможности ее процессора позволяли ускорить запуск старого надежного реактора. Остаток ночи и весь день она провела в убежище, общаясь с жителями, составляя списки пострадавших, отыскивая потерявшихся в суматохе. На этот раз обошлось без жертв. Утраченные сады и плантации в расчет не принимались. На нижних уровнях еще оставались фермы и ледниковое озеро.

При этом все понимали: если корабли по каким-то причинам не выйдут в ближайшее время на связь, город может не выстоять. Впрочем, «Эсперансе» и «Нагльфару» еще следовало где-то приземлиться, а перевал Большого кольца и окрестные горы продолжало трясти даже когда толчки в городе почти прекратились, и ремонтные бригады начали восстановительные работы в реакторном отсеке и на той части купола, обрушение которой грозило системам безопасности города.

От группы Виктора Громова вестей по-прежнему не приходило.

— Не надо их раньше времени хоронить, — пытался увещевать теряющую рассудок от отчаяния Савитри Маркус Левенталь. — Даже если они в момент первых толчков находились на дне котлована. Машины высокой проходимости, на которых они выехали к посадочной полосе, обладают хорошей сейсмоустойчивостью.

— Возможно им пришлось прокладывать путь в обход. Виктор и Аслан опытные геологоразведчики, пережившие в горах Леи не одно землетрясение, — соглашалась с отцом Кристин, которая, и

сама, впрочем, изнывала от тревоги.

«Нагльфар» и «Эсперанса», на борту которой находился Пабло, выйдя последний раз на связь в системе Каллиопы, вплотную приблизились к области гравитационного радиуса черной дыры, и каким образом на распределение темной энергии и формирование пузыря Алькубьерре могли повлиять возрастающие с каждым днем приливные силы, не брался спрогнозировать ни Лев Деев, ни Саав Шварценберг.

Почти лишившийся защитного купола город выживал в состоянии жесткой экономии, готовясь к худшему. Из-за угрозы взрыва пришлось заглушить еще два энергоблока, а восстановительные работы постоянно прерывались из-за новых толчков. Хорошо, что в перерыве между циклами колебаний горожане успели подняться в жилые и научные отсеки: забрать наиболее ценные вещи и результаты многолетних исследований, включая редкие образцы горных пород, продукты синтеза и представителей местной фауны, представлявших несомненный интерес для науки.

Впрочем, медуз пока хватало на пустоши, и они не только отчаянно пытались прорваться в город, но и нападали на тех, кто волею судеб оказался за его пределами. Другое дело, что для разведчиков, выживших во время землетрясения в горах, борьба с медузами представлялась уже привычной рутиной.

Когда Савитри получила запрос на обмен информации от Пэгги, а ее планшет завибрировал, принимая сообщение от Ндиди, она едва не вылетела на пустошь без скафандра, в последний момент успев запрыгнуть в кабину выехавшего встречать группу танка. Разведчики, возвращавшиеся со стороны южного входа, шли пешком, несли на руках нескольких раненых и по пути отбивались от лютующих медуз. Уровень кислорода в дыхательной смеси и зарядка аккумуляторов находились почти на нуле.

— Ну, будет, будет! Ему сейчас не твои слезы, а вода и воздух нужны, — ворчала Пэгги, помогая Савитри освобождать Ндиди от покрытого пылью и копотью искореженного экзоскелета.

Хотя под макромолекулярными пластинами синяков и ссадин оказалось едва ли не больше, чем после выступлений на арене или застенка, любимый лишь устало отмахивался и, бодрясь, улыбался запекшимися губами на осунувшемся лице.

— Да что со мной могло случиться, — непослушной заскорузлой рукой гладил он растрепавшиеся волосы Савитри. — Я все эти дни переживал, как ты тут без нас.

Землетрясение застало разведчиков возле взлетного поля, и именно укрепленные конструкции центра координации полетов

помогли группе уцелеть. Другое дело, что обратный путь в обход ставшего непреодолимым перевала потребовал не только мобилизации всех ресурсов организма, но и настоящей воли к жизни. Тем более что в танке, который поглотил один из разломов, остались основные запасы кислорода и энергии.

— Посадочной площадки на этой планете больше не существует, — кое-как отдышавшись и отхаркав забившие все фильтры пепел и пыль, объяснял Аслан.

Он развернул голограммы, и Савитри, которая за девять лет, прожитых на пустоши и в городе, казалось, успела изучить каждый камень, не узнала знакомые долины и перевал. На месте ровного плато зияли разломы и горбились синклинали и обрывистые рифы. Город под куполом напоминал теперь заколдованный замок, отгороженный от остального мира непреодолимой стеной.

— Но ведь можно провести эвакуацию при помощи челноков, — помогая товарищам нести раненых, осторожно предложил Мубарек.

— На планете, где сбоит любая электроника и отказываются летать даже примитивные флаеры и антигравы? — с убийственным спокойствием напомнила Пэгги.

— Из-за нестабильности орбиты и помех, создающих сложности со стыковкой, шаттлы в треугольнике никто и никогда не применял, — кивнул Маркус Левенталь, озирая хаос, творящийся в окрестностях города.

— Ну, значит, мы будем первыми, — упрямо сдвинул брови Ндиди. — Или мобилизуем все ресурсы и построим новую посадочную площадку!

Хотя любимый, как и его спутники, едва держался на ногах, он собирался тотчас отправиться в горы искать новое место, пригодное для посадки кораблей. Маркус Левенталь и дядюшка Хенк едва его утихомирили, пообещав сначала проверить карту сейсмоактивности и спутниковые снимки.

Поздно ночью, когда Ндиди, выпив несколько литров воды и проглотив стакан витаминизированной белковой смеси, забылся тревожным сном в клетушке убежища, едва ли не более тесной, нежели их с Эйо прежнее жилище, Савитри, блаженно прижимаясь к его ровно вздымающейся груди, молча передала Пэгги запрос на обмен информацией.

— Обещай выполнить то, о чем я тебя попрошу, — осторожно начала она.

— О чем, ты, подруга?

— Если мы выберемся отсюда, пожалуйста, позаботься о Ндиди.

— А как же ты? — растерялась боевой андроид.

— Я вернусь на Сансару и продолжу исполнять роль махарани, как и велит долг наследницы династии раджей.

— Но почему ты одна, — запротестовала Пэгги. — Мы могли бы все вместе…

— Когда я ждала вашего возвращения с пустоши, я все решила и дала себе зарок. Я больше не стану подвергать вас напрасному риску, отдав Ндиди и тебя на растерзание чиновников и брахманов Альянса. Я и так получила слишком большую порцию счастья. А если Ндиди захочет, ты или Эйо, надеюсь, сумеете выносить и родить нашу с ним дочь.

— Долг боевого андроида — служить наследнице династии, — смирилась Пэгги.

Глава 43. Горизонт событий

На посадочных площадках и в доках Каллиопы царило небывалое оживление. Вдоль стартовых платформ, возле которых около месяца назад пристыковались два звездолета, с визгом и скрежетом носились на запредельных скоростях танкеры и шаттлы. Дроны торопливо грузили на борт оборудование. Бригады техников поднимались на фермы, деловито сновали по стапелям и антигравитационным платформам башен обслуживания, завершая последние приготовления к старту. Энергетики и инженеры защитного поля манипулировали кабель-мачтами, проверяя работу генераторов и зарядку батарей. Специалисты систем жизнеобеспечения и квартирмейстеры встречали пристыковывавшиеся к грузовым отсекам танкеры и сухогрузы.

Чуть в стороне на причалах и в помещениях порта толпились зеваки, околачивались маргиналы, бичи и просто искатели приключений, оказавшиеся на мели и подыскивающие транспорт, на котором можно свалить в более благополучный мир. Желательно бесплатно. Временами они пытались подобраться поближе, озирались в поисках кого-нибудь из команды. Однако, увидев на членах экипажа одного из кораблей экзоскелеты подразделения «Барс», глянув на потрепанный борт второго или узнав о месте назначения, спешили ретироваться. Некоторые, впрочем, оседали возле букмекерских контор и просаживали последние сбережения, делая ставки на успешный исход экспедиции.

— Ну что, Шака, много ли дают за то, что мы из треугольника живыми вернемся? — интересовался Шварценберг, придирчиво следивший за движениями портального крана, снимавшего для увеличения грузоподъемности «Нагльфара» с орудийной палубы одну из батарей.

— А ты сам-то как думаешь, кэп? — пожимал плечами квартирмейстер, нервно переминавшийся на причале в ожидании задерживавшегося челнока с запасом белковых концентратов.

— Нашу экспедицию иначе как безумной авантюрой не называют, — усмехнулся Йохан Дален, вместе с Эркюлем разгружавший контейнеры с запчастями для реакторного отсека.

— А вы ожидали чего-то иного? — удовлетворенно хмыкнул Шварценберг. — Мы мало того что записываемся к черной дыре в дантисты, так еще и знаем, что она в любой момент может пасть захлопнуть.

Он мимоходом отлаял зазевавшегося крановщика, потом,

прищурив серые дерзкие глаза, спокойно продолжал:

— Я, конечно, за свою жизнь никогда не давал дороже медной полушки, но на наше возвращение поставил, и надеюсь выигрыш со здешних прощелыг на обратном пути получить.

— Я, пожалуй, тоже поставлю, — просиял впечатленный Эркюль, с удвоенной энергией принимаясь орудовать манипуляторами и домкратами докерского погрузочного экзоскелета.

— Все лучше, нежели просаживать задаток на сомнительные революционные авантюры, — назидательно заметил Шака.

— Так это ж не на выпивку и не на продажных баб! — обиделся Эркюль, сгоряча навьючив на платформу погрузчика сразу четыре контейнера с сидящими на них сверху мартышками.

Добродушный абордажник знал, что замотанный Шака отчаянно завидует подвахтенным членам экипажа, которые усердно спускали выданное вперед жалованье, обогащая держателей местных домов удовольствий и кабаков, где свободно гуляющие по столам здоровенные белые тараканы стали уже своего рода брендом, говорившим о благополучии заведения.

— Бабы — это, конечно, личное дело каждого, — согласился Шварценберг. — Но перед рейсом квасят только никчемные остолопы и трусы.

— Рейс рейсу рознь, — вступился за товарищей Йохан Дален.

Пабло старого контрабандиста и его пилота понимал. В прежние годы привычная толкотня и круговерть этого захолустного мирка, выживавшего лишь за счет транзитного порта и гигантских размеров свалки, его бодрила и даже забавляла. А сомнительные заведения, куда он временами наведывался в компании Дина, Петровича или Славы Капеэсэс, не вызывали брезгливости. Сейчас необходимая организму пища, которую он заглатывал впопыхах на рабочем месте, воспринималась лишь как горючее, а отвлекавшая от проверки бортовых систем суета только раздражала. Никогда еще подготовка к полету не проходила в столь сжатые сроки, и еще ни разу от безотказной работы всего оборудования не зависело так много.

— Ну, что уже тут проверять! — когда значки кода начинали расплываться перед глазами, едва не плакал непривычный к подобной нагрузке Шаман. — По десятому разу по одним и тем же программам идем.

— Тем более что в треугольнике Эхо электроника все равно сбоит и работает через раз, — соглашался с ним Кудесник.

— Поэтому надо точно быть уверенным, что это влияние черной дыры и пульсара, а не баги программ, — осаживал коллег

Пабло, запивая заветренный бутерброд крепчайшим кофе и возвращаясь к работе.

Единственным, на что он позволял себе отвлечься кроме еды или недолгого урывками сна, были сеансы связи с мамой и Кристин. Тем более что любимая, которая сейчас единственная могла поддерживать связь с Савитри, рассказывала о происходящем в городе под куполом и на планете.

— Как они там? — имея в виду жителей города под куполом, беспокоился вылинявший от усталости Лев Деев.

За последние четыре недели он забыл, что такое сон и, почти как Шварценберг, прикипел к своему экзоскелету и оброс желтоватой щетиной, бесконечно согласовывая какие-то документы и принимая в шлюзовой камере челноки.

— Пока держатся, — протирая слезящиеся от напряжения глаза, обрисовал ситуацию в городе Пабло. — Пакуют вещи и латают бреши в обшивке. Планету нешуточно трясет.

— Давно говорил я Марки, нечего ловить в этой дыре, — брюзжал Шварценберг, вместе с операторами придирчиво проверяя работу систем варп-двигателя. — Не по нраву спокойная старость на морском побережье рядом с дочерью и внуками, так у меня на «Нагльфаре» места навалом. Но этому старому гордецу город подавай.

Капитан покачал кудлатой головой и пошел проверять, насколько хорошо закреплены в трюме специально закупленные для этой экспедиции новенькие амортизаторы. Конечно, для стороннего наблюдателя «Нагльфар» по-прежнему выглядел точно Летучий голландец, обросший ракушками в тропических морях. Тем более, экспедиция в зону гравитационного радиуса черной дыры снова напоминала поход в иной мир. Однако варп-двигатель и прочие системы, обновленные и ухоженные, работали исправно, а обширные помещения трюма вновь готовились принять сотни людей.

— Если повезет вывезти всех, и не хватит места, можно укладывать по два-три человека в один амортизатор, — прикидывал Шварценберг, привычно запуская бронированные пальцы в рыжую наполовину седую бороду.

— Главное, чтобы было кого вывозить, — вздохнул Йохан Дален.

— Ну что ты, Шака, возишься с этими концентратами? — разгружая очередной шаттл, недоумевал Эркюль, пока его мартышки носились по причалу, наводя страх на тараканов. — В городе под куполом хватает садов и ферм. Нас там еще свежими фруктами будут потчевать!

— На Ванкувере тоже садов и ферм хватало, да и пищевая

промышленность снабжала свежими и замороженными продуктами половину галактики, — резонно возразил ему Ящер, управившийся с погрузкой на «Эсперансе» и прикомандированный на «Нагльфар». — Да только когда мы вывозили из лагеря смерти голодных и холодных пленников, все в один голос благодарили Мишель, которая загрузила на корабли не только медикаменты, но и всякую снедь, постельное белье и несколько тысяч комплектов одежды.

— Да и всех спасенных на Раване пришлось до самой Каллиопы кормить, лечить и одевать, — поддержал бойца Шака. — Поскольку из установок энергообмена как они были нагишом, так их и вытащили. А ведь на главной планете Альянса не только тропический рай, но и мощный агрокомплекс и легкая промышленность.

— Ты уверен, что твое присутствие на борту необходимо? — без обиняков спросил Пабло Лев Деев, когда работа оператора по подготовке к старту была закончена. — Может быть, тебе лучше остаться: поддержать родителей, вырастить сына?

— Почему ты не говоришь об этом с Бренданом? — насупился Пабло, указывая в сторону медотсека, куда Вундеркинд, проверив все необходимое оборудование, тоннами загружал медикаменты. — У него на Сербелиане тоже осталась вся семья.

— Не вся, — уточнил готовый держать оборону Брендан. — Не хватает Ндиди и Савитри!

— Правда ваша, — обреченно кивнул Лев Деев. — Ради такой родни я бы и сам и в пасть к Трехрогому рванул, и застенков змееносцев не побоялся. Только из-за крючкотворства наших любимых чиновников мы рискуем застать на месте планеты пояс астероидов.

— Скажи спасибо, что отпустили, — мрачно ухмыльнулся Пабло.

Он сам до последнего опасался, что командование не поверит легенде о том, что «Эсперансу» зафрахтовал союз ветеранов Сильфидской компании для встречи боевых товарищей, участвовавших в освобождении родины гвельфов. В устах Пабло, ожидавшего появления на свет первенца, о котором они с Кристин так давно мечтали, эта версия звучала совсем неубедительно. Но руководство Звездного флота, одной рукой отказав в официальном разрешении, другой, как это уже не раз бывало, потихоньку открыло калитку на заднем дворе, коей для всей галактики уже много лет оставалась нейтральная и заброшенная Каллиопа.

Вот только из-за того, что Пабло и его товарищам пришлось решать и организовывать все самостоятельно, отлет задержался

минимум на пару недель, которые в сложившейся ситуации для города под куполом могли оказаться роковыми. Хорошо еще, что Саав Шварценберг знал основные каналы и имел в окраинных мирах надежных поставщиков. Кое-какое оборудование Пабло добывал, используя связи, налаженные еще в годы службы разведчиком-нелегалом на планетах Альянса. Кое-что позаимствовал из арсенала сильфидских гвельфов. Вот только во всей вселенной не существовало оборудования, способного безотказно работать в зоне горизонта событий черной дыры.

— Пожалуйста, вернись, — напутствуя перед отлетом, заклинала его Кристин. — Я понимаю, лимит удачи не бесконечен, но ведь и испытаний на твою долю за прошедшие годы выпало немало.

Хотя все предыдущие дни она держалась молодцом и даже подбадривала уставшую волноваться за сына сеньору Эстению, в самый последний миг самообладание ей изменило, и слезы градом брызнули из ее глаз.

— А разве у меня есть выбор? — улыбнулся ей Пабло, невольно потянувшись к голограмме, хотя прекрасно понимал, что осушить слезы любимой сумеет лишь на Сербелиане. — Зато и у твоего отца его больше нет. Так что готовьте к его приезду дом, а мы постараемся не задерживаться.

— И почему твоя рыбка не научила тебя телепатии, — ворчливо пенял Пабло Шварценберг, когда они, выбравшись, наконец, из системы Каллиопы, совершали последние маневры перед запуском варп-двигателей. — Мы бы хоть весточку подали Марки: мол, скоро будем, готовь разносолы, охлаждай шампанское.

В самом деле, отсутствие связи с треугольником, усиливая тревогу, играло на нервах, как заплечных дел мастер. Даже когда они на подбитом «Павле Корзуне» пытались вслепую отыскать пригодную для посадки планету, ожидание не тянулось бесконечной канителью медной проволоки или жидкого стекла. Хотя в тот раз никто и вовсе не чаял вернуться живым, висящие на хвосте змееносцы заставляли забыть о менее насущных проблемах.

Сейчас полет проходил в штатном режиме, поэтому рутина каждодневной смены вахт отупляла и затягивала, а милый образ Кристин, являвшийся в недолгие часы сна, усиливал чувство вины. Просыпаясь в холодном поту от очередного кошмара, в котором город под куполом рушился, сложившись грудой бесформенных обломков, а попавшая в зону сингулярности планета разрывалась на несколько частей, Пабло вспоминал последний разговор с Маркусом Левенталем. Почему он не

настоял, не подобрал аргументы, не убедил тестя в том, что оставаться и дальше в системе коллапсирующей черной дыры не только неразумно, но и просто опасно?

Возможно, причина крылась в том, что между ними так и не сложилось доверительных отношений. Пабло испытывал неловкость из-за того, что не сумел придумать другой, менее болезненный для любимой способ спасти генераторы воздуха, Левенталь деликатничал и не хотел своим присутствием вмешиваться в семейную жизнь дочери. Хотя той же Кристин было бы куда комфортнее, если бы он жил где-нибудь неподалеку, как родные Пабло.

— Даже не забивай себе голову подобной чепухой, — еще на Каллиопе угадав ход размышлений Пабло, строго глянул на него Шварценберг. — Вы с Кристин тут совершенно ни при чем. Просто в городе под куполом Марки впервые в жизни обрел дом и не готов смириться с его потерей.

Пабло отца своей избранницы понимал, тем более что сам пережил нечто подобное, покидая разгромленный змееносцами родной Ванкувер. И все же он радовался, что усиливающаяся гравитация помогла им преодолеть переход даже быстрее, нежели они планировали.

— Эта разжиревшая шмара к нам, кажется, благоволит, — имея в виду нарастившую массу звезду, довольно потирал руки Шварценберг, прикидывая расчетное время.

— Не оказалось бы ее внимание чересчур навязчивым, — в тон капитану «Нагльфара» отшучивался Лев Деев, пытаясь прикинуть, хватит ли мощности варп-двигателя на преодоление приливных сил внутри гравитационного радиуса.

— Как бы нам с таким ускорителем не промахнуться на пару десятков световых лет, — под обиженное ворчание Шварценберга переживал Шака.

Квартирмейстер беспокоился зря. Курс оказался рассчитан с такой ювелирной точностью, какой позавидовал бы любой молекулярный хирург.

Когда на связь вышел Маркус Левенталь, Пабло почувствовал, как к горлу подкатывает непрошеный комок. Увеличенная монитором приборной панели голограмма безжалостно показывала, как державшийся обычно молодцом, всегда подтянутый и аккуратный конструктор сдал и постарел. Впрочем, упрямое выживание на гибнущей планете не пощадило даже неувядаемой красоты Савитри и ее верной наперсницы Пэгги. Да и новости, которыми поделились члены городского совета, отнюдь не обнадеживали.

Шварценберг, впрочем, не терял оптимизма или умело делал

вид.

— Посадочную полосу землетрясение раздолбало? — заливисто расхохотался он в лицо школьному другу. — Нашел, о чем горевать. Я уж думал, какого размера брать с собой сачок — вас, упертых идиотов, с обломков планеты вылавливать! Только не говори, Марки, что пока не готов к отлету и собираешься еще двадцать лет тут строить для дорогих гостей навороченный космопорт, — продолжал он, не обращая внимания на явное замешательство конструктора и его коллег из совета. — Нам торжественная встреча не нужна. Мы прилетели накоротке.

— И кто спрашивал, зачем я модернизирую шаттлы? — по окончании сеанса связи с победным видом оглядел он притихшие экипажи звездолетов. — У вас-то, служивые, это добро на борту вообще имеется? — придирчиво повернулся он к Дееву.

— Штатная комплектация, — невозмутимо пожал плечами капитан «Эсперансы». — Вне зависимости, можно использовать или нет.

— Так мы на самом деле собираемся вывозить людей на челноках? Без антигравов? — на всякий случай решил уточнить так и не набравшийся ума Чико.

— А какие ты предлагаешь варианты? — покровительственно глянул на него Шварценберг. — Сачка у меня, как я уже сказал, с собой нет.

Маневры шаттлов в атмосфере основывались на принципах, разработанных еще на заре авиации и орбитальной космонавтики с той разницей, что маршевые и подъемные двигатели больше не использовали малопроизводительное углеродное топливо, а шасси применяли лишь в тех случаях, когда антигравитационная подушка не срабатывала. А поскольку в треугольнике Эхо любые устройства на антигравитационной тяге превращались в ненужный хлам, Шварценберг с Деевым заранее позаботились об укреплении и без того сверхпрочной конструкции системы опор.

Заходить на посадку тоже пришлось без антигравов, используя только крылья, которые удалось выпустить лишь в стратосфере во время недолгого планирования. До этого пришлось прибегнуть к фигурам высшего пилотажа, чтобы войти в атмосферу и не рухнуть в неуправляемое пике. Хорошо хоть система, контролируемая сильфидскими процессорами, пока работала безотказно, повернув подъемные двигатели в положение для вертикальной посадки на расчищенную горожанами крохотную площадку, по размеру, кажется, уступающую даже палубе авианосца времен Вьетнамской войны.

— Чувствую себя реконструктором, — сразу после приземления поделился Супер Лев.

Пабло в ответ только кивнул. Его мутило, и он не понимал, каким образом пилотам первых шаттлов удавалось оставаться в сознании после практически свободного падения. Впрочем, горожанам на челноках предоставлялся «билет в один конец», а для выхода орбиту таких сложных маневров не требовалось. Благо мощность подъемных двигателей они тоже заранее увеличили.

Город под расколотым и частично обрушенным куполом напоминал терпящий бедствие ковчег. Более трех десятилетий он держался на плаву, сопротивляясь враждебности окружающего мира, точно удары волн житейского моря принимая прихоти пульсара и черной звезды, служил маяком и прибежищем для всех отчаявшихся. Поэтому его нынешнее крушение воспринималось как предвестие заката миров. Впрочем, оно и знаменовало закат гибнущей в жерле черной дыры системы. Даже ненасытные медузы вызывали жалость. Их царство содрогалось в мучительной агонии, и они копировали изгибы рвущейся на части коры планеты, невольно предупреждая жителей города о новых толчках.

— Вижу, Задира, ты не забыл, чему нас учили в Академии Звездного флота, — с теплотой приветствовал школьного друга Маркус Левенталь.

— При моем образе жизни, пожалуй, забудешь, — лениво отмахнулся старый пират. — Знаешь, Марки, на какие ухищрения приходилось пускаться, уходя от патрульных! Я тебе потом расскажу, когда пригласишь погостить в твой новый дом на Алмазном побережье. А пока давай, объявляй посадку. Чувствую, парой-тройкой рейсов тут не обойдется.

Как и во время первого полета «Эсперансы» и «Нагльфара», желающих рискнуть, испытав на прочность шаттлы, помимо тяжелораненых, у которых все равно выбора не оставалось, набралось лишь несколько десятков добровольцев. Поэтому свободное место заполнили контейнерами с образцами руд, новыми материалами, семенами и саженцами выведенных на плантациях города уникальных гибридов и клетками с сельскохозяйственными животными местных пород. Шварценберг, конечно, ворчал по поводу кутулушьего помета, который не отмыть. Зато Эркюль потирал объемистое брюшко и прикидывал рецепты приготовления «свежатины», а Брендан срочно разворачивал на борту «Эсперансы» новые койко-места и операционные блоки. Количество пострадавших уже исчислялось сотнями.

Пока шла погрузка, Пабло успел перекинуться парой фраз с Маркусом Левенталем и передать ему последние голограммы

Кристин и послание от нее. Увидев дочь в ожидании его внука, конструктор, кажется, даже прослезился. Или это были блики на фонаре скафандра?

— А где Ндиди и Савитри? — еще раз окинув взглядом провожающих и так и не увидев среди них махарани и ее возлюбленного, спросил Пабло. — Я обещал Брендану передать им записи семейного архива.

— Они на уровне мутантов, — помрачнев, отозвался Левенталь. — Уговаривают упорствующих проявить благоразумие и покинуть город.

Пабло подумал, что это не самая лучшая идея, но разыскивать друзей уже не хватало времени. Деев торопил с посадкой. Да и земля под ногами начинала предательски гудеть.

Впрочем, первых пассажиров и грузы они доставили без приключений, да и следующие два рейса прошли более чем успешно, не считая небольшой давки на посадочной площадке. Впрочем, члены совета и сотрудники службы безопасности доходчиво объяснили особо нетерпеливым, что первыми рейсами отправят раненых, стариков и детей.

— Точно придется вповалку укладывать, — переживал Йохан Дален, глядя на стремительно заполняющийся медотсек и прикидывая количество мест в амортизаторах.

— В тесноте, да не в обиде, — нервно отмахивался Гу Синь, выводя на низкую орбиту челнок и разворачивая его хвостом вниз для входа в атмосферу.

— Лишь бы эта милая планетка не приготовила нам какой-нибудь сюрприз, — нервничал первый пилот «Нагльфара» Али, выпуская крылья.

Планета и в самом деле затаилась, как хищник перед броском, и пока лишь скалилась, встречая заходящие на посадку по крутой спирали челноки острыми клыками зазубренных скал.

Первой ожидаемо решила отказать электроника. Пабло на этот счет и не обольщался и для этого во время каждого рейса занимал свое место в кабине пилота, готовый к любым сюрпризам. Магнитное поле планеты, и раньше нестабильное, бурлило, раскалываясь на несколько полюсов. Хорошо, что проект города под куполом учитывал особенности миров с магнитными аномалиями, и там даже на нижних уровнях стояла дополнительная защита, позволявшая переносить кошмарные колебания довольно-таки легко. Сильфидская электроника тоже имела повышенный уровень устойчивости. Однако на этот раз удар оказался слишком сильным.

— Мать вашу! Что с приборами! — крепко выругался обычно сдержанный Деев.

— Очередная смена магнитного полюса, — обреченно пояснил Пабло, пытаясь реанимировать взбрыкнувшую систему.

— Да что ты там мельтешишь, служивый? — не упустил случая то ли поддеть, то ли поддержать Супер Льва Шварценберг. — Али не приходилось хаживать по ССКП?

— Система «смотри, куда прешь» у нас давно отлажена, — заверил старого контрабандиста Гу Синь, пытаясь выровнять машину в начинавшейся жесткой болтанке. — Даже запасной стакан одолжить можем, если у вас своего нет.

— Зачем стакан? — недоуменно встрял в разговор Чико.

— Вместо ватерпаса использовать при выравнивании машины, — без тени насмешки в голосе отозвался Йохан Дален.

— Мы так «Павла Корзуна» сажали, — подтвердил Лев Деев.

Пабло только яростнее вцепился взглядом в приборную панель, стараясь не обращать внимание на жестокую турбулентность.

Впрочем, любые прихоти воздушных потоков и завихрения магнитного поля меркли перед опасностью все возраставшей сейсмоактивности. Прямо под взлетным полем назревал огромный вулканический нарыв, и его выход на поверхность мог положить конец не только их спасательной операции, но и самому существованию города. Взлетно-посадочная полоса бугрилась зигзагами и ходила ходуном, расползаясь трещинами.

И не хуже раскаленной магмы бурлило человеческое море. Люди в страхе забыли давно объявленный и со всеми согласованный порядок посадки, пытаясь улететь все и сразу, а маргиналы, прокладывая себе дорогу к спасению, пускали в ход не только кулаки, но и оружие.

— Да что ж они делают? Helvete! — ругался Йохан Дален.

— Соблюдайте очередность, не задерживайте отлет! — пытался призвать горняков к порядку Гу Синь.

— Марки, если твои копатели не уймутся, я прикажу открыть огонь, — грозился Шварценберг. — Я не Дед Мороз, и грузоподъемность у шаттлов не бесконечная.

— Взлетаем, — распорядился Лев Деев, видя, что еще немного, и от взлетного поля останется лишь воспоминание.

— Марки, уводи людей! — надрывался Шварценберг.

Пабло с тоской думал о Савитри и Ндиди. Хотя им удалось уговорить часть мутантов покинуть город, но путь в убежище мог оборваться, не начавшись: рудник и неукрепленные переходы на уровне могли в любой момент обрушиться.

На этот раз взлет оказался едва ли не сложнее посадки. Планета словно не хотела отпускать переполненные челноки. А раскаленный пепел, облака которого выбрасывали десятки жерл,

раскрывшихся на перевале Большого кольца, не только сужал поле обзора до минимума, но и создавал нешуточные помехи. Когда шаттл, который пилотировал Али, клюнул носом и ушел в крутое пике, вопль ужаса не сумели сдержать даже матерые космические волки и прожженные уголовники. На борту находилось не менее сотни человек. В последний момент пилоту удалось выровнять машину, но он отклонился в сторону гор, и его челнок ощутимо приложило о скалы.

— Говорил я им, что корабль не резиновый, — с горечью покачал головой Лев Деев, понимавший, что причиной аварии стала не столько ошибка пилота, сколько общая перегруженность машины.

— Лучше бы он был резиновым, — огрызнулся Шварценберг, инструктируя Али по подъему шаттла, лишившегося одного маршевого двигателя и крыльев.

На борту «Эсперансы», где Брендан и врачи города уже начали оказывать помощь новым раненым, Пабло ожидали оптимистичные известия: Савитри и Ндиди вместе с мутантами благополучно добрались до убежища. Махарани, впрочем, радоваться не торопилась и считала свою миссию проваленной. Наиболее упорствующие сектанты отказались покинуть свои берлоги на нижних уровнях. Так-де им велел их святой Шатругна, голограммам которого теперь поклонялись и приносили подношения, прося о милости.

— Тоже мне пророка нашли, — отфыркивался, тяжело переводя дух, Ндиди, который помогал нести больных и ослабленных.

— Я так надеялась, что они хотя бы отпустят детей, — едва не плакала Савитри, прижимая к себе пятерых малышей, которых удалось отбить у обезумевших родителей.

— Было бы о ком жалеть, самим бы выбраться! — фыркнула Пэгги, которая хотя выглядела бодро и решительно, но ощутимо злилась на неразумных и лишенных логики людей.

Не в последнюю очередь боевой андроид беспокоилась о благополучии своей махарани и ее подопечных. Даже в укрепленном убежище, сотрясаемом новыми толчками, становилось небезопасно, а на месте взлетного поля и рудника разливалась огненная река. Кора планеты разошлась, словно по шву. От перевала Большого Кольца начинался гигантский разлом, в который медленно, но неотвратимо сползал город.

— Шаттлы могут зависнуть над куполом и поднимать людей с помощью спасательных гондол и тросов, — в отчаянии предложил Лев Деев.

— Вы не успеете забрать всех, — покачал головой Маркус

Левенталь. — Под самым городом зреет еще один вулкан. Нам надо срочно уходить отсюда.

— Вы сможете приземлиться на это плато? — с мольбой глянул на спасателей Аслан, указывая на точку в горах, куда пока доходили только отголоски основных колебаний.

— Шаттл — машина неприхотливая, — заверил его Йохан Дален. — При должном старании сесть сумеет даже на пятачок размером с кепку моего дедушки.

— Вопрос в том, как вы туда доставите людей, — нахмурился Шварценберг.

В самом деле, в городе вместе с мутантами, которых вывела в убежище Савитри, все еще оставалось не менее двух тысяч человек.

— На такой случай мы несколько месяцев готовили погрузчики и танки, — пояснил Ндиди, объявляя посадку.

В головной машине, которую пилотировал он сам, в качестве штурмана ехал следивший за любимыми изменениями земной коры Аслан. Следом Пэгги и Савитри везли мутантов. Мубарек и дядюшка Хенк выступили замыкающими.

Маркус Левенталь пока оставался в городе. Поскольку места в машинах хватило не всем, а вести людей по засыпанной раскаленным пеплом пересеченной местности под угрозой камнепада пешком означало отправить их на верную гибель, шаттлы, словно спасающиеся от бури дельфины, еще раз нырнули в обезумевшую атмосферу планеты. Благо магнитное поле к этому времени хоть немного успокоилось, и систему удалось перенастроить.

Конечно, Пабло за годы службы десантировался и поднимался на борт самыми невероятными способами, включая телепортацию на платформу антиграва из рушащегося здания. Однако подъем людей с помощью гондол, а фактически сеток для грузов, наблюдал и осуществлял впервые. Риск при проведении подобных операций неизбежно возрастал из-за того, что неправильное распределение груза в гондоле могло опрокинуть шаттл, а небрежный крепеж сетки грозил гибелью пассажирам. Именно это произошло, когда на борт поднимался Маркус Левенталь. Как настоящий капитан своего ковчега, он вместе с группой старых инженеров и членов совета покидал город последним, когда почва уже буквально уходила из-под ног, и проверить сетку не хватило времени. Хорошо, что страховочные тросы не подвели. Хотя без травм, конечно, не обошлось.

— Ну и горазд ты летать, Марки, — приветствовал старого друга Шварценберг.

— А ты, Задира, еще утверждал, будто сачка у тебя нет, —

прокомментировал свое спасение Маркус Левенталь, с усилием вправляя вывихнутое во время падения плечо.

Боли он, кажется, не почувствовал, поглощенный величественным и жутким зрелищем внизу. Когда все эвакуированные заняли места на борту, и шаттлы перед стартом на орбиту делали разворот над руинами города, остатки купола с жутким грохотом сложились внутрь, а уже через час на этом месте образовался вулканический кратер.

— Надеюсь, Ндиди и остальные сумеют добраться до назначенного места, — не смог сдержать волнения Пабло, прикидывая, что, если бы не идея с танками, те горожане, которым не хватило места на этот рейс, оказались бы в огненной геенне.

— В крайнем случае подстрахуем с помощью тросов, — пообещал, закладывая крутой вираж, Лев Деев.

В годы процветания города к горному плато, которое использовалось геологоразведчиками и охотниками как перевалочная база в кольцевых маршрутах, была проложена сносная трасса. Сейчас ее остатки представляли собой густо присыпанное не прекращавшим падать пеплом жуткое нагромождение камней, обломков скал, пластов остывающей лавы. Но беженцам выбирать не приходилось. Хорошо, что головной танк, которым управлял Ндиди, имел функции проходческого щита, а другие машины вместо тросов успели оснастить шагающими конструкциями на случай непредвиденной переправы. Все-таки за последние пять лет, когда город не испытывал нужды в средствах, техническая мысль на месте не стояла.

— Эх, нам бы такие щиты на рудниках Леи, — заметил Шака, наблюдая с орбиты, как Ндиди, почти не снижая темпа, расчищает трассу от лавы и валунов.

Пэгги и остальные водители ему помогали, отбрасывая камни манипуляторами.

— Да какая там Лея, — возразил Эркюль, наблюдая, как танки выбираются из-под камнепадов. — Эти машины пригодились бы и революционерам на Раване. Ты только посмотри, какая броня!

— В трюме, конечно, осталось немного места, но вряд ли шаттлы выдержат еще один рейс, — покачал головой Йохан Дален.

Пабло следил за приборами и молчал, лишь временами бросая взгляд на окно монитора, следя за продвижением колонны, чей путь все больше напоминал ночной марш-бросок через болото. Только вместо воды и вязкого ила под ними в

любой момент могла развернуться бездна огня, а обзор помимо извечной тьмы закрывали пыль и пепел. Проходческий щит уже почти не помогал, половина шагающих конструкций оказалась обломана, но танки упорно продвигались к плато, куда уже приземлился шаттл Льва Деева.

— Прости, что заставили себя так долго ждать, — на борту «Эсперансы» крепким рукопожатием приветствовал Брендана Ндиди.

Тот, не обращая внимания на стерильность, сжал шурина в объятьях, а потом поспешил засвидетельствовать почтение Савитри. На более бурное изъявление чувств не хватало сил. Впрочем, махарани и ее супруг, несмотря на все потрясения, отдыхать пока не планировали, спеша проследить, как устроились их подопечные.

В жилых отсеках царило оживление. Пахло кутулушьей тушенкой, мылом и свежим постельным бельем. Ближе к медотсеку к этому коктейлю примешивался запах лекарств. Не просто так Брендан, готовясь к рейсу, опустошал медицинские склады, тоннами закупая лекарства и оборудование. Почти половине спасенных требовалась та или иная помощь. Зато вывезли всех, не считая сектантов, которые сами выбрали свою судьбу. Хотя Шатругна Нарайан, как утверждали Савитри и Кристин, после смерти сумел отомстить, лишив Маркуса Левенталя его города, людей удалось спасти.

Впрочем, по сути спасательная операция только начиналась. «Эсперансе» и «Нагльфару» предстояло опровергнуть классические теории, совершив прорыв за пределы горизонта событий, преодолеть который не способен даже свет. Другое дело, что оснащенные варп-двигателем звездолеты для того и использовали принцип перераспределения темной энергии, чтобы перемещаться быстрее скорости света, искусственно создавая вокруг корабля модель черной дыры. И хотя расчёты были сделаны заранее, а текущие параметры указывали на то, что зону сингулярности они должны благополучно преодолеть, используя принцип излучения Хоккинга, Пабло не покидало ощущение, что какую-то важную характеристику они упустили, и что-то идет не совсем так.

Впрочем, переход, а вернее прорыв, произошел успешно. Корабли благополучно перешли на маневровые двигатели в системе Каллиопы. Только бортовой хронометр отказал, а другие часы показывали какую-ту дичь. Да и устройства межсети вели себя как-то странно, спутав все системы кодов и не желая обеспечивать стабильную связь. Когда же Пабло по аварийному протоколу удалось связаться с диспетчерской Каллиопы и послать

запрос на посадку, его сначала встретило гробовое молчание, за которым последовало ультимативное требование обозначить себя.

— Да они что там, сдурели? — обиделся Шака. — Всего пару месяцев назад вылетели, и они уже нас в упор не хотят узнавать.

— Может быть, у них за это время революция произошла? — предположил Эркюль.

— Или полетела система, — внес свою лепту Чико.

Шварценберг недоумение своих людей разделять не спешил и только многозначительно переглядывался с Левенталем и Деевым, указывая на хронометр. Пабло тоже глянул на дату, которую выдали синхронизировавшиеся с местным временем молекулярные часы, и ему сделалось не по себе. Система неумолимо выдавала, что с начала их экспедиции прошло уже пять лет. Внутри горизонта событий отсутствуют понятия пространства и времени, и черная дыра на прощание сыграла с ними еще одну жестокую шутку. Конечно, небольшое путешествие во времени представлялось ничтожной платой за спасение нескольких тысяч человек. Но как все эти годы жили их близкие, которые наверняка оплакивали их, считая погибшими?

И в это время в диспетчерскую Каллиопы вбежали трое крепких, плечистых парней, в которых Пабло не без труда признал младшего брата Алехандро, княжича Синеглаза и Смбата. Все трое значительно возмужали и были облачены в броню подразделения «Барс».

— Пабло?

— Отец?

— Кэп? Махарани?

— Это действительно вы?

— Как мама? Что с Кристин? Я никак не могу с ней связаться.

Пабло не мог сдержать вопросы, хотя и понимал, что оператору сети сейчас следует спрашивать о другом. Маркус Левенталь молчал, но новостей о дочери ждал с таким же нетерпением.

— Мама на Сербелиане с маленьким Паблито, — словно о чем-то само собой разумеющемся сообщил Алехандро, передавая на борт «Эсперансы» голограмму племянника.

— А Кристин сейчас подойдет, — добавил Синеглаз. — Она же тоже слышала зов махарани.

— Кузина выйдет на связь через пару минут. Только закончит операцию, — пояснила Савитри, вызвав у Пабло и Маркуса Левенталя новые вопросы.

— Что за заварушка у вас тут происходит? — раньше других оценил ситуацию на планете Саав Шварценберг. — Какие

операции, какие раненые? Почему вы все тут околачиваетесь в военной броне? Да и что моя посаженная дочь забыла в этой дыре, почему бросила свои исследования и сына?

— Ах, ну да. Вы же ничего не знаете, — спохватился Смбат, который тоже успел рассказать последние семейные новости Аслану.

Оказалось, после коллапса черной дыры в треугольнике Эхо и исчезновения «Эсперансы» и «Нагльфара» альянс Змееносца счел, что Содружество Независимых миров утратило преимущество, связанное с приобретением варп-двигателя, и, не давая опомниться, начал полномасштабную агрессию сразу по отношению к нескольким мирам.

Первым удар ощутил многострадальный Ванкувер, где следом за боями в системе последовала высадка десанта, и сейчас шли изнурительные позиционные бои. Затем была попытка атаки на Лею, которую удалось успешно отбить. В ближайшие недели ударная группировка космических сил Альянса намеревалась выдвинуться по направлению к Васуки, и Алехандро с Синеглазом и Смбатом как пилоты Звездного флота Содружества, проведя эвакуацию раненых с Ванкувера, готовились к встрече с врагом.

Впрочем, самые невероятные новости касались Савитри. Поскольку на Сансаре ее сочли погибшей, а на Раване, не оставив наследника, скончался раджа, кшатрии воспользовались ситуацией и осуществили давно вынашиваемую мечту по захвату власти. И теперь на планетах Альянса по сути правила хунта, подчинившая политику и экономику беспощадной военной машине.

— Если удастся отстоять Васуки, я буду рад принять Вас, махарани, во дворце Владык, — церемонно поклонился Синеглаз, за эти годы из угловатого мальчишки превратившийся в двухметрового красавца с манерами записного сердцееда.

— У Савитри есть прекрасный дом на Сербелиане! — многозначительно переглянувшись с Пэгги, заверил его Ндиди, который еще на борту поведал о возмутивших его планах махарани принести себя в жертву во имя блага Сансары и безопасности любимого и его родных.

Они с Пэгги перед отлетом думали, как эту самоубийственную идею пресечь, но обстоятельства сложились, можно сказать, в их пользу.

— Надеюсь, правительство Содружества примет махарани в изгнании и ее наиболее верных подданных, — указывая на притихших мутантов, величаво кивнула Савитри.

— В противном случае мы построим новый мир на моем родном астероиде АК-4774, — добавил Шварценберг. — Благо у

нас есть оснащенный варп-двигателем корабль!

Он уже даже начал прикидывать, удастся ли возродить родную планету за счет добычи руды на соседних астероидах, а Йохан Дален и Маркус Левенталь признали, что идея не лишена смысла.

Брендан и Ндиди с Савитри тем временем связались с Эйо, и теперь махарани и ее любимый вместе с Пэгги общались с племянниками, дав Вундеркинду возможность поговорить с женой. Брендан уже знал, что Рукодельница, хотя и не чаяла его дождаться, надела прежнюю маску Недотроги, не подпуская близко других мужчин. Сейчас она перепрофилировала свою фабрику на пошив военной формы и прочие нужды армии.

Алехандро поспешил уверить Пабло в том, что Кристин все эти годы тоже занималась только воспитанием сына и наукой. Когда же объявили мобилизацию, она быстро вспомнила медицинские навыки и после недолгой практики на Сербелиане записалась добровольцем в бригаду военных врачей полевого госпиталя на Ванкувере.

— Кристин всегда была неравнодушным человеком, — покачал головой Маркус Левенталь. — Но военно-полевой госпиталь — это даже для нее слишком.

— Меня просто впечатлил рассказ сеньоры Эстении о том, как она отмолила тебя на Ванкувере, — уже во время свидания на Каллиопе призналась Пабло любимая. — Я подумала, а вдруг и у меня получится.

Пабло только целовал ее натруженные руки, милые усталые глаза, перебирал короткие почти как после болезни волосы, в которых в любимом сусальном золоте появилась преждевременная седина. Хотя о «воскрешении» мужа и отца Кристин узнала еще от Савитри, впервые поднявшись на борт «Эсперансы», она не сумела сдержать слез. И к полному недоумению маленького Паблито в голос рыдала сеньора Эстениа, особенно когда узнала, что встреча с невесткой и сыновьями откладывается до окончания боевых действий.

Пабло, конечно, тоже переживал, что опять не сможет обнять мать и пообщаться с сыном. Однако он штудировал изменившиеся за пять лет коды, консультировался с коллегами, перенастраивая бортовые системы «Эсперансы», помогал Савитри и Ндиди устраивать судьбу мутантов. Присутствие Кристин, которая вместе с Бренданом выхаживала раненых, бодрило и освежало, точно морской бриз, а планы Маркуса Левенталя оснастить варп-двигателями весь Звездный флот вселяли оптимизм. Он знал, что сила притяжения его семьи и друзей сильнее любого горизонта событий, и был готов за эту маленькую

вселенную сражаться.

Глава 44. Сын асура

Вражеский истребитель догорал где-то вдалеке. Вернее, даже не догорал, а, осветив тьму космоса короткой вспышкой реакторного топлива и кислорода, быстро погас и исчез из поля зрения, превратившись в обычный мусор. Второй противник с подбитым маршевым двигателем опасности тоже уже не представлял. Поэтому Синеглаз не стал тратить на него плазму, а сосредоточился на том, как перенастроить магнитные ловушки и с поврежденной ходовой частью дотянуть до своих. Хотя понятие «свои» для него в последнее время стало слишком расплывчатым и запутанным.

Как он мог так бездарно попасться в ловушку более простую и примитивную, нежели кавучья яма, в которую в травяных лесах загоняют докучливых хищников, запалив костры и пугая животных громкими криками и ударами в бубны? Страх — это сильное чувство. Особенно за тех, кого любишь и кем дорожишь. И если ему поддаться, можно таких глупостей натворить — всю жизнь не отмоешься. Хоть кожу сдирай. Но что это знание дало, когда ему просто не оставили выбора? И ведь он точно знал, что змееносцы не всегда держат обещания, данные даже своим. А он, несмотря на высокое происхождение, для них так и остался забавной зверушкой, сыном варварского царька.

И что толку теперь пенять на непроходимую тупость и недальновидность отца, который хоть и манипулировал сыном как хотел, а в международной политике разбирался не больше, чем зенебок в самоцветах? Какой смысл оправдываться тем, что пытался спасти родную планету, ибо не хотел, чтобы край травяных лесов превратился во что-нибудь похуже, чем Пустыня гнева?

Можно, конечно, попробовать отбиться. Но это уже летающим воронам на смех. Мечи из надзвездных краев хороши только для увещевания варраров и прочих неуемных соседей. Против бластеров с ними много не навоюешь. А спрятанное где-то в травяных лесах оружие возмездия, пресловутые Молнии Великого Се, до которых хочет добраться Альянс, похоже, не более чем легенда. И почему Маркус Левенталь сгинул в Треугольнике Эхо, забрав с собой оба корабля и махарани Сансары? Или это свою посмертную гекатомбу получил Шатругна Нарайан?

Энергия аккумуляторов стремительно приближалась к нулю: слишком много приходилось тратить на стабилизацию магнитных ловушек. Если по дороге до базы он напорется на истребители Альянса, его просто порвут на пиксели или возьмут в плен, как

Олега Арсеньева, на которого теперь пало подозрение в утечке. Эх, почему он не рассказал обо всем Семену Александровичу? Зачем закрылся от Кристин? Но что бы тогда стало с матерью и с ним?

Впрочем, теперь в терзаниях нет никакого толку. Ванкувер для Содружества потерян. Над остальными мирами нависла угроза. И говорить, что в этом виноват тот, кто слил информацию, а не тот, кто его обработал и свел с нужными людьми, просто смешно. И почему он не отправился в тот роковой рейс с Саавом Шварценбергом?! Уж лучше бы сгинул вместе со всеми в черной дыре.

Известие о том, что «Нагльфар» и «Эсперанса» попали в зону сингулярности и скорее всего погибли вместе с планетой на орбите красного карлика, застало княжича на Васуки и не только вызвало шок, но и спутало все планы. А он-то так надеялся, что Саав Шварценберг убедит князя Ниака отпустить наследника в Академию Звездного флота.

— А я всегда говорил Сааву, не доведет его эта благотворительность до добра, — не без злорадства прокомментировал новость отец.

Потери связи с Большим миром и рынками сбыта рабов и руды он не боялся. Уже когда Синеглаз летал со Шварценбергом и Пэгги на Сансару, на Васуки тайно высадились эмиссары Альянса, на которых князь Ниак смотрел исключительно как на союзников и избавителей. Напрасно Синеглаз пытался раскрыть отцу глаза, в который раз объясняя, что трансгалактические корпорации стремятся лишь выкачать недра Васуки, а высоколобые ученые брахманы жаждут овладеть скрытыми в травяных лесах артефактами.

Князь Ниак, не найдя других аргументов, залепил сыну увесистую оплеуху. Княжич удержался на ногах лишь потому, что был к ней готов. А ведь в отличие от князя Ниака к своим восемнадцати годам он уже побывал на многих планетах, включая несчастную АК-4774, где владельцы горнодобывающей компании после оскудения шахт просто бросили оставшихся колонистов на произвол судьбы!

— Не говори о том, чего не понимаешь! — с досадой глянул на Синеглаза отец. — Я вижу, ты слишком долго общался с Обезьяньим богом, который забил тебе голову своей вольнодумной дурью. Надеюсь, в Высшей школе Космических сил Альянса ее из тебя выбьют! А что до моих друзей, то пока они мне дают деньги, на которые я покупаю наемников, чтобы бороться с бунтовщиками. А если бы не твои приятели-вестники, то братья с Раваны давно бы уже снабдили нас лучевым оружием, и мы бы

вернули асурам утраченное могущество, покорив не только край травяных лесов, но и всю планету!

Отец аж затрясся, воображая эту желанную для него картину, а Синеглаза невольно передернуло от отвращения, когда он представил себе эту чудовищную в своей несправедливости резню. Княжич, конечно, родился асуром и по желанию отца по-прежнему менял облик. Но он все еще старался оставаться человеком.

— Зачем ты все время ему перечишь? — прикладывая к распухшей щеке сына снимающие боль снадобья, увещевала его мать. — А что, если твой отец возьмет другую жену или отыщет и назначит наследником ребенка той разлучницы из надзвездных краев?

Синеглаз только крепко обнял свою несчастную мать, обещая, что сделает все, чтобы ее защитить. Царевна Страны Тумана опасалась не зря. Первая красавица своей земли, в молодые годы она почти не уступала прелестью царице Серебряной и ее подругам. Однако в браке с князем Ниаком быстро увяла, превратившись в забитую испуганную женщину, болезненно воспринимавшую бесконечные измены мужа и не имевшую сил, чтобы ему сопротивляться.

Синеглаз и сам понимал, что обретший могущественных покровителей узурпатор может запросто выставить их с матерью из дворца. Впрочем, этого он как раз почти не опасался. Даже если не удастся добраться до Сербелианы, где их ждали с распростертыми объятьями, какой он мужчина и воин, если не сможет защитить и прокормить мать. Другое дело, если отец захочет навсегда запереть его в облике роу-су. А князь Ниак вполне был способен это сделать просто ради того, чтобы покарать или проучить. И все же княжичу совсем не хотелось из-за амбиций отца становиться пешкой в чужой игре.

— Не переживай. В Высшей школе Космических сил наверняка тоже есть чему поучиться, — как могла успокаивала княжича Кристин, с которой он продолжал общаться по ментальной связи. — Да и Равана — красивая планета, ничуть не хуже Васуки или Сербелианы.

Синеглаз соглашался, стараясь поддерживать и лишний раз не докучать. И так в первые недели, не в силах пережить потерю любимого мужа и отца, она выплакала столько слез, что во время родов не имела сил даже кричать, единственный смысл жизни обретя лишь в воспитании сына.

Впрочем, Кристин и Синеглаз все еще цеплялись за невероятную, почти невозможную надежду. Они по-прежнему ощущали отголосок ментальной связи с Савитри. Это походило

даже не на те разы, когда принцесса пребывала в беспамятстве, а скорее на тот волнующий момент, когда они с Кристин ждали выхода из зоны темной материи, лежа в амортизаторе.

— А что, если ученые ошиблись, и планета не разорвалась? — штудируя вместе с сеньорой Эстенией и Эйо статьи по астрофизике, строила невероятные гипотезы Кристин. — Возможно, Пабло, отец и остальные все еще живы и находятся в городе. Просто не могут преодолеть горизонт событий черной дыры.

Хотя Синеглазу очень хотелось с ней согласиться, он слишком хорошо помнил последний сеанс связи с Савитри, во время которого махарани жаловалась, что планета буквально рвется на части и до прибытия кораблей может утратить целостность. Он скорее взялся бы предположить, что «Эсперанса» и «Нагльфар» попали в один из парадоксов Эйнштейна, о которых в портовых кабаках, конечно, травили анекдоты разной степени сальности, но которые по-прежнему случались. В результате одного из таких феноменов, по словам знатоков Предания и царицы Серебряной, в травяных лесах Васуки оказались скрыты так называемые «Молнии Великого Се», много столетий назад превратившие бывшую столицу асуров в Пустыню Гнева.

— Возможен и такой исход, — обреченно соглашалась с княжичем Кристин. — Особенности варп-двигателя до конца не изучены, как и свойства черных дыр. Пабло и его родные верят, что Дин, Клод и Петрович не погибли, а поневоле совершили путешествие во времени, и мой отец говорил, что скорее всего все произошло именно так. Он потому и не смог закончить работу над боеголовками нового образца, поскольку не знал, как преодолеть негативные свойства отдачи.

Она скорбно замолчала, и княжич сменил тему, не желая бередить ее раны. Кристин переживала еще и потому, что после исчезновения «Эсперансы» политическая риторика Альянса, и прежде не отличавшаяся миролюбием, стала слишком пафосной и агрессивной. А столкновения на границе грозили перерасти в полномасштабный конфликт.

— Твой отец здесь ни при чем, — как мог успокаивал Кристин Семен Александрович. — Змееносцы давно искали повод начать эскалацию и развязать войну, а приход к власти военных отсрочивали только условности монархической кастовой системы и сильные лидеры вроде почившего Шатругны Нарайна.

В самом деле, официально объявленная гибель принцессы Савитри стала лишь поводом для передела власти. Нынешние правители Альянса, среди которых князь Ниак теперь искал себе советников, выглядели настоящими хищниками, одержимыми

идеей галактического господства. И княжичу совсем не хотелось делаться заложником в их политической игре.

— Не бойся, малыш! — через Кристин поддерживал его Семен Александрович. — У Альянса не самые плохие пилоты. В Высшей школе Космических сил тоже есть чему поучиться.

Синеглазу ничего не оставалось, как совету последовать, тем более что во время путешествий на «Нагльфаре» основные азы навигации он уже освоил, да и на Васуки регулярно практиковался на стареньком вертолете, собранном, считай, из списанных запчастей, выделывая горизонтальные восьмерки, спирали и круговые развороты.

Конечно, в дни пребывания в облике роу-су даже несложный маневр вызывал у него дискомфорт. А уж разные петли, бочки, иммельманы, ранверсманы, хаммерхеды и прочие фигуры высшего пилотажа, которые Шварценберг осуществлял, уходя от патрульных Альянса, вызывали неудержимые приступы тошноты и слабости. Но отец его все-таки щадил и обращениями не злоупотреблял, да и кураторы относились с пониманием, уважая в нем древнюю кровь тотема.

Однокурсники, понятное дело, посмеивались, называя мохнатой задницей и кошаком. Синеглаз не обращал внимания, предпочитая отыгрываться во время практических занятий на орбите или на семинарах. При этом никогда не отказывался, если его звали погонять на флаерах или поразвлечься в ночном клубе в компании девиц самого сомнительного толка. Конечно, в отличие от избалованных отпрысков семейств из привилегированных каст, он имел не только любовный опыт, но и боевой. Столкновения с варрарами на границе или стычки с мятежниками, когда от топота и рева закладывает уши, а грозные рога зенебоков и летящие со всех сторон обломки сминаемых стеблей травы могут нанести раны не хуже меча, требовали недюжинного мастерства и закалки. Вот только даже самая жаркая рукопашная схватка не могла заменить упоение скоростью во время полета, да и запуганные обитательницы отцовского гарема не шли ни в какое сравнение с искушенными жрицами любви.

Другое дело, что его развлечения никак не отражались на учебе. Тонкости пилотирования и дисциплины экономического блока, который Синеглаз взял второй специализацией, полагая, что эти знания пригодятся, если отец все-таки передаст ему власть, княжич постигал с такой же неуемной жадностью и упорством. А еще он не уставал любоваться красотами Раваны.

Кристин оказалась права. Синеглаза с первого взгляда покорили суетливые муравейники деловых центров, где только разветвленная паутина защитных полей могла регулировать и

разделять в воздухе транспортные потоки, а каскады висячих садов и теряющиеся в облаках ажурные башни казались прекрасным наваждением. Он мог часами бродить под гулкими сводами древних храмов, напоминавших Святилище Великого Се и другие циклопические сооружения, уцелевшие в Сольсуране от прежних эпох. И все же его не оставляла мысль о том, что все эти сокровища и блага достигнуты не только непомерным трудом, но и за счет хищнического захвата ресурсов в окраинных мирах, одним из которых могла стать и Васуки.

Так прошло три года. И Синеглаз, чередуя размеренные будни учебы с бурными выходными и ночными загулами, вроде бы ни о чем не жалел. Втайне он даже начал надеяться, что о нем просто забыли, хотя с тревогой наблюдал, как нарастает напряжение в пограничных мирах, и как много военных стягивается на Равану. Преподаватели все чаще сбивались на разговоры о международной политике: обвиняли Содружество в развязывании информационной и торговой войны, напоминали курсантам о том, что поскольку кшатрии созданы из рук брахмы, защищать интересы Альянса — это их священный долг. Участники политических шоу приводили примеры из истории: вспоминали противостояние асуров и Семма-ии-Ргла, живописали печальный исход с Васуки и героическое освоение планет Рас-Альхага. Выпускники спешно сдавали экзамены и отправлялись к Ванкуверу, в системе которого уже велись полномасштабные военные действия. Студенты младших курсов им отчаянно завидовали.

— Пока будем отрабатывать эти учебные бои, уже и война закончится! — переживал сосед Синеглаза по кампусу Акрам.

— На наш век хватит, — лениво потягиваясь, отозвался княжич.

Для него война началась с вызова в деканат, где его ждал крепкий подтянутый мужчина в штатском, показавший удостоверение военной разведки «Кобра».

— Княжич Нила Акки, вы готовы послужить на благо родной планеты, сражаясь в рядах нашего подразделения?

Хотя сердце Синеглаза пропустило удар, виду он не подал и согласие дал сразу, поскольку для себя уже давно все обдумал и решил. Он и вправду всем сердцем ратовал за родную планету, любым способом стараясь избежать ее превращения в отсталую колонию Альянса. И помочь ему могли только друзья-вестники из Содружества.

— Ты хоть понимаешь, что игра на двух полях очень опасна? — переживала за него Кристин. — Даже опытным разведчикам вроде моего мужа не всегда удавалась роль двойного

агента.

— Я справлюсь, — заверил ее Синеглаз, невольно вспоминая плен Пабло Гарсиа.

Пыток он не боялся. Он же не мог предположить, что к нему применят другие методы? Похоже, ему просто вскружила голову перспектива встречи со старыми друзьями и возможность летать на боевых кораблях, сражаясь за Содружество.

Для начала он посетил Сербелиану. В гостях у Кристин и родных Пабло Гарсиа ему всегда дышалось легко, а мохнатые и усатые питомцы кузины, видимо, ощущая в княжиче родича, на время его визитов перебирались к нему в комнату. К тому же Синеглаз хотел посмотреть, как подрастает маленький Паблито. Непризнанный принц Сансары, к счастью, не имел жабр, но совершенно не боялся океана, с удовольствием общался с маминым подопечными из стаи китовых акул и плавал едва ли не лучше, чем ходил.

Жаль только, сама Кристин не могла сейчас уделять своим исследованиям и сыну достаточно внимания. Военный конфликт на Ванкувере разрастался, и находящаяся в глубоком тылу Сербелиана превратилась в оборонное предприятие и планету-госпиталь. Кристин, конечно, не могла остаться в стороне, тем более что и ее свекор Семен Александрович переоборудовал свой старенький грузовик «Гризли» в санитарный корабль.

Первый боевой вылет Синеглаз и Алехандро совершили под его присмотром и не только уцелели, намертво прицепившись к борту «Гризли» и хвосту ведущих истребителей звена, но и сумели подбить двух противников из эскадрильи, атаковавшей их конвой.

— Как ощущения? — спросил по прибытии к месту назначения Семен Александрович.

— Думал, будет сложнее, — пожал плечами Алехандро.

— Вам в этот раз просто повезло, — нахмурился его отец и, конечно, оказался прав.

Уже в следующем бою им пришлось вспомнить все, чему их учили, когда возникшие неожиданно змееносцы пытались рассеять боевой порядок и добраться до «Гризли», на борту которого находились раненые. Синеглаз, конечно, знал, что под броней атакующих могли оказаться его соученики из Высшей школы и даже товарищи по ночным похождениям. Но боеприпас прицельно расстреливал безо всякого сожаления. Он потому и не сближался ни с кем, поскольку знал, что с этими ребятами придется еще встречаться не в учебном бою. Другое дело, что Семена Александровича, Алехандро и Кристин он привык считать своей семьей.

Первые полгода его донесения, в которых дезинформация, полученная от командования Содружества, умело разбавлялась правдой, руководство «Кобры» устраивали. Княжич ловко водил Альянс за нос, сливая устаревшие данные и рекомендуя для вербовки бойцов сопротивления и разведчиков-нелегалов. Взломать и вычислить его не могли. Все-таки даже без Пабло Гарсиа операторы Содружества реагировали быстрее и владели более совершенным программным обеспечением. К тому же наиболее ценную информацию он передавал по ментальной связи через Кристин, тщательно закрываясь от отца.

Он только упустил из виду, что князь Ниак лучше других знал своего старшего сына. Или княжич не сумел достаточно надежно защитить сознание, когда в очередной раз оборачивался роу-су? И почему он, получив от отца ментальный зов с требованием срочно вернуться на Васуки, не заподозрил неладное? Но ведь во дворце Владык фактической заложницей оставалась его мать.

— Мальчишка! Щенок! Ублюдок! Недоносок! Собственных потрохов на обед захотел? Так я это могу устроить. И не погляжу, что ты мой сын!

Запас ругательств у князя Ниака казался неиссякаемым. А в попытке увернуться от ударов тяжелого резного скипетра Синеглаз едва не устроил во дворце пожар, опрокинув наполненный горящим маслом светильник на ажурном треножнике. Хорошо, что расторопные слуги, привыкшие к вспышкам гнева своего властелина, быстро все потушили.

— Неужели ты вообразил, будто умнее меня, будто я за тобой не слежу и не понимаю, что ты спишь и видишь, как отдать Васуки на откуп этим твоим вестникам? — опрокинув сына на скользкий от паленого масла каменный пол и приставив к его горлу скипетр, прорычал князь Ниак.

В другой ситуации Синеглаз ни за что не оставил бы это обвинение без ответа. Тем более что произнесено оно было, словно в насмешку, подле искусно сплетенного из разноцветных стеблей травы ковра, изображавшего события у реки Фиолетовой. Но сейчас он решил промолчать и, не без труда повернув голову, сделал вид, что в просвет между тяжелыми колоннами разглядывает дворцовый сад. Пускай зовут палачей. Он сумеет проявить приличествующее воину мужество.

Но ему даже этого не позволили. Из-за злополучного ковра выступил знакомый агент в штатском.

— Вы нас разочаровали, княжич Нила Аки, — с сожалением проговорил он, отводя от горла Синеглаза скипетр и помогая ему подняться. — А ведь мы не только дали вам возможность

получить прекрасное образование, но и закрыли глаза на вашу дружбу с семейством Гарсиа. Хотя нам с самого начала было известно, что Кристин Гарсиа-Левенталь является правнучкой опасного мятежника Арвинда Вармы, и ее проживание на территории Содружества несет в себе угрозу для безопасности Альянса. И это если не говорить о ее муже и отце, которых сейчас считают пропавшими без вести. Впрочем, мы готовы и дальше позволять вам совершать боевые вылеты на истребителях Содружества и делать вид, будто последняя представительница династии и ее сын нас не интересуют, — продолжил он с улыбкой, больше похожей на оскал кавука. — Но для этого Вы, княжич Нила Аки, должны оказать нам одну мизерную услугу, завербовав некоего офицера из штаба Звездного Флота. Мы вам расскажем его биографию и послужной список, чтобы вы смогли подобрать рычаги воздействия, а информация, которую мы бы хотели от него получить — уже не ваша забота.

Хотя агент в штатском, который сейчас, чтобы не привлекать внимание, оделся зажиточным купцом или царедворцем, говорил тихо и очень вежливо, в его голосе звучала сталь, и Синеглаз невольно пожалел, что не остался лежать на полу. У него пересохло горло и предательски подкашивались ноги. Еще со времен путешествия в треугольник он умел держать удар, но оказался совершенно не готов к шантажу. Вероятно, если бы он в этот момент послал зов Кристин, они бы с Семеном Александровичем что-нибудь придумали и сумели бы спрятать ее от «Кобры».

Но помимо сестры на Васуки оставалась мать, и она полностью находилась во власти князя Ниака, который не преминул об этом сразу же напомнить.

— Попробуешь ослушаться или еще раз закроешь от меня сознание, — прошипел он сыну в ухо, до синяков сжав его плечо, — до конца жизни останешься в облике роу-су, а твою мать, которая воспитала такого никчемного сына, я отдам на развлечение наемникам, не поглядев, какая она там царица.

Именно эта угроза окончательно Синеглаза сломала. Двенадцатилетним мальчишкой он не испугался профессора Нарайана, но тогда он отвечал только за себя, да и что по сути мог ему сделать слишком занятый событиями в городе глава научного отдела? Сейчас княжич чувствовал себя скованным по рукам и ногам. Скорчер он оставил в своих покоях. У дверей и в коридорах, ведущих на женскую половину дворца, караулили наемники, а до вертолета отец и советник из Альянса все равно добрались бы быстрее. Да и куда лететь? Даже если бы они с матерью дотянули до Страны Тумана, отец бы их и там достал.

Вряд ли дядя Хонти, который тоже видел лучевое оружие в действии, захочет ввергать страну в кровавый хаос.

Поэтому Синеглаз вверг в кровавый хаос Ванкувер.

Впрочем, в тот момент княжич до конца не думал о последствиях, мечтая лишь о том, как вырваться из дворца, и чувствуя себя ничтожеством из-за того, что не может забрать с собой мать. Если бы он позаботился об этом чуть раньше, когда на Васуки тайно высаживались не эмиссары Альянса, а Саав Шварценберг! Впрочем, осторожный пират не хотел портить отношения со старым подельником, да и бедная мать, живущая в плену предрассудков, считала надзвездные края уже иным миром.

Вот тогда он осознал, что значит жизнь на коротком поводке. Отец контролировал каждый его шаг, буквально залезая в голову. Синеглаз, который представлял, сколько усилий старый асур затрачивает на постоянное поддержание ментальной связи, только злился от бессилия, не ведая, как его переиграть. Стоило ему лишь помыслить о бегстве или попытке связи с Семеном Александровичем и барсами, на руках и спине начинала отрастать серая шерсть, а перед глазами возникали омерзительные рожи наемников, срывающих с несчастной царицы последние покровы.

Особенно противно было врать Кристин, которая хотя и заподозрила неладное, понять ничего не могла. Тем более, она и сама сейчас что-то скрывала. Выходила на связь урывками, о себе и о сыне говорила мало. А среди картин, которые Синеглаз видел ее глазами, все чаще попадались пейзажи незнакомой планеты и операционные полевого госпиталя.

Указанного офицера он обработал без особых усилий, сыграв на честолюбии и обидах. И лишь несколько месяцев спустя узнал, что этот подонок за свои тридцать серебряников не только слил секретный план контрнаступления на Ванкувере, но и перевел стрелки на ни в чем не повинного Олега Арсеньева. А ведь парень просто не имел такого уровня доступа, хотя в плену у змееносцев его мытарили почти также жестоко, как и его отца. Впрочем, этот зазнайка, который, пользуясь отсутствием Синеглаза, вскружил голову сольсуранской царевне, свою участь заслужил.

Сам княжич к тому времени уже сражался на подступах к системе Ванкувера и вместе с другими пилотами никак не мог понять, почему тщательно выстроенный план рушится и расползается по швам, а Альянс теснит их по всем направлениям. Не случайно эту операцию называли не иначе как Ванкуверской катастрофой. Еще одно неприятное открытие ожидало его уже на планете. Он узнал, что Кристин, оставив сына с сеньорой Эстенией, присоединилась к Звездному флоту в составе бригады

военных медиков и находится на передовой наземных действий.

— Срочно свяжись с Командованием! «Драконы» Альянса прорвали фронт и движутся в сторону госпитальных блоков! У меня тут несколько сотен раненых! Прикрытие уничтожено, устройства межсети выведены из строя.

Получив это послание от Кристин, вернее, даже не послание, а вопль отчаяния, Синеглаз, который как раз находился на орбите планеты, врубил форсаж и помчался по указанным координатам, едва не сгорев в атмосфере. Информацию командованию он передавал, отбиваясь от целого звена истребителей Альянса, которых смел с пути, как стебли прошлогодней травы.

Глазами Кристин он видел Смбата, Прокопия, Цветана и других бойцов, пытавшихся остановить «Драконов» при помощи гранат, оснащенных системой отключения защитного поля. Проблема состояла в том, что бросать эти устройства приходилось с самого близкого расстояния, дедовским способом пропустив танки над собой. В это время Кристин и другие медики, среди которых находились и студенты первого и третьего курсов Камо и Камилла, с помощью уцелевших дронов выносили раненых из охваченных огнем блоков и грузили их на антигравитационные платформы. Впрочем, путь к эвакуации был уже отрезан, а разгромленные позиции Вооруженных сил Содружества выглядели хуже любых гноящихся ран.

— Пожалуйста, продержитесь еще чуть-чуть! — умолял Синеглаз.

На подступах к госпиталю, когда он уже расстреливал с воздуха неповоротливых «Драконов», к нему присоединился Алехандро.

— Почему ты не сказал, что Кристин находится в самой Хоаловой мясорубке! — напустился на него княжич, поливая противника плазмой, хотя вместо нее сейчас сгодились бы клокотавшая в сердце ярость и разъедавшее нутро кислотой чувство вины.

Если Кристин погибнет, его сделка со змееносцами станет еще более чудовищным обманом.

— Она просила тебя не тревожить. Дескать, у тебя и так какие-то терки с предками, — оправдывался младший Гарсиа, закладывая крутой вираж, чтобы избежать попадания из наземных орудий. — Она же суеверна, как моя мать! — пояснил он, продолжая преследовать остатки отступающей танковой группировки. — Решила, что таким образом сумеет вернуть моего брата и своего отца!

Эту атаку им все-таки удалось отбить, хотя часть раненых и врачей из крайнего блока погибли, раздавленные гусеницами

танков, и еще полтора десятка сгорели заживо и задохнулись в дыму. Кристин, Камо и Камилла чудом уцелели, отделавшись лишь легкими ожогами и опаленными волосами. Впрочем, с короткой стрижкой наследница рода раджей выглядела еще более женственно, а Камилла походила на настоящую воительницу.

А вот Ванкувер они потеряли, и агрессия Альянса грозила перекинуться на другие миры и в первую очередь на беззащитную Васуки. И вот теперь, пытаясь дотянуть до нейтральной окраинной Каллиопы, через которую после потери Ванкувера Содружеству приходилось перебрасывать грузы и раненых, Синеглаз размышлял о том, что, если бы он избежал той ловушки, все могло бы сложиться иначе.

Не встретив истребителей противника, он уже почти пришвартовался к одному из ржавых, но надежных и исправных дебаркадеров, когда почувствовал ментальный зов, исходивший не от Кристин и не от отца. Быть не может! Впрочем, дочь Маркуса Левенталя ожидаемо его опередила. Хотя и стояла в этот момент у операционного стола.

— Савитри! Неужели! Я все эти пять лет верила, что вы выберетесь! Где вы сейчас находитесь? Как папа? Где Пабло, Брендан и Ндиди?

— Все живы, все спаслись, скоро будем на Каллиопе, — бодро отозвалась махарани. — Но про какие пять лет ты говоришь?

На причале Синеглаза встретил слегка ошалевший Алехандро.

— Слышал новость? «Эсперанса» и «Нагльфар» вышли на связь и запрашивают посадку на Каллиопе.

Синеглаз лишь рассеянно кивнул. К этому времени они с Кристин не только ввели обескураженную махарани в курс дела, но и сумели убедиться, что и Маркус Левенталь, и Ндиди, и Пабло Гарсиа, и Саав Шварценберг, и Эркюль пребывают в добром здравии.

Хотя Синеглазу очень хотелось радоваться возвращению друзей, сердце подколодной змеей жалила глухая тоска. Если бы «Эсперанса» и «Нагльфар» вышли из зоны темной материи на несколько месяцев раньше, ему бы, возможно, не пришлось выполнять поручение Альянса.

— Какой-то ты, гардемарин, смурной, — после первых приветствий и причудливого переплетения объятий с подозрением глянул на княжича Шварценберг. — Что, папаша, говорят, совсем допек?

Синеглаз так ни в чем и не признался, хотя и понимал, что завербованный агент Альянса в штабе может натворить еще кучу бед. Княжич испытывал жгучий стыд. Особенно когда видел

освещенное сиянием бесконечного счастье лицо Кристин, которая, казалось, вместе с возвращением мужа и отца сбросила долой эти пять тягостных лет. Если бы он не испугался, если бы послал ей зов, это позволило бы спасти сотни и даже тысячи жизней. Впрочем, того злополучного штабного мог обработать любой другой агент.

Возвращение «Эсперансы» и «Нагльфара», конечно, существенно укрепило позиции Содружества. И хотя мирный договор, получивший название «Ванкуверских соглашений», многие бойцы, потерявшие в битвах за планету товарищей и близких, сочли унизительной сделкой, агрессию на Васуки и в другие миры удалось предотвратить. Синеглаз вернулся в Сольсуран подавлять повторявшиеся с пугающей настойчивостью мятежи, предаваться разного рода сомнительным наслаждениям и срывать раздражение на слугах и рабах. Цели в жизни он теперь не имел, и с принцессами Сансары общался редко и без особой охоты.

Кристин снова жила на Сербелиане: растила сына и появившуюся на свет через год после возвращения Пабло дочь, окружала заботой мужа, обихаживала отца, продолжала исследовать поведение акул. Савитри, возглавив свой фонд и получив доступ к счетам в окраинных мирах, вместе с Пэгги и Ндиди пыталась устроить судьбу мутантов, помогала беженцам с Сансары и финансировала Сопротивление, куда сразу же вступил Эркюль. Шварценберг, вспомнив старые связи, доставлял повстанцам оружие и оборудование. Через два года после возвращения из Треугольника махарани, воспользовавшись возможностями молекулярной биологии, родила сына. Военные правители Альянса пока сделали вид, что забыли о законных наследниках династии. Гораздо больше их интересовал Маркус Левенталь с его намерением вернуться к старым разработкам.

И тут опять в центре внимания оказался Сольсуран.

— Княжич Нила Аки! Какая приятная встреча! А я уж думал, что вы снова ввязались в какую-нибудь авантюру с этим старым смутьяном Шварценбергом или провалились в черную дыру, — приветствовал Синеглаза знакомый агент в штатском, пружинящей походкой входя в тронный зал дворца и с интересом разглядывая рельеф, изображающий победу царя Арса над Великим Асуром.

Хотя отец сразу после прихода к власти хотел уничтожить напоминавшую о жутком поражении композицию, а потом завесил ее пестрым синтрамундским ковром, агент Альянса велел ненужную драпировку убрать, и Синеглаз догадывался почему. Неведомый мастер эпохи исхода асуров во всех подробностях

запечатлел в камне космический корабль, подозрительно похожий на оснащенный спроектированными по чертежам Маркуса Левенталя боеголовками десантный звездолет «Пардус». Как гласило Предание, он и по сей день ждал своего часа, надежно сокрытый во глубине травяных лесов.

Об этом полулегендарном наследии по странному совпадению вспомнили и в Содружестве. Сначала в Сольсуран инкогнито пробрался лишенный наград и званий оклеветанный Олег Арсеньев. А следом за ним на планету высадились исследователи, чью экспедицию одобрил Совет Галактики. Среди прибывших с визитом в Царский град ученых Синеглаз со смешанными чувствами узнал Смбата Хашутогянца и того самого штабного, который сделал вид, будто они не знакомы. Впрочем, внимание княжича куда больше привлекли сольсуранская царевна и ее сестра.

— Что стал пнем? Али с девками из надзвездных краев никогда дела не имел? — докучливым тупым сверлом врезался в его мысли отец. — Пойди поздоровайся с царевной. Неплохо бы для укрепления нашей власти в Сольсуране напомнить ей о помолвке.

Синеглаз, конечно, не посмел ослушаться, хотя свою нареченную невесту почти не рассмотрел, отметив лишь, что она красива и похожа на мать. Тем более, девушка все равно считалась официально помолвленной с Олегом Арсеньевым. Вместо того княжич утонул в синих глазах дочери царицы Серебряной и ее первого мужа Клода Дюбуа. Хотя эту девушку, которую звали Лика, он видел впервые, ему казалось, что они знакомы уже много лет. И он точно знал, что она именно та, точеные руки которой он хотел бы украсить свадебными колокольчиками.

Синеглаз воровато оглянулся, спешно запрятывая нежданные мысли куда-нибудь поглубже, чтобы не узнал отец. Но князь Ниак увлеченно беседовал о чем-то с предателем-штабным и агентом Альянса, который, осев при дворе под видом советника, в обход Ванкуверских соглашений потихоньку переправлял на планету наемников и технику. Змееносцы, не преуспев с варп-двигателями, решили поверить в легенду о Молниях Великого Се и стремились их заполучить. Большая игра продолжалась. Поле битвы из надзвездных краев переместилось в Сольсуран, и Синеглаз надеялся, что на родной земле ему удастся взять реванш.

notes

Примечания

1

Чёрная звездá — гипотетический космический объект, теоретическая модель которого является альтернативой модели чёрной дыры. Образуется, когда материя звезды сжимается со скоростью, существенно меньшей скорости свободного падения гипотетической частицы к центру своей звезды, при этом квантовые процессы создают поляризацию вакуума которая, в свою очередь, порождает вырожденный газ, препятствуя пространству-времени (и частицам внутри него) занимать одно то же место в одно и то же время. https://ru.wikipedia.org/wiki/Чёрная_звезда_(полуклассическая_гравитация).

2

Пульса́р — космический источник излучений, приходящих на Землю в виде периодических всплесков (импульсов). Представляют собой вращающиеся нейтронные звёзды с магнитным полем, которое наклонено к оси вращения, что вызывает модуляцию приходящего на Землю излучения. https://ru.wikipedia.org/wiki/Пульсар.

3

Кра́сный ка́рлик — маленькая и относительно холодная звезда главной последовательности, имеющая спектральный класс M или поздний K. https://ru.wikipedia.org/wiki/Красный_карлик.

4

Аккре́ция (лат. accrētiō «приращение, увеличение» от accrēscere «прирастать») — процесс приращения массы небесного тела путём гравитационного притяжения материи (обычно газа) на него из окружающего пространства. https://ru.wikipedia.org/wiki/Аккреция.

Дэви (санскрит) — богиня.

6

Кошала — в древнеиндийском эпосе «Рамаяна» мифическое царство, которым правил Рама (земное воплощение бога Вишну).

7

Рентгеновский пульсар — одна из разновидностей сильно замагниченной нейтронной звезды пульсара. В отличие от радиопульсаров, расходующих собственную энергию вращения на излучение, рентгеновские пульсары излучают за счёт поглощения вещества звезды-соседа, под действием пульсара постепенно превращающегося в белого карлика. https://ru.wikipedia.org/wiki/Пульсар.

8

Рага — в широком смысле — музыкально-эстетическая и этическая концепция, закон построения крупной музыкальной формы в рамках индийской классической музыки. https://ru.wikipedia.org/wiki/Рага.

9

В этой главе герои вспоминают события «Зеленого жемчуга». Программа «Универсальный солдат» — незавершенная разработка корпорации «Панна Моти» по внедрению в геном человека генов асура и создания на этой базе сверхлюдей.

10

Квартирмейстер у пиратов был вторым лицом на корабле и следил за порядком в общей повседневной жизни на борту. Квартирмейстер на пиратском корабле должен был обладать непоколебимым авторитетом, поскольку именно ему приходилось улаживать возникающие конфликты и следить за выполнением приказов капитана. При захвате судна квартирмейстер шел в авангарде абордажной команды, а после успешного захвата следил за тем, чтобы при разделе награбленного каждый согласно установленному уставу получил причитающуюся ему сумму. http://pirate-islands.com/%D0%BA%D0%B2%D0%B0%D1%80%D1%82%D0%B8%D1%80%D0%BC%D0%B5%D0%B9%D1%81%D1%82%D0%B5%D1%80-%D1%83-%D0%BF%D0%B8%D1%80%D0%B0%D1%82%D0%BE%D0%B2.

11

Пурохита — придворный жрец, брахман.

Рентгеновский пульсар. Первый открытый рентгеновский пульсар Центавр X-3 демонстрировал не только регулярные пульсации яркости с периодом около 4,8 секунды, но и регулярное изменение этого периода. Дальнейшие исследования показали, что изменение периода пульсаций в этой системе связано с эффектом Доплера при движении источника пульсаций по орбите в двойной системе.

13

Отсылка к событиям главы VI третьей части романа «Зеленый жемчуг».

Карнотит, настуран — минералы урана.

15

Кло́тик, клот (от нидерл. kloot — шар, набалдашник) — набалдашник закруглённой формы с выступающими краями на топе мачты или флагштока. Клотик изготовляется из дерева или металла. Внутри клотика устанавливают ролики фалов для подъёма сигнальных флагов, фонаря и др. Кроме того, клотик прикрывает торец мачты от влаги.

От киля до клотика — «снизу доверху», от низшей точки судна до высшей.

Отправить на клотик чай пить — излюбленная шутка над новичками-юнгами.

16

Чёрная ма́мба (лат. Dendroaspis polylepis) — ядовитая змея, распространённая в Африке.

17

Крайты (лат. Bungarus) — род ядовитых змей из семейства аспидов.

18

Варп-двигатель (англ. Warp drive, двигатель искривления) — вымышленная технология, которая, согласно гипотезе, позволит звездолёту, оснащённому таким двигателем, перемещаться со скоростью выше скорости света, и таким образом преодолевать межзвёздные расстояния за приемлемое время. Это возможно благодаря перераспределению так называемой «тёмной энергии» в охватывающем корабль пространстве таким образом, что позади корабля создаётся избыток «тёмной энергии», тогда как перед кораблем напротив создается область с недостаточным количеством тёмной энергии. При этом само судно оказывается в своеобразном «пузыре», оставаясь защищённым от воздействия пространственных деформаций. https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%92%D0%B0%D1%80%D0%BF-%D0%B4%D0%B2%D0%B8%D0%B3%D0%B0%D1%82%D0%B5%D0%BB%D1%8C.

19

Пузырь Алькубьерре — идея, основанная на решении уравнений Эйнштейна, предложенная мексиканским физиком-теоретиком Мигелем Алькубьерре, в которой космический аппарат может достичь сверхсветовой скорости. Движение выше скорости света невозможно для объектов с действительной ненулевой массой в нормальном пространстве-времени. Однако вместо перемещения выше скорости света в пределах локальной системы координат космический корабль может двигаться, сжимая пространство перед собой и расширяя его позади себя.

Урановые хвосты — отходы обогащения урановой руды.

21

Здесь и далее отсылка к событиям романа «Зеленый жемчуг».

22

Рокамадурская мадонна (Рокамадурская Богоматерь) — статуя-реликварий XII века, одна из так называемых Черных мадонн, одна из особо почитаемых католических святынь. Считается покровительницей моряков и узорешительницей. https://ru.wikipedia.org/wiki/Чёрная_мадонна.

23

Каракурт (от тюрк. karakurt, букв. «чёрное насекомое») — ядовитый паук, вид пауков из рода чёрных вдов.

24

Кули (от хинди: कूली букв. «работник») — в историографии термин широко использовался для описания наёмных работников, батраков, которых европейцы XVIII — нач. XX веков перевозили в качестве дешёвой рабочей силы из Индии и Китая в американские и африканские колонии, остро нуждавшиеся в рабочей силе после отмены рабства, массовой гибели индейцев от болезней, занесённых европейцами, ранее также из-за массового бегства негров-рабов в горы.

25

Testvér (венгерский) — брат.

26

Вакутейнер — одноразовое приспособление, предназначенное для забора проб венозной крови.

27

Натья — священный индуистский музыкально-танцевальный стиль, теоретическая основа которого была заложена в трактате Бхараты Муни «Натьяшастра» (IV века до н. э. — II век н. э.). Помимо собственно танца — нритты, натья включает в себя пение и абхинаю — искусство мимики.

28

Нейлер (гвоздезабивной пистолет) — инструмент, предназначенный для забивания крепежа без применения физической силы.

29

Девадаси — храмовая танцовщица.

Нритта — танец.

31

Пушпанджали, аларипу, джатисварама, варнама, тилана — последовательности танца.

32

Тороидальная вакуумная камера — тороидальная установка для магнитного удержания плазмы с целью достижения условий, необходимых для протекания управляемого термоядерного синтеза.

33

Олег Арсеньев — один из центральных персонажей романа «Молнии Великого Се». Здесь отсылка к событиям этой работы и соперничеству Арсеньева-Ветерка и Синеглаза.

34

Гравитацио́нный колла́пс — катастрофически быстрое сжатие массивных тел под действием гравитационных сил.

35

Предел Оппенгеймера — Волкова — верхний предел массы невращающейся нейтронной звезды, при которой она ещё не коллапсирует в чёрную дыру.

36

Горизо́нт собы́тий — воображаемая граница в пространстве-времени, разделяющая те события (точки пространства-времени), которые можно соединить с событиями на светоподобной (изотропной) бесконечности светоподобными геодезическими линиями (траекториями световых лучей), и те события, которые так соединить нельзя. Горизонт событий будущего является необходимым признаком чёрной дыры как научно подтверждённого объекта.

37

Гравитацио́нная сингуля́рность — точка в пространстве-времени, через которую невозможно гладко продолжить входящую в неё геодезическую линию. В таких областях становится неприменимым базовое приближение большинства физических теорий, в которых пространство-время рассматривается как гладкое многообразие без края.